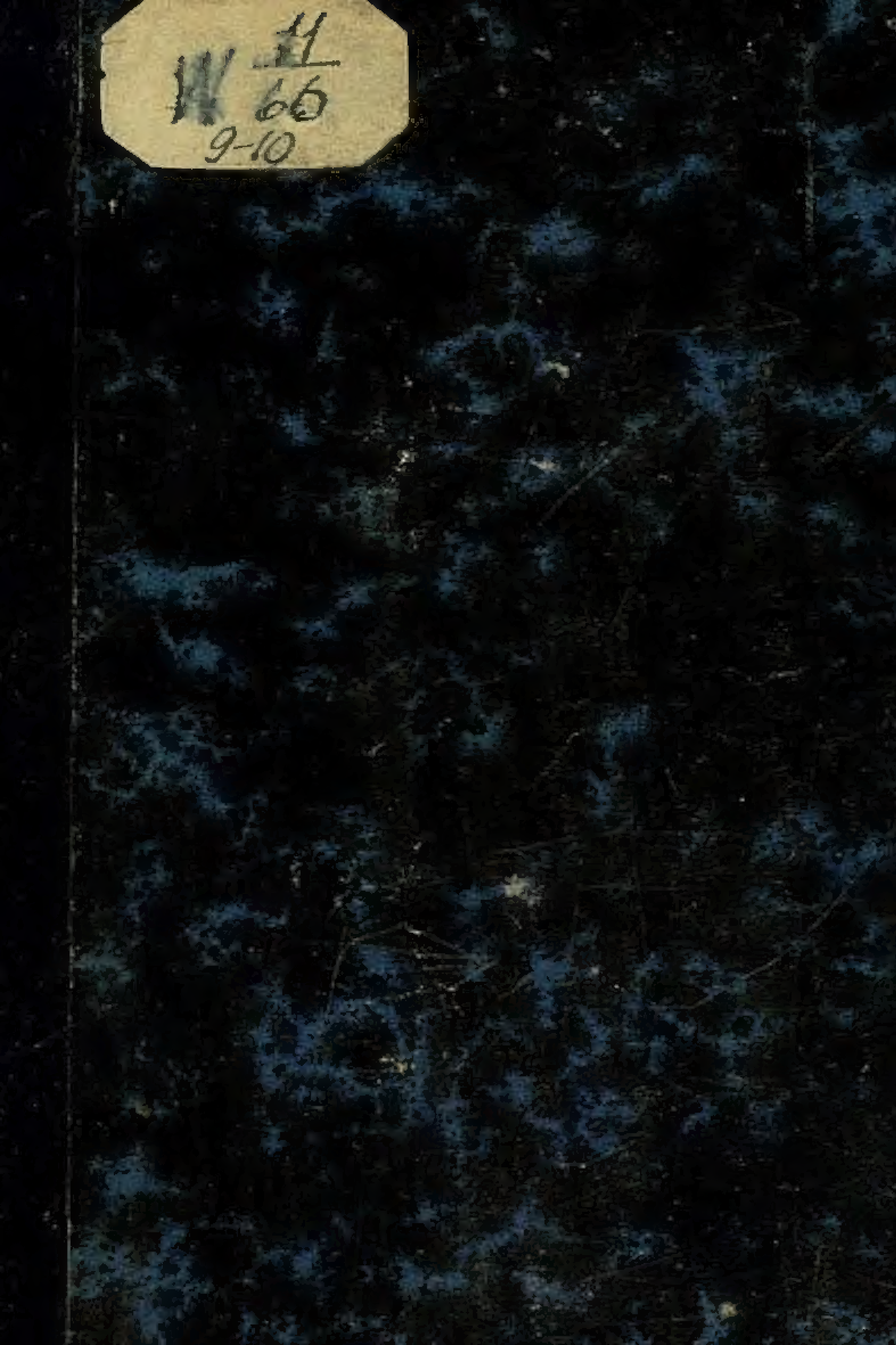

W 11/66
9-10

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

Bogen 31 fehlt

СОЧИНЕНІЯ КАРАМЗИНА.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ IX и X.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1852.

Цѣна за 10 томовъ 10 рубл. сер.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ IX.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1852.

ПЕЧАТАНО

по Высочайшему повелѣнію.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ IX.

ГЛАВА I.

Продолженіе царствованія Іоанна Грознаго.

Г. 1560—1564.

Перемѣна въ Іоаннѣ. Клевета на Адашева и Сильвестра. Судъ. Заточеніе Сильвестра. Смерть Адашева. Начало злу. Новые любимцы. Первыя казни. Война Ливонская. Великодушіе Беля. Взятіе Феллина. Слово Царя Казанскаго. Конецъ Ордена. Переговоры съ Швеціею. Война съ Литвою. Вторый бракъ Іоанновъ. Взятіе Полоцка. Рожденіе Царевича Василія. Торжество Іоанново. Смерть Царевича. Дѣла Крымскія. Замыслъ Султана. Происшествія въ Ливоніи. Перемиріе съ Швеціею. Злонравіе супруги Іоанновой. Кончина К. Юрія. Постриженіе Іоанновой невѣстки и матери К. Владиміра. Кончина Макарія. Сочиненіе Житій Святыхъ и Степенной Книги. Заведеніе Типографіи. Изданіе Библіи въ Острогѣ. Полоцкая Архіепископія. Бѣлый клобукъ Митрополитовъ. Посвященіе Аѳанасія въ Митрополиты.

Приступаемъ къ описанію ужасной перемѣны въ душѣ Царя и въ судьбѣ Царства. И Россіяне современные и чужеземцы, бывшіе тогда въ Москвѣ, изображаютъ се- Перемѣна въ Іоаннѣ. Г. 1560-1564.

го юнаго, тридцатилѣтняго Вѣнценосца какъ примѣръ Монарховъ благочестивыхъ, мудрыхъ, ревностныхъ ко славѣ и счастію Государства. Такъ изъясняются первые: «Обычай Іоанновъ «есть соблюдать себя чистымъ предъ Богомъ. И «въ храмѣ и въ молитвѣ уединенной, и въ Совѣ«тѣ Боярскомъ и среди народа у него одно чув«ство: *да властвую, какъ Всевышній указалъ «властвовать своимъ истиннымъ помазанникамъ!* «Судъ нелицемѣрный, безопасность каждаго и «общая, цѣлость порученныхъ ему Государствъ, «торжество Вѣры, свобода Христіанъ есть всег«дашняя дума его. Обремененный дѣлами, онъ «не знаетъ иныхъ утѣхъ, кромѣ совѣсти мир«ной, кромѣ удовольствія исполнять свою обя«занность; не хочетъ обыкновенныхъ *прохладъ* «Царскихъ. Ласковый къ Вельможамъ и наро«ду — любя, награждая всѣхъ по достоинству — «щедростію искореня бѣдность, а зло примѣ«ромъ добра, сей *Богомъ урожденный* Царь же«лаетъ въ день Страшнаго Суда услышать гласъ «Милости: *ты еси Царь правды!* и отвѣтствовать «съ умиленіемъ: *се азъ и люди, яже далъ ми еси «ты* (1)!» Не менѣе хвалятъ его и наблюдатели иноземные, Англичане, пріѣзжавшіе въ Россію для торговли. «Іоаннъ» — пишутъ они — «за«тмилъ своихъ предковъ и могуществомъ и до«бродѣтелію; имѣетъ многихъ враговъ, и сми«ряетъ ихъ. Литва, Польша, Швеція, Данія, Ли«вонія, Крымъ, Ногаи ужасаются Русскаго име«ни. Въ отношеніи къ подданнымъ онъ удиви-

«тельно снисходителенъ, привѣтливъ; любитъ «разговаривать съ ними, часто даетъ имъ обѣды «во дворцѣ, и, не смотря на то, умѣетъ быть по-«велительнымъ; скажетъ Боярину: *иди!* и Боя-«ринъ *бѣжитъ*; изъявитъ досаду Вельможѣ, и «Вельможа въ отчаяніи: скрывается, тоскуетъ «въ уединеніи, отпускаетъ волосы въ знакъ го-«рести, пока Царь не объявитъ ему прощенія. «Однимъ словомъ, нѣтъ народа въ Европѣ, бо-«лѣе Россіянъ преданнаго своему Государю, ко-«его они равно и страшатся и любятъ. Непре-«станно готовый слушать жалобы и помогать, «Іоаннъ во все входитъ, все рѣшитъ; не ску-«чаетъ дѣлами и не веселится ни звѣриною лов-«лею, ни музыкою, занимаясь единственно двумя «мыслями: какъ служить Богу, и какъ истреб-«лять враговъ Россіи (2)!»

Вѣроятно ли, чтобы Государь любимый, обожаемый, могъ съ такой высоты блага, счастія, славы, низвергнуться въ бездну ужасовъ тиранства? Но свидѣтельства добра и зла равно убѣдительны, неопровержимы; остается только представить сей удивительный феноменъ въ его постепенныхъ измѣненіяхъ (3).

Исторія не рѣшитъ вопроса о нравственной свободѣ человѣка; но предполагая оную въ сужденіи своемъ о дѣлахъ и характерахъ, изъясняетъ тѣ и другіе вопервыхъ природными свойствами людей, вовторыхъ обстоятельствами или впечатлѣніями предметовъ, дѣйствующихъ на душу. Іоаннъ родился съ пылкими страстями, съ

воображеніемъ сильнымъ, съ умомъ еще болѣе острымъ, нежели твердымъ или основательнымъ. Худое воспитаніе, испортивъ въ немъ естественныя склонности, оставило ему способъ къ исправленію въ одной Вѣрѣ; ибо самые дерзкіе развратители Царей не дерзали тогда касаться сего святаго чувства. Друзья отечества и блага въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ умѣли ея спасительными ужасами тронуть, поразить его сердце; исхитили юношу изъ сѣтей нѣги, и съ помощію набожной, кроткой Анастасіи увлекли на путь добродѣтели. Несчастныя слѣдствія Іоанновой болѣзни разстроили сей прекрасный союзъ, ослабили власть дружества, изготовили перемѣну. Государь возмужалъ: страсти зрѣютъ вмѣстѣ съ умомъ, и самолюбіе дѣйствуетъ еще сильнѣе въ лѣтахъ совершенныхъ. Пусть довѣренность Іоаннова къ разуму бывшихъ наставниковъ не умалилась; но довѣренность его къ самому себѣ увеличилась: благодарный имъ за мудрые совѣты, Государь престалъ чувствовать необходимость въ дальнѣйшемъ руководствѣ, и тѣмъ болѣе чувствовалъ тягость принужденія, когда они, не измѣняя старому обыкновенію, говорили смѣло, рѣшительно во всѣхъ случаяхъ и не думали угождать его человѣческой слабости. Такое прямодушіе казалось ему непристойною грубостію, оскорбительною для Монарха. На примѣръ, Адашевъ и Сильвестръ не одобряли войны Ливонской, утверждая, что надобно прежде всего искоренить невѣрныхъ, злыхъ враговъ

Россіи и Христа; что Ливонцы хотя и не Греческаго Исповѣданія, однакожь Христіане и для насъ не опасны; что Богъ благословляетъ только войны справедливыя, нужныя для цѣлости и свободы Государствъ (4). Дворъ былъ наполненъ людьми преданными симъ двумъ любимцамъ; но братья Анастасіи не любили ихъ, также и многіе обыкновенные завистники, не терпящіе никого выше себя. Послѣдніе не дремали, угадывали расположеніе Іоаннова сердца и внушали ему, что Сильвестръ и Адашевъ суть хитрые лицемѣры: проповѣдуя Небесную добродѣтель, хотятъ мірскихъ выгодъ; стоятъ высоко предъ трономъ и не даютъ народу видѣть Царя, желая присвоить себѣ успѣхи, славу его царствованія, и въ то же время препятствуютъ симъ успѣхамъ, совѣтуя Государю быть умѣреннымъ въ счастіи: ибо внутренно страшатся оныхъ, думая, что избытокъ славы можетъ дать ему справедливое чувство величія, опасное для ихъ властолюбія (5). Они говорили: «кто сіи люди, дер-«зающіе предписывать законы Царю великому и «мудрому, не только въ дѣлахъ государствен-«ныхъ, но и въ домашнихъ, семейственныхъ, въ «самомъ образѣ жизни; дерзающіе указывать «ему, какъ обходиться съ супругою, сколько «пить и ѣсть въ мѣру» (6)? ибо Сильвестръ, наставникъ Іоанновой совѣсти, всегда требовалъ отъ него воздержанія, умѣренности въ физическихъ наслажденіяхъ, къ коимъ юный Монархъ имѣлъ сильную склонность. Іоаннъ не унималъ

злословія, ибо уже скучалъ излишно строгими нравоученіями своихъ любимцевъ и хотѣлъ свободы; не мыслилъ оставить добродѣтели: желалъ единственно избавиться отъ учителей и доказать, что можетъ безъ нихъ обойтися. Бывали минуты, въ которыя природная его пылкость изливалась въ словахъ нескромныхъ, въ угрозахъ. Пишутъ, что скоро по завоеваніи Казани онъ, въ гнѣвѣ на одного Воеводу, сказалъ Вельможамъ: «теперь уже не боюсь васъ (7)!» Но великодушіе, оказанное имъ послѣ болѣзни, совершенно успокоило сердца. Тринадцать цвѣтущихъ лѣтъ жизни, проведенныхъ въ ревностномъ исполненіи святыхъ Царскихъ обязанностей, свидѣтельствовали, казалось, неизмѣнную вѣрность въ любви ко благу. Хотя Государь уже перемѣнился въ чувствѣ къ любимцамъ, но не перемѣнялся замѣтно въ правилахъ. Благочиніе царствовало въ Кремлевскомъ дворцѣ, усердіе и смѣлая откровенность въ Думѣ. Только въ дѣлахъ двусмысленныхъ, гдѣ истина или добро не были очевидны, Іоаннъ любилъ противорѣчить совѣтникамъ. Такъ было до весны 1560 года.

Въ сіе время холодность Государева къ Адашеву и къ Сильвестру столь явно обнаружилась, что они увидѣли необходимость удалиться отъ Двора. Первый, занимавъ дотолѣ важнѣйшее мѣсто въ Думѣ, и всегда употребляемый въ переговорахъ съ Европейскими Державами, хотѣлъ еще служить Царю инымъ способомъ: принялъ санъ Воеводы и поѣхалъ въ Ливонію (8);

а Сильвестръ, отъ чистаго сердца давъ Государю благословеніе, заключился въ одномъ пустынномъ монастырѣ ([9]). Друзья ихъ осиротѣли, непріятели восторжествовали; славили мудрость Царя и говорили: «нынѣ ты уже истинный Самодержецъ, по-«мазанникъ Божій; единъ управляешь зем-«лею; открылъ свои очи и зришь свободно «на все Царство ([10])!» Но сверженные любимцы казались имъ еще страшными. Вопреки извѣстной Государевой немилости, Адашева честили въ войскѣ; самые граждане Ливонскіе изъявляли отмѣнное къ нему уваженіе: все покорялось его уму и добродѣтели ([11]). Не менѣе и Сильвестръ, уже Монахъ смиренный, блисталъ добродѣтелями Христіанскими въ пустынѣ: Иноки съ удивленіемъ видѣли въ немъ примѣръ благочестія, любви, кротости. Царь могъ узнать о томъ, раскаяться, возвратить изгнанниковъ: надлежало довершить ударъ и сдѣлать Государя столь несправедливымъ, столь виновнымъ противъ сихъ мужей, чтобы онъ уже не могъ и мыслить объ искреннемъ мирѣ съ ними. Кончина Царицы подала къ тому случай.

Іоаннъ былъ растерзанъ горестію: всѣ вокругъ его проливали слезы, или отъ истинной жалости, или въ угодность Царю печальному — и въ сихъ-то слезахъ явилась гнусная клевета подъ личиною усер- Клевета на Адаше-

на и Сильвестра. дія, любви, будто бы приведенной въ ужасъ открытіемъ неслыханнаго злодѣйства. «Государь!» сказали Іоанну: «ты въ отчаяніи, Россія также, а два изверга торжествуютъ: добродѣтельную Царицу извели «Сильвестръ и Адашевъ, ея враги тайные «и *чародѣи:* ибо они безъ чародѣйства не «могли бы такъ долго владѣть умомъ тво«имъ (12).» Представили доказательства, которыя не убѣждали и самыхъ легковѣрныхъ; но Государь зналъ, что Анастасія со времени его болѣзни не любила ни Сильвестра, ни Адашева; думалъ, что они также не любили ее (13), и принялъ клевету, можетъ быть желая оправдать свою къ нимъ немилость, если не вѣрными уликами въ ихъ злодѣйствѣ, то хотя подозрѣніемъ. Свѣдавъ о семъ доносѣ, изгнанники писали къ Царю, требуя суда и очной ставки съ обвинителями. Послѣдняго не хотѣли враги ихъ, представляя ему, что они какъ василиски ядовиты, могутъ однимъ взоромъ снова очаровать его, и любимые народомъ, войскомъ, всѣми гражданами, произвести мятежъ; что страхъ сомкнетъ уста доносителямъ (14). Государь велѣлъ судить обвиняемыхъ заочно: Митрополитъ, Епископы, Бояре, многіе иные духовные и свѣтскіе чиновники собралися для того во дворцѣ. Въ числѣ судей были и коварные Монахи, Вассіанъ Бѣскій, Мисаилъ Суканъ,

Судъ.

главные злодѣи Сильвестровы. Читали не одно, но многія обвиненія, изъясняемыя самимъ Іоанномъ въ письмѣ къ Князю Андрею Курбскому (15). «Ради спасенія души моей» — пишетъ Царь — «приближилъ я къ себѣ Іерея Сильвестра, надѣясь, что онъ по своему сану и разуму будетъ «мнѣ споспѣшникомъ во благѣ; но сей лукавый «лицемѣръ, обольстивъ меня сладкорѣчіемъ, думалъ единственно о мірской власти и сдружился съ Адашевымъ, чтобы управлять Царствомъ «безъ Царя, ими презираемаго. Они снова вселили духъ своевольства въ Бояръ; раздали единомышленникамъ города и волости; сажали, «кого хотѣли, въ Думу; заняли всѣ мѣста своими «угодниками. Я былъ невольникомъ на тронѣ. «Могу ли описать претерпѣнное мною въ сіи «дни уничиженія и стыда? Какъ плѣнника влекутъ Царя съ горстію воиновъ сквозь опасную «землю непріятельскую (Казанскую) и не щадятъ «ни здравія, ни жизни его; вымышляютъ дѣтскія *страшила*, чтобы привести въ ужасъ мою «душу; велятъ мнѣ быть выше естества человѣческаго (16), запрещаютъ ѣздить по святымъ «Обителямъ, не дозволяютъ карать Нѣмцевъ..... «Къ симъ беззаконіямъ присоединяется измѣна: «когда я страдалъ въ тяжкой болѣзни, они, забывъ вѣрность и клятву, въ упоеніи самовластія хотѣли, мимо сына моего, взять себѣ иного Царя, и не тронутые, не исправленные нашимъ великодушіемъ, въ жестокости сердецъ «своихъ чѣмъ платили намъ за оное? новыми

«оскорбленіями: ненавидѣли, злословили Царицу Анастасію и во всемъ доброхотствовали «Князю Владиміру Андреевичу. И такъ удивительно ли, что я рѣшился наконецъ не быть «младенцемъ въ лѣтахъ мужества и свергнуть «иго, возложенное на Царство лукавымъ Попомъ «и не благодарнымъ слугою Алексіемъ?» и проч. Замѣтимъ, что Іоаннъ не обвиняетъ ихъ въ смерти Анастасіи, и тѣмъ свидѣтельствуетъ нелѣпую ложь сего доноса. Всѣ иные упреки отчасти сомнительны, отчасти безразсудны въ устахъ тридцатилѣтняго Самодержца, который признаніемъ своей бывшей неволи открываетъ тайну своей жалкой слабости. Адашевъ и Сильвестръ могли какъ люди ослѣпиться честолюбіемъ; но Государь симъ нескромнымъ обвиненіемъ уступилъ имъ славу прекраснѣйшаго въ Исторіи Царствованія. Увидимъ, какъ онъ безъ нихъ властвовалъ; и если не Іоаннъ, но любимцы его отъ 1547 до 1560 года управляли Россіею: то для счастія подданныхъ и Царя надлежало бы симъ добродѣльнымъ мужамъ не оставлять Государственнаго кормила: лучше неволею творить добро, нежели волею зло. Но гораздо вѣроятнѣе, что Іоаннъ, желая винить ихъ, клевещетъ на самого себя; гораздо вѣроятнѣе, что онъ искренно любилъ благо, узнавъ его прелесть, и наконецъ, увлеченный страстями, только обузданными, не искорененными, измѣнилъ правиламъ великодушія, сообщеннымъ ему мудрыми наставниками: ибо легче перемѣниться,

нежели такъ долго принуждать себя — и кому? Государю самовластному, который однимъ словомъ всегда могъ расторгнуть сію мнимую цѣпь неволи. Адашевъ, какъ совѣтникъ не одобряя войны Ливонской, служилъ Іоанну какъ поданный, какъ Министръ и воинъ усерднымъ орудіемъ для успѣховъ ея: слѣдственно Государь *повелѣвалъ* и, вопреки его жалобамъ, не былъ рабомъ любимцевъ.

Выслушавъ бумагу о преступленіяхъ Адашева и Сильвестра, нѣкоторые изъ судей объявили, что сіи злодѣи уличены и достойны казни; другіе, потупивъ глаза, безмолвствовали. Тутъ старецъ, Митрополитъ Макарій, близостію смерти и саномъ Первосвятительства утверждаемый въ обязанности говорить истину, сказалъ Царю, что надобно призвать и выслушать судимыхъ. Всѣ добросовѣстные Вельможи согласились съ симъ мнѣніемъ (17); но *сонмъ губителей*, по выраженію Курбскаго, возопилъ противъ онаго, доказывая, что люди осуждаемые чувствомъ Государя веледудраго, милостиваго, не могутъ представить никакого законнаго оправданія; что ихъ присутствіе и козни опасны; что спокойствіе Царя и отечества требуетъ немедленнаго рѣшенія въ семъ важномъ дѣлѣ. И такъ рѣшили, что обвиняемые виновны. Надлежало только опредѣлить казнь, и Го-

Заточеніе Сильвестра. сударь, еще желая имѣть видъ милосердія, умѣрилъ оную [18]: послали Сильвестра на дикій островъ Бѣлаго моря, въ уединенную Обитель Соловецкую, и велѣли Адашеву жить въ новопокоренномъ Феллинѣ, коего взятію онъ способствовалъ тогда своимъ умомъ и распоряженіями; но твердость и спокойствіе сего мужа досаждали злобнымъ гонителямъ: его заключили въ Дерптѣ, где онъ чрезъ два мѣсяца умеръ горячкою, къ радости своихъ непріятелей, которые сказали Царю, что *обличенный измѣнникъ отравилъ себя ядомъ* [19]..... мужъ незабвенный въ нашей Исторіи, краса вѣка и человѣчества, по вѣроятному *сказанію его друзей*: ибо сей знаменитый временщикъ явился вмѣстѣ съ добродѣтелію Царя и погибъ съ нею.... Феноменъ удивительный въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи, изъясняемый единственно неизмѣримою силою искренняго боголюбія, коего божественное вдохновеніе озаряетъ умъ естественный въ самой тмѣ невѣжества, и вѣрнѣе науки, вѣрнѣе ученой мудрости руководствуетъ людей къ великому. — Обязанный милости Іоанновой нѣкоторымъ избыткомъ, Адашевъ зналъ одну роскошь благодѣянія: питалъ нищихъ, держалъ въ своемъ домѣ десять прокаженныхъ, и собственными руками обмывалъ ихъ, усердно исполняя долгъ Христіа-

Смерть Адашева.

нія и всегда памятуя бѣдность человѣчества ([20]).

Отселѣ начало злу, и такимъ образомъ. Уже не было двухъ главныхъ дѣйствователей благословеннаго Іоаннова царствованія; но друзья ихъ, мысли и правила оставались: надлежало, истребивъ Адашева, истребить и духъ его, опасный для клеветниковъ добродѣтели, противный самому Государю въ сихъ новыхъ обстоятельствахъ. Требовали клятвы отъ всѣхъ Бояръ и знатныхъ людей не держаться стороны удаленныхъ, наказанныхъ *измѣнниковъ* и быть вѣрными Государю ([21]). Присягнули, одни съ радостію, другіе съ печалію, угадывая слѣдствія, которыя и открылись немедленно. Все, что прежде считалось достоинствомъ и способомъ угождать Царю, сдѣлалось предосудительно, напоминая Адашева и Сильвестра. Говорили Іоанну: «Всегда ли плакать тебѣ о «супругѣ? Найдешь другую, равно прелест«ную; но можешь неумѣренностію въ скор«би повредить своему здравію безцѣнному. «Богъ и народъ требуютъ, чтобы ты въ «земной горести искалъ и земнаго утѣше«нія.» Іоаннъ искренно любилъ супругу, но имѣлъ легкость во нравѣ, несогласную съ глубокими впечатлѣніями горести. Онъ безъ гнѣва внималъ утѣшителямъ — и чрезъ восемь дней по кончинѣ Анастасіи

Начало злу.

Митрополитъ, Святители, Бояре торжественно предложили ему искать невѣсты (22): законы пристойности были тогда не строги. Раздавъ по церквамъ и для бѣдныхъ нѣсколько тысячь рублей въ память усопшей, пославъ богатую милостыню въ Іерусалимъ, въ Грецію (23), Государь 18 Августа объявилъ, что намѣренъ жениться на сестрѣ Короля Польскаго (24).

Съ сего времени умолкъ плачь во дворцѣ. Начали забавлять Царя, сперва бесѣдою пріятною, шутками, а скоро и *свѣтлыми* пирами; напоминали другъ другу, что вино радуетъ сердце; смѣялись надъ старымъ обычаемъ умѣренности; называли постничество лицемѣріемъ (25). Дворецъ уже казался тѣснымъ для сихъ шумныхъ сборищъ: юныхъ Царевичей, брата Іоаннова Юрія и Казанскаго Царя Александра, перевели въ особенные домы (26). Ежедневно вымышлялись новыя потѣхи, игрища, на коихъ трезвость, самая важность, самая пристойность считались непристойностію. Еще многіе Бояре, сановники не могли вдругъ перемѣниться въ обычаяхъ; сидѣли за свѣтлою трапезою съ лицемъ туманнымъ, уклонялись отъ чаши, не пили и вздыхали: ихъ осмѣивали, унижали: лили имъ вино на голову (27). Между новыми любимцами Государевыми отличались Бояринъ Алексій Басмановъ, сынъ его, Крав-

Новые любимцы.

чій Ѳеодоръ, Князь Аѳанасій Вяземскій, Василій Грязной, Малюта Скуратовъ-Бѣльскій, готовые на все для удовлетворенія своему честолюбію. Прежде они подъ личиною благонравія терялись въ толпѣ обыкновенныхъ Царедворцевъ, но тогда выступили впередъ и, по симпатіи зла, вкрались въ душу Іоанна, пріятные ему какою-то легкостію ума, искусственною веселостію, хвастливымъ усердіемъ исполнять, предупреждать его волю какъ Божественную, безъ всякаго соображенія съ иными правилами, которыя обуздываютъ и благихъ Царей и благихъ слугъ Царскихъ, первыхъ въ ихъ желаніяхъ, вторыхъ въ исполненіи оныхъ. Старые друзья Іоанновы изъявляли любовь къ Государю и къ добродѣтели: новые только къ Государю, и казались тѣмъ любезнѣе. Они сговорились съ двумя или съ тремя Монахами, заслужившими довѣренность Іоаннову, людьми хитрыми, лукавыми, коимъ надлежало снисходительнымъ ученіемъ ободрять робкую совѣсть Царя и своимъ присутствіемъ какъ бы оправдывать безчиніе шумныхъ пировъ его. Курбскій въ особенности именуетъ здѣсь Чудовскаго Архимандрита Левкія, главнаго угодника придворнаго. Порокъ ведетъ къ пороку: женолюбивый Іоаннъ, разгорячаемый виномъ, забылъ цѣломудріе, и въ ожиданіи новой супруги для вѣчной, единственной любви, искалъ временныхъ предметовъ въ удовлетвореніе грубымъ вожделеніямъ чувственнымъ (28). Мнимая, прозрачная завѣса тайны не скрываетъ слабо-

стей Вѣнценосца: люди съ изумленіемъ спрашивали другъ у друга, какимъ гибельнымъ напитіемъ Государь, дотолѣ примѣръ воздержанія и чистоты душевной, могъ унизиться до распутства? Сіе безъ сомнѣнія великое зло произвело еще ужаснѣйшее. Развратники, указывая Царю на печальныя лица важныхъ Бояръ, шептали: «Вотъ «твои недоброхоты! Вопреки данной ими при«сягѣ, они живутъ Адашевскимъ обычаемъ, «сѣютъ вредные слухи, волнуютъ умы, хотятъ «прежняго своевольства» (29). Такіе ядовитые навѣты растравляли Іоанново сердце, уже безпокойное въ чувствѣ своихъ пороковъ; взоръ его мутился; изъ устъ вырывались слова грозныя. Обвиняя Бояръ въ злыхъ намѣреніяхъ, въ вѣроломствѣ, въ упорной привязанности къ ненавистной памяти мнимыхъ измѣнниковъ, онъ рѣшился быть строгимъ, и сдѣлался мучителемъ, коему равнаго едва ли найдемъ въ самыхъ Тацитовыхъ лѣтописяхъ! . . . . Не вдругъ конечно разсвирѣпѣла душа, нѣкогда благолюбивая: успѣхи добра и зла бываютъ постепенны; но Лѣтописцы не могли проникнуть въ ея внутренность; не могли видѣть въ ней боренія совѣсти съ мятежными страстями: видѣли только дѣла ужасныя, и называютъ тиранство Іоанново *чуждою бурею*, какъ бы изъ нѣдръ Ада посланною возмутить, истерзать Россію. Оно началося гоненіемъ всѣхъ ближнихъ Адашева (30): ихъ лишали собственности, ссылали въ мѣста дальнія. Народъ жалѣлъ о невинныхъ, проклиная

ласкателей, новыхъ совѣтниковъ Царскихъ; а Царь злобился и хотѣлъ мѣрами жестокости унять дерзость. Жена знатная, именемъ Марія ([31]), славилась въ Москвѣ Христіанскими добродѣтелями и дружбою Адашева: сказали, что она ненавидитъ и мыслитъ чародѣйствомъ извести Царя: ее казнили, вмѣстѣ съ пятью сыновьями; а скоро и многихъ иныхъ, обвиняемыхъ въ томъ же: знаменитаго воинскими подвигами Окольничаго, Данила Адашева, брата Алексіева, съ двѣнадцати-лѣтнимъ сыномъ ([32]) — трехъ Сатиныхъ, коихъ сестра была за Алексіемъ, и родственника его, Ивана Шишкина, съ женою и съ дѣтьми. Князь Дмитрій Оболенскій-Овчининъ, сынъ Воеводы, умершаго плѣнникомъ въ Литвѣ ([33]), погибъ, за нескромное слово. Оскорбленный надменностію юнаго любимца Государева, Ѳедора Басманова, Князь Дмитрій сказалъ ему: «мы служимъ Царю «трудами полезными, а ты гнусными дѣ«лами Содомскими!» Басмановъ принесъ жалобу Іоанну, который въ изступленіи гнѣва, за обѣдомъ, вонзилъ несчастному Князю ножъ въ сердце; другіе пишутъ, что онъ велѣлъ задушить его ([34]). Бояринъ, Князь Михайло Рѣпнинъ, также былъ жертвою великодушной смѣлости. Видя во дворцѣ непристойное игрище, гдѣ Царь, упоенный крѣпкимъ медомъ, плясалъ съ

Первыя казни.

своими любимцами въ маскахъ, сей Вельможа заплакалъ отъ горести. Іоаннъ хотѣлъ надѣть на него маску: Рѣпнинъ вырвалъ ее, растопталъ ногами и сказалъ: «Государю ли быть скоморохомъ? По крайней мѣрѣ я, Бояринъ и Совѣтникъ Думы, не могу безумствовать.» Царь выгналъ его и чрезъ нѣсколько дней велѣлъ умертвить, стоящаго въ святомъ храмѣ, на молитвѣ; кровь сего добродѣтельнаго мужа обагрила помостъ церковный ([35]). Угождая несчастному расположенію души Іоанновой, явились толпы доносителей. Подслушивали тихіе разговоры въ семействахъ, между друзьями; смотрѣли на лица, угадывали тайну мыслей, и гнусные клеветники не боялись выдумывать преступленій, ибо доносы нравились Государю и судія не требовалъ уликъ вѣрныхъ. Такъ, безъ вины, безъ суда, убили Князя Юрія Кашина, Члена Думы, и брата его; Князя Дмитрія Курлятева, друга Адашевыхъ, неволею постригли и скоро умертвили со всѣмъ семействомъ; первостепеннаго Вельможу, знатнаго *Слугу Государева*, побѣдителя Казанцевъ, Князя Михайла Воротынскаго, съ женою, съ сыномъ и съ дочерью сослали на Бѣлоозеро ([36]). Ужасъ Крымцевъ, Воевода, Бояринъ Иванъ Шереметевъ, былъ ввер-женъ въ душную темницу, истерзанъ, окованъ тяжкими цѣпями. Царь пришелъ къ нему и хладнокровно спросилъ: «гдѣ казна твоя? ты былъ богачемъ.» *Государь!* отвѣчалъ полумертвый страдалецъ: «*я руками нищихъ пере-*

«слалъ ее къ моему Христу Спасителю» (37)! Выпущенный изъ темницы, онъ еще нѣсколько лѣтъ присутствовалъ въ Думѣ; наконецъ укрылся отъ міра въ Пустынѣ Бѣлозерской, но не укрылся отъ гоненія: Іоаннъ писалъ къ тамошнимъ Монахамъ, что они излишно честятъ сего бывшаго Вельможу, какъ бы въ досаду Царю. Братъ его, Никита Шереметевъ, также Думный Совѣтникъ и Воевода, израненный въ битвахъ за отечество, былъ удавленъ.

Москва цѣпенѣла въ страхѣ. Кровь лилася; въ темницахъ, въ монастыряхъ стенали жертвы; но . . . . . тиранство еще созрѣвало: настоящее ужасало будущимъ! Нѣтъ исправленія для мучителя, всегда болѣе и болѣе подозрительнаго, болѣе и болѣе свирѣпаго; кровопійство не утоляетъ, но усиливаетъ жажду крови: оно дѣлается лютѣйшею изъ страстей, неизъяснимою для ума, ибо есть безуміе, казнь народовъ и самого тирана.—Любопытно видѣть, какъ сей Государь, до конца жизни усердный чтитель Христіанскаго Закона, хотѣлъ соглашать его божественное ученіе съ своею неслыханною жестокостію: то оправдывалъ оную въ видѣ правосудія, утверждая, что всѣ ея мученики были измѣнники, *чародѣи*, враги Христа и Россіи; то смиренно винился предъ Богомъ и людьми, называлъ себя *гнуснымъ убійцею невинныхъ*, приказывалъ молиться за нихъ въ святыхъ храмахъ, но утѣшался надеждою, что искреннее раскаяніе будетъ ему спасеніемъ, и что онъ, сложивъ съ

себя земное величіе, въ мирной Обители Св. Кирилла Бѣлозерскаго со временемъ будетъ примѣрнымъ Инокомъ ([38])! Такъ писалъ Іоаннъ къ Князю Андрею Курбскому и къ начальникамъ любимыхъ имъ монастырей, во свидѣтельство, что гласъ неумолимой совѣсти тревожилъ мутный сонъ души его, готовя ее къ незапному, страшному пробужденію въ могилѣ!

Оставимъ до времени ужасы тиранства, чтобы слѣдовать за теченіемъ государственныхъ дѣлъ, въ коихъ природный умъ Іоанновъ еще былъ видѣнъ какъ лучь свѣта посреди облаковъ темныхъ.

Война Ливонская.

Успѣхи наши въ войнѣ Ливонской заключились ударомъ сильнымъ, рѣшительнымъ. Государь (въ 1560 году) послалъ въ Дерптъ еще новую рать, 60,000 конницы и пѣхоты, 40 осадныхъ пушекъ и 50 полевыхъ, съ знатнѣйшими Воеводами, Князьями Иваномъ Мстиславскимъ и Петромъ Шуйскимъ, чтобы непремѣнно взять Феллинъ, главную защиту Ливоніи, гдѣ заключился бывшій Магистръ Фирстенбергъ ([39]). Полки Московскіе шли медленно берегомъ рѣки Эмбаха; тяжелый снарядъ огнестрѣльный везли на судахъ; а Воевода, Князь Барбашинъ, съ 12,000 легкихъ всадниковъ спѣшилъ занять дорогу къ морю: ибо носился слухъ, что Фирстенбергъ отправляетъ для безопасности богатую казну въ

Габзаль. Утомивъ коней, Барбашинъ отдыхалъ верстахъ въ пяти отъ Эрмиса, и въ жаркій полдень, когда воины его спали въ тѣни, сдѣлалась тревога: 500 Нѣмецкихъ всадниковъ и столько же пѣхоты, подъ начальствомъ храбраго Ландмаршала, Филиппа Беля (40), съ крикомъ и воплемъ устремились изъ лѣса къ нашему тихому стану, оберегаемому малочисленною стражею. Россіяне хотя и знали о близости непріятеля, но думали, что онъ не вступитъ въ битву съ ихъ превосходною силою. Внезапность дала ему только минутную выгоду: послѣ перваго замѣшательства, Россіяне остановили, стѣснили Нѣмцевъ и всѣхъ до единаго истребили, взявъ въ плѣнъ 11 Коммандоровъ и 120 Рыцарей, въ числѣ коихъ находился и главный Предводитель. Утрата столь многихъ чиновниковъ, особенно Ландмаршала, называемаго послѣднимъ, ревностнымъ защитникомъ, послѣднею надеждою Ливоніи, была величайшимъ бѣдствіемъ для Ордена (41). Представленный Воеводамъ Московскимъ, сей знаменитый мужъ не измѣнился въ своей душевной твердости; не таилъ внутренней скорби, но взиралъ на нихъ съ гордымъ величіемъ; отвѣтствовалъ на всѣ вопросы искренно, спокойно, смѣло. Курбскій, хваля его характеръ, умъ, краснорѣчіе, повѣствуетъ слѣдующее:

Великодушіе Беля.

«Стараясь привѣтливостію смягчить жестокую «долю сего необыкновеннаго человѣка, мы за «обѣдомъ ласково бесѣдовали съ нимъ объ Исто-«ріи Ливонскаго Ордена. *Когда* — сказалъ онъ — «*усердіе къ истинной Вѣрѣ, добродѣтель, благо-«честіе, обитали въ сердцахъ нашихъ: тогда Го-«сподь явно помогалъ намъ; не боялись мы ни «Россіянъ, ни Литовскихъ Князей. Вы слыхали о «той славной, достопамятной битвѣ съ грознымъ «Витовтомъ, въ коей легли шесть Магистровъ «Орденскихъ, одинъ за другимъ избранныхъ для «предводительства* (42)*: таковы были древніе Ры-«цари; таковы и новѣйшіе, съ коими имѣлъ войну «дѣдъ нынѣшняго Царя Московскаго, Іоаннъ Ве-«ликій, и которые столь мужественно сража-«лись съ вашимъ славнымъ Воеводою Даніиломъ* (43). «*Когда же мы отступили отъ Бога, испровергли «уставы истинной Вѣры, пріяли новую, изобрѣ-«тенную умомъ человѣческимъ въ угодность стра-«стямъ; когда забыли чистоту нравовъ, вдались «въ гнусное сластолюбіе, необузданно устреми-«лись на широкій путь разврата: тогда Богъ пре-«далъ Орденъ въ руки ваши. Грады красные, твер-«дыни высокія, палаты и дворы свѣтлые, создан-«ные нашими предками, — сады и винограды, ими «насажденные, безъ труда вамъ достались. Но «что говорю о Россіянахъ! по крайней мѣрѣ вы «брали мечемъ: другіе* (Поляки) *меча не обна-«жали, а брали, лукаво обѣщая намъ дружбу, «защиту, вспоможеніе. Вотъ ихъ дружба: сто-«имъ предъ вами въ узахъ, и милое отечество гиб-*

«нетъ! . . . . Нѣтъ, не думайте, чтобы вы добле-«стію побѣдили насъ: Богъ вами казнитъ грѣш-«никовъ! Тутъ онъ залился слезами, отеръ ихъ, «и съ лицемъ свѣтлымъ примолвилъ: *Но я бла-«годарю Всевышняго и въ оковахъ: сладостно тер-«пѣть за отечество, и не боюся смерти!* — Вое-«воды Россійскіе слушали его съ любопыт-«ствомъ, съ сердечнымъ умиленіемъ, и пославъ «въ Москву вмѣстѣ со всѣми плѣнниками, убѣ-«дительно писали къ Государю, чтобы онъ изъ-«явилъ милосердіе къ сему добродѣтельному ви-«тязю, который, будучи столь уважаемъ въ Ливо-«ніи, могъ оказать намъ великія услуги и скло-«нить Магистра къ покорности. Но Іоаннъ уже «любилъ тогда жестокость: призвавъ его къ «себѣ, началъ говорить съ нимъ гнѣвно. Вели-«кодушный плѣнникъ отвѣтствовалъ, что Ливо-«нія стоитъ за честь, за свободу, и гнушается «рабствомъ; что мы ведемъ войну какъ лютые «варвары и кровопійцы. Іоаннъ велѣлъ отсѣчь «ему голову» — за *противное* слово (говоритъ Лѣтописецъ) и за вѣроломное нарушеніе перемирія (44). Невольно удивляясь смѣлой твердости Беля, Іоаннъ послалъ остановить казнь; но она между тѣмъ совершилась (45).

Полководцы наши, осадивъ Феллинъ, разбили пушками стѣны и въ одну ночь зажгли городъ въ разныхъ мѣстахъ. Тогда воины Нѣмецкіе объявили Фирстенбергу, что надобно вступить въ переговоры. Тщетно сей знаменитый старецъ убѣждалъ ихъ не измѣнять чести и долгу, пред-

лагая имъ всѣ свои сокровища, золото и серебро, въ награду за мужество: наемники не хотѣли вѣрной смерти, ибо ни откуда не могли ждать помощи. Фирстенбергъ требовалъ, чтобы Россіяне выпустили его съ казною: Совѣтъ Боярскій не принялъ сего условія, отвѣтствуя, что Государь для чести желаетъ имѣть Магистра плѣнникомъ, а изъ великодушія обѣщаетъ ему милость. Выпустили только воиновъ Нѣмецкихъ (21 Августа); но узнавъ, что они разломали сундуки Фирстенберговы и похитили многія драгоцѣнности, свезенныя Ливонскимъ Дворянствомъ въ Феллинъ, Князь Мстиславскій велѣлъ отнять у нихъ все, взятое ими беззаконно, даже и собственность, такъ, что сіи несчастные пришли нагіе въ Ригу, гдѣ Кетлеръ повѣсилъ ихъ какъ измѣнниковъ ([46]). Занявъ городъ, Россіяне удивились малодушію Нѣмцевъ, которые могли бы долго противиться величайшимъ усиліямъ осаждающихъ, имѣя въ немъ три каменныя крѣпости съ глубокими рвами, 450 пушекъ и множество всякихъ запасовъ ([47]). «Такая «робость непріятелей (говорили они) есть «милость Божія къ Царю православному.» Когда плѣнники Феллинскіе прибыли въ Москву, Іоаннъ велѣлъ показать ихъ народу и водить изъ улицы въ улицу ([48]). Пишутъ, что Царь Казанскій, находясь въ

Взятіе Феллина.

числѣ любопытныхъ зрителей сего торжества, плюнулъ на одного Нѣмецкаго сановника, сказавъ ему: «За дѣло вамъ, безумцамъ! Вы научили Русскихъ владѣть оружіемъ: погубили насъ и самихъ себя!» — Государь принялъ Фирстенберга весьма благосклонно; исполнилъ всѣ обѣщанія Воеводъ и далъ ему Костромское мѣстечко Любимъ во владѣніе, гдѣ онъ и кончилъ дни свои, жалуясь на Судьбу, но искренно хваля милосердіе Іоанново (49). Слово Царя Казанскаго.

Паденіе Феллина предвѣстило совершенное паденіе Ордена. Города Тарвастъ, Руя, Верполь и многіе укрѣпленные замки сдалися. Князь Андрей Курбскій разбилъ новаго Орденскаго Ландмаршала близъ Вольмара, и свѣдавъ, что легкіе отряды Литовскіе приближаются къ Вендену, встрѣтилъ ихъ какъ непріятелей, обратилъ въ бѣгство, выгналъ изъ предѣловъ Ливоніи (50). Воевода Яковлевъ, опустошивъ приморскую часть Эстоніи, захватилъ множество скота и богатства, ибо знатнѣйшіе жители Гарріи укрывалися тамъ съ своимъ имѣніемъ. Онъ шелъ мимо Ревеля: смѣлые граждане, числомъ менѣе тысячи, сдѣлали вылазку и были жертвою нашей превосходной силы; легли на мѣстѣ или отдалися въ плѣнъ. Вѣроятно, что Россіяне могли бы овладѣть тогда и Ревелемъ; но главный Воевода, Князь Мстиславскій, на пути къ

нему хотѣлъ безъ Государева повелѣнія взять крѣпкій, окруженный вязкими ржавцами Вейсенштеинъ: стоялъ подъ нимъ шесть недѣль, не отважился на приступъ, издержалъ всѣ запасы и долженъ былъ осенью возвратиться въ Россію (51).

Въ сіе время Ливонія уже перестала мыслить о сохраненіи независимости: изнуренная безполезными усиліями, она искала только лучшаго Властелина, чтобы спасти бѣдные остатки свои отъ плѣна и мѣча Россіянъ. Фридерикъ, Король Датскій, хотѣлъ Эстоніи, и купилъ для своего брата, Магнуса, Епископство Эзельское: сей юный Принцъ, осужденный быть удивительнымъ игралищемъ Судьбы, весною 1560 года прибылъ въ Габзаль съ лестными обѣщаніями для Рыцарства. Король Шведскій не показывалъ властолюбивыхъ замысловъ на Орденскія земли, но боясь успѣховъ Россіи, далъ знать Магистру, что онъ готовъ снабдить Ревель воинскими запасами; что тамошніе жители, въ случаѣ осады, могутъ прислать женъ и дѣтей въ Финляндію; что Швеція, забывая невѣрность Ордена, искренно ему благопріятствуетъ и никогда не согласится на его уничтоженіе (52). Такъ думалъ старецъ Густавъ Ваза, умершій въ концѣ 1560 года. Новый Король Эрикъ дѣйствовалъ рѣшительнѣе: представилъ Чинамъ Эстонскимъ съ одной стороны неминуемую гибель, съ другой защиту, спасеніе, и безъ великаго труда убѣдилъ ихъ объявить себя подданными Швеціи,

къ досадѣ Магистра, который находился въ тайныхъ переговорахъ съ Сигизмундомъ. Сіе важное происшествіе ускорило развязку Драмы. Видя, что ветхое зданіе Ордена рушится, Кетлеръ, Архіепископъ Рижскій и Депутаты Ливоніи спѣшили въ Вильну, гдѣ 28 Ноября, 1561 года, въ присутствіи Короля и Вельможъ Литовскихъ, навѣки уничтожилось бытіе знаменитаго *Братства Меченосцевъ*, въ силу торжественнаго, клятвою утвержденнаго договора, по коему Сигизмундъ-Августъ былъ признанъ Государемъ Ливоніи — съ условіемъ не измѣнять ни Вѣры ея, ни законовъ, ни правъ гражданскихъ — а Кетлеръ наслѣдственнымъ Герцогомъ Курляндіи, Вассаломъ или подручникомъ Королевскимъ (53). Въ сей достопамятной грамотѣ сказано, что «Ливонія, терзаемая лютѣйшимъ изъ враговъ, не можетъ спастися безъ тѣснаго соединенія съ Королевствомъ Польскимъ; что Сигизмундъ обязанъ вступиться за Христіанъ, утѣсняемыхъ варварами; что онъ изгонитъ Россіянъ и внесетъ войну въ собственную ихъ землю: ибо лучше питаться кровію непріятеля, нежели питать его своею.» Возвратясь въ Ригу, Кетлеръ всенародно сложилъ съ себя достоинство Магистра, крестъ и мантію: Рыцари также, проливая слезы. Присягнувъ въ вѣрности къ Королю, онъ вручилъ его Намѣст-

Конецъ Ордена.

нику, Князю Николаю Радзивилу, печать Ордена, грамоты Императоровъ и ключи городскіе; а Радзивилъ, именемъ Короля, далъ ему санъ Лівонскаго Правителя. — Такимъ образомъ земли Орденскія раздѣлились на пять частей: Нарва, Дерптъ, Аллентакенъ, нѣкоторые Уѣзды Ервенскіе, Вирландскіе и всѣ мѣста сосѣдственныя съ Россіею были завоеваны Іоанномъ; Швеція взяла Гаррію, Ревель и половину Вирландіи; Магнусъ владѣлъ Эзелемъ; Готгардъ Кетлеръ Курляндіею и Семигаліею; Сигизмундъ южною Ливоніею (54). Каждый изъ сихъ Владѣтелей старался пріобрѣсти любовь новыхъ подданныхъ: ибо самъ Іоаннъ, ужасный въ видѣ непріятеля, изъявлялъ милость народу и Дворянству въ областяхъ завоеванныхъ. Но конецъ Ордена еще не могъ быть концемъ бѣдствій для стѣсненной Ливоніи, гдѣ четыре Сѣверныя Державы находились въ опасномъ совмѣстничествѣ другъ съ другомъ, и гдѣ каждая изъ нихъ желала распространить свое господство.

Въ то время, когда Шведское войско уже вступало въ Ревель, Эрикъ предлагалъ намъ миръ и дружбу, но съ условіемъ относиться во всемъ къ самому Царю, не къ Намѣстникамъ Новогородскимъ, и выключить изъ прежняго договора важную статью, коею Густавъ Ваза обязывался не помо-

Переговоры съ Швеціею.

гать ни Литвѣ, ни Ордену. Чиновники Шведскіе въ переговорахъ съ Московскими Боярами сказали имъ въ угрозу: «Императоръ, Король «Сигизмундъ и Фридерикъ Датскій убѣждаютъ «Государя нашего вмѣстѣ съ ними воевать Россію. Послы ихъ въ Стокгольмѣ: Эрикъ не далъ «имъ рѣшительнаго отвѣта, ибо ждетъ вашего» ([55]). Бояре объявили, что Россія семь вѣковъ слѣдуетъ одной системѣ политической и не измѣняетъ старыхъ своихъ обычаевъ. «Въ Швеціи» — говорили они — «было много Владѣтелей «до Эрика: который же не сносился съ Новымгородомъ? Уставъ Ваза, не хотѣвъ того, видѣлъ «ужасное опустошеніе земли своей и смирился. «Густавъ славился мудростію, а Эрикъ еще неизвѣстенъ. Легко начать злое дѣло, но трудно «исправить его. Іоаннъ захотѣлъ — и взялъ два «Царства: что сдѣлалъ вашъ Король новый? «Или снова утвердите грамоту отца его, или вы «еще не доѣдете до Стокгольма, а война уже запылаетъ — и не скоро угаснетъ ея пламя. Вы «пугаете насъ Литвою, Цесаремъ, Даніею: будьте друзьями всѣхъ Царей и Королей: не устрашимся.» Сія твердость принудила Шведовъ возобновить старый договоръ. Хотя Іоаннъ не могъ безъ досады свѣдать о происшедшемъ въ Эстоніи; хотя чиновники Новогородскіе, посланные въ Стокгольмъ съ мирною грамотою, жаловались Царю, что Эрикъ принялъ ихъ весьма грубо (и даже предлагалъ имъ ѣсть мясо въ постные дни); хотя они дали знать Королю, что

мы не будемъ равнодушными зрителями его властолюбія: однакожь миръ состоялся, ибо Царь не хотѣлъ умножать числа враговъ своихъ до времени, чтобы управиться съ главнымъ, то есть съ Литвою.

Мы говорили о сватовствѣ Іоанновомъ: онъ не сомнѣвался въ успѣхѣ его, и весьма ошибся, къ прискорбію своего самолюбія. Послы наши, отправленные въ Вильну, торжественно говорили Сигизмунду о мирѣ, а тайно о желаніи Царя быть ему зятемъ. Имъ надлежало выбрать или большую сестру Королевскую, Анну, или меньшую, Екатерину, смотря по ихъ *красотѣ, здоровью* и *дородству* (38). Они избрали Екатерину. Сигизмундъ отвѣтствовалъ, что для сего нужно согласіе Императора, Князя Брауншвейгскаго и Короля Венгерскаго, ея покровителей и родственниковъ; что приданое невѣсты, хранимое въ Польской казнѣ, состоитъ изъ цѣпей, запонъ, платья и золота, всего на 100,000 червонныхъ; что хотя и не слѣдовало бы выдать меньшую сестру прежде большой, но онъ не противится сему браку, съ условіемъ, чтобы Екатерина осталась въ Римскомъ законѣ. Послы желали представиться невѣстѣ: имъ дозволили видѣть ее въ церкви и вручили портреты обѣихъ сестеръ. — Но Сигизмундъ, увѣренный въ необходимости войны за Ливонію, считалъ безполезнымъ свойство съ Іоанномъ. Прославъ въ Москву Маршалка Шимковича будто бы для договора о мирѣ и сватовствѣ, онъ требовалъ Но-

вагорода, Пскова, земли Сѣверской, Смоленска [57]! Посолъ уѣхалъ, и непріятельскія дѣйствія начались тѣмъ, что Литовскій Гетманъ Радзивилъ, вступивъ съ войскомъ въ Ливонію, взялъ городъ Тарвастъ [58]: осада продолжалась пять недѣль, а Воеводы Московскіе не успѣли дать ему помощи; собирались, готовились и не хотѣли слушаться другъ друга, считаясь въ старѣйшинствѣ между собою. Тогдашняя строгость Іоаннова не унимала зловреднаго Мѣстничества, и Государь, казня Вельможъ за одно слово нескромное, за укорительный взглядъ, за великодушную смѣлость, изъявлялъ снисхожденіе къ сему старому обычаю. Подвиги нашего многочисленнаго войска состояли единственно въ новомъ опустошеніи нѣкоторыхъ Ливонскихъ селеній. Князь Василій Глинскій и Петръ Серебряный ходили въ слѣдъ за Радзивиломъ и побили его отрядъ близъ Пернау. Литовцы, занявъ важнѣйшія крѣпости, не остались въ Тарвастѣ: Іоаннъ велѣлъ разорить сей городъ до основанія [59]!

Тогда Сигизмундъ написалъ къ Царю, что долго и безполезно убѣждавъ его оставить Ливонію въ покоѣ, онъ долженъ прибѣгнуть къ оружію; что Радзивилъ, взявъ Тарвастъ, выпустилъ оттуда Россіянъ; что виновникъ кровопролитія дастъ отвѣтъ Бо- Война съ Литвою.

гу; что мы еще можемъ отвратить войну, если выведемъ войско изъ бывшихъ Орденскихъ владѣній и заплатимъ всѣ убытки, или Европа увидитъ, на чьей сторонѣ правда и месть великодушная, на чьей лютость и стыдъ. Вручителю письма, Дворянину Корсаку, единовѣрцу нашему, Бояре объявили, что ему не будетъ оказано Посольской чести, ибо грамота Королевская исполнена выраженій непристойныхъ; а Царь отвѣчалъ Сигизмунду: «Ты умѣешь сла-«гать вину свою на другихъ. Мы всегда ува-«жали твои *справедливыя* требованія; но забывъ «условія предковъ и собственную присягу, ты «вступаешься въ древнее достояніе Россіи: ибо «Ливонія наша, была и будетъ. Упрекаешь «меня гордостію, властолюбіемъ: совѣсть моя «покойна; я воевалъ единственно для того, что-«бы даровать свободу Христіанамъ, казнить «невѣрныхъ или вѣроломныхъ. Не ты ли скло-«няешь Короля Шведскаго къ нарушенію за-«ключеннаго имъ съ Новымгородомъ мира? Не «ты ли, говоря со мною о дружбѣ и сватов-«ствѣ, зовешь Крымцевъ воевать мою землю? «Грамота твоя къ Хану у меня въ рукахъ: при-«лагаю списокъ ея, да устыдишься (60) . . . . И «такъ уже знаемъ тебя совершенно, и болѣе «знать нечего. Возлагаемъ надежду на Судію «Небеснаго: Онъ воздастъ тебѣ по твоей злой «хитрости и неправдѣ.»

Тогда Іоаннъ, уже рѣшительно оставивъ мысль быть Сигизмундовымъ зятемъ, искалъ

себѣ другой невѣсты, въ земляхъ Азіатскихъ, по примѣру нашихъ древнихъ Князей. Ему сказали, что одинъ изъ знатнѣйшихъ Черкесскихъ Владѣтелей, Темгрюкъ, имѣетъ прелестную дочь: Царь хотѣлъ видѣть ее въ Москвѣ, полюбилъ и велѣлъ учить Закону. Митрополитъ былъ ея воспріемникомъ отъ купѣли, давъ ей Христіанское имя Маріи (61). Бракъ совершился 21 Августа 1561 года; но Іоаннъ не переставалъ жалѣть о Екатеринѣ, по крайней мѣрѣ досадовать, готовясь мстить Королю и за Ливонію и за отказъ въ сватовствѣ, оскорбительный для гордости жениха. Вторый бракъ Іоанновъ.

Однакожь, не смотря на взаимныя угрозы, воинскія дѣйствія съ обѣихъ сторонъ были слабы: Іоаннъ опасался Хана и держалъ полки въ южной Россіи, гдѣ предводительствовалъ ими Князь Владиміръ Андреевичь (62); а Сигизмундъ, разставивъ войско по крѣпостямъ въ Ливоніи, имѣлъ въ полѣ только малые отряды, которые приступали къ Опочкѣ, къ Невлю. Князь Петръ Серебряный разбилъ Литовцевъ близъ Мстиславля: Курбскій выжегъ предмѣстіе Витебска; другіе Воеводы изъ Смоленска ходили къ Дубровнѣ, Оршѣ, Копысу, Шклову. Болѣе грабили, нежели сражались (63). Панъ Холкѣвичь, Предводитель Сигизмундова войска въ Ливоніи, Г. 1562.

убѣждалъ нашихъ Воеводъ не тратить людей въ безполезныхъ сшибкахъ. Начались-было и мирные переговоры: Вельможи Литовскіе писали къ Митрополиту и Боярамъ Московскимъ, чтобы они своимъ ходатайствомъ уняли кровопролитіе. Старецъ Макарій велѣлъ сказать имъ: «знаю только «дѣла церковныя; не *стужайте* мнѣ госу-«дарственными;» а Бояре объявили, что Іоаннъ согласенъ на миръ, если Сигизмундъ не будетъ спорить съ нами ни о Ливоніи, ни о титулѣ Царскомъ. «Вспомни-«те» — прибавили они — «что и самая «Литва есть отчина Государей Москов-«скихъ! Для спокойствія обѣихъ Державъ «Іоаннъ хотѣлъ жениться на вашей Коро-«левнѣ: Сигизмундъ отвергнулъ его пред-«ложеніе — и для чего? безъ сомнѣнія въ «угодность Хану! Еще можно исправить «зло: пользуйтесь временемъ» (64)! Но 1563 годъ наступалъ; а Послы Королевскіе, ожидаемые въ Москвѣ, не являлись: уже не боясь Хана, который, вступивъ въ южную Россію, бѣжалъ назадъ отъ города Мценска (65), Іоаннъ замыслилъ нанести важный ударъ Литвѣ.

Въ началѣ зимы собралися полки въ Можайскѣ: самъ Государь отправился туда Декабря 23; а съ нимъ Князь Владиміръ Андреевичь, Цари Казанскіе, Александръ и Симеонъ, Царевичи Ибакъ, Тохтамышъ,

Бекбулатъ, Кайбула, и сверхъ знатнѣйшихъ Воеводъ двѣнадцать Бояръ Думныхъ, 5 Окольничихъ, 16 Дьяковъ. Воиновъ было, какъ увѣряютъ, 280,000, обозныхъ людей 80,900, а пушекъ 200 ([66]). Сіе огромное, необыкновенное ополченіе столь незапно вступило въ Литву, что Король, находясь въ Польшѣ, не хотѣлъ вѣрить первой о томъ вѣсти. Іоаннъ 31 Генваря осадилъ Полоцкъ, и 7 Февраля взялъ укрѣпленія внѣшнія. Тутъ узнали, что 40,000 Литовцевъ съ двадцатью пушками идутъ отъ Минска: Гетманъ Радзивилъ предводительствовалъ ими; онъ далъ слово Королю спасти осажденный городъ, но встрѣченный Московскими Воеводами, Князьями Юріемъ Рѣпнинымъ и Симеономъ Палицкимъ, не отважился на битву; хотѣлъ единственно тревожить Россіянъ, и не успѣлъ ничего сдѣлать: ибо городъ 15 Февраля былъ уже въ рукахъ Іоанновыхъ. Тамошній начальникъ, именемъ Довойна, услужилъ Царю своею безразсудностію: впустилъ въ крѣпость 20,000 поселянъ, и чрезъ нѣсколько дней выгнавъ ихъ, далъ случай Іоанну явить опасное въ такихъ случаяхъ великодушіе. Сіи несчастные шли на вѣрную смерть и были приняты въ Московскомъ станѣ какъ братья: изъ благодарности они указали намъ множество хлѣба, зарытаго ими въ глубокихъ ямахъ, и тайно извѣ- г. 1563.

стиліи гражданъ, что Царь есть отецъ всѣхъ единовѣрныхъ: побѣждая, милуетъ (67). Между тѣмъ ядра сыпались въ городъ; стѣны падали (68), и малодушный Воевода, въ угодность жителямъ, спѣшилъ заключить выгодный договоръ съ непріятелемъ снисходительнымъ, который обѣщалъ свободу личную, цѣлость имѣнія — и не сдержалъ слова. Полоцкъ славился торговлею, промышленостію, избыткомъ: Іоаннъ, взявъ государственную казну, взялъ и собственность знатныхъ, богатыхъ людей, Дворянъ, купцевъ: золото, серебро, драгоцѣнныя вещи; отправилъ въ Москву Епископа, Воеводу Полоцкаго, многихъ чиновниковъ Королевскихъ, Шляхту и гражданъ; велѣлъ разорить Латинскія церкви и крестить всѣхъ Жидовъ, а непослушныхъ топить въ Двинѣ (69). Одни Королевскіе иноземные воины могли хвалиться великодушіемъ побѣдителя: имъ дали нарядныя шубы и письменный, милостивый пропускъ, въ коемъ Іоаннъ съ удовольствіемъ назвалъ себя Великимъ Княземъ *Полоцкимъ*, приказывая своимъ Боярамъ, сановникамъ Россійскимъ, Черкесскимъ, Татарскимъ, Нѣмецкимъ, оказывать имъ въ пути защиту и вспоможеніе (70). Нѣсколько дней онъ праздновалъ сіе легкое, блестящее завоеваніе древняго Княжества Россіи, наслѣдія достопамятной Го-

Взятіе Полоцка.

рославы, знаменитаго въ Исторіи нашихъ междоусобій, и раннимъ подданствомъ Литвѣ спасеннаго отъ ига Моголовъ ([71]); послалъ всюду гонцевъ, чтобы Россіяне изъявили благодарность Небу за свою новую славу, и писалъ къ Первосвятителю Макарію: «се нынѣ исполни-«лось пророчество дивнаго Петра Митрополита, «сказавшаго, что Москва вознесетъ руки свои «на плеща враговъ ея» ([72])!

Сигизмундъ и Паны его были въ страхѣ: многолюдный, укрѣпленный Полоцкъ считался главною твердынею Литвы, и Воеводы Московскіе, не теряя времени, шли на Вильну, къ Мстиславлю, въ Самогитію, опустошая землю невозбранно: ибо Гетманъ бѣжалъ назадъ въ Минскъ. Въ сихъ обстоятельствахъ Вельможи Королевскіе писали къ нашимъ Боярамъ, что Послы ихъ готовы ѣхать въ Москву, если мы остановимъ непріятельскія дѣйствія: а Царь, приказавъ отвѣтствовать, что *Посла не сѣкутъ, ни рубятъ* ([73]), далъ Литвѣ перемиріе на шесть мѣсяцевъ. Велѣвъ исправить укрѣпленія, отслуживъ молебенъ въ Софійскомъ Полоцкомъ храмѣ и ввѣривъ защиту города мужественному Князю Петру Шуйскому, Государь 26 Февраля выступилъ оттуда со всѣмъ войскомъ, распустилъ его въ Великихъ Лукахъ, спѣшилъ въ столицу и встрѣтилъ на пути Бояръ, высланныхъ къ нему изъ Москвы съ поздравленіями отъ сыновей и супруги. Мать Князя Владиміра Андреевича, Евфросинія, великолѣпно угостила его въ Удѣлѣ

своего сына, въ Старицѣ. Царевичь Іоаннъ ждалъ родителя въ Обители Св. Іосифа, Θеодоръ въ селѣ Крылацкомъ. Тутъ былъ новый пиръ: а на другой день, 21 Марта, когда Государь ѣхалъ Крылацкимъ полемъ, явился Бояринъ Траханіотовъ съ вѣстію, что Царица родила ему сына Василія (74). У церкви Бориса и Глѣба, на Арбатѣ, стояло Духовенство съ хоругвями и крестами: Іоаннъ благодарилъ Митрополита и Святителей за ихъ усердныя молитвы; Святители благодарили Царя за мужество и побѣду. Онъ шелъ въ торжествѣ, отъ Арбата до Соборовъ, среди Вельможъ и народа, среди привѣтствій и восклицаній, точно такъ, какъ по взятіи Казани. . . . Не доставало народу единственно любви къ Государю, а Государю счастія: ибо его нѣтъ для Тирановъ! — Новорожденный Царевичь жилъ только пять недѣль.

Рожденіе Царевича Василія.

Торжество Іоанново.

Смерть Царевича.

Не сомнѣваясь въ продолженіи войны съ Литвою и надѣясь на благопріятное дѣйствіе своей знаменитой побѣды, Іоаннъ извѣстилъ о томъ Хана; писалъ къ нему съ гордостію и съ ласкою, напоминалъ искреннюю дружбу Менгли-Гиреєву съ Великимъ Княземъ Іоанномъ, счастливую для обѣихъ Державъ, и всѣ худые успѣхи Крымскихъ впадений, хотя вредныхъ для Россіи, но еще болѣе для самой Тавриды, уже бѣдной людьми, оружіемъ и конями; указывалъ на

Дѣла Крымскія.

Христіанскія церкви въ Казани, въ Астрахани; хвалился усердіемъ вѣрныхъ Князей Черкесскихъ и Ногаевъ, сожалѣлъ о безсильной злобѣ Сигизмунда, наказаннаго стыдомъ, разореніемъ земли его, и говорилъ: «Всѣ Паны Королевскіе «били челомъ Боярамъ нашимъ, да прекратимъ «ихъ бѣдствія. Бояре молили Князя Владиміра «Андреевича и вмѣстѣ съ нимъ пали къ ногамъ «моимъ, вѣщая: *Государь! у васъ одна Вѣра: на «что болѣе проливать кровь? Руки твои напол«нились плѣна и богатства; ты взялъ лучшій «городъ у Сигизмунда. Недругъ въ слезахъ, и же«лаетъ быть въ твоей волѣ.* Я не хотѣлъ оскор«бить любезнаго мнѣ брата и Вельможъ доб«рыхъ: мы возвратились! . . . Угодно ли тебѣ «быть моимъ другомъ» (75)? Уже нѣсколько лѣтъ Послы вѣроломнаго Девлетъ-Гирея сидѣли у насъ въ тѣсной неволѣ: ихъ освободили въ знакъ Государева къ нему благорасположенія; но Іоаннъ въ письмѣ своемъ не хотѣлъ его назвать *братомъ*, и вмѣсто стариннаго *челобитья* приказалъ единственно поклонъ Хану. Не смотря на то, Посолъ Московскій, Аѳанасій Нагой, долженъ былъ за тайну объявить Крымскимъ Вельможамъ, что Царь удалилъ отъ себя Адашевыхъ, Воеводу Шереметева и Дьяка Ивана Михайлова будто бы за ихъ ненависть къ Девлетъ-Гирею (76)! Умъ, ловкость нашего Посла, и богатые дары произвели дѣйствіе: Ханъ склонился къ миру, года два не тревожилъ Россіи, и въ знакъ своего доброжелательства открылъ

намъ важную тайну. Мы видѣли, что могущественный Солиманъ не равнодушно смотрѣлъ на успѣхи Іоаннова величія и на гибель Царствъ Мусульманскихъ (77): занимаясь другими, ближайшими опасностями и предпріятіями важнѣйшими для его славолюбія, онъ медлилъ; наконецъ по внушенію знатнаго бѣглеца Астраханскаго, Князя Ярлыгапа, замыслилъ великое дѣло: соединить Донъ съ Волгою прокопомъ, основать крѣпость на Переволокѣ (тамъ, гдѣ сіи рѣки сближаются), другую на Волгѣ, гдѣ нынѣ Царицынъ, третью близъ моря Каспійскаго, чтобы сперва утвердить безопасность своихъ Азовскихъ владѣній, а послѣ взять Астрахань, Казань, — стѣснить, ослабить Россію. Главнымъ орудіемъ или дѣйствователемъ надлежало быть Хану: Султанъ велѣлъ ему итти къ Астрахани, обѣщая прислать Дономъ пушки и людей искусныхъ въ строеніи крѣпостей. Но, къ счастію Россіи, Девлетъ-Гирей страшился господства Турковъ еще болѣе, нежели ея силы: не хотѣлъ уступить имъ Царствъ Батыевыхъ, и стараясь доказать Султану невозможность успѣха, извѣстилъ Іоанна о семъ опасномъ для насъ предпріятіи, которое осталось тогда безъ исполненія. — Не смотря на дружелюбныя сношенія съ Крымомъ, Государь ласкалъ постояннаго врага Девлетъ-Гиреева, Главу

Замыслъ Султановъ.

Ногайскихъ Владѣтелей, Исмаила, который оберегалъ Астрахань, увѣдомлялъ насъ о вѣроломныхъ замыслахъ ея Князей, тайныхъ друзей Крыма, и, къ сожалѣнію Россіянъ, умеръ въ 1563 году, оставивъ сына, Тинъ-Ахмата, начальникомъ Орды Ногайской. Подобно отцу, сей Князь усердно искалъ Іоанновой милости (78).

Уже Польша, Данія и Швеція воевали за Ливонію; первыя двѣ хотѣли общими силами обуздать властолюбіе Эрика: ибо Шведы отняли у Сигизмунда Пернау и Вейсенштейнъ, у Датчанъ Леаль и Габзаль (79). Король Датскій, Фридерикъ, желалъ союза Іоаннова: Царь утвердилъ съ нимъ миръ, какъ бы изъ великодушія уступивъ ему Эзель и Викъ; но гордо отвергнулъ его посредничество въ нашихъ дѣлахъ съ Литвою, сказавъ: «мы сами «умѣемъ стоять за себя, и кромѣ Божіей «помощи не хотимъ никакой» (80). Онъ велѣлъ отвести дворы купцамъ Датскимъ въ Новѣгородѣ и Нарвѣ, съ условіемъ, чтобы и нашимъ отведены были такіе же въ Копенгагенѣ и Визби, гдѣ Россіяне издревле торговали. Гофмейстеръ Фридериковъ, Эллеръ Гарденбергъ, съ другими чиновниками былъ въ Москвѣ для договора: Князь Ромодановскій ѣздилъ въ Данію для размѣна грамотъ. — Въ то же время и Шведы старались всячески уле-

Происшествія въ Ливоніи.

стить опаснаго Царя: Эрикъ извинялся въ неучтивостяхъ, оказанныхъ нашимъ Посламъ, и прислалъ шесть знатныхъ сановниковъ въ Москву, чтобы заключить *договоръ о Ливоніи* съ самимъ Царемъ, а не съ его Воеводами (81). Отвѣтомъ была грубая насмѣшка. Іоаннъ велѣлъ сказать Эрику: «Когда я съ Дворомъ своимъ пересе«люсь въ Швецію, тогда повелѣвай и ве«личайся — а не нынѣ! Я отъ тебя такъ «далеко, какъ небо отъ земли.» Шведы уступили. Государь велѣлъ Боярину Морозову, Намѣстнику Ливонскому, дать Королю особенное перемиріе на семь лѣтъ по дѣламъ Ливоніи; *дозволилъ* Эрику владѣть Ревелемъ и всѣми занятыми имъ городами въ Эстоніи, но оставилъ себѣ право, по истеченіи означеннаго срока, изгнать оттуда Шведовъ какъ хищниковъ; то есть, Іоаннъ не мѣшалъ враждующимъ за Ливонію Державамъ изнурять другъ друга, готовый воспользоваться ихъ ослабленіемъ и присоединить ее къ Россіи. Увидимъ слѣдствія, какихъ не ожидала его хитрая Политика . . . . Теперь будемъ говорить о внутреннихъ происшествіяхъ сего времени.

Перемиріе съ Швеціею.

Вторый бракъ Іоанновъ не имѣлъ счастливыхъ дѣйствій перваго. Марія, одною красотою плѣнивъ супруга, не замѣнила Анастасіи ни для его сердца, ни для Госу-

дарства, которое уже не могло съ мыслію о Царицѣ соединять мысль о Царской добродѣтели. Современники пишутъ, что сія Княжна Черкесская, дикая нравомъ, жестокая душею, еще болѣе утверждала Іоанна въ злыхъ склонностяхъ (82), не умѣвъ сохранить и любви его, скоро простывшей: ибо онъ уже вкусилъ опасную прелесть непостоянства и не зналъ стыда. Равнодушный къ Маріи, Іоаннъ помнилъ Анастасію, и еще лѣтъ семь, въ память ея, надѣлялъ богатою милостынею святые монастыри Аѳонскіе (83). Такимъ же образомъ Государь честилъ и память своего брата, Юрія, умершаго въ исходѣ 1563 года (84). Сей Князь, скудный умомъ, пользовался наружными знаками уваженія, и неспособный ни къ ратнымъ, ни къ государственнымъ дѣламъ, только именемъ начальствовалъ въ Москвѣ, когда Царь выѣзжалъ изъ столицы. Но супруга его, Іуліанія, считалась второю Анастасіею по своимъ необыкновеннымъ достоинствамъ: она рѣшилась оставить свѣтъ. Іоаннъ, Царица Марія, Князь Владиміръ Андреевичь, Бояре и народъ въ глубокомъ молчаніи шли за нею отъ Кремля до Новодѣвичьяго монастыря, гдѣ, названная въ Инокиняхъ Александрою, она хотѣла кончить дни свои въ мирѣ, не предвидя, что сей тронутый ея ревностнымъ, Ангельскимъ благочестіемъ

Злонравіе супруги Іоанновой.

Кончина К. Юрія.

Пострыженіе невѣстки Іоанновой.

Царь, исполненный къ ней — такъ казалось — любви и братской нѣжности, въ порывѣ безумнаго гнѣва будетъ ея свирѣпымъ убійцею! Онъ желалъ, чтобы невѣстка его и въ видѣ смиренной Монахини имѣла почести Царскія: устроилъ ей въ келліяхъ пышный Дворъ, далъ сановниковъ въ услугу и богатыя помѣстья во владѣніе, какъ бы желая тѣмъ еще привязать ее къ суетамъ міра (85)!

Постриженіе Ефросиніи.

Еще прежде Іуліаніи, волею или неволею, постриглась мать Князя Владиміра Андреевича, честолюбивая Ефросинія, вмѣстѣ съ сыномъ заслуживъ гнѣвъ Царя по доносу Дьяка ихъ, который за свои худыя дѣла сидѣлъ въ темницѣ. Государь призвалъ обвиняемыхъ, Митрополита, Епископовъ; *уличилъ* — какъ сказано въ лѣтописи — мать и сына *въ неправдѣ*, но, уваживъ моленіе Духовенства, изъ *милосердія* отпустилъ имъ вину. Тогда Ефросинія, оставивъ свѣтъ, заключилась въ Воскресенскомъ монастырѣ на Бѣлѣозерѣ, куда проводили ее знатные Дворскіе чиновники; а Князю Владиміру Іоаннъ далъ *новыхъ* Бояръ, Стольниковъ и Дьяковъ, взявъ его собственныхъ къ себѣ въ Царскую службу: то есть, окружилъ сего Князя надзирателями; между тѣмъ обходился съ нимъ ласково, ѣздилъ къ нему гостемъ въ Старицу, въ Верею, въ села Вышего-

родскія, чтобы пировать и веселиться ([86]). Еще внутренняя злоба таилась подъ личиною дружелюбія.

Въ послѣдній день 1563 года скончался, въ глубокой старости, знаменитый Митрополитъ Макарій, обвиняемый современниками въ честолюбіи, въ робости духа, но хвалимый за благонравіе: не смѣлый обличитель Царскихъ пороковъ, но и не грубый льстецъ ихъ. За нѣсколько дней до смерти открывая душу предъ людьми и Богомъ въ грамотѣ прощальной, Макарій пишетъ, что, изнуряемый многими печалями, онъ нѣсколько разъ хотѣлъ удалиться отъ дѣлъ и посвятить себя *житію молчальному* или пустынному, но Царь и Святители всегда неотступно убѣждали его остаться. Сей Пастырь Церкви не былъ, кажется, спокойнымъ зрителемъ Іоаннова разврата, предпочитая тишину пустыни блестящему сану іерарха. Ревностный къ успѣхамъ Христіанскаго просвѣщенія, онъ велѣлъ перевести Греческую Минею, и прибавилъ къ ней Житія Святыхъ Россійскихъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, для коихъ Соборомъ 26 Февраля, 1547 года, уставилъ онъ службу и празднества: Новогородскому Архіепископу Іоанну, Александру Невскому, Савватію, Зосимѣ Соловецкимъ и другимъ ([87]). Макарій велѣлъ также сочинить извѣстную *Степен-*

Кончина Макарія.

Сочиненіе Житій Святыхъ и Степенной Книги.

ную Книгу, доведенную отъ Рюрика до 1559 года, и способствовалъ учрежденію первой въ Москвѣ типографіи. Европа уже около ста лѣтъ пользовалась счастливымъ открытіемъ Гуттемберга, Фауста, Шеффера: Государи Московскіе слышали о томъ и хотѣли присвоить себѣ выгоду столь важную для успѣховъ просвѣщенія, имъ любезнаго. Великій Князь Іоаннъ III давалъ жалованье славному Любекскому типографщику Варѳоломею (88); Царь Іоаннъ въ 1547 году искалъ въ Германіи художниковъ *для книжнаго дѣла* и, какъ вѣроятно, нашелъ ихъ для образованія нашихъ собственныхъ въ Москвѣ: ибо въ 1553 году онъ приказалъ устроить особенный домъ книгопечатанія подъ руководствомъ двухъ мастеровъ, Ивана Ѳедорова, Діакона церкви Св. Николая Гостунскаго, и Петра Тимоѳеева Мстиславца, которые въ 1564 году издали *Дѣянія* и *Посланія* Апостоловъ, древнѣйшую изъ печатныхъ книгъ Россійскихъ, достойную замѣчанія красотою буквъ и бумаги (89). Въ прибавленіи сказано, что Макарій благословилъ Царя на благое дѣло доставить Христіанамъ, вмѣсто невѣрныхъ рукописей, печатныя, исправныя книги, содержащія въ себѣ и Законъ Божій и службу церковную: для чего надлежало сличать древнѣйшіе, лучшіе списки, дабы не обмануться ни въ

Заведеніе Типографіи.

словахъ, ни въ смыслѣ. Сіе важное предпріятіе, внушенное Христіанскою просвѣщенною ревностію, возбудило негодованіе многихъ грамотѣевъ, которые жили списываніемъ книгъ церковныхъ. Къ симъ людямъ присоединились и суевѣры, изумленные новостію (90). Начались толки, и художникъ Иванъ Θедоровъ, смертію Макарія лишенный усерднаго покровителя, какъ мнимый еретикъ долженъ былъ — вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, Петромъ Мстиславцемъ — удалиться отъ гонителей въ Литву. Хотя Московская типографія, переведенная въ Александровскую Слободу (91), еще напечатала Евангеліе; но Царь уступилъ славу издать всю Библію Волынскому Князю Константину Константиновичу, одному изъ потомковъ Св. Владиміра. Сей Князь, ревностный сынъ нашей Церкви, съ любовію принявъ изгнанника, Ивана Θедорова, завелъ типографію въ своемъ городѣ Острогѣ; досталъ въ Москвѣ же (чрезъ Государственнаго Секретаря Литовскаго, Гарабурду) полный списокъ Ветхаго и Новаго Завѣта, свѣрилъ его съ Греческою Библіею, присланною къ нему отъ Іереміи, Патріарха Константинопольскаго, исправилъ (посредствомъ нѣкоторыхъ Филологовъ) и напечаталъ въ 1581 году, заслуживъ тѣмъ благодарность всѣхъ единовѣрцевъ (92). — Между досто-

Изданіе Библіи въ Острогѣ.

памятными церковными дѣяніями Макаріева времени замѣтимъ еще учрежденіе Полоцкой *Архіепископіи*, въ честь сего древняго Княжества и тамошняго знаменитаго храма Софійскаго. Бывшій Святитель Суздальскій, Трифонъ Ступишинъ, постриженникъ Св. Іосифа Волоцкаго, мужъ добродѣтельный, но ветхій и недужный, въ угодность Царю принялъ санъ Полоцкаго Архипастыря (93).

Полоцкая Архіепископія.

Г. 1564. По кончинѣ Макарія всѣ Епископы съѣхалися въ Москву, чтобы избрать новаго Пастыря Церкви; но еще прежде того, исполняя волю Государеву, они Соборною грамотою уставили, что Митрополиты Россійскіе должны впредь носить *клобуки бѣлые, съ рясами и съ Херувимомъ*, какъ изображаются на иконахъ Митрополиты Петръ и Алексій, Новогородскій Архіепископъ Іоаннъ и Чудотворцы Ростовскіе Леонтій, Игнатій, Исаія. «Для чего» — сказано въ «сей грамотѣ — «для чего одни Святители «Новогородскіе носятъ нынѣ бѣлые клобу«ки, мы искали и не могли найти въ писа«ніяхъ. Да возвратится Митрополитамъ «ихъ древнее отличіе! Да печатаютъ так«же, подобно Архіепископамъ Новогород«скому и Казанскому, всѣ грамоты свои «*краснымъ воскомъ*. Печать на одной сто«ронѣ должна представлять образъ Бого«матери со Младенцемъ, а на другой руку

Бѣлый клобукъ Митрополитовъ.

«*благословенную* съ именемъ Митрополита» ([94]). Чрезъ нѣсколько дней былъ избранъ въ Первосвятители Инокъ Чудова монастыря, Аѳанасій, бывшій Благовѣщенскій Протоіерей и Духовникъ Государевъ. По совершеніи Литургіи, Владыки, снявъ съ Митрополита одежду служебную, возложили на него *злату'ю икону вратную*, мантію съ источниками и бѣлый клобукъ. Аѳанасій сталъ на Святительское мѣсто, выслушалъ привѣтственную рѣчь Царя, далъ ему благословеніе, и громогласно молилъ Всевышняго, де ниспошлетъ здравіе и побѣды Іоанну ([95]). Онъ уже не смѣлъ, кажется, говорить о добродѣтели!

Посвященіе Аѳанасія въ Митрополиты.

ГЛАВА II.

Продолженіе царствованія Іоанна Грознаго.

г. 1563 — 1569.

Переговоры и война съ Литвою. Бѣгство Россіянъ въ Литву. Измѣна К. Андрея Курбскаго. Переписка его съ Царемъ. Нападеніе Литвы и Крымцевъ. Посольство В. Магистра Нѣмецкаго. Таинственный отъѣздъ Іоанновъ. Письмо Царя къ Митрополиту и къ народу. Ужасъ въ Москвѣ. Учрежденіе Опричнины. Вторая эпоха казней. Александровская Слобода. Монашеская жизнь Іоаннова. Иноземные любимцы Іоанновы. Великодушіе Митрополита Филиппа. Третія эпоха убійствъ. Язва. Воинскія дѣйствія и переговоры Земская Дума. Перемиріе съ Литвою. Дѣла Шведскія. Важное предпріятіе Султана. Бѣдствіе Турковъ. Сношенія съ Персіею. Дань Сибирская Торговля. Посольства Англійскія. Замыселъ Іоанновъ бѣжать въ Англію. Злодѣй Бомелій.

г. 1563. Переговоры и война съ Литвою.

Перемиріе, данное Іоанномъ Сигизмунду, не мѣшало Россіянамъ и Литовцамъ нападать другъ на друга. Первые малочисленными отрядами довершали завоеваніе Полоцкой области. Слуга Сигизмундовъ, Князь Михайло Вишневецкій, съ

толпами Козаковъ и Бѣлогородскихъ Татаръ опустошалъ Уѣзды Черниговскіе, Стародубскіе ([96]): Князь Иванъ Щербатый, Сѣверскій Воевода, разбилъ его на голову. Пословъ Сигизмундовыхъ долго ждали въ Москвѣ: наконецъ они пріѣхали, 5 Декабря 1563 года, и слѣдуя обыкновенію, требовали отъ насъ Новагорода, Пскова, кромѣ всѣхъ завоеваній дѣда, отца Іоаннова и его собственныхъ; а Бояре наши, также слѣдуя обыкновенію, отвѣтствовали, что мы для надежнаго мира должны взять у Литвы не только Кіевъ, Волынію, Подолію, но и Вильну, которая въ древнія времена принадлежала Россіи ([97]). Они говорили о неправдахъ, лукавствѣ, спеси Короля, не хотящаго именовать Іоанна Царемъ и замышляющаго быть Государемъ Ливоніи, гдѣ еще въ XI вѣкѣ основанъ Ярославомъ Великимъ городъ Юрьевъ, и гдѣ Александръ Невскій огнемъ и мечемъ казнилъ своихъ подданныхъ, Нѣмцевъ, за ихъ бунтъ и непослушаніе. «Такъ было» — заключили Бояре словомъ Государя — «такъ было до «временъ *великаго мстителя неправдамъ*, моего «дѣда; до славнаго родителя моего, *обрѣтателя «древней нашей отчины*, и до меня *смиреннаго*.» Хотя съ обѣихъ сторонъ умѣрили требованія; хотя мы соглашались уже не говорить о Вильнѣ, Подоліи, Волыніи, и дружелюбно уступали Сигизмунду Курляндію, желая единственно всей Полоцкой земли, чтобы заключить перемиріе на 10 или 15 лѣтъ: однакожъ Послы не приняли

сего условія. Іоаннъ изустно сказалъ имъ: «Если Король не хочетъ давать мнѣ Цар-«скаго имени, да будетъ его воля! Не имѣю «нужды въ титулѣ: ибо всѣмъ извѣстно, «что родъ мой происходитъ отъ Кесаря «Августа; а даннаго Богомъ человѣкъ не «отниметъ.» Такая Генеалогія должна была удивить Пословъ: имъ безъ сомнѣнія объяснили ее. Надобно знать, что Московскіе книжники сего времени, можетъ быть въ угодность Іоаннову честолюбію, производили перваго Князя Новогородскаго, Рюрика, отъ мнимаго Прусса, Августова брата, который будто бы, оставивъ Римъ, сдѣлался Владѣтелемъ Пруссіи (98). Послы не спорили о предкахъ Рюриковыхъ, но не хотѣли утвердить за нами ни Полоцкой области, ни Ливоніи, и выѣхали изъ Москвы 9 Генваря.

г. 1564. Тогда Воеводы Московскіе немедленно выступили, Шуйскій изъ Полоцка, Князья Серебряные-Оболенскіе изъ Вязьмы, чтобы дѣйствовать противъ Литвы: Государь велѣлъ имъ соединиться подъ Оршею, итти къ Минску, къ Новугородку Литовскому; назначилъ станы, предписалъ всѣ движенія. Но Князь Петръ Шуйскій, завоеватель Дерпта, славный и доблестію и человѣколюбіемъ, какъ бы ослѣпленный рокомъ, изъявилъ удивительную неосторожность: шелъ безъ всякаго устройства, съ

толпами невооруженными; доспѣхи везли на саняхъ; впереди не было стражи; никто не думалъ о непріятелѣ — а Воевода Троцкій, Николай Радзивилъ, съ Дворомъ Королевскимъ, съ лучшими полками Литовскими, стоялъ близъ Витебска; имѣлъ вѣрныхъ лазутчиковъ; зналъ все, и вдругъ, близъ Орши, въ мѣстахъ лѣсныхъ, тѣсныхъ, напалъ на Россіянъ. Не успѣвъ ни стать въ ряды, ни вооружиться, они малодушно устремились въ бѣгство, Воеводы и воины. Несчастный Шуйскій заплатилъ жизнію за свою неосторожность. Одни пишутъ, что онъ былъ застрѣленъ въ голову и найденъ мертвый въ колодезѣ; другіе, что Литовскій крестьянинъ изрубилъ его сѣкирою (99). Изъ знатныхъ людей пали еще два брата, Князья Симеонъ и Ѳеодоръ Палицкіе. Литовцы взяли въ плѣнъ Воеводу Захарія Плещеева-Очина, Князя Ивана Охлябинина и нѣсколько Дѣтей Боярскихъ, такъ, что мы изъ двадцати тысячь воиновъ лишились менѣе двухъ сотъ человѣкъ: всѣ другіе ушли въ Полоцкъ, оставивъ непріятелю въ добычу обозы и пушки. Тѣло Шуйскаго съ торжествомъ отвезли въ Вильну, а плѣнниковъ Россійскихъ представили больному Королю въ Варшавѣ: онъ велѣлъ пѣть молебны, и дѣйствіемъ радости исцѣлился отъ недуга (100).

Впрочемъ сія побѣда не имѣла дальнѣйшихъ счастливыхъ слѣдствій для Сигизмунда. Князья Оболенскіе стояли подъ Оршею: Радзивилъ не хотѣлъ сразиться съ ними; желалъ единственно,

чтобы они вышли изъ Королевскихъ владѣній, и для того гонецъ Литовскій съ вѣстію о бѣдствіи Шуйскаго нарочно былъ посланъ въ Дубровну чрезъ такія мѣста, гдѣ ему надлежало встрѣтить Россіянъ: его схватили и привели къ Воеводамъ на-
Февр. 9. шимъ, которые — узнавъ, что случилось — дѣйствительно возвратились къ Смоленску, но отметивъ непріятелю огнемъ и мечемъ: выжгли селенія отъ Дубровны до Кричева; взяли въ плѣнъ множество земледѣльцевъ (101). Мѣсяцевъ пять миновало въ бездѣйствіи съ обѣихъ сторонъ: въ Іюлѣ Полководецъ Іоанновъ, Князь Юрій Токмаковъ, съ малочисленною пѣхотою и конницею ходилъ изъ Невля къ Озерищу, въ
Іюля 22. надеждѣ завладѣть симъ городомъ (102). Свѣдавъ, что 12,000 Литовцевъ идутъ изъ Витебска спасти осажденныхъ, сей Воевода, извѣстный мужествомъ, отпустилъ снарядъ и пѣхоту на судахъ въ Невль, съ одною конницею встрѣтилъ непріятеля и разбилъ его передовую дружину; но когда подошло главное войско Литовское, онъ долженъ былъ отступить, безчеловѣчно умертвивъ взятыхъ имъ плѣнниковъ. Смоленскій Воевода, Бутурлинъ, предводительствуя Дѣтьми Боярскими, Татарами, Мордвою, снова опустошилъ правый берегъ Днѣпра и вывелъ 4800 плѣнниковъ обоего пола. Между тѣмъ Литовцы тревожили

впаденіемъ область Дерптскую ([103]); а Козаки Сигизмундовы грабили купцевъ и Посланниковъ Іоанновыхъ на пути изъ Москвы въ Тавриду. — Но скоро война сдѣлалась важнѣе, по крайней мѣрѣ для насъ опаснѣе, отъ неожидаемой измѣны одного изъ славнѣйшихъ Воеводъ Іоанновыхъ.

Ужасъ, наведенный жестокостями Царя на всѣхъ Россіянъ, произвелъ бѣгство многихъ изъ нихъ въ чужія земли. Князь Димитрій Вишневецкій служилъ примѣромъ: усердный ко славѣ нашего отечества, и любивъ Іоанна добродѣтельнаго, онъ не хотѣлъ подвергать себя злобному своенравію Тирана: изъ воинскаго стана въ южной Россіи ушелъ къ Сигизмунду, который принялъ Димитрія милостиво какъ злодѣя Іоаннова, и далъ ему собственнаго Медика, чтобы излечить сего славнаго воина отъ тяжкаго недуга, произведеннаго въ немъ отравою ([104]). Но Вишневецкій не думалъ лить крови единовѣрныхъ Россіянъ: тайно убѣждаемый нѣкоторыми Вельможами Молдавіи изгнать недостойнаго ихъ Господаря, Стефана, онъ съ дружиною вѣрныхъ Козаковъ спѣшилъ туда искать новой славы и былъ жертвою обмана; никто не явился подъ знамена Героя: Стефанъ плѣнилъ Вишневецкаго и послалъ въ Константинополь, гдѣ Султанъ велѣлъ умертвить его. — Въ слѣдъ за Вишневецкимъ отъѣхали

Бѣгство Россіянъ въ Литву.

въ Литву два брата, знатные сановники, Алексѣй и Гаврило Черкаскіе ([105]), безъ сомнѣнія угрожаемые опалою. Бѣгство не всегда измѣна; гражданскіе законы не могутъ быть сильнѣе естественнаго: *спасаться отъ мучителя;* но горе гражданину, который за тирана метитъ отечеству! Юный, бодрый Воевода, въ нѣжномъ

Измѣна Князя Андрея Курбскаго.

цвѣтѣ лѣтъ ознаменованный славными ранами, мужъ битвы и совѣта, участникъ всѣхъ блестящихъ завоеваній Іоанновыхъ, Герой подъ Тулою, подъ Казанью, въ степяхъ Башкирскихъ и на поляхъ Ливоніи, нѣкогда любимецъ, другъ Царя ([106]), возложилъ на себя печать стыда и долгъ на Историка вписать гражданина столь знаменитаго въ число государственныхъ преступниковъ. То былъ Князь Андрей Курбскій. Доселѣ онъ имѣлъ славу заслугъ, не имѣя ни малѣйшаго пятна на сей славѣ въ глазахъ потомства; но Царь уже не любилъ его какъ друга Адашевыхъ: искалъ только случая обвинить невиннаго. Начальствуя въ Дерптѣ, сей гордый Воевода сносилъ выговоры, разныя оскорбленія; слышалъ угрозы; наконецъ свѣдалъ, что ему готовится погибель. Не боясь смерти въ битвахъ, но устрашенный казнію, Курбскій спросилъ у жены своей, чего она желаетъ: видѣть ли его мертваго предъ собою или разстаться съ нимъ живымъ навѣки? Ве-

ликодушная съ твердостію отвѣтствовала, что жизнь супруга ей драгоцѣннѣе счастія. Заливаясь слезами, онъ простился съ нею, благословилъ девятилѣтняго сына, ночью тайно вышелъ изъ дому, перелѣзъ черезъ городскую стѣну, нашелъ двухъ осѣдланныхъ коней, изготовленныхъ его вѣрнымъ слугою, и благополучно достигъ Вольмара, занятаго Литовцами ([107]). Тамъ Воевода Сигизмундовъ принялъ изгнанника какъ друга, именемъ Королевскимъ обѣщая ему знатный санъ и богатство. Первымъ дѣломъ Курбскаго было изъясниться съ Іоанномъ: открыть душу свою, исполненную горести и негодованія. Въ порывѣ сильныхъ чувствъ онъ написалъ письмо къ Царю: усердный слуга, единственный товарищъ его, взялся доставить оное, и сдержалъ слово: подалъ запечатанную бумагу самому Государю, въ Москвѣ, на Красномъ крыльцѣ, сказавъ: «отъ господина моего, «твоего изгнанника, Князя Андрея Михайловича.» Гнѣвный Царь ударилъ его въ ногу острымъ жезломъ своимъ: кровь лилася изъ язвы: слуга, стоя неподвижно, безмолвствовалъ. Іоаннъ оперся на жезлъ и велѣлъ читать вслухъ письмо Курбскаго такого содержанія ([108]):

Переписка его съ Царемъ.

«Царю, нѣкогда свѣтлому, отъ Бога про-«славленному — нынѣ же, по грѣхамъ на-«шимъ, омраченному адскою злобою въ

«сердцѣ, прокаженному въ совѣсти, тирану без-
«примѣрному между самыми невѣрными Влады-
«ками земли. Внимай! Въ смятеніи горести сер-
«дечной скажу мало, но истину. Почто различ-
«ными муками истерзалъ ты Сильныхъ во Из-
«раилѣ, Вождей знаменитыхъ, данныхъ тебѣ
«Вседержителемъ, и святую, побѣдоносную кровь
«ихъ пролiялъ во храмахъ Божiихъ? Развѣ они
«не пылали усердiемъ къ Царю и отечеству? Вы-
«мышляя клевету, ты вѣрныхъ называешь из-
«мѣнниками, Христiанъ чародѣями, свѣтъ тьмою
«и сладкое горькимъ! Чѣмъ прогнѣвали тебя сiи
«предстатели отечества? Не ими ли разорены
«Батыевы Царства, гдѣ предки наши томились
«въ тяжкой неволѣ? Не ими ли взяты твердыни
«Германскiя въ честь твоего имени? И что же
«воздаешь намъ, бѣднымъ? гибель! Развѣ ты
«самъ безсмертенъ? Развѣ нѣтъ Бога и право-
«судiя вышняго для Царя? . . . Не описываю
«всего, претерпѣннаго мною отъ твоей жесто-
«кости: еще душа моя въ смятенiи; скажу еди-
«ное: ты лишилъ меня святыя Руси! Кровь моя,
«за тебя излiянная, вопiетъ къ Богу. Онъ ви-
«дитъ сердца. Я искалъ вины своей, и въ дѣ-
«лахъ и въ тайныхъ помышленiяхъ; вопрошалъ
«совѣсть, внималъ отвѣтамъ ея, и не вѣдаю
«грѣха моего предъ тобою. Я водилъ полки
«твои, и никогда не обращалъ хребта ихъ къ
«непрiятелю: слава моя была твоею. Не годъ,
«не два служилъ тебѣ, но много лѣтъ, въ тру-
«дахъ и подвигахъ воинскихъ, терпя нужду и

«болѣзни, не видя матери, не зная супруги, «далеко отъ милаго отечества. Исчисли битвы, «исчисли раны мои! Не хвалюся: Богу все из- «вѣстно. Ему поручаю себя, въ надеждѣ на за- «ступленіе Святыхъ и праотца моего, Князя «Ѳеодора Ярославскаго (109)..... Мы разста- «лись съ тобою навѣки: не увидишь лица моего «до дни суда Страшнаго. Но слезы невинныхъ «жертвъ готовятъ казнь мучителю. Бойся и мерт- «выхъ: убитые тобою живы для Всевышняго: «они у престола Его требуютъ мести! Не спа- «сутъ тебя воинства; не сдѣлаютъ безсмертнымъ «ласкатели, Бояре недостойные, товарищи пи- «ровъ и нѣги, губители души твоей, которые «приносятъ тебѣ дѣтей своихъ въ жертву! — «Сію грамоту, омоченную слезами моими, велю «положить въ гробъ съ собою и явлюся съ нею «на судъ Божій. Аминь. Писано въ градѣ Воль- «марѣ, въ области Короля Сигизмунда, Государя «*моего*, отъ коего съ Божіею помощію надѣюсь «милости и жду утѣшенія въ скорбяхъ.»

Іоаннъ выслушалъ чтеніе письма и велѣлъ пытать вручителя, чтобы узнать отъ него всѣ обстоятельства побѣга, всѣ тайныя связи, всѣхъ единомышленниковъ Курбскаго въ Москвѣ. Добродѣтельный слуга, именемъ Василій Шибановъ (сіе имя принадлежитъ Исторіи) не объявилъ ничего; въ ужасныхъ мукахъ хвалилъ своего отца-господина; радовался мыслію, что за него умираетъ. Такая великодушная твердость, усердіе, любовь, изумили всѣхъ и самого

Іоанна, какъ онъ говоритъ о томъ въ письмѣ къ изгнаннику: ибо Царь, волнуемый гнѣвомъ и внутреннимъ безпокойствомъ совѣсти, немедленно отвѣчалъ Курбскому. «Во имя Бога все-«могущаго (пишетъ Іоаннъ), Того, Кѣмъ жи-«вемъ и движемся, Кѣмъ Цари царствуютъ и «Сильные глаголютъ, смиренный Христіанскій «отвѣтъ бывшему Россійскому Боярину, нашему «Совѣтнику и Воеводѣ, Князю Андрею Михай-«ловичу Курбскому, *восхотѣвшему быть Яро-«славскимъ Владыкою*.. . . . Почто, несчастный, «губишь свою душу измѣною, спасая бренное «тѣло бѣгствомъ? Если ты праведенъ и добро-«дѣтеленъ, то для чего же не хотѣлъ умереть «отъ меня, строптиваго Владыки, и наслѣдовать «вѣнецъ Мученика? Что жизнь, что богатство и «слава міра сего? суета и тѣнь: блаженъ, кто «смертію пріобрѣтаетъ душевное спасеніе! Устыдися раба своего, Шибанова: онъ сохранилъ «благочестіе предъ Царемъ и народомъ; давъ «господину обѣтъ вѣрности, не измѣнилъ ему «при вратахъ смерти (110). А ты, отъ единаго «моего гнѣвнаго слова, тяготишь себя клятвою «измѣнниковъ; не только себя, но и душу пред-«ковъ твоихъ: ибо они клялися великому моему «дѣду служить намъ вѣрно со всѣмъ ихъ потом-«ствомъ. Я читалъ и разумѣлъ твое писаніе. «Ядъ аспида въ устахъ измѣнника; слова его «подобны стрѣламъ. Жалуешься на претерпѣн-«ныя тобою гоненія; но ты не уѣхалъ бы ко «врагу нашему, если бы мы не излишно мило-

«вали васъ, недостойныхъ! Я иногда наказывалъ «тебя за вины, но всегда легко, и съ любовію; а «жаловалъ примѣрно. Ты въ юныхъ лѣтахъ «былъ Воеводою и Совѣтникомъ Царскимъ; «имѣлъ всѣ почести и богатство. Вспомни отца «своего: онъ служилъ въ Бояpахъ у Князя «Михайла Кубенскаго! Хвалишься пролитіемъ «крови своей въ битвахъ: но ты единственно «платилъ долгъ отечеству. И велика ли слава «твоихъ подвиговъ? Когда Ханъ бѣжалъ отъ «Тулы, вы пировали на обѣдѣ у Князя Григорія «Темкина, и дали непріятелю время уйти во-«свояси (111). Вы были подъ Невлемъ съ 15,000 «и не умѣли разбить четырехъ тысячь Литов-«цевъ (112). Говоришь о Царствахъ Батыевыхъ, «будто бы вами покоренныхъ: разумѣешь Ка-«занское (ибо милость твоя не видала Астра-«хани): но чего намъ стоило вести васъ къ по-«бѣдѣ? Сами итти не желая, вы безумными сло-«вами и въ другихъ охлаждали ревность къ «воинской славѣ (113). Когда буря истребила подъ «Казанью суда наши съ запасомъ, вы хотѣли «бѣжать малодушно — и безвременно требовали «рѣшительной битвы, чтобы возвратиться въ «домы, побѣдителями или побѣжденными, но «только скорѣе. Когда Богъ даровалъ намъ го-«родъ, что вы дѣлали? грабили! А Ливоніею мо-«жете ли хвалиться? Ты жилъ праздно во Иско-«вѣ, и мы семь разъ писали къ тебѣ, писали къ «Князю Петру Шуйскому: *идите на Нѣмцевъ!* «Вы съ малымъ числомъ людей взяли тогда бо-

«дѣе пятидесяти городовъ; по своимъ ли умомъ «и мужествомъ? Нѣтъ, только исполненіемъ, «хотя и лѣнивымъ, нашего распоряженія. Чтожь «вы сдѣлали послѣ съ своимъ мудрымъ началь-«никомъ, Алексѣемъ Адашевымъ, имѣя у себя «войско многочисленное? едва могли взять Фел-«линъ: ушли отъ Пайды (Вейсенштейна)! Если «бы не ваша строптивость, то Ливонія давно бы «вся принадлежала Россіи. Вы побѣждали не-«вольно, дѣйствуя какъ рабы, единственно си-«лою понужденія. Вы, говорите, проливали за «насъ кровь свою: мы же проливали потъ и сле-«зы отъ вашего неповиновенія ([114]). Что было «отечество въ ваше царствованіе и въ наше ма-«лолѣтство? Пустынею отъ Востока до Запада; «а мы, унявъ васъ, устроили села и грады тамъ, «гдѣ витали дикіе звѣри. Горе дому, коимъ вла-«дѣетъ жена; горе Царству, коимъ владѣютъ «многіе! Кесарь Августъ повелѣвалъ вселенною, «ибо не дѣлился ни съ кѣмъ властію: Византія «пала, когда Цари начали слушаться Эпарховъ, «Синклитовъ и Поповъ, братьевъ вашего Силь-«вестра.» Тутъ Іоаннъ описываетъ уже извѣст-ныя Читателю вины бывшихъ своихъ любим-цевъ ([115]) и продолжаетъ: «Безстыдная ложь, «что говоришь о нашихъ мнимыхъ жестоко-«стяхъ! Не губимъ *сильныхъ во Израиль*; ихъ «кровію не обагряемъ церквей Божіихъ: *силь-«ные*, добродѣтельные здравствуютъ и служатъ «намъ. Казнимъ однихъ измѣнниковъ — и гдѣ «же щадятъ ихъ? Константинъ Великій не по-

«щадилъ и сына своего; а предокъ вашъ, свя-«тый Князь Ѳеодоръ Ростиславичь, сколько «убилъ Христіанъ въ Смоленскѣ (116)? Много «опалъ, горестныхъ для моего сердца; но еще «болѣе измѣнъ гнусныхъ, вездѣ и всѣмъ извѣст-«ныхъ. Спроси у купцевъ чужеземныхъ, пріѣз-«жающихъ въ наше Государство: они скажутъ «тебѣ, что твои *предстатели* суть злодѣи уличенные, коихъ не можетъ носить земля Рус-«ская. И что такое *предстатели отечества*? «Святые ли, боги ли, какъ Аполлоны, Юпи-«теры? Доселѣ Владѣтели Россійскіе были воль-«ны, независимы: жаловали и казнили своихъ «подданныхъ безъ отчета (117). Такъ и будетъ! «Уже я не младенецъ. Имѣю нужду въ милости «Божіей, Пречистыя Дѣвы Маріи и Святыхъ «Угодниковъ: наставленія человѣческаго не тре-«бую. Хвала Всевышнему: Россія благоден-«ствуетъ; Бояре мои живутъ въ любви и согла-«сіи: одни друзья, совѣтники ваши, еще во «тьмѣ коварствуютъ. — Угрожаешь мнѣ судомъ «Христовымъ на томъ свѣтѣ: а развѣ въ семъ «мірѣ нѣтъ власти Божіей? Вотъ ересь Мани-«хейская! Вы думаете, что Господь царствуетъ «только на небесахъ, Діаволъ во адѣ, на землѣ «же властвуютъ люди: нѣтъ, нѣтъ! вездѣ Го-«сподня Держава, и въ сей и въ будущей жиз-«ни. — Ты пишешь, что я не узрю здѣсь лица «твоего *Эѳіопскаго*: горе мнѣ! какое бѣдствіе! — «Престолъ Всевышняго окружаешь ты убіен-«ными мною: вотъ новая ересь! Никто, по сло-

«ву Апостола, не можетъ видѣть Бога. — По-
«ложи свою грамоту въ могилу съ собою: симъ
«докажешь, что и послѣдняя искра Христіанства
«въ тебѣ угасла: ибо Христіанинъ умираетъ съ
«любовію, съ прощеніемъ, а не съ злобою. —
«Къ довершенію измѣны называешь Ливонскій
«городъ Вольмаръ областію Короля Сигизмунда,
«и надѣешься отъ него милости, оставивъ своего
«законнаго, Богомъ даннаго тебѣ Властителя.
«Ты избралъ себѣ Государя лучшаго! Великій
«Король твой есть рабъ рабовъ: удивительно
«ли, что его хвалятъ рабы? Но умолкаю: Соло-
«монъ не велитъ плодить рѣчей съ безумными:
«таковъ ты дѣйствительно. — Писано нашея
«Великія Россіи въ царствующемъ градѣ Мо-
«сквѣ, лѣта мірозданія 7072, Іюля мѣсяца въ 5
«день.»

Сіе письмо, наполненное изрѣченіями Вет-
хаго и Новаго Завѣта, свидѣтельствами истори-
ческими, богословскими толкованіями и гру-
быми насмѣшками, составляетъ цѣлую книгу
въ подлинникѣ. Курбскій отвѣтствовалъ на оное
съ презрѣніемъ: стыдилъ Іоанна забвеніемъ
Властительскаго достоинства, унижаемаго язы-
комъ браннымъ, суесловіемъ жалкимъ, непри-
стойною смѣсію Божественныхъ сказаній съ
ложью и клеветами. «Я невиненъ, и бѣдствую
«въ изгнаніи,» говоритъ онъ: «добрые жалѣютъ
«обо мнѣ: слѣдственно не ты! Пождемъ мало:
«истина не далеко» ([118]). Доселѣ можемъ осуж-
дать изгнанника только за *язвительность* жа-

злобы, и за то, что онъ наслажденію мести, удовольствію терзать мучителя словами смѣлыми, пожертвовалъ добрымъ, усерднымъ слугою: по крайней мѣрѣ еще не видимъ въ немъ государственнаго преступника, и не можемъ вѣрить обвиненію, что Курбскій хотѣлъ будто бы назваться *Государемъ Ярославскимъ* ([119]). Но, увлеченный страстію, сей мужъ злополучный лишилъ себя выгоды быть правымъ и главнаго утѣшенія въ бѣдствіяхъ: внутренняго чувства добродѣтели. Онъ могъ безъ угрызенія совѣсти искать убѣжища отъ гонителя въ самой Литвѣ: къ несчастію, сдѣлалъ болѣе: присталъ ко врагамъ отечества. Обласканный Сигизмундомъ, награжденный отъ него богатымъ помѣстьемъ Ковельскимъ ([120]), онъ предалъ ему свою честь и душу; совѣтовалъ, какъ губить Россію; упрекалъ Короля слабостію въ войнѣ; убѣждалъ его дѣйствовать смѣлѣе, не жалѣть казны, чтобы возбудить противъ насъ Хана — и скоро услышали въ Москвѣ, что 70,000 Литовцевъ, Ляховъ, Прусскихъ Нѣмцевъ, Венгровъ, Волоховъ, съ измѣнникомъ Курбскимъ идутъ къ Полоцку; что Девлетъ-Гирей съ 60,000 хищниковъ вступилъ въ Рязанскую область ([121]) . . . . .

Нападеніе Литвы и Крымцевъ.

Сія послѣдняя вѣсть изумила Царя: онъ ѣхалъ тогда на богомолье въ Суздаль, всякой день ожидая новой Шертной грамоты

отъ Хана, который обѣщалъ ему и миръ и союзъ. Грамота въ самомъ дѣлѣ была написана, и Посолъ Іоанновъ, Аѳанасій Нагой, уже готовился къ отъѣзду изъ Тавриды (122); но золото Сигизмундово все перемѣнило: взявъ его, Девлетъ-Гирей устремился на Россію, беззащитную, какъ онъ думалъ: ибо Король писалъ къ нему, что Іоаннъ со всѣми полками на Ливонской границѣ. Обманутый дружелюбными увѣреніями Хана, Царь дѣйствительно распустилъ наши полки Украинскіе, такъ что въ Рязани, осажденной Девлетъ-Гиреемъ, не было ни одного воина, кромѣ жителей. Она спаслася геройствомъ двухъ любимцевъ Государевыхъ, Боярина Алексѣя Басманова и сына его, Ѳедора, которые, находясь тогда въ ихъ богатомъ помѣстьѣ на берегу Оки, первые извѣстили Царя о непріятелѣ, первые вооружились съ людьми своими, разбили нѣсколько отрядовъ Ханскихъ и засѣли въ Рязани, гдѣ ветхія стѣны падали, но гдѣ ревность, неустрашимость сихъ витязей, вмѣстѣ съ увѣщаніями Епископа Филоѳея, одушевили гражданъ рѣдкимъ мужествомъ. Крымцы приступали днемъ и ночью безъ успѣха: трупы ихъ лежали грудами подъ стѣнами. Дѣйствіе нашего огнестрѣльнаго снаряда не давало имъ отдыха и въ станѣ. Узнавъ, что Іоаннъ въ Москвѣ; что Воеводы Ѳедоръ и Яковлевъ съ Царскою дружиною уже стоятъ на берегу Оки; что изъ Михайлова, изъ Дѣдилова идетъ къ нимъ войско — что смѣлые наѣздники Россійскіе вездѣ бьютъ Крымцевъ,

приближаясь къ самому ихъ стану — Девлетъ-Гирей ушелъ еще скорѣе, нежели пришелъ; не дождался и своихъ отрядовъ, которые жгли берега Оки и Вожи. За нимъ не гналися; но Ширинскій Князь его, Мамай, хотѣвъ долѣе грабить въ селахъ Пронскихъ, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ съ 500 Крымцевъ; на мѣстѣ легло ихъ болѣе трехъ тысячь ([123]). Чрезъ 6 дней все затихло: уже не было слуха о Крымцахъ. Іоаннъ, оставивъ Царицу и дѣтей въ Александровской Слободѣ, выѣзжалъ изъ Москвы къ войску, когда Басмановы донесли ему о бѣгствѣ непріятеля: личная доблесть и слава сихъ двухъ любимцевъ еще болѣе оживляла его радость: онъ далъ имъ золотыя медали.

Вниманіе Государя обратилось на Полоцкъ: и тамъ мы торжествовали, къ стыду измѣнника нашего и гордаго Пана Радзивила, главнаго Воеводы Сигизмундова. Они расположились станомъ въ двухъ верстахъ отъ города, между рѣками Двиною и Полотою, въ надеждѣ, что возьмутъ его однимъ страхомъ или измѣною; но Воевода Полоцкій, Князь Петръ Щенятевъ, отвѣтствовалъ на ихъ предложенія выстрѣлами, а бывшій Царь Казанскій Симеонъ, Князья Иванъ Пронскій, Петръ и Василій Оболенскіе-Серебряные спѣшили изъ Великихъ Лукъ зайти непріятелю въ тылъ: ибо Государь, угадывая дѣйствіе совѣтовъ Курбскаго, заблаговременно усилилъ полки свои на сей границѣ. Радзивилъ не имѣлъ довѣренности къ Курбскому (такова участь

предателей!): вопреки его мнѣнію, опасался битвы, въ коей могъ быть между двумя огнями; 17 дней стоялъ праздно; терялъ людей отъ выстрѣловъ изъ крѣпости — а 4 Октября перешелъ на Литовскую сторону Двины ([124]). Сего не довольно: Воеводы Московскіе, изгнавъ Литовцевъ, взяли приступомъ Озерище, и славный побѣдитель Шуйскаго не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, чтобы спасти, сію важную крѣпость. — Въ туже осень Князь Василій Прозоровскій отразилъ Литовцевъ отъ Чернигова, и взявъ знамя Пана Сапѣги, заслужилъ Царскую милость ([125]). Зимою Курбскій съ 15,000 воиновъ Королевскихъ входилъ въ области Великихъ Лукъ; но подвиги его состояли единственно въ разореніи селъ, даже монастырей. «То сдѣ«лалось противъ моей воли,» писалъ онъ къ Іоанну: «не льзя было удержать хищ«ныхъ ратниковъ. Я воевалъ мое отечество «такъ же, какъ Давидъ, гонимый Сауломъ, «воевалъ землю Израильскую» ([126]).

6 Ноября.

Къ общему распоряженію Короля принадлежали и дѣйствія Воеводъ его въ Ливоніи: чтобы способствовать успѣхамъ Хана и Радзивила, онъ велѣлъ Князю Александру Полубенскому и другимъ своимъ Воеводамъ итти къ Маріенбургу, Дерпту, въ область Псковскую. Было нѣсколько дѣлъ, довольно важныхъ: въ одномъ храб-

рый витязь Іоанновъ, Василій Вешняковъ, разбилъ непріятеля, а въ другомъ Князь Иванъ Шуйскій и Меньшій Шереметевъ уступили ему поле битвы ([127]). Литовцы не могли овладѣть Краснымъ; не могли защитить окрестностей Шмильтена, Венденa, Вольмара, Роннебурга, откуда мужественный Воевода Бутурлинъ вывелъ 3200 плѣнниковъ: за что Государь прислалъ къ нему золотыя медали. Силы Литовцевъ были раздѣлены: они сражались и съ нами и съ Шведами; послѣдніе же на сухомъ пути съ ними, а на морѣ съ Датчанами, за спорную Ливонію, къ удовольствію Іоанна, который внутренно смѣялся надъ ихъ усиліями, считая себя единственнымъ ея законнымъ Государемъ.

Посольство В. Магистра Нѣмецкаго.

Іоаннъ надѣялся еще далѣе распространить пламя войны Ливонской и найти новаго, усерднаго сподвижника противъ Короля Сигизмунда въ Великомъ Магистрѣ Нѣмецкомъ, Вольфгангѣ: ибо сей древній Орденъ, утративъ свое бытіе въ Пруссіи, былъ возстановленъ въ Германіи ([128]), болѣе именемъ и обрядами, нежели духомъ и характеромъ. Вольфгангъ писалъ къ Царю, что онъ мыслитъ съ помощію Императора завоевать Пруссію, желаетъ союза Россіи, дабы общими силами наступить на Сигизмунда, и шлетъ Пословъ въ Москву: они дѣйствительно пріѣхали (въ Сентябрѣ 1564

года) съ письмами отъ Императора Фердинанда и Магистра, но единственно для того, чтобы исходатайствовать свободу плѣннику, старцу Фирстенбергу: не было слова о союзѣ и войнѣ. Государь съ досадою отвѣтствовалъ, что Магистръ нынѣ говоритъ одно, а завтра иное; что если Вольфгангъ отниметъ у Сигизмунда Ригу и Венденъ, то Царь пожалуетъ ими Фирстенберга; что Императору не будетъ отвѣта, ибо онъ писалъ къ Царю не съ своимъ, а съ чужими Послами (129).

Таинственный отъѣздъ Іоанновъ.

Такимъ образомъ измѣна Курбскаго и замыселъ Сигизмундовъ потрясти Россію произвели одну кратковременную тревогу въ Москвѣ. Но сердце Іоанново не успокоилось, болѣе и болѣе кипѣло гнѣвомъ, волновалось подозрѣніями. Всѣ добрые Вельможи казались ему тайными злодѣями, единомышленниками Курбскаго: онъ видѣлъ предательство въ ихъ печальныхъ взорахъ, слышалъ укоризны или угрозы въ ихъ молчаніи; требовалъ доносовъ, и жаловался, что ихъ мало: самые безстыдные клеветники не удовлетворяли его жаждѣ къ истязанію. Какая-то невидимая рука еще удерживала тирана: жертвы были предъ нимъ, и еще не издыхали, къ его изумленію и мукѣ. Іоаннъ искалъ предлога для новыхъ ужасовъ — и вдругъ, въ началѣ зимы 1564 года, Москва узнала, что

Царь ѣдетъ, неизвѣстно куда, съ своими ближними, Дворянами, людьми Приказными, воинскими, поименно созванными для того изъ самыхъ городовъ отдаленныхъ, съ ихъ женами и дѣтьми ([130]). 3 Декабря, рано, явилось на Кремлевской площади множество саней: въ нихъ сносили изъ дворца золото и серебро, святыя иконы, кресты, сосуды драгоцѣнные, одежды, деньги. Духовенство, Бояре, ждали Государя въ церкви Успенія: онъ пришелъ и велѣлъ Митрополиту служить Обѣдню; молился съ усердіемъ; принялъ благословеніе отъ Аѳанасія, милостиво далъ цѣловать руку свою Боярамъ, чиновникамъ, купцамъ; сѣлъ въ сани съ Царицею, съ двумя сыновьями, съ Алексѣемъ Басмановымъ, Михайломъ Салтыковымъ, Княземъ Аѳанасіемъ Вяземскимъ ([131]), Иваномъ Чеботовымъ, съ другими любимцами, и провождаемый цѣлымъ полкомъ вооруженныхъ всадниковъ, уѣхалъ въ село Коломенское, гдѣ жилъ двѣ недѣли за распутьемъ: ибо сдѣлалась необыкновенная оттепель, шли дожди и рѣки вскрылись. 17 Декабря онъ съ обозами своими переѣхалъ въ село Тайнинское, оттуда въ монастырь Тро́ицкій, а къ Рождеству въ Александровскую Слободу. — Въ Москвѣ, кромѣ Митрополита, находились тогда многіе Святители: они вмѣстѣ съ Боярами, вмѣстѣ съ народомъ — не зная, что думать о Государевомъ необыкновенномъ, таинственномъ путешествіи — безпокоились, унывали, ждали чего

нибудь чрезвычайнаго и, безъ сомнѣнія, не радостнаго. Прошелъ мѣсяцъ.

Г. 1565. Письмо Іоанново къ Митрополиту.

3 Генваря вручили Митрополиту Іоаннову грамоту, присланную съ чиновникомъ Константиномъ Поливановымъ. Государь описывалъ въ ней всѣ мятежи, неустройства, беззаконія Боярскаго правленія во время его малолѣтства; доказывалъ, что и Вельможи и Приказные люди расхищали тогда казну, земли, помѣстья Государевы: радѣли о своемъ богатствѣ, забывая отечество; что сей духъ въ нихъ не измѣнился; что они не престаютъ злодѣйствовать: Воеводы не хотятъ быть защитниками Христіанъ, удаляются отъ службы, даютъ Хану, Литвѣ, Нѣмцамъ терзать Россію; а если Государь, движимый правосудіемъ, объявляетъ гнѣвъ недостойнымъ Боярамъ и чиновникамъ, то Митрополитъ и Духовенство вступаются за виновныхъ, грубятъ, стужаютъ ему. «Въ слѣдствіе чего» — писалъ Іоаннъ — «не хотя терпѣть ва-«шихъ измѣнъ, мы отъ великой жалости «сердца оставили Государство и поѣхали, «куда Богъ укажетъ намъ путь» (132). — Другую грамоту прислалъ онъ къ гостямъ, купцамъ и мѣщанамъ: Дьяки Путило Михайловъ и Андрей Васильевъ въ собраніи народа читали оную всегласно. Царь увѣрялъ добрыхъ Москвитянъ въ своей ми-

лости, сказывая, что опала и гнѣвъ его не касаются народа.

Столица пришла въ ужасъ: безначаліе казалось всѣмъ еще страшнѣе тиранства. «Государь насъ оставилъ!» вопилъ народъ: «мы гибнемъ! Кто будетъ нашимъ защит-«никомъ въ войнахъ съ иноплеменными? «Какъ могутъ быть овцы безъ пастыря?» Духовенство, Бояре, сановники, Приказные люди, проливая слезы, требовали отъ Митрополита, чтобы онъ умилостивилъ Іоанна, никого не жалѣя и ничего не страшася. Всѣ говорили ему одно: «Пусть Царь каз-«нитъ своихъ лиходѣевъ: въ животѣ и въ «смерти воля его; но Царство да не оста-«нется безъ Главы! Онъ нашъ Владыка, «Богомъ данный: инаго не вѣдаемъ. Мы «всѣ *съ своими головами* ѣдемъ за тобою «*бить челомъ Государю* и *плакаться.*» То же говорили купцы и мѣщане, прибавляя: «Пусть Царь укажетъ намъ своихъ измѣн-«никовъ: мы сами истребимъ ихъ!» Митрополитъ немедленно хотѣлъ ѣхать къ Царю; но въ общемъ совѣтѣ положили, чтобы Архипастырь остался блюсти столицу, которая была въ неописанномъ смятеніи. Всѣ дѣла пресѣклись; суды, Приказы, лавки, караульни опустѣли. Избрали главными Послами Святителя Новогородскаго Пимена и Чудовскаго Архимандрита Левкія; но за ними отправились и всѣ

Ужасъ въ Москвѣ.

другіе Епископы: Никандръ Ростовскій, Елевѳерій Суздальскій, Филоѳей Рязанскій, Матѳей Крутицкій, Архимандриты Троицкій, Симоновскій, Спасскій, Андрониковскій; за Духовенствомъ Вельможи, Князья Иванъ Дмитріевичь Бѣльскій, Иванъ Ѳедоровичь Мстиславскій, — всѣ Бояре, Окольничіе, Дворяне и Приказные люди, прямо изъ палатъ Митрополитовыхъ, не заѣхавъ къ себѣ въ домы; также и многіе гости, купцы, мѣщане, чтобы *ударить челомъ Государю и плакаться.*

Святители остановились въ Слотинѣ, пославъ доложить о себѣ Іоанну: онъ велѣлъ имъ ѣхать въ Александровскую Слободу съ приставами, и 5 Генваря впустилъ ихъ во дворецъ. Сказавъ Царю благословеніе отъ Митрополита, Епископы слезно молили его снять опалу съ Духовенства, съ Вельможъ, Дворянъ, Приказныхъ людей, не оставлять Государства, царствовать и дѣйствовать, какъ ему угодно; молили наконецъ, чтобы онъ дозволилъ Боярамъ видѣть очи Царскія. Іоаннъ впустилъ и Бояръ, которые съ такимъ же умиленіемъ, съ такою же силою убѣждали Царя сжалиться надъ Россіею, возвеличенною его побѣдами и мудрыми уставами, славною мужествомъ ея народа многочисленнаго, богатою сокровищами Природы, еще славнѣйшею благовѣріемъ. «Когда» — сказали вмѣстѣ и Духовные и Государственные сановники — «когда ты не уважаешь мірскаго величія и сла«вы, то вспомни, что, оставляя Москву, остав-

«ляешь святыню храмовъ, гдѣ совершились чу-
«деса Божественной къ тебѣ милости, гдѣ ле-
«жатъ цѣлебныя мощи Угодниковъ Христовыхъ.
«Вспомни, что ты блюститель не только Государ-
«ства, но и Церкви: первый, единственный Мо-
«нархъ Православія! Если удалишься, кто спа-
«сетъ истину, чистоту нашей Вѣры? Кто спа-
«сетъ милліоны душъ отъ гибели вѣчной» (133)? —
Царь отвѣтствовалъ съ своимъ обыкновеннымъ
многорѣчіемъ: повторилъ всѣ извѣстные упре-
ки Боярамъ въ ихъ своевольствѣ, нерадѣніи,
строптивости; ссылался на Исторію; доказы-
валъ, что они издревле были виновниками кро-
вопролитія, междоусобія въ Россіи, издревле
врагами Державныхъ наслѣдниковъ Мономахо-
выхъ: хотѣли (обвиненіе новое!) извести Царя,
супругу, сыновей его . . . . Бояре безмолвство-
вали. «Но» — продолжалъ Царь — «для отца
«моего Митрополита Аѳанасія, — для васъ, бо-
«гомольцевъ нашихъ, Архіепископовъ и Епи-
«скоповъ, соглашаюсь паки *взять свои Государ-
«ства;* а на какихъ условіяхъ, вы узнаете.»
Условія состояли въ томъ, чтобы Іоанну невоз-
бранно казнить измѣнниковъ, опалою, смертію,
лишеніемъ достоянія, безъ всякаго стуженія,
безъ всякихъ претительныхъ докукъ со стороны
Духовенства. Въ сихъ десяти словахъ Іоаннъ
изрекъ гибель многимъ Боярамъ, которые предъ
нимъ стояли: казалось, что никто изъ нихъ не
думалъ о своей жизни; хотѣли единственно воз-
вратить Царя Царству — и всѣ со слезами бла-

годарили, славили Іоаннову милость, Вельможи и Духовенство, у коего отнималъ Государь древнее, святое право ходатайствовать не только за невинныхъ, но и за виновныхъ, еще достойныхъ милосердія! — Грозный Владыка, какъ бы смягченный смиреніемъ обреченныхъ жертвъ, велѣлъ Святителямъ праздновать съ нимъ Богоявленіе; удержалъ въ Слободѣ Князей Бѣльскаго и Щенятева, а другихъ Бояръ, вмѣстѣ съ Дьяками, отпустилъ въ Москву, чтобы дѣла не остановились въ Приказахъ.

Москва съ нетерпѣніемъ ждала Царя, и долго; говорили, что онъ занимается тайнымъ дѣломъ съ людьми ближними; угадывали оное не безъ боязни. Наконецъ, 2 Февраля, Іоаннъ торжественно въѣхалъ въ столицу и на другой день созвалъ Духовенство, Бояръ, знатнѣйшихъ чиновниковъ ([134]). Видъ его изумилъ всѣхъ. Опишемъ здѣсь наружность Іоаннову. Онъ былъ великъ ростомъ, строенъ; имѣлъ *высокія* плеча, крѣпкія мышцы, широкую грудь, прекрасные волосы, длинный усъ, носъ Римскій, глаза не большіе, сѣрые, но свѣтлые, проницательные, исполненные огня, и лице нѣкогда пріятное ([135]). Въ сіе время онъ такъ измѣнился, что не льзя было узнать его: на лицѣ изображалась мрачная свирѣпость; всѣ черты исказились; взоръ угасъ; а на головѣ и въ бородѣ не осталось почти ни одного волоса ([136]), отъ неизъяснимаго дѣйствія ярости, которая кипѣла въ душѣ его. Снова исчисливъ вины Бояръ, и подтвердивъ

согласіе остаться Царемъ, Іоаннъ много разсуждалъ о должности Вѣнценосцевъ блюсти спокойствіе Державъ, брать всѣ нужныя для того мѣры — о кратковременности жизни, о необходимости видѣть далѣе гроба, и предложилъ уставъ *Опричнины* (137): имя, дотолѣ неизвѣстное! Іоаннъ сказалъ, что онъ для своей и государственной безопасности учреждаетъ особенныхъ тѣлохранителей. Такая мысль никого не удивила: знали его недовѣрчивость, боязливость, свойственную нечистой совѣсти; но обстоятельства удивили, а слѣдствія привели въ новый ужасъ Россію. 1) Царь объявлялъ своею собственностію города Можайскъ, Вязьму, Козельскъ, Перемышль, Бѣлевъ, Лихвинъ, Ярославецъ, Суходровью, Медынь, Суздаль, Шую, Галичь, Юрьевецъ, Балахну, Вологду, Устюгъ, Старую Русу, Каргополь, Вагу, также волости Московскія и другія съ ихъ доходами; 2) выбиралъ 1000 тѣлохранителей изъ Князей, Дворянъ, Дѣтей Боярскихъ, и давалъ имъ помѣстья въ сихъ городахъ, а тамошнихъ вотчинниковъ и владѣльцевъ переводилъ въ иныя мѣста; 3) въ самой Москвѣ взялъ себѣ улицы Чертольскую, Арбатскую съ Сивцовымъ Врагомъ, половину Никитской съ разными слободами, откуда надлежало выслать всѣхъ Дворянъ и Приказныхъ людей, не записанныхъ въ

Учрежденіе Опричнины.

Царскую тысячу; 4) назначилъ *особенныхъ* сановниковъ для услугъ своихъ: Дворецкаго, Казначеевъ, Ключниковъ, даже поваровъ, хлѣбниковъ, ремесленниковъ; 5) наконецъ, какъ бы возненавидѣвъ славныя воспоминанія Кремлевскія и священные гробы предковъ, не хотѣлъ жить въ великолѣпномъ дворцѣ Іоанна III: указалъ строить новый за Неглинною, между Арбатомъ и Никитскою улицею, и подобно крѣпости оградить высокою стѣною (138). Сія часть Россіи и Москвы, сія тысящная дружина Іоаннова, сей новый Дворъ, какъ отдѣльная собственность Царя находясь подъ его непосредственнымъ вѣдомствомъ, были названы *Опричниною*; а все остальное — то есть, все Государство — *Земщиною*, которую Іоаннъ поручалъ *Боярамъ Земскимъ*, Князьямъ Бѣльскому, Мстиславскому и другимъ, велѣвъ старымъ Государственнымъ чиновникамъ — Конюшему, Дворецкому, Казначеямъ, Дьякамъ — сидѣть въ ихъ Приказахъ, рѣшить всѣ дѣла гражданскія, а въ важнѣйшихъ относиться къ Боярамъ, коимъ дозволялось въ чрезвычайныхъ случаяхъ, особенно по ратнымъ дѣламъ, ходить съ докладомъ къ Государю. То есть, Іоаннъ по видимому желалъ какъ бы удалиться отъ Царства, стѣснивъ себя въ маломъ кругу частнаго Владѣтеля, и въ доказательство, что *Государево* и *Государственное* уже не одно знаменуютъ въ Россіи, требовалъ себѣ изъ казны Земской 100,000 рублей за издержки его путешествія отъ Москвы до Слободы Александров-

ской (139)! — Никто не противоречилъ: воля Царская была закономъ. Обнародовали новое учрежденіе.

4 Февраля Москва увидѣла исполненіе *условій*, объявленныхъ Царемъ Духовенству и Боярамъ въ Александровской Слободѣ (140). Начались казни мнимыхъ измѣнниковъ, которые будто бы вмѣстѣ съ Курбскимъ умышляли на жизнь Іоанна, покойной Царицы Анастасіи и дѣтей его (141). Первою жертвою былъ славный Воевода, Князь Александръ Борисовичь Горбатый-Шуйскій, потомокъ Св. Владиміра, Всеволода Великаго и древнихъ Князей Суздальскихъ, знаменитый участникъ въ завоеваніи Казанскаго Царства, мужъ *ума глубокаго*, искусный въ дѣлахъ ратныхъ, ревностный другъ отечества и Христіанъ. Ему надлежало умереть вмѣстѣ съ сыномъ, Петромъ, семнадцати-лѣтнимъ юношею. Оба шли къ мѣсту казни безъ страха, спокойно, держа другъ друга за руку. Сынъ не хотѣлъ видѣть казни отца, и первый склонилъ подъ мечь свою голову: родитель отвелъ его отъ плахи, сказавъ съ умиленіемъ: «да не зрю тебя мертваго!» Юноша уступилъ ему первенство, взялъ отсѣченную голову отца, поцѣловалъ ее, взглянулъ на небо и съ лицемъ веселымъ отдалъ себя въ руки палача (142). Шуринъ Горбатаго, Петръ Ховринъ (родомъ Грекъ),

Вторая эпоха казней

Окольничій Головинъ, Князь Иванъ Сухой-Кашинъ, и Кравчій, Князь Петръ Ивановичь Горенскій, были казнены въ тотъ же день; а Князь Дмитрій Шевыревъ посаженъ на колъ ([143]): пишутъ, что сей несчастный страдалъ цѣлый день, но, укрѣпляемый Вѣрою, забывалъ муку и пѣлъ Канонъ Іисусу. Двухъ Бояръ, Князей Ивана Куракина и Дмитрія Нѣмаго, постригли: у многихъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ отняли имѣніе; другихъ съ семействами сослали въ Казань ([144]). — Одинъ изъ знатнѣйшихъ Вельможъ, ближній родственникъ добродѣтельной Царицы Анастасіи, Бояринъ и Воевода Иванъ Петровичь Яковлевъ, также навлекъ на себя опалу; но Іоаннъ въ самомъ ожесточеніи еще любилъ хвалиться милосердіемъ: простивъ Яковлева, взялъ съ него клятвенную грамоту, утвержденную подписями Святителей, въ томъ, чтобы не уходить ему изъ Россіи ни въ Литву, ни къ Папѣ, ни къ Императору, ни къ Султану, ни къ *Князю Владиміру Андреевичу*, и не имѣть съ нимъ никакихъ тайныхъ сношеній. Мы упоминали о ссылкѣ первостепеннаго Боярина, славнаго Воеводы, Князя Михайла Воротынскаго: лишенный имѣнія, онъ года четыре жилъ на Бѣлѣозерѣ, получая изъ Государевой казны около 100 рублей ежегодно, сверхъ запаса, винъ, плодовъ иноземныхъ, одежды, бѣлья ([145]). Наконецъ Іоаннъ возвратилъ сего знаменитаго изгнанника ко Двору, въ Думу: сдѣлалъ Намѣстникомъ Казанскимъ и *Державцемъ* Новосильскимъ, обязавъ его въ

вѣрности такою же грамотою, какъ и Яковлева, съ прибавленіемъ, что Митрополитъ и Епископы были ихъ ходатаями. Не велѣвъ Духовенству вступаться за опальныхъ, Царь желалъ польстить ему симъ милостивымъ словомъ. Но ходатаевъ уже не было! Духовенство могло только слезами орошать Олтари и возсылать теплыя молитвы къ Богу о спасеніи несчастныхъ! — Другіе Бояре — Левъ Андреевичь Салтыковъ, Князья Василій Серебряный, Иванъ Охлябининъ, Захарія Очинъ-Плещеевъ — долженствовали представить за себя ручателей въ неизмѣнной службѣ Государю; а въ случаѣ ихъ бѣгства ручатели (не только именитые сановники, но и купцы) обязывались внести знатную сумму денегъ въ казну: на примѣръ, за Князя Серебрянаго 25,000 рублей или около полумилліона нынѣшнихъ ([146]). Предосторожность безполезная и постыдная для Государя; но сей Государь былъ тиранъ!

Послѣ казней Іоаннъ занялся образованіемъ своей новой Дружины. Въ совѣтѣ съ нимъ сидѣли Алексѣй Басмановъ, Малюта Скуратовъ, Князь Аѳанасій Вяземскій ([147]), и другіе любимцы. Къ нимъ приводили молодыхъ Дѣтей Боярскихъ, отличныхъ не достоинствами, но такъ называемымъ удальствомъ, распутствомъ, готовностію на все. Іоаннъ предлагалъ имъ вопросы о родѣ ихъ, о друзьяхъ и покровителяхъ: требовалось именно, чтобы они не имѣли никакой связи съ знатными Боярами; неизвѣстность,

самая низость происхожденія вмѣнялась имъ въ достоинство. Вмѣсто тысячи, Царь избралъ 6000, и взялъ съ нихъ присягу служить ему вѣрою и правдою, доносить на измѣнниковъ, не дружиться съ *Земскими* (то есть, со всѣми не записанными въ Опричнину), не водить съ ними хлѣбасоли, не знать ни отца, ни матери, знать единственно Государя. За то Государь далъ имъ не только земли, но и домы и всю движимую собственность старыхъ владѣльцевъ (числомъ 12,000), высланныхъ изъ предѣловъ Опричнины съ голыми руками, такъ, что многіе изъ нихъ, люди заслуженые, израненные въ битвахъ, съ женами и дѣтьми шли зимою пѣшкомъ въ иныя отдаленныя, пустыя помѣстья. Самые земледѣльцы были жертвою сего несправедливаго учрежденія: новые Дворяне, которые изъ нищихъ сдѣлались большими господами, хотѣли пышностію закрасить свою подлость, имѣли нужду въ деньгахъ, обременяли крестьянъ налогами, трудами: деревни разорились. Но сіе зло казалось еще маловажнымъ въ сравненіи съ другимъ. Скоро увидѣли, что Іоаннъ предаетъ всю Россію въ жертву своимъ Опричнымъ: они были всегда правы въ судахъ, а на нихъ не было ни суда, ни управы. Опричникъ или *Кромѣшникъ* — такъ стали называть ихъ, какъ бы извергов тьмы *кромѣшней* ([148]) — могъ безопасно тѣснить, грабить сосѣда, и въ случаѣ жалобы бралъ съ него пеню за безчестье. Сверхъ многихъ иныхъ злодѣйствъ, къ ужасу мирныхъ гражданъ, слѣдую-

щее вошло въ обыкновеніе: слуга Опричника, исполняя волю господина, съ нѣкоторыми вещами прятался въ домѣ купца или Дворянина; господинъ заявлялъ его мнимое бѣгство, мнимую кражу; требовалъ въ судѣ пристава, находилъ своего бѣглеца съ поличнымъ и взыскивалъ съ невиннаго хозяина, пять сотъ, тысячу или болѣе рублей. Не было снисхожденія: надлежало или немедленно заплатить или итти *на правежъ:* то есть, неудовлетворенному истцу давалось право вывести должника на площадь и сѣчь его всенародно до заплаты денегъ (149). Иногда Опричникъ самъ подметывалъ что нибудь въ богатую лавку, уходилъ, возвращался съ приставомъ, и за сію будто бы украденную у него вещь разорялъ купца; иногда, схвативъ человѣка на улицѣ, велъ его въ судъ, жалуясь на вымышленную обиду, на вымышленную брань: ибо сказать неучтивое слово Кромѣшнику значило оскорбить самого Царя; въ такомъ случаѣ невинный спасался отъ тѣлесной казни тягостною денежною пенею. Однимъ словомъ, люди Земскіе, отъ Дворянина до мѣщанина, были безгласны, безотвѣтны противъ Опричныхъ; первые были *ловомъ*, послѣдніе *ловцами*, и единственно для того, чтобы Іоаннъ могъ надѣяться на усердіе своихъ разбойниковъ-тѣлохранителей въ новыхъ, замышляемыхъ имъ убійствахъ. Чѣмъ болѣе Государство ненавидѣло Опричныхъ, тѣмъ болѣе Государь имѣлъ къ нимъ довѣренности: сія общая ненависть служила ему залогомъ ихъ

вѣрности. — Затѣйливый умъ Іоанновъ изобрѣлъ достойный символъ для своихъ ревностныхъ слугъ: они ѣздили всегда съ *собачьими головами* и съ *метлами*, привязанными къ сѣдламъ, въ ознаменованіе того, что *грызутъ* лиходѣевъ Царскихъ и *метутъ* Россію ([150])!

Александровская Слобода.

Хотя новый дворецъ уподоблялся неприступной крѣпости, но Іоаннъ не считалъ себя и въ немъ безопаснымъ: по крайней мѣрѣ не взлюбилъ Москвы, и съ сего времени жилъ большею частію въ Слободѣ Александровской, которая сдѣлалась городомъ, украшенная церквами, домами, лавками каменными. Тамошній славный храмъ Богоматери сіялъ снаружи разными цвѣтами, серебромъ и золотомъ: на всякомъ кирпичѣ былъ изображенъ крестъ ([151]). Царь жилъ въ большихъ палатахъ, обведенныхъ рвомъ и валомъ; придворные, государственные, воинскіе чиновники въ особенныхъ домахъ. Опричники имѣли свою улицу; купцы также. Никто не смѣлъ ни въѣхать, ни выѣхать оттуда безъ вѣдома Іоаннова: для чего въ трехъ верстахъ отъ *Слободы*, прозванной *Неволею* ([152]), обыкновенно стояла воинская стража. — Въ семъ грозно-увеселительномъ жилищѣ, окруженномъ темными лѣсами, Іоаннъ посвящалъ большую часть времени церковной службѣ, чтобы непрестанною набожною дѣятельно-

Монашеская жизнь Іоаннова.

ностію успокоивать душу. Онъ хотѣлъ даже обратить дворецъ въ монастырь, а любимцевъ своихъ въ Иноковъ: выбралъ изъ Опричниковъ 300 человѣкъ, самыхъ злѣйшихъ, назвалъ *братіею*, себя Игуменомъ, Князя Аѳанасія Вяземскаго Келаремъ, Малюту Скуратова Параклисіархомъ ([153]); далъ имъ *тафьи*, или скуфейки, и черныя рясы, подъ коими носили они богатые, золотомъ блестящіе кафтаны съ собольею опушкою ([154]); сочинилъ для нихъ уставъ Монашескій, и служилъ примѣромъ въ исполненіи онаго. Такъ описываютъ сію монастырскую жизнь Іоаннову: Въ четвертомъ часу утра онъ ходилъ на колокольню съ Царевичами и съ Малютою Скуратовымъ благовѣстить къ Заутренѣ; братья спѣшили въ церковь; кто не являлся, того наказывали осьмидневнымъ заключеніемъ. Служба продолжалась до шести или семи часовъ. Царь пѣлъ, читалъ, молился столь ревностно, что на лбу всегда оставались у него знаки крѣпкихъ земныхъ поклоновъ ([155]). Въ 8 часовъ опять собирались къ Обѣднѣ, а въ 10 садились за братскую трапезу, всѣ, кромѣ Іоанна, который стоя читалъ вслухъ душеспасительныя наставленія ([156]). Между тѣмъ братья ѣли и пили досыта; всякой день казался праздникомъ: не жалѣли ни вина, ни меду; остатокъ трапезы выносили изъ дворца на площадь для бѣдныхъ. Игуменъ — то есть, Царь — обѣдалъ послѣ ([157]); бесѣдовалъ съ любимцами о Законѣ; дремалъ или ѣхалъ въ темницу, пытать какого нибудь

несчастнаго. Казалось, что сіе ужасное зрѣлище забавляло его: онъ возвращался съ видомъ сердечнаго удовольствія; шутилъ, говаривалъ тогда веселѣе обыкновеннаго ([158]). Въ 8 часовъ шли къ Вечернѣ; въ десятомъ Іоаннъ уходилъ въ спальню, гдѣ трое слѣпыхъ, одинъ за другимъ, разсказывали ему сказки: онъ слушалъ ихъ и засыпалъ, но не на-долго: въ полночь вставалъ — и день его начинался молитвою ([159])! Иногда докладывали ему въ церкви о дѣлахъ государственныхъ; иногда самыя жестокія повелѣнія давалъ Іоаннъ во время Заутрени или Обѣдни ([160])! Единообразіе сей жизни онъ прерывалъ такъ называемыми *объѣздами*: посѣщалъ монастыри, и ближніе и дальніе, осматривалъ крѣпости на границѣ ([161]); ловилъ дикихъ звѣрей въ лѣсахъ и пустыняхъ; любилъ въ особенности медвѣжью травлю ([162]); между тѣмъ вездѣ и всегда занимался дѣлами: ибо Земскіе Бояре, мнимо-уполномоченные Правители Государства, не смѣли ничего рѣшить безъ его воли. Когда пріѣзжали къ намъ знатные Послы иноземные, Іоаннъ являлся въ Москвѣ съ обыкновеннымъ великолѣпіемъ и торжественно принималъ ихъ въ новой Кремлевской палатѣ, близъ церкви Св. Іоанна ([163]); являлся тамъ и въ другихъ важныхъ случаяхъ, но рѣдко. Опричники, блистая въ своихъ златыхъ одеждахъ, наполняли дворецъ, но не заграждали пути къ престолу и старымъ Боярамъ: только смотрѣли на нихъ.

спесиво, величаясь какъ подлые рабы въ чести недостойной.

Кромѣ сихъ любимцевъ, Іоаннъ удивительнымъ образомъ честилъ тогда нѣкоторыхъ Ливонскихъ плѣнниковъ. Въ Іюнѣ 1565 году, обвиняя Дерптскихъ гражданъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ бывшимъ Магистромъ ([164]), онъ вывелъ оттуда всѣхъ Нѣмцевъ и сослалъ въ Владиміръ, Угличь, Кострому, Нижній Новгородъ, съ женами и дѣтьми; но далъ имъ пристойное содержаніе и Христіанскаго наставника, Дерптскаго Пастора Веттермана, который могъ свободно ѣздить изъ города въ городъ, чтобы утѣшать ихъ въ печальной ссылкѣ: Царь отмѣнно уважалъ сего добродѣтельнаго мужа и велѣлъ ему разобрать свою библіотеку, въ коей Веттерманъ нашелъ множество рѣдкихъ книгъ, привезенныхъ нѣкогда изъ Рима, вѣроятно Царевною Софіею ([165]). Нѣмцы Эберфельдъ, Кальбъ, Таубе, Крузе вступили къ намъ въ службу, и хитрою лестію умѣли вкрасться въ довѣренность къ Іоанну. Увѣряютъ даже, что Эберфельдъ склонялъ его къ принятію Аугсбургскаго Исповѣданія, доказывая ему, словесно и письменно, чистоту онаго ([166])! По крайней мѣрѣ Царь дозволилъ Лютеранамъ имѣть церковь въ Москвѣ ([167]) и взыскалъ важную денежную пеню съ Митрополита за какую-то обиду, сдѣланную имъ

Иноземные любимцы Іоанновы.

одному изъ сихъ иновѣрцевъ; хвалилъ ихъ обычаи, славился своимъ Германскимъ происхожденіемъ, хотѣлъ женить сына на Княжнѣ Нѣмецкой, а дочь выдать за Нѣмецкаго Князя, дабы утвердить дружественную связь съ Имперіею. Въ искреннихъ бесѣдахъ онъ жаловался чужестраннымъ любимцамъ на Бояръ, на Духовенство, и не таилъ мысли искоренить первыхъ (168), чтобы царствовать свободнѣе, безопаснѣе съ Дворянствомъ новымъ, или съ Опричниною, ему преданною: ибо она видѣла въ немъ своего отца и благодѣтеля, а Бояре жалѣли о временахъ Адашевскихъ, когда имъ была свобода, а Царю неволя (такъ говорилъ Іоаннъ)! Естественно не любя Россіи, страшной для сосѣдственныхъ Державъ, и желая только угождать Царю, иноземцы безъ сомнѣнія не думали выводить его изъ мрачнаго заблужденія и гнѣвить смѣлымъ языкомъ истины; могли даже съ тайнымъ удовольствіемъ видѣть сію бурю, которая сокрушала главные столпы великой Монархіи: ибо Царь губилъ лучшихъ Воеводъ своихъ, лучшихъ совѣтниковъ Государственныхъ. Иноземцы молчали, или, вопреки совѣсти, хвалили тирана. Знаменитые Россіяне, лишаемые свободнаго доступа къ Государю, ознаменованные какъ бы презрительнымъ именемъ *Земскихъ*, нагло оскорбляемые неистовыми Кромѣшниками, угрожаемые опалою, казнію безъ вины, также молчали, вмѣстѣ съ Духовенствомъ. Но когда старецъ, Митрополитъ Аѳанасій, изнуренный тяж-

кою болѣзнію, а можетъ быть и душевною г. 1566.
горестію, оставилъ (въ 1566 г.) Митрополію ([169]): тогда явился мужъ смѣлый добродѣтелію и ревностною любовію къ отечеству, который подобно Сильвестру предпріялъ исправить Царя, но, менѣе счастливый, могъ только умереть за Царство въ вѣнцѣ Мученика.

Изъявляя усердіе ко благу Церкви, Іоаннъ хотѣлъ дать ей Пастыря отличнаго Христіанскими достоинствами: выборъ палъ сперва на Архіепископа Казанскаго Германа, который долго уклонялся отъ сана опаснаго въ такихъ обстоятельствахъ Россіи и при такомъ Царѣ, но долженъ былъ, исполняя рѣшительную волю его, согласиться. Уже всѣ Епископы съѣхалися въ Москву; уже написали грамоту избирательную, и Германъ нѣсколько дней жилъ въ палатахъ Митрополитскихъ, готовясь къ посвященію. Въ сіе время, бесѣдуя съ Іоанномъ наединѣ, онъ хотѣлъ испытать его сердце: началъ говорить съ нимъ, какъ должно Первосвятителю, о грѣхахъ и Христіанскомъ покаяніи, тихо, скромно, однакожь съ нѣкоторою силою; упомянулъ о смерти, о Страшномъ Судѣ, о вѣчной мукѣ злыхъ. Іоаннъ задумался; вышелъ отъ него съ лицемъ мрачнымъ, пересказалъ любимцамъ своимъ рѣчи Архіепископа и спрашивалъ, что они думаютъ?

Алексѣй Басмановъ отвѣтствовалъ: «Ду-«маемъ, Государь, что Германъ желаетъ «быть вторымъ Сильвестромъ: ужасаетъ «твое воображеніе и лицемѣритъ, въ на-«деждѣ овладѣть тобою; но спаси насъ и «себя отъ такого Архипастыря!» Германа изгнали изъ палатъ, и Царь искалъ другаго Первосвятителя (170).

Великодушіе Митрополита Филиппа.

Среди хладныхъ волнъ Бѣлаго моря, на островѣ Соловецкомъ, въ пустынѣ дикой, по знаменитой въ Россіи святостію своихъ первыхъ тружениковъ, Савватія и Зосимы, сіялъ добродѣтелями Игуменъ Филиппъ, сынъ Боярина Колычова, возненавидѣвъ суету міра въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ юности, и служа примѣромъ строгой жизни для Иноковъ отшельниковъ. Государь слышалъ о Филиппѣ: дарилъ его монастырю сосуды драгоцѣнные, жемчугъ, богатыя ткани, земли, деревни; помогалъ ему деньгами въ строеніи каменныхъ церквей, пристаней, гостинницъ, плотинъ: ибо сей Игуменъ былъ не только мудрымъ наставникомъ братіи, но и дѣятельнымъ хозяиномъ острова, дотолѣ дикаго, неприступнаго: очистилъ лѣса, проложилъ дороги, осушилъ болота каналами; завелъ оленей, домашній скотъ, рыбныя ловли, соляныя варницы; украсилъ, сколько могъ, пустыню; смягчилъ суровость климата: сдѣлалъ воздухъ благораствореннѣе (171). Безсмерт-

ный Сильвестръ кончилъ дни свои въ монастырѣ Соловецкомъ ([172]), любимый, уважаемый Филипомъ. Вѣроятно, что они вмѣстѣ сѣтовали о перемѣнѣ Іоаннова нрава; вѣроятно, что первый открывалъ Игумену свою душу, нѣкогда блаженную исправленіемъ юнаго Царя, устройствомъ и счастіемъ Царства: сіи бесѣды могли приготовить Филиппа къ великому его подвигу, хотя онъ, ревностію труженика удаленный на *край вселенныя*, и не могъ ожидать такой славы. Никто безъ сомнѣнія не мыслилъ объ немъ, кромѣ Іоанна: отвергнувъ Германа, Царь вздумалъ — мимо Святителей, мимо всѣхъ Архимандритовъ — возвести Филиппа на Митрополію, желая изъявить тѣмъ свое особенное уваженіе къ Христіанскимъ добродѣтелямъ, и показать, что самыя отдаленныя пустыни не скрываютъ ихъ отъ глазъ его. Филиппъ, Царскою милостивою грамотою призываемый въ Москву для *совѣта духовнаго*, отслужилъ Литургію, причастилъ всю братію, и со слезами выѣхалъ изъ своей любимой Обители, какъ бы предчувствуя, что одно мертвое тѣло его туда возвратится. За три версты отъ Новагорода встрѣтили смиреннаго Соловецкаго Игумена всѣ жители сей древней столицы съ привѣтствіемъ, съ дарами и съ моленіемъ, да ходатайствуетъ за нихъ предъ трономъ: ибо носился слухъ, что Іоаннъ угрожаетъ имъ гнѣвомъ ([173]). Царь принялъ Филиппа съ отмѣнною честію, обѣдалъ, бесѣдовалъ съ нимъ дружелюбно, и наконецъ объя-

вилъ, что ему быть Митрополитомъ. Пустынный Инокъ изумился, плакалъ, не хотѣлъ сей блестящей тягости; убѣждалъ его не *ввѣрять бремени великаго ладіи малой*. Царь былъ непреклоненъ. Тогда Филиппъ предложилъ условіе; сказалъ Царю: «Повинуюся твоей волѣ; но «умири же совѣсть мою: да не будетъ Опричнины! да будетъ только единая Россія! ибо «всякое раздѣленное Царство, по глаголу Всевышняго, запустѣетъ. Не могу благословлять «тебя искренно, видя скорбь отечества» (174). Іоаннъ имѣлъ власть надъ собою: остановилъ движеніе гнѣва въ сердцѣ своемъ; отвѣтствовалъ тихо: «Развѣ не знаешь, что мои хотятъ «поглотить меня; что ближніе готовятъ мнѣ гибель?» и доказывалъ необходимость сего учрежденія; но скоро выведенный изъ терпѣнія смѣлыми возраженіями старца, велѣлъ ему умолкнуть. Всѣ думали, что Филиппъ, подобно Герману, будетъ удаленъ съ безчестіемъ: увидѣли противное. Іоаннъ на сей разъ не хотѣлъ дать ему славы гонимаго за добродѣтель: желалъ склонить его къ безмолвію, явить слабымъ въ глазахъ Россіи, сдѣлать какъ бы соучастникомъ въ новыхъ правилахъ своего царствованія. Главные Пастыри Церковные служили для того орудіемъ. Повинуясь волѣ Іоанновой, они убѣждали Филиппа принять санъ Митрополита безъ всякаго условія, думать единственно о благѣ Церкви, не гнѣвить Государя дерзостію, но утолить гнѣвъ его и премѣнить въ милосердіе кро-

тостію; доказывали, что мнимая твердость Филиппова въ семъ случаѣ будетъ дѣйствіемъ гордости, несогласной съ духомъ истиннаго слуги Христова; что долгъ Святителя есть молиться и наставлять Царя единственно во спасеніи души, а не въ дѣлахъ Царства (175). Нѣкоторые изъ Святителей внутренно одобряли Филиппову смѣлость, но сами не имѣли ее; другіе — именно, Пименъ Новогородскій, Филоѳей Рязанскій — искали мірской чести и раболѣпствовали страстямъ Іоанновымъ. Убѣжденія ихъ поколебали Филиппа, не устрашеннаго Царскимъ гнѣвомъ, не ослѣпленнаго блескомъ Архипастырства, какъ доказало слѣдствіе, но, можетъ быть, смятеннаго мыслію отвергнуть сей верховный санъ дѣйствительно по внушенію тайной гордости, по упрямству и недовѣренности къ Провидѣнію, Которое властвуетъ надъ Царями и не даетъ имъ выступать за черту Его вышнихъ уставовъ, безъ сомнѣнія мудрыхъ, хотя и неизъяснимыхъ для ума человѣческаго. Филиппъ отвѣтствовалъ: «да будетъ, что угодно Государю и Цер«ковнымъ Пастырямъ!»

Написали грамоту (176), въ коей сказано, что новый, избираемый Митрополитъ далъ слово Архіепископамъ и Епископамъ не вступаться въ Опричнину Государеву и не оставлять Митрополіи подъ тѣмъ предлогомъ, что Царь не исполнилъ его требованія и запретилъ ему мѣшаться въ дѣла мірскія. Святители утвердили сію хартію своими подписями, и Филиппъ, заявленный

врагъ Опричнины, былъ немедленно возведенъ на Митрополію ([177]), къ общему удовольствію народа, къ досадѣ развратныхъ любимцевъ Іоанновыхъ. Казалось, что Государь одержалъ счастливую побѣду надъ собою, воздавъ честь добродѣтели. Митрополитъ уступилъ, но обнаруживъ свою важную мысль: Россіяне узнали, чего онъ желаетъ, и могли надѣяться на будущее, имѣя такого Первосвятителя. Всѣ добрые слушали съ восторгомъ привѣтственную рѣчь новаго Митрополита къ Іоанну, истинно пастырскую: о долгѣ Державныхъ быть отцами подданныхъ, блюсти справедливость, уважать заслуги; о гнусныхъ льстецахъ, которые тѣснятся къ престолу, ослѣпляютъ умъ Государей, служатъ ихъ страстямъ, а не отечеству, — хвалятъ достойное хулы, порицаютъ достохвальное; о тлѣнности земнаго величія; о побѣдахъ *невооруженной любви*, которыя пріобрѣтаются государственными благодѣяніями и еще славнѣе *побѣдъ ратныхъ* ([178]). Казалось, что самъ Іоаннъ внималъ съ умиленіемъ гласу наставника, уже давно молчавшему въ семъ храмѣ; что сей нѣкогда любезный для него гласъ напомнилъ ему время счастливое и далъ вкусить сладость, имъ забвенную.— Первые дни и мѣсяцы протекли въ мирѣ, въ надеждахъ для столицы. Затихли жалобы на Кромѣшниковъ: чудовище вздремало. Царь ласкалъ Митрополита; а сей добродѣтельный старецъ, какъ бы опасаясь забыть Соловецкую Пустыню и строгій обѣтъ своей юности, началъ

строить въ Москвѣ церковь во имя ея Святыхъ, Зосимы и Савватія (179).

Но сія тишина, дѣйствіе или угрызеній совѣсти или притворства Іоаннова, была предтечею новой бури. Тиранъ изъ Слободскаго вертепа своего свирѣпо глядѣлъ на Москву. Хотѣвъ удивить Россію избраніемъ Митрополита, о коемъ никто не думалъ, Іоаннъ не замедлилъ увидѣть въ немъ орудіе ненавистныхъ Бояръ; увѣрялъ себя, что они внушили ему мысль требовать уничтоженія Опричнины (180) и возмущаютъ народъ противъ сей Царской дружины: ибо Кромѣшники, посылаемые въ столицу для наблюденій, доносили, что граждане бѣгаютъ отъ нихъ какъ отъ язвы, на улицахъ и площадяхъ; что все безмолвствуетъ, гдѣ явится Опричникъ. Въ воображеніи Іоанна составились ковы и заговоры: надлежало открыть, доказать ихъ — и слѣдующее происшествіе служило поводомъ къ новымъ убійствамъ. Главнымъ Боярамъ Московскимъ, Князьямъ Бѣльскому, Мстиславскому, Воротынскому, Конюшему Ивану Петровичу Ѳедорову, тайно вручили грамоты, подписанныя Королемъ Сигизмундомъ и Литовскимъ Гетманомъ Хоткѣвичемъ: Король и Гетманъ убѣждали ихъ оставить Царя жестокаго, звали къ себѣ, обѣщали имъ Удѣлы; напоминали двумъ первымъ, что они Литов- Третія эпоха убійствъ.

скаго роду: третьему, что онъ былъ нѣкогда Владѣтельнымъ Княземъ; а Конюшему Ѳедорову, что Царь уже давалъ ему чувствовать гнѣвъ свой въ разныхъ случаяхъ ([181]). Бояре, представивъ сіи грамоты Іоанну, отвѣтствовали Королю, что склонять вѣрныхъ подданныхъ къ измѣнѣ есть дѣло безчестное; что они умрутъ за Царя добраго, ужаснаго для однихъ злодѣевъ; что если Король желаетъ вызвать ихъ изъ Россіи, то пусть отдастъ имъ всю Литву, Галицію, Пруссію, Жмудь, Бѣлорусію, Волынскую и Подольскую землю. Ѳедоровъ писалъ къ Сигизмунду: «Какъ могъ ты вообразить, чтобы я, «занося ногу во гробъ, вздумалъ погубить душу «свою гнусною измѣною? Что мнѣ у тебя дѣ«лать? Водить полковъ твоихъ я не въ силахъ, «пировъ не люблю, веселить тебя не умѣю, пля«скамъ вашимъ не учился.» Въ письмѣ къ Гетману Хоткѣвичу онъ прибавилъ: «Чѣмъ можете «обольстить меня? я богатъ и знатенъ. Угро«жаешь мнѣ гнѣвомъ Царя: вижу отъ него «только милости.» Самъ Іоаннъ взялся, какъ вѣроятно, доставить Королю сіи отвѣты, писанные однимъ слогомъ; но доставилъ ли, неизвѣстно: по крайней мѣрѣ, любя всегда упрекать Сигизмунда козлями, нигдѣ въ сношеніяхъ съ Литвою не упоминаетъ о такомъ безчестномъ, неосторожномъ подманѣ нашихъ Вельможъ. Если Государь составленіемъ мнимыхъ Королевскихъ грамотъ испытывалъ вѣрность Бояръ своихъ, то она симъ случаемъ была доказана въ

его глазахъ, но не въ глазахъ Россіи: гражданинъ, дающій врагамъ надежду склонить его къ измѣнѣ, уже омрачается какою-то подозрительною тѣнію. На сей разъ Князья Бѣльскій, Мстиславскій, Воротынскій, уцѣлѣли; но Ѳедоровъ, мужъ старыхъ обычаевъ, украшенный воинскою славою и сѣдиною государственной опытности, бывъ 19 лѣтъ въ знатномъ санѣ Конюшаго (182) и начальникомъ Казеннаго Приказа, Вельможа щедрый, пышный, сдѣлался предметомъ клеветы. Еще онъ ревностно служилъ Царю, доживая вѣкъ свой съ супругою *святою*, не имѣя дѣтей, и готовился дать отчетъ Судіи вышнему, когда земный судія объявилъ его главою заговорщиковъ, повѣривъ или вымысливъ, что сей ветхій старецъ думаетъ свергнуть Царя съ престола и властвовать надъ Россіею. Іоаннъ спѣшилъ разрушить мнимый ужасный заговоръ: въ присутствіи всего Двора, какъ пишутъ (183), надѣлъ на Ѳедорова Царскую одежду и вѣнецъ, посадилъ его на тронъ, далъ ему державу въ руку, снялъ съ себя шапку, низко поклонился и сказалъ: «Здравъ буди, великій Царь земли Рус«скія! Се пріялъ ты отъ меня честь, тобою же«лаемую! Но имѣя власть сдѣлать тебя Царемъ, «могу и низвергнуть съ престола!» Сказавъ, ударилъ его въ серлце ножемъ: Опричники дорѣзали старца, извлекли обезображенное тѣло изъ дворца, бросили псамъ на съѣденіе; умертвили и престарѣлую жену Конюшаго Марію. Потомъ казнили всѣхъ мнимыхъ единомышленниковъ

невиннаго: Князей Ивана Андреевича Куракина-Булгакова, Дмитрія Ряполовскаго (мужественнаго воина, одержавшаго многія побѣды надъ Крымцами), и трехъ Князей Ростовскихъ. Одинъ изъ нихъ воеводствовалъ въ Нижнемъ-Новѣгородѣ (184): присланные изъ Москвы Кромѣшники, числомъ тридцать, нашли его тамъ стоящаго въ церкви и сказали: «Князь Ростовскій! «велѣніемъ Государя ты нашъ узникъ.» Воевода, бросивъ на землю Властительскую булаву свою, спокойно отдался имъ въ руки. Его раздѣли, повезли обнаженнаго, и въ двадцати верстахъ, на берегу Волги, остановились: онъ спросилъ хладнокровно, зачѣмъ? «Поить коней,» отвѣтствовали Кромѣшники. «Не конямъ (сказалъ несчаст-«ный), а мнѣ пить сію воду, и не выпить!» Ему въ тоже мгновеніе отсѣкли голову; тѣло кинули въ рѣку, а голову положили къ ногамъ Іоанна, который, оттолкнулъ ее, злобно смѣялся и говорилъ, что сей Князь, любивъ обагряться кровію непріятелей въ битвахъ, наконецъ обагрился и собственною (185). Князь Петръ Щенятевъ, знаменитый Полководецъ, думалъ укрыться отъ смерти въ монастырѣ: отказался отъ свѣта, отъ имѣнія, отъ супруги и дѣтей; но убійцы нашли его въ келліи и замучили: жгли на
г. 1567-1568. сковородѣ (какъ повѣствуетъ Курбскій), вбивали ему иглы за ногти. Князь Иванъ Турун-

тай Пронскій, сѣдый старецъ, служилъ еще отцу Іоаннову, участвовалъ во всѣхъ походахъ, во всѣхъ битвахъ, славнѣйшихъ для Россіи, и также хотѣлъ быть наконецъ Монахомъ: его утопили ([186]). Казначея Государева, именемъ Хозяина Юрьевича Тютина ([187]), славнаго богатствомъ, разсѣкли на части, вмѣстѣ съ женою, съ двумя сыновьями младенцами, съ двумя юными дочерьми: сію казнь совершилъ Князь Михайло Темгрюковичь Черкасскій, братъ Царицы! Такъ же истерзали и Печатника или Думнаго Дьяка Казарина Дубровскаго. Многихъ другихъ именитыхъ людей умертвили, когда они, ничего не вѣдая, шли спокойно или въ церковь, или въ свои Приказы. Опричники, вооруженные длинными ножами, сѣкирами, бѣгали по городу, искали жертвъ, убивали всенародно, человѣкъ десять или двадцать въ день; трупы лежали на улицахъ, на площадяхъ: никто не смѣлъ погребать ихъ ([188]). Граждане боялись выходить изъ домовъ. Въ безмолвіи Москвы тѣмъ страшнѣе раздавался свирѣпый вопль палачей Царскихъ.

Безмолвствовалъ и добродѣтельный Митрополитъ для гражданъ и Бояръ отчаянныхъ; но Богъ видѣлъ его сердце, а Царь слышалъ тайныя увѣщанія, самыя жестокія укоризны, къ несчастію безполезныя ([189]): убѣгалъ, не хотѣлъ видѣть его. Добрые Вельможи приходили къ Филиппу, рыдали, указывали ему на окровавленныя стогны ([190]): онъ утѣшалъ горестныхъ, именемъ Отца Небеснаго; далъ имъ слово

не щадить своей жизни для спасенія людей, и сдержалъ оное.

г. 1568. Однажды, въ день Воскресный, въ часъ Обѣдни, Іоаннъ, провождаемый нѣкоторыми Боярами и множествомъ Опричниковъ, входитъ въ Соборную Церковь Успенія: Царь и вся дружина его были въ черныхъ ризахъ, въ высокихъ шлыкахъ. Митрополитъ Филиппъ стоялъ въ церкви на своемъ мѣстѣ: Іоаннъ приближился къ нему и ждалъ благословенія. Митрополитъ смотрѣлъ на образъ Спасителя, не говоря ни слова. Наконецъ Бояре сказали: «Святый Владыко! се Государь: благослови «его!» Тутъ, взглянувъ на Іоанна, Филиппъ отвѣтствовалъ: «Въ семъ видѣ, въ семъ «одѣяніи странномъ не узнаю Царя право«славнаго; не узнаю и въ дѣлахъ Цар«ства. . . . . О Государь! мы здѣсь прино«симъ жертвы Богу, а за Олтаремъ льется «невинная кровь Христіанская. Отколѣ «солнце сіяетъ на небѣ, не видано, не «слыхано, чтобы Цари благочестивые воз«мущали собственную Державу столь ужа«сно (191)! Въ самыхъ невѣрныхъ, язы«ческихъ Царствахъ есть законъ и правда, «есть милосердіе къ людямъ — а въ Россіи «нѣтъ ихъ! Достояніе и жизнь гражданъ «не имѣютъ защиты. Вездѣ грабежи, вездѣ «убійства — и совершаются именемъ Цар«скимъ! Ты высокъ на тронѣ; но есть

«Всевышній, Судія нашъ и твой. Какъ предста-«нешь на судъ Его? обагренный кровію невин-«ныхъ, оглушаемый воплемъ ихъ муки? ибо «самые камни подъ ногами твоими вопіютъ о «мести!... Государь! вѣщаю яко Пастырь душъ. «Боюся Господа единаго!» Іоаннъ трепеталъ отъ гнѣва; ударилъ жезломъ о камень и сказалъ голосомъ страшнымъ: «Чернецъ! доселѣ я из-«лишно щадилъ васъ, мятежниковъ: отнынѣ «буду, каковымъ меня нарицаете!» и вышелъ съ угрозою. — На другой день были новыя казни. Въ числѣ знатныхъ погибъ Князь Василій Проиcкій ([192]). Всѣхъ главныхъ сановниковъ Митрополитовыхъ взяли подъ стражу, терзали, допрашивали о тайныхъ замыслахъ Филипповыхъ, и ничего не свѣдали. Еще не смѣлъ Іоаннъ возложить руку на самого Первосвятителя, любимаго, чтимаго народомъ болѣе, нежели когда нибудь; готовилъ ему ударъ, но имѣлъ терпѣніе — и между тѣмъ что дѣлалъ?

Такъ пишутъ очевидцы ([193]): въ Іюлѣ мѣсяцѣ, 1568 года, въ полночь, любимцы Іоанновы, Князь Аѳанасій Вяземскій, Малюта Скуратовъ, Василій Грязной, съ Царскою дружиною вломились въ домы ко многимъ знатнымъ людямъ, Дьякамъ, купцамъ; взяли ихъ женъ, извѣстныхъ красотою, и вывезли изъ города. Въ слѣдъ за ними, по восхожденіи солнца, выѣхалъ и самъ Іоаннъ, окруженный тысячами Кромѣшниковъ. На первомъ ночлегѣ ему представили женъ: онъ избралъ нѣкоторыхъ для себя, дру-

гихъ уступилъ любимцамъ, ѣздилъ съ ними вокругъ Москвы, жегъ усадьбы Бояръ опальныхъ, казнилъ ихъ вѣрныхъ слугъ, даже истреблялъ скотъ, особенно въ Коломенскихъ селахъ убитаго Конюшаго Ѳедорова ([194]); возвратился въ Москву, и велѣлъ ночью развезти женъ по домамъ: нѣкоторыя изъ нихъ умерли отъ стыда и горести.

Убѣгая Митрополита, Царь однакожь видалъ его въ церкви. Въ день Свв. Апостоловъ, Прохора и Никанора, 28 Іюля ([195]), Филиппъ служилъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и ходилъ по стѣнѣ съ крестами: тутъ былъ и Царь съ Опричниками, изъ коихъ одинъ шелъ за нимъ въ *тафьѣ*: Митрополитъ увидѣвъ сіе безчиніе, остановился и съ негодованіемъ сказалъ о томъ Государю; но Опричникъ уже спряталъ свою тафью. Царя увѣрили, что Филиппъ выдумалъ сказку, желая возбудить народъ противъ любимцевъ Государевыхъ. Іоаннъ забылъ всю пристойность: торжественно ругалъ Митрополита, называлъ лжецомъ, мятежникомъ, злодѣемъ ([196]); клялся, что уличитъ его во всемъ — и приступилъ къ дѣлу, по совѣту съ коварнымъ Духовникомъ своимъ, Благовѣщенскимъ Протоіереемъ Евстафіемъ, тайнымъ Филипповымъ ненавистникомъ ([197]). Немедленно отправились въ Соловки Епископъ Суздальскій Пафнутій, Архимандритъ Андрониковскій Ѳеодосій и Князь Василій Темкинъ, прежде воинъ именитый, тогда ревностный слуга тиранства, подобно Басмано-

вымъ и другимъ. Надлежало ли такъ далеко искать клеветниковъ гнусныхъ? Но Царь хотѣлъ омрачить добродѣтель въ самомъ ея свѣтломъ источникѣ; гдѣ Филиппъ прославился ею, тамъ открыть его мнимое лицемѣріе и нечистоту душевную: сія мысль казалась Іоанну искусною хитростію. Послы Царскіе то ласкали, то ужасали Монаховъ Соловецкихъ, требуя, чтобы они безстыдно лгали на своего бывшаго Игумена: всѣ говорили, что Филиппъ святъ дѣлами и сердцемъ; но сыскался одинъ, который дерзнулъ утверждать противное: ихъ Глава, Игуменъ Паисій, въ надеждѣ сдѣлаться Епископомъ. Изобрѣли доносы, улики, представили Іоанну, и велѣли Митрополиту явиться на судъ. Царь, Святители, Бояре сидѣли въ молчаніи. Игуменъ Паисій стоялъ и клеветалъ на святаго мужа съ неслыханною дерзостію. Вмѣсто оправданія безполезнаго, Митрополитъ тихо сказалъ Паисію, что злое сѣяніе не принесетъ ему плода вождѣленнаго (198); а Царю: «Государь, Великій «Князь! ты думаешь, что я боюся тебя или «смерти: нѣтъ! достигнувъ глубокой старости «безпорочно, не знавъ въ пустынной жизни ни «мятежныхъ страстей, ни козней мірскихъ, же«лаю такъ и предать духъ свой Всевышнему, «моему и твоему Господу. Лучше умереть невин«нымъ мученикомъ, нежели въ санѣ Митропо«лита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія «сего несчастнаго времени. Твори, что тебѣ «угодно. Се жезлъ Пастырскій; се бѣлый кло-

«букъ и мантія, коими ты хотѣлъ возвеличить «меня. А вы, Святители, Архимандриты, Игу-«мены и всѣ служители Олтарей! пасите вѣрно «стадо Христово; готовьтеся дать отчетъ, и «страшитеся Небеснаго Царя еще болѣе, нежели «земнаго» ([199]). Онъ хотѣлъ удалиться: Царь остановилъ его; сказалъ, что ему должно ждать суда, а не быть своимъ судіею; принудилъ его взять назадъ утварь Святительскую и еще служить Обѣдню въ день Архангела Михаила (8 Ноября). Когда же Филиппъ въ полномъ облаченіи стоялъ предъ олтаремъ въ храмѣ Успенія, явился тамъ Бояринъ Алексѣй Басмановъ съ толпою вооруженныхъ Опричниковъ, держа въ рукѣ свитокъ. Народъ изумился. Басмановъ велѣлъ читать бумагу: услышали, что Филиппъ Соборомъ Духовенства лишенъ сана Пастырскаго. Воины вступили въ Олтарь, сорвали съ Митрополита одежду Святительскую, облекли его въ бѣдную ризу, выгнали изъ церкви *метлами* и повезли на дровняхъ въ Обитель Богоявленія ([200]). Народъ бѣжалъ за Митрополитомъ, проливая слезы: Филиппъ съ лицемъ свѣтлымъ, съ любовію благословлялъ людей и говорилъ имъ: «молитеся!» На другой день привели его въ судную палату, гдѣ былъ самъ Іоаннъ, для выслушанія приговора: Филиппу, будто бы уличенному въ тяжкихъ винахъ и въ волшебствѣ, надлежало кончить дни въ заключеніи ([201]). Тутъ онъ простился съ міромъ, великодушно, умилительно; не укорялъ судей, но въ послѣдній разъ

молилъ Іоанна сжалиться надъ Россіею, не терзать подданныхъ, — вспомнить, какъ царствовали его предки (202), какъ онъ самъ царствовалъ въ юности, ко благу людей и собственному. Государь, не отвѣтствуя ни слова, движеніемъ руки предалъ Филиппа воинамъ. Дней восемь сидѣлъ онъ въ темницѣ, въ узахъ; былъ перевезенъ въ Обитель Св. Николая *Старого*, на берегу Москвы-рѣки; терпѣлъ голодъ и питался молитвою. Между тѣмъ Іоаннъ истреблялъ знатный родъ Колычевыхъ; прислалъ къ Филиппу отсѣченную голову его племянника, Ивана Борисовича (203), и велѣлъ сказать: «се твой любимый сродникъ: не помогли ему твои чары!» Филиппъ всталъ, взялъ голову, благословилъ и возвратилъ принесшему. Опасаясь любви гражданъ Московскихъ ко сверженному Митрополиту — слыша, что они съ утра до вечера толпятся вокругъ Обители Николаевской, смотрятъ на келлію заключеннаго и разсказываютъ другъ другу о чудесахъ его святости (204) — Царь велѣлъ отвезти страдальца въ Тверскій монастырь, называемый Отрочимъ, и немедленно избралъ новаго Митрополита, Троицкаго Архимандрита, именемъ Кирилла, къ досадѣ Пимена, имѣвшаго надежду заступить мѣсто Филиппа (205).

Освободивъ себя отъ Архипастыря строгаго, непреклоннаго, и давъ сей важный санъ Иноку доброму, но слабодушному, безмолвному, Іоаннъ могъ тѣмъ смѣлѣе, тѣмъ необузданнѣе свирѣпствовать; дотолѣ губилъ людей: оттолѣ цѣлые

города. Началося съ Торжка, гдѣ неистовые Опричники, въ день ярмонки, завели ссору и драку съ жителями: Царь обьявилъ граждавъ бунтовщиками; велѣлъ ихъ мучить, топить въ рѣкѣ. То же сдѣлалось въ Коломнѣ и такія же были слѣдствія ([206]). Къ сему городу принадлежали помѣстья несчастнаго Ѳедорова: жители любили его и казались Іоанну мятежниками ([207]).

Однимъ словомъ, тиранство созрѣло, но конецъ онаго былъ еще далеко! Ничто не могло обезоружить свирѣпаго: ни смиреніе, ни великодушіе жертвъ, ни самыя естественныя бѣдствія сего времени: ибо Россія, омрачаемая ужасами мучительства,
Язва. была тогда же казнима язвою, пришедшею къ намъ изъ Эстоніи или Швеціи ([208]). Въ Іюлѣ 1566 года началося моровое повѣтріе въ Новогородской Шелонской Пятинѣ, а черезъ мѣсяцъ и въ Новѣгородѣ, Полоцкѣ, Озерищѣ, Невлѣ, Великихъ-Лукахъ, Торопцѣ, Смоленскѣ. Люди умирали скоропостижно, *знаменіемъ*, какъ сказано въ лѣтописи: вѣроятно, пятномъ или нарывомъ. Многія деревни опустѣли, многіе домы затворились въ городахъ; церкви стояли безъ пѣнія, лишенныя Іереевъ, которые не берегли себя въ усердномъ исполненіи своихъ обязанностей; на мѣсто ихъ присылали Священниковъ изъ другихъ го-

родовъ. Умирало болѣе Духовныхъ и граждавъ, нежели воинскихъ людей. Язва дошла и до Можайска: Царь учредилъ тамъ заставу, и не велѣлъ никого пускать въ столицу изъ мѣстъ зараженныхъ. Сообщеніе пересѣклось между многими городами. Мучились страхомъ, терпѣли нужду, дороговизну. Въ разныхъ областяхъ были неурожаи: въ Казанской и въ сосѣдственныхъ съ нею явилось неописанное множество мышей, которыя *тучами* выходили изъ лѣсовъ, ѣли хлѣбъ на корню, въ скирдахъ, въ житницахъ, такъ, что земледѣльцы не могли защитить себя отъ сихъ животныхъ (209). Повѣтріе утишилось въ началѣ весны, но еще нѣсколько разъ возобновлялось.

Въ сихъ внутреннихъ бѣдствіяхъ Государства, въ семъ уныніи Вельможъ и народа, Іоаннъ не слабѣлъ въ дѣлахъ войны и Политики внѣшней: еще являлся съ блескомъ и величіемъ въ отношеніи къ другимъ Державамъ. Литовцы въ нападеніяхъ на Россію нигдѣ не имѣли успѣха: изъ Смоленска Бояринъ Морозовъ, изъ Полоцка Князь Андрей Ногтевъ писали къ Государю, что легкіе отряды наши вездѣ бьютъ непріятеля (210). Съ Тавридою мы хотѣли мира; но Казанскіе бѣглецы, Князь Спатъ, Ямгурчей-Азы, Уланъ Ахмаметъ, сильные при Дворѣ Хана, доказывали ему, г. 1565. 1569. Военскія дѣйствія и переговоры.

что Іоаннъ обманываетъ его: говоритъ о мирѣ, а велитъ Козакамъ строить городъ на Дону, готовитъ суда на Нелѣ, на Днѣпрѣ, имѣя намѣреніе взять Азовъ, открыть себѣ путь въ Тавриду; что сей Царь умнѣе, счастливѣе, слѣдственно опаснѣе всѣхъ прежнихъ Государей Московскихъ; что онъ, будучи въ войнѣ съ Ханомъ, умѣлъ завоевать Казань, Астрахань, Ливонію, Полоцкъ, — овладѣлъ землею Черкесскою, располагаетъ Ногаями; что если Девлетъ-Гирей выдастъ Короля Сигизмунда, то Царю не станетъ Польши и на годъ; что истребивъ Короля, Іоаннъ на досугѣ истребитъ и послѣдній Юртъ Батыевъ. Сіи представленія имѣли дѣйствіе; а еще болѣе дары Сигизмунда, который послалъ вдругъ 30,000 золотыхъ въ алчную Тавриду — и Ханъ снова обнажилъ мечь, написавъ къ Іоанну: «Вспомни, что предки твои рады были своей «землѣ, а Мусульманскихъ не трогали; если «хочешь мира, то отдай мнѣ Астрахань и Ка«зань» (211)! Но Государь остерегся. Въ степяхъ Донскихъ разъѣзжали Козаки для открытія первыхъ движеній непріятеля; въ городахъ стояло войско: другое, главное, подъ начальствомъ знатнѣйшихъ Бояръ, Князей Бѣльскаго и Мстиславскаго, на берегу Оки. Въ Сентябрѣ (1565 года Ханъ перешелъ Донецъ, везъ тяжелыя пушки съ собою на телегахъ, и 7 Октября приступилъ къ Болхову. Тамъ были Воеводами Князья Иванъ Золотой и Василій Кашинъ: они сдѣлали вылазку; бились мужественно; не дали Крымцамъ

сжечь посада; взяли плѣнниковъ — а Бѣльскій и Мстиславскій уже приближались. Ханъ бѣжалъ ночью, жалуясь на Литву: ибо Король, убѣждая его воевать Россію, клялся дѣйствовать противъ насъ съ другой стороны всѣми силами, и не исполнилъ обѣщанія (212).

Между тѣмъ Посолъ нашъ, Аѳанасій Нагой, жилъ въ Тавридѣ; дѣйствовалъ неутомимо; подкупалъ Евреевъ, чиновниковъ Ханскихъ; имѣлъ вездѣ лазутчиковъ; опровергалъ ложные слухи, распускаемые врагами нашими о кончинѣ Іоанновой (213); зналъ все, и писалъ къ Государю, что Девлетъ-Гирей сносится съ Казанскими Татарами, Мордвою, Черемисою: тайные Послы сихъ измѣнниковъ увѣряли Хана, что онъ, вступивъ въ ихъ землю, найдетъ между ими 70,000 усердныхъ сподвижниковъ, и что ни одного Россіянина не останется живаго ни въ Свіяжскѣ, ни въ Казани (214). Когда Ханъ понуждалъ Аѳанасія выѣхать изъ Тавриды, сей ревностный слуга Іоанновъ отвѣтствовалъ: «умру здѣсь, а «не выѣду безъ окончанія дѣлъ» (215) — то есть, безъ мира, и не терялъ надежды. Иногда Литовская, иногда наша сторона одерживала верхъ въ Ханской Думѣ, такъ, что Девлетъ-Гирей съ дозволенія Султанова въ 1567 году разорилъ часть Королевскихъ владѣній за неисправный платежъ *дани* (216); однакожь и съ нами не утверждалъ мира: требовалъ отъ Іоанна богатѣйшихъ даровъ, какіе присылались изъ Москвы Магметъ-Гирею; запрещалъ Россіи вступаться въ

Черкесскую землю. Государь нѣсколько разъ совѣтовался съ Боярами: отклоняя требованія Хана, предлагалъ ему женить сына или внука на дочери Царя Шигъ-Алея и взять за нею въ приданое городъ отца ея, Касимовъ: ибо сей знаменитый изгнанникъ тогда умеръ (почти въ одно время съ другими бывшими Царями Казанскими [217], Симеономъ и Александромъ). Но Девлетъ-Гирей размышлялъ, колебался, и снова требовалъ невозможнаго: то есть, Астрахани и Казани.

Съ Литвою мы также были въ переговорахъ. Казалось, что Сигизмундъ искренно желалъ конца войны, для него тягостной; казалось, что и Царь хотѣлъ отдохновенія. Съ обѣихъ сторонъ изъявляли рѣдкую уступчивость. Единственно для соблюденія стараго обычая, Великіе Послы Королевскіе [218], пріѣхавъ въ Москву, требовали Смоленска, а наши Бояре Кіева, Бѣлорусіи и Волыніи: ни мы, ни они въ самомъ дѣлѣ не помышляли о семъ невозможномъ возвратѣ. Сигизмундъ уступалъ намъ даже Полоцкъ; а Государь велѣлъ сказать Посламъ: «любя спокойствіе Христіанъ, я уже не требую «Царскаго титула отъ Короля: довольно, что «всѣ иные Вѣнценосцы даютъ мнѣ оный.» Затрудненіе состояло въ Ливоніи: Сигизмундъ предлагалъ, чтобы каждому владѣть въ ней своею частію, ему и намъ; чтобы общими силами изгнать Шведовъ изъ Эстоніи и раздѣлить ее между Польшею и Россіею: въ такомъ слу-

чаѣ обязывался быть истиннымъ другомъ Іоанну и называть его Царемъ. Но Царь хотѣлъ Риги, Вендена, Вольмара, Роннебурга, Кокенгузена: за что уступалъ Королю Озерище, Лукомль, Дриссу, Курляндію и 12 городковъ въ Ливоніи; освобождалъ безденежно всѣхъ плѣнниковъ Королевскихъ, а своихъ выкупалъ. Послы стояли за Ригу, за Венденъ; наконецъ сказали Боярамъ, что истинный, твердый миръ всего скорѣе можетъ быть заключенъ между ихъ Государями въ личномъ свиданіи на границѣ. Сія мысль сперва полюбилась Іоанну. Избрали мѣсто: Царю надлежало пріѣхать въ Смоленскъ, Королю въ Оршу, каждому съ пятью тысячами благородныхъ воиновъ. Но Послы не брали на себя условиться въ обрядахъ свиданія: на примѣръ, Іоаннъ желалъ въ первый день угостить Сигизмунда въ своемъ шатрѣ: что имъ казалось несовмѣстно съ достоинствомъ Государя ихъ (219). Миновало около двухъ мѣсяцевъ въ переговорахъ.

Тогда (въ Іюлѣ 1566 года) Іоаннъ явилъ Россіи зрѣлище необыкновенное: призвалъ въ Земскую Думу не только знатнѣйшее Духовенство, Бояръ, Окольничихъ, всѣхъ другихъ сановниковъ, Казначеевъ, Дьяковъ, Дворянъ *первой* и *второй статьи* (220), но и гостей, купцевъ, помѣщиковъ иногородныхъ; отдалъ имъ на судъ переговоры

Земская Дума.

наши съ Литвою, и спрашивалъ, что дѣлать: мириться или воевать съ Королемъ? Въ собраніи находилось 339 человѣкъ. Всѣ отвѣтствовали — Духовенство за себя, Бояре, сановники, граждане также особенно, но единогласно — что Государю безъ вреда для Россіи уже не льзя быть снисходительнѣе; что Рига и Венденъ необходимы намъ для безопасности Юрьева или Дерпта, самаго Искова и Новагорода, коихъ торговля стѣснится и *затворится*, если сіи города Ливонскіе останутся у Короля; что Государи вольны видѣться на границѣ для тишины Христіанъ, но что Сигизмундъ по видимому намѣренъ только длить время, дабы между тѣмъ устроить запутанныя дѣла въ своемъ отечествѣ, примириться съ Цесаремъ, умножить войско въ Ливоніи. Духовенство прибавило: «Государь! твоя власть «дѣйствовать, какъ вразумитъ тебя Богъ; намъ «должно молиться за Царя, а совѣтовать неприличтойно.» Воинскіе чиновники изъявили готовность пролить кровь свою въ битвахъ; граждане вызывались отдать Царю послѣднее достояніе на войну, если гордый Сигизмундъ отвергнетъ предлагаемыя ему условія для мира. Была ли свобода во мнѣніяхъ, была ли искренность въ отвѣтѣ сей Земской или Государственной Думы? Но совѣщаніе имѣло видъ торжественный, и народъ съ благоговѣніемъ видѣлъ Іоанна не среди Опричниковъ ненавистныхъ, а въ истинномъ величіи Государя, внимающаго гласу отечества изъ устъ Россіянъ знаменитѣйшихъ: явленіе

достойное лучшихъ временъ Іоаннова Царствованія!

Дума утвердила сей приговоръ грамотою; а Панамъ Королевскимъ сказали, что Государь чрезъ своихъ Пословъ объяснится съ Королемъ, соглашаясь между тѣмъ прекратить воинскія дѣйствія и размѣняться плѣнниками (221). Симъ кончилось дѣло. Въ слѣдъ за Послами Литовскими (въ 1567 году) отправились къ Сигизмунду наши, Бояринъ Умной-Колычевъ и Дворецкій Григорій Нагой, уполномоченные подписать миръ: что было новостію: ибо прежніе договоры съ Литвою совершались единственно въ Москвѣ. Сигизмундъ встрѣтилъ нашихъ Бояръ въ Гроднѣ: когда они вошли къ нему, всѣ Литовскіе Вельможи встали; но Послы увидѣли тутъ Князя Андрея Курбскаго и съ презрѣніемъ отвратились (222): имъ велѣно было требовать головы сего измѣнника! Девять разъ они съѣзжались съ Королевскими Панами и не могли ни въ чемъ согласиться: Іоаннъ непремѣнно хотѣлъ, изгнавъ Шведовъ и Датчанъ, владѣть всею Ливоніею, уступая Сигизмунду Курляндію. Не смотря на свое искреннее желаніе мира, Король отвергнулъ сіи предложенія; не согласился выдать и Курбскаго. Рѣшились продолжать войну. «Я вижу» — писалъ Сигизмундъ къ Іоанну — «что ты хочешь кровопролитія; говоря о мирѣ, «приводишь полки въ движеніе. Надѣюсь, что «Господь благословитъ мое оружіе въ защитѣ «необходимой и справедливой.»

Полки наши дѣйствительно шли изъ Вязьмы, Дорогобужа, Смоленска къ Великимъ Лукамъ. Цѣлію была Ливонія. Основавъ на Литовской границѣ новыя крѣпости Усвятъ, Улу, Соколъ, Копіе ([223]), Государь съ Царевичемъ Іоанномъ выѣхалъ изъ Москвы къ войску. 5 Октября, въ полѣ, близъ Мѣднаго, представили ему Посланника Королевскаго, Юрія Быковскаго, съ упомянутымъ письмомъ Сигизмундовымъ. Іоаннъ сидѣлъ въ шатрѣ, вооруженный, въ полномъ доспѣхѣ, среди Бояръ, многихъ чиновниковъ, также вооруженныхъ съ головы до ногъ, и сказалъ ему: «Юрій! мы посылали къ брату на«шему, Сигизмунду Августу, своихъ знатныхъ «Бояръ съ предложеніемъ весьма умѣреннымъ. «Онъ задержалъ ихъ въ пути, оскорблялъ, без«честилъ. И такъ не дивися, что мы сидимъ въ «доспѣхѣ воинскомъ: ибо ты пришелъ къ намъ «отъ брата нашего съ язвительными стрѣла«ми» ([224]). Спросивъ Юрія о здравіи Королевскомъ, приказавъ ему сѣсть, но не давъ руки, Іоаннъ выслалъ изъ шатра всѣхъ чиновниковъ ратныхъ, кромѣ Совѣтниковъ, Большихъ Дворянъ и Дьяковъ; выслушалъ рѣчь Посланника, велѣлъ угостить его въ другой ставкѣ и немедленно отослать — въ темницу Московскую! Сіе нарушеніе Права Народнаго безъ сомнѣнія не извинялось грубыми выраженіями письма Королевскаго и тѣмъ, что Бояре Колычевъ и Нагой, пріѣхавъ тогда же въ станъ къ Іоанну, жаловались ему на худые съ ними поступки въ Литвѣ.

Кромѣ множества сановниковъ, тѣлохранителей, провождали Царя Суздальскій Епископъ Пафнутій, Архимандритъ Ѳеодосій, Игуменъ Никонъ, до Новагорода, гдѣ онъ жилъ 8 дней, усердно моляся въ древнемъ Софійскомъ храмѣ и занимаясь распоряженіемъ полковъ, чтобы итти къ Ливонскимъ городамъ, Лужѣ и Рѣзицѣ. Но вдругъ воинскій жаръ его простылъ: встрѣтились затрудненія, опасности, коихъ Іоаннъ не предвидѣлъ, и для того призвалъ всѣхъ главныхъ Воеводъ на совѣтъ. Они 12 Ноября съѣхалися близъ Краснаго, въ селеніи Оршанскомъ (225), и разсуждали съ Царемъ, начать ли осаду непріятельскихъ городовъ или отложить походъ: ибо за худыми дорогами обозы съ тяжелымъ снарядомъ двигались медленно къ границѣ, лошади падали, люди разбѣгались; надлежало ждать долго и стоять въ мѣстахъ скудныхъ хлѣбомъ. Узнали также, что Король собираетъ войско въ Борисовѣ, замышляя итти зимою къ Полоцку и Великимъ Лукамъ. Боялись утомить рать осадою крѣпостей, въ то время, когда непріятель съ другой стороны можетъ явиться въ нашихъ собственныхъ предѣлахъ; а всего болѣе опасались найти язву въ Ливоніи, гдѣ, по слуху, многіе люди умирали отъ заразительныхъ болѣзней (226). Рѣшили, чтобы Государю ѣхать назадъ въ Москву, а Воеводамъ стоять въ Великихъ Лукахъ, въ Торопцѣ, и наблюдать непріятеля.

Такимъ образомъ Іоаннъ не безъ внутренней

досады возвратился въ столицу; но, къ утѣшенію его самолюбія, Король Польскій сдѣлалъ тоже: (въ 1568 году) собравъ 60,000 или болѣе воиновъ ([227]), хваляся по слѣдамъ Ольгерда устремиться къ Москвѣ, и дѣйствительно выступивъ въ поле съ Дворомъ блестящимъ, Сигизмундъ нѣсколько недѣль стоялъ праздно въ Минской области, распустилъ главное войско, и самъ уѣхавъ въ Гродно, послалъ только отряды въ западную Россію. Подъ Улою Литовцы претерпѣли великій уронъ ([228]); но имѣли и нѣкоторыя выгоды. Строеніемъ новой крѣпости, названной Копіемъ, управляли Князья Петръ Серебряный и Василій Палицкій: Литовцы въ нечаянномъ нападеніи убили Палицкаго; а Князь Серебряный едва ускакалъ въ Полоцкъ ([229]). Близъ Велижа плѣнивъ знатнаго чиновника, Петра Головина, они истребили нѣсколько селеній въ Смоленской области, и какимъ-то обманомъ взяли Изборскъ (въ началѣ 1569 года); но Россіяне выгнали ихъ немедленно: громили Польскую Ливонію, сожгли большую часть Витебска ([230]). Между тѣмъ размѣнивались плѣнниками на границѣ: Іоаннъ освободилъ Королевскаго Воеводу Довойну, Сигизмундъ Князя Темкина. Жена Довойны умерла въ Москвѣ: Царь согласился отпустить ея тѣло въ Литву, съ условіемъ, чтобы Король прислалъ въ Москву тѣло Князя Петра Шуйскаго: о чемъ просили добрые сыновья сего несчастнаго Воеводы ([231]).

Уваживъ совѣтъ Бояръ не прерывать мирныхъ сношеній съ Литвою ([232]), Государь освободилъ Посланника Сигизмундова, семь мѣсяцевъ страдавшаго въ темницѣ; далъ ему видѣть лице свое, говорилъ съ нимъ милостиво; сказалъ: «Юрій! ты вручилъ намъ письмо столь грубое, «что тебѣ не надлежало бы остаться живымъ; «но мы не любимъ крови. Иди съ миромъ къ «Государю своему, который забылъ тебя въ «несчастіи. Мы готовы съ нимъ видѣться; го«товы прекратить бѣдствія войны. Кланяйся отъ «насъ брату, Королю Сигизмунду Августу.» Начались снова переговоры. Гонцы ѣздили изъ земли въ землю: Сигизмундовы, въ рѣчахъ съ Боярами, именовали Іоанна *Царемъ*, и на вопросъ: что значитъ сія новость? отвѣтствовали: «такъ намъ приказано отъ Вельможъ Литов«скихъ» ([233]). Гонцамъ Московскимъ давались также наставленія миролюбивыя, и слѣдующее, достойное замѣчанія: «Если будетъ говорить съ «вами въ Литвѣ Князь Андрей Курбскій или ему «подобный *знатный* бѣглецъ Россійскій, то ска«жите имъ: *ваши гнусныя измѣны не вредятъ ни* «*славѣ, ни счастію Царя Великаго: Богъ даетъ* «*ему побѣды, а васъ казнитъ стыдомъ и отчая*«*ніемъ.* Съ *простымъ* же бѣглецомъ не говорите «ни слова: только плюньте ему въ глаза и отво«ротитесь . . . . Когда же спросятъ у васъ: что «такое Московская Опричнина? скажите: *Мы* «*не знаемъ Опричнины: кому велитъ Государь* «*жить близъ себя, тотъ и живетъ близко; а кому*

«далеко, тотъ далеко. Всѣ люди Божіи да «Государевы» ([234]). — Наконецъ Іоаннъ и Сигизмундъ условились остановить непріятельскія дѣйствія. Посламъ Литовскимъ надлежало быть въ Москву для заключенія мира, коего желали искренно обѣ стороны: что изъясняется обстоятельствами времени. Сигизмундъ не имѣлъ дѣтей: движимый истинною любовію къ отечеству, онъ хотѣлъ неразрывнымъ соединеніемъ Литвы съ Польшею утвердить ихъ могущество, опасаясь, чтобы та и другая Держава, по его смерти, не избрала себѣ особеннаго Властителя. Намѣреніе было достохвально, полезно, но исполненіе трудно: ибо Вельможи Польскіе и Литовскіе жили въ вѣчной враждѣ между собою; одна власть Королевская могла обуздывать ихъ страсти. Сигизмундъ желалъ внѣшняго спокойствія, чтобы успѣть въ семъ важномъ дѣлѣ, предложенномъ тогда Люблинскому Сейму; а Царь желалъ короны Сигизмундовой: ибо носился слухъ, что Паны мыслятъ избрать въ Короли сына его, Царевича Іоанна ([235]). Гонцамъ нашимъ велѣно было развѣдать о томъ въ Литвѣ и ласкать Вельможъ. Государь унялъ кровопролитіе, дабы потушить въ Литовцахъ враждебное къ намъ чувство.

Перемиріе съ Литвою.

Перемѣна въ отношеніяхъ Швеціи къ Россіи также не мало способствовала миро-

любію Іоаннову въ отношеніи къ Сигизмунду. Чтобы удержать Эстонію за собою вопреки Даніи и Польшѣ, Король Эрикъ имѣлъ нужду не только въ мирѣ, но и въ союзѣ съ Царемъ: для чего употреблялъ всѣ возможныя средства, и мыслилъ даже совершить подлое, гнусное злодѣяніе. Прелестная и не менѣе добрая сестра Сигизмундова, Екатерина, на коей Царь хотѣлъ жениться (236), и которая, можетъ быть, спасла бы его и Россію отъ великихъ несчастій — Екатерина въ 1562 году вступила въ супружество съ любимымъ сыномъ Густава Вазы, Герцогомъ Финляндскимъ Іоанномъ. Завистливый, безразсудный Эрикъ издавна не терпѣлъ сего брата и возненавидѣлъ еще болѣе за противный ему союзъ съ Королемъ Польскимъ; выдумалъ клевету и заключилъ Іоанна. Тутъ обнаружилось великодушіе Екатерины: ей предложили на выборъ, оставить супруга или свѣтъ. Вмѣсто отвѣта она показала свое кольцо, съ надписью: *ничто, кромѣ смерти* (237) — и четыре года была Ангеломъ-утѣшителемъ злосчастнаго Іоанна въ Грипсгольмской темницѣ, не зная того, что два тирана готовили ей гораздо ужаснѣйшую долю. Царь предложилъ, и Король согласился выдать ему Екатерину, какъ предметъ странной любви или злобы его за безчестіе отказа. Дѣло началось тайною

Дѣла Шведскія.

перепискою, а кончилось торжественымъ договоромъ: въ Февралѣ 1567 года пріѣхали Шведскіе государственные сановники, Канцлеръ Нильсъ Гилленстирна и другіе, прямо въ Александровскую Слободу, были угощены великолѣпно и подписали хартію союза Швеціи съ Россіею. Царь назвалъ Эрика другомъ и братомъ, уступалъ ему навѣки Эстонію, обѣщалъ помогать въ войнѣ съ Сигизмундомъ, доставить миръ съ Даніею и съ городами Ганзейскими: за что Эрикъ обязывался прислать свою невѣстку въ Москву (238). Думный Совѣтникъ Воронцовъ и Дворянинъ Наумовъ поѣхали въ Стокгольмъ съ договорною грамотою, а Бояре Морозовъ, Чеботовъ, Сукинъ должны были принять Екатерину на границѣ. Но Провидѣніе не дало восторжествовать Іоанну. Послы наши, встрѣченные въ Стокгольмѣ съ великою честію, жили тамъ цѣлый годъ безъ всякаго успѣха въ своемъ дѣлѣ. Пригласивъ ихъ обѣдать съ собою, Эрикъ упалъ въ обморокъ и не могъ выйти къ столу: съ сего времени Послы не видали Короля; имъ сказывали, что онъ или боленъ, или сражается съ Датчанами. Для переговоровъ являлись къ Воронцову только Совѣтники Думы Королевской и говорили, что выдать Екатерину Царю, отнять жену у мужа, мать у дѣтей, противно Богу и закону; что самъ Царь навѣки обезславилъ бы себя такимъ не-Христіанскимъ дѣломъ; что у Сигизмунда есть другая сестра, дѣвица, которую Эрикъ можетъ *достать* для Царя; что Послы

Шведскіе заключили договоръ о Екатеринѣ безъ вѣдома Королевскаго. Бояринъ Московскій не щадилъ въ отвѣтахъ своихъ ни Совѣтниковъ, ни Государя ихъ; доказывалъ, что они лжецы, клятвопреступники, и требовалъ свиданія съ Эрикомъ. Сей несчастный Король былъ тогда въ жалостномъ состояніи: многими жестокими, безразсудными дѣлами заслуживъ общую ненависть, боялся и народа и Дворянства, мучился совѣстію, терялъ умъ, освободилъ и думалъ снова заключить брата; въ смятеніи духа, въ малодушномъ страхѣ, то объявлялъ нашимъ Посламъ, что самъ ѣдетъ въ Москву, то опять хотѣлъ послать Екатерину къ Царю (239). Наконецъ совершился ударъ: 29 Сентября, 1568 года, Послы Московскіе увидѣли страшное волненіе въ столицѣ, и не долго были спокойными зрителями онаго: воины съ ружьями, съ обнаженными мечами вломились къ нимъ въ домъ, сбили замки, взяли все: серебро, мѣха; даже раздѣли Пословъ, грозили имъ смертію. Въ сію минуту явился Принцъ Карлъ, меньшій братъ Эриковъ: Бояринъ Воронцовъ, стоя передъ нимъ въ одной рубашкѣ, съ твердостію сказалъ ему, что такъ дѣлается въ вертепѣ разбойниковъ, а не въ Государствахъ Христіанскихъ. Карлъ выгналъ неистовыхъ воиновъ; изъяснилъ Боярину, что Эрикъ, какъ безумный тиранъ, сверженъ съ престола; что новый Король, братъ его Іоаннъ, желаетъ дружбы Царя Московскаго; что обида, сдѣланная Посламъ, не останется безъ наказа-

нія, будучи единственно слѣдствіемъ безпорядка, соединеннаго съ перемѣною верховной власти. Послы требовали отпуска: выѣхали изъ Стокгольма, по 8 мѣсяцевъ жили въ Абовѣ какъ невольники и возвратились въ Москву уже въ Іюлѣ 1569 года (240), донести Царю о судьбѣ его *друга* и *брата*, несчастнаго Эрика, торжественно осужденнаго Государственными Чинами умереть въ темницѣ, за разныя злодѣйства, какъ сказано въ семъ приговорѣ, и за безчестныя, *не-Христіанскія* условія союза съ Россіею (241). Легко представить себѣ досаду Царя: онъ умѣлъ скрывать свои чувства; дозволилъ Шведскимъ Посламъ, Епископу Абовскому, Павлу Юсту, съ другими знатными чиновниками быть въ Москву, и велѣлъ ихъ *ограбить*, задержать въ Новѣгородѣ, точно такъ, какъ Бояринъ Воронцовъ и Наумовъ были ограблены, задержаны въ Швеціи (242). Сіе дѣйствіе казалось ему справедливою местію; но онъ хотѣлъ и важнѣйшей: хотѣлъ немедленно выгнать Шведовъ изъ Эстоніи, и для того примириться на время съ Сигизмундомъ, чтобы не имѣть дѣла съ двумя врагами.

Важное предпріятіе Султана.

Надлежало отвратить еще другую опасность, которая тогда явилась для Россіи, но не долго тревожила Іоанна и дала безъ побѣды новую воинскую славу его цар-

ствованію. Что замышлялъ противъ насъ Солиманъ Великій, то сынъ его, малодушный Селимъ, хотѣлъ исполнить: возстановить Царство Мусульманское на берегахъ Ахтубы (243): къ чему склоняли Султана нѣкоторые Князья Ногайскіе, Хивинцы и Бухарцы, представляя ему, что Государь Россійскій истребляетъ Магометанскую Вѣру, и пресѣкъ для нихъ сообщеніе съ Меккою; что Астрахань есть главная пристань Каспійскаго моря, наполненная кораблями всѣхъ народовъ Азіатскихъ, и что въ казну Царскую входитъ тамъ ежедневно около тысячи золотыхъ монетъ (244). Послы Литовскіе, находясь въ Константинополѣ, говорили тоже. Одинъ Ханъ Девлетъ-Гирей доказывалъ, что къ Астрахани не льзя итти ни зимою, ни лѣтомъ: зимою отъ несноснаго для Турковъ холода, лѣтомъ отъ безводія; и что гораздо лучше воевать Московскую Украйну. Не слушая возраженій Хана, Селимъ (весною 1569 года) прислалъ въ Кафу 15,000 Спаговъ, 2000 Янычаръ, и велѣлъ ея Пашѣ, Касиму, итти къ Переволокѣ, соединить Донъ съ Волгою, море Каспійское съ Азовскимъ, взять Астрахань или, по крайней мѣрѣ, основать тамъ крѣпость въ ознаменованіе Султанской Державы (245). 31 Мая Паша выступилъ въ походъ; Ханъ также, имѣя до 50,000 всадниковъ. Они сошлися въ нынѣшней Качалинской Станицѣ и ждали судовъ, которыя плыли Дономъ отъ Азова съ тяжелымъ снарядомъ, съ богатою казною, имѣя для защиты своей только

500 воиновъ и 2500 гребцовъ, большею частію Христіанскихъ невольниковъ, окованныхъ цѣпями. Турки въ отмеляхъ выгружали пушки, влекли ихъ берегомъ, съ трудомъ неописаннымъ. Тысячи двѣ Россіянъ могли бы безъ кровопролитія взять снарядъ и казну: невольники ждали ихъ съ надеждою, а Турки съ трепетомъ — никто не показывался! Донскіе Козаки, испуганные слухомъ о походѣ Султанскаго войска, скрылись въ дальнихъ степяхъ, и суда 15 Августа благополучно достигли Переволоки. Тутъ началась работа жалкая и смѣшная: Касимъ велѣлъ рыть каналъ отъ Дона до Волги; увидѣвъ невозможность, велѣлъ тащить суда землею. Турки не хотѣли слушаться, и говорили, что Паша безумствуетъ, предпринимая такое дѣло, для коего мало ста лѣтъ для всѣхъ работниковъ Оттоманской Имперіи. Ханъ совѣтовалъ возвратиться; но, къ удовольствію Касима, явились Послы Астраханскіе (246). «На что вамъ суда?» сказали они: «мы дадимъ ихъ вамъ, сколько «хотите; идите только избавить насъ отъ власти «Россіянъ.» Паша усмирилъ войско: 2 Сентября отпустилъ пушки назадъ въ Азовъ, и съ 12 легкими орудіями пошелъ къ Астрахани, гдѣ жители готовились встрѣтить его какъ избавителя: надежда ихъ не исполнилась.

Посолъ Іоанновъ, Афанасій Нагой, писалъ къ Государю изъ Тавриды о замыслѣ Султановомъ: письмы его, хотя и не скоро, доходили. Война съ Турціею не представляла Іоанну ничего, кро-

мѣ опасностей: собирая многочисленное войско въ Нижнемъ Новѣгородѣ и немедленно отрядивъ мужественнаго Князя Петра Серебрянаго съ легкою дружиною занять Астрахань, онъ въ тоже время послалъ дары къ Пашѣ Кафинскому, чтобы склонить его къ миролюбію. Паша взялъ дары, цѣловалъ грамоту Іоаннову, три дни честилъ гонцевъ Московскихъ, а на четвертый заключилъ въ темницу (247). Но Государь успокоился, свѣдавъ о маломъ числѣ Турковъ и худомъ усердіи Девлетъ-Гирея къ сему походу; угадывалъ слѣдствія, и не обманулся.

16 Сентября Паша и Ханъ стали ниже Астрахани, на Городищѣ, гдѣ была, какъ вѣроятно, древняя столица Козарская (248). Тутъ ждали ихъ наши измѣнники Астраханскіе съ судами и Ногаи съ дружественными увѣреніями: Касимъ, велѣвъ Ногаямъ прикочевать къ Волгѣ, началъ строить новую крѣпость на Городищѣ, и Турки, къ изумленію своему, узнали, что Паша намѣренъ зимовать подъ Астраханью, гдѣ горсть бодрыхъ Россіянъ обуздывала измѣну жителей и казалась ему страшною, такъ, что онъ не смѣлъ отважиться на приступъ. Въ самомъ дѣлѣ ничто не могло быть безразсуднѣе сего намѣренія: Паша давалъ Россіянамъ время изготовиться къ оборонѣ; давалъ время Царю прислать войско въ Астрахань, а свое изнурялъ трудами, голодомъ: ибо Астраханцы не могли доставлять ему хлѣба въ избыткѣ. Ропотъ обратился въ мятежъ, когда услышали Турки, что Ханъ, по

совершенія крѣпости, долженъ возвратиться въ Тавриду. Они рѣшительно объявили, что никто изъ нихъ не останется зимовать въ землѣ непріятельской. Еще Касимъ упорствовалъ, грозилъ; но вдругъ, 26 Сентября, зажегъ сдѣланныя имъ деревянныя укрѣпленія и вмѣстѣ съ Ханомъ удалился отъ Астрахани: причиною было то, что Князь Петръ Серебряный вступилъ въ сей городъ съ войскомъ, и что за нимъ, какъ сказывали, шло другое, сильнѣйшее (249). Турки и Крымцы бѣжали день и ночь. Въ шестидесяти верстахъ, на Бѣломъ озерѣ, встрѣтились имъ гонцы Султанскій и Литовскій: Селимъ писалъ къ Пашѣ, чтобы онъ непремѣнно держался подъ Астраханью до весны; что къ нему будетъ новая рать изъ Константинополя; что лѣтомъ увидитъ Россія въ нѣдрахъ своихъ знамена Оттоманскія, за коими долженъ итти и Ханъ къ Москвѣ, утвердивъ союзъ и дружбу съ Литвою (250). Но Касимъ продолжалъ бѣгство. Путеводитель его, Девлетъ-Гирей, умышленно велъ Турковъ мѣстами безводными, голодною пустынею, гдѣ кони и люди умирали отъ изнуренія; гдѣ Черкесы стерегли ихъ въ засадахъ, и томныхъ, полумертвыхъ брали въ плѣнъ; гдѣ Россіяне могли бы совершенно истребить сіе жалкое войско, если бы они не слѣдовали правилу, что надобно

Бѣдствіе Турковъ.

давать волю бѣгущему непріятелю. Турки были въ отчаяніи: проклиная Пашу, не щадили и Султана, который послалъ ихъ въ землю неизвѣстную, въ ужасную Россію, не за побѣдою, а за голодомъ и смертію безчестною. Касимъ съ толпою блѣдныхъ тѣней черезъ мѣсяцъ достигъ Азова, чтобы золотомъ откупиться отъ петли. Онъ приписывалъ свое несчастіе единственно тому, что не могъ ранѣе начать похода; но Девлетъ-Гирей увѣрялъ Султана въ невозможности взять или удержать Астрахань, столь отдаленную отъ владѣній Турецкихъ; а Крымскому Послу нашему сказалъ: «Государь твой долженъ «благодарить меня: я погубилъ Султанское вой«ско; не хотѣлъ ни приступать къ Астрахани, «ни строить тамъ крѣпости на старомъ Горо«дищѣ, вопервыхъ желая угодить ему, вовто«рыхъ и для того, что не хочу видѣть Тур«ковъ властелинами древнихъ Улусовъ Татар«скихъ» (251). Къ утвержденію нашей безопасности съ сей стороны, Азовская крѣпость со всѣми пороховыми запасами взлетѣла тогда на воздухъ; не только большая часть города, зажженнаго, какъ думали, Россіянами (252), но и пристань съ военными судами обратилась въ пепелъ.

Сей несчастный походъ войска Селимова описанъ нами по сказанію очевидца, Царскаго сановника, Семена Мальцова, достойнаго быть извѣстнымъ потомству. Онъ ѣхалъ изъ Ногайскихъ Улусовъ и встрѣтилъ непріятелей на берегу Волги: окруженный ими, скрылъ Госуда-

ревъ наказъ, какъ неприкосновенную святыню, въ деревѣ на Царицынѣ-островѣ; слался уже полумертвый отъ ранъ; прикованный къ пушкѣ, терзаемый чувствомъ боли, жажды, голода, — ежечасно угрожаемый смертію, не преставалъ ревностно служить Царю своему; стращалъ Турковъ разсказами: увѣрялъ, что Астраханцы и Ногаи манятъ ихъ въ сѣти; что Шахъ Персидскій есть союзникъ Россіи; что мы послали къ нему 100 пушекъ и 500 пищалей для нападенія на Касима; что Князь Серебряный плыветъ съ тридцатью тысячами къ Астрахани, а Князь Иванъ Бѣльскій идетъ полемъ съ несмѣтною силою. Мальцовъ училъ и другихъ нашихъ плѣнниковъ сказывать тоже; склонялъ Грековъ и Волоховъ, бывшихъ съ Касимомъ, пристать къ Россіянамъ въ случаѣ битвы; звалъ сыновей Девлетъ-Гиреевыхъ къ намъ въ службу; говорилъ имъ: «Васъ у отца много: онъ раздаетъ «васъ по людямъ. Вы ни сыты, ни голодны; «скитаетесь изъ мѣста въ мѣсто. Въ Москвѣ же «найдете честь и богатство. Самъ отецъ будетъ «вамъ завидовать» (253). Безъ всякой надежды увидѣть святую Русь, безъ всякой мысли о наградѣ, о славѣ, сей усердный гражданинъ хотѣлъ еще и на канунѣ смерти быть полезнымъ Государю, отечеству. Такихъ слугъ имѣлъ Іоаннъ Грозный, упиваясь кровію своихъ подданныхъ! — Провидѣніе спасло Мальцова. Выкупленный въ Азовѣ нашимъ Крымскимъ Посломъ, Аѳанасіемъ Нагимъ, онъ возвратился въ

Москву, донести Царю, что Россіяне могутъ не страшиться Оттомановъ [254].

И такъ внѣшнія дѣйствія или отношенія Россіи къ иноземнымъ Державамъ были довольно благопріятны. Съ Литвою мы ожидали мира, удерживая за собою новыя, важныя завоеванія; слабую Швецію презирали; видѣли тылъ и гибель Султанской рати; узнавъ непріязнь Хана къ Туркамъ, тѣмъ менѣе опасались его впаденій, и тѣмъ болѣе надѣялись съ нимъ примириться. Войско наше было многочисленно, границы укрѣплены: на самомъ отдаленномъ Терекѣ Іоаннъ поставилъ городъ, какъ для защиты своего тестя, Черкесскаго Князя Темгрюка, такъ и для утвержденія своей власти надъ симъ краемъ [255]. — Шахъ Персидскій, Тамасъ, хотѣлъ быть другомъ Іоанну, который, желая заключить съ нимъ тѣсный союзъ противъ Султана, въ Маѣ 1569 года посылалъ въ Персію чиновника Алексѣя Хозникова [256]. — Сибирь платила намъ дань: около 1563 года новый Князь ея, Шибанскій Царевичь Едигерь, убилъ тамъ нашего данщика: за что Государь остановилъ въ Москвѣ Посла Сибирскаго, но скоро освободилъ его, изъ уваженія къ ходатайству Исмаила, Ногайскаго Владѣтеля, и въ 1569 году торжественнымъ договоромъ съ новымъ Сибирскимъ *Царемъ*, Кучюмомъ, утвердилъ сію

Сношенія съ Персіею.

Дань Сибирская.

землю въ подданствѣ Россіи. Іоаннъ *взялъ* Кучюма *подъ свою руку, въ обереганіе*, съ условіемъ, чтобы онъ давалъ ему ежегодно тысячу соболей, а Посланнику Государеву, который пріѣдетъ за данію, тысячу бѣлокъ. Боярскій Сынъ, Третьякъ Чабуковъ, (въ 1571 году) отвезъ въ Сибирь жалованную Іоаннову грамоту, украшенную златою печатію (257). — Россія внутри бѣдствовала — отъ язвы, голода и тиранства — но торговля ея процвѣтала. Цари Абдула Шамаханскій и Бухарскій того же имени, Сеитъ Самаркандскій, Азимъ Хивинскій, присылали дары въ Москву, чтобы Іоаннъ дозволялъ ихъ подданнымъ купечествовать не только въ Астрахани и въ Казани, но и въ другихъ городахъ нашихъ (258). Не смотря на явную вражду Султана, Россіяне еще торговали въ Кафѣ, въ Азовѣ, а Турки въ Москвѣ, вмѣстѣ съ Армянами (259). Самъ Государь изъ казны своей отправлялъ за Каспійское море мѣха драгоцѣнные и кунцевъ Московскихъ въ Антверпенъ, въ Лондонъ, даже въ Ормусъ (260). Ганза не переставала искать милости въ Іоаннѣ и мѣнялась съ нами товарами въ Нарвѣ, завидуя Англичанамъ (261), которые пользовались благосклонностію Царя и правами исключительными въ Россіи, особенно съ восшествія на престолъ Елисаветы: ибо сія знаменитая Королева, ода-

Торговля.

ренная и великимъ умомъ и любезными свойствами, снискала его дружбу. Лондонское Россійское Общество дарило Царя алмазами; Елисавета писала къ нему ласковыя письма. Три раза Посланникъ ея, Дженкинсонъ, былъ въ Москвѣ; ѣздилъ оттуда въ Персію и съ усердіемъ исполнилъ тайный наказъ Государевъ къ Шаху (262). Слѣдствіемъ было то, что въ 1567 и въ 1569 году Іоаннъ далъ новыя выгоды купцамъ Англійскимъ: дозволилъ имъ ѣздить изъ Россіи въ Персію, завести селеніе на рѣкѣ Вычегдѣ, искать желѣзной руды и плавить ее, съ условіемъ выучить Россіянъ сему искусству, а при вывозѣ желѣза въ Англію платить деньгу съ фунта (263). Англичане должны были всѣ драгоцѣнныя вещи показывать Государеву Казначею; обязывались также продавать Царскіе товары въ Англіи и въ Персіи: впрочемъ могли вездѣ купечествовать свободно, безъ пошлинъ, вездѣ строить жилища, лавки, и чеканить для себя талеры; судились только судомъ Опричнины, и Московскій ихъ дворъ, у церкви Св. Максима, находился въ ея вѣдомствѣ. Напрасно купцы Ганзейскіе старались вредить Англичанамъ въ умѣ Іоанна; напрасно Короли Польскій и Шведскій убѣждали Елисавету не способствовать, выгодами торговли, могуществу опасной Россіи (264).

Посольства Англійскія.

Бывали неудовольствія взаимныя, однакожь прекращались дружелюбно. На примѣръ, въ 1568 году Посланникъ Елисаветинъ, Томасъ Рандольфъ, около четырехъ мѣсяцевъ жилъ въ Москвѣ, не видавъ Царя [265]. Іоаннъ досадовалъ на Англійскихъ купцевъ за то, что они ежегодно возвышали цѣну своихъ товаровъ; наконецъ велѣлъ Рандольфу быть къ себѣ, но не далъ лошадей: люди Посольскіе шли во дворецъ пѣшкомъ, и никто изъ Царскихъ сановниковъ не кланялся представителю лица Королевина. Гордый Англичанинъ, оскорбленный сею грубостію, самъ надѣлъ шляпу во дворцѣ. Ждали гнѣва, опалы: вмѣсто чего Іоаннъ принялъ Рандольфа весьма ласково, увѣрялъ въ своей дружбѣ къ *любезной сестрѣ* Елисаветѣ и возвратилъ милость купцамъ Англійскимъ; имѣлъ съ нимъ другое свиданіе наединѣ, ночью; говорилъ три часа — и послалъ къ Елисаветѣ Дворянина Андрея Савина, съ дѣломъ тайнымъ, которое знаемъ только по отвѣту Елисаветину, хранящемуся въ нашемъ Архивѣ: оно весьма любопытно, и доказываетъ малодушіе Іоанна. Сей Монархъ, еще побѣдитель, еще гроза всѣхъ Державъ сосѣдственныхъ, не находя ни малѣйшаго сопротивленія въ своихъ бѣдныхъ подданныхъ, невинно имъ губимыхъ, трепеталъ въ сердцѣ, ждалъ казни, мечталъ о бун-

Замыселъ

тахъ, объ изгнаніи; не устыдился писать о томъ къ Елисаветѣ и просить убѣжища въ ея землѣ на сей случай: униженіе достойное мучителя! Благоразумная Королева отвѣтствовала, что желаетъ ему царствовать со славою въ Россіи, но готова дружественно принять его вмѣстѣ съ супругою и дѣтьми, ежели, въ слѣдствіе *тайнаго заговора*, внутренніе мятежники или внѣшніе непріятели изгонятъ Іоанна изъ отечества; что онъ можетъ жить, гдѣ ему угодно въ Англіи, наблюдать въ Богослуженіи всѣ обряды Вѣры Греческой, имѣть своихъ слугъ и всегда свободно выѣхать, назадъ ли въ Россію или въ другую землю ([266]). Въ вѣрности сихъ обѣщаній Елисавета дала ему *слово Христіанскаго Вѣнценосца* и грамоту, ею собственноручно подписанную въ присутствіи всѣхъ ея Государственныхъ Совѣтниковъ, Великаго Канцлера Николая Бакона, Лорда Порта, Русселя, Арунделя и другихъ, съ прибавленіемъ, что Англія и Россія будутъ всегда соединенными силами противиться ихъ врагамъ общимъ. — Донесенія Савина, хотя обласканнаго въ Лондонѣ, не весьма благопріятствовали Англичанамъ: онъ сказалъ Царю, что Королева думаетъ единственно о выгодахъ Лондонскаго купечества [267]). Іоаннъ былъ недоволенъ и тѣмъ, что Елисавета въ дѣлѣ столь важномъ

Іоаннъ бѣжать въ Англію.

отвѣтствовала ему чрезъ его Посланника, а не прислала своего; но берегъ ея дружбу, ибо дѣйствительно хотѣлъ бѣжать въ крайности за море. Сію мысль вселилъ въ него, какъ увѣряютъ, Голландскій Докторъ,
Злодѣй Бомелій. Елисей Бомелій, негодяй и бродяга, изгнанный изъ Германіи: снискавъ доступъ къ Царю, онъ полюбился ему своими козніями: питалъ въ немъ страхъ, подозрѣнія; чернилъ Бояръ и народъ, предсказывалъ бунты и мятежи, чтобы угождать несчастному расположенію души Іоанновой (268). Цари и въ добрѣ и въ злѣ имѣютъ всегда ревностныхъ помощниковъ: Бомелій заслужилъ первенство между услужниками Іоанна, то есть, между злодѣями Россіи. Казнь Божія для нихъ готовилась; но кровавый пиръ тиранства былъ еще въ срединѣ. Открывается новый ѳеатръ ужасовъ!

ГЛАВА III.

Продолжение царствования Іоанна Грознаго.

г. 1569 — 1572.

Кончина Царицы. Четвертая, ужаснѣйшая эпоха мучительства. Запустѣніе Новагорода. Спасеніе Пскова. Казни въ Москвѣ. Царскіе шуты. Голодъ и моръ. Сношенія съ Литвою. Королевство Ливонское. Милость Царя къ Магнусу. Посольство въ Константинополь. Нашествіе Хана. Сожженіе Москвы. Новое супружество Іоанново. Пятая эпоха душегубства. Смерть Царицы. Путешествіе Іоанново въ Новгородъ. Дѣла Шведскія. Четвертый бракъ Іоанновъ. Союзъ съ Елисаветою. Переговоры съ Даніею и съ Литвою. Отбытіе Іоанна въ Новгородъ Нашествіе Хана. Знаменитая побѣда К. Воротынскаго. Письмо къ Королю Шведскому.

1 Сентября 1569 года скончалась супруга Іоаннова, Марія, едва ли *искренно* оплаканная и самимъ Царемъ, хотя, для соблюденія пристойности, вся Россія долженствовала явить образъ глубокой печали ([269]): дѣла остановились; Бояре, Дворяне, Приказные люди надѣли *смиренное платье* или трауръ (шубы бархатныя и камчатныя *безъ золота*); во всѣхъ городахъ служили Пани- Г. 1569. Кончина Царицы.

хиды; давали милостыню нищимъ, вклады въ монастыри и въ церкви; показывали горесть лицемѣрную, скрывая истинную, общую, производимую свирѣпствомъ Іоанна, который чрезъ десять дней уже могъ спокойно принимать иноземныхъ Пословъ во дворцѣ Московскомъ, но спѣшилъ выѣхать изъ столицы, чтобы въ страшномъ уединеніи Александровской Слободы вымыслить новыя измѣны и казни. Кончина двухъ супругъ его, столь несходныхъ въ душевныхъ свойствахъ, имѣла слѣдствія равно несчастныя: Анастасія взяла съ собою добродѣтель Іоаннову; казалось, что Марія завѣщала ему превзойти самого себя въ лютыхъ убійствахъ. Распустивъ слухъ, что Марія, подобно Анастасіи, была отравлена тайными злодѣями, онъ приготовилъ тѣмъ Россію къ ужаснѣйшимъ изступленіямъ своей ярости.

Четвертая ужаснѣйшая эпоха мучительства.

Іоаннъ каралъ невинныхъ; а виновный, дѣйствительно виновный, стоялъ предъ тираномъ: тотъ, кто въ противность закону хотѣлъ быть на тронѣ, не слушался болящаго Царя, радовался мыслію объ его близкой смерти, подкупалъ Вельможъ и воиновъ на измѣну (270) — Князь Владиміръ Андреевичь! Прошло 16 лѣтъ; но Іоаннъ, какъ мы видѣли, умѣлъ помнить старыя вины, и не переставалъ его опасаться (271). Никто изъ Бояръ не дерзалъ

имѣть дружелюбнаго обхожденія съ симъ Княземъ: одни лазутчики приближались къ нему, чтобы всякое нескромное слово употребить въ доносъ. Что спасало несчастнаго? Естественный ли ужасъ обагрить руки кровію ближняго родственника? Быть можетъ: ибо есть остановки, есть затрудненія для самаго ожесточеннаго тирана: иногда онъ бываетъ человѣкомъ; уже не любя добра, боится крайностей во злѣ; тревожимый совѣстію, облегчаетъ себя мыслію, что онъ еще удерживается отъ нѣкоторыхъ преступленій! Но сей оплотъ ненадеженъ: злодѣйства стремятъ къ злодѣйствамъ, и Князь Владиміръ могъ предвидѣть свою неминуемую участь, не смотря на милостивое прощеніе, ему объявленное въ 1563 году ([272]), — не смотря на лицемѣріе Іоанна, который всегда честилъ, ласкалъ его. Въ знакъ милости давъ Владиміру большое мѣсто въ Кремлѣ для новаго великолѣпнаго дворца и города Дмитровъ, Боровскъ, Звенигородъ, Царь взялъ себѣ на обмѣнъ Верею, Алексинъ, Старицу ([273]), безъ сомнѣнія для того, что сей Князь съ новыми помѣстьями казался менѣе опаснымъ, нежели съ наслѣдственными, гдѣ еще хранился духъ древней Удѣльной Системы. Весною въ 1569 году собирая войско въ Нижнемъ Новѣгородѣ для защиты Астрахани, Іоаннъ не усомнился ввѣрить оное своему мужественному брату ([274]); но сія мнимая довѣренность произвела опалу и гибель. Князь Владиміръ ѣхалъ въ Нижній чрезъ Кострому, гдѣ граждане

и Духовенство встрѣтили его со крестами, съ хлѣбомъ и солью, съ великою честію, съ изъявленіемъ любви. Узнавъ о томъ, Царь велѣлъ привезти тамошнихъ начальниковъ въ Москву и казнилъ ихъ ([275]); а брата ласково звалъ къ себѣ. Владиміръ съ супругою, съ дѣтьми, остановился верстахъ въ трехъ отъ Александровской Слободы, въ деревнѣ Слотинѣ; далъ знать Царю о своемъ пріѣздѣ, ждалъ отвѣта — и вдругъ видитъ полкъ всадниковъ: скачутъ во всю прыть съ обнаженными мечами какъ на битву, окружаютъ деревню; Іоаннъ съ ними: сходитъ съ коня и скрывается въ одномъ изъ сельскихъ домовъ. Василій Грязной, Малюта Скуратовъ объявляютъ Князю Владиміру, что онъ умышлялъ на жизнь Государеву, и представляютъ уличителя, Царскаго повара, коему Владиміръ далъ будто бы деньги, и ядъ, чтобы отравить Іоанна ([276]). Все было вымышлено, приготовлено. Ведутъ несчастнаго съ женою и съ двумя юными сыновьями къ Государю: они падаютъ къ ногамъ его, клянутся въ своей невинности, требуютъ постриженія. Царь отвѣтствовалъ: «вы хотѣли «умертвить меня ядомъ: пейте его сами!» Подали отраву. Князь Владиміръ, готовый умереть, не хотѣлъ изъ собственныхъ рукъ отравить себя. Тогда супруга его, Евдокія (родомъ Княжна Одоевская), умная, добродѣтельная — видя, что нѣтъ спасенія, нѣтъ жалости въ сердцѣ губителя — отвратила лице свое отъ Іоанна, осушила слезы, и съ твердостію сказала мужу: «не

«мы себя, но мучитель отравляетъ насъ: лучше «принять смерть отъ Царя, нежели отъ палача.» Владимiръ простился съ супругою, благословилъ дѣтей и выпилъ ядъ: за нимъ Евдокiя и сыновья. Они вмѣстѣ молились. Ядъ начиналъ дѣйствовать: Іоаннъ былъ свидѣтелемъ ихъ терзанiя и смерти (277)! Призвавъ Боярынь и служанокъ Княгини Евдокiи, онъ сказалъ: «Вотъ трупы моихъ злодѣевъ! Вы служили имъ; но изъ «милосердiя дарую вамъ жизнь.» Съ трепетомъ увидѣвъ мертвыя тѣла господъ своихъ, онѣ единогласно отвѣчали: «Мы не хотимъ твоего «милосердiя, звѣрь кровожадный! Растерзай «насъ: гнушаясь тобою, презираемъ жизнь и «муки!» Сiи юныя жены, вдохновенныя омерзѣнiемъ къ злодѣйству, не боялись ни смерти, ни самаго стыда: Іоаннъ велѣлъ обнажить ихъ и разстрѣлять. — Мать Владимiрова, Евфросинiя, нѣкогда честолюбивая, но въ Монашествѣ смиренная, уже думала только о спасенiи души: умертвивъ сына, Іоаннъ тогда же умертвилъ и мать: ее утопили въ рѣкѣ Шекснѣ, вмѣстѣ съ другою Инокинею, добродѣтельною Александрою (278), его невѣсткою, виновною, можетъ быть, слезами о жертвахъ Царскаго гнѣва.

Судьба несчастнаго Князя Владимiра произвела всеобщую жалость (279): забыли страхъ; слезы лилися въ домахъ и въ храмахъ. Никто безъ сомнѣнiя не вѣрилъ объявленному умыслу сего Князя на жизнь Государеву: видѣли одно гнусное братоубiйство, внушенное еще болѣе

злобою, нежели подозрѣніемъ. Онъ не имѣлъ великихъ свойствъ, но имѣлъ многія достохвальныя: могъ бы царствовать въ Россіи и не быть тираномъ! Сносилъ долговременную, явную опалу свою съ твердостію, ждалъ своей неминуемой гибели съ какимъ-то Христіанскимъ спокойствіемъ, и приводилъ добрыя сердца въ умиленіе, раждающее любовь. Іоаннъ слышалъ — если не смѣлыя укоризны, то по крайней мѣрѣ воздыханія Россіянъ великодушныхъ, и хотѣлъ открытіемъ мнимаго важнаго заговора доказать необходимость своей жестокости для обузданія предателей, будто бы единомышленниковъ Князя Владиміра. Сія новая клевета на живыхъ и мертвыхъ была ли только изобрѣтеніемъ смятеннаго ума Іоаннова, или адскимъ ковомъ его сподвижниковъ въ губительствѣ, которые желали тѣмъ изъявить ему свое усердіе и питать въ немъ страсть къ мучительству? Надѣялся ли Іоаннъ обмануть современниковъ и потомство грубою ложью, или обманывалъ самого себя легковѣріемъ? Послѣднее утверждаютъ Лѣтописцы, чтобы облегчить лежащее на Іоаннѣ бремя дѣлъ страшныхъ; но самое легковѣріе въ такомъ случаѣ не вопіетъ ли на небо? уменьшаетъ ли омерзаніе къ убійствамъ неслыханнымъ?

Новгородъ, Псковъ, нѣкогда свободныя Державы, смиренныя Самовластіемъ, лишенныя своихъ древнихъ правъ и знатнѣйшихъ гражданъ, населенныя отчасти иными жителями, уже

измѣнились въ духѣ народномъ, но сохраняли еще какую-то величавость, основанную на воспоминаніяхъ старины и на нѣкоторыхъ остаткахъ ея въ ихъ бытіи гражданскомъ. Новгородъ именовался *Великимъ* и заключалъ договоры съ Королями Шведскими, избирая, равно какъ и Псковъ, своихъ *судныхъ цѣловальниковъ* или Присяжныхъ ([280]). Дѣти отъ родителей наслѣдовали и тайную нелюбовь къ Москвѣ: еще разсказывали въ Новѣгородѣ о битвѣ Шелонской; еще могли быть очевидцы послѣдняго народнаго Вѣча во Псковѣ ([281]). Забыли бѣдствія вольности: не забыли ея выгодъ. Сіе расположеніе тамошняго слабаго гражданства, хотя уже и не опасное для могущественнаго Самодержавія, безпокоило, гнѣвило Царя, такъ, что весною 1569 года онъ вывелъ изъ Пскова 500 семействъ, а изъ Новагорода 150 въ Москву ([282]), слѣдуя примѣру своего отца и дѣда. Лишаемые отчизны, плакали; оставленные въ ней, трепетали. То было началомъ: ждали слѣдствія. Въ сіе время, какъ увѣряютъ, одинъ бродяга Волынскій, именемъ Петръ, за худыя дѣла наказанный въ Новѣгородѣ, вздумалъ отмстить его жителямъ: зная Іоанново къ нимъ неблаговоленіе, сочинилъ письмо отъ Архіепископа и тамошнихъ гражданъ къ Королю Польскому; скрылъ оное въ церкви Св. Софіи, за образъ Богоматери; бѣжалъ въ Москву, и донесъ Государю, что Новгородъ измѣняетъ Россіи. Надлежало представить улику: Царь далъ ему вѣрнаго человѣка,

который поѣхалъ съ нимъ въ Новгородъ и вынулъ изъ-за образа мнимую Архіепископову грамоту, въ коей было сказано, что Святитель, Духовенство, чиновники и весь народъ поддаются Литвѣ. Болѣе не требовалось никакихъ доказательствъ. Царь, принявъ нелѣпость за истину, осудилъ на гибель и Новгородъ и всѣхъ людей, для него подозрительныхъ или ненавистныхъ (283).

Въ Декабрѣ 1569 года онъ съ Царевичемъ Іоанномъ, со всѣмъ Дворомъ, со всею любимою дружиною выступилъ изъ Слободы Александровской, миновалъ Москву и пришелъ въ Клинъ, первый городъ бывшаго Тверскаго Великаго Княженія. Думая, вѣроятно, что всѣ жители сей области, покоренной его дѣдомъ, суть тайные враги Московскаго Самодержавія, Іоаннъ велѣлъ смертоносному Легіону своему начать войну, убійства, грабежъ, тамъ, гдѣ никто не мыслилъ о непріятелѣ, никто не зналъ вины за собою; гдѣ мирные подданные встрѣчали Государя какъ отца и защитника. Домы, улицы наполнились трупами; не щадили ни женъ, ни младенцевъ (284). Отъ Клина до Городни и далѣе истребители шли съ обнаженными мечами, обагряя ихъ кровію бѣдныхъ жителей, до самой Твери, гдѣ въ уединенной тѣсной келліи Отроча-монастыря еще дышалъ Св. старецъ Филиппъ, молясь (безъ услышанія!) Господу о смягченіи Іоаннова сердца: тиранъ не забылъ сего сверженнаго имъ Митрополита и послалъ къ нему

своего любимца, Малюту Скуратова, будто бы для того, чтобы взять у него благословеніе. Старецъ отвѣтствовалъ, что благословляютъ только добрыхъ и на доброе. Угадывая вину Посольства, онъ съ кротостію примолвилъ: «я давно «ожидаю смерти: да исполнится воля Государе-«ва!» Она исполнилась: гнусный Скуратовъ задушилъ Св. мужа; но, желая скрыть убійство, объявилъ Игумену и братіи, что Филиппъ умеръ отъ несноснаго жара въ его келліи (285). Устрашенные Иноки вырыли могилу за Олтаремъ, и въ присутствіи убійцы погребли сего великаго Іерарха Церкви Россійской, украшеннаго вѣнцемъ Мученика и славы: ибо умереть за добродѣтель есть верхъ человѣческой добродѣтели, и ни Новая, ни Древняя Исторія не представляютъ намъ Героя знаменитѣйшаго. Чрезъ нѣсколько лѣтъ (1584 году) святыя мощи его были принесены въ Обитель Соловецкую, а послѣ (въ 1652 году) въ Москву, въ храмъ Успенія Богоматери, гдѣ мы и нынѣ съ умиленіемъ имъ покланяемся (286).

За тайнымъ злодѣйствомъ слѣдовали явныя. Іоаннъ не хотѣлъ въѣхать въ Тверь, и пять дней жилъ въ одномъ изъ ближнихъ монастырей, между тѣмъ, какъ сонмы неистовыхъ воиновъ грабили сей городъ, начавъ съ Духовенства и не оставивъ ни одного дома цѣлаго: брали легкое, драгоцѣнное; жгли, чего не могли взять съ собою; людей мучили, убивали, вѣшали въ забаву; однимъ словомъ, напомнили несчастнымъ Тве-

ритянамъ ужасный 1327 годъ, когда жестокая месть Хана Узбека совершалась надъ ихъ предками (287). Многіе Литовскіе плѣнники, заключенные въ тамошнихъ темницахъ, были изрублены или утоплевы въ прорубяхъ Волги: Іоаннъ смотрѣлъ на сіе душегубство! — Оставивъ наконецъ дымящуюся кровію Тверь, онъ также свирѣпствовалъ въ Мѣдномъ, въ Торжкѣ, гдѣ въ одной башнѣ сидѣли Крымскіе, а въ другой Ливонскіе плѣнники, окованные цѣпями: ихъ умертвили; но Крымцы, защищаясь, тяжело ранили Малюту Скуратова, едва не ранивъ и самого Іоанна. Вышній Волочекъ и всѣ мѣста до Ильменя были опустошены огнемъ и мечемъ. Всякаго, кто встрѣчался на дорогѣ, убивали, для того, что походъ Іоанновъ долженствовалъ быть *тайною* для Россіи!

г. 1570. 2 Генваря передовая многочисленная дружина Государева вошла въ Новгородъ, окруживъ его со всѣхъ сторонъ крѣпкими заставами, дабы ни одинъ человѣкъ не могъ спастися бѣгствомъ. Опечатали церкви, монастыри въ городѣ и въ окрестностяхъ; связали Иноковъ и Священниковъ; взыскивали съ каждаго изъ нихъ по двадцати рублей; а кто не могъ заплатить сей пени, того *ставили на правежъ:* всенародно били, сѣкли съ утра до вечера (288). Опечатали и дворы всѣхъ гражданъ бога-

тыхъ; гостей, купцевъ, Приказныхъ людей оковали цѣпями; женъ, дѣтей стерегли въ домахъ. Царствовала тишина ужаса. Никто не зналъ ни вины, ни предлога сей опалы. Ждали прибытія Государева.

6 Генваря, въ день Богоявленія, ввечеру, Іоаннъ съ войскомъ сталъ на Городищѣ, въ двухъ верстахъ отъ посада (289). На другой день казнили всѣхъ Иноковъ, *бывшихъ на правежѣ*: ихъ избили палицами, и каждаго отвезли въ свой монастырь для погребенія. Генваря 8 Царь съ сыномъ и съ дружиною вступилъ въ Новгородъ, гдѣ, на Великомъ мосту, встрѣтилъ его Архіепископъ Пименъ съ чудотворными иконами: не принявъ Святительскаго благословенія, Іоаннъ грозно сказалъ: «Злочестивецъ! въ рукѣ «твоей не крестъ животворящій, но оружіе убій«ственное, которое ты хочешь вонзить намъ въ «сердце. Знаю умыселъ твой и всѣхъ гнусныхъ «Новогородцевъ; знаю, что вы готовитесь пре«даться Сигизмунду Августу. Отселѣ ты уже не «пастырь, а врагъ Церкви и Св. Софіи, хищный «волкъ, губитель, ненавистникъ вѣнца Монома«хова (290)!» Сказавъ, Государь велѣлъ ему итти съ иконами и крестами въ Софійскую церковь; слушалъ тамъ Литургію, молился усердно, пошелъ въ палату къ Архіепископу, сѣлъ за столъ со всѣми Боярами, началъ обѣдать и вдругъ завопилъ страшнымъ голосомъ (291) . . . . Явились воины, схватили Архіепископа, чиновниковъ, слугъ его; ограбили палаты, келліи, — а Дво-

рецкій Левъ Салтыковъ и Духовникъ Государевъ Евстафій церковь Софійскую: взяли ризную казну, сосуды, иконы, колокола; обнажили и другіе храмы въ монастыряхъ богатыхъ: послѣ чего немедленно открылся судъ на городищѣ . . . . . . Судили Іоаннъ и сынъ его такимъ образомъ: ежедневно представляли имъ отъ пяти сотъ до тысячи и болѣе Новогородцевъ; били ихъ, мучили, жгли какимъ-то составомъ огненнымъ, привязывали головою или ногами къ санямъ, влекли на берегъ Волхова, гдѣ сія рѣка не мерзнетъ зимою, и бросали съ моста въ воду, цѣлыми семействами, женъ съ мужьями, матерей съ грудными младенцами ([292]). Ратники Московскіе ѣздили на лодкахъ по Волхову съ копьями, баграми и сѣкирами: кто изъ вверженныхъ въ рѣку всплывалъ, того кололи, разсѣкали на части. Сіи убійства продолжались пять недѣль и заключились грабежемъ общимъ: Іоаннъ съ дружиною объѣхалъ всѣ Обители вокругъ города; взялъ казны церковныя и монастырскія; велѣлъ опустошить дворы и келліи, истребить хлѣбъ, лошадей, скотъ; предалъ также и весь Новгородъ грабежу, лавки, домы, церкви; самъ ѣздилъ изъ улицы въ улицу; смотрѣлъ, какъ хищные воины ломились въ палаты и кладовыя, отбивали ворота, влѣзали въ окна, дѣлили между собою шелковыя ткани, мѣха; жгли пеньку, кожи; бросали въ рѣку воскъ и сало. Толпы злодѣевъ были посланы и въ Пятины Новогородскія, губить достояніе и жизнь людей безъ раз-

бора, безъ отвѣта. Сіе, какъ говоритъ Лѣтописецъ, *неисповѣдимое колебаніе, паденіе, разрушеніе Великаго Новагорода продолжалось около шести недѣль.*

Февраля 12, въ Понедѣльникъ второй недѣли Великаго поста, на разсвѣтѣ, Государь призвалъ къ себѣ остальцыхъ именитыхъ Новогородцевъ, изъ каждой улицы по одному человѣку: они явились какъ тѣни, блѣдные, изнуренные ужасомъ, ожидая смерти. Но Царь *возрѣлъ на нихъ окомъ милостивымъ и кроткимъ:* гнѣвъ, ярость, дотолѣ пылавшіе въ глазахъ его, какъ страшный метеоръ, угасли. Іоаннъ сказалъ тихо: «Мужи «Новогородскіе, всѣ доселѣ живущіе! молите «Господа о нашемъ благочестивомъ Царскомъ «Державствѣ, о христолюбивомъ воинствѣ, да «побѣждаемъ всѣхъ враговъ, видимыхъ и неви«димыхъ! Суди Богъ измѣннику моему, вашему «Архіепископу Пимену, и злымъ его совѣтни«камъ! На нихъ, на нихъ взыщется кровь, здѣсь «изліянная! Да умолкнетъ плачь и стенаніе; да «утишится скорбь и горесть! Живите и благо«денствуйте въ семъ градѣ! Вмѣсто себя оста«вляю вамъ Правителя, Бояриna и Воеводу «моего, Князя Петра Даніиловича Пронскаго. «Идите въ домы свои съ миромъ (293).» — Еще судьба Архіепископа не рѣшилась: его посадили на бѣлую кобылу, въ худой одеждѣ, съ волынкою, съ бубномъ въ рукахъ, какъ шута или скомороха (294), возили изъ улицы въ улицу, и за крѣпкою стражею отвезли въ Москву.

Іоаннъ немедленно удалился отъ Новагорода дорогою Псковскою, отправивъ несмѣтную добычу святотатства и грабежа въ столицу. Некому было жалѣть о богатствѣ похищенномъ: кто остался живъ, благодарилъ Бога или не помнилъ себя въ изступленіи! Увѣряютъ, что гражданъ и сельскихъ жителей изгибло тогда не менѣе шестидесяти тысячь ([295]). Кровавый Волховъ, запруженный тѣлами и членами истерзанныхъ людей, долго не могъ пронести ихъ въ Ладожское озеро. Голодъ ([296]) и болѣзни довершили казнь Іоаннову, такъ, что Іереи, въ теченіе шести или семи мѣсяцевъ, не успѣвали погребать мертвыхъ: бросали ихъ въ яму безъ всякихъ обрядовъ. Наконецъ Новгородъ какъ бы пробудился отъ мертваго оцѣпенѣнія: 8 Сентября всѣ, еще живые, Духовенство, міряне, собралися въ полѣ, у церкви Рождества Христова, служить общую Панихиду за усопшихъ, надъ тамошнею скудельницею, гдѣ лежало 10,000 неотпѣтыхъ тѣлъ Христіанскихъ! (Въ первомъ мѣстѣ стоялъ нищій старецъ, Іоаннъ Жгальцо, который одинъ съ молитвою предавалъ мертвыхъ землѣ въ сіе ужасное время). — Опустѣлъ Великій Новгородъ. Знатная часть Торговой, нѣкогда многолюдной Стороны обратилась въ площадь, гдѣ, сломавъ всѣ уже

Запустеніе Новагорода.

необитаемые домы, заложили дворецъ Государевъ (297).

Іоаннъ готовилъ Пскову участь Новагорода, думая, что и жители онаго хотѣли измѣнить Россіи. Тамъ начальствовалъ добрый Князь Юрій Токмаковъ и жилъ славный благочестіемъ отшельникъ, *Салосъ* (юродивый) Никола: одинъ счастливымъ совѣтомъ, другой счастливою дерзостію спасли городъ. Въ Субботу второй недѣли Великаго поста Царь почевалъ въ монастырѣ Св. Николая на Любатовѣ, видя Псковъ, гдѣ, въ ожиданіи приближающейся грозы, никто не смыкалъ глазъ; всѣ люди были въ движеніи; ободряли другъ друга или прощались съ жизнію, отцы съ дѣтьми, жены съ мужьями. Въ полночь Царь услышалъ благовѣстъ и звонъ церквей Псковскихъ: сердце его, какъ пишутъ современники, чудесно умилилось (298). Онъ вообразилъ живо, съ какими чувствами идутъ граждане къ Заутренѣ, въ послѣдній разъ молить Всевышняго о спасеніи ихъ отъ гнѣва Царскаго; съ какимъ усердіемъ, съ какими слезами припадаютъ къ Святымъ иконамъ — и мысль, что Господь внимаетъ гласу сердецъ сокрушенныхъ, тронула душу, столь ожесточенную! Въ какомъ-то неизъяснимомъ порывѣ жалости Іоаннъ сказалъ Воеводамъ своимъ: «Иступите мечи о камень! да престанутъ убійства!...»

Спасеніе Пскова. На другой день, вступивъ въ городъ, онъ съ изумленіемъ увидѣлъ на всѣхъ улицахъ, предъ домами, столы съ изготовленными яствами (такъ было сдѣлано по совѣту Князя Юрія Токмакова): граждане, жены ихъ, дѣти, держа хлѣбъ и соль, преклоняли колѣна, благословляли, привѣтствовали Царя, и говорили ему: «Государь Князь «Великій! мы, вѣрные твои подданные, съ «усердіемъ и любовію предлагаемъ тебѣ «хлѣбъ-соль; а съ нами и животами нашими твори волю свою: ибо все, что имѣемъ, «и мы сами твои, Самодержецъ Великій!» Сія неожидаемая покорность была пріятна Іоанну. Игуменъ Печерскій, Корнилій, съ Духовенствомъ встрѣтилъ его на площади у церквей Св. Варлаама и Спаса. Царь слушалъ молебенъ въ храмѣ Троицы, поклонился гробу Св. Всеволода-Гавріила, съ удивленіемъ разсматривалъ тяжелый мечь сего древняго Князя и зашелъ въ келлію къ старцу *Салосу* Николѣ, который подъ защитою своего юродства не убоялся обличать тирана въ кровопійствѣ и святотатствѣ (299). Пишутъ, что онъ предложилъ Іоанну въ даръ . . . кусокъ сыраго мяса; что Царь сказалъ: «Я Христіанинъ, и не «ѣмъ мяса въ Великій постъ;» а пустынникъ отвѣтствовалъ: «ты дѣлаешь хуже: «питаешься человѣческою плотію и кровію, забывая не только постъ, но и Бога!»

грозилъ ему, предсказывалъ несчастія, и такъ устрашилъ Іоанна, что онъ немедленно выѣхалъ изъ города; жилъ нѣсколько дней въ предмѣстіи; дозволилъ воинамъ грабить имѣніе богатыхъ людей, но не велѣлъ трогать Иноковъ и Священниковъ; взялъ только казны монастырскія и нѣкоторыя иконы, сосуды, книги, и какъ бы невольно пощадивъ Ольгину родину, спѣшилъ въ Москву, чтобы новою кровію утолять свою неутолимую жажду къ мучительству.

Архіепископъ Пименъ и нѣкоторые знатнѣйшіе Новогородскіе узники, вмѣстѣ съ нимъ присланные въ Александровскую Слободу, ждали тамъ конца своего. Миновало около пяти мѣсяцевъ, но не въ бездѣйствіи: производилось важное слѣдствіе; собирали доносы, улики; искали въ Москвѣ тайныхъ единомышленниковъ Пименовыхъ, которые еще укрывались отъ мести Государевой, сидѣли въ главныхъ Приказахъ, даже въ Совѣтѣ Царскомъ, даже пользовались особенною милостію, довѣренностію Іоанна. Печатникъ, или Канцлеръ, Иванъ Михайловичь Висковатый, мужъ опытнѣйшій въ дѣлахъ государственныхъ — Казначей Никита Фуниковъ, также вѣрный слуга Царя и Царства отъ юности до лѣтъ преклонныхъ — Бояринъ Семенъ Васильевичь Яковлевъ — умные

Казни въ Москвѣ.

Дьяки Василій Степановъ и Андрей Васильевъ были взяты подъ стражу: а съ ними вмѣстѣ, къ общему удивленію, и первые любимцы Іоанновы: Вельможа Алексѣй Басмановъ, Воевода мужественный, но безстыдный угодникъ тиранства — сынъ его, Крайчій Ѳеодоръ, прекрасный лицемъ, гнусный душею, безъ коего Іоаннъ не могъ ни веселиться на пирахъ, ни свирѣпствовать въ убійствахъ — наконецъ самый ближайшій къ его сердцу нечестивецъ, Князь Аѳанасій Вяземскій, обвиняемые въ томъ, что они съ Архіепископомъ Пименомъ хотѣли отдать Новгородъ и Псковъ Литвѣ, извести Царя и посадить на тронъ Князя Владиміра Андреевича (299). Жалѣя о добрыхъ, заслуженыхъ сановникахъ, Россіяне могли съ тайнымъ удовольствіемъ видѣть казнь Божію надъ клевретами мучителя, безъ сомнѣнія невинными предъ нимъ, но виновными предъ Государствомъ и человѣчествомъ. Сіи жестокіе Царедворцы поздно узнали, что милость тирана столь же опасна, какъ и ненависть его; что онъ не можетъ долго вѣрить людямъ, коихъ гнусность ему извѣстна; что малѣйшее подозрѣніе, одно слово, одна мысль достаточны для ихъ паденія; что губитель, карая своихъ услужниковъ, наслаждается чувствомъ правосудія: удовольствіе рѣдкое для кровожаднаго сердца, закоснѣлаго во злѣ, но все еще угрызаемаго совѣстію въ злодѣяніяхъ! Бывъ долго клеветниками, они сами погибли отъ клеветы. Пишутъ, что Царь имѣлъ неограниченную

довѣренность къ Аѳанасію Вяземскому: единственно изъ рукъ сего любимаго Оружничаго принималъ лекарства своего Доктора Арнольфа Лензея ([300]); единственно съ нимъ бесѣдовалъ о всѣхъ тайныхъ намѣреніяхъ, ночью, въ глубокой тишинѣ, въ спальнѣ. Сынъ Боярскій, именемъ Ѳедоръ Ловчиковъ ([301]), облагодѣтельствованный Княземъ Аѳанасіемъ, донесъ на него, что онъ будто бы предувѣдомилъ Новогородцевъ о гнѣвѣ Царскомъ, слѣдственно былъ ихъ единомышленникомъ. Іоаннъ не усомнился: молчалъ нѣсколько времени, и вдругъ, призвавъ Вяземскаго къ себѣ, говоря ему о важныхъ дѣлахъ государственныхъ съ обыкновенною довѣренностію, велѣлъ между тѣмъ умертвить его лучшихъ слугъ: возвращаясь домой, Князь Вяземскій увидѣлъ ихъ трупы: не показалъ ни изумленія, ни жалости; прошелъ мимо, въ надеждѣ симъ опытомъ своей преданности обезоружить Государя; но былъ ввергнутъ въ темницу, гдѣ уже сидѣли и Басмановы, подобно ему уличаемые въ измѣнѣ. Всѣхъ обвиняемыхъ пытали: кто не могъ вынести мукъ, клеветалъ на себя и другихъ, коихъ также пытали, чтобы вывѣдать отъ нихъ неизвѣстное имъ самимъ. Записывали показанія истязуемыхъ; составили дѣло огромное, предложенное Государю и сыну его, Царевичу Іоанну; объявили казнь измѣнникамъ: ей надлежало совершиться въ Москвѣ, въ глазахъ всего народа, и такъ, чтобы столица,

уже пріученная къ ужасамъ, еще могла изумиться!

25 Іюля, среди большой торговой площади, въ Китаѣ-городѣ, поставили 18 висѣлицъ; разложили многія орудія мукъ; зажгли высокой костеръ, и надъ нимъ повѣсили огромный чанъ съ водою ([302]). Увидѣвъ сіи грозныя приготовленія, несчастные жители вообразили, что насталъ послѣдній день для Москвы; что Іоаннъ хочетъ истребить ихъ всѣхъ безъ остатка: въ безпамятствѣ страха они спѣшили укрыться, гдѣ могли. Площадь опустѣла: въ лавкахъ отворенныхъ лежали товары, деньги; не было ни одного человѣка, кромѣ толпы Опричниковъ у висѣлицъ и костра пылающаго. Въ сей тишинѣ раздался звукъ бубновъ: явился Царь на конѣ съ любимымъ старшимъ сыномъ, съ Боярами и Князьями, съ Легіономъ Кромѣшниковъ, въ стройномъ ополченіи; позади шли осужденные, числомъ 300 или болѣе, въ видѣ мертвецовъ, истерзанные, окровавленные, отъ слабости едва передвигая ноги. Іоаннъ сталъ у висѣлицъ, осмотрѣлся, и не видя народа, велѣлъ Опричникамъ искать людей, гнать ихъ отовсюду на площадь; не имѣвъ терпѣнія ждать, самъ поѣхалъ за ними, призывая Москвитянъ быть свидѣтелями его суда, обѣщая имъ безопасность и милость. Жители не смѣли ослушаться: выходили изъ ямъ, изъ погребовъ; трепетали, но шли: вся площадь наполнилась ими; на стѣнѣ, на кровляхъ стояли зрители. Тогда Іоаннъ, воз-

высивъ голосъ, сказалъ: «Народъ, увидишь «муки и гибель; но караю измѣнниковъ! Отвѣт-«ствуй: правъ ли судъ мой?» Всѣ отвѣтствовали велегласно: «Да живетъ многія лѣта Государь «Великій! да погибнутъ измѣнники!» Онъ приказалъ вывести 180 человѣкъ изъ толпы осужденныхъ и даровалъ имъ жизнь, какъ менѣе виновнымъ. Потомъ Думный Дьякъ Государевъ, развернувъ свитокъ, произнесъ имена казнимыхъ; вызвалъ Висковатаго и читалъ слѣдующее: «Иванъ Михайловъ, бывшій Тайный Со-«вѣтникъ Государевъ! ты служилъ неправедно «Его Царскому Величеству и писалъ къ Ко-«ролю Сигизмунду, желая предать ему Нов-«городъ. Се первая вина твоя!» Сказавъ, ударилъ Висковатаго въ голову (303), и продолжалъ: «А се вторая, меньшая вина твоя: ты, измѣн-«никъ неблагодарный, писалъ къ Султану Ту-«рецкому, чтобы онъ взялъ Астрахань и Казань.» Ударивъ его въ другой — и въ третій разъ, Дьякъ примолвилъ: «Ты же звалъ и Хана Крым-«скаго опустошать Россію: се твое третіе злое «дѣло!» Тутъ Висковатый, смиренный, но великодушный, поднявъ глаза на небо, отвѣтствовалъ: «Свидѣтельствуюсь Господомъ Богомъ, «вѣдающимъ сердца и помышленія человѣчес-«кія, что я всегда служилъ вѣрно Царю и оте-«честву. Слышу наглыя клеветы: не хочу болѣе «оправдываться, ибо земный судія не хочетъ «внимать истинѣ; но Судія небесный видитъ «мою невинность — и ты, о Государь! увидишь

«ее предъ лицемъ Всевышняго!» . . . . Кромѣшники заградили ему уста, повѣсили его вверхъ ногами, обнажили, разсѣкли на части, и первый Малюта Скуратовъ, сошедши съ коня, отрѣзалъ ухо страдальцу (304). Второю жертвою былъ Казначей Фуниковъ-Карцовъ, другъ Висковатаго, въ тѣхъ же измѣнахъ и столь же нелѣпо обвиняемый. Онъ сказалъ Царю: «Се кланяюся «тебѣ въ послѣдній разъ на землѣ, моля Бога, «да пріимешь въ вѣчности праведную мзду по «дѣламъ своимъ!» Сего несчастнаго обливали кипящею и холодною водою: онъ умеръ въ страшныхъ мукахъ. Другихъ кололи, вѣшали, рубили. Самъ Іоаннъ, сидя на конѣ, пронзилъ копіемъ одного старца. Умертвили въ 4 часа около двухъ сотъ человѣкъ. Наконецъ, совершивъ дѣло, убійцы, обліянные кровію, съ дымящимися мечами стали предъ Царемъ, восклицая: *гойда! гойда!* и славили его правосудіе. Объѣхавъ площадь, обозрѣвъ груды тѣлъ, Іоаннъ, сытый убійствами еще не насытился отчаяніемъ людей: желалъ видѣть злосчастныхъ супругъ Фуникова и Висковатаго; пріѣхалъ къ нимъ въ домъ, смѣялся надъ ихъ слезами; мучилъ первую, требуя сокровищъ; хотѣлъ мучить и пятнадцатилѣтнюю дочь ея, которая стенала и вопила; но отдалъ ее сыну, Царевичу Іоанну, а послѣ вмѣстѣ съ матерію и съ женою Висковатаго заточилъ въ монастырь, гдѣ онѣ умерли съ горести (305).

Граждане Московскіе, свидѣтели сего ужас-

наго дня, не видали въ числѣ его жертвъ ни Князя Вяземскаго, ни Алексѣя Басманова: первый испустилъ духъ въ пыткахъ (306); конецъ послѣдняго — не смотря на всѣ безпримѣрныя, описанныя нами злодѣйства — кажется еще невѣроятнымъ: да будетъ сіе страшное извѣстіе вымысломъ богопротивнымъ, внушеніемъ естественной ненависти къ тирану, но клеветою! Современники пишутъ, что Іоаннъ будто бы принудилъ юнаго Θедора Басманова убить отца своего, тогда же или прежде заставивъ Князя Никиту Прозоровскаго умертвить брата, Князя Василія (307)! По крайней мѣрѣ сынъ извергъ не спасъ себя отцеубійствомъ: онъ былъ казненъ вмѣстѣ съ другими (308). Имѣніе ихъ описали на Государя; многихъ знатныхъ людей сослали на Бѣлоозеро, а Святителя Пимена, лишивъ сана Архіепископскаго, въ Тульскій монастырь Св. Николая; многихъ выпустили изъ темницъ на поруки; нѣкоторыхъ даже наградили Царскою милостію. — Три дни Іоаннъ отдыхалъ: ибо надлежало предать трупы землѣ! Въ четвертый день снова вывели на площадь нѣсколько осужденныхъ и казнили: Малюта Скуратовъ, предводитель палачей, разсѣкалъ топорами мертвыя тѣла, которыя цѣлую недѣлю лежали безъ погребенія, терзаемыя псами. (Тамъ, близъ Кремлевскаго рва, на крови и на костяхъ, во послѣдующія времена стояли церкви, какъ умилительный, Христіанскій памятникъ сего

душегубства.) Жены избіенныхъ Дворянъ, числомъ 80, были утоплены въ рѣкѣ ([309]).

Однимъ словомъ, Іоаннъ достигъ наконецъ вышней степени безумнаго своего тиранства; могъ еще губить, но уже не могъ изумлять Россіянъ никакими новыми изобрѣтеніями лютости. Скрѣпивъ сердце, опишемъ только нѣкоторыя изъ безчисленныхъ злодѣяній сего времени.

Не было ни для кого безопасности, но всего менѣе для людей извѣстныхъ заслугами и богатствомъ: ибо тиранъ, ненавидя добродѣтель, любилъ корысть. Славный Воевода, отъ коего бѣжала многочисленная рать Селимова, — который двадцать лѣтъ не сходилъ съ коня, побѣждая и Татаръ и Литву и Нѣмцевъ, Князь Петръ Семеновичь Оболенскій-Серебряный, призванный въ Москву, видѣлъ и слышалъ отъ Царя однѣ ласки; но вдругъ Легіонъ Опричниковъ стремится къ его дому Кремлевскому: ломаютъ ворота, двери, и предъ лицемъ, у ногъ Іоанна отсѣкаютъ голову сему, ни въ чемъ не обвиненному Воеводѣ ([310]). Тогдаже были казнены: Думный Совѣтникъ Захарія Ивановичь Очинъ-Плещеевъ; Хабаровъ-Добрынскій, одинъ изъ богатѣйшихъ сановниковъ ([311]); Иванъ Воронцовъ, сынъ Ѳедора, любимца Іоанновой юности ([312]); Василій Разладинъ, потомокъ славнаго въ XIV вѣкѣ Боярина Квашнин ([313]); Воевода Кирикъ-Тырковъ, равно знаменитый и Ангельскою чистотою нравовъ и великимъ умомъ государственнымъ и примѣрнымъ мужествомъ воин-

скимъ, израненный во многихъ битвахъ; Герой-защитникъ Лаиса, Андрей Кашкаровъ (314); Воевода Нарвскій, Михайло Матвѣевичь Лыковъ, коего отецъ сжегъ себя въ 1534 году, чтобы не отдать города непріятелю (315), и который, будучи съ юныхъ лѣтъ плѣнникомъ въ Литвѣ, выучился тамъ языку Латинскому, имѣлъ свѣдѣнія въ Наукахъ, отличался благородствомъ души, пріятностію въ обхожденіи — и ближній родственникъ сего Воеводы, также Лыковъ, прекрасный юноша, посыланный Царемъ учиться въ Германію: онъ возвратился-было ревностно служить отечеству съ душею пылкою, съ разумомъ просвѣщеннымъ (316)! Воевода Михайловскій, Никита Козариновъ-Голохвастовъ, ожидая смерти, уѣхалъ изъ столицы и постригся въ какомъ-то монастырѣ на берегу Оки; узнавъ же, что Царь прислалъ за нимъ Опричниковъ, вышелъ къ нимъ и сказалъ: «я тотъ, «кого вы ищете!» Царь велѣлъ взорвать его на бочкѣ пороха, говоря въ шутку, что Схимники Ангелы, и должны летѣть на небо (317). Чиновникъ Мясоѣдъ Вислой имѣлъ прелестную жену: ее взяли, обезчестили, повѣсили передъ глазами мужа, а ему отрубили голову (318).

Гнѣвъ тирана, падая на цѣлыя семейства, губилъ не только дѣтей съ отцами, супруговъ съ супругами, но часто и всѣхъ родственниковъ мнимаго преступника. Такъ, кромѣ десяти Колычевыхъ, погибли многіе Князья

Ярославскіе (одного изъ нихъ, Князя Ивана Шаховскаго, Царь убилъ изъ собственныхъ рукъ булавою); многіе Князья Прозоровскіе, Ушатые, многіе Заболотскіе, Бутурлины (319). Не рѣдко знаменитые Россіяне избавлялись отъ казни славною кончиною. Два брата, Князья Андрей и Никита Мещерскіе, мужественно защищая новую Донскую крѣпость, пали въ битвѣ съ Крымцами: еще трупы сихъ витязей, орошаемые слезами добрыхъ сподвижниковъ, лежали непогребенные, когда явились палачи Іоанновы, чтобы зарѣзать обоихъ братьевъ: имъ указали тѣла ихъ! Тоже случилось и съ Княземъ Андреемъ Оленинымъ: присланные убійцы нашли его мертваго на полѣ чести. Іоаннъ, ни мало тѣмъ не умиленный, совершилъ лютую месть надъ дѣтьми сего храбраго Князя: уморилъ ихъ въ заточеніи (320).

Но смерть казалась тогда уже легкою: жертвы часто требовали ее какъ милости. Невозможно безъ трепета читать въ записках современныхъ о всѣхъ адскихъ вымыслахъ тиранства, о всѣхъ способахъ терзать человѣчество. Мы упоминали о сковородахъ (321): сверхъ того были сдѣланы для мукъ особенныя печи, желѣзныя клещи, острые ногти, длинныя иглы; разрѣзывали людей по составамъ, перетирали тонкими веревками надвое, сдирали кожу, выкраивали ремни изъ спины.....

И когда, въ ужасахъ душегубства, Россія цѣпенѣла, во дворцѣ раздавался шумъ ликующихъ: Іоаннъ тѣшился съ своими палачами и *людьми веселыми*, или скоморохами, коихъ присылали къ нему изъ Новагорода и другихъ областей вмѣстѣ съ медвѣдями! Послѣдними онъ травилъ людей, и въ гнѣвѣ и въ забаву: видя иногда близъ дворца толпу народа, всегда мирнаго, тихаго, приказывалъ выпускать двухъ или трехъ медвѣдей, и громко смѣялся бѣгству, воплю устрашенныхъ, гонимыхъ, даже терзаемыхъ ими; но изувѣченныхъ всегда награждалъ: давалъ имъ по золотой деньгѣ и болѣе ([322]). Одною изъ главныхъ утѣхъ его были также многочисленные шуты, коимъ надлежало смѣшить Царя прежде и послѣ убійствъ, и которые иногда платили жизнію за острое слово. Между ими славился Князь Осипъ Гвоздевъ, имѣя знатный санъ придворный. Однажды, не довольный какою-то шуткою, Царь вылилъ на него мису горячихъ щей: бѣдный смѣхотворецъ вопилъ, хотѣлъ бѣжать: Іоаннъ ударилъ его ножемъ . . . обливаясь кровію, Гвоздевъ упалъ безъ памяти. Немедленно призвали Доктора Арнольфа. «Исцѣли слугу моего добраго,» сказалъ Царь: «я поигралъ съ нимъ не-«осторожно.» *Такъ неосторожно* (отвѣчалъ Арнольфъ), *что развѣ Богъ и твое Царское*

Царскіе шуты.

Величество можетъ воскресить умершаго: въ немъ уже нѣтъ дыханія. Царь махнулъ рукою, назвалъ мертваго шута псомъ, и продолжалъ веселиться. Въ другой разъ, когда онъ сидѣлъ за обѣдомъ, пришелъ къ нему Воевода Старицкій, Борисъ Титовъ, — поклонился до земли и величалъ его какъ обыкновенно. Царь сказалъ: «будь здравъ, любимый мой Воевода: ты до«стоинъ нашего жалованья» — и ножемъ отрѣзалъ ему ухо. Титовъ, не изъявивъ ни малѣйшей чувствительности къ боли, съ лицемъ покойнымъ благодарилъ Іоанна за милостивое наказаніе: желалъ ему царствовать счастливо (323)! — Иногда тиранъ сластолюбивый, забывая голодъ и жажду, вдругъ отвергалъ яства и питіе, оставлялъ пиръ, громкимъ кликомъ сзывалъ дружину, садился на коня и скакалъ плавать въ крови. Такъ онъ изъ-за роскошнаго обѣда устремился растерзать Литовскихъ плѣнниковъ, сидѣвшихъ въ Московской темницѣ. Пишутъ, что одинъ изъ нихъ, Дворянинъ Быковскій, вырвалъ копье изъ рукъ мучителя и хотѣлъ заколоть его, но палъ отъ руки Царевича Іоанна, который вмѣстѣ съ отцемъ усердно дѣйствовалъ въ такихъ случаяхъ, какъ бы для того, чтобы отнять у Россіянъ и надежду на будущее царствованіе! Умертвивъ болѣе ста человѣкъ, тиранъ при обыкновенныхъ восклицаніяхъ дружины: *гойда! гойда!* съ торжествомъ возвратился въ свои палаты и снова сѣлъ за трапезу (324) . . . . Однакожь и въ сіе время, я на

сихъ пирахъ убійственныхъ, еще слышался иногда голосъ человѣческій, вырывались слова великодушной смѣлости. Мужъ храбрый, именемъ Молчанъ Митьковъ, нудимый Іоанномъ выпить чашу крѣпкаго меда, воскликнулъ въ горести: «о Царь! «ты велишь намъ вмѣстѣ съ тобою пить «медъ смѣшенный съ кровію нашихъ «братьевъ, Христіанъ правовѣрныхъ!» Іоаннъ вонзилъ въ него свой острый жезлъ ([325]). Митьковъ перекрестился и съ молитвою умеръ.

Таковъ былъ Царь; таковы были подданные! Ему ли, имъ ли должны мы наиболѣе удивляться? Если онъ не всѣхъ превзошелъ въ мучительствѣ, то они превзошли всѣхъ въ терпѣніи, ибо считали власть Государеву властію Божественною и всякое сопротивленіе беззаконіемъ; приписывали тиранство Іоанново гнѣву Небесному и каялись въ грѣхахъ своихъ; съ вѣрою съ надеждою ждали умилостивленія, но не боялись и смерти, утѣшаясь мыслію, что есть другое бытіе для счастія добродѣтели, и что земное служитъ ей только искушеніемъ; гибли, но спасли для насъ могущество Россіи: ибо сила народнаго повиновенія есть сила государственная.

Довершимъ картину ужасовъ сего времени: голодъ и моръ помогали тирану опустошать Россію. Казалось, что земля Голодъ

9 мор. утратила силу плодородія: сѣяли, но не сбирали хлѣба; и холодъ и засуха губили жатву. Дороговизна сдѣлалась неслыханная: четверть ржи стоила въ Москвѣ 60 алтынъ или около девяти нынѣшнихъ рублей серебряныхъ (326). Бѣдные толпились на рынкахъ, спрашивали о цѣнѣ хлѣба и вопили въ отчаяніи. Милостыня оскудѣла: ее просили и тѣ, которые дотолѣ сами питали нищихъ. Люди скитались какъ тѣни; умирали на улицахъ, на дорогахъ. Не было явнаго возмущенія, но были страшныя злодѣйства: голодные тайно убивали и ѣли другъ друга (327)! Отъ изнуренія силъ, отъ пищи неестественной родилась прилипчивая, смертоносная болѣзнь въ разныхъ мѣстахъ. Царь приказалъ заградить многіе пути; конная стража ловила всѣхъ ѣдущихъ безъ письменнаго вида, неуказною дорогою, имѣя повелѣніе жечь ихъ вмѣстѣ съ товарами и лошадьми (328). Сіе бѣдствіе продолжалось до 1572 года.

Но ни Судьба, ни тиранъ еще не насытились жертвами. Не заключимъ, а только прервемъ описаніе золъ, чтобы съ удивленіемъ видѣть Іоанна какъ бы равнодушнаго, спокойнаго въ его неутомимой политической дѣятельности.

Сношенія съ Литвою. Весною въ 1570 году Послы Сигизмундовы пріѣхали въ Москву для заключенія мира, желая доставить его и Королю Швед-

скому ([329]); но Іоаннъ не хотѣлъ слышать о послѣднемъ. Въ тайной бесѣдѣ они сказали Царю, что Вельможи ихъ думаютъ въ случаѣ Сигизмундовой, вѣроятно не отдаленной смерти предложить ему вѣнецъ Королевскій, какъ Государю Славянскаго племени, Христіанину и Владыкѣ сильному. Не изъявивъ ни удовольствія, ни рѣшительнаго согласія, Іоаннъ хладнокровно отвѣтствовалъ: «Милосердіемъ Божіимъ и «молитвами нашихъ прародителей Россія «велика: начто мнѣ Литва и Польша? Ко-«гда же вы имѣете сію мысль, то вамъ не «должно раздражать насъ затрудненіями въ «святомъ дѣлѣ покоя Христіанскаго.» Говорили о мирѣ, но заключили только перемиріе на три года, утвержденное Сигизмундомъ въ Варшавѣ, въ присутствіи нашихъ Пословъ ([330]), которые донесли Царю, что Вельможи Литовскіе желаютъ выдать за него сестру Сигизмундову, Софію, и видятъ въ немъ уже будущаго своего Властителя; что они не хотятъ поддаться ни Цесарю, худому защитнику и собственныхъ земель его, ни другимъ Государямъ, болѣе или менѣе слабымъ, въ сравненіи съ Московскимъ, непріятелемъ опаснымъ, но и самымъ надежнѣйшимъ покровителемъ. Честолюбивый Іоаннъ вѣрилъ, и мысленно уже простиралъ свою кровавую десницу къ вѣнцу Ягеллоновъ!

Королевство Ливонское.

Между тѣмъ онъ дѣятельно занимался Ливоніею. Любимцы его, Таубе и Крузе, возвышенные имъ въ санъ Думныхъ людей, внушили ему мысль составить изъ бывшихъ Орденскихъ земель особенное *Королевство* подъ верховною властію Россіи, увѣряя, что всѣ жители въ такомъ случаѣ пристанутъ къ намъ душею и сердцемъ, изгонятъ Шведовъ, Литовцевъ, и будутъ вмѣстѣ съ Королемъ своимъ вѣрнѣйшими подданными великаго Государя Московскаго. Еще въ 1565 году, какъ пишутъ, Іоаннъ въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ предлагалъ знаменитому своему плѣннику Фирстенбергу быть Ливонскимъ Владѣтелемъ и Царскимъ присяжникомъ; но сей великодушный старецъ отвѣчалъ, что для него лучше умереть въ неволѣ, нежели измѣнить совѣсти и святымъ обѣтамъ Рыцарства (331). Въ 1569 году Таубе и Крузе, пользуясь довѣренностію Іоанновою, имѣли сношенія съ Ревельскими гражданами, склоняя ихъ поддаться Царю, обѣщая имъ *времена златыя*, свободу, тишину, и говорили имъ: «Что представляетъ Ливонія въ теченіе двѣнадцати «лѣтъ? картину ужасныхъ бѣдствій, кровопролитій, разореній. Никто не увѣренъ «ни въ жизни, ни въ достояніи. Мы служимъ великому Царю Московскому, но «не измѣнили своему первому, истинному

«отечеству, коему хотимъ добра и спасенія.
«Знаемъ, что онъ намѣренъ всѣми силами ударить на Ливонію: выгнать Шведовъ, Поляковъ и Датчанъ. Гдѣ защитники? Германія о «васъ не думаетъ: безпечность и слабость Императора вамъ извѣстны. Король Датскій не «смѣетъ молвить Царю грубаго слова. Дряхлый «Сигизмундъ унижается, ищетъ мира въ Москвѣ, а своихъ Ливонскихъ подданныхъ только «утѣсняетъ. Швеція ждетъ мести и казни: вы «уже сидѣли бы въ осадѣ, если бы жестокая «язва, свирѣпствуя въ Россіи, не препятствовала Царю мыслить о воинскихъ дѣйствіяхъ.
«Онъ любитъ Нѣмцевъ; самъ происходитъ отъ «Дома *Баварскаго* (332), и даетъ вамъ слово, что «подъ его державою не будетъ города счастливѣе Ревеля. Изберите себѣ Властителя изъ «Князей Германскихъ: не вы, но единственно «сей Властитель долженъ зависѣть отъ Іоанна, «какъ Нѣмецкіе Принцы зависятъ отъ Императора — не болѣе. Наслаждайтесь миромъ, вольностію, всѣми выгодами торговли, не платя «дани, не зная трудовъ службы воинской. Царь «желаетъ быть единственно вашимъ благодѣтелемъ!» Въ то же время они именемъ Іоанновымъ предлагали Герцогу Курляндскому Готгарду санъ Ливонскаго Короля. Но имъ не вѣрили, какъ ненавистнымъ слугамъ Московскаго, уже вездѣ извѣстнаго тирана. Ревель не хотѣлъ измѣнить Швеціи, а Готгардъ Сигизмунду. Тогда повѣренные Іоанновы обратились къ Принцу

15*

Датскому, Магнусу, Владѣтелю Эзеля, и сей легкомысленный юноша, ими обольщенный, согласился быть орудіемъ Іоанновой Политики, безъ вѣдома брата своего, Короля Датскаго (333).

Въ знакъ довѣренности къ великимъ милостямъ, ему обѣщаннымъ, Магнусъ самъ поѣхалъ къ Царю. Въ Дерптѣ услышалъ онъ о судьбѣ Новагорода (334): остановился, медлилъ и думалъ возвратиться съ пути отъ ужаса. Но честолюбіе одержало верхъ: онъ пріѣхалъ въ Москву съ великою пышностію, на двухъ стахъ коняхъ, со множествомъ слугъ и чиновниковъ (335); былъ принятъ съ особенною благосклонностію, угощаемъ пирами — и чрезъ нѣсколько дней совершилось важное дѣло: Царь назвалъ Магнуса *Королемъ Ливоніи*, а Магнусъ Царя своимъ верховнымъ Владыкою и отцемъ, удостоенный чести жениться на его племянницѣ, *Евфиміи*, дочери несчастнаго Князя Владиміра Андреевича. Бракъ отложили до благопріятнѣйшаго времени. Іоаннъ обѣщалъ невѣстѣ пять бочекъ золота; для своего будущаго зятя освободилъ Дерптскихъ плѣнниковъ; далъ ему войско для изгнанія Шведовъ изъ Эстоніи. Провождаемый многими Нѣмцами и полками Россійскими (336), Магнусъ вступилъ въ Ливонію, объявляя жителямъ свое Королевство, милость Іоаннову, соединеніе

Милость Царя къ Магнусу.

всѣхъ земель Орденскихъ, начало тишины и благоденствія. Таубе, Крузе, уполномоченные Царемъ, торжественно ручались за его искренность и добрую волю; говорили и писали, что Ливонія останется Державою свободною, платя только легкую дань Государю Московскому; что всѣ наши чиновники выѣдутъ оттуда; что одни Нѣмцы именемъ Короля и закона будутъ управлять землею. Многіе вѣрили и радовались, но не долго. Магнусъ, жертва честолюбія и легковѣрія, сдѣлался виновникомъ новыхъ бѣдствій для несчастной Ливоніи.

Слушаясь во всемъ Таубе и Крузе, онъ (23 Августа) приступилъ къ Ревелю съ 25,000 Россіянъ и со многочисленною Нѣмецкою дружиною, въ надеждѣ овладѣть имъ безъ кровопролитія; но граждане отвѣтствовали на его предложеніе, что они знаютъ коварство Іоанна; что тиранъ своего народа не можетъ быть благотворителемъ чужаго; что неопытный, юный Магнусъ имѣетъ совѣтниковъ или злонамѣренныхъ или безразсудныхъ; что ему готовится въ Россіи участь Князя Михайла Глинскаго, но что Ревель не хочетъ уподобиться Смоленску (337). Началась осада, вылазки и смертоносныя болѣзни какъ въ городѣ, такъ и въ станѣ Россіянъ, которые оказывали болѣе терпѣнія, нежели искусства и храбрости. Земляныя работы изнуряли осаждающихъ безполезно; дѣйствіе ихъ огнестрѣльнаго снаряда было слабо. Занявъ высоты предъ самыми воротами Ревельскими, и по-

строивъ деревянныя башни, они пускали гранаты, каленыя ядра въ крѣпость, безъ важнаго вреда для непріятеля. Настала осень, зима. Воеводы Московскіе, Бояринъ Иванъ Петровичь Яковлевъ, Князья Лыковъ, Кропоткинъ, не умѣя взять Ревеля, только грабили села Эстонскія, и въ Февралѣ отпустили въ Россію 2000 саней наполненныхъ добычею (338). Ждали, что голодъ заставитъ осажденныхъ сдаться; но Шведскій флотъ успѣлъ доставить имъ изобиліе въ съѣстныхъ и воинскихъ припасахъ. Наконецъ войско уже изъявляло неудовольствіе. Магнусъ былъ въ отчаяніи; винилъ Царскихъ совѣтниковъ, Таубе и Крузе; не зналъ, что дѣлать, и послалъ Духовника своего, Шраффера, съ новыми убѣжденіями къ Ревельскимъ гражданамъ. Сей красноречивый Насторъ безстыдно увѣрялъ ихъ, что Іоаннъ есть Государь истинно Христіанскій, любитъ Церковь Латинскую болѣе Греческой и легко можетъ пристать къ Аугсбургскому Исповѣданію; что онъ строгъ по необходимости для однихъ Россіянъ, а Нѣмцамъ другъ истинный; что Ревель безполезнымъ сопротивленіемъ удаляетъ златый вѣкъ, даруемый Ливоніи въ особѣ юнаго Короля. Граждане велѣли ему итти назадъ безъ отвѣта — и 16 Марта, стоявъ подъ Ревелемъ 30 недѣль, Магнусъ снялъ осаду, зажегъ станъ, ушелъ съ своею Нѣмецкою дружиною въ Оберпаленъ, данный ему Царемъ въ залогъ будущаго Королевства; а наше войско расположилось въ восточной Ливоніи (339).

Сія первая неудача должна была оскорбить Царя. Въ тоже время свѣдавъ о мирѣ Короля Датскаго съ Шведскимъ, онъ изъявилъ Магнусу живѣйшее неудовольствіе, обвиняя брата его въ нарушеніи союза съ Россіею и въ дружбѣ съ ея злодѣемъ ([340]). Другое неожиданное происшествіе еще болѣе встревожило и Царя и Магнуса. Обязанные Іоанну свободою, знатностію, богатствомъ, Крузе и Таубе, послѣ несчастной Ревельской осады утративъ довѣренность новаго Короля Ливонскаго, боясь утратить и Государеву, забыли клятву, честь — вступили въ тайныя сношенія съ Шведами, съ Поляками, и вознамѣрились овладѣть Дерптомъ, чтобы отдать его тѣмъ или другимъ. Способъ казался легкимъ: они могли располагать дружиною Нѣмецкихъ воиновъ, которые, служа Царю за деньги, не усомнились измѣнить ему. Знатные жители Дерптскіе, бывъ долго плѣнниками въ Россіи, болѣе другихъ Ливонцевъ ненавидѣли ея господство: слѣдственно можно было надѣяться на ихъ ревностное содѣйствіе. Съ сею мыслію заговорщики вломились въ городъ: умертвили стражу; звали къ себѣ друзей, братьевъ; кричали, что насталъ часъ свободы и мести. Но изумленные граждане остались только зрителями: никто не присталъ къ измѣнникамъ, съ коими Россіяне въ нѣсколько минутъ управились: однихъ изрубили, другихъ выгнали, и считая жителей предателями, въ остервененіи умертвили многихъ невинныхъ ([341]). Таубе и

Крузе спаслися бѣгствомъ: отверженные Ревельцами, не хотѣвшими ни слушать, ни видѣть ихъ, они искали убѣжища въ Польскихъ владѣніяхъ, гдѣ Король и въ особенности Герцогъ Курляндскій приняли сихъ безразсудныхъ съ великою честію, въ надеждѣ свѣдать отъ нихъ важныя государственныя тайны Россіи, но свѣдали единственно о всѣхъ ужасахъ тиранства Іоаннова (342)! За годъ до того времени Таубе и Крузе писали къ Императору Максимиліану, что одинъ Іоаннъ можетъ изгнать Турковъ изъ Европы, имѣя войско безчисленное, опытное, непобѣдимое (343): измѣнивъ Россіи, они увѣряли Максимиліана и другихъ Европейскихъ Государей въ ея безсиліи и въ возможности завоевать или по крайней мѣрѣ стѣснить оную! — Опасаясь быть жертвою ихъ измѣны и гнѣва Іоаннова, Магнусъ, хотя и невинный, спѣшилъ уѣхать изъ Оберналена на островъ Эзель.

Но Царь умѣлъ быть твердымъ въ намѣреніяхъ, скрывать внутреннюю досаду, казаться хладнокровнымъ въ самыхъ важныхъ несгодахъ. Онъ старался успокоить Магнуса новыми увѣреніями въ своей милости; съ горестію извѣстивъ его о незапной кончинѣ невѣсты, юной Евфиміи, предложилъ ему руку малолѣтной сестры ея, Маріи, съ такимижъ условіями, съ тѣмъ же богатымъ приданымъ (344), и снова обѣщалъ завоевать для него Эстонію. Магнусъ утѣшился: съ благодарностію принялъ опять имя жениха Царской племянницы; ждалъ съ

нею Королевства, и писалъ къ брату, къ Императору, къ Князьямъ Германіи, что не суетное честолюбіе, но истинное усердіе къ общему благу Христіанъ заставило его искать союза Россіи, дабы сдѣлаться посредникомъ между Имперіею и сею великою Державою, которая можетъ вмѣстѣ съ другими Европейскими Вѣнценосцами возстать для обузданія Турціи. Сію надежду имѣлъ и самъ Императоръ и вся Германія, устрашаемая Султанскимъ властолюбіемъ; но Іоаннъ, какъ увидимъ, не думалъ о славѣ защитить Христіанскую Европу отъ Магометанскаго оружія: думалъ единственно о выгодахъ своей особенной Политики — о вѣрнѣйшемъ способѣ овладѣть всею Ливоніею и смирить гордость Ревельцевъ, которые дерзали торжественно именовать его тираномъ и величались побѣдою, одержанною надъ Россіянами, уставивъ ежегодно праздновать ея память 16 Марта (345). Онъ готовилъ месть, замедленную тогда ужаснѣйшимъ бѣдствіемъ Москвы и всей юго-восточной Россіи.

Слѣдуя правилу не умножать враговъ Россіи, Іоаннъ хотѣлъ отвратить новую, безполезную войну съ Султаномъ, коего добрая къ намъ пріязнь могла обуздывать Хана: для того (въ 1570 году) Дворянинъ Новосильцовъ ѣздилъ въ Константинополь поздравить Селима съ воцареніемъ (346). Посольство въ Кон-

стантинополь. Іоаннъ въ ласковомъ письмѣ къ нему исчислялъ всѣ дружественныя сношенія Россіи съ Турціею отъ временъ Баязета; удивлялся впаденію Селимовой рати въ наши владѣнія безъ объявленія войны; предлагалъ и миръ и дружбу. «Мой Государь» — долженъ былъ сказать Новосильцовъ Вельможамъ Султанскимъ — «не есть врагъ «Мусульманскія Вѣры. Слуга его, Царь «Саинъ-Булатъ, господствуетъ въ Касимовѣ, Царевичь Кайбула въ Юрьевѣ, «Ибакъ въ Сурожикѣ, Князья Ногайскіе «въ Романовѣ: всѣ они свободно и торжественно славятъ Магомета въ своихъ мечетяхъ: ибо у насъ всякой иноземецъ «живетъ въ своей Вѣрѣ (317). Въ Кадомѣ, «въ Мещерѣ многіе Приказные Государевы «люди Мусульманскаго Закона. Если умершій Царь Казанскій Симеонъ, если Царевичь Муртоза сдѣлались Христіанами: то «они сами желали, сами требовали крещенія.» Новосильцовъ былъ доволенъ благосклоннымъ пріемомъ, замѣтивъ только, что Султанъ не спрашивалъ его о здравіи Іоанна и, въ противность нашему обыкновенію, не звалъ обѣдать съ собою. Но сіе

г. 1571. Посольство и другое (въ 1571 году) не имѣли желаемаго слѣдствія (318), хотя Царь, въ угодность Селиму, согласился уничтожить новую крѣпость нашу въ Кабардѣ. Гордый Султанъ хотѣлъ Астрахани и Ка-

зани, или того, чтобы Іоаннъ, владѣя ими, признавалъ себя данникомъ Оттоманской Имперіи. Предложеніе столь нелѣпое осталось безъ отвѣта. Въ то же время Царь узналъ, что Селимъ проситъ Кіева у Сигизмунда для удобнѣйшаго впаденія въ Россію (349); что онъ велѣлъ дѣлать мосты на Дунаѣ и запасать хлѣбъ въ Молдавіи; что Ханъ, возбуждаемый Турками, готовится къ войнѣ съ нами; что Царевичь Крымскій разбилъ тестя Государева, Темгрюка, и взялъ въ плѣнъ двухъ его сыновей (350) Уже Девлетъ-Гирей, въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Москвою, снова началъ грозить, требовать дани и возстановленія Царствъ Батыевыхъ, Казанскаго, Астраханскаго. Уже изъ Донкова, изъ Путивля извѣщали Государя о движеніяхъ Ханскаго войска: разъѣзды наши видѣли въ степяхъ пыль необычайную, огни ночью, *сакму* или слѣды многочисленной конницы; слышали вдали *прыскъ* и ржаніе табуновъ (351). Полководцы Московскіе стояли на Окѣ. Два раза самъ Іоаннъ съ сыномъ своимъ выѣзжалъ къ войску, въ Коломну, въ Серпуховъ. Уже были и легкія сшибки, въ мѣстахъ Рязанскихъ и Коширскихъ; но Крымцы вездѣ являлись въ маломъ числѣ, немедленно исчезая, такъ, что Государь наконецъ успокоился—объявилъ донесенія сторожевыхъ Атамановъ неосновательными —

и зимою распустилъ большую часть войска. . . .

Нашествіе Хана. Тѣмъ болѣе онъ встревожился при наступленіи весны, когда Ханъ, вооруживъ всѣхъ своихъ Улусниковъ, тысячь сто или болѣе, съ необыкновенною скоростію вступилъ въ южные предѣлы Россіи, гдѣ встрѣтили его нѣкоторые бѣглецы, наши Дѣти Боярскіе, изгнанные изъ отечества ужасомъ Московскихъ казней ([352]): сіи измѣнники сказали Девлетъ-Гирею, что голодъ, язва и непрестанныя опалы въ два года истребили большую часть Іоаннова войска; что остальное въ Ливоніи и въ крѣпостяхъ; что путь къ Москвѣ открытъ; что Іоаннъ только для славы, только для вида можетъ выйти въ поле съ малочисленною Опричниною, но не замедлитъ бѣжать въ сѣверныя пустыни; что въ истинѣ того они ручаются своею головою, и будутъ вѣрными путеводителями Крымцевъ. Измѣнники, къ несчастію, сказали правду: мы имѣли уже гораздо менѣе Воеводъ мужественныхъ и войска исправнаго. Князья Бѣльскій, Мстиславскій, Воротынскій, Бояре Морозовъ, Шереметевъ, спѣшили, какъ обыкновенно, занять берега Оки, но не успѣли ([353]): Ханъ обошелъ ихъ, и другимъ путемъ приближился къ Серпухову, гдѣ былъ самъ Іоаннъ съ Опричниною. Требовалось рѣшительности, великодушія: Царь бѣжалъ! . . .

въ Коломну, оттуда въ Слободу, мимо несчастной Москвы; изъ Слободы къ Ярославлю, чтобы спастися отъ непріятеля, спастися отъ измѣнниковъ: ибо ему казалось, что и Воеводы и Россія выдаютъ его Татарамъ! Москва оставалась безъ войска, безъ начальниковъ, безъ всякаго устройства; а Ханъ уже стоялъ въ тридцати верстахъ! Но Воеводы Царскіе съ береговъ Оки, не отдыхая, приспѣли для защиты — и что же сдѣлали? вмѣсто того, чтобы встрѣтить, отразить Хана въ полѣ, заняли предмѣстія Московскія, наполненныя безчисленнымъ множествомъ бѣглецовъ изъ деревень окрестныхъ; хотѣли обороняться между тѣсными, бренными зданіями. Князь Иванъ Бѣльскій и Морозовъ съ Большимъ Полкомъ стали на Варламовской улицѣ; Мстиславскій и Шереметевъ съ Правою Рукою на Якимовской; Воротынскій и Татевъ на Таганскомъ лугу противъ Крутицъ; Темкинъ съ дружиною Опричниковъ за Неглинною (354). На другой день, Мая 24, въ праздникъ Вознесенія, Ханъ подступилъ къ Москвѣ — и случилось: чего ожидать надлежало: онъ велѣлъ зажечь предмѣстія. Утро было тихое, ясное (355). Россіяне мужественно готовились къ битвѣ, но увидѣли себя объятыми пламенемъ: деревянные домы и хижины вспыхнули въ десяти разныхъ мѣстахъ. Небо омрачи-

Сожженіе Москвы.

лось дымомъ; поднялся вихрь, и чрезъ нѣсколько минутъ огненное, бурное море разлилось изъ конца въ конецъ города съ ужаснымъ шумомъ и ревомъ. Никакая сила человѣческая не могла остановить разрушенія: никто не думалъ тушить; народъ, воины, въ безпамятствѣ искали спасенія, и гибли подъ развалинами пылающихъ зданій, или въ тѣснотѣ давили другъ друга, стремясь въ городъ, въ Китай, но отовсюду гонимые пламенемъ: бросались въ рѣку и топули. Начальники уже не повелѣвали, или ихъ не слушались: успѣли только завалить Кремлевскія ворота, не впуская никого въ сіе послѣднее убѣжище спасенія, огражденное высокими стѣнами. Люди горѣли, падали мертвые отъ жара и дыма въ церквахъ каменныхъ. Татары хотѣли, но не могли грабить въ предмѣстіяхъ: огонь выгналъ ихъ, и самъ Ханъ, устрашенный симъ адомъ, удалился къ селу Коломенскому. Въ три часа не стало Москвы: ни посадовъ, ни Китая города; уцѣлѣлъ одинъ Кремль, гдѣ въ церкви Успенія Богоматери сидѣлъ Митрополитъ Кириллъ съ святынею и съ казною; Арбатскій любимый дворецъ Іоанновъ разрушился. Людей погибло невѣроятное множество: болѣе ста-двадцати тысячь воиновъ и гражданъ, кромѣ женъ, младенцевъ и жителей сельскихъ, бѣжавшихъ въ Москву отъ непріятеля; а всѣхъ около осьми сотъ тысячь (356). Главный Воевода, Князь Бѣльскій, задохнулся въ погребѣ на своемъ дворѣ, также Бояринъ Михайло Ивановичь Вороной, первый

Докторъ Іоанновъ, Арнольфъ Линзей, и 25 Лондонскихъ купцевъ. На пеплѣ бывшихъ зданій лежали груды обгорѣлыхъ труповъ, человѣческихъ и конскихъ. «Кто видѣлъ сіе зрѣлище» — пишутъ очевидцы — «тотъ воспоминаетъ объ «немъ всегда съ новымъ ужасомъ и молитъ Бога «не видать онаго вторично» (357).

Девлетъ-Гирей совершилъ подвигъ: не хотѣлъ осаждать Кремля, и съ Воробьевыхъ горъ обозрѣвъ свое торжество, кучи дымящагося пепла на пространствѣ тридцати верстъ (358), немедленно рѣшился итти назадъ, испуганный, какъ увѣряютъ, ложнымъ слухомъ, что Герцогъ или Король Магнусъ приближается со многочисленнымъ войскомъ (359). Іоаннъ, въ Ростовѣ получивъ вѣсть объ удаленіи врага, велѣлъ Князю Воротынскому итти за Ханомъ, который однакожь успѣлъ разорить большую часть юго-восточныхъ областей Московскихъ, и привелъ въ Тавриду болѣе ста тысячь плѣнниковъ (360). Не имѣя великодушія быть утѣшителемъ своихъ подданныхъ въ страшномъ бѣдствіи, боясь видѣть ѳеатръ ужаса и слезъ, Царь не хотѣлъ ѣхать на пепелище столицы: возвратился въ Слободу и далъ указъ очистить Московскія развалины отъ гніющихъ труповъ. Хоронить было некому: только знатныхъ или богатыхъ погребали съ Христіанскими обрядами; тѣлами другихъ наполнили Москву-рѣку, такъ, что ея теченіе пресѣклось: они лежали грудами, заражая ядомъ тлѣнія и воздухъ и воду; а колодези осу-

пились или были засыпаны: остальные жители изнемогали отъ жажды. Наконецъ собрали людей изъ окрестныхъ городовъ; вытаскали трупы изъ рѣки и предали ихъ землѣ ([361]). — Такимъ образомъ фіалъ гнѣва Небеснаго изліялся на Россію. Чего не доставало къ ея бѣдствіямъ, послѣ голода, язвы, огня, меча, плѣна и — тирана?

Теперь увидимъ, сколь тиранъ былъ малодушенъ въ семъ первомъ, важнѣйшемъ заключеніи своего Царствованія. 15 Іюня онъ приближился къ Москвѣ и остановился въ Братовщинѣ ([362]), гдѣ представили ему двухъ гонцевъ отъ Девлетъ-Гирея, который, выходя изъ Россіи, какъ величавый побѣдитель желалъ съ нимъ искренно объясниться. Царь былъ въ простой одеждѣ: Бояре и Дворяне также, въ знакъ скорби или неуваженія къ Хану. На вопросъ Іоанновъ о здравіи брата его, Девлетъ-Гирея, чиновникъ Ханскій отвѣтствовалъ: «*Такъ говорить тебѣ Царь нашъ:* Мы назывались друзьями; нынѣ стали непріятелями. Братья ссорятся «и мирятся. Отдай Казань съ Астраханью: то«гда усердно пойду на враговъ твоихъ.» Сказавъ гонецъ явилъ дары Ханскіе: ножъ, окованный золотомъ, и примолвилъ: «Девлетъ-Ги«рей носилъ его на бедрѣ своей: носи и ты. «Государь мой еще хотѣлъ послать тебѣ коня; «но кони наши утомились въ землѣ твоей.» Іоаннъ отвергнулъ сей даръ *непристойный* и велѣлъ читать Девлетъ-Гиреву грамоту: «Жгу и

«пустоту Россію» (писалъ Ханъ) единственно за «Казань и Астрахань; а богатство и деньги *при-«мѣняю* къ праху. Я вездѣ искалъ тебя, въ Сер-«пуховѣ и въ самой Москвѣ; хотѣлъ вѣнца и «головы твоей: но ты бѣжалъ изъ Серпухова, «бѣжалъ изъ Москвы — и смѣешь хвалиться «своимъ Царскимъ величіемъ, не имѣя ни му-«жества, ни стыда! Нынѣ узналъ я пути Госу-«дарства твоего: снова буду къ тебѣ, если не «освободишь Посла моего, безполезно томимаго «неволею въ Россіи; если не сдѣлаешь, чего тре-«бую, и не дашь мнѣ клятвенной грамоты за себя, «за дѣтей и внучатъ своихъ.» Какъ же посту-пилъ Іоаннъ, столь надменный противъ Хри-стіанскихъ, знаменитыхъ Вѣнценосцевъ Евро-пы? *Билъ челомъ* Хану: обѣщалъ уступить ему Астрахань при торжественномъ заключеніи ми-ра; а до того времени молилъ его не тревожить Россіи; не отвѣчалъ на слова бранныя и на-смѣшки язвительныя; соглашался отпустить По-сла Крымскаго, если Ханъ отпуститъ Аѳанасія Нагаго и пришлетъ въ Москву Вельможу для дальнѣйшихъ переговоровъ. Дѣйствительно го-товый въ крайности отказаться отъ своего бле-стящаго завоеванія, Іоаннъ писалъ въ Тавриду къ Нагому, что мы должны по крайней мѣрѣ вмѣстѣ съ Ханомъ утверждать будущихъ Царей Астраханскихъ на ихъ престолѣ; то есть, же-лалъ сохранить тѣнь власти надъ сею Державою. Измѣняя нашей государственной чести и пользѣ, онъ не усомнился измѣнить и правиламъ Церкви:

въ угодность Девлетъ-Гирею выдалъ ему тогда же одного знатнаго Крымскаго плѣнника, сына Княжескаго, добровольно принявшаго въ Москвѣ Вѣру Христіанскую; выдалъ на муку или на перемѣну Закона, къ неслыханному соблазну для Православія (363).

Унижаясь предъ врагомъ, Іоаннъ какъ бы обрадовался новому поводу къ душегубству въ бѣдной землѣ своей, и еще Москва дымилась, еще Татары злодѣйствовали въ нашихъ предѣлахъ, а Царь уже казнилъ и мучилъ подданныхъ! Мы видѣли, что измѣнники Россійскіе вели Девлетъ-Гирея къ столицѣ: сею измѣною Іоаннъ могъ изъяснять успѣхъ непріятеля; могъ, какъ и прежде, оправдывать изступленія своего гнѣва и злобы: нашелъ и другую вину, не менѣе важную. Скучая вдовствомъ, хотя и не цѣломудреннымъ, онъ уже давно искалъ себѣ третьей супруги. Нападеніе Ханское прервало сіе дѣло; когда же опасность миновалась, Царь снова занялся онымъ. Изъ всѣхъ городовъ свезли невѣстъ въ Слободу, и знатныхъ и незнатныхъ, числомъ болѣе двухъ тысячь: каждую представляли ему особенно. Сперва онъ выбралъ 24, а послѣ 12, коихъ надлежало осмотрѣть Доктору и бабкамъ; долго сравнивалъ ихъ въ красотѣ, въ пріятностяхъ, въ умѣ; наконецъ предпочелъ всѣмъ Мареу

Васильевну Собакину, дочь купца Новогородскаго, въ тоже время избравъ невѣсту и для старшаго Царевича, Евдокію Богдановну Сабурову ([364]). Отцы счастливыхъ красавицъ изъ ничего сдѣлались Боярами, дяди будущей Царицы Окольничими, братъ Крайчимъ; возвысивъ саномъ, ихъ надѣлили и богатствомъ, *добычею опалъ*, имѣніемъ отнятымъ у древнихъ родовъ Княжескихъ и Боярскихъ. Но Царская невѣста занемогла; начала худѣть, сохнуть: сказали, что она *испорчена* злодѣями, ненавистниками Іоаннова семейственнаго благополучія, и подозрѣніе обратилось на ближнихъ родственниковъ Царицъ умершихъ, Анастасіи и Маріи. Разыскивали — вѣроятно, страхомъ и лестію домогались истины или клеветы. Не знаемъ всѣхъ обстоятельствъ: знаемъ только, кто и какъ погибъ въ сію *пятую* эпоху убійствъ. Шуринъ Іоанновъ, Князь Михайло Темгрюковичь, суровый Азіатецъ, то знатнѣйшій Воевода, то гнуснѣйшій палачь, осыпаемый и милостями и ругательствами, многократно обогащаемый и многократно лишаемый всего въ забаву Царю, долженъ былъ съ полкомъ Опричниковъ идти въ слѣдъ за Девлетъ-Гиреемъ ([365]): онъ выступилъ — и вдругъ, сраженный опалою, былъ посаженъ на колъ! Вельможу Ивана Петровича Яковлева (прощеннаго въ 1566 году),

Новое супружество Іоанново.

Пятая эпоха душегубства.

брата его, Василія, бывшаго пѣстуномъ старшаго Царевича, и Воеводу Замятню Сабурова, роднаго племянника несчастной Соломониды, первой супруги отца Іоаннова, засѣкли, а Боярина Льва Андреевича Салтыкова постригли въ Монахи Троицкой Обители, и тамъ умертвили. Открылись казни инаго рода: злобный клеветникъ, Докторъ Елисей Бомелій, о коемъ мы упоминали, предложилъ Царю истреблять лиходѣевъ ядомъ, и составлялъ, какъ увѣряютъ, губительное зеліе съ такимъ адскимъ искусствомъ, что отравляемый издыхалъ въ назначенную тираномъ минуту. Такъ Іоаннъ казнилъ одного изъ своихъ любимцевъ, Григорія Грязнаго, Князя Ивана Гвоздева-Ростовскаго и многихъ другихъ, признанныхъ участниками въ отравленіи Царской невѣсты или въ измѣнѣ, открывшей путь Хану къ Москвѣ (306). Между тѣмъ Царь женился (28 Октября) на больной Мароѣ, надѣясь, по его собственнымъ словамъ, спасти ее симъ дѣйствіемъ любви и довѣренности къ милости Божіей (307); чрезъ шесть дней женилъ и сына на Евдокіи; но свадебные пиры заключились похоронами: Мароа 13 Ноября скончалась, бывъ или дѣйствительно жертвою человѣческой злобы или только несчастною виновницею казни безвинныхъ. Во всякомъ случаѣ царственный гробъ ея, стоящій

Смерть Царицы.

подлѣ двухъ супругъ Іоанновыхъ, въ Дѣвичьемъ монастырѣ Вознесенскомъ, есть предметъ умиленія и горестныхъ мыслей для потомства.

Утѣшенный местію, Іоаннъ искалъ дальнѣйшаго разсѣянія въ дѣлахъ государственныхъ. Боясь вторичнаго Ханскаго нашествія, и желая взять мѣры для безопасности Москвы, онъ уничтожилъ ея посады: всѣхъ купцевъ и мѣщанъ перевелъ оттуда въ городъ, и запретилъ имъ строить *высокіе* деревянные домы, опасные въ случаѣ пожара (368); осмотрѣлъ, распорядилъ войско; велѣлъ Касимовскому Царю, Саинъ-Булату, съ передовою дружиною итти на Шведовъ, къ Орѣшку, и самъ отправился въ Новгородъ. Казалось, что ему не легко было увидѣть сіе позорище лютыхъ казней, ужасное знаменіе его гнѣва, — то мѣсто, гдѣ, въ страшномъ безмолвіи людей, камни вопіяли на губителя, — мѣсто скорби, уныніа, нищеты и болѣзней, которыя тамъ еще свирѣпствовали. Намѣстники Новогородскіе велѣли собраться всѣмъ жителямъ предъ пустымъ, необитаемымъ Дворомъ Архіепископскимъ, и читали имъ грамоту Іоаннову: Царь писалъ, чтобы они были спокойны и готовили, по древнему обычаю, запасы для его прибытія. Очистили ему дворъ и садъ на Никитской улицѣ; поставили въ Софійской церкви новое мѣсто

Путешествіе Іоанново въ Новгородъ.

Царское и надъ нимъ златаго голубя, какъ бы въ знакъ примиренія и незлобія; обновили и мѣсто Святительское въ семъ, безъ Владыки осиротѣломъ храмѣ (369). Взяли строгія мѣры для безопасности Царскаго здравія: не велѣли хоронить въ городѣ людей умирающихъ отъ болѣзни заразительной; отвели для нихъ кладбище на берегу Волхова, близъ монастыря Хутынскаго; съ утра до ночи ходили стражи по улицамъ, осматривая домы, и запирая тѣ, въ коихъ сей недугъ обнаруживался; не пускали къ больнымъ и Священниковъ, угрожая тѣмъ и другимъ, въ случаѣ непослушанія, сожженіемъ на кострѣ. Сія жестокая строгость имѣла однакожь благодѣтельное слѣдствіе: въ началѣ зимы Духовенство объявило торжественно Посланнику Государеву, что моръ совершенно прекратился въ Новѣгородѣ — и 23 Декабря, для обрадованія жителей, пріѣхалъ къ нимъ новый ихъ Архіепископъ Леонидъ, постановленный въ Москвѣ изъ Архимандритовъ Чудовскаго монастыря; а на другой день и самъ Государь съ дѣтьми своими и съ знатнѣйшими чиновниками. Еще Дворъ Іоанновъ, не смотря на избіеніе столь многихъ Вельможъ, казался пышнымъ и блестящимъ; еще являлись у трона мужи украшенные сѣдиною и заслугами. Походную или воинскую Думу его составляли тогда Бояре и Князья Мстиславскій, Воротынскій, Пронскій, Трубецкій, Одоевскій, Сицкій, Шереметевъ и знатнѣйшій между ими Петръ Тутаевичь Шійдяковъ Ногай-

скій; Окольничій Василій Собакинъ; Думные Дворяне, Малюта Скуратовъ и Черемисиновъ; Печатникъ Олферьевъ; Дьяки Андрей и Василій Яковлевы Щелкаловы (370), главные дѣльцы по смерти злосчастнаго Ивана Михайловича Висковатаго. Полки собирались въ Орѣшкѣ и въ Дерптѣ, чтобы воевать вмѣстѣ и Финляндію и Эстонію, въ отмщеніе Королю Шведскому за неисполненіе Эрикова безумнаго договора и за неудачу Магнуса подъ Ревелемъ.

Но пепелъ Москвы, оскудѣніе Россіи и новыя опасенія со стороны Хана склоняли Іоанна къ миролюбію: онъ хотѣлъ только мира честнаго. Послы Шведскіе были сосланы въ Муромъ (371): ихъ привезли въ Новгородъ, гдѣ объявили имъ условія Царской милости. Іоаннъ требовалъ, чтобы Король заплатилъ 10,000 ефимковъ за оскорбленіе Воронцова и Наумова въ Стокгольмѣ, уступилъ намъ всю Эстонію и серебряные рудники въ Финляндіи, заключилъ съ Царемъ союзъ противъ Литвы и Даніи, а въ случаѣ войны давалъ ему 1000 конныхъ и 500 пѣшихъ ратниковъ; наконецъ, чтобы Король именовалъ его въ грамотахъ *Властителемъ Швеціи* и прислалъ въ Москву свой гербъ для изображенія онаго на печати Царской (372)! Послы, изнуренные жестокою неволею, страшились

Дѣла Шведскія.

досадить Іоанну, какъ за себя, такъ и за слабую Швецію, угрожаемую нападеніемъ сильнаго войска: молили Царевичей и Бояръ убѣдить Государя, чтобы онъ унялъ свой мечь, отпустилъ ихъ къ Королю и согласился мирно ждать отвѣта; говорили, что въ Финляндіи нѣтъ серебряной руды; что Швеція есть земля бѣдная и не въ силахъ помогать намъ войскомъ. Представленные Іоанну, они пали ницъ: Царь велѣлъ имъ встать и сказалъ: «Я Владыка Христіанскій «и не хочу земнаго себѣ поклоненія;» исчисливъ вины Короля: повторилъ свои требованія и примолвилъ: «да исполнитъ волю нашу, или увидимъ, чей мечь острѣе» ([373]). Далѣе объявилъ имъ, что онъ, требуя Екатерины отъ Эрика, считалъ ее вдовою бездѣтною: слѣдственно не нарушалъ тѣмъ устава Божественнаго ([374]); хотѣлъ единственно имѣть надежный залогъ для усмиренія Сигизмунда. Послы увѣряли, что Король во всемъ *исправится* и *добьетъ челомъ* Царю за вину свою; обѣдали съ нимъ и подписали грамоту, въ коей сказано, что Великій Государь Россійскій примѣнилъ гнѣвъ на милость къ Швеціи и согласился не воевать ея владѣній до Троицына дни, съ условіемъ, чтобы Король прислалъ къ сему времени другихъ Пословъ въ Новгородъ, а съ ними 10,000 ефимковъ за обиду Воронцова и Наумова, 200 конныхъ воиновъ, снаряженныхъ по *Нѣмецкому чину*, на службу Московскую и нѣсколько искусныхъ Металлурговъ; чтобы онъ свободно пропускалъ въ Рос-

сiю мѣдь, олово, свинецъ, нефть, сѣру: также Мѣдиковъ, художниковъ, людей воинскихъ. Въ ласковой бесѣдѣ съ Епископомъ Абовскимъ Бояре разспрашивали о лѣтахъ, умѣ и дородствѣ юной сестры Королевской; изъявили желанiе имѣть ея живописный образъ и дали чувствовать, что Царь можетъ на ней жениться (375). Наконецъ отпустили Пословъ въ Стокгольмъ съ честiю и съ письмомъ къ Королю. Iоаннъ писалъ: «Ничѣмъ не умолишь меня, если не откажешься отъ Ливонiи. Надежда твоя на Цесаря есть пустая. Говори что хочешь; но словами не «защитишь земли своей» (376). Тогда Царь объявилъ войску, что непрiятельскiя дѣйствiя отлагаются изъ уваженiя къ челобитью Шведовъ (377), и пробывъ 26 дней въ Новѣгородѣ — не сдѣлавъ тамъ никому зла, возстановивъ къ удовольствiю жителей старинный обычай судныхъ поединковъ, давъ имъ въ Намѣстники первостепеннаго Боярина, Князя Мстиславскаго, и Пронскаго — 18 Генваря выѣхалъ оттуда, провождаемый благословенiями народа. г. 1572.

Первымъ дѣломъ его по возвращенiи въ Москву или въ Александровскую Слободу было неслыханное дотолѣ въ Россiи церковное беззаконiе. Онъ въ *четвертый разъ* женился на Аннѣ Алексѣевнѣ Колтовской, дѣвицѣ весьма незнатной, не разсудивъ за

Четвертый бракъ Iоанновъ.

благо требовать Святительскаго благословенія; но немедленно усовѣстился, созвалъ Епископовъ и молилъ ихъ утвердить сей бракъ. Митрополитъ Кириллъ въ то время преставился ([378]); на Соборѣ первенствовалъ Новогородскій Архіепископъ Леонидъ, корыстолюбецъ, угодникъ мірской власти. Такъ Іоаннъ говорилъ Святителямъ (торжественно, въ храмѣ Успенія): «Злые «люди чародѣйствомъ извели первую супругу «мою, Анастасію. Вторая, Княжна Черкасская, «также была отравлена, и въ мукахъ, въ терза«ніяхъ отошла ко Господу. Я ждалъ не мало «времени и рѣшился на третій бракъ, отчасти «для нужды тѣлесной, отчасти для дѣтей моихъ, «еще не достигшихъ совершеннаго возраста: «юность ихъ претила мнѣ оставить міръ; а жить «въ мірѣ безъ жены соблазнительно. Благосло«венный Митрополитомъ Кирилломъ, я долго «искалъ себѣ невѣсты, испытывалъ, наконецъ «избралъ; но зависть, вражда погубили Мароу, «только именемъ Царицу: еще въ невѣстахъ «она лишилась здравія и чрезъ двѣ недѣли су«пружества преставилась дѣвою. Въ отчаяніи, «въ горести я хотѣлъ посвятить себя житію «Иноческому; но видя опять жалкую младость «сыновей и Государство въ бѣдствіяхъ, дерзнулъ «на четвертый бракъ. Нынѣ, припадая съ уми«леніемъ, молю Святителей о разрѣшеніи и бла«гословеніи» ([379]). Такое смиреніе Великаго Царя, какъ сказано въ дѣяніяхъ сего Собора, глубоко тронуло Архіепископовъ и Епископовъ:

они *проливали слезы*, болѣзнуя о винѣ и виновномъ. Читали Уставъ Вселенскихъ Соборовъ; разсуждали и положили утвердить бракъ, *ради теплаго*, *умильнаго покаянія* Государева, съ заповѣдію не входить Іоанну въ храмъ до Пасхи, только въ сей день причаститься Святыхъ Таинъ, годъ стоять въ церкви съ *припадающими*, годъ съ *вѣрными* и вкушать Антидоръ единственно въ праздники [380]; но въ случаѣ воинскаго похода увольняли его отъ сей Эпитиміи: брали ее на себя; между тѣмъ обязывались молиться за Царицу Анну — и дабы беззаконіе Царя не было соблазномъ для народа, то грозили ужасною церковною клятвою всякому, кто подобно Іоанну дерзнетъ взять четвертую жену. Кромѣ Леонида, грамоту разрѣшительную подписали Архіепископы Корнилій Ростовскій и Антоній Полоцкій, семь Епископовъ, нѣсколько Архимандритовъ и знатнѣйшихъ Игуменовъ. Успокоивъ Іоаннову совѣсть, они занялись и другимъ важнымъ дѣломъ: избрали Митрополита: сей чести удостоился Архіепископъ Антоній.

29 Апрѣля.

Май.

Между тѣмъ, желая мира, но готовясь къ войнѣ — требуя всѣхъ Дѣтей Боярскихъ на службу, укрѣпляя города южные, Болховъ, Орелъ, не за-долго до сего времени основанный въ степи [381] — Іоаннъ имѣлъ переговоры съ разными Державами.

Союзъ съ Елисаветою.

Онъ возобновилъ союзъ съ Королевою Елисаветою, бывъ недоволенъ ея холодностію къ объявленному имъ намѣренію искать убѣжища въ Англіи, и едва не выгнавъ изъ Россіи Лондонскихъ купцевъ, обвиняемыхъ въ беззаконномъ корыстолюбіи. Чтобы умилостивить Царя, Елисавета въ четвертый разъ прислала къ нему Дженкинсона, съ увѣреніями въ дружествѣ искреннемъ и неизмѣнномъ ([382]). «Для «чего же Королева» (сказалъ Іоаннъ) «занимаясь единственно выгодами Англій-«ской торговли, не оказала живаго участія «въ обстоятельствахъ рѣшительныхъ для «судьбы моей? Знаю, что торговля важна «для Государства; но собственныя дѣла «Царскія еще важнѣе купеческихъ.» Дженкинсонъ оправдывалъ Елисавету, виня худыхъ переводчиковъ, которые не умѣли истолковать ея словъ, одушевленныхъ любовію къ Царю; спрашивалъ о преступленіи купцевъ Лондонскихъ; исчислилъ ихъ услуги; доказывалъ, что они, исполняя волю Королевы, содѣйствовали успѣхамъ нашего оружія въ Ливоніи, не давъ Сѣвернымъ Державамъ заградить морскаго пути въ Нарву и лишить Россію выгодъ Балтійской торговли. Іоаннъ смягчился; объявилъ милость всѣмъ Англичанамъ; не хотѣлъ говорить о винѣ ихъ, сказавъ: «Кого «прощаю, того уже не виню. Будемъ друзья-

«ми, какъ были. Прежняя тайна останется «тайною. Теперь иныя обстоятельства; а «въ случаѣ нужды откроюсь возлюбленной «сестрѣ моей, Елисаветѣ, съ полною довѣ«ренностію.» То есть, искоренивъ мнимыхъ внутреннихъ враговъ, онъ уже не мыслилъ о бѣгствѣ въ Лондонъ! Снова исходатайствовавъ для купцевъ своихъ милостивое дозволеніе торговать въ Россіи, предложивъ основать Контору въ Астрахани для мѣны съ Персіею и гостиный дворъ въ Колмогорахъ, Дженкинсонъ требовалъ еще 1) свободнаго отпуска Англійскихъ художниковъ и ремесленниковъ изъ Москвы въ Лондонъ; 2) платежа за товары, взятые у Англичанъ въ долгъ нѣкоторыми опальными, *казненными* Дворянами Царскими, и 3) за все, что сгорѣло у сихъ купцевъ во время Московскаго пожара. Сіи требованія, кажется, были непріятны Іоанну: онъ сказалъ, что иноземцы вольны жить или не жить у насъ; что велитъ справиться о долгахъ, а впредь не хочетъ объ нихъ слышать; что Государь не отвѣтствуетъ за огонь и за гнѣвъ Божій, который обратилъ Москву въ пепелъ. Дженкинсона отпустили съ честію и съ ласковымъ письмомъ къ Елисаветѣ.

Въ новыхъ сношеніяхъ съ Даніею и съ Литвою Іоаннъ слѣдовалъ старымъ правиламъ гордой непреклонности. Король Фри- Пере-

говоры съ Даніею и съ Англіею.

дерикъ не давалъ ему знать о своемъ мирѣ съ Швеціею, не изъявлялъ ни малѣйшаго участія въ судьбѣ Магнуса, но увѣрялъ Царя въ неизмѣнномъ дружествѣ; жаловался, что Россіяне отнимаютъ у Норвежцевъ земли и рыбныя ловли; просилъ *опасной грамоты* для Пословъ Императора Максимиліана, ѣдущихъ въ Москву за важнымъ дѣломъ (383). Царь сказалъ: «Фридерикъ хорошо дѣлаетъ, что желаетъ намъ «быть вѣрнымъ другомъ до конца жизни; «но то не хорошо, что безъ нашего велѣнія мирится съ непріятелемъ Россіи. Да «исправится; да стоитъ съ нами за-едино; «да убѣдитъ Шведовъ повиноваться волѣ «моей! О дѣлахъ Норвежскихъ развѣдаемъ «и не замедлимъ въ управѣ. Пословъ брата «нашего, Максимиліана, ожидаемъ: имъ «путь свободенъ сюда и отсюда.» Сигизмундовъ Посланникъ Гарабурда объявилъ Іоанну, что во многихъ Нѣмецкихъ городахъ ходятъ отъ его имени письма бранныя, весьма оскорбительныя для Короля, исполненныя лжи и нелѣпостей; что Царь долженъ торжественно отказаться отъ сихъ злобою разсѣянныхъ клеветъ; что Герцогъ Магнусъ съ помощію Россіянъ воевалъ Королевскія Мызы; что мы въ противность договору заняли Тарвастъ; что Сигизмундъ желалъ бы охотно уступить намъ нѣкоторые изъ Ливонскихъ городовъ за

Полоцкъ. Дьякъ Царскій, Андрей Щелкаловъ, отвѣтствовалъ, что бранныя письма о Королѣ сочинены Нѣмцами, Таубе и Крузе, въ опровержепіе Сигизмундова злословія, какъ они доносили Іоанну; что сіи два негодяя бѣжали въ Литву; что Королю должно прислать ихъ въ Москву для казни, и что тогда Царь немедленно извѣститъ всѣхъ Государей Европейскихъ о подлогѣ оскорбительныхъ для Сигизмунда грамотъ; что Тарвастъ занятъ нами, ибо онъ нашъ; что Магнусъ воевалъ не Польскія, а Шведскія владѣнія; что если Король уступитъ Россіи всю Ливонію, то мы готовы уступить ему и Полоцкъ и Курляндію; что Іоаннъ, для дѣла столь важнаго, будетъ ждать Великихъ Пословъ Королевскихъ во Псковѣ (381): ибо Царь опять ѣхалъ въ Новгородъ, чтобы заключить миръ или воевать съ Швеціею презираемою, въ то время, когда, не имѣя вѣстей изъ Тавриды, могъ угадывать злое намѣреніе Хана; когда уже носился слухъ о близости его новаго нашествія; когда безопасность и Москвы и Россіи требовала Царскаго присутствія въ столицѣ, возникающей изъ пепла, слабой, робкой въ ужасныхъ воспоминаніяхъ своего недавняго бѣдствія! Іоаннъ какъ бы искалъ единственно личной безопасности въ странѣ отдаленной: послалъ

Отбытіе Іоанна въ Новгородъ.

въ Новгородъ 450 возовъ съ казною (385); взялъ туда съ собою и юную супругу, обоихъ сыновей, Царевича Михаила (Кайбулина сына), Молдавскаго Воеводича Стефана и Волошскаго Радула (386), братьевъ Царицы, Григорія и Александра Колтовскихъ, немногихъ Бояръ, всѣхъ любимцевъ, лучшихъ Дьяковъ и войско отборное, а на случай осады (слѣдственно имъ предвидѣнной!) ввѣрилъ защиту Москвы Князьямъ Юрью Токмакову и Тимоѳею Долгорукому (387). Но осталось войско и въ полѣ: знаменитый мужъ, Князь Михайло Воротынскій, съ достойными товарищами, съ Бояриномъ Шереметевымъ, съ Князьями Никитою Одоевскимъ, Андреемъ Хованскимъ, стояли на Окѣ, чтобы ждать, отразить Хана. Государь далъ имъ и свою седмитысячную дружину Нѣмецкую съ ея предводителемъ, Георгіемъ Фаренсбахомъ (388); только самъ — былъ уже далеко!

Пріѣхавъ въ Новгородъ, Іоаннъ усилилъ войско въ Деритѣ, Феллинѣ, Лаисѣ; ждалъ вѣстей отъ Короля Шведскаго и писалъ къ Сигизмунду, что успѣхъ государственныхъ дѣлъ зависитъ отъ выбора людей; что Каштелянъ Троцкій, Евстафій Воловичь, и Писарь Михайло Гарабурда скорѣе всѣхъ иныхъ Литовскихъ Пановъ могутъ доставить своему отечеству надежный миръ съ Россіею. Король не хотѣлъ, кажется, исполнить желанія Іоаннова, отвѣтствуя, что Послами его будутъ сановники равной знатности съ Воловичемъ и съ Гарабурдою (389). Сіе письмо

было послѣднимъ Сигизмундовымъ словомъ къ Царю: онъ умеръ 18 Іюля, давъ совѣтъ Вельможамъ предложить корону Ягеллоновъ Государю Россійскому (390). По крайней мѣрѣ они спѣшили извѣстить Царя о Сигизмундовой смерти, обѣщая немедленно вступить съ нимъ въ важные переговоры. Открылись новые, благопріятные виды для честолюбія Іоаннова. . . Но въ сіе время онъ думалъ болѣе о спасеніи своего Царства, нежели о пріобрѣтеніи чуждаго.

Еще не довольный ни разореніемъ Московскихъ областей, ни униженіемъ гордаго Іоанна, и въ надеждѣ вторично обогатиться плѣнниками безъ сраженія, убивать только безоружныхъ, достигнуть нашей столицы безъ препятствія, даже свергнуть, изгнать Царя, варваръ Девлетъ-Гирей молчалъ, отдыхалъ *не разсѣдлывая коней*, и вдругъ, сказавъ Уланамъ, Князьямъ, Вельможамъ, что лучше не тратить времени въ перепискѣ *лживой*, а рѣшить дѣло объ Астрахани и Казани съ Государемъ Московскимъ изустно, лицемъ къ лицу, устремился старымъ, знакомымъ ему путемъ къ Дону, къ Угрѣ, сквозь безопасныя для него степи, мимо городовъ обожженныхъ, чрезъ пепелъ разрушенныхъ селъ, съ войскомъ, какого послѣ Мамая, Тохтамыша, Ахмета, не собирали Ханы — съ Нашествіе Хана.

Ногаями, съ Султанскими Янычарами, съ огнестрѣльнымъ снарядомъ. Малочисленные Россіяне сидѣли въ крѣпостяхъ неподвижно; въ полѣ изрѣдка являлись всадники, не для битвы, а для наблюденій. Ханъ уже видѣлъ Оку предъ собою — и тутъ увидѣлъ наконецъ войско Московское: оно стояло на лѣвомъ берегу ея, въ трехъ верстахъ отъ Серпухова, въ окопахъ, подъ защитою многихъ пушекъ ([391]). Сіе мѣсто считалось самымъ удобнѣйшимъ для переправы; но Ханъ, занявъ Россіянъ жаркою пальбою, сыскалъ другое, менѣе оберегаемое, и въ слѣдующій день уже былъ на лѣвомъ берегу Оки, на Московской дорогѣ . . . . Іоаннъ узналъ о семъ 31 Іюля въ Новѣгородѣ, гдѣ онъ, скрывая внутреннее безпокойство души, пировалъ въ монастыряхъ съ Боярами, праздновалъ свадьбу шурина своего, Григорія Колтовскаго, и топилъ въ Волховѣ Дѣтей Боярскихъ ([392]). Еще имѣя полки, но уже не имѣя времени защитить ими столицу, Царь праздно ждалъ дальнѣйшихъ вѣстей; а Москва трепетала, слыша, что Ханъ уже назначалъ въ ея стѣнахъ домы для Вельможъ Крымскихъ ([393]). Насталъ часъ рѣшить, справедливо ли Государь гнѣвный всегда обвинялъ Полководцевъ Россійскихъ въ малодушіи, въ нерадѣніи, въ холодности ко благу и ко славѣ отечества!

Воротынскій, кинувъ укрѣпленія безполезныя, ринулся за непріятелемъ, гналъ его по пятамъ, настигъ, остановилъ, принудилъ къ битвѣ, 1 Августа, въ пятидесяти верстахъ отъ сто-

лицы, у Воскресенія въ Молодяхъ. У Хана было 120,000 воиновъ ([391]): нашихъ гораздо менѣе. Первымъ надлежало побѣдить и для того, чтобы взять Астрахань съ Казанью, и для того, чтобы спастися или открыть себѣ свободный путь назадъ, въ отдаленные свои Улусы; а Россіяне стояли за все, что еще могли любить въ жизни: за Вѣру, отечество, родителей, женъ и дѣтей! Москва безъ Іоанна тѣмъ болѣе умиляла ихъ сердца жалостію, возставъ изъ пепла какъ бы единственно для новаго разрушенія. Вступили *въ бой на смерть* съ обѣихъ сторонъ. Берега Лопасни и Рожая облилися кровію. Стрѣляли, но болѣе сѣклись мечами въ схваткѣ отчаянной; давили другъ друга; хотѣли побѣдить дерзостію, упорствомъ. Но Князь Воротынскій и бился и наблюдалъ: устроивалъ, ободрялъ своихъ; вымышлялъ хитрости; заманивалъ Татаръ въ мѣста, гдѣ они валились грудами отъ дѣйствія скрытыхъ имъ пушекъ — и когда обѣ рати, двигаясь взадъ и впередъ, утомились, начали слабѣть, невольно ждали конца дѣлу, сей потомъ и кровію орошенный Воевода зашелъ, узкою долиною, въ тылъ непріятелю ([395]) . . . Битва рѣшилась. Россіяне побѣдили: Ханъ оставилъ имъ въ добычу обозы, шатры, собственное знамя свое; ночью бѣжалъ въ степи, и привелъ въ Тавриду не болѣе двадцати

Знаменитая побѣда Князя

Воротынскаго. тысячь всадниковъ, какъ увѣряютъ (396). Лучшіе Князья его пали; а знатнѣйшій храбрецъ невѣрныхъ, бичь, губитель Христіанъ, Дивій Мурза Ногайскій, отдался въ плѣнъ Суздальскому Витязю Алалыкину. Сей день принадлежитъ къ числу великихъ дней нашей воинской славы: Россіяне спасли Москву и честь; утвердили въ нашемъ подданствѣ Астрахань и Казань; отмстили за пепелъ столицы, и если не навсегда, то по крайней мѣрѣ надолго уняли Крымцевъ, наполнивъ ихъ трупами нѣдра земли между Лапаснею и Рожаемъ, гдѣ донынѣ стоятъ высокіе курганы, памятники сей знаменитой побѣды и славы Князя Михайла Воротынскаго.

6 Августа привезли радостную вѣсть въ Новгородъ. Сановникъ Давыдовъ и Князь Ногтевъ, свидѣтели, участники побѣды, съ лицемъ веселымъ, какого уже давно не видалъ Іоаннъ предъ собою, вручили ему трофеи: два лука, двѣ сабли Девлетъ-Гиреевы (397); смиренно били челомъ отъ Воеводъ доблихъ, которые всю славу приписывали Богу и Государю. Чуждый умиленія благодарности, онъ былъ счастливъ концемъ своего мучительнаго страха: осыпалъ вѣстниковъ и Воеводъ милостями; велѣлъ звонить въ колокола, пѣть молебны день и ночь, три дни сряду, и въ обличеніе своего малодушія — въ доказательство, что

не Ливонія, не Швеція, но боязнь Ханскаго нашествія заставила его оставить Москву — спѣшилъ возвратиться въ столицу, съ супругою, съ Царевичами, со всѣмъ Дворомъ, чтобы принять благодарность народа за спасеніе отечества! . . .

Предъ выѣздомъ изъ Новагорода Іоаннъ написалъ грозное письмо къ Королю Шведскому. «Думая» — говорилъ онъ — «что «ты и земля твоя, казненная нашимъ гнѣ«вомъ, уже образумились, я ждалъ Пословъ «отъ тебя: они не ѣдутъ, и ты распускаешь «слухъ, будто я *прошу* у васъ мира! . . . «Тебѣ не жаль земли Шведской; надѣешься «на свое богатство! . . . Спроси, что было «Хану Крымскому отъ Воеводъ моихъ! Мы «ѣдемъ нынѣ въ Москву, а къ Декабрю «будемъ опять въ Великомъ Новѣгородѣ. «Тогда увидишь, какъ Царь Россійскій и «его войско *просятъ мира* у Шведовъ» (398).

Письмо къ Королю Шведскому.

ГЛАВА IV.

Продолженіе царствованія Іоанна Грознаго.

г. 1572 — 1577.

Уничтоженіе Опричнины. Годуновъ. Дѣла Крымскія. Сношенія съ Литвою. Война въ Эстоніи. Бунтъ въ Казанской области. Бракъ Магнуса. Перемиріе съ Швеціею. Дѣла Польскія. Союзъ съ Австріею. Избраніе Баторія въ Короли. Война Ливонская. Измѣна Магнусова. Письмо къ Курбскому. Шестая эпоха казней. Мѣстничества. Примѣръ вѣрности. Пятое и шестое супружество Іоанново.

г. 1572. Іоаннъ въѣхалъ въ Москву съ торжествомъ и славою. Все ему благопріятствовало. Бѣдствія, опасности и враги исчезли. Смертоносныя болѣзни и голодъ прекратились въ Россіи. Ханъ смирился. Султанъ уже не мыслилъ о войнѣ съ нами. Литва, Польша, сиротствуя безъ Короля, нелицемѣрно искали Іоанновой дружбы. Швеція не имѣла ни силъ, ни устройства; а Царь, оставивъ въ Ливоніи рать многочисленную, нашелъ въ Москвѣ 70,000 побѣдителей, готовыхъ къ новымъ побѣдамъ. Но и безъ оружія, безъ кровопролитія онъ могъ

совершить дѣло великое, исполнить важный замыслъ своего отца ([399]), возвратить, чего мы лишились въ злосчастныя времена Батыевы, и еще соединить съ Россіею древнее достояніе Піастовъ — то есть, въ слѣдствіе мирнаго, добровольнаго избранія быть Королемъ Польскимъ. Одинъ внутренній мятежъ сердца злобнаго мѣшалъ Іоанну наслаждаться сими лестными для его честолюбія видами; но казалось, что Небо, избавивъ Россію отъ язвы и голода, хотѣло тогда смягчить и душу ея Царя.

Безпримѣрными ужасами тиранства испытавъ неизмѣнную вѣрность народа; не видя ни тѣни сопротивленія, ни тѣни опасностей для мучительства; истребивъ *гордыхъ, самовластныхъ* друзей Адашева, главныхъ сподвижниковъ своего добраго царствованія; передавъ ихъ знатность и богатство сановникамъ новымъ, безмолвнымъ, ему угоднымъ: Іоаннъ, къ незапной радости подданныхъ, вдругъ уничтожилъ ненавистную Опричнину, которая, служа рукою для губителя, семь лѣтъ терзала внутренность Государства ([400]). По крайней мѣрѣ исчезло сіе страшное имя съ его гнуснымъ символомъ ([401]), сіе безумное раздѣленіе областей, городовъ, Двора, Приказовъ, воинства. Опальная *Земщина* назвалась опять Россіею. Кромѣшники разоблачились, стали въ ряды обыкновенныхъ

Уничтоженіе Опричнины.

Царедворцевъ, государственныхъ чиновниковъ, воиновъ, имѣя уже не Атамана, но Царя, единаго для всѣхъ Россіянъ, которые могли надѣяться, что время убійствъ и грабежа миновало; что мѣра золъ исполнилась, и горестное отечество успокоится подъ сѣнію власти законной.

Нѣкоторыя дѣйствія правосудія, совершенныя Іоанномъ въ сіе время, безъ сомнѣнія также питали надежду добрыхъ. Объявивъ непріятелей великодушнаго Іерарха Филиппа наглыми клеветниками, онъ заточилъ Соловецкаго Игумена, лукаваго Паисія на дикій островъ Валамъ; безсовѣстнаго Филоѳея, Епископа Рязанскаго, лишилъ Святительства; чиновника Стефана Кобылина, жестокаго, грубаго пристава Филиппова, сослалъ въ монастырь Каменнаго острова, и многихъ иныхъ пособниковъ зла съ гнѣвомъ удалилъ отъ лица своего ([402]), къ утѣшенію народа, который въ ихъ бѣдствіи видѣлъ доказательство, что Богъ не предалъ Россіи въ жертву слѣпому случаю; что есть Всевышній Мститель, законъ и правда Небесная!

Оставался еще одинъ, но главный изъ клевретовъ тиранства, Малюта Григорій Лукьяновичь Скуратовъ-Бѣльскій, наперсникъ Іоанновъ до гроба: онъ жилъ, вмѣстѣ съ Царемъ и другомъ своимъ, для суда за предѣлами сего міра. Любовь къ нему Государева (если тираны могутъ любить!) начинала тогда возвышать и благороднаго юношу, зятя его, свойственника первой

супруги отца Іоаннова, Бориса Ѳедоровича Годунова, въ коемъ уже зрѣли и великія добродѣтели государственныя и преступное властолюбіе. Въ сіе время ужасовъ юный Борисъ, украшенный самыми рѣдкими дарами Природы, сановитый, благолѣпный, прозорливый, стоялъ у трона окровавленнаго, но чистый отъ крови, съ тонкою хитростію избѣгая гнуснаго участія въ смертоубійствахъ, ожидая лучшихъ временъ, и среди звѣрской Опричнины сіяя не только красотою, но и тихостію нравственною, наружно увѣтливый, внутренно неуклонный въ своихъ дальновидныхъ замыслахъ. Болѣе Царедворецъ, нежели воинъ, Годуновъ являлся подъ знаменами отечества единственно при особѣ Монарха, въ числѣ его первыхъ оруженосцевъ ([403]), и еще не имѣя никакого знатнаго сана, уже былъ на Іоанновой свадьбѣ (въ 1571 году) Дружкою Царицы Марѳы, а жена его, Марія, Свахою: что служило доказательствомъ необыкновенной къ нему милости Государевой. Можетъ быть, хитрый честолюбецъ Годуновъ, желая имѣть право на благодарность отечества, содѣйствовалъ уничтоженію Опричнины, говоря не именемъ добродѣтели опальной: но именемъ снисходительной, непротивной тиранамъ Политики, которая спускаетъ имъ многое, осуждаемое Вѣрою и нравственностію, но будто бы

Годуновъ.

нужное для ихъ личнаго, особеннаго блага, отвергая единственно зло безполезное въ семъ смыслѣ: ибо Царь не исправился, какъ увидимъ, и сокрушивъ любезное ему дотолѣ орудіе мучительства, остался мучителемъ! . . .

Довольный расположеніемъ признательнаго народа, свободный отъ стыда и боязни, Іоаннъ, по возвращеніи въ столицу, величаво принялъ гонца Ханскаго. Девлетъ-Гирей писалъ, что онъ совсѣмъ не думалъ воевать Россіи, а ходилъ къ Москвѣ единственно для заключенія мира; что наши Воеводы хвалятся побѣдою мнимою, вымышленною; что Ногаи, утомивъ коней своихъ, слезами убѣдили его итти назадъ, и что бывшія маловажныя сшибки доказали превосходное мужество Крымцевъ, а не Россіянъ. «Долго ли» — говорилъ Ханъ — «враждовать намъ за Астра-«хань и Казань? Отдай ихъ, и мы друзья «навѣки. Тѣмъ спасешь меня отъ грѣха: «ибо, по нашимъ книгамъ, не можемъ «оставить Царствъ Мусульманскихъ въ ру-«кахъ у невѣрныхъ. Казны твоей не тре-«буемъ: съ одной стороны у насъ Литва, «съ другой Черкасы: станемъ ихъ воевать «по сосѣдству, и не будемъ голодны.» Онъ *просилъ* хотя одной Астрахани; но Іоаннъ отвѣтствовалъ ему уже какъ побѣдитель: «Удаляясь отъ кровопролитія, мы доселѣ

Дѣла Крымскія.

«*утѣшили* брата своего Девлетъ-Гирея, но ни-«чѣмъ *не утѣшили.* Его требованія безраз-«судны. Нынѣ видимъ противъ себя одну *саблю*, «Крымъ; а если отдадимъ Хану завоеванное на-«ми, то Казань будетъ *вторая сабля*, Астрахань «третья, Ногаи четвертая» ([404]). Девлетъ-Гирей, отпустивъ наконецъ знаменитаго Россійскаго Посла, Аѳанасія Нагаго, въ Москву, желалъ, чтобы Государь освободилъ и Крымскаго, Янъ-Болдыя, который 17 лѣтъ томился у насъ въ неволѣ; но сей Вельможа Ханскій, получивъ свободу, не успѣлъ ею воспользоваться, и кончилъ жизнь въ Дорогобужѣ. Одинъ изъ любимцевъ Іоанновыхъ, Василій Грязной, былъ взятъ Крымцами въ разъѣздѣ на Молошныхъ Водахъ: Ханъ предлагалъ Царю обмѣнять сего плѣнника на Мурзу Дивія. Іоаннъ не согласился, хотя и жалѣлъ о судьбѣ Грязнаго, хотя и писалъ къ нему *дружественныя письма*, въ коихъ, по своему характеру, милостиво издѣвался надъ его заслугами, говоря: «Ты мыслилъ, что воевать «съ Крымцами такъ же легко, какъ шутить за «столомъ моимъ. Они не вы: не дремлютъ въ «землѣ непріятельской, и не твердятъ безпре-«станно: *время домой!* Какъ вздумалось тебѣ «назваться знатнымъ человѣкомъ? Правда, что «мы, окруженные Боярами измѣнниками, дол-«жны были, удаливъ ихъ, приближить васъ, «низкихъ рабовъ, къ лицу нашему; но не забы-«вай отца и дѣда своего! Можешь ли равняться «съ Дивіемъ? Свобода возвратитъ тебѣ мягкое

«ложе, а ему мечь на Христіанъ. Довольно, что «мы, жалуя рабовъ усердныхъ, готовы искупить «тебя нашею казною» (405). — «Нѣтъ, Государь» — писалъ въ отвѣтъ Василій Грязной, рабъ умомъ и душею, хвастливый и подлый — «я не «дремалъ въ землѣ непріятельской: исполняя «приказъ твой, добывалъ языковъ для безопа-«сности Русскаго Царства; не вѣрилъ другимъ: «самъ день и ночь бодрствовалъ. Меня взяли «израненнаго, полумертваго, оставленнаго роб-«кими товарищами. Въ бою я губилъ враговъ «Христіанства, а въ плѣну твоихъ измѣнниковъ: «никто изъ нихъ не остался здѣсь въ живыхъ; «всѣ тайно пали отъ руки моей! . . . . Шутилъ я «за столомъ Государевымъ, чтобы веселить Го-«сударя; нынѣ же умираю за Бога и за тебя; «еще дышу, но единственно по особенной мило-«сти Божіей, и то изъ усердія къ твоей службѣ, «да возвращуся вновь тѣшить Царя моего. Я «тѣломъ въ Крыму, а душею у Бога и у тебя. «Не боюся смерти: боюся только опалы» (406). Имѣя нужду въ такихъ людяхъ для своей забавы и (какъ онъ думалъ) безопасности, Іоаннъ выкупилъ Грязнаго за 2000 рублей; а Дивій умеръ невольникомъ въ Новѣгородѣ, къ сожалѣнію Царя: ибо Ханъ готовъ былъ клятвенно утвердить союзъ съ нами, для освобожденія сего важнаго плѣнника, уже не требуя Астрахани. Между тѣмъ гонцы Московскіе ѣздили въ Крымъ съ дружескими письмами, не столько для заключенія мира, сколько для вѣстей, которыя были

весьма благопріятны для спокойствія Россіи: ужасный голодъ свирѣпствовалъ въ Тавридѣ; Козаки Донскіе и Днѣпровскіе непрестанными набѣгами опустошали Улусы ея: первые взяли даже Азовъ, и хотя не могли въ немъ удержаться, но сею смѣлостію изумили Константинополь. Ханъ жилъ въ непрестанной тревогѣ: боялся гнѣва Султанскаго и внутренняго мятежа; слышалъ о намѣреніи Вельможъ Литовскихъ возвести Іоанна на престолъ ихъ отечества, и страшился новаго могущества Россіи (407).

Сіи обстоятельства, утверждая безопасность нашихъ юго-восточныхъ предѣловъ, дозволяли Царю свободно заниматься иными важными дѣлами его внѣшней Политики. Вельможи Коронные и Литовскіе убѣждали Іоанна изъ жалости къ осиротѣлому ихъ Государству не тревожить онаго никакими воинскими дѣйствіями, ни самой Ливоніи, до будущаго вѣчнаго мира. Призвавъ къ себѣ Литовскаго Посланника, Воропая, онъ торжественно изъявилъ ему желаніе быть Сигизмундовымъ преемникомъ, хвалился могуществомъ и богатствомъ, искренно винился въ своей жестокости, но извинялъ ее, какъ обыкновенно, вѣроломствомъ Бояръ. Сіи любопытная рѣчь, ознаменованная какимъ-то *искусственнымъ* простосердечіемъ, снисхожде-

Сношенія съ Лит-[illegible]

ніемъ, умѣренностію, принадлежитъ къ достопамятнымъ изображеніямъ ума Іоаннова. Царь сказалъ Посланнику ([108]): «Ѳеодоръ! ты извѣ«стилъ меня отъ имени Пановъ о кончинѣ брата «моего Сигизмунда-Августа: о чемъ я хотя уже «и прежде слышалъ, но не вѣрилъ: ибо насъ, «Государей Христіанскихъ, часто объявляютъ «умершими; а мы, по волѣ Божіей, все еще «живемъ и здравствуемъ. Теперь вѣрю и сожа«лѣю, тѣмъ болѣе, что Сигизмундъ не оставилъ «ни брата, ни сына, который могъ бы радѣть о «душѣ его и доброй памяти; оставилъ двухъ се«стеръ: одну за-мужемъ (но какова жизнь ея въ «Швеціи? къ несчастію, всѣмъ извѣстно); дру«гую въ дѣвицахъ, безъ заступника, безъ покро«вителя — но Богъ ея покровитель! Вельможные «Паны теперь безъ *Главы:* хотя у васъ и много «*голосъ*, но нѣтъ не единой превосходной, въ «коей соединялись бы всѣ думы, всѣ мысли го«сударственныя, какъ потоки въ морѣ . . . . Не «малое время были мы въ раздорѣ съ братомъ «Сигизмундомъ; вражда утихла: любовь начи«нала водворяться между нами, но еще не утвер«дилась — и Сигизмунда не стало! Злочестіе «*высится;* Христіанство *никнетъ.* Если бы вы «признали меня своимъ Государемъ, то увидѣли «бы, умѣю ли быть Государемъ-защитникомъ! «Престало бы веселиться злочестіе; не унизилъ «бы насъ ни Царьградъ, ни самый Римъ велича«вый! Въ отечествѣ вашемъ ославили меня злоб«нымъ, гнѣвливымъ: не отрицаю того; но да

«спросятъ у меня, на кого злобствую? Скажу въ «отвѣтъ: на злобныхъ; а доброму не пожалѣю «отдать и сію златую цѣпь, и сію одежду, мною «носимую» . . . . Тутъ Вельможа, Малюта-Скуратовъ, прервавъ рѣчь Іоаннову, сказалъ: «Царь «Самодержавный! казна твоя неубога: есть «чѣмъ жаловать слугъ вѣрныхъ!» — Государь «продолжалъ: «Въ Вильнѣ, въ Варшавѣ знаютъ «о богатствѣ моего отца и дѣда: я вдвое бога- «тѣе и сильнѣе. Упоминаю о томъ единственно «мимоходомъ. Удивительно ли, что ваши Ко- «роли любятъ своихъ подданныхъ, которые ихъ «взаимно любятъ? А мои желали предать меня «въ руки Хану, и бывъ впереди, не сразились: «пусть не одержали бы побѣды, но дали бы Ца- «рю время изготовиться къ новой битвѣ (409). Я «съ благодарностію принялъ бы отъ нихъ, во «знаменіе усердія, хотя одинъ бичь, одну плеть «Татарскую! Имѣя съ собою не болѣе шести- «тысячь воиновъ, я не испугался многочислен- «ности враговъ; но видя измѣну своихъ, только «устранился. Одна тысяча мужественныхъ спа- «сла бы Москву; но люди знатные не хотѣли «обороняться: что было дѣлать войску и народу? «Ханъ сжегъ столицу, а мнѣ и знать о томъ не «дали. Вотъ дѣла Бояръ моихъ! Я казнилъ из- «мѣнниковъ: не милуютъ ихъ и въ Вильнѣ, гдѣ, «на примѣръ, казнили злодѣя Викторина (410), «уличивъ его въ намѣреніи извести брага моего, «Сигизмунда, и распустивъ слухъ, что будто бы «я участвовалъ въ семъ замыслѣ: клевета гнус-

«ная, нелѣпая!» Сей Викторинъ былъ четвертованъ въ Вильнѣ около 1563 года за тайное сношеніе съ Царемъ Московскимъ. Іоаннъ продолжалъ: «Кто меня злословитъ въ вашемъ отече«ствѣ? мои ненавистники, предатели, Курбскій «и подобные ему.... Курбскій!... сей чело«вѣкъ отнялъ у него мать» (тутъ онъ указалъ на Царевича Іоанна).... «отнялъ у меня супругу «милую; а я хотѣлъ только на время лишить его «Боярскаго сана и жалованнаго имѣнія, не думая «о казни смертной: въ чемъ свидѣтельствуюсь «Богомъ! Однимъ словомъ: желаете ли узнать «злость или доброту мою? пришлите своихъ дѣ«тей служить мнѣ вѣрно.... осыпанные мило«стями Царскими, они увидятъ истину! — Если «угодно Всевышнему, чтобы я властвовалъ надъ «вами, то обѣщаю ненарушимо блюсти всѣ уста«вы, права, вольности ваши, и еще распростра«нить ихъ, буде надобно. Если Паны вздумаютъ «избрать въ Короли моего Царевича, то знайте, «что у меня два сына какъ два ока: не разста«нусь ни съ единымъ. Если же не захотите при«знать меня своимъ Государемъ, то можете чрезъ «Великихъ Пословъ условиться со мною о мирѣ. «Не стою за Полоцкъ; соглашусь придать къ «нему и нѣкоторыя изъ моихъ наслѣдственныхъ «владѣній, буде уступите мнѣ всю Ливонію по «Двину. Тогда обяжемся клятвою, я и дѣти мои, «не воевать Литвы, доколѣ царствуетъ Домъ «нашъ въ Россіи православной. — Перемирія «не нарушу до срока; даю тебѣ *опасную гра-*

«*моту* для Пословъ, и буду ожидать ихъ. «Время дорого.»

За симъ Іоаннъ, въ глубокую осень, выѣхалъ изъ Москвы, съ обоими сыновьями, чтобы устроить войско въ Новѣгородѣ и сдержать данное Королю Шведскому слово (411). Полки стояли уже въ готовности и двинулись къ Нарвѣ: самъ Государь предводительствовалъ ими, имѣя съ собою всѣхъ знатнѣйшихъ Бояръ, Царя Саинъ-Булата и Короля Магнуса, вооруженною рукою взятаго въ Аренсбургѣ и привезеннаго къ Іоанну болѣе въ видѣ плѣнника, нежели будущаго зятя. Въ одинъ день вступило 80,000 Россіянъ въ Эстонію, гдѣ никто не ожидалъ ихъ, и гдѣ мирные Дворяне въ замкахъ своихъ весело праздновали Святки, такъ, что передовые наши отряды вездѣ находили пиры, музыку, пляски (412). Царь велѣлъ не щадить никого: грабили домы, убивали жителей, безчестили дѣвицъ. Не было сопротивленія, до крѣпости Виттенштейна, гдѣ 50 Шведовъ съ гражданами и земледѣльцами рѣшились дать отпоръ всему войску Іоаннову. Россіяне взяли приступомъ Виттенштейнъ; но Царь лишился друга: Малюта Скуратовъ умеръ честною смертію воина, положивъ голову на стѣнѣ, какъ бы въ доказательство, что его злодѣянія превзошли мѣру земныхъ казней! Іоаннъ изъя-

Война въ Эстоніи.

г. 1573.

вилъ не жалость, но гнѣвъ и злобу: пославъ, съ богатою вкладою, тѣло Малюты въ монастырь Св. Іосифа Волоцкаго, гдѣ лежали отецъ, мать и сынъ его (413), онъ сжегъ на кострѣ всѣхъ плѣнниковъ, Шведовъ и Нѣмцевъ: жертвоприношеніе достойное мертвеца, который жилъ душегубствомъ!

Овладѣвъ сею важною крѣпостію, Іоаннъ написалъ къ Шведскому Королю новое ругательное письмо (414). «Казнимъ тебя и Швецію,» говорилъ онъ: «правые всегда торжествуютъ! «Обманутые ложнымъ слухомъ о вдовствѣ Екатерины, мы хотѣли имѣть ее въ рукахъ своихъ «единственно для того, чтобы отдать Королю «Польскому, а за нее безъ кровопролитія взять «Ливонію. Вотъ истина, вопреки клеветамъ вашимъ. Что мнѣ въ женѣ твоей? Стоитъ ли она «войны? Польскіе Королевны бывали и за конюхами. Спроси у людей знающихъ, кто былъ «Войдило при Ягайлѣ? Не дорогъ мнѣ и Король «Эрикъ: смѣшно думать, чтобы я мыслилъ возвратить ему престолъ, для коего ни онъ, ни ты «не родился. Скажи, чей сынъ отецъ твой? Какъ «звали вашего дѣда? Пришли намъ свою родословную; уличи насъ въ заблужденіи: ибо мы «доселѣ увѣрены, что вы крестьянскаго племени. О какихъ *древнихъ Короляхъ Шведскихъ* ты «писалъ къ намъ въ своей грамотѣ? Былъ у «васъ одинъ *Король* Магнусъ, и то самозванецъ: «ибо ему надлежало бы именоваться *Княземъ*. «Мы хотѣли имѣть печать твою и титло *Госу-*

«даря Шведскаго, не даромъ, а за честь, коей ты «отъ насъ требовалъ: за честь сноситься прямо «со мною, мимо Новогородскихъ Намѣстниковъ. «Избирай любое: или имѣй дѣло съ ними, какъ «всегда бывало, или намъ поддайся. Народъ «вашъ искони служилъ моимъ предкамъ: въ «старыхъ лѣтописяхъ упоминается о Варягахъ, «которые находились въ войскѣ Самодержца «Ярослава-Георгія: а Варяги были Шведы, «слѣдственно его подданные. Ты писалъ, что «мы употребляемъ печать Римскаго Царства: «нѣтъ, собственную нашу, прародительскую. «Впрочемъ и Римская не есть для насъ чуждая: «ибо мы происходимъ отъ Августа-Кесаря. Не «хвалимся, и тебя не хулимъ, а говоримъ исти-«ну, да образумишься. Хочешь ли мира? да явят-«ся Послы твои предъ нами!»

Іоаннъ возвратился въ Новгородъ, оставивъ Царя Саинъ-Булата и Магнуса съ полками воевать Эстонію. Они взяли Нейгофъ и Каркусъ; но Шведскій Генералъ Аксонъ разбилъ отрядъ нашъ близъ Лоде, взялъ обозъ, пушки и знамена. Ливонскіе Историки пишутъ, что Шведовъ было менѣе двухъ тысячь, а Россіянъ 16,000, и что сія славная побѣда, доказавъ искусство первыхъ, склонила Іоанна къ миру (115). По крайней мѣрѣ Царь, выслушавъ донесенія своихъ Воеводъ и мнѣніе Боярскаго Совѣта, написалъ новое письмо къ Шведскому Королю, уже не бранное, но миролюбивое, увѣдомляя, что Воеводамъ нашимъ велѣно остановить всѣ

непріятельскія дѣйствія до прибытія въ Новгородъ Пословъ его, ожидаемыхъ съ нетерпѣніемъ для утвержденія истиннаго дружества между обоими Государствами (416). Сія перемѣна въ расположеніи Іоанновомъ изъясняется не столько успѣхомъ Генерала Аксона, сколько другимъ важнымъ обстоятельствомъ, которое тогда нечаянно встревожило и Царя и Москву: сильнымъ бунтомъ въ Казанской области, гдѣ свирѣпый, дикій народъ Черемисскій, Луговый и Горный, имѣя тайныя связи съ Ханомъ Девлетъ-Гиреемъ, явно отложился отъ Россіи, такъ, что Государь долженъ былъ немедленно послать многочисленную рать къ берегамъ Волги. Къ счастію, мятежники скоро увидѣли свое неблагоразуміе: Ханъ не могъ дать имъ войска, а Россійское уже стояло въ Муромѣ, готовое казнить ихъ огнемъ и мечемъ. Они смирились (417).

Бунтъ въ Казанской области.

Въ сіе время Іоаннъ, прекративъ войну въ Ливоніи, торжествовалъ въ Новѣгородѣ бракосочетаніе Магнуса съ юною Княжною Маріею Владиміровною: пировалъ, веселился съ своими любимыми гостями Нѣмецкими; самъ распоряжалъ пляскою и пѣлъ съ Монахами духовныя пѣсни (418). Уже Магнусъ, честимый, ласкаемый, надѣялся быть дѣйствительнымъ Королемъ, воображая, что Царь, сверхъ богатаго,

Бракъ Магнуса. 12 Апрѣля.

обѣщаннаго вѣна, отдастъ ему всѣ города Ливонскіе, занятые Россіянами; но, вмѣсто *пяти бочекъ золота* ([419]), привезли къ нему въ домъ нѣсколько сундуковъ съ бѣльемъ и съ нарядными одеждами молодой Королевы; вмѣсто всей Ливоніи Государь пожаловалъ своему зятю городокъ Каркусъ съ слѣдующимъ словеснымъ и письменнымъ наставленіемъ ([420]): «Король Магнусъ! иди съ супругою въ Удѣлъ, для васъ «назначенный. Я хотѣлъ нынѣ же вручить тебѣ «власть и надъ иными городами Ливонскими, «вмѣстѣ съ богатымъ денежнымъ приданымъ; «но вспомнилъ измѣну Таубе и Крузе, осыпанныхъ нашими милостями . . . . Ты сынъ Вѣнценосца, и слѣдственно могу имѣть къ тебѣ «болѣе довѣренности, нежели къ слугамъ подлымъ; но — ты человѣкъ! Если измѣнишь, то «золотомъ казны моей наймешь воиновъ, чтобы «дѣйствовать за-одно съ нашими врагами, и мы «принуждены будемъ своею кровію вновь доставать Ливонію. Заслужи милость постоянною, «испытанною вѣрностію!» Такимъ образомъ Магнусъ съ печальнымъ сердцемъ уѣхалъ въ Каркусъ, изъ Каркуса въ Оберпаленъ, гдѣ, въ ожиданіи Государства, жилъ весьма бѣдно, *не имѣя болѣе трехъ блюдъ на столѣ* (какъ писалъ его братъ, Фридерикъ, Король Датскій, къ своему тестю, Герцогу Мекленбургскому), *веселя тринадцати-лѣтнюю жену дѣтскими игрушками, питая сластями и, къ неудовольствію Россіянъ, одѣвъ ее въ Нѣмецкое платье* ([421]). Сей Герцогъ,

Іоаннъ Альбрехтъ, находился тогда въ сношеніяхъ съ Царемъ: присылалъ въ Новгородъ сановника Мекленбургскаго, Доктора Фелинга, и хотѣлъ, чтобы Россія утвердила право его (Альбрехтова) сына на Ригу, обѣщанную ему Королемъ Польскимъ, Сигизмундомъ Августомъ. Фелингъ отъ имени Герцога поднесъ Іоанну въ даръ золотаго, алмазами и яхонтами украшеннаго льва, съ объясненіемъ, что *левъ ужасаетъ всѣхъ звѣрей, а Государь Московскій всѣхъ непріятелей.* Царь отвѣтствовалъ: «Благодарю за смиреніе и ласку, но не мо-«гу отдать, чего еще не имѣю, хотя Ливо-«нія съ Ригою и моя отчина, а не Коро-«левская. Я намѣренъ отправить Посоль-«ство къ Нѣмецкому Императору для за-«ключенія съ нимъ союза противъ невѣр-«ныхъ и для дѣлъ Ливонскихъ. Совѣтую «Герцогу вооружиться терпѣніемъ: могу «отдать ему Ригу, когда возьму ее, догово-«ромъ или саблею.»

Между тѣмъ Іоаннъ не безъ досады видѣлъ, что Король Шведскій, имъ презираемый, началъ изъявлять гордость. Долго не было никакой вѣсти изъ Стокгольма; наконецъ Король отвѣчалъ, что никогда Послы его не будутъ въ такой землѣ, гдѣ Народное Право неизвѣстно, — гдѣ ихъ грабятъ, сажаютъ въ темницу; что Царь можетъ прислать своихъ къ нему, если дѣй-

Г. 1573-1575. Перемиріе съ Швеціею.

ствительно желаетъ мира, или по крайней мѣрѣ на границу, куда выѣдутъ и Шведскіе Уполномоченные; что о перемиріи надлежало бы говорить тремя годами ранѣе, а не тогда, какъ войско Шведское выступаетъ въ поле. Сего мало: гонецъ нашъ ([422]), будучи въ Стокгольмѣ, терпѣлъ обиды, неслыханныя въ Державахъ образованныхъ. «Вельможи Королевскіе» — доносилъ онъ Царю — «хотѣли прежде времени знать «содержаніе твоей грамоты. Я доказывалъ имъ «нелѣпость сего требованія: за что одинъ изъ «нихъ ударилъ меня въ грудь, поносилъ словами «непристойными. *Если бы* — отвѣчалъ холопъ «твой началу Шведскому — *если бы я сидѣлъ на «конѣ вооруженный, ты не дерзнулъ бы безчин«ствовать, ни поднять руки, ни открыть гнус«наго рта своего; но мы здѣсь не для битвы* . . . . «Другой Вельможа хотѣлъ удержать меня иду«щаго къ престолу Королевскому, говоря: *дай «письмо, а на сукно тронное не ступай.* Я сталъ «на сукно, и вручилъ письмо Королю . . . . Въ «слѣдующее утро сановникъ Шведскій, Христо«форъ Флемингъ, сказалъ мнѣ: *знай, что ты «вчера не видалъ Государя: я сидѣлъ на его мѣ«стѣ, а онъ стоялъ между Вельможами, ибо «не хотѣлъ взять грамоты Царя вашего, думая, «что въ ней могутъ быть новыя ругательства, «коихъ нельзя читать и простому мѣщанину*.... «Отпуская меня, Король молвилъ: *Царь сдѣлал«ся миролюбивъ; но я не хочу съ нимъ мириться, «и его не боюся*» ([423]). Однимъ словомъ, Швеція

ободрилась, наиявъ 3000 Шотландцевъ и 2000 Англичанъ; а Царь, имѣя болѣе ста тысячь воиновъ въ Ливоніи и Новѣгородѣ, изъявилъ кротость, не вступился за обиду гонца своего, снесъ насмѣшки и сдѣлалъ угодное Королю: то есть, выслалъ Бояръ, Князя Сицкаго съ товарищами, на рѣку Сестру (которая служила границею между Финляндіею и Россіею) для переговоровъ о мирѣ съ Адмираломъ Класомъ Флемингомъ и другими Королевскими чиновниками. Долго спорили о мѣстѣ свиданія: Флемингъ требовалъ, чтобы оно было на мосту, въ шатрахъ; но Князь Сицкій заставилъ Шведовъ перейти на Россійскій берегъ рѣки. Далѣе ни въ чемъ не могли согласиться. Царь хотѣлъ взять Эстонію, и въ такомъ случаѣ давалъ Королю право сноситься прямо съ нимъ; а Король хотѣлъ послѣдняго безъ всякой уступки, явивъ длинную родословную Свѣтлѣйшаго Дому Вазъ, дабы убѣдить Іоанна въ древней знаменитости онаго (424). Заключили только
г. 1575. перемиріе (отъ Ильина дни 1575 до 1577 года) между Финляндіею и нашими сѣверными владѣніями: Россія обязывалась не воевать первой, а Швеція Новогородской земли, Корелы, Орѣшка и другихъ мѣстъ. Не было слова о Ливоніи, которая оставалась ѳеатромъ войны. Іоаннъ удовольствовался обѣщаніемъ, что скоро будутъ къ

нему Шведскіе Послы для новаго мирнаго договора и торжественно обязался принять ихъ съ честію, не лишать ни свободы, ни имѣнія, — не оскорблять ни дѣломъ, ни словомъ ([125])! Съ того времени Короли Шведскіе перестали относиться къ Новугороду: что всегда казалось имъ унизительно, происходило дѣйствительно отъ малаго уваженія Государей Московскихъ къ симъ Вѣнценосцамъ, и было дотолѣ непремѣннымъ закономъ нашей гордой Политики.

Если снисходительность Царя казалась для него безполезною, то и Королю не доставила она никакой *существенной выгоды*: непріятельскія дѣйствія продолжались въ Ливоніи. Шведы съ своими Шотландскими наемниками безъ успѣха приступали къ Везенбергу: Россіяне опустошили всѣ мѣста вокругъ Ревеля, и взяли городъ Пернау, который стоилъ имъ семи тысячь воиновъ, убитыхъ въ его укрѣпленіяхъ ([126]). Тамъ Полководецъ Іоанновъ, Никита Романовичь Захарьинъ-Юрьевъ, изумилъ жителей великодушіемъ, оставивъ на волю каждому или присягнуть Царю или выѣхать со всѣмъ достояніемъ. Слѣдствіемъ Политики столь человѣколюбивой и благоразумной было то, что замки Гельметъ, Эрмисъ, Руэнъ, Пургель, Леаль, Лоде, Фиккель сдалися безъ сопротивленія, а г. 1576.

Февраля 12. скоро и важная крѣпость Габзаль, гдѣ находилось множество всякихъ запасовъ, не мало воиновъ и Дворянъ, которые всегда любили хвалиться мужествомъ. Пишутъ, что сіи мирные Герои, увѣренные Царскимъ Воеводою въ совершенной безопасности, тѣшились и веселились въ самый тотъ часъ, когда Россіяне входили въ городъ; что одинъ изъ нашихъ молодыхъ Князей, видя ихъ забавы, сказалъ своему пріятелю Нѣмцу: «Если бы мы, Русскіе, «живые сдали непріятелю такую крѣпость: «что сдѣлалъ бы съ нами Царь? и кто изъ «насъ смѣлъ бы взглянуть прямо въ лице «доброму Христіанину? А вы, Нѣмцы, «празднуете стыдъ свой» (127)! Они праздновали среди могилъ и пепла. Казалось, что Ливонія, истерзанная всѣми бѣдствіями войны долговременной, жертва и добыча всѣхъ народовъ сосѣдственныхъ, уже не могла испытать ничего злѣйшаго. Голодъ, нищета свирѣпствовали не только въ хижинахъ, но и въ замкахъ. Такъ Лѣтописецъ говоритъ, что жена знатнаго Рыцаря, Фонъ-Тедвена, имѣвъ прежде великолѣпный домъ, блиставъ пышностію удивительною для самыхъ богатыхъ людей, умерла тогда въ Габзалѣ на соломѣ и положена въ землю нагая (128)! . . . Но Судьба еще готовила новые ужасы для сей страны несчастной; еще Іоаннъ удерживалъ свою

руку, мечемъ и пламенемъ вооруженную для ея покоренія или гибели. Остерегаясь, хотя уже и не страшась Девлетъ-Гирея, онъ долженъ былъ, въ угрозу ему, отъ времени до времени собирать полки на берегахъ Оки; самъ, выѣхавъ изъ Новагорода (лѣтомъ въ 1574 году), осматривалъ войско многочисленное въ Серпуховѣ; посылалъ отряды и въ степи, гдѣ являлись иногда толпы Ханскія для разбоевъ ([429]); всего же болѣе занимался происшествіями Варшавскими, которыя, польстивъ его властолюбію, имѣли слѣдствія неожидаемыя, оскорбительныя для Царя и вредныя для Россіи.

Въ началѣ 1573 года открылся Сеймъ въ Варшавѣ, чтобы избрать Короля. Главными Кандидатами были: 1) юный Эрнестъ, сынъ Императора Максимиліана; 2) Герцогъ д'Анжу, братъ Карла IX; 3) Король Шведскій или сынъ его, Сигизмундъ; 4) Государь Россійскій. За перваго ходатайствовали Послы Испанскій и Максимиліановъ, за втораго Французскій, за третьяго Шведскіе: нашихъ не было. Царь ждалъ къ себѣ Пословъ отъ сейма, разсуждая: «я имъ нуженъ, а не они мнѣ!» Не смотря на сію гордость, многіе Коронные, и въ особенности Литовскіе Вельможи думали избрать Іоанна, чтобы симъ способомъ утвердить навѣки счастливый союзъ съ

Г. 1573-1577. Дѣла Польскія.

опасною, могущественною Россіею: мысль внушенная Политикою здравою и дальновидною! Зная безъ сомнѣнія всю его жестокость, они надѣялись, что законы ихъ Республики обуздаютъ тирана — и могли обмануться! Но Судьба устранила сей *опытъ*. Условія, съ обѣихъ сторонъ предложенныя, были равно неумѣренны, равно противны той и другой. Выслушавъ въ Новѣгородѣ Посла Литовскаго, Михайла Гарабурду, Іоаннъ (28 Февраля, 1573 года) далъ ему слѣдующій отвѣтъ ([430]): «Долговременное молчаніе вашихъ Пановъ, въ дѣлѣ столь важномъ, «меня удивляло: ибо худо Государству быть безъ «Государя. Вы извиняетесь бѣдствіями язвы, «которая свирѣпствовала въ землѣ вашей: со«жалѣю; это воля Божія. Нынѣ спрашиваете, «самъ ли я желаю властвовать надъ Литвою и «Польшею, или дать вамъ Царевича Ѳеодора въ «Короли, и требуете отъ насъ клятвы въ вѣр«номъ соблюденіи вашихъ уставовъ; хотите «еще, чтобы мы, отпустивъ къ вамъ сына, воз«вратили Княжеству Литовскому Смоленскъ, «Полоцкъ, Усвятъ, Озерище, а ему Ѳеодору «пожаловали нѣкоторые особенные города изъ «древнихъ владѣній Россійскихъ. Одно есте«ственно, другое непристойно. Естественно, «чтобы всякая земля хранила свои обычаи, уста«вы, законы, и мы конечно можемъ утвердить «присягою ваши права; но дѣльно ли требовать «отъ насъ Смоленска, Полоцка, даже наслѣд«ственныхъ городовъ Московскихъ, въ *прида-*

«*ное* Князю Θеодору? развѣ онъ дѣвица и невѣ-«ста? Славно увеличивать, а не умалять Госу-«дарства. Польское и Литовское нескудно горо-«дами: есть гдѣ жить Королю. И не вы, а мы «должны требовать возмездія. Слушайте: если «желаете имѣть Θеодора своимъ Государемъ, «то 1) пишите весь мой титулъ, какъ уставлено «Богомъ; называйте меня *Царемъ*, ибо я наслѣ-«довалъ сіе достоинство отъ предковъ, и не «присвоиваю себѣ чуждаго. 2) Когда Господь «возметъ моего сына изъ здѣшняго свѣта, да «властвуютъ надъ вами его сыновья правомъ «*наслѣдія*, а не *избранія;* когда же не останется «у него сыновей, то Литва и Польша да будутъ «*нераздѣльны* съ *Россіею*, какъ собственность «моихъ наслѣдниковъ во вѣки вѣковъ, но безъ «всякаго измѣненія правъ и вольностей народ-«ныхъ, *съ особеннымъ именемъ Королевства Поль-«скаго и Великаго Княжества Литовскаго въ ти-«тулѣ Государей Россійскихъ*. Пристойно ли сы-«ну Короля не быть наслѣдникомъ его престола? «И для общаго блага сихъ трехъ Державъ имъ «должно имѣть единаго Владыку. Знаю, что «Австрія и Франція гораздо снисходительнѣе въ «переговорахъ съ вами; но онѣ не примѣръ для «Россіи: ибо мы вѣрно знаемъ, что кромѣ насъ «и Султана нѣтъ въ Европѣ Государей, коихъ «родъ царствовалъ бы за 200 лѣтъ предъ симъ: «одни изъ Князей, другіе иноземцы, и для того «плѣняются честію Королевства; а мы Цари *из-«начальные* и происходимъ отъ Августа Кесаря

«(что всѣмъ извѣстно). 3) Кто изъ моихъ наслѣдниковъ скончается въ землѣ вашей, тѣло «его да будетъ привезено въ Москву для погребенія. 4) Городъ Кіевъ, древнѣйшее достояніе «Россіи, да присоединится къ ея владѣніямъ: за «что, изъ любви къ тишинѣ и согласію Христіанскому, уже не буду отыскивать нашихъ «старыхъ владѣній въ Литвѣ по рѣку Березу. «5) Ливонія вся останется за Россіею! — Вотъ «условія, на коихъ могу отпустить къ вамъ «моего любезнаго сына. Но онъ еще слишкомъ «молодъ, и не въ силахъ противиться врагамъ, «своимъ и нашимъ. Сверхъ того знаю, что многіе изъ Пановъ хотятъ въ Короли меня, а не «Царевича. Если они говорятъ вамъ иное, то «притворствуютъ. Слышу еще, что будто вы «думаете взять у меня сына обманомъ, съ намѣреніемъ выдать его Туркамъ, для заключенія «съ ними мира. Правда ли, ложь ли, не знаю; «но не могу скрыть сего отъ тебя въ бесѣдѣ «искренней.»

Видя, что Іоаннъ желаетъ Королевства болѣе для себя, нежели для сына, умный Посолъ сказалъ: «Государь! всѣ мы хотѣли бы имѣть такого сильнаго и мудраго Властителя, какъ ты; «но Москва далека отъ Варшавы, а присутствіе «Короля необходимо для внѣшней безопасности, «для внутренняго устройства и правосудія. У «насъ нѣтъ обычая, чтобы Король выѣзжалъ «изъ Государства и вмѣсто себя оставлялъ Намѣстниковъ. *Къ тому же безъ принятія Вѣры*

«Римской ты не можешь быть коронованъ.» — Іоаннъ велѣлъ Послу удалиться.

На другой день снова призвавъ Гарабурду, Царь сказалъ: «Мы размыслили — и находимъ, что мо-«жемъ управлять вмѣстѣ тремя Государствами, «переѣзжая изъ одного въ другое, и что легко «устранить препятствія, о коихъ ты говорилъ «намъ. Требую только Кіева безъ всѣхъ иныхъ «городовъ и волостей. Отдамъ Литвѣ Полоцкъ и «Курляндію. Возьму Ливонію до рѣки Двины. Ти-«тулъ нашъ будетъ: *Божіею милостію Господарь «Царь и Великій Князь всея Россіи, Кіевскій, Вла-«димірскій, Московскій, Король Польскій и Великій «Князь Литовскій.* Имена всѣхъ другихъ обла-«стей распишемъ по ихъ знатности: Польскія и «Литовскія могутъ стоять выше Россійскихъ. «Требую уваженія къ Вѣрѣ Греческой; требую «власти строить церкви Православія во всѣхъ «моихъ Государствахъ. *Да вѣнчаетъ меня на «Королевство не Латинскій Архіепископъ, а Ми-«трополитъ Россійскій* (431)! . . . Но не измѣню «ни въ чемъ вашихъ правъ и вольностей: буду «раздавать мѣста и чины съ согласія Думы «Польской и Литовской. Когда же, изнуренный «лѣтами въ силахъ душевныхъ и тѣлесныхъ, «вздумаю оставить свѣтъ и престолъ, чтобы въ «уединенной Обители жить молитвою: тогда из-«берите себѣ въ Короли любаго изъ сыновей «моихъ, но не чуждаго, не иноплеменнаго Кня-«зя. Паны говорятъ, что Литва и Польша нераз-«дѣльны: ихъ воля; но скажу, что я хотѣлъ бы

«лучше быть единственно Великимъ Княземъ «первой: тогда, утвердивъ всѣ ея законы моимъ «крестнымъ цѣлованіемъ, возьму къ Россіи «одинъ Кіевъ, а Литвѣ возвращу, силою или «договорами, всѣ ея древнія владѣнія, отнятыя «Поляками, и буду писаться въ титулѣ Вели- «кимъ Княземъ Московскимъ и Литовскимъ. — «Слушай далѣе. Могу, но не безъ труда, ѣздить «изъ земли въ землю: ибо приближаюсь къ ста- «рости; а Государю надобно все видѣть соб- «ственными глазами. И такъ не лучше ли вамъ «избрать въ Короли сына Цесарева, заключивъ «съ нами миръ и союзъ на сихъ условіяхъ: «1) Кіевъ и Ливонія къ Россіи, Полоцкъ и Кур- «ляндія къ Литвѣ; 2) мнѣ, Цесарю и сыну его «помогать другъ другу войскомъ или деньгами «противъ нашихъ общихъ враговъ? Тогда буду «желать добра Литвѣ и Польшѣ столько же, «какъ моей Россіи — и въ семъ тѣсномъ союзѣ «кого убоимся? Не захотятъ ли и всѣ иные Го- «судари Европейскіе присоединиться къ оному, «чтобы возстать на злодѣевъ Христіанства? Ка- «кая слава, и какая польза! . . . Наконецъ при- «казываю тебѣ сказать Панамъ, чтобы они не «избирали Князя Французскаго: ибо сей Князь «будетъ другомъ злочестивыхъ Турковъ, а не «Христіанъ; а если изберете его, то знайте, что «я не останусь спокойнымъ зрителемъ вашего «неблагоразумія. — Еще объяви Панамъ, что «многіе изъ нихъ писали къ намъ тайныя гра- «моты, совѣтуя мнѣ итти съ войскомъ въ Литву,

«чтобы страхомъ вынудить себѣ Королевство. «Другіе просвли у меня золота и соболей, чтобы «избрать моего сына. Да знаетъ о томъ ваша «Дума Государственная!»

Съ такимъ отвѣтомъ Гарабурда поѣхалъ въ Варшаву. Вѣроятно, что Паны Литовскіе единственно для вида и для соблюденія *пристойности* требовали Смоленска и городовъ Россійскихъ; что они въ самомъ дѣлѣ не ждали столь великой уступчивости отъ Царя, и безъ дальняго упрямства отказались бы отъ сего требованія: тѣмъ непреклоннѣе былъ Царь въ своихъ условіяхъ, единогласно отверженныхъ Сеймомъ, который немедленно исключилъ его изъ Кандидатовъ. Перемѣнились ли Іоанновы мысли: увѣрился ли онъ въ невозможности господствовать надъ Польшею и Литвою, *какъ бы* ему хотѣлось? боялся ли примѣра своевольныхъ Вельможъ ихъ для Россіи безмолвной? Разсудилъ ли, что сей тѣсный союзъ имѣлъ бы истинныя выгоды для первыхъ двухъ Державъ, а не для нашего отечества; что не онѣ намъ, но мы имъ долженствовали бы помогать и людьми и казною въ случаѣ войны съ Турціею, съ Австріею, съ Тавридою; что имя Короля съ властію ограниченною, ненадежною, не стоило умноженія опасностей и расходовъ для Государя наслѣдственной, великой Державы, которой Небо судило быть сильною не чуждыми, а собственными, природными силами? Или Царь думалъ, что Сеймъ *могъ* согласиться на такія предложенія строгія,

уничтожить коренные законы Республики, добровольно отмѣнить избраніе Королей, уставить верховную власть наслѣдственную, отдать намъ Кіевъ, и Святителю иновѣрному вручить вѣнецъ Ягеллоновъ для возложенія на Іоанна? Трудно вообразить, чтобы надменность ослѣпляла его до сей степени безразсудности: гораздо вѣроятнѣе, что онъ, изъявивъ сперва искреннее желаніе заступить мѣсто Сигизмунда-Августа, по основательномъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ уже сдѣлался равнодушнѣе къ такой чести.

Но избраніе Эрцгерцога въ Короли, имъ одобренное, не угрожало ли намъ опаснымъ сосѣдствомъ съ Австрійскою, сильною Державою, тѣмъ болѣе, что ея Посолъ, ходатайствуя за Эрнеста, торжественно обѣщалъ Панамъ усердное вспоможеніе Императора въ войнахъ съ Россіею (432)? Іоаннъ не долженствовалъ ли скорѣе благопріятствовать исканіямъ Франціи отдаленной, и слѣдственно менѣе для насъ опасной? Не можемъ осудить его Политики. Зная дружественную связь Парижа съ Константинополемъ, онъ мыслилъ, что Генрикъ д'Анжу будетъ располагать силами Турціи противъ нашего отечества; а Султаны, кромѣ ихъ зловѣрія, были страшнѣе Императоровъ славою войскъ и побѣдъ многочисленныхъ. — Къ досадѣ Царя и Максимиліана, Варшавскій Сеймъ избралъ Генрика, обольщенный хитростями Французскаго Посла Монлюка, который въ

пышныхъ рѣчахъ своихъ безстыдно хвалилъ Вельможъ Польскихъ и Литовскихъ, сравнивалъ ихъ съ древними Римлянами, называлъ ужасомъ тирановъ, Героями добродѣтели, обѣщая имъ милліонъ флориновъ, сильное войско для изгнанія Россіянъ изъ Ливоніи и совершенную зависимость Короля отъ Верховнаго Совѣта.

Такое, какъ говорилъ Іоаннъ, *ослушаніе* Сейма соединило виды нашей Политики съ Австрійскою. Императоръ спѣшилъ воспользоваться добрымъ расположеніемъ Царя: писалъ къ нему ласково; жаловался на «злодѣйство Карла IX, «истребившаго болѣе ста тысячь вѣрныхъ под-«данныхъ въ день Св. Варѳоломея, единственно «за то, что они имѣли свою Вѣру особенную;» говорилъ съ негодованіемъ о пріязни Французовъ съ Султаномъ, коего ревностнымъ вспоможеніемъ дается Генрику вѣнецъ Ягеллоновъ; убѣждалъ Іоанна вступиться за Христіанъ; предлагалъ ему взять Литву, а Польшу уступить Австріи, и заключить тѣсный союзъ съ Имперіею противъ Турковъ (433). Царь немедленно отправилъ гонца къ Максиміліану, совѣтуя ему употребить всѣ способы для задержанія Генрика на пути въ Варшаву; желалъ видѣть скорѣе Пословъ Императорскихъ въ Москвѣ, чтобы утвердить вѣчный союзъ Австріи съ Россіею, и писалъ: «Мы всѣ будемъ стараться о томъ, чтобы «Королевство Польское и Литва *не отошли* отъ «нашихъ Государствъ; а мнѣ все одно, мой ли,

«твой ли сынъ сядетъ тамъ на престолѣ . . . . .
«Ты, братъ нашъ любезный, сѣтуешь объ ужас-
«номъ истребленіи невинныхъ людей и младен-
«цевъ въ день Св. Вароѳоломея: всѣ Государи
«Христіанскіе должны скорбѣть о сей безчело-
«вѣчной жестокости Короля Французскаго, про-
«лившаго *безъ ума* столь много крови (434)!»

Однакожь Іоаннъ, слѣдуя миролюбивой системѣ, не хотѣлъ прежде времени объявить себя врагомъ новаго Короля Польскаго: напротивъ того, узнавъ объ его прибытіи и торжественномъ короновании въ древней столицѣ Піастовъ, онъ готовился послать къ нему знатнаго чиновника съ привѣтствіемъ. Но Генрикъ предупредилъ Царя: извѣстилъ о своемъ восшествіи на тронъ; убѣждалъ не нарушать перемирія съ Республикою до 1576 года; писалъ, что онъ въ горести; что Король Французскій умеръ; что ему должно ѣхать въ Парижъ, и что сіе временное отсутствіе не мѣшаетъ Царю сноситься въ дѣлахъ съ Вельможными Панами (435). Іоаннъ отвѣтствовалъ: «Братъ нашъ Генрикъ! о твоемъ «восшествіи на престолъ радуемся, о твоей пе-«чали сожалѣемъ. Кончина Государей Христіан-«скихъ есть бѣдствіе для Христіанъ и веселіе «для невѣрныхъ. Мы хотимъ жить въ любви съ «тобою. Послы мои будутъ въ Варшаву, когда «ты возвратишься: ожидаю твоихъ въ Москву; «а безъ тебя мнѣ непристойно имѣть дѣло съ «Панами. О сохраненіи перемирія мы дали указъ «своимъ Воеводамъ.» — Но Генрикъ былъ уже

Королемъ-бѣглецомъ! Искавъ вѣнца Польскаго единственно въ угодность матери, честолюбивой Екатеринѣ Медицисъ, которая дѣйствовала въ семъ случаѣ по внушенію хитраго карлы и бродяги, Іоанна Красовскаго, Генрикъ, лѣнивый, сладострастный, въ три мѣсяца не государственной дѣятельности, а пировъ, нѣги и звѣриной ловли, успѣлъ возненавидѣть свое Королевство и власть ограниченную; тайно изготовился къ отъѣзду, и ночью ускакалъ отъ одного престола къ другому; спѣшилъ наслѣдовать державу и несчастіе своего брата, подобно ему царствовать среди мятежей, измѣнъ и злодѣйствъ, оказать себя малодушнымъ, вѣроломнымъ, но умереть съ прекраснымъ словомъ, которое навѣки осталось въ Исторіи и достойно наилучшаго изъ Царей ([436]). Изумленные бѣгствомъ Короля, Паны должны были искать другаго. Тогда многіе изъ нихъ — Архіепископъ Гнѣзненскій, Кастелланъ Минскій, Янъ Глѣбовичь, и другіе — снова обратились къ Царю: совѣтовали ему немедленно прислать умныхъ Бояръ въ Варшаву, съ такими условіями, на какихъ былъ избранъ Генрикъ; отнестися письменно къ Духовенству, къ Рыцарству и къ каждому Вельможѣ въ особенности; *просить* ихъ объ избраніи его (Іоанна) въ Короли; сказать въ грамотѣ, что онъ не еретикъ, а Христіанинъ и дѣйствительно крещенъ во имя Троицы; что Поляки и Россіяне, будучи единаго племени, Славянскаго или Сарматскаго, должны какъ братья имѣть единаго Отца-Госу-

даря. Іоаннъ писалъ къ нимъ весьма дружелюбно, благодарилъ за доброе намѣреніе, обѣщалъ выслать Бояръ своихъ къ Сейму, но не сказалъ ничего рѣшительнаго въ разсужденіи условій (436), ибо ждалъ Пословъ Цесаревыхъ, которые уже ѣхали въ Москву.

Гонецъ нашъ, Скобельцынъ, въ Августѣ 1574 года возвратился изъ Вѣны безъ всякаго отвѣта, сказывая, что Императоръ хотѣлъ писать къ Царю съ своимъ человѣкомъ. Сія странность объяснилась: новый гонецъ Максимиліановъ привезъ къ Іоанну жалобу, что Скобельцынъ не взялъ отвѣтной грамоты, будто бы надписанной безъ полнаго Царскаго имени, и самовольно уѣхалъ; сверхъ чего велъ себя непристойно и злословилъ Императора (437). Максимиліанъ увѣрялъ Царя въ искренней дружбѣ и благодарности, а Царь извѣстилъ его, что онъ *возложилъ* на Скобельцына *опалу*. Послѣ того были въ Москвѣ и другіе чиновники Австрійскіе, съ извиненіемъ, что Максимиліанъ *за большими недосугами* медлитъ условиться съ Іоанномъ о дѣлахъ Польскихъ. Въ знакъ усердія одинъ изъ сихъ гонцевъ донесъ Боярамъ, что Паны тайно склоняютъ Магнуса измѣнить Россіи, обѣщая ему городъ Ригу (438).

Союзъ съ Австріею. Наконецъ, въ Генварѣ 1576 года, пріѣхали къ намъ знатные Австрійскіе сановники,

Янъ Кобенцель и Даніилъ Принцъ. Государь встрѣтилъ ихъ въ Можайскѣ, великолѣпно и пышно: *въ Русскомъ саженомъ* платьѣ сидѣлъ на тронѣ, въ вѣнцѣ и въ діадимѣ, держа въ рукѣ скипетръ; престолъ окружали всѣ Бояре и Дворяне въ златыхъ одеждахъ. Іоаннъ и Царевичь встали, спрашивая о здравіи Императора, который прислалъ въ даръ своему *брату* и *союзнику* золотую цѣпь, украшенную драгоцѣнными каменьями съ изображеніемъ имени Максимиліанова, цѣною въ 8000 талеровъ. Императоръ *молилъ* Іоанна способствовать ему словомъ и дѣломъ, грамотами и мечемъ, въ возведеніи Эрнеста на тронъ Польскій, и не воевать Ливоніи, области *издавна принадлежащей къ Римской Имперіи*. «Тогда» — говорили Послы Максиміановы Іоанну — «вся Европа Христіанская за-«ключитъ союзъ съ тобою, чтобы однимъ уда-«ромъ, на моряхъ и на сушѣ, низвергнуть вы-«сокую Державу Оттомановъ. Вотъ подвигъ, «коимъ ты можешь навѣки прославить себя и «Россію! Изгонимъ Турковъ изъ Константино-«поля въ Аравію, искоренимъ Вѣру Магометову, «знаменіемъ креста снова осѣнимъ Ѳракію, Эл-«ладу — и все древнее Царство Греческое *на «восходъ солнца* да будетъ твое, о Царь великій! «Такъ вѣщаютъ Императоръ, Св. Отецъ Папа и «Король Испанскій» ([439]). Іоаннъ слушалъ холодно, не плѣняясь мыслію царствовать на берегахъ Воспора и Геллеспонта; сказалъ, что его слово всегда твердо и ненарушимо; что онъ не

перемѣнилъ своихъ мыслей въ разсужденіи Королевства Польскаго: отдаетъ его Эрнесту и снова напишетъ о томъ къ Вельможамъ Короннымъ; но что Литва и Кіевъ должны навѣки соединиться съ Россіею; что Ливонія наша, была и будетъ; что прежде никто не мыслилъ объ ней, а когда мы взяли оную, тогда Императоръ, Данія, Швеція, Польша вздумали объявить свои мнимыя права на сію землю; что для заключенія союза противъ невѣрныхъ надлежитъ быть въ Москву Посламъ Короля Испанскаго, Датскаго, Князей Нѣмецкихъ и другихъ Государей; что въ Россіи извѣстна судьба Людовика Венгерскаго, который, вѣря обѣщаніямъ Императора, выступилъ въ поле, но, всѣми оставленный, въ неравной битвѣ съ Турками лишился жизни. Послы Цесаревы, соглашаясь уступить намъ Ливонію и Кіевъ, доказывали невозможность отдѣлить Литву отъ Польши, которыя хотятъ имѣть одного Властителя. «Знаете ли» — сказали они Московскимъ Боярамъ — «тайный замыселъ нѣ-«которыхъ мятежныхъ Ляховъ взять себѣ въ «Короли данника Оттомановъ, Князя Седми-«градскаго, въ угодность Султану и ко вреду «Христіанства?» *Сего не будетъ*, отвѣтствовалъ Царь, требуя, чтобы Послы клятвою утвердили договоръ о Ливоніи; но Кобенцель и Даніилъ Принцъ объявили, что Государь ихъ, въ знакъ особеннаго уваженія къ Іоанну, пришлетъ для того въ Москву другихъ, *великихъ людей, Князей Владѣтельныхъ*; впрочемъ увѣряли, что все

сдѣлается, какъ угодно Царю, и дали слово, что Императоръ склонитъ Шведскаго Короля къ покорности ([140]). Іоаннъ былъ доволенъ; угостилъ ихъ во дворцѣ обѣдомъ и привелъ въ удивленіе великолѣпіемъ: сидѣлъ съ сыномъ за особеннымъ столомъ въ бархатной малиновой одеждѣ, усыпанной драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ, — въ островерхой шапкѣ, на коей сіялъ необыкновенной величины яхонтъ; двѣ короны (Царя и Царевича), блестящія крупными алмазами, алами, изумрудами, лежали подлѣ; серебро, золото стояло горами въ комнатахъ.... «И всякой дворецъ» (писалъ Кобенцель къ Австрійскимъ Министрамъ) «имѣетъ особенную «кладовую, наполненную такими чашами и блю- «дами; а Кремлевскій превосходитъ богатствомъ «всѣ иные . . . . . Однимъ словомъ, я видѣлъ со- «кровища Его Императорскаго Величества, Ко- «ролей Испанскаго, Французскаго, Венгерскаго, «Богемскаго, Герцога Тосканскаго, но не видалъ «подобныхъ Іоанновымъ . . . . . Когда мы ѣхали «въ Россію, Вельможи Польскіе страшали насъ «несносною грубостію Московскаго Двора: чтожь «оказалось? ни въ Римѣ, ни въ Испаніи не на- «шли бы мы лучшаго пріема: ибо Царь знаетъ, «съ кѣмъ и какъ обходиться: унижая Поляковъ, «Шведовъ, честитъ, кого уважаетъ и любитъ.» — Отдаривъ Максимиліана черными соболями въ 700 рублей, Іоаннъ послалъ къ нему, въ санѣ *легкихъ Пословъ*, Князя Сугорскаго и Дьяка Арцыбашева, съ убѣдительнымъ представленіемъ,

что надобно скорѣе заключить договоръ, ясный, торжественный между Австріею и Россіею; а къ Вельможамъ Коронным написалъ, чтобъ они выбрали Эрнеста, если хотятъ быть въ вѣчной дружбѣ съ сильнымъ Московскимъ Государствомъ, и не принимали Властителя отъ *Султанской руки*, если не хотятъ отвѣтствовать Богу за ужасное кровопролитіе (441). Тогда же въ грамотѣ къ Панамъ Литовскимъ онъ изъявилъ желаніе быть ихъ Великимъ Княземъ или дать имъ Царевича Ѳеодора въ Государи, прибавивъ: «если же вы не разсудите за благо имѣть «особеннаго Властителя, то вмѣстѣ съ Польшею «изберите Максиміліанова сына.»

Нѣтъ сомнѣнія, что Іоаннъ и Цесарь могли бы предписать законы Сейму, если бы, рѣшительно объявивъ ему свои требованія, подкрѣпили оныя движеніемъ войска съ обѣихъ сторонъ, какъ писали къ Царю доброхотствующіе намъ Вельможи Литовскіе, зная расположеніе умовъ въ Вильнѣ и въ Варшавѣ; но Максиміліанъ, уже слабый тѣломъ и душею, медлилъ; честилъ нашихъ Пословъ въ Регенсбургѣ (442), а своихъ не присылалъ въ Москву, и въ новыхъ безполезныхъ сношеніяхъ съ Іоанномъ, чрезъ гонцевъ, досаждалъ ему во-первыхъ тѣмъ, что затруднялся называть его *Императоромъ* или *Царемъ Россіи*, называя только *Царемъ Казанскимъ* и *Астраханскимъ*; во-вторыхъ не переставалъ ходатайствовать о *жалкой*, *убогой* Ливоніи, и твердить, что она есть область Германіи. Отвѣт-

ствуя Максимиліану всегда учтиво, всегда дружелюбно, Царь хладѣлъ въ усердіи доставить Эрнесту корону Польскую, и слышалъ безъ гнѣва, что Рыцарство и Шляхта противятся Вельможамъ въ семъ избраніи ([443]). Сеймъ объявилъ тогда Кандидатами: 1) Эрнеста; 2) Фердинанда, брата Максимиліанова; 3) Короля или Принца Шведскаго; 4) Альфонса, Князя Моденскаго. О Царѣ не было слова: ибо онъ не отступился торжественно отъ сдѣланныхъ имъ въ 1574 году предложеній, столь несогласныхъ съ законами Республики, и вторично не разсудилъ за благо прислать знатныхъ, уполномоченныхъ сановниковъ въ Варшаву, довольствуясь угрозами и тайными сношеніями съ нѣкоторыми изъ Пановъ. Между тѣмъ гонцы наши извѣщали его о всѣхъ движеніяхъ Сейма. Іоаннъ изъ Слободскаго Дворца своего видѣлъ игру и бореніе страстей на семъ шумномъ ѳеатрѣ, гдѣ умъ и краснорѣчіе заслуживали рукоплесканіе, а золото и сила рѣшили; гдѣ не только спорили, вопили, но и мечи обнажались, и копья сверкали; гдѣ, отвергнувъ всѣхъ Кандидатовъ, выбрали наконецъ — двухъ Королей: вмѣсто Эрнеста, самого Императора, и Стефана Баторія: имя дотолѣ мало извѣстное, но коему надлежало прославиться въ Исторіи Россійской, къ безславію Іоанна!

Еще въ 1574 году, узнавъ о бѣгствѣ Генрика, Султанъ Селимъ далъ знать Вельможнымъ Панамъ ([444]), что если Королемъ ихъ будетъ Принцъ Австрійскій, воспитанный въ ненави-

сти къ Оттоманской Имперіи, то война и кровопролитіе неминуемы для обѣихъ Державъ; что Князь Россійскій также опасенъ; что они могутъ возложить вѣнецъ на добродѣтельнѣйшаго изъ Вельможъ, Сендомирскаго Воеводу, или на Короля Шведскаго, или — если хотятъ *лучшаго* — на Князя Седмиградскаго Баторія, мужа знаменитаго разумомъ и великодушіемъ, который принесетъ къ нимъ и счастіе и славу, будучи вѣрнымъ другомъ могущественной Порты. Сіе предложеніе не осталось безъ дѣйствія: ибо Султанъ былъ страшнѣйшимъ изъ враговъ Королевства Польскаго. Въ Варшавѣ, въ Краковѣ говорили о Стефанѣ, обязанномъ своею Княжескою честію и властію не предкамъ, а собственному уму и характеру, избранію Вельможъ и народа Седмиградскаго [145]. Въ сей странѣ полудикой, необразованной, населенной людьми грубыми, духа мятежнаго, происхожденія и Закона разнаго, онъ утвердилъ тишину, безопасность, терпимость Вѣръ: исповѣдуя Римскую, пріобрѣлъ любовь и Лютеранъ и Кальвинистовъ; снискалъ довѣренность Султана, и въ тоже время оказывалъ важныя услуги Императору; не менѣе отличался и храбростію, свѣдѣніями въ Наукахъ, краснорѣчіемъ — и самою величественною наружностію: имѣя 42 года отъ рожденія, еще былъ прекраснымъ мужемъ. Однимъ словомъ, усердные къ государственному благу Поляки не могли желать достойнѣйшаго Вѣнценосца. Сторона ихъ усилилась ходатайствомъ

Вельможи, Самуила Зборовскаго, бывшаго изгнанникомъ въ Трансильваніи, и тамъ облаготвореннаго Стефаномъ. Дѣйствовали и любовь къ отечеству и золото Баторіево; еще болѣе закоренѣлая народная ненависть къ Австрійскому Дому. Сенатъ усердствовалъ Императору и Эрнесту; но въ рѣшительный часъ избранія раздался голосъ: «хотимъ Баторія! онъ дастъ намъ миръ съ «Турками и побѣду надъ всѣми иными врагами» (416)! Шляхта завопила: «Баторія!» Напрасно многіе Вельможи представляли, что онъ есть данникъ невѣрныхъ; что стыдно Христіанской Республикѣ имѣть Главою раба Султанскаго. Коронный Гетманъ, Янъ Замойскій, Епископъ Краковскій и знатная часть Дворянства наименовали Королемъ Седмиградскаго Князя, а Примасъ и Сенаторы Польскіе Максимиліана, стараго, недужнаго, какъ бы для того, чтобы вѣроятною близостію новаго выбора угодить мятежной Шляхтѣ, которая любила законодательствовать на Сеймахъ. Та и другая сторона увѣдомили избраннаго ею о сей чести, и Максимиліанъ, уже съ смертнаго одра, писалъ въ Москву, что онъ Король Польскій. «Радуюсь,» отвѣчалъ Царь: «но Баторій уже въ Кракове» (417)! Онъ дѣйствительно прибылъ туда съ хоругвію Султанскою и съ именемъ Короля, къ искреннему огорченію

Избраніе Баторія въ Короля Польскіе.

многихъ Литовскихъ Вельможъ, усердно хотѣвшихъ имѣть Ѳеодора своимъ Государемъ, въ надеждѣ, что сей юный Царевичь, невинный въ жестокостяхъ родителя, будетъ всегда жить въ Литвѣ, приметъ ихъ обычаи и нравы, полюбитъ сію страну единовѣрную какъ второе отечество, утвердитъ ея цѣлость миромъ съ Россіянами, и возвратитъ ей не только Полоцкъ, но, можетъ быть, и Смоленскъ, и всю землю Сѣверскую. «Для чего» — говорили они въ Вильнѣ чиновнику Іоаннову, Бастанову (448) — «для чего Іоаннъ не хотѣлъ для себя славы, «а для насъ счастія? Для чего Послы его не «были на Сеймѣ съ объявленіемъ условій со«гласныхъ съ истиннымъ благомъ обѣихъ Дер«жавъ? Мы не любимъ Цесаря, не терпимъ Ба«торія, какъ присяжника Селимова.» Нѣкоторые изъ нихъ даже мыслили, что еще не ушло время дѣйствовать; что можно уничтожить беззаконный выборъ двухъ Королей, если Іоаннъ отнесется съ ласкою и съ дарами къ главнымъ Польскимъ Вельможамъ; если наше войско немедленно вступитъ въ Литву.... Но Максимиліанъ умеръ (12 Октября 1576), а Баторій сѣлъ на престолѣ въ Краковѣ, давъ торжественное обязательство свято наблюдать договоръ Генриковъ и всѣ уставы Республики, жениться на пятидесятилѣтней сестрѣ Августа-Сигизмунда, Аннѣ, — заключить союзъ съ Оттоманскою Имперіею, смирить Хана, освободить мечемъ или выкупить всѣхъ Христіанскихъ плѣнниковъ въ Тавридѣ,

оградить безопасность Государства крѣпостями, всегда лично предводительствовать ратію и снова присоединить къ Литвѣ всѣ ея земли, завоеванныя Царями Московскими, если Сенатъ и народъ хотятъ войны съ Россіею. «Да исчезнетъ боязнь малодушная!» говорилъ онъ: «имѣю дружину опытную, силу въ рукѣ и доблесть въ сердцѣ!» — Раздоры кончились; недовольные умолкли. Польша и Литва единодушно воскликнули: «да здравствуетъ Король «Баторій!»

Іоаннъ казался равнодушнымъ и спокойнымъ. Свѣдавъ, что ѣдутъ къ нему Посланники Стефановы, онъ велѣлъ оказать имъ надлежащую честь. Бояре спрашивали у нихъ о родѣ Баторія; хотѣли знать, какой титулъ даютъ ему въ письмахъ Султанъ, Императоръ и другіе Государи? Посланники отвѣтствовали: «Царь увидитъ титулъ Стефановъ въ его грамотѣ.» Ихъ представили (449). Іоаннъ сидѣлъ на тронѣ, въ вѣнцѣ; подлѣ него старшій Царевичь; Бояре на скамьяхъ въ Тронной, Дворяне и Дьяки въ сѣняхъ; Дѣти Боярскіе стояли на Крыльцѣ и въ переходахъ до Набережной Палаты; близъ сей Палаты, у перилъ и до церкви Благовѣщенія, гости и люди Приказные, всѣ безъ исключенія въ *золотой одеждѣ;* на площади Стрѣльцы съ ружьями. Взявъ грамоту Баторіеву, Царь спросилъ о здоровьѣ Короля, но не звалъ Посланниковъ къ обѣду. Въ письмѣ, учтивомъ и скромномъ, Стефанъ обѣщалъ наблюдать *до урочнаго*

времени сосѣдственную дружбу, требуя *вида*, или *опасной грамоты*, для свободнаго проѣзда Великихъ Литовскихъ Пословъ въ Москву; увѣрялъ въ своемъ искреннемъ миролюбіи; жаловался на Максимиліана, который въ досадѣ и ненависти злословилъ его, называлъ данникомъ Турецкимъ, а самъ платилъ Султану въ десять разъ болѣе, и болѣе Седмиградскихъ Князей ему раболѣпствовалъ. Бояре именемъ Государя сказали Посланникамъ, что Король Стефанъ явно идетъ на кровопролитіе: ибо 1) въ грамотѣ своей не даетъ Іоанну титула Царскаго, ни Смоленскаго, ни Полоцкаго Князя, какимъ всѣ признаютъ его, кромѣ безсмысленныхъ Ляховъ, именующихъ *Густава* Шведскаго, хотя и не Вѣнценосца, Королемъ; 2) дерзаетъ называть Царя *братомъ* своимъ, будучи Воеводою Седмиградскимъ, подданнымъ Короля Венгерскаго (450), и слѣдственно не выше Князей Острожскихъ, Бѣльскихъ или Мстиславскихъ; 3) величаетъ себя Государемъ Ливонскимъ. Ихъ отпустили съ приказомъ: «если Король желаетъ братства «съ Іоанномъ, то долженъ не вступаться въ Ли«вонію и писать его *Царемъ*, Великимъ Княземъ «Смоленскимъ и Полоцкимъ;» но дали имъ *опасную* для Пословъ *грамоту*.

Сіе было въ Ноябрѣ 1576 года. Угадывая характеръ своего противника, твердость, непреклонность Стефанову — не имѣя надежды достигнуть цѣли одними угрозами, и склонить его къ тому, чтобы онъ добровольно отдалъ намъ

Ливонію, Іоаннъ рѣшился всѣми силами наступить на Шведскія и Польскія владѣнія въ сей землѣ. Время казалось ему благопріятнымъ: Король Шведскій, въ угодность женѣ своей окруживъ себя Іезуитами, вводя снова Латинскую Вѣру въ семъ Государствѣ, теряя любовь народа, производя мятежи, расколы, не могъ и мыслить тогда о сильномъ сопротивленіи Россіянамъ въ Ливоніи; а Стефанъ воевалъ въ Пруссіи и долженъ былъ заняться кровопролитною осадою бунтующаго Данцига. Ханъ Девлетъ-Гирей, боясь долговременнымъ бездѣйствіемъ заслужить презрѣніе Россіянъ, отважился было (въ 1576 году) явиться въ полѣ съ пятидесятью-тысячами всадниковъ; но съ Молочныхъ Водъ ушелъ назадъ, свѣдавъ, что полки Московскіе стоятъ на берегахъ Оки; что самъ Іоаннъ въ Калугѣ; что Донскіе Козаки въ смѣломъ набѣгѣ взяли Исламъ-Кирмень ([151]). Сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія для безопасности государственной; умноживъ войско въ крѣпостяхъ юго-восточной и западной Россіи, для отраженія Хана и Литвы ([152]); составивъ, сверхъ того, значительную рать судовую на Волгѣ изъ Двинянъ, Пермичей, Суздальцевъ, чтобы обуздывать мятежную Черемису, Астрахань, Ногаевъ, и вмѣстѣ съ Донскими Козаками дѣйствовать противъ самой Тавриды, Іоаннъ готовился рѣшить судьбу Ливоніи.

Насталъ 1577 годъ, ужаснѣйшій для сей земли несчастной, предзнаменованный (какъ думалъ

Г. 1577. народъ) страшными осенними вѣтрами и неслыханными зимними мятелями, такъ, что море Балтійское покрылось остатками разбитыхъ кораблей, а берега и пути трупами людей, утопшихъ во глубинѣ водъ и снѣговъ, равно бурныхъ (453). Въ сіе время

Война Ливонская. 50,000 Россіянъ шло отъ Новагорода къ Ревелю, коего граждане тщетно ждали вспоможенія моремъ, изъ Финляндіи, Швеціи, Любека: корабли съ запасами и съ воинами тонули, или, уступая силѣ противныхъ вѣтровъ, обращались назадъ. Все было въ ожиданіи и въ страхѣ; а Король Шведскій, какъ бы въ шутку, писалъ къ Іоанну, что имъ нѣтъ никакой причины воевать другъ съ другомъ; что Швеція продастъ Ревель Нѣмецкому Императору, и что Царь, желая имѣть сей городъ, можетъ требовать его отъ Наслѣдника Максимиліанова (454).

Но Ревельцы ободряли себя воспоминаніемъ 1571 года — то есть, Магнусова бѣгства отъ ихъ стѣнъ — и подъ начальствомъ Шведскаго Генерала Горна встрѣтили Россіянъ съ хладнокровнымъ мужествомъ. Первыми Воеводами Царскими были юный Князь Ѳедоръ Ивановичь Мстиславскій и старшій изъ Московскихъ Полководцевъ, Иванъ Васильевичь Меньшій Шереметевъ, который далъ слово Государю взять Ревель или положить тамъ

свою голову ([455]). Тяжелымъ снарядомъ огнестрѣльнымъ управлялъ Князь Никита Пріимковъ-Ростовскій, имѣя многихъ пушкарей Нѣмецкихъ и Шотландскихъ. 23 Генваря началась осада, 27 пальба изо всѣхъ нашихъ укрѣпленій — и продолжалась недѣль шесть безъ всякаго рѣшительнаго дѣйствія. Церкви, домы загарались; но граждане тушили огонь, отвѣтствовали на пальбу пальбою и въ частыхъ вылазкахъ иногда одерживали верхъ, такъ, что число Россіянъ, отъ битвъ, холода и болѣзней, значительно уменьшалось. Шереметевъ сдержалъ слово: не взялъ Ревеля, но положилъ свою голову, убитый ядромъ пушечнымъ. Тѣло сего храбраго Воеводы отвезли въ Москву ([456]) вмѣстѣ съ добычею и плѣнниками, Эстонскими и *Финляндскими:* ибо Князь Мстиславскій, не смотря на заключенное двулѣтнее перемиріе съ Финляндіею, посылалъ Татарскую конницу, черезъ ледъ залива, опустошать сію землю. Для устрашенія Ревельцевъ и для ободренія своихъ, Воеводы Московскіе распускали слухъ, что самъ Государь къ нимъ ѣдетъ; но первые знали (отъ измѣнника, Мурзы Булата, ушедшаго изъ стана въ крѣпость), что Царь въ Москвѣ; что въ Полководцахъ нашихъ нѣтъ бодрости, а въ воинахъ нѣтъ довѣренности къ Полководцамъ — и съ гордостію отвергали всѣ миролюбивыя предложенія Мстиславскаго. 13 Марта Россіяне зажгли станъ, наполненный трупами, и велѣвъ сказать

гражданамъ, что прощаются съ ними не на-долго, удалились [157].

Слѣдствіемъ сего вторичнаго торжества Ревельцевъ было опустошеніе всѣхъ Іоанновыхъ владѣній въ Ливоніи: не только Шведы и Нѣмцы, но и самые Эстонскіе крестьяне вездѣ нападали на многочисленныхъ Россіянъ. Явился витязь, сынъ Ревельскаго монетчика, Ивъ Шенкенбергъ, прозванный Аннибаломъ за смѣлость: предводительствуя толпами вооруженныхъ земледѣльцевъ, онъ взялъ Виттенштейнъ сжегъ Пернау, ограбилъ нѣсколько городковъ и замковъ въ Ервенѣ, въ Вирландіи, близъ Дерпта; злодѣйски мучилъ, убивалъ нашихъ плѣнниковъ [158], и тѣмъ возбудилъ жестокую месть, которая скоро пала на Ливонію: ибо войско, столь неудачно осаждавшее Ревель, было только нашимъ передовымъ отрядомъ.

Іоаннъ весною съ обоими сыновьями прибылъ въ Новгородъ [159]: тамъ и во Псковѣ соединились всѣ ратныя силы его обширнаго Царства, всѣхъ земель и городовъ, южныхъ и полунощныхъ, Христіанскихъ и невѣрныхъ, съ береговъ моря Каспійскаго и Сѣвернаго, Черкасы и Ногаи, Мордва и Татары, Князья, Мурзы, Атаманы — наконецъ всѣ Воеводы, кромѣ Сторожевыхъ, оставленныхъ блюсти границу отъ Днѣпра до Воронежа. Подъ Іоанномъ начальствовалъ бывшій Царь Касимовскій, Саинъ-Булатъ, который тогда, уже будучи Христіаниномъ, именовался *Симеономъ, Великимъ Княземъ*

Тверскимъ (460). Князья Иванъ Шуйскій, Василій Сицкій, Шейдяковъ, Ѳеодоръ Мстиславскій и Бояринъ Никита Романовичь Захарьинъ-Юрьевъ предводительствовали особенными полками. Давно Россія не видала такого сильнаго войска. Всѣ думали, что оно устремится на Ревель. «Мужайтесь снова,» писали къ его гражданамъ Рижане, отправивъ къ нимъ суда съ хлѣбомъ и воинскими снарядами: «готовьтесь къ третьей, ужаснѣйшей бурѣ — и въ третій разъ да спасетъ «васъ Господь отъ злочестиваго тирана (461)!» 15 Іюня выѣхавъ изъ Новагорода, Царь около мѣсяца жилъ во Псковѣ, гдѣ явился къ нему и Магнусъ, уже съ трепетомъ, уже вѣроломный, какъ увидимъ; но еще Царь не зналъ сего тайнаго коварства и велѣлъ ему съ его Нѣмецкою дружиною итти къ Вендену, а самъ, 25 Іюля, вступилъ въ южную Ливонію, къ изумленію Поляковъ, которые тамъ господствовали, считая себя въ мирѣ съ Россіею. Такимъ образомъ началася война Іоаннова съ Баторіемъ, столь важная послѣдствіями! Главный Воевода Стефановъ, Хоткѣвичь, ни мало не готовый къ оборонѣ, бѣжалъ: за нимъ и другіе. Царь въ нѣсколько дней взялъ Маріенгаузенъ, Лунценъ, Розиттенъ, Дюнебургъ, Крейцбургъ, Лаудонъ; защитники ихъ, Поляки и Нѣмцы, не обнажили меча, требуя милосердія: которые сдавались безъ размышленія, тѣхъ выпускали свободными; которые медлили, тѣхъ брали въ плѣнъ (462). До основанія разоривъ Лаудонъ, а всѣ другія крѣ-

пости занявъ Московскими дружинами, Іоаннъ отрядилъ Воеводу Өому Бутурлина къ городу Зесвегену, гдѣ начальствовалъ братъ измѣнника Таубе. Россіяне овладѣли посадомъ; но Бутурлинъ извѣстилъ Царя, что Нѣмцы, отвергнувъ милость, *сѣли на смерть* въ крѣпости. Государь пришелъ
24 Августа. самъ и велѣлъ стрѣлять изъ пушекъ: стѣны пали, а съ ними и Нѣмцы къ ногамъ его. Уже не было милости: знатнѣйшихъ изъ нихъ посадили на колъ; другихъ продали Татарамъ въ неволю. Берсонъ, Кальценау покорились безъ условія: Іоаннъ отпустилъ всѣхъ тамошнихъ Нѣмцевъ, съ женами и дѣтьми, въ Курляндію. — Съ другой стороны Магнусъ также бралъ города, не силою, а добровольно. «Хотите-«ли спасти жизнь, свободу, достояніе?» писалъ онъ къ Ливонцамъ: «покоритесь «мнѣ, или увидите надъ собою мечь и око-«вы въ рукахъ Москвитянъ.» Всѣ съ радостію признавали его Королемъ, на условіяхъ выгодныхъ для ихъ безопасности, и въ надеждѣ избавиться тѣмъ отъ грозы Іоанновой. Магнусъ, безъ вѣдома Государева, занялъ Кокенгузенъ, Ашераденъ, Ленвардъ, Роннебургъ и многія иныя крѣпости; наконецъ Венденъ и Вольмаръ, гдѣ граждане выдали ему Воеводу Стефанова, Князя Александра Полубенскаго. Съ легкомысленною гордостію извѣстивъ Ца-

ря о сихъ успѣхахъ, онъ требовалъ, чтобы Россіяне не безпокоили Ливонцевъ, уже вѣрныхъ законному Королю своему, и въ числѣ городовъ, ему подвластныхъ, называлъ даже самый Юрьевъ или Дерптъ. Іоаннъ изумился!

Мы видѣли, что Царь, избравъ Магнуса въ орудіе нашей Политики, не ослѣплялся излишнею къ нему довѣренностію; помнилъ измѣну Таубе и Крузе; зналъ, что союзъ родственный не есть надежное ручательство въ усердіи властолюбиваго. Онъ конечно не оставилъ безъ вниманія и не забылъ слуховъ о тайныхъ Магнусовыхъ сношеніяхъ съ Папами (463); но молчалъ, скрывалъ подозрѣніе до сего времени: тутъ закипѣлъ гнѣвомъ; устремился къ Кокенгузену: велѣлъ умертвить тамъ 50 Нѣмцевъ Магнусовой дружины и всѣхъ жителей продать въ неволю (464); а къ зятю написалъ слѣдующее: «*Гольдовнику* нашему, Магнусу Королю. Я отпу-«стилъ тебя изо Пскова съ дозволеніемъ занять «единственно Венденъ . . . . а ты, слѣдуя внуше-«ніямъ злыхъ людей или собственной безраз-«судности, хочешь всего! Знай, что мы не да-«леко другъ отъ друга. Управа легка: имѣю «воиновъ и сухари; а болѣе мнѣ ничего нена-«добно. Или слушайся, или — если ты не дово-«ленъ городами, мною тебѣ данными — иди за «море въ свою землю. Могу отправить тебя и въ «Казань; а Ливонію очищу и безъ твоего содѣй-«ствія.» Пославъ Воеводъ своихъ въ Ашераденъ, Ленвардъ, Шваненбургъ, Тирсенъ, Пе-

бальге. Царь два дни отдыхалъ въ Кокенгузенѣ, гдѣ, любя пренія Богословскія, мирно бесѣдовалъ съ главнымъ Пасторомъ о Вѣрѣ Евангелической, но едва было не предалъ его казни за нескромное сравненіе Лютера съ Апостоломъ Павломъ (165). Узнавъ, что крѣпости южной Ливоніи не противятся нашему войску, онъ выступилъ къ Эрлѣ, плѣнилъ всѣхъ ея жителей, за то, что они не вдругъ сдалися, и спѣшилъ къ Вендену. Въ тоже время Богданъ Бѣльскій съ Московскими Стрѣльцами окружилъ Вольмаръ, гдѣ начальствовалъ сановникъ Магнусовъ, Георгъ Вильке. Сія крѣпость считалась одною изъ важнѣйшихъ. Вильке не хотѣлъ впустить Россіянъ, отвѣтствуя, что она *взята Королевскою саблею;* но видя изготовленія къ приступу, выѣхалъ къ нашему Воеводѣ и сказалъ: «Знаю, «что мой Король присяжникъ Царя: удерживаюсь отъ кровопролитія. Возьмите городъ: «ѣду къ Магнусу.» Его послали къ Іоанну съ двадцатью Нѣмцами, а другихъ Магнусовыхъ людей, числомъ семдесятъ, изрубили; купцевъ и всѣхъ жителей оковали; ихъ имѣніе и домы опечатали. Въ знакъ своего особеннаго удовольствія Іоаннъ наградилъ Бѣльскаго золотою цѣпью, а бывшихъ съ нимъ Дворянъ золотыми медалями.

Въ Венденѣ находился самъ Магнусъ, который не хотѣлъ ѣхать къ Царю на встрѣчу, но, исполняя волю его, прислалъ къ нему Воеводу Стефанова, Князя Полубенскаго, и двухъ

знатныхъ сановниковъ съ извиненіями. Обласкавъ перваго, Іоаннъ, какъ пишутъ, вывѣдалъ отъ него важную тайну: узналъ вѣроломство своего присяжника; узналъ, что Магнусъ сносится съ Герцогомъ Курляндскимъ и мыслитъ покориться съ Ливонскими городами Баторію, внутренно ненавидя Россіянъ или Царя ихъ (466). Что заставило сего Воеводу Стефанова измѣнить довѣренности Магнуса? желаніе ли отмстить ему за бунтъ Вольмарскихъ жителей? малодушный ли страхъ? неожидаемая ли милость Іоаннова? Какъ бы то ни было, Царь могъ законно казнить измѣнника, могъ предаться естественному, праведному гнѣву — но, умѣя иногда обуздывать себя, хладнокровно велѣлъ двухъ Пословъ Магнусовыхъ высѣчь розгами и сказать ему, чтобы онъ немедленно явился въ нашемъ станѣ. Магнусъ трепеталъ; не смѣлъ ослушаться, и съ двадцатью-пятью чиновниками поѣхалъ на страшный судъ; увидѣлъ Іоанна, сошелъ съ коня, палъ къ ногамъ Царскимъ. Іоаннъ поднялъ его, и говорилъ такъ, болѣе съ презрѣніемъ, нежели съ гнѣвомъ: «Глупецъ! ты дерзнулъ «мечтать о Королевствѣ Ливонскомъ? ты, «бродяга, нищій, принятый въ мое семей- «ство, женатый на моей возлюбленной пле- «мянницѣ, одѣтый, обутый мною, надѣ- «ленный казною и городами — ты измѣ-

31 Августа. Измѣна Магнусова.

«нилъ мнѣ, своему Государю, отцу, благодѣте-
«лю? Дай отвѣтъ! Сколько разъ слышалъ я о
«твоихъ замыслахъ гнусныхъ? но не вѣрилъ,
«молчалъ. Нынѣ все открылось. Ты хотѣлъ об-
«маномъ взять Ливонію и быть слугою Поль-
«скимъ. Но Господь милосердый сохранилъ меня
«и предастъ тебя въ мои руки. И такъ будь
«жертвою правосудія: возврати мое, и снова
«пресмыкайся въ ничтожествѣ» ([467])! — Магнуса со всѣми его чиновниками заперли въ одномъ пустомъ, ветхомъ домѣ, гдѣ онъ нѣсколько дней и ночей провелъ на соломѣ. Между тѣмъ что дѣлалось въ Венденѣ?

Россіяне безъ сопротивленія вступили въ городъ. Воеводы, Князь Голицынъ и Салтыковъ, не велѣли имъ трогать жителей; вездѣ поставили крѣпкую стражу; очистили домы для Государя и Бояръ. Все казалось мирно и тихо. Но Магнусовы Нѣмцы, боясь свирѣпости Іоанновой, съ женами, съ дѣтьми, съ драгоцѣннѣйшимъ имѣніемъ укрылись въ замкѣ, и не отворяли его. Россіяне хотѣли употребить силу: Нѣмцы начали стрѣлять, убили многихъ Дѣтей Боярскихъ, ранили Воеводу Салтыкова; не слушались даже и Магнуса, который приказывалъ имъ сдаться. Узнавъ о томъ, гнѣвный Царь велѣлъ знатнаго плѣнника, Георга Вильке, посадить на колъ, пушками разбить замокъ, умертвить всѣхъ Нѣмцевъ. Три дни громили стѣны: онѣ валились; не было спасенія для осажденныхъ ([468]). Тогда одинъ изъ нихъ сказалъ: «Умремъ, если

«такъ угодно Богу; но не дадимъ себя ти-«рану на муки. Подорвемъ замокъ!» Всѣ изъявили согласіе, даже и Пасторы, съ ними бывшіе. Наполнили порохомъ своды древняго Магистерскаго дома; причастились Святыхъ Таинъ; стали на колѣна, рядомъ, семействами: мужья съ женами, матери съ дѣтьми; молились усердно — и видя стремящихся къ нимъ Россіянъ, дали знакъ: сановникъ Магнусовъ, Генрикъ Бойсманъ, бросилъ въ окно горящій фитиль на кучу пороха . . . . съ ужаснымъ трескомъ взлетѣло зданіе. Всѣ погибли, кромѣ Бойсмана, оглушеннаго ударомъ, изувѣченнаго, но еще живаго, найденнаго въ развалинахъ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ испустилъ духъ, и мертвый былъ посаженъ на колъ! Страшная месть пала и на мирныхъ жителей: мучили и казнили, сѣкли и жгли ихъ, на улицахъ безчестили женъ и дѣвицъ ([469]). Трупы лежали вокругъ города не погребенные. Однимъ словомъ, сія *Венденская кара* принадлежитъ къ ужаснѣйшимъ подвигамъ Іоаннова тиранства: она удвоила ненависть Ливонцевъ къ Россіянамъ.

Оттуда Царь пошелъ къ Ронпебургу, Трикату, Шмильтену; сіи крѣпости, занятыя Литовцами, ему не противились. Начальники мирно встрѣчали его, довольные свободою возвратиться въ отечество, безъ 12 Септ.

оружія и безъ имѣнія; а Нѣмцевъ съ женами и съ дѣтьми брали въ плѣнъ (170). Оставалось только взять Ригу; но предвидя осаду кровопролитную, Іоаннъ спѣшилъ въ Вольмаръ, торжествовать своя побѣды; далъ великолѣпный пиръ Воеводамъ Россійскимъ и знатнымъ Литовскимъ освобожденнымъ плѣнникамъ; въ особенности ласкалъ Князя Александра Полубенскаго; одарилъ ихъ шубами и кубками; сказалъ имъ гордо: «Идите къ Королю Стефану; «убѣдите его заключить миръ со мною на «условіяхъ, мнѣ угодныхъ: ибо рука «моя *высока!* Вы видѣли: да знаетъ и «онъ» (171)! . . . Вольмаръ напомнилъ Іоанну бѣглеца Курбскаго: онъ написалъ къ нему письмо такого содержанія (и вручилъ оное Князю Полубенскому для доставленія): «Мы, Великій Государь всея Россіи, «къ бывшему Московскому Боярину (172).... «Смиреніе да будетъ въ сердцѣ и на языкѣ «моемъ. Вѣдаю свои беззаконія, уступающія только милосердію Божію: оно спасетъ меня, по слову Евангельскому, что «Господь радуется о единомъ кающемся «грѣшникѣ болѣе, нежели о десяти праведникахъ. Сія пучина благости потопитъ «грѣхи мучителя и блудника! . . . Нѣтъ, не «хвалюся честію: честь не моя, а Божія.... «Смотри, о Княже! судьбы Всевышняго. «Вы, друзья Адашева и Сильвестра, хотѣли

Письмо къ Курбскому.

«владѣть Государствомъ . . . . и гдѣ же нынѣ? «Вы, сверженные правосудіемъ, кипя яростію, «вопили, что не осталось мужей въ Россіи; что «она безъ васъ уже безсильна и беззащитна: но «васъ нѣтъ, а тверди Нѣмецкія пали предъ си- «лою Креста Животворящаго! Мы тамъ, гдѣ «вы не бывали . . . . Нѣтъ, ты былъ здѣсь, но «не въ славѣ побѣды, а въ стыдѣ бѣгства, ду- «мая, что ты уже далеко отъ Россіи, въ убѣ- «жищѣ безопасномъ для измѣны, недоступномъ «для ея мстителей. Здѣсь ты изрыгалъ хулы на «Царя своего; но здѣсь нынѣ Царь, здѣсь Рос- «сія! . . . Чѣмъ виновенъ я предъ вами? Не вы «ли, отнявъ у меня супругу милую, сдѣлались «истинными виновниками моихъ человѣческихъ «слабостей? Говорите о лютости Царя, хотѣвъ «лишить его и престола и жизни! Войною ли, «кровію ли пріобрѣлъ я Государство, бывъ Го- «сударемъ еще въ колыбели? И Князь Влади- «міръ, любезный вамъ измѣнникамъ, имѣлъ ли «право на Державу, не только по своему роду, но «и по личному достоинству, Князь равно без- «смысленный и не благодарный, вашими отцами «вверженный въ темницу, и мною освобожден- «ный (473)? Я стоялъ за себя; остервененіе зло- «дѣевъ требовало суда неумолимаго . . . . Но «не хочу многословія; довольно и сказаннаго. «Дивися промыслу Небесному; войди въ себя; «разсуди о дѣлахъ своихъ! Не гордость велитъ «мнѣ писать къ тебѣ, а любовь Христіанская, да «воспоминаніемъ исправишься, и да спасется

«душа твоя.» — Сіе мнимое *смиреніе* конечно не исправило и не обмануло измѣнника, но могло растравить язву сердца его, къ удовольствію мстительнаго Царя. Курбскій, также мстительный, ждалъ благопріятнаго времени для отвѣта: оно приближалось!

Доселѣ Іоаннъ бралъ, что хотѣлъ; свирѣпствовалъ, казнилъ Ливонію безпрепятственно; смѣялся надъ слабостію враговъ; съ надменностію воображалъ ужасъ, отчаяніе Королей Шведскаго и Польскаго; думалъ, что оружіе уже все рѣшило; что остальное прибавятъ договоры сильнаго съ безсильными. Отрядивъ часть конницы къ Ревелю для новаго опустошенія Шведскихъ владеній, разставивъ войско по городамъ, ввѣривъ оное Великому Князю Тверскому Семеону, Князьямъ Ивану Шуйскому и Василію Сицкому, Царь поѣхалъ въ Дерптъ. За нимъ везли измѣнника Магнуса и знатныхъ Дворянъ его, которые ежечастно ждали смерти; но Іоаннъ, не уважая законовъ государственной нравственности, государственнаго неумолимаго правосудія, умѣлъ быть снисходительнымъ къ измѣнѣ для выгодъ Политики. Такъ онъ, будучи въ Дюнебургѣ, *милостиво* снесился съ бѣглецами Крузе и Таубе: ибо сіи вѣроломные, видя успѣхи его, дерзнули снова предложить ему свои услуги, искренно или коварно, съ обѣщаніемъ способствовать намъ въ дальнѣйшихъ завоеваніяхъ (474). Такъ Іоаннъ, къ общему удивленію, простилъ и Магнуса въ Дерптѣ, взявъ съ него клятву въ

вѣрности, съ обязательствомъ заплатить Россіи 40,000 Венгерскихъ гульденовъ; возвратилъ ему свободу и владѣніе, Оберпаленъ, Каркусъ; еще прибавилъ къ симъ городамъ Гельметъ, Зигесвальде, Розенбергъ и другіе ([475]); оставилъ Магнусу имя Короля, а себѣ Верховнаго Повелителя Ливоніи, и велѣлъ тамъ изобразить въ церквахъ слѣдующую надпись, худыми Нѣмецкими стихами, имъ самимъ, какъ увѣряютъ, сочиненными: «Есмь Іоаннъ, Государь многихъ «земель, исчисленныхъ въ моемъ титулѣ. Испо-«вѣдаю Вѣру предковъ своихъ, истинно Хри-«стіанскую, по ученію Св. Апостола Павла, вмѣ-«стѣ съ добрыми Москвитянами. Я ихъ Царь «природный: не вымолилъ, не купилъ сего ти-«тула; а мой Царь есть Іисусъ Христосъ» ([476]). — Изъ Дерпта пріѣхавъ во Псковъ, Іоаннъ осмотрѣлъ всѣхъ плѣнниковъ Ливонскихъ ([477]), нѣкоторыхъ освободилъ, другихъ скованныхъ послалъ въ Москву, и самъ, какъ бы утружденный великими подвигами, спѣшилъ отдохнуть въ уединеніи Слободы Александровской.

Здѣсь конецъ нашихъ воинскихъ успѣховъ въ Ливоніи, хотя и не весьма важныхъ для потомства, но знаменитыхъ, блестящихъ для тогдашнихъ Россіянъ, которые славились взятіемъ *двадцати семи городовъ* въ два или три мѣсяца. Увидимъ жестокій оборотъ Судьбы, злополучіе отечества и стыдъ Царя; увидимъ новое доказательство, что малодушіе свойственно тирану: ибо бѣдствія для него казнь, а не

искушеніе, и довѣренность къ Провидѣнію столь же чужда его сердцу боязливому, сколь и довѣренность къ народному усердію! . . . Но прежде описанія войны, какой дотолѣ мы не имѣли, въ послѣдній разъ еще явимъ Іоанна губительнымъ Ангеломъ Тмы для Россіянъ, обагреннымъ святою кровію невинности.

Шестая эпоха казней. Уже не было имени Опричниковъ, но жертвы еще падали, хотя и рѣже, менѣе числомъ; тиранство казалось утомленнымъ, дремлющимъ, только отъ времени до времени пробуждаясь. Еще великое имя вписалось въ огромную книгу убійствъ сего царствованія смертоноснаго. Первый изъ Воеводъ Россійскихъ, первый *Слуга Государевъ* — тотъ, кто въ славнѣйшій часъ Іоанновой жизни прислалъ сказать ему: *Казань наша;* кто, уже гонимый, уже знаменованный опалою, безчестіемъ ссылки и темницы, сокрушилъ Ханскую силу на берегахъ Лопасни, и еще принудилъ Царя изъявить ему благодарность отечества за спасеніе Москвы — Князь Михаилъ Воротынскій, чрезъ десять мѣсяцевъ послѣ своего торжества, былъ преданъ на смертную муку, обвиняемый рабомъ его въ чародѣйствѣ, въ тайныхъ свиданіяхъ съ злыми вѣдьмами, и въ умыслѣ извести Царя (478): доносъ нелѣпый, обыкновенный въ сіе время, и всегда угодный ти-

рану! Мужа славы и доблести привели къ Царю окованнаго. Услышавъ обвиненіе, увидѣвъ доносителя, Воротынскій сказалъ тихо: «Госу-«дарь! дѣдъ, отецъ мой учили меня служить «ревностно Богу и Царю, а не бѣсу; прибѣгать «въ скорбяхъ сердечныхъ къ Олтарямъ Все-«вышняго, а не къ вѣдьмамъ. Сей клеветникъ «есть мой рабъ бѣглый, уличенный въ татьбѣ: «не вѣрь злодѣю.» Но Іоаннъ хотѣлъ вѣрить, «доселѣ щадивъ жизнь сего *послѣдняго* изъ вѣрныхъ друзей Адашева, какъ бы невольно, какъ бы для того, чтобы имѣть хотя единаго побѣдоноснаго Воеводу на случай чрезвычайной опасности. Опасность миновалась — и шестидесятилѣтняго Героя связаннаго положили на дерево между двумя огнями; жгли, мучили. Увѣряютъ, что самъ Іоаннъ кровавымъ жезломъ своимъ пригребалъ пылающіе уголья къ тѣлу страдальца. Изожженнаго, едва дышущаго взяли и повезли Воротынскаго на Бѣлоозеро: онъ скончался въ пути. Знаменитый прахъ его лежитъ въ Обители Св. Кирилла. «О мужъ великій!» пишетъ несчастный Курбскій (479): мужъ крѣп-«кій душею и разумомъ! священна, незабвенна «память твоя въ мірѣ! Ты служилъ отечеству «неблагодарному, гдѣ добродѣтель губитъ и сла-«ва безмолвствуетъ; но есть потомство, и Евро-«па о тебѣ слышала: знаетъ, какъ ты своимъ «мужествомъ и благоразуміемъ истребилъ воин-«ство невѣрныхъ на поляхъ Московскихъ, къ «утѣшенію Христіанъ и къ стыду надменнаго

«Султана! Пріими же здѣсь хвалу громкую за «дѣла великія, а тамъ, у Христа Бога нашего, «вѣчное блаженство за неповинную муку!» — Знатный родъ Князей Воротынскихъ, потомковъ Св. Михаила Черниговскаго, уже давно пресѣкся въ Россіи ([480]): имя Князя Михаила Воротынскаго сдѣлалось достояніемъ и славою нашей Исторіи.

Вмѣстѣ съ нимъ замучили Боярина-Воеводу, Князя Никиту Романовича Одоевскаго, брата злополучной Евдокіи, невѣстки Іоанновой ([481]), уже давно обреченнаго на гибель мнимымъ преступленіемъ зятя и сестры; но тиранъ любилъ иногда отлагать казнь, хваляся долготерпѣніемъ, или наслаждаясь долговременнымъ страхомъ, трепетомъ сихъ несчастныхъ! Тогда же умертвили стараго Боярина, Михайла Яковлевича Морозова, съ двумя сыновьями и съ супругою Евдокіею, дочерью Князя Дмитрія Бѣльскаго, славною благочестіемъ и святостію жизни ([482]). Сей мужъ прошелъ невредимо сквозь всѣ бури Московскаго Двора; устоялъ въ превратностяхъ мятежнаго господства Бояръ, любимый и Шуйскими и Бѣльскими и Глинскими; на первой свадьбѣ Іоанновой, въ 1547 году, былъ Дружкою, слѣдственно ближнимъ Царскимъ человѣкомъ; выслился и во время Адашева, опираясь на достоинства; служилъ въ Посольствахъ и воинствахъ, управлялъ огнестрѣльнымъ снарядомъ въ Казанской осадѣ; не вписанный въ Опричнину, не являлся на кровавыхъ

пирахъ съ Басмановыми и съ Малютою, но еще умомъ и трудами содѣйствовалъ благу государственному; наконецъ палъ въ чреду свою, какъ противный остатокъ, какъ ненавистный памятникъ временъ лучшихъ. — Такъ же палъ (въ 1575 году) старый Бояринъ, Князь Петръ Андреевичь Куракинъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ Воеводъ въ теченіе тридцати-пяти лѣтъ, вмѣстѣ съ Бояриномъ Иваномъ Андреевичемъ Бутурлинымъ, который, переживъ гибель своихъ многочисленныхъ единородцевъ, умѣвъ снискать даже особенную милость Іоаннову (183), не избавился опалы ни заслугами, ни искуствомъ придворнымъ. Въ сей годъ и въ слѣдующіе два казнили Окольничихъ: Петра Зайцева, ревностнаго Опричника; Григорія Собакина, дядю умершей Царицы Мареы; Князя Тулупова, Воеводу *Двороваго*, слѣдственно любимца Государева, и Никиту Борисова; Крайчаго, Іоаннова шурина, Мареина брата, Калиста Васильевича Собакина, и Оружничаго, Князя Ивана Девételевича (184). Не знаемъ вины ихъ, или, лучше сказать, предлога казни. Видимъ только, что Іоаннъ не измѣнялъ своему *правилу смѣшенія* въ губительствѣ: довершая истребленіе Вельможъ старыхъ, осужденныхъ его Политикою, *безпристрастно* губилъ и новыхъ; карая добродѣтельныхъ, каралъ и злыхъ. Такъ онъ, въ сіе же время, велѣлъ умертвить Псковскаго Игумена Корнилія, мужа святаго, — смиреннаго ученика его, Вассіана Муромцева, и Новогородскаго Архіепи-

скопа, Леонида, Пастыря недостойнаго, алчнаго корыстолюбца: первыхъ какимъ-то мучительскимъ орудіемъ раздавили; послѣдняго обшили въ медвѣжью кожу и затравили псами (185)! . . . Тогда уже ничто не изумляло Россіянъ: тиранство притупило чувства . . . . Пишутъ, что Корнилій оставилъ для потомства исторію своего времени, изобразивъ въ ней бѣдствія отечества, мятежъ, раздѣленіе Царства и гибель народа, отъ гнѣва Іоаннова, глада, мора и нашествія иноплеменниковъ.

Здѣсь Курбскій повѣствуетъ еще о гибели добродѣтельнаго Архимандрита Ѳеодорита. Сей мужъ, бывъ Инокомъ Соловецкой Обители, другомъ Св. Александра Свирскаго и знаменитаго Старца Порфирія, гонимаго отцемъ Іоанновымъ за смѣлое ходатайство о несчастномъ Князѣ Шемякинѣ (186), имѣлъ славу крестить многихъ дикихъ Лопарей: не убоялся пустынь снѣжныхъ; проникъ во глубину мрачныхъ, хладныхъ лѣсовъ, и возвѣстилъ Христа Спасителя на берегахъ Туломы; узнавъ языкъ жителей, истолковалъ имъ Евангеліе, изобрѣлъ для нихъ письмена, основалъ монастырь близъ устья Колы, училъ, благотворилъ, подобно Св. Стефану Пермскому, и съ сердечнымъ умиленіемъ видѣлъ ревность сихъ мирныхъ, простодушныхъ людей къ Вѣрѣ истинной. Въ 1560 году, по волѣ Іоанна, онъ ѣздилъ въ Константинополь, и привезъ ему отъ тамошняго Греческаго Духовенства *благословеніе на санъ Царскій* вмѣ-

стѣ *съ древнею книгою вѣнчанія* Императоровъ Византійскихъ ([487]). Послѣ того жилъ въ Вологдѣ, въ монастырѣ Св. Димитрія Прилуцкаго, и не смотря на старость, часто бывалъ въ своей любимой Кольской Обители, у новыхъ Христіанъ Лапландскихъ; ѣздилъ изъ пустыни въ пустыню, лѣтомъ рѣками и моремъ, зимою на оленяхъ; находилъ вездѣ любовь къ нему и вниманіе къ его ученію. Всѣми уважаемый, и самимъ Царемъ, Ѳеодоритъ возбудилъ гнѣвъ Іоанновъ дружбою къ Князю Курбскому, бывшему духовному сыну сего ревностнаго Христіанскаго Пастыря: дерзнулъ напомнить Государю о жалостной судьбѣ знаменитаго бѣглеца, столь же несчастнаго, сколь и виновнаго; дерзнулъ говорить о прощеніи. Ѳеодорита утопили въ рѣкѣ, по сказанію нѣкоторыхъ; другіе увѣряли, что онъ хотя и заслужилъ опалу, но мирно преставился въ уединеніи ([488]).

Не щадя ни добродѣтели, ни святости,— требуя во всемъ повиновенія безмолвнаго, Іоаннъ въ тоже время съ удивительнымъ хладнокровіемъ терпѣлъ непрестанныя *мѣстничества* нашихъ Воеводъ, которые въ семъ случаѣ не боялись изъявлять самаго дерзкаго упрямства: молча видѣли казнь своихъ ближнихъ; молча склоняли голову подъ сѣкиру палачей: но не слуша- Мѣстничества.

лись Царя, когда онъ назначалъ имъ мѣста въ войскѣ не по ихъ родовому старѣйшинству. На примѣръ: чей отецъ или дѣдъ воеводствовалъ въ *Большомъ Полку*, тотъ уже не хотѣлъ зависѣть отъ Воеводы, коего отецъ или дѣдъ начальствовалъ единственно въ *Передовомъ* или въ *Сторожевомъ*, въ *Правой* или въ *Лѣвой Рукѣ* ([489]). Недовольный отсылалъ Указъ Государевъ назадъ съ жалобою, требуя суда. Царь справлялся съ Книгами Розрядными и рѣшилъ тяжбу о старѣйшинствѣ, или, въ случаяхъ важныхъ, отвѣтствовалъ: *«быть Воеводамъ безъ мѣстъ;* каждому «оставаться на своемъ, впредь до разбора.» Но время дѣйствовать уходило, ко вреду Государства, и виновникъ не подвергался наказанію. Сіе мѣстничество оказывалось и въ службѣ придворной: любимецъ Іоанновъ, Борисъ Годуновъ, новый Крайчій, (въ 1578 году) судился съ Бояриномъ, Княземъ Василіемъ Сицкимъ, котораго сынъ не хотѣлъ служить на-ряду съ нимъ за столомъ Государевымъ; не смотря на Боярское достоинство Князя Василія, Годуновъ Царскою грамотою былъ объявленъ выше его *многими мѣстами*, для того, что дѣдъ Борисовъ въ старыхъ Розрядахъ стоялъ выше Сицкихъ ([490]). — Дозволяя Воеводамъ спорить о первенствѣ, Іоаннъ не спускалъ имъ оплошности въ ратномъ дѣлѣ: на примѣръ, знатнаго сановника, Князя Михайла Ноздроватаго, *высѣкли на конюшнѣ* за худое распоряженіе при осадѣ Шмильтена ([491]).

«Но сіи люди» — пишетъ Историкъ Ливонскій — «ни отъ казней, ни отъ безчестія не слабѣли въ усердіи къ ихъ Монарху. Представимъ достопамятный случай (492). Чиновникъ Іоанновъ, Князь Сугорскій, посланный (въ 1576 году) къ «Императору Максимиліану, занемогъ въ «Курляндіи. Герцогъ, изъ уваженія къ «Царю, нѣсколько разъ навѣдывался о «больномъ чрезъ своего Министра, который всегда слышалъ отъ него сіи слова: «*жизнь моя ничто: лишь бы Государь нашъ «здравствовалъ!* Министръ изъявилъ ему «удивленіе. *Какъ можете вы* — спросилъ «онъ — *служить съ такою ревностію тирану?* Князь Сугорскій отвѣтствовалъ: «*Мы Русскіе преданы Царямъ, и милосердымъ и жестокимъ.* Въ доказательство «больный разсказалъ ему, что Іоаннъ незадолго предъ тѣмъ велѣлъ, за малую «вину, одного изъ знатныхъ людей посадить на колъ; что сей несчастный жилъ «цѣлыя сутки, въ ужасныхъ мукахъ говорилъ съ своею женою, съ дѣтьми, и безпрестанно твердилъ: *Боже! помилуй Царя!*» . . . . То есть, Россіяне славились тѣмъ, чѣмъ иноземцы укоряли ихъ: слѣпою, неограниченною преданностію къ Монаршей волѣ въ самыхъ ея безразсудныхъ уклоненіяхъ отъ государственныхъ и человѣческихъ законовъ.

Примѣръ вѣрности.

Въ сіи годы необузданность Іоаннова явила новый соблазнъ въ преступленіи святыхъ уставовъ Церкви, съ безстыдствомъ неслыханнымъ. Царица Анна скоро утратила нѣжность супруга, своимъ ли безплодіемъ, или единственно по тому, что его любострастіе, обманывая законъ и совѣсть, искало новыхъ предметовъ наслажденія: сія злосчастная, какъ нѣкогда Соломонія, должна была отказаться отъ свѣта, заключилась въ монастырѣ Тихвинскомъ, и названная въ монашествѣ или въ Схимѣ Даріею, жила тамъ до 1626 года (493); а Царь, уже не соблюдая и легкой пристойности, уже не требуя благословенія отъ Епископовъ, безъ всякаго церковнаго разрѣшенія женился (около 1575 года) въ пятый разъ на Аннѣ Васильчиковой (494). Но не знаемъ, далъ ли онъ ей имя Царицы, торжественно ли вѣнчался съ нею: ибо въ описаніи его бракосочетаній нѣтъ сего *пятаго;* не видимъ также никого изъ ея родственниковъ при Дворѣ, въ чинахъ, между Царскими людьми ближними. Она схоронена въ Суздальской дѣвичьей Обители, тамъ, гдѣ лежитъ и Соломонія. *Шестою* Іоанновою супругою — или, какъ пишутъ, *женищемъ* — была прекрасная вдова, Василисса Мелентьева: онъ, безъ всякихъ

Пятое и шестое супружество Іоанново.

иныхъ священныхъ обрядовъ, *взялъ только молитву* для сожитія съ нею! Увидимъ, что симъ не кончились беззаконныя женитьбы Царя, ненасытнаго въ убійствахъ и въ любострастіи!

ГЛАВА V.

Продолженіе царствованія Іоанна Грознаго.

Г. 1577—1582.

Переговоры съ Австріею. Договоръ съ Даніею Дѣла Крымскія. Переговоры и война съ Баторіемъ. Чудесное дѣло Московскихъ пушкарей. Взятіе Полоцка. Сокола. Письмо Курбскаго. Соборъ въ Москвѣ. Посольство къ Императору и къ Папѣ. Завоеваніе Великихъ Лукъ. Бѣдствія Россіи. Седьмое супружество Іоанново. Неслыханное уничиженіе. Письмо къ Баторію: отвѣтъ его. Посольство отъ Папы. Славная осада Пскова. Шведы берутъ Нарву. Переговоры о мирѣ. Заключеніе перемирія. Сыноубійство. Мысль Іоаннова оставить свѣтъ. Врачь Строгановъ. Бесѣды Іоанновы съ Римскимъ Посломъ.

Г. 1577-1578. Переговоры съ Австріею.

Торжествуя въ Москвѣ свои Ливонскія завоеванія, презирая Баторія и Швецію, Іоаннъ, кажется, не видалъ, не угадывалъ великихъ для себя опасностей; однакожь искалъ союзниковъ: писалъ къ новому Императору, Рудольфу, въ отвѣтъ на его увѣдомленіе о кончинѣ Максиміліановой; изъявлялъ готовность заключить съ нимъ

договоръ о *любви и братствѣ*; посылалъ въ Вѣну Дворянина Ждана Квашнина ([195]), въ надеждѣ склонить Цесаря къ войнѣ съ общимъ недругомъ, чтобы изгнать Стефана, раздѣлить Польшу, Литву, — наконецъ ополчиться со всею Европою на Султана: главная мысль сего времени, внушенная Папами Императорамъ! При дворѣ Вѣнскомъ жилъ тогда знаменитый бѣглецъ, Сирадскій Воевода, Албрехтъ Ласко, врагъ Стефановъ, который имѣлъ тайныя сношенія съ Іоанномъ: Государь убѣждалъ его одушевить умомъ своимъ и ревностію медленную, слишкомъ хладнокровную Политику Австрійскую. Замѣтимъ, что Квашнинъ долженъ былъ развѣдать въ Германіи, друженъ ли Папа съ Императоромъ, съ Королями Испанскимъ, Французскимъ, Шотландскимъ, Елисаветою Англійскою; усмирились ли внутренніе мятежи во Франціи; какіе переговоры идутъ у Цесаря съ нею и съ другими Державами; сколько у него доходу и войска? Такъ со временъ Іоанна III, первоначальника Державы Россійской и государственной ея системы, Цари наши уже не чуждались Европы; уже всегда хотѣли знать взаимныя отношенія Государствъ, отчасти изъ любопытства, свойственнаго разуму дѣятельному, отчасти и для того, чтобы въ ихъ союзахъ и непріязни искать непосредственной или хотя

г. 1578. Іюня 18. отдаленной выгоды для нашей собственной Политики. Но Квашнинъ возвратился только съ обѣщаніемъ, что Императоръ не замедлитъ прислать кого нибудь изъ первыхъ Вельможъ въ Москву, желая утвердить дружбу съ нами; и, къ неудовольствію Іоанна, Рудольфъ жаловался ему на бѣдственное опустошеніе Ливоніи, несогласное ни съ ихъ *братствомъ*, ни съ человѣколюбіемъ, ни съ справедливостію. Квашнинъ привезъ также грамоту отъ Венгерскаго Воеводы Роберта, который, хваля умъ сего Царскаго Посланника, молилъ Іоанна, какъ *втораго* Христіанскаго Вѣнценосца, быть спасителемъ Европы, обѣщалъ ему знатное вспоможеніе золотомъ и людьми въ войнѣ съ Турками, убѣждалъ его взять Молдавію, *отказанную Россіи* умершимъ въ Москвѣ Господаремъ Богданомъ (496). Сіе письмо было тайное: ибо Австрійскій Кабинетъ, издавна опасливый, безъ сомнѣнія не дозволилъ бы Магнату Венгерскому отъ имени своего народа сноситься съ чужеземнымъ Государемъ о дѣлахъ столь важныхъ. Робертъ уже зналъ Императора, искуснаго Химика, Астронома и всадника, но весьма худаго Монарха; предвидѣлъ грозу для Венгріи отъ властолюбія Султановъ и желалъ противоборствовать оному новымъ властолюбіемъ Россіи, ославленной тогда могуществомъ: ибо Мак-

симиліановы Послы, бывшіе у насъ въ 1576 году, распустили слухъ въ Европѣ о несмѣтности Іоаннова войска ([497]). Но слабодушный преемникъ Максиміліановъ хотя и ненавидѣлъ Баторія, хотя и трепеталъ Султана, но не думалъ воспользоваться союзомъ Царя для того, чтобы взять Польшу и спасти Венгрію.

Другимъ естественнымъ союзникомъ нашимъ могъ быть Король Датскій, Фридерикъ: не смотря на миръ съ Швеціею, онъ не вѣрилъ ея дружбѣ, искалъ Іоанновой, и (въ 1578 году) прислалъ въ Москву знатныхъ чиновниковъ, Якова Ульфельда и Григорія Ульстанда ([498]), съ жалобою, что Россіяне заняли въ Ливоніи нѣкоторыя Датскія владѣнія: Габзаль, Леаль, Лоде, и съ предложеніемъ вѣчнаго мира на условіяхъ выгодныхъ для обѣихъ Державъ. Фридерикъ желалъ имѣть часть Эстоніи и способствовать намъ въ изгнаніи Шведовъ, хвалился тѣмъ, что онъ не принялъ никакихъ льстивыхъ обѣщаній врага нашего, Стефана. Но гордые, непреклонные Бояре Московскіе, какъ пишетъ Ульфельдъ ([499]), думали только о выгодахъ собственнаго властолюбія; не оказали ни малѣйшаго снисхожденія; не хотѣли слушать ни требованій, ни противорѣчій; отвергнули искренній союзъ Даніи, вѣчный миръ, и заключили единственно перемиріе на 15 лѣтъ, Договоръ съ Даніею

коего условія были слѣдующія: 1) Король признаетъ всю Ливонію и Курляндію собственностію Царя, а Царь утверждаетъ за нимъ островъ Эзель съ его землями и городами; 2) первому не давать ни людей, ни денегъ Баторію, ни Шведамъ въ ихъ войнѣ съ Россіею, которая также не будетъ помогать врагамъ Даніи; 3) въ Норвегіи возстановятся древнія границы между Россійскими и Датскими владѣніями; 4) съ обѣихъ сторонъ объявляется полная свобода для купцевъ и безопасность для путешественниковъ; 5) Фридерикъ не долженъ останавливать Нѣмецкихъ художниковъ на пути въ Москву. За сей договоръ, явно выгодный для одного Царя, Ульфельдъ лишился Фридериковой милости [500], и злобясь на Россіянъ, въ описаніи своего путешествія клянетъ ихъ упрямство, лукавый умъ, необузданность безпримѣрную.

Дѣла Крымскія. Желая если не союза, то хотя мира съ Девлетъ-Гиреемъ, уже слабымъ, издыхающимъ, Іоаннъ не преставалъ сноситься съ нимъ чрезъ гонцевъ; если не уступалъ, то и не требовалъ ничего, кромѣ Шертной грамоты и мирнаго бездѣйствія отъ Хана. Девлетъ-Гирей умеръ (29 Іюня 1577), и сынъ его, Магметъ-Гирей, заступивъ мѣсто отца, весьма дружелюбно извѣстилъ о томъ Іоанна; сдѣлалъ еще болѣе: напалъ на Литву, разорилъ и выжегъ не малую

часть земли Волынской, исполняя совѣтъ Вельможъ, которые говорили, что новый Ханъ долженъ ознаменовать свое воцареніе пожарами и кровопролитіемъ въ земляхъ сосѣдственныхъ! Іоаннъ спѣшилъ отправить къ нему знатнаго сановника, Князя Мосальскаго, съ привѣтствіемъ, съ богатыми дарами, какихъ дотолѣ не видала Таврида и съ наказомъ весьма снисходительнымъ; на примѣръ: «*Бить челомъ* Хану; обѣ«щать дары *ежегодные* въ случаѣ союза, но не «писать ихъ въ Шертную грамоту; требовать, «но безъ упорства, чтобы Магметъ-Гирей назы«валъ Великаго Князя *Царемъ*; вообще вести «себя *смирно*, убѣгать рѣчей колкихъ, и если «Ханъ или Вельможи его вспомянутъ о време«нахъ Калиты и Царя Узбека, то не оказывать «гнѣва, но отвѣтствовать тихо: *не знаю стари«ны; вѣдаетъ ее Богъ и вы, Государи!*» Столь домогался Іоаннъ найти сподвижника въ новомъ Ханѣ, чтобы обуздать Стефана ужасомъ Крымскихъ, гибельныхъ для Литвы набѣговъ! Но сія Политика, счастливая только въ государствованіе Іоанна III, ни для сына, ни для внука его не имѣла успѣха. Магметъ-Гирей за свою дружбу хотѣлъ Астрахани, обѣщая отдать намъ Литву и Польшу! хотѣлъ также, чтобы Царь свелъ Козаковъ съ Днѣпра и съ Дона. Сіи требованія были объявлены Ханскими Послами въ Москвѣ ([501]). Имъ сказали, что Днѣпровскіе и Донскіе Козаки не зависятъ отъ насъ; что первые служатъ Баторію, а вторые суть бѣглецы Рос-

сійскіе и Литовскіе, коихъ велѣно казнить, гдѣ явятся въ нашихъ предѣлахъ; что оружіе и Вѣра навѣки утвердили Астрахань за Россіею; что тамъ уже воздвигнуты храмы Бога Христіанскаго, основаны монастыри, живутъ коренные Христіане. Магметъ-Гирей твердилъ Царю: «Ты уступалъ «намъ сей городъ: исполни же *обѣщаніе!* «Тогда вдовы и сироты ваши могутъ спо- «койно ходить въ серебрѣ и золотѣ: никто «изъ моихъ воиновъ не тронетъ ихъ на «самыхъ пустынныхъ дорогахъ.» Между тѣмъ онъ просилъ четырехъ тысячь рублей: Государь послалъ ему тысячу; не жалѣлъ даровъ ни для женъ, ни для Вельможъ его, но не достигъ цѣли: Стефанъ предупредилъ насъ, и купивъ постыдное дружество сего Атамана разбойниковъ, могъ дѣйствовать всѣми силами противъ Россіи.

Переговоры и война съ Баторіемъ. Любя великія дѣла и славу, но умѣя ждать времени и случая, Баторій, занятый осадою Данцига, какъ бы равнодушно видѣлъ успѣхи Іоанновы въ Ливоніи; безъ сомнѣнія зналъ, что не переговорами, а мечемъ должно рѣшить дѣло, однакожь писалъ къ Царю, что онъ удивляется его явному недружелюбію и предлагаетъ не лить крови, буде еще можно согласить миромъ выгоды, честь, безопасность обѣихъ Державъ, Россіи и Польши. «Твоя доса- «да неосновательна,» отвѣтствовалъ ему

Іоаннъ: «взявъ города свои въ Ливоніи, я вы-«слалъ оттуда людей вашихъ безъ всякаго *нака-«занія.* Ты Король, по не Ливонскій» (502). Послы Стефановы, Воеводы Мазовецкій и Минскій, прибывъ въ Москву (въ Генварѣ 1578), торжественно объявили Боярамъ, что Король мыслитъ единственно о спокойствіи Державъ Христіанскихъ, хочетъ жить въ дружбѣ со всѣми и въ особенности съ Россіею; что перемиріе нарушено непріятельскими дѣйствіями Царя въ Ливоніи; что Стефанъ уполномочилъ ихъ (Пословъ) возстановить тишину навѣки. Для сего Бояре требовали, чтобы Король, именуя Іоанна Царемъ, Великимъ Княземъ Смоленскимъ и Полоцкимъ, не вступался ни въ Ливонію, ни въ Курляндію, нераздѣльную съ нею, и еще отдалъ Россіи Кіевъ, Каневъ, Витебскъ съ другими городами; а Паны Королевскіе требовали не только всей Ливоніи, но и *всѣхъ* древнихъ Россійскихъ областей отъ Калуги до Чернигова и Двины. Видя невозможность мира, согласились единственно возобновить перемиріе на три года, но въ Русскую грамоту включили слова: *Королю не вступаться въ Ливонію* (чего не было въ Польской грамотѣ), и Государь, утверждая сей договоръ обыкновенною присягою, сказалъ: «цѣлую крестъ *сосѣду* моему, Стефану Королю, «въ томъ, что исполню условія; а Ливонской и «Курляндской земли не отступаюсь.» Сановники Карповъ и Головинъ поѣхали къ Стефану быть свидѣтелями его клятвы и размѣняться запи-

сями ([503]). Но сей договоръ остался безъ дѣйствія и не унялъ кровопролитія.

Уже обстоятельства начали измѣняться, къ досадѣ Іоанна и ко вреду Россіи. Еще въ 1577 году Шведскій Адмиралъ Гилленанкеръ съ вооруженными судами явился передъ Нарвою, сжегъ тамъ деревянныя укрѣпленія, умертвилъ и взялъ въ плѣнъ нѣсколько Россіянъ ([504]); другая толпа Шведовъ опустошила часть Кексгольмскаго Уѣзда. Ревельцы и Шенкенбергъ-Аннибалъ также непрестанными впаденіями тревожили Эстонію Россійскую; а Воеводы Іоанновы спокойно отдыхали въ городахъ, презирая слабыхъ враговъ, и своимъ бездѣйствіемъ вселяя въ нихъ смѣлость. Пишутъ, что Литовскіе сановники, желая отнять у насъ Дюнебургъ, употребили хитрость: какъ бы въ знакъ дружбы прислали тамошнимъ Московскимъ воинамъ бочку вина, ночью ворвались въ крѣпость и всѣхъ ихъ умертвили пьяныхъ. Нѣмцы, служащіе Баторію, столь же внезапно и легко взяли еще гораздо важнѣйшее мѣсто, Венденъ, прославленный великодушною гибелію Магнусовой дружины и жестокою местію Царя. Оплошные Воеводы не видали, не слыхали, какъ Нѣмцы, подкѣлавъ ключи къ воротамъ Венденскимъ, вступили въ городъ, чтобы рѣзать сонныхъ Россіянъ ([505]). Въ то же время свѣдалъ Іоаннъ, что тѣнь мнимаго Королевства Ливонскаго, изобрѣтеніе хитрой его Политики, исчезла наконецъ бѣгствомъ мнимаго Короля. Измѣна, уже давно замышляе-

мая, совершилась: жертва честолюбія и страха, Магнусъ, снова присягнувъ въ вѣрности къ Іоанну, снова обратился къ Баторію, заключилъ съ нимъ договоръ и тайно уѣхалъ изъ Оберпалена въ Курляндію, въ городокъ Пильтенъ, вмѣстѣ съ юною супругою, которая не безъ горести пожертвовала ему своимъ отечествомъ, хотя и не могла любить дяди, убійцы несчастныхъ ея родителей ([506]).

Легковѣріе не было свойственно Іоанну: онъ конечно не удивился бѣгству Магнуса, желавъ только на время имѣть въ немъ орудіе для своей Политики; но казался изумленнымъ, винилъ себя въ излишнемъ милосердіи къ вѣроломному ([507]) и послалъ знатнѣйшихъ Воеводъ къ Вендену, Князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго съ сыномъ, Боярина Морозова и другихъ, чтобы землю, омоченную тамъ кровію Россіянъ, омочить Нѣмецкою; но Воеводы не умѣли взять крѣпости: стрѣляли изъ пушекъ, и сдѣлавъ проломъ въ стѣнѣ, удалились: ибо свѣдали, что на нихъ идутъ Воеводы Баторіевы, Дембинскій, Бюрингъ и Хоткѣвичь. Сію неудачу загладили младшіе сановники Царскіе, Князь Иванъ Михайловичь Елецкій и Дворянинъ Леонтій Григорьевичь Волуевъ: съ горстію людей осажденные въ Ленварденѣ Рижскими Нѣмцами и Литовскимъ Воеводою, не имѣя хлѣба, имѣя только желѣзо и порохъ, они бились какъ Герои въ теченіе мѣсяца: питались лошадинымъ мясомъ, кожами, и своимъ мужествомъ, своимъ терпѣ-

ніемъ побѣдили непріятеля: онъ ушелъ, оставивъ множество труповъ подъ стѣнами (508). Между тѣмъ Шведы и неутомимый Шенкенбергъ-Аннибалъ сожгли предмѣстіе Дерпта, и всѣхъ, захваченныхъ ими Россіянъ умертвили, женъ и дѣтей. Не было милосердія, ни человѣчества: обѣ стороны въ ужасныхъ своихъ лютостяхъ оправдывались закономъ мести.

Въ концѣ лѣта Воеводы Московскіе, Князья Иванъ Юрьевичь Голицынъ, Василій Агишевичь Тюменскій, Хворостининъ, Тюфякинъ, приступили къ Оберпалену, занятому Шведами послѣ Магнусова бѣгства съ согласія тамошнихъ Нѣмцевъ. Взявъ сію крѣпость и 200 плѣнниковъ, Воеводы отослали ихъ въ Москву на казнь и смерть; должны были итти немедленно къ Вендену, но споря между собою о начальствѣ, не исполняли Царскаго указа: Іоаннъ съ гнѣвомъ прислалъ въ Дерптъ знаменитаго Дьяка, Андрея Щелкалова, и любимаго Дворянина своего, Данила Салтыкова, велѣвъ имъ смѣнить Воеводъ въ случаѣ ихъ дальнѣйшаго ослушанія (509). Наконецъ они выступили, давъ время изготовиться непріятелю и Литовцамъ соединиться съ Шведами; осадили Венденъ и чрезъ нѣсколько дней (21 Октября) увидѣли непріятеля за собою: Сапѣга съ Литвою и Нѣмцами, Генералъ Бое съ Шведами напали на 18,000 Россіянъ, едва успѣвшихъ построиться внѣ своихъ окоповъ. Долго бились мужественно; но худая конница Татарская въ рѣшительный часъ выдала нашу пѣхоту

и бѣжала. Россіяне дрогнули, смѣшались, отступили къ укрѣпленіямъ, гдѣ сильною пальбою еще удерживали стремленіе непріятеля. Ночь прекратила битву: Сапѣга и Бое хотѣли возобновить ее, ждали утра; но первый вождь Московскій, Голицынъ, Окольничій Ѳедоръ Шереметевъ. Князь Андрей Палицкій, вмѣстѣ съ Дьякомъ Щелкаловымъ, равно умнымъ и малодушнымъ, въ безуміи страха уже скакали на борзыхъ коняхъ къ Дерпту, оставивъ войско ночью въ ужасѣ, коего слѣдствіемъ было общее бѣгство. Еще нѣкоторые говорили о долгѣ и чести; ихъ не слушали — но они говорили, что думали, и явили примѣръ достойный лучшихъ временъ Рима: Воеводы, Бояринъ Князь Василій Андреевичь Сицкій, Окольничій Василій Ѳедоровичь Воронцовъ (начальникъ огнестрѣльнаго снаряда), Данило Борисовичь Салтыковъ, Князь Михайло Васильевичь Тюфякинъ, не тронулись съ мѣста, хотѣли смерти, и нашли ее, когда непріятель, въ слѣдующее утро, видя единственно горсть великодушныхъ въ станѣ, всѣми силами на нихъ ударилъ: Окольничаго Татева, Князей Хворостинина, Семена Тюфякина, Дьяка Клобукова, взялъ въ плѣнъ; кинулся на снарядъ огнестрѣльный, и съ изумленіемъ увидѣлъ рѣдкое дѣйствіе воинской вѣрности: Московскіе пушкари, ужасаясь мысли отдаться непріятелю, повѣ- Чудесное дѣ-

до Московскихъ пушкарей.

сились на своихъ орудіяхъ (510) . . . . Сіи люди не мечтали о славѣ; имена ихъ остались неизвѣстными: самое дѣло не дошло бы до потомства, если бы умный Секретарь Королевскій, Гейденштейнъ, не внесъ онаго въ свою Исторію, съ удивленіемъ души благородной, чувствительной къ великому и въ самыхъ непріятеляхъ. Добычею побѣдителей были 17 пушекъ, весь обозъ и множество коней Татарскихъ. Число убитыхъ Россіянъ простиралось за 6000. — Такъ начались важные успѣхи Баторіевы и несгоды Іоанновы въ сей войнѣ злосчастной, но не безславной для Россіи, которая все имѣла для побѣды: и силу и доблесть, но не имѣла великодушнаго отца-Государя!

Доселѣ Іоаннъ не мыслилъ искренно о мирѣ: безъ сомнѣнія думалъ, что и перемиріе не будетъ утверждено Королемъ съ обязательствомъ не вступаться въ Ливонію (511); ждалъ вѣстей, съ одной стороны отъ Пословъ Московскихъ изъ Кракова, съ другой отъ Воеводъ о чаемомъ, легкомъ взятіи Вендена, и не хотѣлъ видѣть Стефанова гонца, присланнаго къ нему съ убѣжденіемъ заключить особенный договоръ о городахъ Ливонскихъ (512). Встревоженный судьбою нашего войска подъ Венденомъ, Іоаннъ немедленно отвѣтствовалъ на письмо Баторіево, что онъ

согласенъ дружелюбно рѣшить судьбу Ливоніи, будетъ ждать для того новыхъ Пословъ Королевскихъ въ Москву, удивляется невозвращенію нашихъ изъ Кракова и ревностно желаетъ честнаго мира. Но Баторій уже изготовился къ войнѣ, смиривъ Данцигъ. г. 1579. 11 Генваря.

Сей опасный врагъ, изъявляя намъ миролюбіе, въ тоже время предлагалъ Варшавскому Сейму необходимость утвердить оружіемъ безопасность Государства. «Имѣемъ двухъ злыхъ непріятелей,» сказалъ онъ: «Крымцы жгутъ, Россіяне берутъ наши владѣнія. Итти ли на обоихъ «вмѣстѣ? или съ кого начать?» Уже присутствіе великаго мужа одушевляло Вельможъ и Дворянство ревностію ко благу отечества: Баторій зналъ худо языкъ, но твердо Исторію Литвы и Польши; исчислилъ земли, отнятыя у нихъ Россіею; винилъ слабость Королей, льстилъ народному самолюбію, указывалъ на мечь свой и слушалъ разсужденія Сейма. «Таврида» — говорили Паны — «зависитъ отъ Султана: «наступательная война съ нею можетъ раздражить его; когда мы будемъ въ Тавридѣ, Оттоманы будутъ въ Польшѣ. И что «корысти? Сей дикій непріятель всегда «грабитъ и всегда бѣденъ. Лучше до времени искать мира съ Ханомъ. — Государ«ство Московское велико и сильно: тѣмъ

«славнѣе побѣда! Оно цвѣтетъ изобиліемъ При«роды и торговлею: тѣмъ болѣе добыча!» Рѣшили единогласно воевать Россію: велѣли собирать многочисленное войско; обременили неслыханными дотолѣ налогами владѣльцевъ и гражданъ: никто не противился; вооружались и платили съ чувствомъ или съ видомъ усердія. — Не обольщая себя излишнею надеждою на собственныя силы, Баторій требовалъ вспоможенія отъ другихъ Державъ, отъ Султана и Папы! Желая снискать особенное благоволеніе перваго, онъ не усомнился нарушить святую обязанность чести: ибо думалъ, что совѣсть должна молчать въ Политикѣ, и что государственная выгода есть главный законъ для Государя. Въ самое то время, когда Стефанъ вездѣ искалъ мира и союза, чтобы усильно дѣйствовать противъ насъ, бѣдный Козакъ Днѣпровскій, родомъ Волохъ, славный наѣздникъ и силачь (одною рукою ломавшій на-двое подкову, и для сего прозванный *Подковою*), умѣлъ съ толпою бродягъ нечаянно завоевать Валахію, гдѣ властвовалъ присяжникъ Султанскій, другъ Баторіевъ, Господарь Петръ. Оскорбленный такимъ успѣхомъ дерзости, Стефанъ послалъ войско изгнать хищника. Но мужественный Козакъ, Воеводами и словомъ Баторія удостовѣренный въ личной безопасности, сдался имъ добровольно. Чтожь сдѣлалъ Король? велѣлъ отсѣчь ему голову, въ угодность Султану, и въ присутствіи его Посла, сказавъ Вельможамъ: «для Народнаго Права не раздражу силь-

«наго, ко вреду Государства!» Сіе вѣроломство доставило Баторію одну ласку Амуратову: умный Визирь Махметъ сказалъ Посламъ Стефановымъ въ Царѣградѣ: «Желаемъ Королю славы и по-«бѣды; возможно, хотя и не легко одолѣть Ца-«ря Московскаго, коего одинъ Султанъ превос-«ходитъ грозою.» Папа обѣщалъ Баторію ходатайствовать за него во всѣхъ Кабинетахъ Европы и прислалъ мечь съ благословеніемъ, а Курфирстъ Брандебургскій нѣсколько пушекъ ([513]). Король Датскій, тайно доброхотствуя врагу нашему, колебался, ждалъ слѣдствій; но Шведскій немедленно заключилъ съ нимъ оборонительный и наступательный союзъ ([514]). Ханъ требовалъ даровъ отъ Литвы и получилъ ихъ съ условіемъ содѣйствовать ей въ войнѣ Россійской. Изъ Трансильваніи шла къ Стефану его старая, опытная дружина, изъ земли Нѣмецкой рать наемная. Еще не доставало доходовъ государственныхъ для всѣхъ воинскихъ издержекъ: онъ умѣрилъ расходы Двора; сыпалъ въ казну собственное золото и серебро; занималъ, гдѣ могъ; осматривалъ, училъ войско; готовилъ съѣстные припасы — и какъ бы еще имѣя много свободнаго времени, учреждалъ новыя судилища, давалъ новые уставы государственные, льстилъ Дворянству, утверждалъ власть Королевскую.

Въ сихъ обстоятельствахъ прибыли къ нему Послы Іоанновы, Карповъ и Головинъ, съ мирною грамотою. Чиновники Королевскіе долго задерживали ихъ въ пути; спорили съ ними о

титулѣ обоихъ Государей; отвергали пустое имя *сосѣда*, кое Царь давалъ Баторію; хотѣли равенства; не таили, что договоръ, написанный въ Москвѣ, останется безъ исполненія. Встрѣтили Пословъ съ честію; но Баторій, сидя на тронѣ величаво, не хотѣлъ для нихъ встать, ни спросить о здравіи Царя, и равнодушный къ ихъ неудовольствію, велѣлъ сказать имъ, что они могутъ итти вонъ изъ дворца и ѣхать назадъ; что Литовскій гонецъ доставитъ Іоанну отвѣтъ Королевскій. Послы уѣхали (515), и въ слѣдъ за ними Король выступилъ съ войскомъ, отправивъ чиновника Лопатинскаго съ письмомъ въ Москву.

Но Іоанна уже не было въ столицѣ. Зная, что происходило на Сеймѣ Варшавскомъ — долго не имѣя вѣсти отъ Карпова и Головина — слыша о сильномъ, безпримѣрномъ вооруженіи Литвы и Польши, онъ самъ не терялъ времени: въ общемъ совѣтѣ Бояръ и Духовенства объявилъ, что настала *година великаго кровопролитія*; что онъ, прося милости Божіей, идетъ на дѣло *отечественное* и *свое* (516), на землю Нѣмецкую и Литовскую; двинулъ всѣ полки къ Западу; расписалъ имъ пути и мѣста: оставляя войско въ *осьмидесяти* городахъ для ихъ обороны, на берегахъ Волги, Дона, Оки, Днѣпра, Двины, указалъ соединиться главнымъ силамъ въ Новѣгородѣ и Псковѣ, Европейскимъ и Азіатскимъ: кромѣ Россіянъ, Князья Черкесскіе, Шевкалскіе, Мордовскіе, Ногайскіе, Царевичи и Мурзы

древней Золотой Орды, Казанской, и Астраханской, день и ночь шли къ Ильменю и Пейпусу. Дороги заперлися пѣхотою и конницею. Зима, весна, часть лѣта миновали въ сихъ движеніяхъ. Наконецъ, поручивъ Москву Князю Андрею Петровичу Куракину, взявъ съ собою всѣхъ Бояръ, Думныхъ Дворянъ, множество Дьяковъ для воинскихъ и государственныхъ дѣлъ, Царь въ Іюлѣ выѣхалъ изъ столицы въ Новгородъ, гдѣ всѣ Воеводы ждали его дальнѣйшихъ повелѣній. Туда прибыли къ Іоанну и наши Послы изъ Литвы, съ донесеніемъ, что Баторій, отвергнувъ перемирную грамоту, идетъ на Россію ([517]); что у него сорокъ тысячъ воиновъ, но что сіе число умножается подходящими дружинами изъ Трансильваніи, изъ Нѣмецкой земли, и Литовскою вольницею. Вотъ сила непріятеля, замышлявшаго потоптать Россію! А Царь въ одномъ своемъ особенномъ полку имѣлъ сорокъ тысячъ: Дворянъ, Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцевъ, Козаковъ, сверхъ главной Новогородской, сверхъ Псковской рати, подъ начальствомъ Великаго Князя Тверскаго, Симеона Бекбулатовича, Князей Ивана Мстиславскаго, Шуйскихъ, Ногтева, Трубецкаго и многихъ иныхъ Воеводъ. Одно слово Іоанново могло бы устремить сію громаду на Литву, гдѣ народъ и Дворянство не весьма благопріятствовали воинственнымъ замысламъ Стефановымъ, внутренно желая мира съ Россіею, и гдѣ вопль ужаса раздался бы отъ Двины до Буга. Но тѣни Шуйскаго, Серебрянаго, Во-

ротынскаго мечтались воображенію Іоаннову, среди могилъ Новогородскихъ, исполненныхъ жертвами его гнѣва: онъ не вѣрилъ усердію Воеводъ своихъ, ни самаго народа; довѣренность свойственна только совѣсти чистой. Изгубивъ Героевъ, Царь въ сіе время щадилъ Воеводъ недостойныхъ: Князья Иванъ Голицынъ, Палицкій, Ѳедоръ Шереметевъ, запечатлѣнные стыдомъ Венденскаго бѣгства, снова начальствовали въ рати! Видя опасную войну предъ собою, онъ не смѣлъ казнить ихъ, чтобы другіе, имъ подобные, не измѣнили ему и не ушли къ Баторію! Думая такъ о своихъ Полководцахъ, Іоаннъ считалъ медленность, нерѣшительность благоразуміемъ; хотѣлъ угрожать непріятелю только числомъ собраннаго войска; еще надѣялся на миръ, или ждалъ крайней необходимости дѣйствовать мечемъ — и дождался! Узнавъ, что Баторіевъ чиновникъ, Лопатинскій, ѣдетъ въ Москву, Царь велѣлъ остановить его въ Дорогобужѣ. Сей гонецъ прислалъ къ нему письмо Стефаново, весьма плодовитое, не краснорѣчивое, сухое, но умное. Стефанъ писалъ (изъ Вильны, отъ 26 Іюня), что наша перемирная грамота есть подложная; что Бояре Московскіе обманомъ включили въ нее статью о Ливоніи (518); что Іоаннъ, говоря о мирѣ, воюетъ сію землю Королевскую, и выдумалъ басню о своемъ происхожденіи отъ Кесарей Римскихъ; что Россія беззаконно отняла у Литвы и Новгородъ и Сѣ-

верскія области, и Смоленскъ и Полоцкъ; что Карповъ и Головинъ, ничего не сдѣлавъ, ничего не сказавъ, уѣхали изъ Кракова; что дальнѣйшія Посольства будутъ безполезны; что онъ (Стефанъ) съ Божіею помощію рѣшился искать управы оружіемъ. Въ тоже время извѣстили Царя, что Баторій уже въ предѣлахъ Россіи.

Честно объявивъ намъ войну, Король совѣтовался въ Свирѣ съ Вельможами своими и Полководцами, гдѣ и какъ начать оную (519)? Многіе изъ нихъ предлагали вступить въ Ливонію, изгнать Россіянъ, осадить Псковъ, городъ важный, богатый, но — какъ они думали — худо укрѣпленный. Король былъ инаго мнѣнія, доказывая, что трудно вести войну въ Ливоніи опустошенной, неблагоразумно оставить ее за собою, опасно удалиться отъ границъ; что лучше взять Полоцкъ, ключь Ливоніи и самой Литвы; что сіе завоеваніе, надежный щитъ для ихъ тыла, откроетъ имъ Россію, утвердитъ безопасное сообщеніе съ Ригою посредствомъ Двины, доставитъ выгоды и для ратныхъ дѣйствій и для торговли; что должно завоевать Ливонію внѣ Ливоніи, что Полоцкъ крѣпокъ, но тѣмъ славнѣе, тѣмъ желательнѣе взять его, для ободренія своихъ, для устрашенія непріятеля. Говорилъ мужъ великій: его слушались. Войско Стефаново, подобно Аннибалову, было составлено изъ людей чуждыхъ другъ другу языкомъ, обычаями, Вѣрою: изъ Нѣмцевъ, Венгровъ, Ляховъ, древнихъ Славянъ Галицкихъ, Волынскихъ, Днѣпровскихъ, Кривскихъ и коренныхъ Литов-

цевъ: Баторій умѣлъ дать ему единодушіе и соревнованіе. Выступивъ изъ Свира, онъ издалъ Манифестъ къ народу Россійскому; объявилъ, что извлекаетъ мечь на Царя Московскаго, а не на мирныхъ жителей, коихъ будетъ щадить, миловать во всякомъ случаѣ; что любя доблесть, гнушается варварствомъ, желаетъ побѣды, а не разрушенія, не кровопролитія безполезнаго. Сказалъ и сдѣлалъ: никогда война не бывала для земледѣльцевъ и гражданъ тише, человѣколюбивѣе сей Баторіевой; говоря какъ Христіанинъ, онъ дѣйствовалъ какъ Политикъ: хотѣлъ преклонить къ себѣ жителей, ибо хотѣлъ завоеваній прочныхъ. — Въ началѣ Августа Баторій осадилъ Полоцкъ.

Осада и взятіе Полоцка.

Тамъ было мало войска: ибо Царь не ожидалъ сильнаго нападенія на Литовской границѣ, думая, что ѳеатромъ важныхъ непріятельскихъ дѣйствій будетъ Ливонія; но Полоцкъ издревле славился своими укрѣпленіями, исправленными, распространенными съ 1561 года. Двѣ крѣпости, Стрѣлецкая и такъ называемый Острогъ, обтекаемыя Двиною и Полотою, соединяемыя мостомъ, воздвигнутыя на крутыхъ высотахъ, служили защитою *большому городу*, сверхъ его глубокихъ рвовъ, деревянныхъ стѣнъ и башенъ. Князь Василій Ивановичь Телятевскій начальствовалъ въ городѣ, Петръ Волынскій въ Острогѣ,

Князь Дмитрій Щербатый и Дьякъ Ржевскій въ крѣпости, имѣя довольно запасовъ и снарядовъ, много усердія и мужества, гораздо менѣе искусства, какъ сказано въ нашихъ Розрядныхъ Книгахъ (520). Чтобы устрашить непріятеля и не оставить себѣ на выборъ ничего, кромѣ побѣды или смерти, они, захвативъ нѣсколько Литовскихъ плѣнниковъ, велѣли ихъ умертвить, привязать къ бревнамъ и кинуть въ Двину, на позорище войску Королевскому (521) . . . . Приступъ начался съ города: Россіяне малочисленные сами зажгли его, оставили, ушли въ крѣпость, гдѣ болѣе трехъ недѣль оборонялись мужественно. Время имъ благопріятствовало: лили дожди; бойницы осаждающихъ дѣйствовали худо; обозы ихъ съ хлѣбомъ тонули въ грязи; лошади падали; войско терпѣло голодъ: приступало къ крѣпости, но безъ успѣха. Воспользовался ли Царь сими обстоятельствами?

1 Августа Іоаннъ, будучи во Псковѣ, отрядилъ Воеводъ, Князя Хилкова и Безнина, съ двадцатью тысячами Азіатскихъ всадниковъ за рѣку Двину, въ Курляндскую землю, гдѣ дѣло ихъ состояло въ одномъ безопасномъ губительствѣ (522); тогда же послалъ другое войско защитить Корелію и землю Ижерскую, опустошаемую Шведами; усилилъ *засады* или гарнизоны въ Ливоніи — но еще имѣлъ столько войска, что могъ бы смѣло итти на Вильну и Варшаву. Встревоженный извѣстіемъ о нечаянной осадѣ

Полоцкой [523], онъ велѣлъ Шеину, Князьямъ Лыкову, Палицкому, Кривоборскому съ дружинами Дѣтей Боярскихъ и Донскихъ Козаковъ спѣшить къ сему городу, вступить въ него хитростію или силою, а въ случаѣ невозможности занять крѣпость Соколъ, тревожить неприятеля, мѣшать его сообщенію съ Литвою, въ ожиданіи нашей главной рати. Шеинъ приближился къ Баторіеву стану: не дерзнулъ на битву и занялъ Соколъ, распустивъ слухъ, что самъ Іоаннъ немедленно будетъ тамъ съ войскомъ сильнымъ. Но Король не устрашился: чувствовалъ единственно необходимость скорѣе рѣшить судьбу осады. Видя слабое дѣйствіе бойницъ, онъ предложилъ Венгерскимъ удальцамъ взойти на высоту крѣпости и зажечь ея стѣну, обѣщая имъ славу и золото. Для успѣха ихъ смѣлости, какъ бы нарочно, сдѣлалось ясное, сухое время: съ пылающими факелами они устремились къ стѣнамъ. . . . многіе пали мертвые; нѣкоторые достигли цѣли, и чрезъ пять минутъ вспыхнула крѣпость. Тутъ, воскликнувъ побѣду, вся дружина Венгерская кинулась на приступъ, не слушая ни своихъ Вождей, ни Короля. Осыпаемые ядрами, пулями, головнями, Венгры сквозь огонь пылающихъ стѣнъ вломились въ крѣпость; но Россіяне отчаянно стали грудью, рѣзались, вытѣснили неприятеля: онъ возвратился, усиленный толпами Нѣмцевъ, Поляковъ, и снова уступилъ остервенѣнію нашихъ. Самъ Король, забывъ личную опасность, находился въ сей кровопро-

литной битвѣ, чтобы возстановить порядокъ, удержать, соединить бѣгущихъ. Часъ былъ рѣшительный. Если бы Шеинъ, Князья Лыковъ, Палицкій, ударили на Литву, то могли бы спасти и крѣпость и честь Россіи. Они видѣли пожаръ, могли издали видѣть самую битву и слышать громкій кликъ осажденныхъ, побѣдителей въ сію минуту, призывный кликъ къ своимъ братьямъ Сокольскимъ. . . Но прозорливый Баторій занялъ дорогу (524): выслалъ свѣжее войско къ Дриссѣ, чтобы остановить Россіянъ въ случаѣ ихъ движенія къ Полоцку. Въ то же время Донскіе Козаки измѣнили нашимъ Воеводамъ въ Соколѣ (525): самовольно ушли восвояси, къ извиненію Шеина и его товарищей. Стефанъ ждалъ весь день, всю ночь опаснаго ихъ нападенія; успокоился и спѣшилъ загладить неудачу.

Отбивъ приступъ, Россіяне угасили огонь въ крѣпости: непріятель сдѣлалъ новыя бойницы, новые окопы, приблизился къ стѣнамъ, отчасти разрушеннымъ, и калеными ядрами опять зажегъ башни. Еще нѣсколько дней упорствовали осажденные; едва могли дышать отъ дыма и жара; падали отъ Литовскихъ ядеръ, отъ усталости, непрестанно гася огонь; ждали помощи, освобожденія; наконецъ, утративъ всю бодрость, требовали переговоровъ. Сперва Воеводы и достойный Архіепископъ Кипріанъ не хотѣли о томъ слышать, говоря: «страшимся не злобы «Стефановой, а гнѣва Царскаго!» Въ отчаяніи

великодушномъ они думали взорвать крѣпость, чтобы погребсти себя въ ея развалинахъ. Но слабый духомъ Петръ Волынскій и Стрѣльцы не дали имъ исполнить сего намѣренія ([526]) и предложили условія Стефану, который, изъ уваженія ли къ оказанной ими храбрости, или боясь длить время, согласился отпустить и сановниковъ и рядовыхъ (изъ острога и крѣпости) въ Россію съ семействами, съ имѣніемъ, а желающимъ вступить къ нему въ службу обѣщалъ великія милости. Воеводы, не хотѣвъ участвовать въ семъ договорѣ, заперлись вмѣстѣ съ Архіепископомъ въ древней церкви Софійской, откуда силою извлекли и представили ихъ Баторію, смиренныхъ безъ уничиженія. Историкъ-очевидецъ пишетъ, что Россіяне, живо чувствуя великодушіе и человѣколюбіе Короля, никакъ однакожь не захотѣли служить ему; что почти всѣ, ожидая неминуемой казни отъ гнѣвнаго Царя, съ твердостію шли на оную и не внимали льстивымъ обѣщаніямъ Стефановымъ: «доказательство удивительной любви къ отечеству!» прибавляетъ сей Историкъ ([527]). Но Стефанъ, вопреки условію, не скоро отпустилъ сихъ плѣнниковъ, какъ бы опасаясь возвратить непріятелю такихъ вѣрныхъ, доблихъ воиновъ. — Велѣвъ очистить крѣпость, наполненную трупами, Король въѣхалъ въ нее торжественно; объявилъ Полоцкъ Литовскимъ Воеводствомъ; указавъ строить тамъ великолѣпную церковь Римскаго Исповѣданія, оставилъ Софійскую Хри-

стіанамъ Греческимъ; далъ имъ въ Епископы бывшаго Святителя Витебскаго, и грамотою утвердилъ свободу нашей Вѣры, имѣя въ виду дальнѣйшія завоеванія въ Россіи и желая угодить ся народу сею благоразумною терпимостію, вопреки своимъ любимцамъ, Іезуитамъ, коимъ онъ далъ тогда богатыя маетности и земли въ Бѣлоруссіи, съ обязательствомъ исправлять нравы жителей ученіемъ и примѣромъ ([528]). — Съ сего времени древній нашъ Полоцкъ, Удѣлъ племени Владимірова и Рогнѣдина, легко взятый, безславно утраченный Іоанномъ, бывъ 18 лѣтъ областію Государства Московскаго, сдѣлался вновь собственностію Литвы, до царствованія Екатерины безсмертной.

Стефанъ послалъ войско къ Соколу, а легкую конницу къ самому Пскову, чтобы наблюдать движенія Іоанновой рати. 19 Сентября Литовцы осадили Соколъ; 25 зажгли башни, и съ трубнымъ звукомъ устремились къ стѣнамъ. Россіяне тушили огонь; но вдругъ запылали многія бренныя зданія, такъ, что не оставалось въ городѣ мѣста безопаснаго для пяти или шести тысячь бывшихъ тамъ воиновъ. Они сдѣлали вылазку; бились долго; уступивъ наконецъ превосходной силѣ, обратились назадъ, а Нѣмцы вмѣстѣ съ ними втѣснились въ крѣпость. Тутъ началася ужасная сѣча, отчаянная для тѣхъ и другихъ: ибо Россіяне захлопнули ворота, опустили желѣзную решетку и не оставили

возможности спасенія ни себѣ, ни врагамъ: рѣзались въ пламени, задыхались и горѣли, до той минуты, какъ Литовцы и Поляки вломились въ городъ, для совершеннаго истребленія нашихъ, коихъ пало 4000; плѣнили только Шереметева съ малымъ числомъ Дѣтей Боярскихъ (529). Въ остервененіи злобы Нѣмцы, терзая мертвыхъ, исказили трупы Шеина и многихъ иныхъ Россіянъ. — Литовцы взяли Красный, Козьянъ, Ситну, Туровль, Нещерду; опустошили землю Сѣверскую до Стародуба; выжгли 2000 селеній въ Смоленской области . . . . а Царь стоялъ неподвижно во Псковѣ!

Взятіе Сокола.

Въ то время, когда гибли добрые Россіяне, предаваемые въ жертву врагамъ Іоанновою боязливостію; когда отечество сѣтовало въ незаслуженномъ уничиженіи, торжествовалъ, къ вѣчному стыду своему, одинъ Россіянинъ, нѣкогда любезный отечеству: Князь Андрей Курбскій. Преступленіемъ лишенный имени Русскаго, онъ въ злобѣ своей искалъ новаго утѣшенія мести и находился подъ знаменами Баторіевыми, вмѣстѣ съ другимъ бѣглецомъ Московскимъ, Владиміромъ Заболоцкимъ; дѣятельно способствовалъ успѣхамъ Королевскаго оружія, и съ свѣжаго пепла завоеванной крѣпости Полоцкой, гдѣ дымилась кровь Россіянъ, написалъ отвѣтъ на Воль-

марское къ нему письмо Іоанново ([530]). «Гдѣ твои побѣды?» говорилъ онъ: «въ «могилѣ Героевъ, истинныхъ Воеводъ «Святой Руси, истребленныхъ тобою. «Король съ малыми тысячами, единственно «мужествомъ его сильными, въ твоемъ «Государствѣ, беретъ области и твердыни, нѣкогда нами взятыя, нами укрѣпленныя; а ты съ войскомъ многочисленнымъ сидишь, укрываешься за лѣсами, или бѣжишь, никѣмъ не гонимый, кромѣ совѣсти, обличающей тебя въ беззаконіяхъ. Вотъ плоды наставленія, даннаго тебѣ Лжесвятителемъ «Вассіаномъ ([531])! Единъ царствуешь безъ «*мудрыхъ* совѣтниковъ; единъ воюешь «безъ *гордыхъ* Воеводъ — и что же? «вмѣсто любви и благословеній народныхъ, нѣкогда сладостныхъ твоему сердцу, стяжалъ ненависть и проклятія всемірныя; вмѣсто славы ратной стыдомъ упиваешься: ибо нѣтъ добраго «царствованія безъ добрыхъ Вельможъ, «и несмѣтное войско безъ искуснаго Полководца есть стадо овецъ, разгоняемое «шумомъ вѣтра и паденіемъ древесныхъ «листьевъ. Ласкатели не Синклиты, и карлы, увѣчные духомъ, не суть Воеводы. Не «явно ли совершился судъ Божій надъ тираномъ? Се глады и язва, мечь варваровъ, «пепелъ столицы и — что всего ужаснѣе —

Письмо Курбскаго.

«позоръ, позоръ для Вѣнценосца, нѣкогда столь «знаменитаго! Того ли мы хотѣли, то ли готови-«ли ревностною, кровавою службою нашему древ-«нему отечеству?» . . . . Письмо заключалось хвалою доблести Стефановой, предсказаніемъ близкой гибели всего Царскаго Дому и словами: «кладу перстъ на уста, изумляюся и плачу!». . . . Движимый ненавистію къ Іоанну, Курбскій могъ оправдывать себя умомъ, но не въ совѣсти, которая тревожила его до конца жизни; владѣя городами и селами въ Волыніи (532), ни въ богатствѣ, ни въ знатности не находилъ успокоенія; женился тамъ на Княгинѣ Дубровицкой, но не любилъ ее; искалъ утѣшенія въ дружествѣ и въ ученіи; зная языкъ Латинскій, переводилъ Цицерона; описалъ славное взятіе Казани, войну Ливонскую, мучительства Іоанна; пережилъ его, и въ старости еще тосковалъ о Россіи, съ чувствомъ называя оную своимъ *любимымъ отечествомъ*. Мракъ неизвѣстности сокрылъ последніе дни и могилу мужа ознаменованнаго славою ратныхъ дѣлъ, ума, краснорѣчія — и безславіемъ преступленія!

Іоаннъ уже не отвѣчалъ Курбскому: ибо не могъ ничѣмъ хвалиться, ни грозить въ тогдашнихъ обстоятельствахъ и въ расположеніи своего духа. Онъ написалъ въ Москву къ Государственному Дьяку, Андрею Щелкалову, что должно объявить успѣхи непріятеля жителямъ ея хладнокровно и спокойно. Созвавъ гражданъ, умный Дьякъ сказалъ имъ: «Добрые

«нюди! знайте, что Король взялъ Полоцкъ и «сжегъ Соколъ: вѣсть печальная; но благоразуміе требуетъ отъ насъ твердости. Нѣтъ постоянства въ свѣтѣ; счастіе измѣняетъ и великимъ Государямъ. Полоцкъ въ рукахъ у Стефана: вся Ливонія въ нашихъ. Пали нѣкоторые «Россіяне: пало гораздо болѣе Литовцевъ. Утѣшимся въ малой несгодѣ воспоминаніемъ столь «многихъ побѣдъ и завоеваній Царя православнаго» (333)! Удостовѣренный въ тишинѣ, въ спокойствіи Москвы, Іоаннъ велѣлъ Боярамъ написать къ Литовской Думѣ, что онъ мыслилъ немедленно итти на Короля, но что совѣтники Государственные, жалѣя слезъ Христіанскихъ, умолили его, хотя и не безъ великаго труда, остановить всѣ непріятельскія дѣйствія; что Стефанъ докажетъ свою истинную любовь къ человѣчеству и справедливости, если, унявъ кровопролитіе, вступитъ съ Царемъ въ переговоры о вѣчномъ мирѣ, *о родствѣ* и дружбѣ искренней. Съ такою миролюбивою грамотою послали гонца въ Вильну (334). Самъ Баторій прислалъ чиновника къ Іоанну, но съ письмомъ весьма грубымъ, объявляя, что воюетъ за Ливонію, для обузданія его безразсуднаго властолюбія, и требуя, чтобы Лопатинскій, не выпускаемый изъ Дорогобужа, былъ освобожденъ согласно съ Народнымъ Правомъ. Сей гонецъ непріятельскій обѣдалъ у Царя въ Новѣгородѣ, угощаемый какъ бы Вельможа дружественной Державы: чего дотолѣ не бывало. «Не хочу» (отвѣт-

ствовалъ Іоаннъ Королю) «возражать на «упреки: ибо хочу быть въ братствѣ съ то- «бою. Даю *опасную грамоту* для твоихъ По- «словъ, коихъ ожидаю съ доброжелатель- «ствомъ. Между тѣмъ да будетъ тишина «въ Ливоніи и на всѣхъ границахъ! А въ «залогъ мира отпусти плѣнниковъ Россій- «скихъ, на обмѣнъ или выкупъ.» То же писалъ Іоаннъ и съ Лопатинскимъ, немед- ленно освобожденнымъ, и съ новымъ гон- цемъ, посланнымъ къ Королю; нѣсколько мѣсяцевъ занимался спорами Воеводъ сво- ихъ о первенствѣ ([535]) и не думалъ итти на Стефана, будучи доволенъ нѣкоторыми успѣхами нашей оборонительной системы въ Ливоніи, гдѣ Россіяне, въ жаркой схваткѣ, плѣнили наконецъ славнаго раз- бойника, Аннибала (послѣ казненнаго во Псковѣ), мужественно отразили Шведовъ отъ Нарвы и гнали ихъ до Ревеля ([536]). Симъ заключился 1579 годъ. Царь уже былъ въ Москвѣ, и не праздно.

г. 1580. Въ Генварѣ 1580 года онъ созвалъ знаменитѣйшее Духовенство въ столицу: Архіепископа Александра Новогородскаго, Іеремію Казанскаго, Давида Ростовскаго, всѣхъ Епископовъ, Архимандритовъ, Игу- меновъ, славнѣйшихъ умомъ или благоче- стіемъ Иноковъ; торжественно обявилъ имъ, что Церковь и Православіе въ опасно- сти; что безчисленные враги возстали на

Соборъ въ Москвѣ.

Россію; что съ одной стороны невѣрные Турки, Ханъ, Ногаи, — съ другой Литва, Польша, Венгры, Нѣмцы, Шведы какъ дикіе звѣри разинули челюсти, дабы поглотить насъ; что онъ съ сыномъ своимъ, съ Вельможами и Воеводами бодрствуетъ день и ночь для спасенія Державы, но что Духовенство обязано содѣйствовать имъ въ семъ великомъ подвигѣ; что мы, имѣя людей, не имѣемъ казны достаточной; что войско скудѣетъ и нуждается, а монастыри богатѣютъ; что Государь требуетъ жертвы отъ Духовенства, и что Всевышній благословитъ его усердіе къ отечеству. Предложеніе было важно и затруднительно. Великій дѣдъ Іоанновъ хотѣлъ коснуться церковнаго достоянія, но оставилъ сію мысль, встрѣченный сильнымъ прекословіемъ Святителей: внукъ умѣрилъ требованія, и Соборъ приговорилъ грамотою, что земли и села *Княжескія*, когда либо отказанныя Митрополитамъ, Епископамъ, монастырямъ и церквамъ, или купленныя ими, оттолѣ будутъ Государевыми, а всѣ другія остаются навѣки ихъ неотъемлемымъ достояніемъ; что впредь они уже не должны присвоивать себѣ имѣній недвижимыхъ, ни добровольною уступкою, ни куплею, и что *заложенныя* имъ земли также отдаются въ казну (537). — Симъ легкимъ способомъ умноживъ владѣнія и доходы государственные, Іоаннъ непрестанно умножалъ и войско (538): чиновники ѣздили изъ области въ область съ списками Дѣтей Боярскихъ;

отыскивали всѣхъ, кто укрывался или бѣгалъ отъ службы; наказывали ихъ тѣлесно и за порукою отсылали во Псковъ или Новгородъ, гдѣ стояла главная рать, упуская благопріятное время дѣйствовать наступательно: ибо Россіяне любили всегда выходить въ поле, когда другіе уходили въ домы отъ ненастья и морозовъ.

Хотя Баторій не мыслилъ дать намъ перемирія, но осень и зима остановили его блестящіе успѣхи. Наемники требовали денегъ, свои отдохновенія. Расположивъ войско въ привольныхъ мѣстахъ близъ границы, онъ спѣшилъ въ Вильну и на Сеймъ въ Варшаву, готовить новыя средства побѣды, наслаждаться славою, испытать, устыдить неблагодарность и все одолѣть, чтобы достигнуть цѣли. Въ Вильнѣ граждане и Дворянство встрѣтили его съ громогласными благословеніями, а въ Варшавѣ многіе Паны съ мрачными лицами и съ ропотомъ неудовольствія — тѣ, которые любили законную и беззаконную власть свою болѣе отечества, разслабленнаго ихъ своевольствомъ, нѣгою, корыстолюбіемъ. Великихъ мужей славятъ и злословятъ: устрашенные сильною волею, сильными мѣрами Короля, Паны жаловались на его самовластіе и довѣренность къ чужеземцамъ; распускали слухъ, что онъ воюетъ только для вида, налогами тяготитъ землю и мыслитъ тайно уѣхать въ Трансильванію съ богатою казною Королевскою. Дѣйствіемъ сей клеветы могъ быть

отказъ въ государственныхъ пособіяхъ, необходимыхъ для войны. Баторій предсталъ Сейму: клевета умолкла. Сказалъ, что сдѣлалъ и сдѣлаетъ: единодушно, единогласно одобрили всѣ его предложенія; уставили новые налоги, велѣли собирать новое войско (539).....

А Царь домогался мира. Когда гонцы наши возвратились съ отвѣтомъ, что Король не хочетъ и слышать о Посольствѣ въ Москву, готовый единственно изъ снисхожденія принять Іоанново въ своей столицѣ, если мы дѣйствительно расположены къ умѣренности и договорамъ честнымъ; что плѣнниковъ не отпускаютъ во время кровопролитія; что они въ землѣ Христіанской, слѣдственно въ безопасности и не въ утѣсненіи: тогда Іоаннъ вторично написалъ къ Стефану письмо дружелюбное. «Въ Московскихъ «перемирныхъ грамотахъ» (говорилъ онъ) «были «слова *разныя*, внесенныя въ нихъ съ вѣдома и «согласія твоихъ Пословъ. Ты могъ отвергнуть «сей договоръ; но для чего же укоряешь насъ «обманомъ? Для чего безъ дѣла выслалъ «нашихъ Пословъ изъ Кракова, и столь «грубо, и писалъ къ намъ въ выраженіяхъ «столь язвительныхъ? Забудемъ слова гнѣв-«ныя, вражду и злобу. Не въ Литвѣ и не «въ Польшѣ, а въ Москвѣ издревле заключа-«лись договоры между сими Державами и Рос-«сіею. Не требуй же новаго! Здѣсь мои Бояре съ «твоими Уполномоченными рѣшатъ всѣ затруд-«ненія къ обоюдному удовольствію Государствъ

«нашихъ» (840). Но гонецъ Московскій, въ случаѣ упрямства и явной готовности Баторіевой къ возобновленію непріятельскихъ дѣйствій, долженъ былъ тайно сказать ему, что Царь согласенъ прислать Бояръ своихъ въ Вильну или въ Варшаву. — Уничиженіе безполезное: Король отвѣтствовалъ, что дастъ Іоанну пять недѣль сроку и будетъ ждать Пословъ нашихъ въ мирномъ бездѣйствіи, хотя войско его готово вступить въ Россію, пылая нетерпѣніемъ мужества. Уже знатные сановники Царскіе, Стольникъ Князь Иванъ Сицкій, Думный Дворянинъ Пивовъ и Дьякъ Петелинъ ѣхали въ Вильну, когда узнали въ Москвѣ, что Баторій съ войскомъ въ предѣлахъ Россіи. «Назначенный срокъ ми-
Августъ. нулъ,» писалъ онъ къ Царю: «ты долженъ отдать Литвѣ Новгородъ, Псковъ, «Луки, со всѣми областями Витебскими «и Полоцкими, также всю Ливонію, если «желаешь мира.»

Посольство къ Императору и къ Папѣ. Сіе нападеніе казалось Іоанну вѣроломствомъ: по крайней мѣрѣ онъ не чаялъ его въ концѣ лѣта, совѣтовался съ Боярами и спѣшилъ отправить гонца (Шевригина) къ Императору, даже къ Папѣ съ убѣжденіемъ, чтобы они вступились за насъ; въ грамотѣ къ первому доказывалъ, что Стефанъ воюетъ Россію за ея тѣсную дружбу съ Максиміаномъ;

требовалъ, чтобы Рудольфъ исполнилъ свое обѣщаніе и прислалъ Уполномоченныхъ въ Москву для возобновленія союза противъ общихъ враговъ; жаловался Папѣ на злобу и вѣроломство Баторіево; предлагалъ ему усовѣстить, отвести его отъ ненавистной связи съ Турками; увѣрялъ, что ревностно желаетъ вмѣстѣ со всѣми Европейскими Государями ополчиться на Султана и быть для того въ непрестанныхъ, дружественныхъ сношеніяхъ съ Римомъ (511). Имѣя силу въ рукахъ, но робость въ душѣ, Іоаннъ унижался исканіемъ чуждаго, отдаленнаго вспоможенія, ненужнаго и невѣроятнаго. Онъ не думалъ самъ выступить въ поле; расположилъ войско единственно для обороны, и не зная, куда устремится Баторій, направлялъ полки къ Новугороду и Пскову, Кокенгузену и Смоленску (512); занялъ и берега Оки близъ Серпухова, опасаясь Хана. Сія неизвѣстность продолжалась около двухъ или трехъ недѣль, и Баторій опять явился тамъ, гдѣ его не ожидали.

Историкъ Стефановъ съ пышнымъ краснорѣчіемъ описываетъ устройство, ревность войска, одушевленнаго Геніемъ начальника. Конницею предводительствовали Сенаторы и лучшіе Воеводы; многіе изъ знатныхъ чиновниковъ, гражданскихъ и придворныхъ, служили въ ней наряду съ простыми всадниками. Большая часть пѣхоты, новаго набора, еще не видала огня: Нѣмецкіе и Седмиградскіе опытные воины со-

ставляли ея твердую основу, и между ими отличался бодростію измѣнникъ нашъ, Датскій Полковникъ, Георгій Фаренсбахъ, который зналъ силу и слабость Россіянъ, бывъ предводителемъ Іоанновой Ливонской дружины. Непріятель шелъ болотами и лѣсами дикими, гдѣ 150 лѣтъ не ходило войско; гдѣ только Витовтъ въ 1428 году умѣлъ открыть себѣ путь къ областямъ Новогородскимъ, и гдѣ нѣкоторыя мѣста еще назывались его именемъ. Баторій, подобно Витовту, просѣкалъ лѣса, дѣлалъ гати, мосты, плоты; сражался съ трудностями, терпѣлъ недостатокъ; вышелъ къ Велижу, къ Усвяту; взялъ ту и другую крѣпость, наполненныя запасами, и разбивъ легкій отрядъ нашей конницы, приступилъ, въ исходѣ Августа къ Великимъ Лукамъ ([543]). Сей городъ, красивый мѣстоположеніемъ, богатый и торговый, ключь древнихъ южныхъ владѣній Новогородской Державы, обѣщалъ знатную добычу корыстолюбивому войску, близостію своею къ Витебску и другимъ Литовскимъ крѣпостямъ представляя удобность для осады. Тамъ находилось тысячь шесть или семь Россіянъ; но въ Торопцѣ стоялъ Воевода Князь Хилковъ съ полками, довольно многочисленными. Были вылазки смѣлыя, иногда и счастливыя; въ одной изъ нихъ осажденные взяли знамя Королевское ([544]). Хилковъ, избѣгая общаго сраженія, вездѣ стерегъ Литовцевъ, хваталъ ихъ въ разъѣздахъ, истреблялъ цѣлыми толпами, и ждалъ другихъ Воеводъ, изъ Смоленска, Пскова, Новагорода.

Въ сіе время, когда надлежало возстать Россіи и подавить дерзкаго Баторія, спѣшили къ нему въ станъ Уполномоченные Іоанновы, Князь Сицкій и Пивовъ, для унизительныхъ договоровъ. Стефанъ принялъ ихъ въ шатрѣ, величаво, надменно; сидѣлъ въ шапкѣ, когда они ему *кланялись* отъ Царя; не хотѣлъ сказать имъ учтиваго слова. Послы требовали, чтобы Король немедленно снялъ осаду: вмѣсто отвѣта загремѣли пушки Литовскія. Тутъ Послы изъявили снисхожденіе: сказали, что еще въ первый разъ Московскій Государь начинаетъ переговоры съ Литвою внѣ Москвы; что онъ будетъ именовать Стефана *братомъ*, если Король возвратитъ намъ Полоцкъ; соглашались не требовать и Полоцка; уступали Курляндію и двадцать-четыре города въ самой Ливоніи. Но Стефанъ хотѣлъ всѣхъ областей Ливонскихъ, даже Великихъ Лукъ, Смоленска, Пскова, Новагорода. Тутъ Сицкій и Пивовъ, объявивъ, что уже не могутъ уступить ничего болѣе, потребовали отпуска или дозволенія писать къ Іоанну. Отправили гонца въ Москву — и въ тотъ же день, Сентября 5, отъ взрыва башни, наполненной порохомъ, взлетѣла на воздухъ часть крѣпости (515); огонь довершилъ разрушеніе стѣнъ, а мечь непріятельскій гибель Россіянъ: Король взялъ пепелище, омоченное ихъ кровію, покры- Завоеваніе Великихъ Лукъ.

тое истерзанными тѣлами и членами. Велѣвъ немедленно возстановить укрѣпленія сего важнаго мѣста, онъ напалъ на Хилкова близъ Торопца и разбилъ его. Въ семъ жаркомъ дѣлѣ плѣнили сановника Царскаго, Григорья Нащокина, употребляемаго въ Посольствахъ, Думнаго Дворянина Черемисинова, любимца Іоаннова, и 200 Дѣтей Боярскихъ (546). Въ то же время Литовскій Вельможа, Филонъ Кмита, съ девятью тысячами всадниковъ приближился къ Смоленску, въ надеждѣ сжечь его предмѣстія; но встрѣченный въ полѣ тамошними храбрыми начальниками, Даниломъ Ногтевымъ и Княземъ Ѳедоромъ Мосальскимъ, бѣжалъ, кинувъ знамена, обозъ и 60 легкихъ пушекъ (547). Сіи единственные наши трофеи, вмѣстѣ съ тремя стами осьмидесятью взятыми плѣнниками, были посланы въ Москву: за что Іоаннъ наградилъ Воеводъ золотыми медалями. Еще Баторій, не смотря на глубокую осень, усильно продолжалъ войну. Невель, Озерище ему сдалися. Заволочье, крѣпостію мѣста и мужествомъ Воеводы Сабурова, держалось и стоило непріятелю дорого; наконецъ также сдалося, и Баторій выпустилъ оттуда Россіянъ съ честію (548). Симъ заключился его походъ. Войско изнемогало отъ трудовъ и недуговъ; самъ Король лежалъ больной въ Полоцкѣ — и еще съ блѣднымъ лицемъ явился на Сеймѣ Варшавскомъ, дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ. «Ра«дуйтесь побѣдѣ,» говорилъ онъ Панамъ: «но «сего не довольно: умѣйте пользоваться ею.

«Судьба предаетъ вамъ, кажется, все Государство Московское: смѣлость и надежда «руководствуютъ къ великому. Хотите ли «быть умѣренными? возьмите по крайней «мѣрѣ Ливонію, которая есть главная цѣль «войны, и присоединенная навѣки къ Имперіи Ляховъ, останется для потомства «знаменитымъ памятникомъ вашего мужества. Дотолѣ нѣтъ для насъ мира [549]!» Требуя новаго вспоможенія людьми и деньгами, Король жаловался Панамъ, что они не даютъ ему способовъ вести войну непрерывно; что время теряется для него въ переѣздахъ и шумныхъ прѣніяхъ Сейма, а войско слабѣетъ духомъ въ праздности и Россія отдыхаетъ. Баторій дѣйствительно тратилъ время; но Литовскіе Воеводы и зимою еще тревожили Россію: внезапнымъ набѣгомъ взяли Холмъ, выжгли Старую Русу, обогатились въ ней добычею [550]; въ Ливоніи взяли Шмильтенъ; опустошили, вмѣстѣ съ измѣнникомъ Магнусомъ, часть Деритскихъ и самыхъ Псковскихъ владѣній. Съ другой стороны показались и Шведы: завоевали Кексгольмъ, осадили Падисъ, гдѣ малочисленные Россіяне, томимые голодомъ, ѣли собакъ, кошекъ, даже мертвыя тѣла младенцевъ, но застрѣлили Шведскаго чиновника, предлагавшаго имъ сдать крѣпость. Тамъ, съ горстію отчаянныхъ, сидѣлъ Воевода старецъ, Да-

Бѣдствія Россіи.

нило Чихачевъ. Шведы, овладѣвъ замкомъ, нашли въ немъ не людей, а тѣни: умертвили всѣхъ, кромѣ одного молодаго сановника, Князя Михайла Сицкаго (551). Въ теченіе зимы они взяли на договоръ и Везенбергъ, гдѣ находилось около тысячи Стрѣльцевъ Московскихъ, которые вышли оттуда съ одними деревянными иконами.

Россія казалась слабою, почти безоружною, имѣя до осьмидесяти становъ воинскихъ или крѣпостей, наполненныхъ снарядами и людьми ратными — имѣя сверхъ того многочисленныя воинства полевыя, готовыя устремиться на битву! Зрѣлище удивительное, навѣки достопамятное для самаго отдаленнѣйшаго потомства, для всѣхъ народовъ и Властителей земли; разительное доказательство, сколь тиранство унижаетъ душу, ослѣпляетъ умъ привидѣніями страха, мертвитъ силы и въ Государѣ и въ Государствѣ! Не измѣнилисьРоссіяне, но Царь измѣнилъ имъ! Укрываясь въ Слободѣ Александровской, онъ написалъ къ главнымъ Воеводамъ во Ржевъ или въ Вязьму, къ Великому Князю Тверскому, Симеону Бекбулатовичу, и Князю Ивану Мстиславскому: «Промышляйте дѣломъ Государевымъ и земскимъ, какъ Всевышній вразумитъ васъ, и какъ «лучше для безопасности Россіи. Все упованіе мое «возлагаю на Бога и на ваше усердіе (552).» Воеводы, смятенные нерѣшительностію Царя, сами опасались дѣйствовать рѣшительно; посылали отряды для наблюденія, для защиты границъ, и только однажды дерзнули вступить въ непріятельскую

землю: Князья Михайло Катыревъ Ростовскій, Дмитрій Хворостининъ, Щербатой, Туренинъ, Бутурлинъ, соединясь въ Можайскѣ, ходили къ Дубровнѣ, Оршѣ, Шклову, Могилеву, Радомлю; выжгли Уѣзды и посады сихъ городовъ; разбили Литовцевъ подъ стѣнами Шклова (гдѣ въ самыхъ воротахъ палъ мужественный Бутурлинъ), и привели въ Смоленскъ множество плѣнниковъ (563). Іоаннъ далъ имъ золотыя медали, но не ободрился въ духѣ, какъ увидимъ.

Въ то время, когда Герой Баторій въ излишней надменности обѣщалъ Вельможнымъ Панамъ всю Россію, Царь ея праздновалъ свадьбы: женилъ втораго сына своего, Θеодора, на сестрѣ знаменитаго Бориса Годунова, Иринѣ, и самъ женился, въ шестый или въ седьмый разъ (554), безъ всякаго церковнаго разрѣшенія, на дѣвицѣ Маріи, дочери сановника Θедора Θедоровича Нагаго: два брака ужасные своими неожиданными слѣдствіями для Россіи, вина и начало злу долговременному! Уже Годуновъ, возведенный тогда на степень Боярства, усматривалъ, можетъ быть, вдали, неясно, смѣлую цѣль его властолюбія, дотолѣ безпримѣрнаго въ нашей Исторіи! Какъ любимецъ Государевъ онъ могъ завидовать только Богдану Яковлевичу Бѣльскому, Оружничему, ближнему слугѣ, днемъ и ночью неотходному хранителю особы Іоанновой;

Седьмое супружество Іоанново.

какъ шуринъ Царевича дѣлился уваженіемъ и честію съ Царскими свойственниками, съ Княземъ Иваномъ Михайловичемъ Глинскимъ и съ Нагими, коими вдругъ наполнился дворецъ Іоанновъ; какъ Думный Совѣтникъ видѣлъ еще многихъ старѣйшихъ Бояръ, Мстиславскихъ, Шуйскихъ, Трубецкихъ, Голицыныхъ, Юрьевыхъ, Сабуровыхъ, но ни единаго равнаго ему въ умѣ государственномъ. На сихъ двухъ роковыхъ свадьбахъ, празднуемыхъ Іоанномъ только съ людьми ближними, въ Слободѣ Александровской, во дни горестные для отечества, подъ личиною усердныхъ слугъ и льстецовъ скрывались два будущіе Царя и третій гнусный предатель Россіи: Годуновъ былъ Дружкою Маріи, Князь Василій Ивановичь Шуйскій Іоанновымъ, Михайло Михайловичь Кривой Салтыковъ чиновникомъ поѣзда! Съ ними же пировалъ и другой, менѣе важный, хотя и равно презрительный измѣнникъ, свойственникъ Малюты Скуратова, Давидъ Бѣльскій, который чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ бѣжалъ къ Стефану. Не знаемъ ни опалъ, ни казней сего времени, кромѣ одной, весьма достопамятной, и всѣми одобренной. Мы упоминали о Медикѣ Бомеліи, ненавистномъ совѣтникѣ убійствъ: не за долго до бракосочетанія Іоаннова съ Нагою онъ былъ всенародно сожженъ въ Москвѣ, уличенный въ тайной связи съ Баторіемъ (838). Другіе пишутъ, что Россіяне, выведенные изъ терпѣнія злобою сего наушника Царскаго, искали и нашли способъ погубить его; что онъ, клеветою губивъ

невинныхъ, сдѣлался жертвою навѣта, ко славѣ Небеснаго правосудія. Можетъ быть, доносы, ложные или справедливые, коснулись тогда и Бѣльскаго; можетъ быть, подобно Курбскому, онъ ушелъ невиннымъ, но оказался преступникомъ, ибо началъ давать совѣты Баторію ко вреду Россіи ([536]).

Изъ сей несчастной Александровской Слободы (гдѣ тиранъ обыкновенно свирѣпствовалъ или пировалъ, ужасалъ вѣрныхъ подданныхъ или трепеталъ враговъ отечества) Царь, свѣдавъ о паденіи Великихъ Лукъ, далъ новый наказъ Сицкому и Пивову, которые въ слѣдъ за Баторіемъ ѣздили изъ мѣста въ мѣсто, будучи смиренными, жалкими свидѣтелями торжества его ([537]). Въ Варшавѣ они уступали ему еще нѣсколько г. 1581. областей Ливонскихъ за взятые имъ города Россійскіе, убѣждая Стефана отправить Пословъ въ Москву для мирныхъ условій и прекратить войну; но имъ велѣно было ѣхать къ Царю съ отвѣтомъ: «не будетъ ни «Посольства, ни мира, ни перемирія, доко- «лѣ войско Россійское не очиститъ Ливо- «ніи!» Болѣе и болѣе снисходительный, Іоаннъ въ ласковомъ письмѣ именовалъ Стефана *братомъ;* жаловался, что Литовцы не престаютъ тревожить Россіи нападеніями; молилъ его не собирать войска къ лѣту, не истощать тѣмъ казны государственной — и немедленно послалъ къ

нему Думныхъ Дворянъ, Пушкина и Писемскаго, велѣвъ имъ не только быть смиренными, кроткими въ переговорахъ, но даже (неслыханное уничиженіе!) терпѣть и побои (338)! Такъ Іоаннъ пилъ чашу стыда, имъ, не Россіею заслуженнаго! Новая уступчивость производила новыя требованія: Баторій, кромѣ всей Ливоніи, хотѣлъ городовъ Сѣверскихъ, Смоленска, Пскова, Новагорода, — по крайней мѣрѣ Себежа; хотѣлъ еще взять съ Россіи 400 *тысячь золотыхъ Венгерскихъ*, и прислалъ гонца въ Москву за рѣшительнымъ отвѣтомъ! Наконецъ Іоаннъ изъявилъ досаду: принимая гонца Литовскаго, не всталъ съ мѣста, не спросилъ о здоровьѣ Короля, и написалъ къ Стефану (339): «Мы, смиренный Государь всея Россіи, *Божіею, а не человѣческою многомятежную волею* .... Когда «Польша и Литва имѣли также Вѣнценосцевъ наслѣдственныхъ, законныхъ, они «ужасались кровопролитія; нынѣ нѣтъ у «васъ Христіанства! Ни Ольгердъ, ни Витовтъ не нарушали перемирія; а ты, заключивъ его въ Москвѣ, кинулся на Россію съ нашими злодѣями, Курбскимъ и «другими; взялъ Полоцкъ измѣною, и торжественнымъ Манифестомъ обольщаешь «народъ мой, да измѣнитъ Царю, совѣсти и «Богу! Воюешь не мечемъ, а предательствомъ — и съ какимъ лютымъ звѣр-

Неслыханное уничиженіе.

Письмо къ Баторію.

«ствомъ! Воины твои рѣжутъ мерт-«выхъ ([560])…. Наши Послы ѣдутъ къ тебѣ «съ мирнымъ словомъ, а ты жжешь Луки «калеными ядрами (изобрѣтеніемъ новымъ, «безчеловѣчнымъ); они говорятъ съ тобою «о дружбѣ и любви, а ты губишь, истре-«бляешь! Какъ Христіанинъ я могъ бы от-«дать тебѣ Ливонію; но будешь ли доволенъ «ею? Слышу, что ты клялся Вельможамъ «присоединить къ Литвѣ всѣ завоеванія «моего отца и дѣда. Какъ намъ согласить-«ся? Хочу мира, хочешь убійства; уступаю, «требуешь болѣе, и неслыханнаго: тре-«буешь отъ меня золота за то, что ты без-«законно, безсовѣстно разоряешь мою зем-«лю!… Мужъ кровей! вспомни Бога!» Но Іоаннъ, не смотря на досаду свою, еще уступалъ Литвѣ всѣ завоеванныя Баторіемъ крѣпости Россійскія, желая единственно удержать восточную Эстонію и Ливонію, Нарву, Вейсенштейнъ, Дерптъ, и на такомъ условіи заключить семилѣтнее перемиріе. Отвѣтомъ на сію грамоту было *третіе* выступленіе Баторіево въ поле и письмо исполненное язвительныхъ укоризнъ, равно плодовитое и непристойное для Вѣнценосца ([561]). «Хва-«литься своимъ наслѣдственнымъ Государ-«ствомъ,» писалъ Стефанъ: «не завидую те-«бѣ, ибо думаю, что лучше достоинствомъ «пріобрѣсти корону, нежели родиться на «тронѣ отъ Глинской, дочери Сигизмундова

Отвѣтъ Баторіевъ.

«предателя. Упрекаешь меня терзаніемъ *мертвыхъ:* я не терзалъ ихъ; а ты мучишь *живыхъ:* «что хуже? Осуждаешь мое вѣроломство мни-«мое, ты, сочинитель подложныхъ договоровъ, «измѣняемыхъ въ смыслѣ обманомъ и тайнымъ «прибавленіемъ словъ, угодныхъ единственно «твоему безумному властолюбію! Называешь из-«мѣнниками Воеводъ своихъ, честныхъ плѣнни-«ковъ, коихъ мы должны были отпустить къ «тебѣ, ибо они вѣрны отечеству! Беремъ земли «доблестію воинскою, и не имѣемъ нужды въ «услугѣ твоихъ мнимыхъ предателей. Гдѣ же «ты, *Богъ* земли Русской, какъ велишь имено-«вать себя рабамъ несчастнымъ? Еще не видали «мы лица твоего, ни сей *крестоносной* хоругви, «коею хвалишься, ужасая *крестами* своими не «враговъ, а только бѣдныхъ Россіянъ. Жа-«лѣешь ли крови Христіанской? назначь время «и мѣсто; явися на конѣ, и единъ сразися со «мною единымъ, да праваго увѣнчаетъ Богъ «побѣдою!» Не соглашаясь оставить за Россіею ни пяди земли въ Ливоніи, Баторій не хотѣлъ далѣе говорить съ нашими Послами, выгналъ ихъ изъ своего ратнаго стана (802), и съ насмѣшкою прислалъ къ Іоанну изданныя въ Германіи на Латинскомъ языкѣ книги о Россійскихъ Князьяхъ и собственномъ его царствованіи, въ доказательство (какъ онъ изъяснялся), что древніе Государи Московскіе были не Августовы родственники, а данники Хановъ Перекопскихъ; совѣтовалъ ему также читать пятидесятый Иса-

ломъ Давидовъ и Христіански узнать самого себя. Сію бранную Стефанову грамоту подалъ Іоанну гонецъ Литовскій: Царь, выслушавъ оную, тихо сказалъ ему: «мы будемъ отвѣчать «*брату* нашему, Королю Стефану,» и вставъ съ мѣста, примолвилъ учтиво: «кланяйся отъ «насъ своему Государю!» То есть, Іоаннъ, приведенный въ новый страхъ движеніемъ Литовскаго войска, хотѣлъ снова искать мира, въ надеждѣ на важнаго посредника, который тогда явился между имъ и Баторіемъ.

Гонецъ Московскій, Шевригинъ, посланный въ Вѣну и въ Римъ, возвратился. Слабый, безпечный Рудольфъ (563) отвѣтствовалъ, что онъ не можетъ ничего сдѣлать безъ вѣдома Князей Имперскихъ: что его Вельможи, коимъ надлежало ѣхать въ Москву для заключенія союза, или умерли или больны. Но Папа, славный ревностію къ успѣхамъ Латинской Вѣры — тотъ который освѣтилъ Римъ потѣшными огнями, свѣдавъ о злодѣйствахъ Варѳоломеевской ночи во Франціи — Григорій XIII изъявилъ живѣйшее удовольствіе, видя, какъ онъ думалъ, случай присоединить Россію къ своей обширной паствѣ. Еще въ 1576 году Григорій хотѣлъ послать въ Москву одного Священника, именемъ Рудольфа Кленхена, знавшаго обычаи и языкъ Россіи, съ письменнымъ наставленіемъ, весьма умнымъ и хитрымъ, въ коемъ сказано (для объявленія Царскимъ Вельможамъ), что Папа, много слышавъ о силѣ, завоеваніяхъ, геройствѣ,

мудрости, благочестія и всѣхъ великихъ свойствахъ Іоанновыхъ, равно удивительныхъ и любезныхъ, исполняетъ наконецъ свое давнишнее ревностное желаніе изъявить столь необыкновенному Вѣнценосцу сердечную пріязнь и надежду, что ему угодно будетъ смирить ненавистниковъ Христіанства, Оттомановъ, и возстановить цѣлость Святой Вѣры на земномъ шарѣ (364). Вѣроятно, что сію мысль внушилъ Григорію Посолъ Императорскій, Кобенцель: ибо онъ славилъ въ Европѣ не только могущество, но и мнимое доброжелательство Россіянъ къ Латинской Церкви, говоря въ донесеніи къ Вѣнскому Министерству: «Несправедливо считаютъ ихъ врагами на-«шей Вѣры; такъ могло быть прежде: нынѣ «же Россіяне любятъ бесѣдовать о Римѣ; «желаютъ его видѣть; знаютъ, что въ немъ «страдали и лежатъ великіе Мученики Хри-«стіанства, ими еще болѣе, нежели нами «уважаемые; знаютъ, лучше многихъ Нѣм-«цевъ и Французовъ, святость Лоретты; не «усомнились даже вести меня къ образу Ни-«колая Чудотворца, главной Святынѣ сего «народа, слыша, что я древняго Закона, а не «Лютерова, для нихъ ненавистнаго» (365). Но Кленхевъ, кажется, не былъ въ Москвѣ: наставленіе, ему данное, осталось только въ Римскихъ Архивахъ. Ласково принявъ Шевригина, одаривъ его золотыми цѣпями и

бархатными ферезями, Папа велѣлъ славному Богослову, Іезуиту Антонію Поссевину, ѣхать къ Баторію и въ Москву для примиренія воюющихъ Державъ. Антоній нашелъ Короля въ Вильнѣ. «Государь Московскій» (сказалъ Баторій Іезуиту) «хочетъ обмануть Св. Отца; видя грозу надъ «собою, радъ все обѣщать: и соединеніе «Вѣръ и войну съ Турками; но меня не «обманетъ. Иди и дѣйствуй: не противлюсь; знаю только, что для выгоднаго и «честнаго мира надобно воевать: мы будемъ имѣть его; даю слово» (566). И миротворецъ Антоній, благословивъ Короля на дѣла достойныя Героя и Христіанина, поѣхалъ къ Царю; а Баторій, въ слѣдъ за нимъ, со всѣмъ войскомъ, вновь усиленнымъ, быстро двинулся ко Пскову, въ Августѣ мѣсяцѣ.

Посольство отъ Папы.

Сіе нападеніе уже не было нечаяннымъ: Іоаннъ ожидалъ его и ввѣрилъ защиту Пскова Воеводамъ надежнымъ: Боярамъ Князьямъ Шуйскимъ, Ивану Петровичу и Василію Ѳедоровичу (Скопину), Никитѣ Ивановичу Очину-Плещееву, Князю Андрею Хворостинину, Бахтеярову, Ростовскому-Лобанову; далъ имъ письменный наказъ, и въ храмѣ Успенія, предъ Владимірскою иконою Богоматери, взялъ съ нихъ торжественную присягу, что они не сдадутъ города Баторію до своей смерти (567).

Славная осада Пскова.

Воеводы такою же клятвою обязали и Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцевъ, гражданъ Псковскихъ, *старыхъ* и *малыхъ;* всѣ цѣловали крестъ въ восторгѣ любви къ отечеству, взывая: «умремъ, но не сдадимся!» Ихъ было тридцать тысячь ([568]). Исправили ветхія укрѣпленія; разставили пушки, ручницы, пищали; назначили мѣста, гдѣ быть каждому Воеводѣ съ своею особенною дружиною для обороны Кремля, города Средняго и Большаго, Запсковья и такъ называемой *Окольней* или внѣшней стѣны, на пространствѣ семи или осьми верстъ. Царь непрестанно писалъ къ сановникамъ и войску, чтобы они помнили клятву и должность. Тоже писалъ къ нимъ и Новогородскій Владыка Александръ. Игуменъ Печерскій, добродѣтельный Тихонъ, оставивъ свою Обитель, явился на ѳеатрѣ будущаго кровопролитія, чтобы увѣщаніями и молитвою служить отечеству. Все изготовилось принять Баторія, съ тѣмъ великодушіемъ, коего онъ не любилъ въ Россіянахъ, но коему умѣлъ отдавать справедливость. Въ Новѣгородѣ было 40,000 воиновъ съ Княземъ Юріемъ Голицынымъ, во Ржевѣ тысячь пятнадцать, для вспоможенія угрожаемому Пскову. На берегахъ Оки стояли Князья Василій Ивановичь Шуйскій и Шестуновъ, чтобы дѣйствовать оборонительно въ случаѣ Ханскаго впаденія; въ Волокѣ Великій Князь Тверскій Симеонъ, Мстиславскіе и Курлятевъ съ главными силами, такъ, что Государь имѣлъ въ полѣ до трехъ сотъ тысячь

воиновъ ([569]) : рать, какой не видала ни Россія, ни Европа съ нашествія Моголовъ! Іоаннъ выѣхалъ наконецъ изъ Слободы Александровской и прибылъ въ Старицу со всѣмъ Дворомъ, съ Боярами, съ дружиною Царскою — казалось, для того, чтобы лично предводительствовать войсками, взять и двинуть ихъ громаду, по примѣру Героя Донскаго, на встрѣчу къ новому Мамаю. . . . Но Іоаннъ готовился къ хитростямъ и лести, а не къ битвамъ!

18 Августа пріѣхалъ къ Государю въ Старицу нетерпѣливо ожидаемый имъ Іезуитъ Поссевинъ, коего отъ Смоленска до сего мѣста вездѣ честили, привѣтствовали съ необыкновенною пышностію и ласкою. Дружины воинскія, блестящія золотомъ, стояли въ ружьѣ предъ Іезуитомъ; чиновники сходили съ коней, низко кланялись и говорили рѣчи. Никогда не оказывалось въ Россіи такого уваженія ни Королевскимъ, ни Императорскимъ Посламъ ([570]). Чрезъ два дни, данные путешественнику на отдохновеніе, Антоній съ четырмя братьями своего Ордена былъ представленъ Государю, удивленный великолѣпіемъ Двора, множествомъ Царедворцевъ, сіяніемъ драгоцѣнныхъ металловъ и каменьевъ, порядкомъ и тишиною. Іоаннъ и старшій Царевичь встали при имени Григорія XIII и съ великимъ вниманіемъ разсматривали дары его: крестъ съ изображеніемъ Страстей Господнихъ, четки съ алмазами и книгу въ богатомъ переплетѣ о Флорентійскомъ Соборѣ ([571]). Григорій

писалъ особенно и къ Царевичамъ и къ Царицѣ (именуя Марію *Анастасіею*); называлъ Іоанна, въ письмѣ къ нему, своимъ сыномъ возлюбленнымъ, а себя единственнымъ Намѣстникомъ Христовымъ; увѣрялъ Россію въ усердномъ доброжелательствѣ; обѣщалъ склонить Баторія къ миру, нужному для общаго блага Христіанскихъ Державъ, и къ возвращенію отнятаго несправедливо, въ надеждѣ, что Іоаннъ умиритъ Церковь соединеніемъ нашей съ *Апостольскою*, вспомнивъ, что Греческая Имперія пала отъ непріятія уставовъ Флорентійскаго Собора ([572]). Антоній объявилъ на словахъ Думнымъ Дворянамъ и Дьяку Андрею Щелкалову, что онъ, исполняя волю Папы, и готовый отдать душу за Царя, склонилъ Баторія не требовать съ насъ денегъ за убытки войны; что Стефанъ удовольствуется одною Ливоніею, но всею; что заключивъ миръ съ нимъ и съ Королемъ Шведскимъ (чего желаетъ Папа), Іоаннъ долженъ вступить въ тѣсный союзъ съ Римомъ, съ Императоромъ, съ Королями Испанскимъ, Французскимъ, съ Винеціею и съ другими Европейскими Державами противъ Оттоманской; что Папа дастъ 50,000 или болѣе воиновъ въ составъ сего Христіанскаго ополченія, въ коемъ и Шахъ Персидскій можетъ взять участіе. Наконецъ Антоній просилъ Государя, чтобы онъ дозволилъ Венеціанамъ свободно торговать и строить церкви въ Россіи. Ему отвѣтствовали ласково, однакожь съ нѣкоторою твердостію. Царь благодарилъ Папу

за любовь и доброжелательство; хвалилъ за великую мысль наступить на Турковъ общими силами Европы; не отвергалъ и соединенія церквей и мира съ Швеціею, въ угодность Григорію, но прежде хотѣлъ мира съ Баторіемъ; изъявлялъ довѣренность къ Поссевину; сказалъ, что бы онъ снова ѣхалъ къ Королю для совершенія начатаго имъ дѣла; что Россія, отъ временъ Ярослава I владѣвъ Ливоніею, уступаетъ въ ней Стефану 66 городовъ, и сверхъ того Великія Луки, Заволочье, Невель, Велижъ, Холмъ, удерживая за собою единственно 35 городовъ Ливонскихъ, Дерптъ, Нарву и проч.; что болѣе ничего уступить не можетъ, и что отъ Стефана зависитъ прекратить войну на сихъ условіяхъ. Позволяя Италіанскимъ купцамъ торговать въ Россіи, имѣть Латинскихъ Священниковъ и молиться Богу, какъ имъ угодно, Іоаннъ примолвилъ: «а церквей Римскихъ у насъ не бывало и «не будетъ.» — Во время сихъ переговоровъ смиренные Іезуиты обѣдали у Государя на золотѣ, вмѣстѣ съ Боярами и людьми знатнѣйшими. «Я «видѣлъ (пишетъ Антоній) не грознаго Само-«держца, но радушнаго хозяина среди любез-«ныхъ ему гостей, привѣтливаго, вниматель-«наго, разсылающаго ко всѣмъ яства и вина. Въ «половинѣ обѣда Іоаннъ, облокотясь на столъ, «сказалъ мнѣ: *Антоній! укрѣпляйся пищею и «питіемъ. Ты совершилъ путь дальній отъ «Рима до Москвы, будучи посланъ къ намъ Свя-«тымъ Отцемъ, Главою и Пастыремъ Римской*

«Церкви, коего мы чтимъ душевно» ([873]). Исполненный надежды услужить Царю миромъ и тѣмъ содѣйствовать важнымъ намѣреніямъ Папы въ отношеніи къ Россіи, Антоній поѣхалъ къ Стефану, и нашелъ его уже среди кровопролитія.

Свѣдавъ, что Стефанъ идетъ прямо на Псковъ, тамошніе Воеводы и воины, Духовенство и граждане съ крестами, чудотворными иконами и мощами Св. Князя Всеволода-Гавріила обошли вокругъ всѣхъ укрѣпленій; матери несли младенцевъ на рукахъ ([874]). Молились, да будетъ древній градъ Ольгинъ неодолимою твердынею для враговъ, да спасется и спасетъ Россію! Услышавъ, что Баторій взялъ Опочку, Красный, Островъ, и на берегахъ Черехи разбилъ легкій отрядъ нашей конницы, Воеводы (18 Августа) зажгли предмѣстіе, сѣли на коней, велѣли звонить въ *осадный колоколъ*, и скоро увидѣли густыя облака пыли, которыя сильнымъ южнымъ вѣтромъ неслися къ городу. Явилась и рать Стефанова: она шла медленно, осторожно, толпами необозримыми; заняла дорогу Порховскую, и стала вдоль рѣки Великой. Россіяне сдѣлали жаркую вылазку: съ обѣихъ сторонъ взяли плѣнниковъ; узнали силу непріятеля. Разноплеменное войско Баторіево состояло изъ Поляковъ, Литвы, Мазовшанъ, Венгровъ, Нѣмцевъ Брауншвейгскихъ, Любскихъ, Австрійскихъ, Прусскихъ, Курляндскихъ, изъ Датчанъ, Шотландцевъ, числомъ до ста тысячь, конныхъ и пѣшихъ, исправныхъ, вооруженныхъ столь кра-

сиво, что Посолъ Оттоманскій, прибывъ въ станъ къ Королю и смотря на его блестящую рать, сказалъ въ восторгѣ: «ежели Султанъ и «Баторій захотятъ дѣйствовать единодушно, то «побѣдятъ вселенную» ([575]). Но сіе многочисленное, прекрасное войско убоялось трудностей, видя крѣпость города, обширнаго, наполненнаго запасами, снарядами и воинами, которые въ самой первой битвѣ оказали необыкновенное мужество. Еще въ Вильнѣ измѣнникъ нашъ, Давидъ Бѣльскій, совѣтовалъ Королю не ходить къ Новугороду, ни къ Пскову, городамъ окруженнымъ болотами и рѣками, твердымъ и каменными стѣнами и духомъ Русскимъ, но осадить Смоленскъ, менѣе недоступный, менѣе чуждый Литовскаго духа ([576]). Король отвергнулъ сей совѣтъ благоразумный; не слушалъ и Воеводъ, которые думали, что скорѣе можно взять Новгородъ. Непреклонный Баторій страшился изъявить опасеніе и слабость; хотѣлъ быть увѣреннымъ въ своемъ счастіи и въ мужествѣ войска; любилъ одолѣвать трудности — и началъ достопамятную осаду Пскова.

26 Августа непріятель обступалъ городъ, подъ громомъ всѣхъ нашихъ бойницъ, заслоняясь лѣсомъ отъ ихъ пальбы, но теряя не мало людей, къ удивленію Стефана, не хотѣвшаго вѣрить столь мѣткому и сильному дѣйствію Россійскихъ пушекъ. Онъ сталъ въ шатрахъ на Московской дорогѣ, близъ Любатовской церкви Св. Николая, и долженъ былъ снять ихъ, чтобы удалить-

ся отъ свисту летающихъ надъ нимъ ядеръ, къ берегамъ Черехи, за высоты и холмы. Пять дней миновало въ тишинѣ. Непріятель укрѣплялъ станъ на берегу Великой, осматривалъ городъ, и 1 Сентября началъ *копать борозды* (или вести траншеи) къ воротамъ Покровскимъ, вдоль рѣки; работалъ день и ночь; прикатилъ туры, сдѣлалъ осыпь. Воеводы Псковскіе видѣли работу, угадывали намѣреніе, и въ семъ опасномъ, угрожаемомъ мѣстѣ заложили новыя, внутреннія укрѣпленія, деревянную стѣну съ раскатами; выбрали лучшихъ Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцевъ и смѣлаго вождя, Князя Андрея Хворостинина, для ея защиты; велѣли пѣть тамъ молебны и кропить Святою водою землю, готовую ороситься кровію воиновъ доблихъ. Тутъ были неотходно и Князья Шуйскіе и Дьяки Государевы, данные имъ для совѣта ([877]). Поляки 7 Сентября, устроивъ бойницы, на самомъ разсвѣтѣ открыли сильную пальбу изъ двадцати тяжелыхъ орудій; громили стѣны между воротами Покровскими и Свиными; въ слѣдующій день сбили ихъ въ разныхъ мѣстахъ — и Король объявилъ своимъ Воеводамъ, что путь въ городъ открытъ для Героевъ; что Россіяне въ ужасѣ, и время дорого. Воеводы, обѣдая въ шатрѣ Королевскомъ, сказали Баторію: «Государь! мы будемъ «нынѣ ужинать съ тобою въ замкѣ Псковскомъ.» Спѣшили къ дѣлу, обѣщая воинамъ всѣ богатства города, корысть и плѣнъ безъ остатка. Венгры, Нѣмцы, Поляки устремились къ проло-

мамъ, распустивъ знамена, съ трубнымъ звукомъ и съ воплемъ. Россіяне ждали ихъ: извѣщенные о приступѣ звономъ *осаднаго колокола*, всѣ граждане простились съ женами, благословили дѣтей, стали вмѣстѣ съ воинами между развалинами каменной стѣны и новою деревянною, еще не достроенною. Игуменъ Тихонъ и Священники молились въ Храмѣ Соборномъ. Господь услышалъ сію молитву: 8 Сентября осталось въ Исторіи славнѣйшимъ днемъ для Пскова.

Не взирая на жестокій огонь городскихъ бойницъ, непріятель по тѣламъ своихъ достигъ крѣпости, ворвался въ проломы, взялъ башню Покровскую, Свиную, и распустилъ на нихъ знамена Королевскія, къ живѣйшей радости Баторія, смотрѣвшаго битву съ колокольни Св. Никиты мученика (въ полуверстѣ отъ города). Поляки въ отверстіяхъ стѣны рѣзались съ гражданами, съ Дѣтьми Боярскими и Стрѣльцами; изъ башенъ, занятыхъ Венграми и Нѣмцами, сыпались пули на Россіянъ, слабѣющихъ, тѣснимыхъ. Тутъ Князь Шуйскій, облитый кровію, сходитъ съ раненнаго коня, удерживаетъ отступающихъ, показываетъ имъ образъ Богоматери и мощи Св. Всеволода-Гавріила, несомыя Іереями изъ Соборнаго храма: свѣдавъ, что Литва уже въ башняхъ и на стѣнѣ, они шли съ сею святынею, въ самый пылъ битвы, умереть или спасти городъ Небеснымъ вдохновеніемъ мужества. Россіяне укрѣпились въ духѣ; стали непоколебимо — и

вдругъ Свинская башня ([578]), въ рѣшительный часъ ими подорванная, взлетѣла на воздухъ съ Королевскими знаменами.:.. ровъ наполнился трупами Нѣмцевъ, Венгровъ, Ляховъ; а къ нашимъ приспѣли новыя дружины воиновъ изъ дальнихъ, безопасныхъ частей города: всѣ твердо сомкнулись, двинулись впередъ, воскликнувъ: «не предадимъ Богоматери и Св. Всеволода!» дружнымъ ударомъ смяли изумленныхъ враговъ, вытѣснили изъ проломовъ, низвергнули съ раскатовъ. Долѣе иныхъ упорствовали Венгры, засѣвъ въ Покровской башнѣ: ихъ выгнали огнемъ и мечемъ. Кровь лилася до вечера (ибо Стефанъ свѣжимъ войскомъ усилилъ Поляковъ), но уже внѣ крѣпости, гдѣ оставались только больные, старцы и дѣти: самыя жены, узнавъ, что *стѣна очищена отъ ногъ Литовскихъ* — что Царскія знамена опять стоятъ на ея раскатахъ, и что непріятель бросилъ нѣсколько легкихъ пушекъ въ воротахъ — явились на мѣстѣ битвы: однѣ съ веревками, чтобы тащить сіи взятыя орудія въ Кремль; другія съ холодною водою, чтобы освѣжить запекшіяся уста воиновъ, изнемогающихъ отъ жажды; многія даже съ копьями, чтобы помогать мужьямъ и братьямъ въ сѣчѣ ([579]). Наконецъ все не-Русское бѣжало. Съ трофеями, знаменами, трубами Литовскими и съ великимъ числомъ плѣнниковъ возвратились побѣдители въ городъ, уже ночью, воздать хвалу Богу въ Соборной церкви, гдѣ Воеводы сказали ратникамъ и гражданамъ: «Такъ миновалъ для насъ

«первый день трудовъ, мужества, плача и весе-«лія! Совершимъ, какъ мы начали? Пали силь-«ные враги наши, а мы слабые съ ихъ доспѣ-«хами стоимъ предъ олтаремъ Всевышняго. Гор-«дый *исполинъ лишился хлѣба*, а мы въ Христіан-«скомъ смиреніи насытились милосердіемъ Не-«беснымъ. Исполнимъ клятвенный обѣтъ, дан-«ный нами безъ лукавства и хитрости; не измѣ-«нимъ Церкви и Государю, ни робостію, ни ма-«лодушнымъ отчаяніемъ» (580)! Воины и граж-дане отвѣтствовали со слезами умиленія: «Мы «готовы умереть за Вѣру Христову! какъ нача-«ли, такъ и совершимъ съ Богомъ, безъ всякой «хитрости!» — Послали гонца въ Москву съ радостною вѣстію: онъ счастливо миновалъ станъ Литовскій. Велѣли успокоить и лечить ра-неныхъ изъ казны Государевой. Ихъ было 1626 человѣкъ, убитыхъ же 863. Непріятелей легло около пяти тысячь, болѣе осьмидесяти знатныхъ сановниковъ, и въ числѣ ихъ Бекези, Полково-децъ Венгерскій, отмѣнно уважаемый, любимый Стефаномъ, который съ досады заключился въ шатрѣ и не хотѣлъ видѣть Воеводъ своихъ, обѣщавшихъ ужинать съ нимъ въ замкѣ Псков-скомъ.

Но, какъ бы устыдясь сего душевнаго огор-ченія, Баторій на другой день вышелъ къ вой-ску съ лицемъ покойнымъ; созвалъ Думу; ска-залъ, что должно умереть или взять Псковъ, осенью или зимою, не взирая ни на какія труд-ности; велѣлъ дѣлать подкопы, стрѣлять день и

ночь въ крѣпость, готовиться къ новымъ приступамъ, и написалъ къ Воеводамъ Россійскимъ: «Дальнѣйшее кровопролитіе для васъ безполезно. «Знаете, сколько городовъ завоевано мною въ «два года! Сдайтеся мирно: вамъ будетъ честь «и милость, какой не заслужите отъ Московскаго тирана, а народу льгота, неизвѣстная въ «Россіи, со всѣми выгодами свободной торговли, «нѣкогда процвѣтавшей въ землѣ его. Обычаи, «достояніе, Вѣра будутъ неприкосновенны. Мое «слово законъ. Въ случаѣ безумнаго упрямства «гибель вамъ и народу!» Съ сею бумагою пустили стрѣлу въ городъ (ибо осажденные не хотѣли имѣть никакого сношенія съ врагами). Воеводы такимъ же способомъ отвѣчали Королю: «Мы «не Жиды: не предаемъ ни Христа, ни Царя, «ни отечества. Не слушаемъ лести, не боимся «угрозъ. Иди на брань: побѣда зависитъ отъ «Бога» (581). Они спѣшили довершить деревянную стѣну, защитили сю проломъ, выкопали ровъ между ими, утвердили въ немъ дубовый острый частоколъ; пѣли молебны въ укрѣпленіяхъ, подъ ядрами Литовскихъ бойницъ; спокойно ждали битвъ — и въ теченіе пяти или шести недѣль славно отражали всѣ нападенія. Бодрость осажденныхъ возрастала: осаждающіе слабѣли духомъ и тѣломъ, терпя ненастье, иногда и голодъ; роптали; не смѣя винить Короля, винили главнаго Воеводу, Замойскаго; говорили, что онъ въ Академіяхъ Италіянскихъ выучился всему, кромѣ

искусства побѣждать Россіянъ; безъ сомнѣнія уѣдетъ съ Королемъ въ Варшаву, блистать красноречіемъ на Сеймѣ, а войско будетъ жертвою зимы и свирѣпаго непріятеля. Баторій велѣлъ рыть землянки; запасался порохомъ и хлѣбомъ; не слушалъ ропота; надѣялся на дѣйствіе подкоповъ. Но Шуйскій, узнавъ отъ бѣглеца Литовскаго о сихъ тайныхъ девяти подкопахъ, умѣлъ *перенять* нѣкоторые изъ нихъ; другіе сами обрушились [582]. Тщетны были всѣ дальнѣйшіе опыты, хитрости, усилія Баторіевы; ни огненныя ядра его, столь бѣдственныя для Великихъ Лукъ и Сокола, ни отчаянная смѣлость не производили желаемаго дѣйствія. Такъ въ одинъ день (Октября 28), при ужасной пальбѣ всѣхъ Литовскихъ бойницъ, Королевскіе Гайдуки устремились отъ рѣки Великой прямо къ городу съ кирками и съ ломами; начали, между угольною башнею и воротами Покровскими, разбивать каменную стѣну, закрывая себя широкими щитами; лѣзли въ отверстія и хотѣли сжечь внутреннія деревянныя укрѣпленія. Россіяне удивились, но въ нѣсколько минутъ истребили сихъ Баторіевыхъ смѣльчаковъ: лили на нихъ пылающую смолу, кидали гранаты *(кувшины съ зеліемъ)*, зажигали щиты; однихъ кололи въ отверстіяхъ, другихъ били каменьями, изъ ручницъ, самопаловъ; не многіе спаслися бѣгствомъ. Въ слѣдующіе пять дней пальба не умолкала; оказался новый проломъ въ стѣнѣ, отъ рѣки Великой, и Баторій (2 Ноября) хотѣлъ *въ послѣдній разъ*

испытать счастіе приступомъ. Литовцы густыми толпами шли по льду рѣки, сперва отважно и бодро; но вдругъ, осыпанные ядрами изъ крѣпости, стали, замѣшались. Напрасно Воеводы Стефановы, разъѣзжая на коняхъ, кричали, махали саблями, даже сѣкли робкихъ: вторый сильный залпъ изъ города обратилъ въ бѣгство и воиновъ и Воеводъ, въ виду Короля! Онъ имѣлъ твердость и нужду въ ней. Къ умноженію Баторіевой досады, Голова Стрѣлецкій, Ѳеодоръ Мясоѣдовъ, съ свѣжею, довольно многочисленною дружиною сквозь цѣпь непріятельскихъ полковъ открылъ себѣ путь и вступилъ въ славный Псковъ (583), къ несказанной радости его защитниковъ, неутомимыхъ въ мужествѣ, но уменьшенныхъ числомъ. Наконецъ Стефанъ далъ повелѣніе оставить укрѣпленія, вывезти пушки, снять туры, и дѣятельную, жестокую осаду превратить въ тихое облежаніе, думая изнурить осажденныхъ голодомъ (584) Россіяне ликовали на стѣнахъ, видя, какъ непріятель удалялся, бѣжалъ отъ крѣпости съ огнестрѣльнымъ снарядомъ.

Сего мало! Чтобы какимъ нибудь легкимъ завоеваніемъ ободрить унылую рать свою и потѣшить корыстолюбивыхъ наемниковъ, Баторій хотѣлъ взять, въ пятидесяти шести верстахъ отъ Пскова, древній Печерскій монастырь, въ 1519 году обновленный, украшенный Великокняжескимъ Дьякомъ Мунехинымъ, и съ того времени славный чудесами исцѣленія для

набожныхъ, богатыми вкладами, красотою зданій ([585]). Тамъ, кромѣ Монаховъ, находилось для защиты каменныхъ стѣнъ и башенъ 200 или 300 воиновъ, которые, имѣя отважнаго Вождя, Юрья Нечаева, безпрестанными нападеніями тревожили подвозы Литовскіе ([586]). Витязь Георгій Фаренсбахъ съ Нѣмцами и Воевода Королевскій Борнемисса съ Венгерскою дружиною, приступивъ къ монастырю, требовали немедленной сдачи; но добрые Иноки отвѣтствовали имъ: «Похвально ли для Витязей воевать съ «Черицами? Если хотите битвы и славы, то «идите ко Пскову, гдѣ найдете бойцевъ достой-«ныхъ ([587]). А мы не сдаемся.» Монахи еще лучше дѣйствовали, нежели говорили: вмѣстѣ съ воинами, съ ихъ женами и дѣтьми, отразили два приступа; взяли молодаго Кетлера, Герцогова племянника, и двухъ знатныхъ Ливонскихъ сановниковъ. — Съ того времени многочисленная рать непріятельская сражалась болѣе всего съ холодомъ и голодомъ. Воины на часахъ замерзали, цѣпенѣли въ шатрахъ. За четверть ржи въ Баторіевомъ станѣ платили не менѣе *десяти* нынѣшнихъ серебряныхъ рублей, за яловицу около *двадцати-пяти;* кормовщиковъ надлежало посылать, съ великою опасностію, верстъ за 150; лошади, скудно питаемыя сѣномъ и соломою, умирали. Казна истощалась; войску не выдавали жалованья, и 3000 Нѣмцевъ ушло во-свояси. «Король хочетъ сдер-«жать слово» ([588]), писали Вожди Литовскіе

къ друзьямъ своимъ въ Вильну: «не возметъ «города, но можетъ умереть въ снѣгахъ Псков- «скихъ.»

Гибель дѣйствительно казалась вѣроятнымъ слѣдствіемъ Баторіева упрямства. Если бы Князь Юрій Голицынъ изъ Новагорода, Мстиславскіе изъ Волока, Шуйскій изъ Пскова вдругъ наступили на Баторія, то онъ увидѣлъ бы, что Судьба еще *не предаетъ ему всей Державы Россійской* (589). Но одинъ Шуйскій дѣйствовалъ, безпокоилъ непріятеля вылазками. Голицынъ, славный бѣглецъ (590), сидѣлъ крѣпко въ стѣнахъ каменныхъ, и слыша, что Литовскіе Козаки жгутъ Русу, едва не обратилъ всей Торговой Стороны въ пепелъ, боясь осады. Великій Князь Тверскій, Симеонъ, и Мстиславскіе стояли неподвижно, охраняя Москву и Государя; а Государь, встревоженный вѣстію о новыхъ успѣхахъ Шведовъ въ Ливоніи и еще болѣе приближеніемъ Радзивила съ легкимъ отрядомъ Баторіевымъ къ самому Ржеву, ускакалъ изъ Старицы въ Александровскую Слободу.

Отважный набѣгъ Литовцевъ на берега Волги, испугавъ Іоанна, не доставилъ имъ иной, существенной выгоды: Радзивилъ бѣжалъ, встрѣтивъ превосходную силу Воеводъ Московскихъ; хотѣлъ взять Торопецъ, не могъ, и возвратился къ Королю. Но происшествія Ливонскія были важны. Баторій требовалъ, чтобы Шведы напали моремъ на сѣверные берега Россіи, истребили гнѣздо нашей торговли съ Англіею, взяли

гавань Св. Николая, Колмогоры и Бѣлозерскъ, гдѣ хранилась главная казна Царская ([591]). Сія мысль, дѣйствительно смѣлая, казалась Шведамъ дерзостію безразсудною: ужасаясь отдаленныхъ, хладныхъ пустынь Россійскихъ, они, къ досадѣ Баторія, искали ближайшихъ, вѣрнѣйшихъ, прочныхъ завоеваній въ Ливоніи, и не думали уступить ему всѣхъ областей ея безъ раздѣла; пользуясь долговременною осадою Пскова, бездѣйствіемъ Воеводъ Іоанновыхъ, въ два или три мѣсяца отняли у насъ Лоде, Фиккель, Леаль, Габзаль, самую Нарву, гдѣ, въ кровопролитной сѣчѣ, легло 7000 Россіянъ, Стрѣльцевъ и жителей; гдѣ мы уже двадцать лѣтъ торговали съ Европою: съ Даніею, съ Германіею, съ Нидерландами; гдѣ находилось множество товаровъ и богатства. Чрезъ нѣсколько дней знаменитый Вождь Шведскій, Французъ де-ла-Гарди, поставилъ ногу и на древнюю Русь: завоевалъ Ивангородъ, Яму, Копорье; плѣнилъ дружину Московскихъ Дворянъ, и въ числѣ ихъ нашелъ опаснаго для насъ измѣнника, Аѳанасія Бѣльскаго, который, будучи достойнымъ родственникомъ Малюты Скуратова и бѣглеца Давида, предложилъ свои ревностныя услуги Шведамъ. Овладѣвъ и крѣпкимъ Виттенштейномъ, величавый де-ла-Гарди торжествовалъ побѣду въ Ревелѣ, и навелъ, какъ

Шведы берутъ Нарву.

пишутъ, такой *ужасъ* на Россіянъ, что они уставили молебствія въ церквахъ, да спасетъ ихъ Небо отъ сего врага лютаго ([592]).

По крайней мѣрѣ Іоаннъ былъ въ *ужасѣ:* не видалъ силъ и выгодъ Россіи, видѣлъ только непріятельскія и ждалъ спасенія не отъ мужества, не отъ побѣды, но единственно отъ Іезуита Папскаго, Антонія, который писалъ къ нему изъ Баторіева стана, что сей Герой, истинно Христіанскій, не обольщаясь славою, готовъ, какъ и прежде, дать миръ Россіи на условіяхъ извѣстныхъ Царю, отвергая всѣ иныя, и ждетъ для того нашихъ уполномоченныхъ сановниковъ; что войско Литовское бодро и многочисленно; что дальнѣйшее кровопролитіе угрожаетъ намъ великими бѣдствіями. Сего было довольно для Іоанна: онъ положилъ на совѣтѣ съ Царевичемъ и съ Боярами: «уступить необходимости и «могуществу Баторія, союзника Шведовъ, «располагающаго силами многихъ земель «и народовъ; отдать ему, но только *въ ко«нечной неволѣ*, *всю* Россійскую Ливонію, «съ тѣмъ, чтобы онъ возвратилъ намъ всѣ «иныя завоеванія и не включалъ Шведовъ «въ договоръ, дабы мы на свободѣ могли «унять ихъ» ([593]).

Съ такимъ наказомъ отправили къ Стефану Дворянина Князя Дмитрія Петровича Перего-Елецкаго и Печатника Романа Васильевича

Олферьева, чтобы заключить миръ или перемиріе. Между Опоками и Порховымъ ([594]), въ селѣ Бешковичахъ, ждалъ ихъ Римскій Посолъ, Іезуитъ Антоній Поссевинъ, и вмѣстѣ съ ними, Декабря 13, прибылъ въ деревню Киверову Гору, въ пятнадцати верстахъ отъ Запольскаго Яму, гдѣ уже находились Уполномоченные Стефановы, Воевода Янушъ Збаражскій, Маршалокъ Князь Албрехтъ Радзивилъ и Секретарь Великаго Княжества Литовскаго, извѣстный Михайло Гарабурда. Въ сихъ мѣстахъ, разоренныхъ, выжженныхъ непріятелемъ, среди пустынь и снѣговъ, вдругъ явились великолѣпіе и пышность: чиновники Іоанновы и люди ихъ блистали нарядами, золотомъ одеждъ своихъ и приборовъ конскихъ; купцы навезли туда богатыхъ товаровъ и раскладывали ихъ въ шатрахъ, согрѣваемыхъ пылающими кострами. Но всѣ жили въ дымныхъ избахъ, питались худымъ хлѣбомъ, пили снѣжную воду: одни Послы наши имѣли мясо, доставляемое имъ изъ Новагорода, и могли ежедневно угощать Іезуита Антонія ([595]). — Немедленно начались переговоры; а Баторій, давъ всѣ нужныя наставленія своимъ Повѣреннымъ и главному Воеводѣ Замойскому, уѣхалъ въ Варшаву. Послѣднимъ его словомъ было: «ѣду съ

Переговоры о мирѣ.

«малою, утомленною дружиною за сильнымъ, «свѣжимъ войскомъ.»

Сей отъѣздъ, безъ сомнѣнія необходимый для истребованія новыхъ пособій отъ Сейма, былъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ величайшею для Короля смѣлостію. Войско изнуренное оказывало духъ мятежный; проклинало бѣдственную осаду Пскова, требовало мира, и кричало, что Стефанъ воюетъ за Ливонію въ намѣреніи отдать ее своимъ племянникамъ. Присутствіе Короля еще обуздывало недовольныхъ: безъ него могъ вспыхнуть общій бунтъ. Но Король вѣрилъ Замойскому, какъ самому себѣ, и не обманулся: сей Вельможа-Полководецъ, презирая жестокія укоризны, язвительныя насмѣшки, угрозы, смирилъ мятежниковъ строгостію, ободрилъ слабыхъ надеждою. «Послы Московскіе» — говорилъ онъ — «смотрятъ на васъ изъ «Запольскаго Яма: если будете мужественны «и терпѣливы, то они все уступятъ (596); «если изъявите малодушіе, то возгордятся, и «мы останемся безъ мира или безъ славы, «утративъ плоды столь многихъ побѣдъ и тру«довъ!» Но, имѣя твердость великодушную, Замойскій не стыдился коварства: вымыслилъ или одобрилъ гнусную хитрость, чтобы погубить главнаго защитника Псковскаго. Къ нашимъ Воеводамъ явился Россійскій плѣнникъ, безъ всякаго условія отпущенный изъ Литовскаго стана, съ большимъ ларцемъ и съ слѣдующимъ письмомъ отъ Нѣмца Моллера къ Шуйскому:

«Государь Князь Иванъ Петровичь! я долго слу-
«жилъ Царю вмѣстѣ съ Георгомъ Фаренсба-
«хомъ; нынѣ вспомнилъ его хлѣбъ-соль; желаю
«тайно уйти къ вамъ и шлю напередъ казну
«свою: возьми сей ящикъ, отомкни, вынь золото
«и блюди до моего прихода.» Къ счастію, Вое-
воды усомнились: велѣли искусному мастеру
бережно открыть ящикъ и нашли въ немъ нѣ-
сколько заряженныхъ пищалей, осыпанныхъ
порохомъ. Если бы самъ Шуйскій неосторожно
снялъ крышку, то могъ бы лишиться жизни отъ
выстрѣловъ и разорванія пищалей. Спасенный
Небомъ, онъ написалъ къ Замойскому, что хра-
брые убиваютъ непріятелей только въ сѣчахъ;
предлагалъ ему бой честный, единоборство,
какъ Баторій Іоанну. Уже Воеводы наши знали
о съѣздѣ Повѣренныхъ, но все еще бодрство-
вали, не отдыхали, днемъ и ночью тревожили,
били слабѣющихъ Литовцевъ, коихъ оставалось
наконецъ не болѣе двадцати-шести тысячъ ([597]).

Мужи ратные дѣлали свое дѣло: Думные так-
же. Если Князь Елецкій и Олферьевъ, исполняя
въ точности волю Іоаннову, не могли сохранить
достоинства и всѣхъ выгодъ Россіи, то не ихъ
вина: по крайней мѣрѣ они умѣли наблюдать
обстоятельства, извѣщая Государя о крайности
непріятеля; умѣли длить время, медлить въ
уступкахъ, ожидая новыхъ повелѣній и счаст-
ливой перемѣны въ духѣ робкаго Іоанна; объя-
снялись съ Литовскими сановниками тихо, но
благородно, не унижаясь; обличали ихъ хваст-

ливость безъ грубости. «Когда вы (говорилъ Панъ Збарашскій) «пріѣхали сюда за дѣломъ, а «не съ пустымъ многорѣчіемъ: то скажите, что «Ливонія наша, и внимайте дальнѣйшимъ усло-«віямъ побѣдителя, который уже завоевалъ не «малую часть Россіи, возметъ и Псковъ и Новго-«родъ, ждетъ рѣшительнаго слова, и даетъ вамъ «три дни сроку (598)». Россійскіе сановники от-вѣтствовали: «Высокомѣріе не есть миролюбіе. «Вы хотите, чтобы Государь нашъ безъ всякаго «возмездія отдалъ вамъ богатую землю и ли-«шился всѣхъ морскихъ пристаней, необходи-«мыхъ для свободнаго сообщенія Россіи съ «иными Державами. Вы осаждаете Псковъ уже «четыре мѣсяца, конечно съ достохвальнымъ «мужествомъ, но съ успѣхомъ ли? имѣете ли «дѣйствительно надежду взять его? а если не «возьмете, то не погубите ли и войска и всѣхъ «своихъ завоеваній?» Вмѣсто трехъ дней, назна-ченныхъ Баторіемъ, миновало болѣе трехъ не-дѣль въ съѣздахъ, въ прѣніяхъ, съ нашей сто-роны хладнокровныхъ, жаркихъ съ Литовской. Послы Іоанновы уступали Королю 14 городовъ Ливонскихъ, занятыхъ Россійскимъ войскомъ, — Полоцкъ со всѣми его пригородами, Озерище, Усвятъ, Луки, Велижъ, Невель, Заволочье, Холмъ, чтобы удержать единственно Дерптъ съ пятнадцатью крѣпостями. Стефановы Вельмо-жи не соглашались; требовали и Ливоніи и де-негъ за убытки войны; хотѣли также вклю-чить Шведскаго Короля въ договоръ. Напрасно

Елецкій и Олферьевъ просили добраго содѣйствія Поссевинова: Іезуитъ хитрялъ, угадывалъ тайный наказъ Царскій, славилъ неодолимаго Баторія и коварно жалѣлъ о новыхъ, неминуемыхъ бѣдствіяхъ Россіи, въ случаѣ продолженія войны отъ нашего упрямства. Доброе содѣйствіе было г. 1582. только отъ Воеводъ Псковскихъ: они, 4 Генваря, еще сильно напали на Замойскаго, съ конницею и пѣхотою: взяли знатное число плѣнныхъ, убили многихъ сановниковъ непріятельскихъ, и съ трофеями возвратились въ городъ (599). Сія вылазка была сорокъ-шестая — *и прощальная:* ибо Замойскій далъ знать своимъ Посламъ, что терпѣніе войска уже истощилось; что надобно подписать договоръ или бѣжать. Настала минута рѣшительная. Збаражскій объявилъ, что Стефанъ велѣлъ кончить переговоры, и сею твердостію побѣдилъ нашу: видя крайность, не смѣя ѣхать въ Москву безъ мира, не смѣя ослушаться Государя, Елецкій и Олферьевъ должны были принять главное условіе: то есть, именемъ Іоанновымъ отказались отъ Ливоніи; уступили и Полоцкъ съ Велижемъ; а Баторій согласился не требовать съ насъ денегъ, не упоминать въ записи ни о Шведскомъ Королѣ, ни о городахъ Эстонскихъ (Ревелѣ, Нарвѣ), возвратить намъ Великія Луки, Заволочье, Невель, Холмъ, Себежъ, Островъ, Крас-

Заключеніе перемирія.

ный, Изборскъ, Гдовъ и всѣ другіе Псковскіе занятые имъ пригороды (600). На сихъ условіяхъ положили быть десятилѣтнему перемирію отъ 6 Генваря 1582 года. Но еще нѣсколько дней спорили о титулахъ и словахъ, однажды съ такимъ жаромъ, что смиренный Іезуитъ Антоній вышелъ изъ себя: вырвалъ черную запись изъ рукъ Олферьева, бросилъ на землю, схватилъ его за воротъ (601). Теряя Ливонію, Іоаннъ желалъ еще именоваться, въ договорѣ, *Ливонскимъ Властителемъ* и *Царемъ*, въ смыслѣ *Императора:* о чемъ ни Послы Стефановы, ни Папскій не хотѣли слышать. Первые, какъ бы въ насмѣшку, требовали Смоленска, Великихъ Лукъ и всѣхъ городовъ Сѣверскихъ, чтобы назвать Іоанна Царемъ, но единственно Казанскимъ и Астраханскимъ, въ такомъ смыслѣ, въ какомъ Молдавскихъ Воеводъ называютъ Господарями; а Поссевинъ утверждалъ, что одинъ Папа можетъ возвышать Вѣнценосцевъ новыми титулами. Наконецъ условились дать Іоанну только въ Россійской перемирной грамотѣ имя *Царя*, Властителя *Смоленскаго* и *Ливонскаго;* въ Королевской же просто *Государя*, а Стефану титулъ *Ливонскаго!* Утвердивъ грамоты крестнымъ цѣлованіемъ, Повѣренные обѣихъ Державъ обнялися какъ друзья, и 17 Генваря извѣстили Воеводъ Псковскихъ о замиреніи. Тихій, полумертвый станъ Литовскій ожилъ шумною радостію: защитники Пскова съ умиленіемъ принесли жертву благодарности Небу, совершивъ свой

подвигъ съ честію для Россіи. Замойскій звалъ ихъ на пиръ: Князь Иванъ Шуйскій отпустилъ къ нему Воеводъ младшихъ, но самъ не поѣхалъ: успокоился, но не хотѣлъ веселиться (602).

Такъ кончилась война трехлѣтняя, не столь кровопролитная, сколь несчастная для Россіи, менѣе славная для Баторія, чѣмъ постыдная для Іоанна, который въ любопытныхъ ея происшествіяхъ оказалъ всю слабость души своей, униженной тиранствомъ; который, съ неутомимымъ усиліемъ домогаясь Ливоніи, чтобы славно предупредить великое дѣло Петра, имѣть море и гавани для купеческихъ и государственныхъ сношеній Россіи съ Европою — воевавъ 24 года непрерывно, чтобы медленно, шагъ за шагомъ двигаться къ цѣли — изгубивъ столько людей и достоянія — повелѣвая воинствомъ отечественнымъ, едва не равносильнымъ Ксерксову, вдругъ все отдалъ, и славу и пользу, изнуреннымъ остаткамъ разноплеменнаго сонмища Баторіева! Въ первый разъ мы заключили миръ столь безвыгодный, едва не безчестный съ Литвою; и если удержались еще въ своихъ древнихъ предѣлахъ, не отдали и болѣе: то честь принадлежитъ Пскову: онъ, какъ твердый оплотъ, сокрушилъ *непобѣдимость* Стефанову; взявъ его, Баторій не удовольствовался бы Ливоніею; не оставилъ бы за Россіею ни Смоленска, ни земли Сѣверской: взялъ бы, можетъ быть, и Новгородъ, въ *очарованіи* Іоаннова страха: ибо современники дѣйствительно изъ-

ясняли удивительное бездѣйствіе нашихъ силъ очарованіемъ; писали, что Іоаннъ, устрашенный видѣніями и чудесами, ждалъ только бѣдствій въ войнѣ съ Баторіемъ, не вѣря ни какимъ благопріятнымъ донесеніямъ Воеводъ своихъ ([603]); что явленіе Кометы предвѣстило тогда несчастіе Россіи; что громовая стрѣла зимою, въ день Рождества Христова, при ясномъ солнцѣ зажгла Іоаннову спальню въ Слободѣ Александровской; что близъ Москвы слышали ужасный голосъ: *бѣгите, бѣгите, Русскіе!* что въ семъ мѣстѣ упалъ съ неба мраморный гробовый камень съ таинственною, неизъяснимою надписью; что изумленный Царь самъ видѣлъ его и велѣлъ разбить своимъ тѣлохранителямъ. Сказка достойная суевѣрнаго вѣка; но то истина, что Псковъ или Шуйскій спасъ Россію отъ величайшей опасности, и память сей важной заслуги не изгладится въ нашей Исторіи, доколѣ мы не утратимъ любви къ отечеству и своего имени.

4 Февраля Замойскій выступилъ въ Ливонію, чтобы принять отъ насъ ея города и крѣпости. Сподвижники его, удаляясь съ радостію, не хотѣли смотрѣть на стѣны и башни Псковскія, окруженныя могилами ихъ братьевъ. Только въ сей день отворились наконецъ ворота Ольгина града, гдѣ всѣ жители и воины, исполнивъ долгъ усердія къ отечеству и славно миновавъ опасности, наслаждались живѣйшимъ для человѣка и гражданина удовольствіемъ ([604]). Не

таковы были чувства Россіянъ въ Ливоніи, гдѣ они уже давно жительствовали какъ въ отечествѣ, имѣли семейства, домы, храмы, Епископію въ Дерптѣ: согласно съ договоромъ выѣзжая оттуда въ Новгородъ и Псковъ, съ женами, съ дѣтьми — въ послѣдній разъ слыша тамъ благовѣстъ Православія и моляся Господу по обрядамъ нашей Церкви, смиренной, изгоняемой, всѣ горько плакали, а всего болѣе надъ гробами своихъ ближнихъ (605). Около шести сотъ лѣтъ именовавъ Ливонію своимъ владѣніемъ — повелѣвавъ ея дикими жителями еще при Св. Владимірѣ, строивъ въ ней крѣпости при Ярославѣ Великомъ, и въ самое цвѣтущее время Ордена собиравъ дань съ областей Дерптскихъ (606), Россія торжественно отказалась отъ сей, нашею кровію орошенной земли, на долго, до Героя Полтавскаго. — Между тѣмъ народъ, всегда миролюбивый, въ Москвѣ и вездѣ благословилъ конецъ войны разорительной (607); но Іоаннъ насладился ли успокоеніемъ робкой души своей? По крайней мѣрѣ Богъ не хотѣлъ того, избравъ сіе время для ужасной казни его сердца, жестокаго, но еще не совсѣмъ окаменѣлаго — еще родительскаго, не мертваго.

Въ старшемъ, любимомъ сынѣ своемъ, Іоаннѣ, Царь готовилъ Россіи *втораго себя:* вмѣстѣ съ нимъ занимаясь дѣлами Сыноубійство.

важными, присутствуя въ Думѣ, объѣзжая Государство, вмѣстѣ съ нимъ и сластолюбствовалъ и губилъ людей ([608]), какъ бы для того, чтобы сынъ не могъ стыдить отца и Россія не могла ждать ничего лучшаго отъ наслѣдника. Юный Царевичь, не бывъ вдовцемъ, имѣлъ тогда уже третію супругу, Елену Ивановну, роду Шереметевыхъ ([609]): двѣ первыя, Сабурова и Параскева Михайловна Соловая, были пострижены. Своевольно или въ угодность родителю мѣняя женъ, онъ еще мѣнялъ и наложницъ, чтобы во всемъ ему уподобляться. Но изъявляя страшное въ юности ожесточеніе сердца и необузданность въ любострастіи, оказывалъ умъ въ дѣлахъ и чувствительность ко славѣ или хотя къ безславію отечества. Во время переговоровъ о мирѣ страдая за Россію, читая горесть и на лицахъ Бояръ — слыша, можетъ быть, и всеобщій ропотъ — Царевичь исполнился ревности благородной, пришелъ къ отцу и требовалъ, чтобы онъ послалъ его съ войскомъ изгнать непріятеля, освободить Псковъ, возстановить честь Россіи ([610]). Іоаннъ въ волненіи гнѣва закричалъ: «мятежникъ! ты вмѣстѣ съ Боярами «хочешь свергнуть меня съ престола!» и поднялъ руку. Борисъ Годуновъ хотѣлъ удержать ее: Царь далъ ему нѣсколько ранъ острымъ жезломъ своимъ ([611]) и сильно ударилъ имъ Царевича въ голову. Сей несчастный упалъ, обливаясь кровію. Тутъ исчезла ярость Іоаннова. Поблѣднѣвъ отъ ужаса, въ трепетѣ, въ изсту-

пленія онъ воскликнулъ: «я убилъ сына!» и кинулся обнимать, цѣловать его; удерживалъ кровь текущую изъ глубокой язвы; плакалъ, рыдалъ, звалъ лекарей; молилъ Бога о милосердіи, сына о прощеніи. Но судъ Небесный совершился! . . . Царевичь, лобызая руки отца, нѣжно изъявлялъ ему любовь и состраданіе; убѣждалъ его не предаваться отчаянію; сказалъ, что умираетъ вѣрнымъ сыномъ и подданнымъ . . . . жилъ четыре дни, и скончался 19 Ноября, въ ужасной Слободѣ Александровской (612) . . . . Тамъ, гдѣ столько лѣтъ лилася кровь невинныхъ, Іоаннъ, обагренный сыновнею, въ оцѣпенѣніи сидѣлъ неподвижно у трупа, безъ пищи и сна нѣсколько дней . . . . 22 Ноября Вельможи, Бояре, Князья, всѣ въ одеждѣ черной, понесли тѣло въ Москву. Царь шелъ за гробомъ до самой церкви Св. Михаила Архангела, гдѣ указалъ ему мѣсто между памятниками своихъ предковъ. Погребеніе было великолѣпно и умилительно. Всѣ оплакивали судьбу Державнаго юноши, который могъ бы жить для счастія и добродѣтели, если бы рука отцевская, назло Природѣ, безвременно не низвергнула его въ развратъ и въ могилу! Человѣчество торжествовало: оплакивали и самого Іоанна! . . . Обнаженный всѣхъ знаковъ Царскаго сана, въ ризѣ печальной, въ видѣ простаго, отчаяннаго грѣшника, онъ бился о гробъ и землю съ воплемъ произительнымъ.

Такъ правосудіе Всевышняго Мстителя и въ

семъ мірѣ караетъ иногда исполиновъ безчеловѣчія, болѣе для примѣра, нежели для ихъ исправленія: ибо есть, кажется, предѣлъ во злѣ, за коимъ уже нѣтъ истиннаго раскаянія: нѣтъ свободнаго, рѣшительнаго возврата къ добру: есть только мука, начало адской, безъ надежды и перемѣны сердца. Іоаннъ стоялъ уже далеко за симъ роковымъ предѣломъ: исправленіе *такого* мучителя могло бы соблазнить людей слабыхъ . . . . Нѣсколько времени онъ тосковалъ ужасно; не зналъ мирнаго сна: ночью, какъ бы устрашаемый привидѣніями, вскакивалъ, падалъ съ ложа, валялся среди комнаты, стеналъ, вопилъ; утихалъ только отъ изнуренія силъ; забывался въ минутной дремотѣ, на полу, гдѣ клали для него тюфякъ и зголовье; ждалъ и боялся утренняго свѣта, боясь видѣть людей и явить имъ на лицѣ своемъ муку сыноубійцы (613).

Мысль Іоаннова оставить свѣтъ.

Въ семъ душевномъ волненіи Іоаннъ призвалъ знатнѣйшихъ мужей государственныхъ и сказалъ торжественно, что ему, столь жестоко наказанному Богомъ, остается кончить дни въ уединеніи монастырскомъ; что меньшій его сынъ, Ѳеодоръ, неспособенъ управлять Россіею, и не могъ бы царствовать долго; что Бояре должны избрать Государя достойнаго, коему онъ немедленно вручитъ державу и сластъ Царство. Всѣ изумились: одни вѣ-

рили искренности Іоанновой и были тронуты до глубины сердца; другіе опасались коварства, думая, что Государь желаетъ только вывѣдать ихъ тайныя мысли, и что ни имъ, ни тому, кого они признали бы достойнымъ вѣнца, не миновать лютой казни. Единодушнымъ отвѣтомъ было: «не оставляй насъ; не хотимъ Царя, «кромѣ Богомъ даннаго, тебя и твоего сына!» Іоаннъ какъ бы невольно согласился носить еще тягость правленія (614); но удалилъ отъ глазъ своихъ всѣ предметы величія, богатства и пышности; отвергнулъ корону и скипетръ; облекъ себя и Дворъ въ одежду скорби; служилъ Панихиды и каялся; послалъ 10,000 рублей (615) въ Константинополь, Антіохію, Александрію, Іерусалимъ, къ Патріархамъ, да молятся объ успокоеніи души Царевича — и самъ наконецъ успокоился! Хотя, какъ пишутъ, онъ не преставалъ оплакивать любимаго сына, и даже въ *веселыхъ* разговорахъ часто воспоминалъ объ немъ со слезами (616), но, слѣдственно, могъ снова *веселиться;* снова, если вѣрить чужеземнымъ Историкамъ, свирѣпствовалъ и казнилъ многихъ людей воинскихъ, которые будто бы малодушно сдавали крѣпости Баторію, хотя сами враги наши должны были признать тогда Россіянъ храбрѣйшими, неодолимыми защитниками городовъ (617). Въ сіе же время, и подъ симъ же видомъ правосудія, Іоаннъ изобрѣлъ необыкновенное наказаніе для отца супруги своей. Долго не видя Годунова, избитаго, израненнаго за Ца-

ревича, и слыша отъ Ѳедора Нагаго, что сей любимецъ не отъ болѣзни, но единственно отъ досады и злобы скрывается, Іоаннъ хотѣлъ узнать истину: самъ пріѣхалъ къ Годунову; увидѣлъ на немъ язвы и заволоку, сдѣланную ему купцемъ Строгановымъ, искуснымъ въ леченіи недуговъ; обнялъ больнаго, и въ знакъ особенной милости давъ его цѣлителю право *именитыхъ* людей, называться полнымъ отчествомъ или *Вичемъ*, какъ только знатнѣйшіе государственные сановники именовались, велѣлъ, чтобы Строгановъ въ тотъ же день сдѣлалъ самыя мучительныя заволоки, на бокахъ и на груди, клеветнику Ѳедору Нагому (618)! Клевета есть конечно важное преступленіе; но сія *замысловатость* въ способахъ муки изображаетъ ли сердце умиленное, сокрушенное горестію? Тогда же въ дѣлахъ государственныхъ видимъ обыкновенное хладнокровіе Іоанново, его осмотрительность и спокойствіе, которое могло происходить единственно или отъ удивительнаго величія души или отъ малой чувствительности въ обстоятельствахъ столь ужасныхъ для отца и человѣка. 28 Ноября, въ Москвѣ, онъ уже слушалъ донесеніе гонца своего о Псковской осадѣ (619); во время переговоровъ зналъ все и разрѣшалъ недоумѣнія нашихъ

Врачь Строгановъ

новѣренныхъ, которые въ Февралѣ мѣсяцѣ возвратились къ нему съ договоромъ.

Скоро явился въ Москвѣ и хитрый Iезуитъ Антоній, принять нашу благодарность и воспользоваться ею, то есть, достигнуть главной цѣли его посланія, исполнить давнишній замыселъ Рима, соединить Вѣры и силы всѣхъ Державъ Христіанскихъ противъ Оттомановъ. Тутъ Іоаннъ оказалъ всю природную гибкость ума своего, ловкость, благоразуміе, коимъ и самъ Iезуитъ долженъ былъ отдать справедливость. Опишемъ сіи любопытныя подробности.

Бесѣды Іоанновы съ Римскимъ Посломъ.

«Я нашелъ Царя въ глубокомъ уныніи,» говоритъ Поссевинъ въ своихъ запискахъ: «сей Дворъ пышный казался тогда смиренною Обителію Иноковъ, чернымъ цвѣтомъ одежды изъявляя мрачность души Іоанновой. Но судьбы Всевышняго неисповѣдимы: самая печаль Царя, нѣкогда столь необузданнаго, расположила его къ умѣренности и терпѣнію слушать мои убѣжденія (620).» Изобразивъ важность оказанной имъ услуги Государству Россійскому доставленіемъ ему счастливаго мира, Антоній прежде всего старался увѣрить Іоанна въ искренности Стефанова дружества и повторилъ слова Баторіевы: «Скажи Государю Московскому, что вражда угасла въ моемъ сердцѣ; что не имѣю никакой

«кой тайной мысли о будущихъ завоеваніяхъ, «желаю его истиннаго братства и счастія Россіи. Во всѣхъ нашихъ владѣніяхъ пути и пристани должны быть открыты для купцевъ и «путешественниковъ той и другой земли, къ ихъ «обоюдной пользѣ: да ѣздятъ къ нему свободно «и Нѣмцы и Римляне чрезъ Польшу и Ливонію! «Тишина Христіанамъ, но месть разбойникамъ «Крымскимъ! Пойду на нихъ: да идетъ и Царь! «Уймемъ вѣроломныхъ злодѣевъ, алчныхъ ко «злату и крови нашихъ подданныхъ. Условимся, «когда и гдѣ дѣйствовать. Не измѣню, не ослабѣю въ усиліяхъ: пусть Іоаннъ дастъ мнѣ свидѣтелей изъ своихъ Бояръ и Воеводъ! Я не «Ляхъ, не Литвинъ, а пришлецъ на тронѣ: хочу «заслужить въ свѣтѣ доброе имя навѣки» (621). Но Іоаннъ, признательный къ дружественному расположенію Баторіеву, отвѣтствовалъ, что мы уже не въ войнѣ съ Ханомъ: Посолъ нашъ, Князь Василій Мосальскій, живъ нѣсколько лѣтъ въ Тавридѣ: наконецъ заключилъ перемиріе съ нею: ибо Магметъ-Гирей имѣлъ нужду въ отдыхѣ, будучи изнуренъ долговременною войною Персидскою, въ коей онъ невольно помогалъ Туркамъ, и которая спасала Россію отъ его опасныхъ нашествій въ теченіе пяти лѣтъ (622). Далѣе Антоній, приступивъ къ главному дѣлу, требовалъ особенной бесѣды съ Царемъ о соединеніи Вѣръ. «Мы готовы бесѣдовать съ тобою «(сказалъ Іоаннъ), но только въ присутствіи «нашихъ ближнихъ людей, и безъ споровъ, если

«возможно: ибо всякой человѣкъ хвалитъ свою «Вѣру и не любитъ противорѣчія. Споръ ведетъ «къ ссорѣ, а я желаю тишины и любви.» Въ назначенный день (Февраля 21) Антоній съ тремя Іезуитами пришелъ изъ *Совѣтной палаты* въ Троицую, гдѣ сидѣлъ Іоаннъ только съ Боярами, Дворянами *Сверстными* и Князьями *Служилыми*: Стольниковъ и Младшихъ Дворянъ выслали [623]. Изъявивъ Послу ласку, Государь снова убѣждалъ его не касаться Вѣры, примолвивъ: «Антоній! мнѣ уже 51 годъ отъ рожденія и не «долго жить въ свѣтѣ: воспитанный въ прави«лахъ нашей *Христіанской* Церкви, издавно не«согласной съ *Латинскою* [624], могу ли измѣ«нить ей предъ концемъ земнаго бытія своего? «День суда Небеснаго уже близокъ: онъ явитъ, «чья Вѣра, ваша ли, наша ли, истиннѣе и свя«тѣе. Но говори, если хочешь.» Тутъ Антоній «съ живостію и съ жаромъ сказалъ: «Государь «Свѣтлѣйшій! изъ всѣхъ твоихъ милостей, мнѣ «нынѣ оказанныхъ, самая величайшая есть «сіе дозволеніе говорить съ тобою о предметѣ «столь важномъ для спасенія душъ Христіан«скихъ. Не мысли, о Государь! чтобы Св. Отецъ «нудилъ тебя оставить Вѣру Греческую: нѣтъ, «онъ желаетъ единственно, чтобы ты, имѣя «умъ глубокій и просвѣщенный, послѣдовалъ «дѣянія первыхъ сл Соборовъ, и все истинное, «все древнее навѣки утвердилъ въ своемъ Цар«ствѣ какъ законъ неизмѣняемый [625]. Тогда «исчезнетъ разнствіе между Восточною и Рим-

«скою Церковію; тогда мы всѣ будемъ единымъ «тѣломъ Іисуса Христа, къ радости единаго «истиннаго, Богомъ установленнаго Пастыря Церкви. Государь! моля Св. Отца доставить тишину Европѣ и соединить всѣхъ Христіанскихъ Вѣнценосцевъ для одолѣнія невѣрныхъ, «не признаешь ли его самъ Главою Христіанства? Не изъявилъ ли ты особеннаго уваженія «къ Апостольской Римской Вѣрѣ, дозволивъ «всякому, кто исповѣдуетъ оную, жить свободно «въ Россійскихъ владѣніяхъ и молиться Всевышнему по ея святымъ обрядамъ, ты, Царь «великій, никѣмъ не нудимый къ сему торжеству истины, но движимый явно волею Царя «Царей, безъ коей и листъ древесный не падаетъ съ вѣтьви (626)? Сей желаемый тобою «общій миръ и союзъ Вѣнценосцевъ можетъ ли «имѣть твердое основаніе безъ единства Вѣры? «Ты знаешь, что оно утверждено Соборомъ Флорентійскимъ, Императоромъ, Духовенствомъ «Греческой Имперіи, самымъ знаменитымъ Іерархомъ твоей Церкви, Исидоромъ: читай «представленныя тебѣ дѣянія сего осьмаго Вселенскаго Собора, и если гдѣ усомнишься, то «повели мнѣ изъяснить темное. Истина очевидна: пріявъ ее, въ братскомъ союзѣ съ сильнѣйшими Монархами Европы, какой не достигнешь славы, какого величія? Государь! ты возмешь не только Кіевъ, древнюю собственность «Россіи, но и всю Имперію Византійскую, отъятую Богомъ у Грековъ за ихъ расколъ и непо-

менованъ первымъ Ханомъ Сибирскимъ *Ибакъ*, дѣдъ Кучюмовъ, вторымъ Магметъ, третьимъ Казый, четвертымъ Едигеръ, Князья Тайбугина рода. Замѣтимъ, что полки Московскіе, въ 1483 году воюя на берегахъ Иртыша, еще не видали *Татаръ* въ сихъ мѣстахъ, гдѣ уже существовала крѣпость *Сибирь* и властвовалъ *Князь Лятикъ* (617), безъ сомнѣнія Югорскій, или Остяцкій; слѣдственно Ишимскіе Ногаи, соединясь съ Тюменскими, завладѣли устьемъ Тобола едва ли ранѣе XVI вѣка, и не *основали*, а *взяли* городокъ *Сибирь*, названный ими Искеромъ.

Уже твердо зная путь въ сію столицу, Едигерову и Кучюмову, гдѣ бывали чиновники Московскіе, любопытный Іоаннъ желалъ узнать и страны дальнѣйшія: для того въ 1567 году послалъ двухъ Атамановъ, Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева, за Сибирь на Югъ, съ дружественными грамотами къ неизвѣстнымъ Властителямъ неизвѣстныхъ народовъ (618). Атаманы благополучно возвратились и представили Государю описаніе всѣхъ земель отъ Байкала до моря Корейскаго, бывъ въ Улусахъ *Черной* или Западной Мунгаліи, подвластной разнымъ Князьямъ, и въ городахъ Восточной или *Желтой* (619), гдѣ царствовала женщина, и гдѣ народъ пользовался выгодами земледѣлія, скотоводства,

Древнѣйшее путешествіе Россіянъ въ Китай.

торговли. Упомянувъ по слуху о Туркестанѣ, Бухаріи, Кашгарѣ, Тибетѣ, путешественники Іоанновы сказываютъ въ своемъ любопытномъ донесеніи, что грамота Мунгальской Царицы, отверзла для нихъ желѣзныя врата стѣны Китайской; но что, свободно достигнувъ богатаго, многолюднаго Пекина, они не могли видѣть Императора, не имѣвъ къ нему даровъ отъ Государя. Такъ мы узнали Китай, бывъ обязаны симъ первымъ достовѣрнымъ объ немъ извѣстіемъ рѣдкому смыслу, мужеству, терпѣнію двухъ Козаковъ, умѣвшихъ преодолѣть всѣ труды, опасности пути дальняго, невѣдомаго сквозь степи, горы и кочевья варваровъ, видѣнныя, можетъ быть, только отчасти славнымъ Венеціянскимъ путешественникомъ XIII вѣка, Маркомъ Поломъ (650).

Но еще господство наше за Каменнымъ Поясомъ было слабо и ненадежно: Татары Сибирскіе, признавъ Іоанна своимъ верховнымъ Властителемъ, не только худо платили ему дань, но и частыми набѣгами тревожили Великую Пермь, гдѣ былъ конецъ Россіи. Озабоченный важными, непрестанными войнами, Царь не могъ утвердить ни власти своей надъ отдаленною Сибирью; ни спокойствія нашихъ владѣній между Камою и Двиною, гдѣ уже издавна селились многіе Россіяне, привлекаемые туда естественнымъ изобиліемъ земли, дешевизною всего нужнаго

для жизни, выгодами мѣны съ полудикими, сосѣдственными народами, въ особенности богатыми мягкою рухлядью. Въ числѣ тамошнихъ Россійскихъ вселъниковъ были и купцы Строгановы, Яковъ и Григорій Іоанникіевы или Аникины, коихъ отецъ обогатился заведеніемъ соляныхъ варницъ на Вычегдѣ и (если вѣрить сказанію иностранцевъ) *первый* открылъ путь для нашей торговли за хребетъ горъ Уральскихъ ([651]). Пишутъ, что сіи купцы происходили отъ знатнаго, крещенаго Мурзы Золотой Орды, именемъ Спиридона, научившаго Россіянъ употребленію счетовъ; что Татары, имъ озлобленные, плѣнили его въ битвѣ, измучили и будто бы *застрогали* до смерти; что сынъ его по тому названъ *Строгановымъ*, а внукъ ([652]) способствовалъ искупленію Великаго Князя Василія Темнаго, бывшаго плѣнникомъ въ Казанскихъ Улусахъ. Желая взять дѣятельныя мѣры для обузданія Сибири, Іоаннъ призвалъ упомянутыхъ двухъ братьевъ, Якова и Григорія, какъ людей умныхъ и знающихъ всѣ обстоятельства сѣверо-восточнаго края Россіи ([653]); бесѣдовалъ съ ними, одобрилъ ихъ мысли и далъ имъ жалованныя грамоты на пустыя мѣста, лежащія внизъ по Камѣ отъ Земли Пермской до рѣки Сылвы, и берега Чусовой до ея вершины; позво-

Знатные купцы Строгановы.

лилъ имъ ставить тамъ крѣпости въ защиту отъ Сибирскихъ и Ногайскихъ хищниковъ, имѣть снарядъ огнестрѣльный, пушкарей и воиновъ на собственномъ иждивеніи, принимать къ себѣ всякихъ людей вольныхъ, не *тяглыхъ* и не бѣглыхъ, — вѣдать и судить ихъ независимо отъ Пермскихъ Намѣстниковъ и Тіуновъ, *не возить и не кормить* Пословъ, ѣздящихъ въ Москву изъ Сибири или въ Сибирь изъ Москвы, заводить селенія, пашни и соляныя варницы, — въ теченіе двадцати лѣтъ торговать безъ пошлины солью и рыбою, но съ обязательствомъ *не дѣлать рудъ*, и если найдутъ гдѣ серебряную, или мѣдную, или оловянную, то немедленно извѣщать о семъ Казначеевъ Государевыхъ (654). Довольные Царскою милостію, дѣятельные и
г. 1558-1572. богатые Строгановы основали въ 1558 году близъ устья Чусовой городокъ Канкоръ, на мысу Пыскорскомъ (гдѣ стоялъ монастырь Всемилостиваго Спаса) въ 1564 г. крѣпость Кергеданъ на Орловскомъ Волокѣ, въ 1568 и 1570 г. нѣсколько остроговъ на берегахъ Чусовой и Сылвы (655); приманили къ себѣ многихъ людей, бродягъ и бездомковъ, обѣщая богатые плоды трудолюбію и добычу смѣлости; имѣли свое войско, свою управу, подобно Князькамъ Владѣтельнымъ; берегли Сѣверо-Востокъ Россіи, и въ 1572 году смирили

бунтъ Черемисы, Остяковъ, Башкирцевъ (656), одержавъ знатную побѣду надъ ихъ соединенными толпами, и снова взявъ съ нихъ присягу въ вѣрности къ Государю. Сіи усердные стражи земли Пермской, сіи населители пустынь Чусовскихъ, сіи купцы-Владѣтели, расиространивъ предѣлы обитаемости и Государства Московскаго до Каменнаго Пояса, устремили мысль свою и далѣе.

Кучюмъ, овладѣвъ Сибирью, искалъ благоволенія Іоаннова, когда еще опасался ея жителей, насильно обращаемыхъ имъ въ Магометанскую Вѣру (657), и Ногаевъ, друзей Россіи: но утвердивъ власть свою надъ Тобольскою Ордою, перезвавъ къ себѣ многихъ степныхъ Киргизовъ и женивъ сына, Алея, на дочери Ногайскаго Князя, Тинъ-Ахмата (658), уже не исполнялъ обязанностей нашего данника, тайно сносился съ Черемисою, возбуждалъ сей народъ свирѣпый къ бунту противъ Государя Московскаго и подъ смертною казнію запрещалъ Остякамъ, Югорцамъ (659), Вогуличамъ, платить древнюю дань Россіи. Встревоженный слухомъ о Строгановскихъ крѣпостяхъ, Кучюмъ (въ Іюлѣ 1573 года) послалъ своего племянника (660), Маметкула, развѣдать объ нихъ и, если можно, истребить всѣ наши заведенія въ окрестностяхъ Камы. Маметкулъ явился съ войскомъ какъ

Невѣрность Царя Кучюма.

г. 1573.

непріятель: умертвилъ нѣсколько вѣрныхъ намъ Остяковъ; плѣнилъ ихъ женъ, дѣтей и Посла Московскаго, Третьяка Чебукова, ѣхавшаго въ Орду Киргизъ-Кайсакскую; но узнавъ, что въ городкахъ Чусовскихъ довольно и ратныхъ людей и пушекъ, бѣжалъ назадъ. Строгановы не смѣли гнаться за разбойникомъ безъ Государева повелѣнія: извѣстили о томъ Іоанна, и просили указа строить крѣпости въ землѣ Сибирской, чтобы стѣснить Кучюма въ его собственныхъ владѣніяхъ и навсегда утвердить безопасность нашихъ. Они не требовали ни полковъ, ни оружія, ни денегъ; требовали единственно жалованной грамоты на землю непріятельскую — и получили: 30 Мая, 1574 года, Іоаннъ далъ имъ
г. 1574. сію грамоту, гдѣ сказано, что Яковъ и Григорій Строгановы могутъ укрѣпиться на берегахъ Тобола и вести войну съ измѣнникомъ Кучюмомъ для освобожденія первобытныхъ жителей Югорскихъ, нашихъ данниковъ, отъ его ига; могутъ, въ возмездіе за ихъ добрую службу, выдѣлывать тамъ не только желѣзо, но и мѣдь, олово, свинецъ, сѣру для опыта, до нѣкотораго времени; могутъ свободно и безъ пошлины торговать съ Бухарцами и съ Киргизами (661). — Слѣдственно Строгановы имѣли законное право итти съ огнемъ и мечемъ за Каменный Поясъ; но силы,

можетъ быть, не отвѣтствовали ревности для такого важнаго предпріятія. Миновало шесть лѣтъ, и въ теченіе сего времени Яковъ съ Григоріемъ умерли, оставивъ свое богатство, умъ и дѣятельность въ наслѣдіе меньшему брату, Семену, который вмѣстѣ съ племянниками, Максимомъ Яковлевымъ и Никитою Григорьевымъ, счастливо исполнилъ ихъ славное намѣреніе, заслуживъ тѣмъ сперва гнѣвъ Іоанновъ, а благодарность, его и Россіи, уже послѣ!

Мы говорили о происхожденіи, доброй и худой славѣ, вѣрности и невѣрности Донскихъ Козаковъ, то честныхъ воиновъ Россіи, то мятежниковъ, ею не признаваемыхъ за Россіянъ. Гнѣвные отзывы Іоанновы о сей вольницѣ, въ письмахъ къ Султанамъ и къ Ханамъ Таврическимъ, были истиною (662): ибо Козаки дѣйствительно, разбивая купцевъ, даже Пословъ Азіатскихъ на пути ихъ въ Москву, грабя самую казну Государеву, нѣсколько разъ заслуживали опалу; нѣсколько разъ высылались дружины воинскія на берега Дона и Волги, чтобы истребить сихъ хищниковъ (663): такъ въ 1577 году Стольникъ Иванъ Мурашкинъ, предводительствуя сильнымъ отрядомъ, многихъ изъ нихъ взялъ и казнилъ; но другіе не смирялись: уходили на время въ пустыни, снова явля-

Разбои Козаковъ.

г. 1577.

лись и злодѣйствовали на всѣхъ дорогахъ, на всѣхъ перевозахъ; въ быстромъ набѣгѣ взяли даже столицу Ногайскую, городъ Сарайчикъ, не оставили тамъ камня на камнѣ и вышли съ знатною добычею, раскопавъ самыя могилы, обнаживъ мертвыхъ. Къ числу буйныхъ Атамановъ Волжскихъ при-
Ермакъ. надлежали тогда Ермакъ (Германъ) Тимоѳеевъ, Иванъ Кольцо, осужденный Государемъ на смерть, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ, Матвѣй Мещерякъ (564), извѣстные удальствомъ рѣдкимъ: слыша, какъ они ужасаютъ своею дерзостію не только мирныхъ путешественниковъ, но и всѣ окрестные Улусы кочевыхъ народовъ, умные Строгановы предложили симъ пяти храбрецамъ службу честную; послали къ нимъ дары, написали грамоту ласковую
г. 1579. (6 Апрѣля 1579 года), убѣждали ихъ отвергнуть ремесло, недостойное Христіанскихъ витязей, быть не разбойниками, а воинами *Царя Бѣлаго*, искать опасностей не безславныхъ, примириться съ Богомъ и съ Россіею; сказали: «имѣемъ крѣпости и «земли, но мало дружины: идите къ намъ «оборонять Великую Пермь и восточный «край Христіанства.» Ермакъ съ товарищами прослезился отъ умиленія, какъ пишутъ: мысль свергнуть съ себя опалу дѣлами честными, заслугою государственною, и промѣнять имя смѣлыхъ грабите-

лей на имя доблихъ воиновъ отечества, тронула сердца грубыя, но еще не лишенныя угрызеній совѣсти. Они подняли знамя на берегу Волги: кликнули дружину, собрали 540 отважныхъ бойцевъ ([665]) и (21 Іюня) прибыли къ Строгановымъ — «съ радостію и на радость,» говоритъ Лѣтописецъ: «чего хотѣли одни, что обѣ«щали другіе, то исполнилось: Атаманы «стали грудью за область Христіанскую. «Невѣрные трепетали; гдѣ показывались, «тамъ гибли.» И дѣйствительно (22 Іюля 1581 года), усердные Козаки разбили на голову Мурзу Бегулія ([666]), дерзнувшаго съ семью стами Вогуличей и Остяковъ грабить селенія на Сылвѣ и Чусовой; взяли его въ плѣнъ и смирили Вогуличей. Сей успѣхъ былъ началомъ важнѣйшихъ. г. 1581.

Призывая Донскихъ Атамановъ, Строгановы имѣли въ виду не одну защиту городовъ своихъ: испытавъ бодрость, мужество и вѣрность Козаковъ; узнавъ разумъ, великую отвагу, рѣшительность ихъ главнаго Вождя, Ермака Тимоѳеева, *родомъ неизвѣстнаго, душею знаменитаго*, какъ сказано въ лѣтописи; составивъ еще особенную дружину изъ Русскихъ Татаръ, Литвы, Нѣмцевъ, искупленныхъ ими изъ неволи у Ногаевъ (которые, служа въ войнахъ Іоанну ([667]), возвращались обыкновенно въ Улусы свои съ плѣнниками);

добывъ оружія, изготовивъ всѣ нужные запасы, Строгановы (668) объявили походъ, Ермака Воеводою и Сибирь цѣлію. Ратниковъ было 840, одушевленныхъ ревностію и веселіемъ: кто хотѣлъ чести, кто добычи; Донцы надѣялись заслужить милость Государеву, а Нѣмецкіе и Литовскіе плѣнники свободу: Сибирь казалась имъ путемъ въ любезное отечество! Воевода устроилъ войско; сверхъ Атамановъ, избралъ Есауловъ, Сотниковъ, Пятидесятниковъ (669): главнымъ подъ нимъ былъ неустрашимый Иванъ Кольцо. Нагрузивъ ладіи запасами и снарядами, легкими пушками, *семипядными* пищалями: взявъ вожатыхъ, толмачей, Іереевъ; отпѣвъ молебенъ; выслушавъ послѣдній наказъ Строгановыхъ: «иди съ миромъ, очистить землю Сибирскую и выгнать безбожнаго Салтана Кучюма,» Ермакъ *съ обѣтомъ доблести и цѣломудрія*, при звукѣ трубъ воинскихъ, 1 Сентября 1581 года (670) отплылъ рѣкою Чусовою къ горамъ Уральскимъ, на подвигъ славы, безъ всякаго содѣйствія, даже безъ вѣдома Государева: ибо Строгановы, имѣя Іоаннову жалованную грамоту на мѣста за Каменнымъ Поясомъ, думали, что имъ уже нѣтъ надобности требовать новаго Царскаго указа для ихъ великаго предпріятія. Не такъ мыслилъ Іоаннъ, какъ увидимъ.

Походъ на Сибирь.

Въ то самое время, когда Россійскій Пизарро, не менѣе Испанскаго грозный для дикихъ народовъ, менѣе ужасный для человѣчества, шелъ воевать Кучюмову Державу, Князь Пелымскій ([671]) съ Вогуличами, Остяками, Сибирскими Татарами и Башкирцами нечаянно напалъ на берега Камы, выжегъ, истребилъ селенія близъ Чердыни, Усолья и новыхъ крѣпостей Строгановскихъ; умертвилъ, плѣнилъ множество Христіанъ. Защитниковъ не было; но свѣдавъ о походѣ Козаковъ въ Сибирь, онъ спѣшилъ удалиться для защиты собственныхъ владѣній. Сей разбой поставили въ вину Строгановымъ: Іоаннъ писалъ къ нимъ, что они, какъ доносилъ ему Чердынскій Намѣстникъ, Василій Пелепелицынъ, не умѣютъ или не хотятъ оберегать границы; *самовольно* призвали опальныхъ Козаковъ, извѣстныхъ злодѣевъ, и послали ихъ воевать Сибирь, раздражая тѣмъ и Князя Пелымскаго и Салтана Кучюма; что такое дѣло есть измѣна, достойная казни. «Приказываю вамъ (писалъ онъ «далѣе) немедленно выслать Ермака съ «товарищами въ Пермь и въ Усолье Камское, гдѣ имъ должно *покрыть* вины свои «совершеннымъ усмиреніемъ Остяковъ и «Вогуличей; а для безопасности вашихъ «городковъ можете оставить у себя Козаковъ сто, не болѣе. Если же не испол-

Гнѣвъ Іоанновъ.

«ните нашего указа; если впредь что ни-
«будь случится надъ Пермскою землею отъ
«Пелымскаго Князя и Сибирскаго Салтана:
«то возложимъ на васъ *большую опалу*, а
«Козаковъ измѣнниковъ велимъ перевѣ-
«шать» ([672]). Сей гнѣвный указъ испугалъ
Строгановыхъ; но блестящій, неожидан-
ный успѣхъ оправдалъ ихъ дѣло, и гнѣвъ
Іоанновъ перемѣнился въ милость.

Подвиги Ермаковы. Начиная описаніе Ермаковыхъ подви-
говъ, скажемъ, что они, какъ все необы-
кновенное, чрезвычайное, сильно дѣйствуя
на воображеніе людей, произвели многія
басни, которыя смѣшались въ преданіяхъ
съ истиною и подъ именемъ лѣтописаній
обманывали самыхъ Историковъ. Такъ, на
примѣръ, сотни Ермаковыхъ воиновъ, по-
добно Кортецовымъ или Пиззаровымъ, об-
ратились въ тысячи, мѣсяцы дѣйствія въ
годы, плаваніе трудное въ чудесное. Остав-
ляя баснословіе, слѣдуемъ въ важнѣйшихъ
обстоятельствахъ грамотамъ и достовѣр-
нѣйшему современному повѣствованію ([673])
о семъ завоеваніи любопытномъ, дѣйстви-
тельно удивительномъ, если и не чудес-
номъ.

Атаманы плыли четыре дни вверхъ по
рѣкѣ Чусовой ([674]), быстрой, каменистой,
опасной, до хребта Уральскаго и между
горами, подъ сѣнію ихъ скалъ навислыхъ;
два дни рѣкою Серебряною, и достигли ею

такъ называемаго *пути Сибирскаго*; остановились, и не зная, что ожидало ихъ впереди, для своей безопасности сдѣлали земляное укрѣпленіе, давъ ему имя *Кокуя городка*; видѣли только пустыни, или малочисленныхъ жителей мирныхъ, и черезъ волокъ перевезлися оттуда до рѣки Жаравли ([675]). Сіи мѣста еще и нынѣ ознаменованы памятниками Ермака: скалы, пещеры, слѣды укрѣпленій называются его именемъ; ладіи тяжелыя, оставленныя имъ между Серебряною и Баранчею, еще не совсѣмъ истлѣли, какъ увѣряютъ, и надъ ихъ гніющими днами растутъ высокія деревья ([676]). — Жаравлею и Тагиломъ вошли Атаманы въ рѣку Туру, уже въ область Сибирскаго Царства, гдѣ въ первый разъ обнажили мечь завоеванія. На мѣстѣ нынѣшняго Туринска стоялъ городокъ Князя Епанчи, который, повелѣвая многими Татарами и Вогуличами, встрѣтилъ смѣлыхъ пришельцевъ тучею стрѣлъ съ берега (гдѣ теперь село Усениново), но бѣжалъ, устрашенный громомъ пушекъ. Ермакъ велѣлъ разорить сей городокъ; осталось только имя: ибо жители донынѣ называютъ Туринскъ Епанчинымъ ([677]). Опустошивъ Улусы и селенія внизъ по Турѣ, Атаманы на устьѣ Тавды взяли въ плѣнъ Кучюмова сановника, Таузака, который, искренностію спасая жизнь, сообщилъ имъ всѣ нужныя для нихъ свѣдѣнія о землѣ своей, и будучи за то освобожденъ, извѣстилъ его Царя, что предсказаніе Сибирскихъ волхвовъ сбывается ([678]): ибо сіи ку-

дескики уже давно, какъ пишутъ, вопiял на стогнахъ о неминуемомъ скоромъ паденiи его Державы отъ нашествiя Христiанъ. Таузакъ описывалъ Козаковъ людьми чудесными, воинами неодолимыми, *стрѣляющими огнемъ и громомъ смертоноснымъ* навылетъ сквозь латы. Но Кучюмъ, лишенный зрѣнiя (679), имѣлъ душу твердую: рѣшился стать мужественно за Царство и Вѣру; собралъ войско изъ всѣхъ Улусовъ, выслалъ племянника Маметкула въ поле со многочисленною конницею, а самъ укрѣпился въ засѣкѣ, на Иртышѣ, подъ горою Чувашьею, преграждая Атаманамъ путь къ Искеру.

Завоеванiе Сибири во многихъ отношенiяхъ сходствуетъ съ завоеванiемъ Мексики и Перу: также горсть людей, стрѣляя огнемъ, побѣждала тысячи, вооруженныя стрѣлами и копьями: ибо сѣверные Моголы и Татары не умѣли воспользоваться изобрѣтенiемъ пороха, и въ концѣ XVI вѣка дѣйствовали единственно оружiемъ временъ Чингисовыхъ. Каждый богатырь Ермаковъ шелъ на толпу непрiятелей (680), смертоносною пулею убивалъ одного, а страшнымъ звукомъ пищали своей разгонялъ двадцать и тридцать. Такъ, въ первой битвѣ на берегу Тобола, въ урочищѣ Вабасанѣ, Ермакъ, стоя въ окопѣ, нѣсколькими залпами остановилъ стремленiе де-

Битвы.

сяти или болѣе тысячь всадниковъ Маметкуловыхъ, которые неслися, во весь духъ, потоптать его: онъ самъ ударилъ на нихъ (681), и довершивъ побѣду, открылъ себѣ путь къ устью Тобола, хотя и не совсѣмъ безопасный: ибо жители, занявъ крутый берегъ сей рѣки, называемый *Долгимъ Яромъ* (682), стрѣлами осыпали ладіи Козаковъ. Второе, менѣе важное дѣло было въ шестнадцати верстахъ отъ Иртыша, гдѣ властвовалъ Улусный Князь, Царскій Думный Совѣтникъ Карача, на берегахъ озера, и теперь именуемаго *Карачинскимъ*: Ермакъ взялъ его Улусъ, и въ немъ богатую добычу, запасы и множество кадей Царскаго меду. Третія битва, на Иртышѣ, жаркая, упорная, стоила жизни нѣкоторому числу Ермаковыхъ сподвижниковъ (683), доказавъ, что независимость отечества мила и варварамъ: Сибирскіе защитники изъявили неустрашимость и твердость; ввечеру уступили Россіянамъ побѣду, но только до новаго кровопролитія, имѣя еще и доблесть и надежду. Слѣпый Кучюмъ вышелъ изъ укрѣпленій и сталъ на горѣ Чувашьей: Маметкулъ расположился въ засѣкѣ, и Козаки, въ тотъ же вечеръ занявъ городокъ Атикъ-Мурзы, не смыкали глазъ ночью, опасаясь нападенія.

Уже число Ермаковой дружины уменьшилось замѣтно; кромѣ убитыхъ, многіе

Ночный совѣтъ Козаковъ.

были ранены; многіе лишились силъ и бодрости отъ трудовъ непрестанныхъ. Въ сію ночь Атаманы совѣтовались съ товарищами, что дѣлать — и голосъ слабыхъ раздался. «Мы утовлетворили мести,» сказали они: «время итти назадъ. Всякая новая «битва для насъ опасна: ибо скоро не «кому будетъ побѣждать.» Но Атаманы отвѣтствовали: «Нѣтъ, братья: намъ путь «только впередъ! Уже рѣки покрываются «льдомъ: обративъ тылъ, замерзнемъ въ «глубокихъ снѣгахъ; а если и достигнемъ «Руси, то съ пятномъ клятвопреступни«ковъ, обѣщавъ смирить Кучюма, или ве«ликодушною смертію загладить наши ви«ны предъ Государемъ. Мы долго жили «худою славою: умремъ же съ доброю! «Богъ дастъ побѣду, кому хочетъ: не рѣд«ко слабымъ мимо сильныхъ, да святится «имя Его» (684)! Дружина сказала: *аминь!* и съ первыми лучами солнца, 23 Октября, устремилась къ засѣкѣ, воскликнувъ: *съ нами Богъ!* Непріятель сыпалъ стрѣлы, язвилъ Козаковъ, и въ трехъ мѣстахъ самъ разломавъ засѣку, кинулся въ бой рукопашный, безвыгодный для Ермаковыхъ малочисленныхъ витязей; дѣйствовали саблями и копья: люди падали съ обѣихъ сторонъ; но Козаки, Нѣмецкіе и Литовскіе воины стояли единодушнѣе, крѣпкою стѣною — успѣвали заряжать пищали и бѣг-

Рѣшительная битва.

лымъ огнемъ рѣдили толпы непріятельскія, гоня ихъ къ засѣкѣ. Ермакъ, Иванъ Кольцо мужествовали впереди, повторяя громкое восклицаніе: *съ нами Богъ!* а слѣпый Кучюмъ, стоя на горѣ, съ Иманами, съ Муллами своими кликалъ Магомета для спасенія Правовѣрныхъ. Къ счастію Россіянъ, къ ужасу непріятелей, раненный Маметкулъ долженъ былъ оставить сѣчу: Мурзы увезли его въ ладіи на другую сторону Иртыша, и войско безъ предводителя отчаялось въ побѣдѣ: Князья Остяцкіе дали тылъ; бѣжали и Татары. Слыша, что знамена Христіанскія уже развѣваются на засѣкѣ, Кучюмъ искалъ безопасности въ степяхъ Ишимскихъ, успѣвъ взять только часть казны своей въ Сибирской столицѣ. Сія главная, кровопролитнѣйшая битва, въ коей пало 107 добрыхъ Козаковъ, донынѣ поминаемыхъ въ Соборной Тобольской церкви ([685]), рѣшила господство Россіи отъ Каменнаго хребта до Оби и Тобола.

26 Октября Ермакъ, уже знаменитый для Исторіи, отпѣвъ молебенъ, торжественно вступилъ въ Искеръ или въ городъ Сибирь, который стоялъ на высокомъ берегу Иртыша, укрѣпленный съ одной стороны крутизною, глубокимъ оврагомъ, а съ другой тройнымъ валомъ и рвомъ. Тамъ побѣдители нашли великое богатство, если вѣрить Лѣтописцу: множество золота и се-

Взятіе Искера или города Сибири.

ребра, Азіатскихъ парчей, драгоцѣнныхъ камней, мѣховъ, и все братски раздѣлили между собою (686). Городъ былъ пустъ: овладѣвъ Царствомъ, наши витязи еще не видали въ немъ людей; имѣя золото и соболей, не имѣли пищи: но 30 Октября явились къ нимъ Остяки съ Княземъ своимъ Боаромъ, съ дарами и запасами; клялися въ вѣрности, требовали милосердія и покровительства. Скоро явилось и множество Татаръ съ женами и съ дѣтьми, коихъ Ермакъ обласкалъ, успокоилъ, и всѣхъ отпустилъ въ ихъ прежніе Юрты, обложивъ легкою данію. Сей бывшій Атаманъ разбойниковъ, оказавъ себя Героемъ неустрашимымъ, Вождемъ искуснымъ, оказалъ необыкновенный разумъ и въ земскихъ учрежденіяхъ и въ соблюденіи воинской подчиненности, вселивъ въ людей грубыхъ, дикихъ, довѣренность къ новой власти, и строгостію усмиряя своихъ буйныхъ сподвижниковъ, которые, преодолѣвъ столько опасностей, въ землѣ завоеванной ими, *на краю свѣта*, не смѣли тронуть ни волоса у мирныхъ жителей. Пишутъ, что грозный, неумолимый Ермакъ, жалѣя воиновъ Христіанскихъ въ битвѣ, не жалѣлъ ихъ въ случаѣ преступленія и казнилъ за всякое ослушаніе, за всякое *дѣло студное* (687): ибо требовалъ отъ дружины не только повиновенія, но и чистоты душевной, чтобы уго-

Строгость Ермака.

лить вмѣстѣ и Царю земному и Царю Небесному; онъ думалъ, что Богъ дастъ ему побѣду скорѣе съ малымъ числомъ добродѣтельныхъ воиновъ, нежели съ большимъ закоснѣлыхъ грѣшниковъ, и Козаки его, по сказанію Тобольскаго Лѣтописца, и въ пути и въ столицѣ Сибирской вели жизнь цѣломудренную: сражались и молились! Еще опасности не миновали.

Прошло нѣсколько времени: не имѣя слуха о Кучюмѣ, Атаманы безъ опасенія занимались ловлею въ окрестностяхъ города. Но Кучюмъ былъ не далеко: племянникъ его, Маметкулъ, не смотря на язву свою, уже бодрствовалъ въ полѣ, и 5 Декабря незапно ударивъ на 20 Россіянъ, которые ловили рыбу въ озерѣ Абалацкомъ (688), умертвилъ всѣхъ до единаго. Свѣдавъ о томъ, Ермакъ устремился за непріятелемъ: настигъ его близъ Абалака (гдѣ селеніе Шамшинскіе Юрты), разбилъ, разсѣялъ; взялъ тѣла своихъ убитыхъ и съ честію предалъ землѣ на Сауксанскомъ мысу, близъ Искера, гдѣ было древнее Ханское кладбище. — Чрезвычайный холодъ, опасныя вьюги и краткость зимнихъ дней въ сихъ странахъ полуночныхъ не дозволяли ему мыслить о новыхъ, важныхъ предпріятіяхъ до весны. Между тѣмъ владѣнія Козаковъ распространились мирнымъ подданствомъ двухъ Князей Вогульскихъ, Ишбердея и Суклема: первый господствовалъ за Эскальбинскими болотами (689), на берегахъ Конды или Тавды, а вторый въ окрестностяхъ Тобола; оба вызвались добро-

вольно платить ясакъ или дань соболями, и присягнули Россіи въ вѣрности, которою Ишбердей пріобрѣлъ особенную любовь Козаковъ, служа имъ добрымъ совѣтникомъ и путеводителемъ въ мѣстахъ незнаемыхъ. Такимъ образомъ дѣла внутренняго управленія, собираніе дани, звѣриная и рыбная ловля, нужная для продовольствія въ землѣ безхлѣбной, занимали Ермака до Апрѣля мѣсяца (690), когда одинъ Мурза извѣстилъ его, что дерзкій Маметкулъ снова приближился къ Иртышу и кочуетъ въ Вагаѣ съ малочисленною толпою: требовалось скорости и тайны болѣе, нежели силы, чтобы истребить сего врага неутомимаго: Атаманы выбрали только шестьдесятъ удальцевъ, которые ночью подкрались къ Маметкулову стану (691), напали въ расплохъ, умертвили многихъ сонныхъ Татаръ, взяли самого Царевича живаго и привели съ торжествомъ въ Искеръ, къ великой радости Ермака: ибо онъ симъ счастливымъ плѣномъ избавился отъ смѣлаго, мужественнаго непріятеля и могъ имъ воспользоваться, какъ важнымъ залогомъ, въ случаѣ войны или мира съ изгнанникомъ Кучюмомъ; видѣлъ Маметкула обагреннаго кровію своихъ братьевъ, но не думалъ о мести личной: ласкалъ и честилъ его подъ крѣпкою стражею.

г. 1582

Плѣненіе Царевича Маметкула.

Уже имѣя лазутчиковъ и въ отдаленныхъ мѣстахъ, Ермакъ въ то же время узналъ, что Кучюмъ, сраженный вѣстію о несчастіи Маметкула, скитается въ пустыняхъ за Ишимомъ; что юный сынъ убитаго имъ Князя Сибирскаго, Бекбулата (692), Сейдекъ, увезенный въ Бухарію слугами отца своего, возмужавъ лѣтами и духомъ, идетъ на сего Царя-хищника съ шайками Узбековъ, и что Вельможа Карача измѣнилъ ему въ бѣдствіи: оставилъ Кучюма, увелъ многихъ людей съ собою и расположился кочевать въ *Лымской* землѣ (693), на большемъ озерѣ, выше устья Тары, впадающей въ Иртышъ, близъ рѣки Осмы. Сіе достовѣрное извѣстіе о безсиліи главнаго, злобнаго врага и наступленіе весны благопріятствовали новымъ подвигамъ знаменитаго Атамана.

Оставивъ въ Искерѣ часть дружины, Ермакъ съ Козаками поплылъ Иртышемъ къ Сѣверу (694). Уже ближайшіе Улусы признавали власть его: онъ шелъ мирно до устья Арямдзянки, гдѣ Татары, еще независимые, засѣли въ крѣпости и не хотѣли сдаться: взявъ ее приступомъ, Атаманы велѣли разстрѣлять или повѣсить главныхъ виновниковъ сего опаснаго упорства. Всѣ иные жители, смиренные ужасомъ, клялися быть подданными Россіи, цѣлуя омоченную кровію саблю. Нынѣш-

Дальнѣйшія завоеванія.

нія волости Пацининская, Карбинская, Туртасская не смѣли противиться. Далѣе начинались Юрты Остяковъ и Кондинскихъ Вогуличей: тамъ, на высокомъ берегу Иртыша, Князь ихъ Демьянъ, имѣя крѣпость и въ ней двѣ тысячи воиновъ, готовыхъ къ битвѣ, отвергнулъ всѣ предложенія Ермаковы. Лѣтописецъ разсказываетъ, что въ семъ городкѣ былъ золотой кумиръ, будто бы вывезенный изъ древней Россіи, во время ея крещенія; что Остяки держали его въ чашѣ, пили изъ нее воду и тѣмъ укрѣплялись въ мужествѣ; что Атаманы, стрѣльбою изгнавъ осажденныхъ, вступили въ городъ, но не могли найти въ немъ драгоцѣннаго идола ([695]). — Далѣе, плывя Иртышемъ, завоеватели увидѣли толпу кудесниковъ, приносящихъ жертву славному кумиру Рачѣ, съ моленіемъ, да спасетъ ихъ отъ страшныхъ пришельцевъ. Идолъ безмолвствовалъ, Россіяне шли съ своимъ *громомъ*, и кудесники бѣжали въ темноту лѣсовъ. На семъ мѣстѣ нынѣ селеніе *Рачевые* Юрты, ниже *Демьянскаго* Яма. — Далѣе, въ Цынгальской волости, гдѣ Иртышъ, стѣсняемый горами, имѣетъ узкое и быстрое теченіе, собралося множество вооруженныхъ людей: одинъ выстрѣлъ разсѣялъ ихъ, и Козаки овладѣли городкомъ Нарымскимъ, гдѣ были только жены съ дѣтп, въ страхѣ, въ ожиданіи смерти; но Ермакъ обошелся съ ними столь ласково, что отцы и мужья не замедлили прійти къ нему съ данію. Покоривъ волость Тарханскую ([696]), Атаманы всту-

пили въ страну знатнѣйшаго Князя Остяцкаго, Самара, который соединился съ другими осмью Князьками и ждалъ Россіянъ для битвы, чтобы рѣшить судьбу всей древней земли Югорской. Хваляся мужествомъ и силою, Самаръ забылъ осторожность: спалъ крѣпкимъ сномъ вмѣстѣ съ войскомъ и стражею, когда Атаманы въ часъ разсвѣта ударили на его станъ: пробужденный шумомъ, онъ схватилъ оружіе и палъ мертвый отъ первой пули; войско разбѣжалось, а жители обязались платить ясакъ Россіи. — Уже Ермакъ достигъ славной Оби, коей теченіе извѣстно было и древнимъ Новогородцамъ, но устье и вершина, по выраженію Московскихъ путешественниковъ 1567 года (697), таились во мракѣ отдаленія. Завоевавъ еще главный Остяцкій городъ Назымъ и многія иныя крѣпости на берегахъ ея, плѣнивъ ихъ Князя и горестно оплакавъ кончину храбраго сподвижника, Атамана Никиту Пана, убитаго на приступѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ лучшихъ Козаковъ (698), Ермакъ не хотѣлъ итти далѣе: ибо видѣлъ предъ собою однѣ хладныя пустыни, гдѣ мшистая кора болотъ и лѣтомъ едва теплѣетъ отъ жаркихъ лучей солнца, и гдѣ, среди мерзлыхъ тундръ, усѣянныхъ мамантовыми костями, представляется глазамъ образъ ужаснаго кладбища Природы. Поставивъ Князя Остяцкаго Алача Главою надъ Обскими Юртами, Ермакъ тѣмъ же путемъ возвратился въ Сибирскую столицу, честимый своими данниками какъ побѣдитель и

Владыка; вездѣ, съ изъявленіями рабо-лѣпства, встрѣчали, провожали его, какъ мужа грозы и доблести сверхъестествен-ной. Козаки плыли съ воинскою музыкою и выходили на берегъ всегда въ своихъ праздничныхъ кафтанахъ, чтобы удивлять жителей пышностію и богатствомъ (699). Отъ предѣловъ Березовскихъ до Тобола утвердивъ господство Россіи, Ермакъ бла-гополучно возвратился въ Искеръ, тихій и спокойный.

Посольство въ Москву. Тогда единственно, по сказанію Лѣто-писца, сей витязь счастливый далъ знать Строгановымъ, что Богъ помогъ ему одо-лѣть Салтана, взять его столицу, землю и Царевича, а съ народовъ присягу въ вѣр-ности; написалъ и къ Іоанну, что его бѣд-ные, опальные Козаки, угрызаемые совѣ-стію, исполненные раскаянія, шли на смерть и присоединили знаменитую Дер-жаву къ Россіи, во имя Христа и Великаго Государя, *на вѣки вѣковъ, доколѣ Всевышній благоволитъ стоять міру*; что они ждутъ указа и Воеводъ его (700) сдадутъ имъ Цар-ство Сибирское, и безъ всякихъ условій, готовые умереть или въ новыхъ подвигахъ чести или на плахѣ, какъ будетъ угодно ему и Богу. Съ сею грамотою поѣхалъ въ Москву вторый Атаманъ, первый сподвиж-никъ Ермака Тимоѳеева, первый съ нимъ въ думѣ и въ сѣчахъ, Иванъ Кольцо, не

боясь своего торжественнаго осужденія на лютую казнь преступника (701).

Здѣсь предупредимъ вопросъ Читателя: столь поздно извѣстивъ Строгановыхъ о своемъ успѣхѣ, не думалъ ли Ермакъ, обольщенный легкимъ завоеваніемъ Сибири (какъ угадывали нѣкоторые Историки) властвовать тамъ независимо? не для того ли наконецъ обратился къ Іоанну, что увидѣлъ необходимость требовать его вспоможенія, ежедневно слабѣя въ силахъ, хотя и побѣждая? Но могъ ли умный Атаманъ и съ самаго начала не предвидѣть, что горсть смѣльчаковъ, оставленныхъ Россіею, года въ два или въ три исчезла бы въ битвахъ или отъ болѣзней суроваго климата, среди пустынь и лѣсовъ, служащихъ вмѣсто крѣпостей для дикихъ, свирѣпыхъ жителей, которые платили дань пришельцамъ единственно подъ угрозою меча или выстрѣла? Гораздо вѣроятнѣе, что Лѣтописецъ, не бывъ очевидцемъ дѣяній, означаетъ ихъ порядокъ на-угадъ; или Ермакъ опасался безвременно хвалиться въ Россіи успѣхомъ: хотѣлъ прежде довершить завоеваніе, и довершилъ, по его мнѣнію, загнавъ Кучюма въ дальнія степи и водрузивъ межевый столпъ Государства Московскаго на берегу Оби.

Восхищенные вѣстію Атамановъ, Строгановы спѣшили въ Москву, донесли Государю о всѣхъ подробностяхъ и молили его утвердить Сибирь за Россіею: ибо они, какъ частные люди, не имѣли способовъ удержать столь обширное

завоеваніе. Явились и Послы Ермаковы, Атаманъ Кольцо съ товарищами, *бить челомъ Іоанну Царствомъ Сибирскимъ*, драгоцѣнными соболями, черными лисицами

Радость въ Москвѣ.

и бобрами. Давно, какъ пишутъ (702), не бывало такого веселія въ Москвѣ унылой: Государь и народъ *воспрянули духомъ*. Слова: «новое Царство послалъ Богъ Россіи!» съ живѣйшею радостію повторялись во дворцѣ и на Красной площади. Звонили въ колокола, пѣли молебны благодарственные, какъ въ счастливыя времена Іоанновой юности, завоеваній Казанскаго и Астраханскаго. Молва увеличивала славу подвига: говорили о безчисленныхъ воинствахъ, разбитыхъ Козаками: о множествѣ народовъ, ими покоренныхъ: о несмѣтномъ богатствѣ, ими найденномъ. Казалось, что Сибирь упала тогда съ неба для Россіянъ: забыли ея давнишнюю извѣстность и самое подданство, чтобы тѣмъ болѣе славить Ермака. Опала сдѣлалась честію: оглашенный преступникъ, Иванъ Кольцо, смиренно наклоняя повинную свою голову предъ Царемъ и Боярами, слышалъ милость, хвалу, имя добраго витязя, и съ слезами лобызалъ руку Іоаннову. Государь жаловалъ его и другихъ Сибирскихъ Пословъ деньгами, сукнами, камками; немедленно отрядилъ Воеводу, Князя Семена Дмитріевича Болховскаго,

чиновника Ивана Глухова и 500 Стрѣльцевъ къ Ермаку ([703]); дозволилъ Ивану Кольцу на возвратномъ пути искать охотниковъ для переселенія въ новый край Тобольскій и велѣлъ Епископу Вологодскому отправить туда десять Священниковъ съ ихъ семействами для Христіанскаго богослуженія. Весною Князь Болховскій долженъ былъ взять ладіи у Строгановыхъ и плыть рѣкою Чусовою по слѣдамъ Сибирскаго Героя. Сіи усердные, знаменитые граждане, истинные виновники столь важнаго пріобрѣтенія для Россіи, уступивъ оное Государству, не остались безъ возмездія: Іоаннъ за ихъ *службу и радѣніе* пожаловалъ Семену Строганову два мѣстечка, Большую и Малую Соль, на Волгѣ, а Максиму и Никитѣ право торговать во всѣхъ своихъ городкахъ безпошлинно ([704]). Посланіе ратв въ Сибирь. Г. 1583.

Между тѣмъ завоеватели Сибирскіе не праздно ждали добрыхъ вѣстей изъ Россіи: ходили рѣкою Тавдою въ землю Вогуличей ([705]). — Близъ устья сей рѣки господствовали Князья Татарскіе, Лабутанъ и Печенѣгъ, разбитые Ермакомъ въ дѣлѣ кровопролитномъ, на берегу озера, гдѣ, какъ увѣряетъ повѣствователь, и въ его время еще лежало множество костей человѣческихъ ([706]). Но робкіе Вогуличи Кошуцкой и Табаринской волости мирно дали ясакъ Атаманамъ. Сіи тихіе дикари жили Новыя завоеванія.

въ совершенной независимости; не имѣли ни Князей, ни Властителей; уважали только людей богатыхъ и разумныхъ, требуя отъ нихъ суда въ тяжбахъ или ссорахъ; не менѣе уважали и мнимыхъ волхвовъ, изъ коихъ одинъ, съ благоговѣніемъ взирая на Ермака, будто бы предсказалъ ему долговременную славу, но умолчалъ о близкой его смерти. Здѣсь баснословіе изобрѣло еще Гигантовъ между карлами Вогульскими (ибо жители сей печальной земли не бываютъ ни въ два аршина ростомъ: пишутъ, что Россіяне близъ городка Табаринскаго съ изумленіемъ увидѣли великана, въ двѣ сажени вышиною, который хваталъ рукою и давилъ вдругъ человѣкъ по-десяти или болѣе; что они не могли взять его живаго и застрѣлили! Вообще извѣстіе о семъ походѣ не весьма достовѣрно, находясь только въ прибавленіи къ Сибирской лѣтописи. Тамъ сказано далѣе, что Ермакъ, достигнувъ болотъ и лѣсовъ Пелымскихъ, разсѣявъ толпы Вогуличей и взявъ плѣнниковъ, старался узнать отъ нихъ о пути съ береговъ Верхней Тавды черезъ Каменный Поясъ въ Пермь, дабы открыть новое сообщеніе съ Россіею, менѣе опасное или трудное, но не могъ проложить сей дороги въ пустыняхъ грязныхъ и топкихъ лѣтомъ, а зимою засыпаемыхъ глубокими снѣгами. Умноживъ число данниковъ, расширивъ свои владѣнія въ древней землѣ Югорской до рѣки Сосвы и включивъ въ ихъ предѣлы страну *Кондинскую*, дотолѣ мало извѣстную, хотя уже

и давно именуемую въ титулѣ Московскихъ Самодержцевъ (707), Ермакъ возвратился въ Сибирскую столицу принять за славные труды отличную награду.

Жалованье Царское.

Иванъ Кольцо прибылъ въ Искеръ съ Государевымъ жалованьемъ, Князь Болховскій съ людьми воинскими. Первый вручилъ Атаманамъ и рядовымъ богатые дары, а Вождю ихъ двѣ брони, серебряный кубокъ и шубу съ плеча Царскаго (708). Іоаннъ въ ласковой грамотѣ объявилъ Козакамъ вѣчное забвеніе старыхъ винъ и вѣчную благодарность Россіи за важную услугу; назвалъ Ермака (такъ пишутъ) *Княземъ Сибирскимъ* (709); велѣлъ ему распоряжать и начальствовать, какъ было дотолѣ, чтобы утвердить порядокъ въ землѣ и верховную Государеву власть надъ нею. Козаки же честили Іоаннова Воеводу и всѣхъ Стрѣльцевъ, дарили соболями, угощали со всею возможною роскошью (710), готовясь съ ними къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ. — Сіе счастіе Ермаково и сподвижниковъ его не продолжилось: начинаются ихъ бѣдствія.

Болѣзни и голодъ въ Сибири.

Вопервыхъ открылась жестокая цынга, болѣзнь обыкновенная для новыхъ пришельцевъ въ климатахъ сырыхъ, холодныхъ, въ мѣстахъ еще дикихъ, мало населенныхъ: занемогли Стрѣльцы, отъ нихъ и Козаки; многіе лишились силъ, многіе и

жизни. Вовторыхъ оказался зимою недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ: страшные морозы, вьюги, мятели, препятствуя Козакамъ ловить звѣрей и рыбу, мѣшали и доставленію хлѣба изъ сосѣдственныхъ Юртовъ, гдѣ нѣтоторые жители занимались скуднымъ землепашествомъ. Сдѣлался голодъ: болѣзнь еще усилилась; люди гибли ежедневно, а въ числѣ многихъ другихъ умеръ и самъ Воевода Іоанновъ, Князь Болховскій, съ честію и слезами схороненный въ Искерѣ (711). Общее уныніе коснулось и Ермакова сердца: давно не боясь смерти, онъ боялся утратить завоеваніе, обмануть надежду Царя и Россіи. —
г. 1584. Сіе бѣдствіе миновало весною: теплота воздуха способствовала излеченію больныхъ, и подвозы доставили Россіянамъ изобиліе. Тогда Ермакъ (712), исполняя указъ Іоанновъ, отправилъ въ Москву Царевича Маметкула, написавъ къ Государю, что все опять благополучно въ его Сибири, но моля о сильнѣйшемъ, немедленномъ вспоможеніи, дабы удержать взятое и взять еще болѣе. — Сей плѣнный Царевичь, вѣрный блюститель Магометова Закона, служилъ послѣ въ нашихъ ратяхъ (713).

Лишась, можетъ быть, половины воиновъ отъ заразы и голода, Ермакъ претерпѣлъ еще знатную убыль въ силахъ отъ

легковѣрія и неосторожности. Мурза или Князь Карача, оставивъ Царя своего въ несгодѣ, имѣлъ на Тарѣ Улусъ многолюдный, лазутчиковъ въ Искерѣ, друзей и единомышленниковъ во всѣхъ окрестныхъ Юртахъ; хотѣлъ быть избавителемъ отечества; ждалъ времени, и между тѣмъ коварно ласкалъ Россіянъ: прислалъ къ нимъ дары, требовалъ ихъ защиты, будто бы угрожаемый Ногаями; клялся въ вѣрности, и такъ обольстилъ Ермака, что онъ послалъ къ нему сорокъ добрыхъ воиновъ съ Атаманомъ Иваномъ Кольцомъ. Сія горсть людей отважныхъ могла бы двумя или тремя залпами разогнать тысячи дикарей; но, влекомые Судьбою на гибель, Козаки шли къ мнимымъ друзьямъ безъ всякого опасенія и мирно стали подъ ножъ убійцъ: первый Герой Ермаковъ и воины его, львы въ сѣчахъ, пали какъ агнцы въ Тарскомъ Улусѣ (714)! .... Слѣдствіемъ были мятежъ и бунтъ всѣхъ нашихъ данниковъ: Татары, Остяки Сибирскіе возстали на Россіянъ, убили въ разъѣздѣ Атамана Якова Михайлова (715), соединились въ полѣ съ Карачею и стали необозримыми обозами вокругъ Искера, гдѣ Ермакъ увидѣлъ себя въ тѣсной осадѣ: завоеванія его, Царство и подданные вдругъ исчезли; нѣсколько саженей деревянной стѣны съ земляными укрѣпленіями со-

Неосторожность Козаковъ.

Осада города Сибири.

ставляли единственное владѣніе Козаковъ! Ермакъ могъ дѣлать вылазки, но жалѣлъ своихъ людей малочисленныхъ; стрѣлялъ, но безполезно, имѣя только легкія пушки: ибо непріятель стоялъ далеко и не хотѣлъ приступать къ стѣнамъ, въ надеждѣ взять крѣпость голодомъ, дѣйствительно неминуемымъ для ея защитниковъ, если бы осада продолжилась. Въ сей крайности рѣшились Козаки на дѣло отчаянное: 12 Іюня (716), ночью, съ Атаманомъ Матвѣемъ Мещерякомъ, оставивъ Ермака блюсти крѣпость, прокрались сквозь обозы непріятельскіе къ мѣсту называемому Саусканомъ, гдѣ былъ станъ Карачи, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, и кинулись на сонныхъ Татаръ: умертвили ихъ множество и двухъ сыновей Карачиныхъ, гнали бѣгущихъ во всѣ стороны, плавали въ крови невѣрныхъ. Самъ Князь или Мурза ушелъ за озеро только съ малымъ числомъ людей. Хотя утренній свѣтъ ободрилъ непріятелей; хотя они, присиѣвъ изъ другихъ становъ, удержали бѣглецовъ, сомкнулись и вступили въ бой: но Козаки, засѣвъ въ обозѣ Княжескомъ (717), сильною ружейною стрѣльбою отразили всѣ нападенія, и въ полдень съ торжествомъ возвратились въ городъ, ими освобожденный: ибо Карача, въ ужасѣ немедленно снявъ осаду, бѣжалъ за Ишимъ; а селенія и Юрты окрестные всѣ снова поддалися Рос-

сіянамъ. Еще Судьба благопріятствовала Героямъ!

Въ страхъ непріятелю и для своей будущей безопасности Ермакъ, хотя уже и слабый числомъ людей, предпріялъ итти въ слѣдъ за Карачею, вверхъ Иртышемъ, чтобы распространить на Востокъ владенія Россіи. Онъ побѣдилъ Князя Бегиша и взялъ городокъ его (коего остатки еще видны (718), на берегу излучистаго озера, далѣе устья Вагайскаго); завоевалъ всѣ мѣста до Ишима, местію ужасая непокорныхъ, милуя безоружныхъ. Въ Саргацкой волости жилъ тогда какой-то знаменитый Старѣйшина, наслѣдственный главный судія всѣхъ Улусовъ Татарскихъ отъ времепъ перваго Хана Сибирскаго, и Князь Еличай въ городкѣ Тебендѣ: оба изъявили смиреніе, а Князь вмѣстѣ съ данію представилъ Ермаку и юную дочь, невѣсту сына Кучюмова; но цѣломудренный Атаманъ велѣлъ ей удалиться съ ея прелестями опасными и съ невинностію, какъ говоритъ Лѣтописецъ. Близъ устья Ишимскаго, въ кровопролитной схваткѣ съ жителями, бѣдными и свѣрѣными, Ермакъ лишился пяти мужественныхъ Козаковъ, донынѣ воспѣваемыхъ въ унылыхъ Сибирскихъ пѣсняхъ (719); взялъ еще городокъ Ташатканъ, но не хотѣлъ упорно приступать къ важнѣйшей крѣпости, основанной Царемъ Кучюмомъ на бе-

Послѣднія завоеванія Ермаковы.

регу озера Аусаклу; достигнулъ рѣки Шиша, гдѣ начинаются голыя степи, и распорядивъ дань въ семъ новомъ завоеваніи, возвратился въ Искеръ съ трофеями, уже послѣдними!

Около двухъ лѣтъ господствуя въ Сибири, Казаки успѣли завести торговлю съ самыми отдаленными Азіатскими странами, издревле славными богатствомъ и купечествомъ. Уже караваны Бухарскіе ходили къ нимъ мимо Арала, сквозь степи Киргизъ-Кайсаковъ, путемъ безъ сомнѣнія давно проложеннымъ (можетъ быть, еще во времена Чингисовы или его наслѣдниковъ) оживляя пустынную Сибирскую столицу зрѣлищемъ дѣятельной ярмонки и доставляя тамъ Россіянамъ, въ обмѣнъ на мягкую рухлядь, плоды Восточнаго ремесла, нужные или пріятные для воиновъ, которые не берегли жизни, но любили наслаждаться ею. Ожидая тогда купцевъ Бухарскихъ ([720]), и свѣдавъ, что изгнанникъ Кучюмъ не дастъ имъ дороги въ степи Вагайской, гдѣ онъ снова дерзнулъ явиться, пылкій Ермакъ съ пятидесятью Козаками спѣшилъ ихъ встрѣтить: искалъ цѣлый день, не видалъ ни каравана, ни слѣдовъ непріятеля, и на возвратномъ пути расположился почевать въ шатрахъ, оставивъ лодки свои у берега, близъ Вагайскаго устья, гдѣ Иртышъ, дѣлясь на двое, течетъ весьма кривою излучиною къ Востоку и прямымъ искусственнымъ каналомъ, называемымъ *Ермаковою перекопью*, но вырытымъ, какъ надобно думать, въ древнѣйшія времена, ибо

гладкіе берега его не представляютъ уже ни малѣйшихъ слѣдовъ копанія ([721]). Тамъ же, къ Югу отъ рѣки, среди низкаго луга, возвышается холмъ, насыпанный, по общему преданію, руками дѣвичьими для жилища Царскаго ([722]). Между сими памятниками какого-то забытаго вѣка надлежало погибнуть новому завоевателю Сибири, съ коего начинается ея несомнительная Исторія — погибнуть отъ своей оплошности, изъясняемой единственно неодолимымъ дѣйствіемъ Рока. Ермакъ зналъ о близости врага, и, какъ бы утомленный жизнію, погрузился въ глубокій сонъ съ своими удалыми витязями, безъ наблюденія, безъ стражи. Лилъ сильный дождь; рѣка и вѣтеръ шумѣли, тѣмъ болѣе усыпляя козаковъ; а непріятель бодрствовалъ на другой сторонѣ рѣки: его лазутчики сыскали бродъ, тихо приближились къ стану Ермакову, видѣли сонныхъ, взяли у нихъ три пищали съ лядунками и представили своему Царю въ удостовѣреніе, что можно наконецъ истребить непобѣдимыхъ ([723]). *Заиграло Кучюмово сердце*, какъ сказано въ лѣтописи: онъ напалъ на Россіянъ полумертвыхъ (въ ночи 5 Августа) и всѣхъ перерѣзалъ, кромѣ двухъ: одинъ бѣжалъ въ Искеръ; другой, самъ Ермакъ, пробужденный звукомъ мечей и стономъ издыхающихъ, воспрянулъ . . . . . Гибель Ермакова.

увидѣлъ гибель, махомъ сабли еще отразилъ убійцъ, кинулся въ бурный глубокій Иртышъ и, не доплывъ до своихъ лодокъ, утонулъ отягченный желѣзною бронею, данною ему Іоанномъ . . . . Конецъ горькій для завоевателя: ибо, лишаясь жизни, онъ могъ думать, что лишается и славы!... Нѣтъ, волны Иртыша не поглотили ее: Россія, Исторія и Церковь гласятъ Ермаку вѣчную память!

Сей Герой — ибо отечество благодарное давно изгладило имя разбойника предъ Ермаковымъ — сей Герой погибъ безвременно, но совершивъ главное дѣло: ибо Кучюмъ, зарѣзавъ 49 сонныхъ Козаковъ, уже не могъ отнять Сибирскаго Царства у великой Державы, которая единожды навсегда признала оное своимъ достояніемъ. Ни современники, ни потомство не думали отнимать у Ермака полной чести сего завоеванія, величая доблесть его не только въ лѣтописаніяхъ, но и въ святыхъ храмахъ, гдѣ мы еще и нынѣ торжественно молимся за него и за дружину храбрыхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ пали на берегахъ Иртыша. Тамъ имя сего витязя живетъ и въ названіи мѣстъ и въ преданіяхъ изустныхъ; тамъ самыя бѣдныя жилища украшаются изображеніемъ *Атамана-Князя*. Онъ былъ видомъ благороденъ, сановитъ, росту средняго, крѣпокъ мышцами, широкъ плечами; имѣлъ

Изображеніе Героя Сибирскаго.

лице плоское, но пріятное, бороду черную, волосы темные, кудрявые, глаза свѣтлые, быстрые, зерцало души пылкой, сильной, ума проницательнаго. — Тѣло Ермаково (13 Августа) приплыло къ селенію Епанчинскимъ Юртамъ, въ 12 верстахъ отъ Абалака, гдѣ Татаринъ Янишъ, внукъ Князька Бегиша, ловя рыбу, увидѣлъ въ рѣкѣ ноги человѣческія, петлею вытащилъ мертваго, узналъ его по желѣзнымъ латамъ съ мѣдною оправою, съ золотымъ орломъ на груди, и созвалъ всѣхъ жителей деревни видѣть исполина бездушнаго. Пишутъ, что одинъ Мурза, именемъ Кандаулъ, хотѣлъ снять броню съ мертваго, и что изъ тѣла, уже оцѣпенѣлаго, вдругъ хлынула свѣжая кровь; что злобные Татары, положивъ оное на рундукъ, пускали въ него стрѣлы; что сіе продолжалось шесть недѣль; что Царь Кучюмъ и самые отдаленные Князья Остяцкіе съѣхались туда наслаждаться местію; что, къ удивленію ихъ, плотоядныя птицы, стаями летая надъ трупомъ, не смѣли его коснуться; что страшныя видѣнія и сны заставили невѣрныхъ схоронить мертвеца, на Бегишевскомъ кладбищѣ, подъ кудрявою сосною; что они, въ честь ему изжаривъ 30 быковъ въ день погребенія (724), отдали верхнюю кольчугу Ермакову жрецамъ славнаго Бѣлогорскаго идола, нижнюю Мурзѣ Кандаулу, кафтанъ Князю Сейдеку, а саблю съ поясомъ Мурзѣ Карачѣ; что многія чудеса совершались надъ Ермаковою могилою, сіялъ яркій свѣтъ и пылалъ столпъ

огненный; что Духовенство Магометанское, испуганное ихъ дѣйствіемъ, нашло способъ скрыть сію могилу, нынѣ никому неизвѣстную; что Сотникъ Ульянъ Ремезовъ въ 1650 году узналъ всѣ обстоятельства Ермаковыхъ дѣлъ и смерти отъ Тайши Калмыцкаго Аблая, ревностно желавшаго имѣть и наконецъ доставшаго броню Ермакову отъ потомковъ Кандауловыхъ.

Вѣсть о гибели Вождя привела въ неописанный ужасъ Россіянъ въ Сибири: ихъ было около ста пятидесяти, Козаковъ и воиновъ Московскихъ, вмѣстѣ съ остатками иноземной Строгановской дружины (725), подъ главнымъ начальствомъ Атамана Матвѣя Мещеряка. Съ Ермакомъ все для нихъ кончилось: и смѣлость великодушная и надежда. Опасаясь Кучюма, Сейдека, Карачи, жителей, голода, они рѣшились итти назадъ въ Россію, и вышли (15 Августа) изъ Сибирской столицы съ горькими слезами, покидая въ ней гробы братьевъ и знаменія Христіанства, теряя всѣ плоды своихъ трудовъ кровавыхъ, видя между собою и святою Русью еще пустыни необозримыя, опасности, битвы и, можетъ быть, смерть безвѣстную. Сіи уже не гордые завоеватели, а бѣдные изгнанники поплыли вверхъ Тобола, къ великой радости Кучюма и всѣхъ жителей: ибо и дикіе не любятъ господъ чужеземныхъ.

Козаки оставляютъ Сибирь.

Убивъ Ермака, Кучюмъ не дерзнулъ приступить къ Искеру; свѣдавъ о бѣгствѣ Козаковъ, все еще для него страшныхъ, непобѣдимыхъ, и въ крѣпости и въ ладіяхъ громоносныхъ, не мыслилъ тревожить ихъ плаванія, и въ слѣдъ за сыномъ своимъ, Алеемъ, вошелъ въ пустый городъ Сибирскій, снова царствовать и снова лишиться Царства .... Тамъ не осталось Россіянъ: остались ихъ прахъ и могилы: они звали мстителей; тѣни Ермака и его усопшихъ сподвижниковъ манили Россіянъ довершить легкое завоеваніе края неизмѣримаго, отъ Каменнаго Пояса до Сѣверной Америки и Восточнаго Океана, гдѣ, въ теченіе вѣковъ, надлежало сойтися предѣламъ нашего отечества съ предѣлами Испанскихъ владѣній; гдѣ ожидали насъ не только богатые рудники, драгоцѣнные плоды звѣроловства, выгодная мѣна Китайская, но и слава мирнаго гражданскаго образованія дикихъ народовъ, и счастливый способъ искоренять преступленія людей безъ душегубства, оставлять жизнь и злодѣямъ, безвредно и еще не безкорыстно для Государства, населять ими пустыни — ихъ руками, отъ узъ свободными, извлекать сокровища изъ нѣдръ земли, и не рѣдко исправлять сихъ злосчастныхъ, къ утѣшенію человѣчества.

Скоро увидимъ возвращеніе Россіянъ, ихъ дальнѣйшія побѣды и завоеванія въ новомъ мірѣ Сибирскомъ, уже въ царствованіе Іоаннова преемника.

ГЛАВА VII.

Продолженіе царствованія Іоанна Грознаго.

Г. 1582—1584.

Война и перемиріе съ Швеціею. Дѣла Литовскія. Бунтъ Черемисскій. Сношенія съ разными Державами и въ особенности съ Англіею. Намѣреніе Іоанново жениться на Англичанкѣ. Описаніе невѣсты. Посольство въ Лондонъ. Посолъ Елисаветинъ. Болѣзнь и кончина Іоаннова. Любовь Россіянъ къ Самодержавію. Сравненіе Іоанна съ другими мучителями. Польза Исторіи. Смѣсь добра и зла въ Іоаннѣ. Іоаннъ образователь государственный и Законодавецъ. Приказы. Дьяки. Приказные люди. Думные Дворяне. Дворяне Сверстные и Младшіе. Князья служилые. Стольники. Ратныя учрежденія. Законы. Цѣна рубля. Церковныя учрежденія. Достопамятный обрядъ церковный. Строеніе городовъ. Состояніе Москвы. Торговля. Роскошь и пышность. Слава Іоаннова.

Г. 1582 Война и перемиріе съ Швеціею. Великими пожертвованіями обезоруживъ Баторія, а Хана, менѣе страшнаго, но всегда опаснаго, удовольствовавъ ничтожными дарами, Іоаннъ могъ свободно наступить на Шведовъ, оставленныхъ союзникомъ; желалъ, надѣялся смирить хотя сего

дерзскаго непріятеля и тѣмъ возвысить честь своего оружія въ глазахъ Европы. Успѣхъ казался несомнительнымъ, легкимъ. Баторій не только предалъ Шведскаго Короля мести Іоанновой, но еще и самъ угрожалъ ему войною за Эстонію: требуя сей области, онъ велѣлъ сказать Королю: «Ты воспользовался моими успѣ-«хами и присвоилъ себѣ Нарву съ другими го-«родами Нѣмецкими, собственность Польши;» а Король отвѣтствовалъ: «Что пріобрѣтено кро-«вію нашихъ, то наше. Я былъ въ полѣ, еще не «видя знаменъ твоихъ. Вспомни, что вся Европа «трепетала нѣкогда имени Готѳовъ, коихъ мы «наслѣдовали и силу и мужество: не боимся «меча ни Русскаго, ни Седмиградскаго» (726). Сія гордость, если и великодушная, могла имѣть гибельныя слѣдствія для Швеціи слабой, еще волнуемой изувѣрствомъ ея Вѣнценосца, ревностію его къ Латинству и ссорою съ братомъ, Герцогомъ Карломъ. *Съ одной* стороны пылкій Баторій, сказавъ: «возьму, чего требую,» готовился итти на Шведовъ; *съ другой* Іоанновы Воеводы, Князья Михайло Катыревъ-Ростовскій, Тюменскій, Хворостининъ, Меркурій Щербатой, выступивъ изъ Новагорода, шли къ Нарвѣ, Ямѣ и за Неву въ Финляндію (727): встрѣтили непріятеля въ Вотской Пятинѣ, въ селѣ Лялицахъ, и разбили его на голову. Іоаннъ прислалъ имъ золотыя медали, отличивъ истиннаго виновника сей побѣды, Князя Дмитрія Хворостинина, одного изъ Псковскихъ Ге-

роевъ, который смялъ Шведовъ ударомъ своей передовой дружины. Второе дѣло, не менѣе важное и для насъ счастливое, было на берегахъ Невы. Слѣдуя совѣту измѣнника, Аѳанасія Бѣльскаго, Генералъ де-ла-Гарди неожиданно устремился къ Нотебургу или Орѣшку, чтобы взять его смѣлымъ приступомъ. Тамъ начальствовали Воеводы Князь Василій Ростовскій, Судаковъ, Хвостовъ: они бились неустрашимо; рѣзали, топили Шведовъ въ Невѣ; а Князь Андрей Шуйскій спѣшилъ съ конными дружинами изъ Новагорода для спасенія сей важной крѣпости. Надменный де-ла-Гарди бѣжалъ.

Но Судьба помогла Швеціи. Герой Баторій, сильный въ битвахъ, увидѣлъ слабость свою на Сеймѣ, гдѣ неблагодарные, своевольные Паны, отвергнувъ всѣ его предложенія, внушенныя ему истинною любовію къ ихъ отечеству, сказали рѣшительно: «не хотимъ войны, ни съ Крымомъ, ни съ Шведами; не дасмъ ни людей, ни денегъ!» *Ты король, если вѣрно исполняешь уставы Королевства*, примолвилъ одинъ изъ нихъ, Яковъ Нѣмековскій: *иначе ты Баторій, а я Нѣмековскій* (728). Іоаннъ же, къ радостному изумленію Шведовъ, вдругъ остановивъ всѣ движенія нашихъ войскъ, предложилъ де-ла-Гардію миръ: Князь Лобановъ и Дворянинъ Татищевъ съѣхались съ нимъ въ Шелонской Пятинѣ, на рѣкѣ

Плюсѣ, и 26 Мая (1583) заключили перемиріе, на два мѣсяца, а послѣ на три года, оставивъ Яму, Ивань-городъ, Копорье, въ рукахъ Шведовъ (729)! . . . . Сія неожидаемая уступчивость изъясняется слѣдующими обстоятельствами: г. 1583.

Вопервыхъ, миръ съ Литвою казался не весьма надежнымъ (730). Послы Баторіевы, находясь въ Москвѣ для утвержденія договора, объявили новыя требованія: хотѣли, чтобы Іоаннъ нигдѣ не писался въ титулѣ *Ливонскимъ* и призналъ всю Эстонію законнымъ Стефановымъ владѣніемъ. Бояре только отчасти удовлетворили сему требованію, давъ имъ грамоту съ обязательствомъ не воевать Эстоніи въ теченіе десяти лѣтъ. Іоаннъ присягнулъ, Баторій также, исполнять честно всѣ условія; но Литовскіе Воеводы силою занимали мѣста въ Уѣздахъ Торопецкомъ, Луцкомъ, Велижскомъ; не хотѣли опредѣлить ясныхъ границъ между обѣими Державами; обижали, безчестили нашихъ сановниковъ; затрудняли обѣщанный размѣнъ плѣнниковъ: взяли за Ѳедора Шереметева 20 тысячь *золотыхъ*, или около 7000 рублей, и 280 соболей, за Князя Татева 4114, за Князя Хворостинина 3228, за Черемисинова 4457 рублей (731), но другихъ держали въ неволѣ. Стефанъ, въ ласковыхъ сношеніяхъ съ Царемъ, *то* находилъ жалобы его спра- Дѣла Литовскія.

ведливыми, обязываясь немедленно унять дерзость Литовскихъ чиновниковъ, *то* винилъ Россіянъ, оправдывая своихъ, и принудилъ Іоанна послать на границу (въ Сентябрѣ 1583 года) 2000 Дѣтей Боярскихъ и Стрѣльцовъ, чтобы защитить ея жителей отъ дальнѣйшихъ утѣсненій Витебскаго Воеводы Паца, который основалъ новую крѣпость на землѣ Россійской. Однимъ словомъ, не смотря на всю малодушную терпѣливость Іоаннову, непріятельскія дѣйствія съ сей стороны легко могли возобновиться.

Бунтъ Черемисскій.

Вовторыхъ, общій бунтъ незапно вспыхнулъ въ землѣ Луговыхъ Черемисовъ, столь опасный и жестокій, что Казанскіе Воеводы никакъ не могли усмирить его. Встревоженный Государь (въ Октябрѣ 1582 года) послалъ къ нимъ войско съ Княземъ Елецкимъ; свѣдавъ же, что бунтъ не утихаетъ, велѣлъ итти туда изъ Мурома знатнѣйшимъ Полководцамъ, Князьямъ Ивану Михайловичу Воротынскому и мужественному Дмитрію Хворостинину (732). Новыя вѣсти еще болѣе устрашили Москву: узнали, что Ханъ Магметъ-Гирей, вопреки мирной грамотѣ, сносится съ Черемисскими мятежниками и готовъ устремиться на Россію; что Ногаи, дотолѣ вѣрные, имъ и Сибирскимъ Царемъ возбуждаемые, грабятъ въ Камскихъ предѣлахъ. Надле-

жало вдругъ дѣйствовать всѣми силами: отрядили войско къ Камѣ; другое подъ начальствомъ Князей, Ѳедора Мстиславскаго, Курлятева, Щуйскихъ, заняло берега Оки; третіе плыло на судахъ Волгою къ Свіяжску. Ханъ не дерзнулъ вступить въ Россію; но бунтъ Черемисскій продолжался до конца Іоанновой жизни съ остервененіемъ удивительнымъ: не имѣя ни силъ, ни искусства для стройныхъ битвъ въ полѣ, сіи дикари свирѣпые, озлобленные, вѣроятно, жестокостію Царскихъ чиновниковъ, рѣзались съ Московскими воинами на пеплѣ жилищъ своихъ, въ лѣсахъ и въ вертепахъ, лѣтомъ и зимою; хотѣли независимости или смерти. Для стѣсненія мятежниковъ Воевода, Князь Туренинъ, основалъ тогда крѣпость Козмодемьянскъ.

Такимъ образомъ, купивъ дорогою цѣною перемиріе съ Литвою, чтобы потоптать Швецію, но, вмѣсто успѣховъ важныхъ, имѣвъ стыдъ безмолвно уступить ей и города Эстонскіе и самую древнюю собственность Россіи — снова опасаясь и Баторія и Хана — наконецъ видя кровопролитный мятежъ въ восточныхъ предѣлахъ своей Державы, Іоаннъ, какъ увѣряютъ, изъявлялъ наружное спокойствіе; по крайней мѣрѣ не терялъ бодрости въ дѣлахъ государственныхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ; жилъ въ Москвѣ, уже оставивъ злосчастную Александровскую Слободу, гдѣ, для его воображенія, обитала кровавая тѣнь убитаго имъ сына; присутствовалъ въ Думѣ

Сношенія съ разными Державами, и въ особенности съ Англіею.

Боярской; угощалъ Пословъ Шаха Персидскаго, Султанова, Бухарскихъ, Хивинскихъ, находясь въ тѣсномъ дружествѣ съ преемникомъ Тамасовымъ, Годабендомъ, какъ съ неприятелемъ опасной для насъ Оттоманской Имперіи, (733) — Султану изъявляя учтивость, но ни слова не говоря ему ни о войнѣ, ни о мирѣ: дозволяя только его купцамъ ѣздить въ Москву, и на Азіатскія парчи вымѣнивать соболей — съ Царями Державъ Каспійскихъ также имѣя единственно дѣла торговыя. Но всего любопытнѣе были тогда сношенія Двора Московскаго съ Лондонскимъ.

Торговля Англичанъ съ 1572 года снова цвѣла въ Россіи: они снова хвалились милостію Царскою, вездѣ находили управу, защиту, вспоможеніе, къ досадѣ купцевъ Нидерландскихъ и Нѣмецкихъ, которые своими происками и навѣтами хотѣли вредить имъ въ мысляхъ Іоанновыхъ, не жалѣя денегъ въ Москвѣ, подкупая Дьяковъ и Царедворцевъ. Елисавета также не внимала представленіямъ Державъ Сѣверныхъ о вредѣ сей торговли для Европы, угрожаемой властолюбіемъ Россіянъ, и свѣдавъ, что Король Датскій требуетъ пошлинъ съ Англійскихъ мореходцевъ на пути ихъ къ берегамъ нашей Лапландіи, писала о томъ (въ 1581 году) къ Іоанну. «Знаю, отвѣтствовалъ «Царь, что вѣроломный Фридерикъ Дат-

«скій, желая лишить Россію сообщенія съ «Европейскими Государствами, вступается «нынѣ въ Колу и Печенгу, древнюю соб-«ственность моего отечества: уничтожимъ «его замыслы; очисти море и путь къ «Двинѣ военными кораблями; а я велѣлъ «ратнымъ своимъ дружинамъ занять при-«стани Сѣвернаго Океана для охраненія «твоихъ гостей отъ насилія Датчанъ» (734). Но Фридерикъ, объявивъ требованія несправедливыя, замолчалъ, не думая воевать съ Россіею въ дикихъ пустыняхъ Лапландскихъ, и боясь оскорбить Англію, уже сильную флотами.

Одобряемый умомъ государственнымъ, искренній союзъ сихъ двухъ Державъ основывался и на личномъ дружествѣ Іоанновомъ къ Королевѣ, питаемомъ разсказами Англійскихъ купцевъ въ Москвѣ о великихъ свойствахъ и дѣлахъ Елисаветы, объ ея красотѣ и любезности, о добромъ расположеніи и любви къ Царю; писали даже, что онъ мыслилъ жениться на сей пятидесятилѣтней красавицѣ (735): сказаніе, коего истина не подтверждается историческими современными свидѣтельствами; но Іоаннъ, въ шестый или въ седьмый разъ женатый, въ самый первый годъ сего несчастнаго брака, уже *зная беременность Маріи*, дѣйствительно искалъ себѣ знатной невѣсты въ Англіи, чтобы

Намѣреніе Іоанново жениться на Англичанкѣ.

еще болѣе укрѣпить дружественную связь съ Елисаветою! . . . Предложимъ обстоятельства дѣла, столь любопытнаго, съ нѣкоторою подробностію.

Приславъ въ Москву Лейбъ-Медика, Роберта Якоби, Королева (лѣтомъ въ 1581 году) писала къ Царю: «Мужа искуснѣйшаго въ цѣленіи болѣзней уступаю тебѣ, «моему *брату кровному*, не для того, чтобы онъ былъ ненуженъ мнѣ, но для того, «что тебѣ нуженъ. Можешь смѣло ввѣрить «ему свое здравіе. Посылаю съ нимъ, въ «угодность твою, Аптекарей и цырюльниковъ, волею и неволею, хотя мы сами «имѣемъ недостатокъ въ такихъ людяхъ» ([736]). Бесѣдуя съ Робертомъ, Іоаннъ спросилъ у него, есть ли въ Англіи невѣсты, вдовы или дѣвицы, достойныя руки Вѣнценосца? «Знаю одну,» сказалъ Медикъ: «Марію Гастингсъ, тридцатилѣтнюю дочь *Владѣтельнаго* Князя, Графа «Гонтингдонскаго, племянницу Королевину по матери.» Вѣроятно, что Робертъ, угадавъ намѣреніе Іоанново, благопріятное для выгодъ Англіи, плѣнилъ его воображеніе описаніемъ необыкновенныхъ достоинствъ невѣсты; по крайней мѣрѣ Царь немедленно отправилъ Дворянина Писемскаго въ Лондонъ съ слѣдующимъ наставленіемъ: «1) Условиться о тѣсномъ «государственномъ союзѣ между Англіею

Посольство въ Лондонъ.

«и Россіею. 2) Быть наединѣ у Королевы, «и за тайну открыть ей мысль Государеву «въ разсужденіи женидьбы, если Марія Гас-«тингсъ имѣетъ качества нужныя для Царской «невѣсты: для чего требовать свиданія съ «нею и живописнаго образа ея (на доскѣ или «бумагѣ). 3) Замѣтить, высока ли она, дород-«на ли, бѣла ли, и какихъ лѣтъ? 4) Узнать «сродство ея съ Королевою и санъ отца; «имѣетъ ли братьевъ, сестеръ? Развѣдать объ «ней все, что можно. Буде Королева скажетъ, «что у Государя есть супруга, то отвѣтство-«вать: *правда; но она не Царевна, не Княжна «Владѣтельная, не угодна ему и будетъ оста-«влена для племянницы Королевиной.* 5) Объя-«вить, что Марія должна принять Вѣру Грече-«скую, равно какъ и *люди* ея, которые захотятъ «жить *при Дворѣ* Московскомъ (737); что наслѣд-«никомъ Государства будетъ Царевичь Θеодоръ, «а сыновьямъ Княжны Англійской дадутся осо-«бенныя частныя владѣнія или Удѣлы, какъ «издревле водилось въ Россіи; что сіи условія «*непремѣнны*, и что въ случаѣ Королевина не-«согласія тебѣ велѣно требовать отпуска.» — 11 Августа (1582 года) отплывъ изъ Колмогоръ, Писемскій вышелъ не берегъ Англіи 16 Сентября, въ то время, когда заразительная болѣзнь (738), свирѣпствуя въ Лондонѣ, принудила Елисавету удалиться въ Виндзоръ и жить уединенно. Посла возили изъ деревни въ деревню, угощали, знакомили съ Англіею, но не могли

унять его жалобъ на скуку праздности въ теченіе шести или семи недѣль. Наконецъ, 4 Ноября, онъ съ Дьякомъ своимъ, Неудачею, и толмачемъ Бекманомъ былъ представленъ Королевѣ въ Виндзорскомъ замкѣ, среди многочисленнаго собранія Вельможъ, Перовъ (739), сановниковъ Двора и купцевъ Лондонскаго Россійскаго Общества. Елисавета встала, слыша имя Іоанново; ступила нѣсколько шаговъ впередъ; взявъ дары и письмо Государево, сказала съ улыбкою, что не знаетъ Русскаго языка; спрашивала о здравіи своего друга; изъявила сожалѣніе о смерти Царевича; была весела, привѣтлива, и на слова Писемскаго, что Іоаннъ любитъ Королеву болѣе всѣхъ иныхъ Европейскихъ Вѣнценосцевъ, отвѣтствовала: «люблю «его не менѣе и душевно желаю видѣть когда «нибудь собственными глазами.» Она хотѣла знать, нравится ли Послу Англія, и спокойно ли въ Россіи? Писемскій хвалилъ Англію, изобильную, многолюдную; увѣрялъ, что всѣ мятежи утихли въ Россіи; что преступники изъявили раскаяніе, а Государь милость. — Довольный пріемомъ, честію, ласкою, Писемскій не былъ доволенъ медленностію Елисаветы въ дѣлахъ; не хотѣлъ ни гулять, ни забавляться звѣриною ловлею, какъ ему предлагали, и говорилъ: «мы здѣсь за дѣломъ, а не за *игрушками*; «мы Послы, а не стрѣлки» (740). 18 Декабря, въ *селѣ* Гриничѣ, онъ имѣлъ первое, важное объясненіе съ Министрами Англійскими: сказалъ,

что Баторій, союзникъ Папы и Цесаря, есть врагъ Россіи; что Іоаннъ, издавна *жалуя Англичанъ какъ своихъ людей*, намѣренъ торжественнымъ договоромъ утвердить дружбу съ Елисаветою, дабы имѣть съ нею однихъ пріятелей и непріятелей, вмѣстѣ воевать и мириться; что Королева можетъ ему содѣйствовать, если не оружіемъ, то деньгами; что онъ, не имѣя ничего завѣтнаго для Англіи изъ произведеній Россійскихъ, требуетъ отъ нее снаряда огнестрѣльнаго, доспѣховъ, сѣры, нефти, мѣди, олова, свинца и всего нужнаго для войны. «Но «развѣ война Литовская не кончилась?» спросили Елисаветины Министры: «Папа хвалится «примиреніемъ Царя съ Баторіемъ.» *Папа можетъ хвалиться, чѣмъ ему угодно*, отвѣтствовалъ Іоанновъ сановникъ: *Государь нашъ знаетъ, кто ему другъ и недругъ.* Министры изъявили согласіе Королевы на всѣ предложенія Царя и написали главныя статьи договора, именуя Іоанна братомъ и *племянникомъ* Елисаветинымъ, употребивъ выраженіе: «Царь *проситъ* Королеву,» и прибавивъ, что никакимъ иноземцамъ, кромѣ Англичанъ, не торговать въ землѣ Двинской, въ Соловкахъ, на рѣкѣ Оби, Печорѣ, Мезени. Писемскій сказалъ съ неудовольствіемъ: «Царь братъ, а не *племянникъ* Елисаветинъ; Царь объявляетъ волю свою, требуетъ, спрашиваетъ, а не *проситъ*, и никому «не даетъ исключительнаго права торговли въ «Россіи: пристани наши открыты для всѣхъ

«мореплавателей иноземныхъ.» Министры вычерпили имя *племянникъ*, объяснивъ, что оно есть ласковое, не унизительное; вычерпили и слово *просить*; доказывали, что Англичане, съ великими опасностями, трудами, издержками отыскавъ путь къ берегамъ Сѣверной Россіи, могутъ по справедливости требовать исключительныхъ для себя выгодъ въ Двинской торговлѣ. Они жаловались также на пошлину новую, тягостную для ихъ купцевъ. Писемскій возразилъ, что сіи купцы, долго свободные отъ всякой пошлины, обогатились у насъ *неслыханно*, и что Государь уставилъ брать съ нихъ только легкую, *половинную*; что имѣя жестокую войну съ Литвою, съ Ханомъ и съ иными врагами, онъ въ 1581 году велѣлъ гостямъ Англійскимъ внести въ Московскую казну 1000 рублей, а въ 1582 году 500 рублей, какъ и всѣмъ другимъ гостямъ, чужеземнымъ и нашимъ, обложеннымъ соразмѣрно ихъ богатству для воинскихъ издержекъ (741). — Симъ заключились государственные переговоры: началось сватовство.

18 Генваря Елисавета призвала нетерпѣливаго Писемскаго къ себѣ, осталась съ нимъ наединѣ и спросила о тайномъ дѣлѣ Государевомъ, уже ей извѣстномъ по донесенію Медика Роберта; слушала съ великимъ вниманіемъ; изъявила благодарность за желаніе Іоанна быть съ нею въ свойствѣ, но не думала, чтобы Марія Гастингсъ, отличаясь единственно нравственными достоинствами, могла полюбиться ему,

извѣстному любителю красоты. «Къ тому же (примолвила Елисавета) она не давно была въ «оспѣ: ни за что въ свѣтѣ не соглашусь, чтобы «ты видѣлъ и живописецъ изобразилъ ее для «Іоанна съ лицемъ краснымъ, съ глубокими ря-«бинами.» Посолъ настоялъ: Королева обѣщала, требуя времени, нужнаго для совершеннаго выздоровленія невѣсты. Далѣе говорили объ условіяхъ брака. Дочь Генрика VIII, мужа шести женъ, не дивилась, что Царь, имѣя супругу, ищетъ другой; но хотѣла заблаговременно, торжественнымъ договоромъ, утвердить права будущей Царицы и дѣтей ея. Съ симъ отпустили свата, который нѣсколько мѣсяцевъ ждалъ чести видѣть невѣсту.

Между тѣмъ супруга Іоаннова (19 Октября) родила въ Москвѣ сына Уара-Димитрія ([741]), столь несчастнаго для себя и Россіи, невиннаго виновника долговременныхъ злодѣйствъ и бѣдствій! Но счастіе быть снова отцемъ не тронуло Іоаннова сердца: онъ все еще мыслилъ удалить мать Димитріеву отъ своего ложа и жениться на Елисаветиной племянницѣ, ибо не далъ Писемскому никакихъ новыхъ повелѣній, такъ, что сей усердный чиновникъ, слыша въ Лондонѣ о рожденіи Царевича, не хотѣлъ тому вѣрить. «Злые люди» — говорялъ онъ Министрамъ Англійскимъ — вы-«думали сію новость, чтобы препятствовать Госу-«дареву сватовству, благословенному для вашего «и моего отечества ([742]). Королева должна вѣрить «единственно грамотѣ Царя и мнѣ, Послу его.»

Наконецъ, 18 Мая, велѣли Писемскому быть въ саду у Канцлера Томаса Бромлея, гдѣ хозяинъ и братъ невѣстинъ, Графъ Гонтингдонскій, встрѣтили его и ввели въ красивую бесѣдку. Чрезъ нѣсколько минутъ явилась и Марія съ женою Канцлера, съ Графинею Гонтингдонскою, со многими знатными Англичанками. «Вотъ она,» сказалъ Бромлей Послу: «гляди, разсматривай на досугѣ. Королевѣ угодно, чтобы «ты видѣлъ ее не въ темномъ мѣстѣ, не «въ комнатахъ, а на чистомъ воздухѣ.» Невѣста поклонилась и стала неподвижно предъ своимъ, для женскаго самолюбія опаснымъ цѣнителемъ, который, усердствуя оправдать важную къ нему довѣренность Іоаннову, устремилъ любопытный, проницательный взоръ на скромную Англичанку, чтобы все видѣть, ничего не забыть, впечатлѣть образъ ея въ память и передать Государю безъ ошибки. Сказавъ: *довольно*, онъ гулялъ съ невѣстою въ аллеяхъ сада, расходился, встрѣчался съ нею, еще смотрѣлъ — и написалъ въ донесеніи къ Царю: «Марія Гастингсъ ро-

Описаніе невѣсты.

«стомъ высока, стройна, тонка, лицемъ «бѣла; глаза у нее сѣрые, волосы русые, «носъ прямый, пальцы на рукахъ долгіе.» О красотѣ, о пріятности ни слова; но Елисавета, какъ бы неохотно выставивъ племянницу на показъ, уже любопытствовала

знать мнѣніе Писемскаго; говорила, что Марія ему конечно не нравится; что изображеніе лица ея, съ нимъ посылаемое и ни мало не украшенное художникомъ, безъ сомнѣнія такъ же не плѣнитъ разборчиваго Іоанна. Сватъ увѣрялъ Елисавету въ противномъ — и, казалось, угодилъ ей своими хвалами. Слѣдственно она желала сего брака; желала и невѣста, какъ пишутъ (743), но скоро перемѣнила мысли, устрашенная разсказами о свирѣпости жениха вѣнценосснаго, и безъ труда убѣдила Королеву избавить ее отъ сей чести.

Угостивъ Посла великолѣпнымъ обѣдомъ въ Гриничѣ, Елисавета дала ему два письма къ Іоанну: въ одномъ благодарила его за предложеніе союза, въ другомъ *за намѣреніе посѣтить Англію* (какъ она слышала), не въ случаѣ какой либо опасности, мятежа, бѣдствія (744), но только для свиданія и личнаго знакомства съ нѣжною сестрою, готовою доказать ему, что ея земля есть для него вторая Россія. — Съ Писемскимъ отправился въ Москву Посолъ Англійскій, Іеронимъ Баусъ, для рѣшительнаго окончанія всѣхъ дѣлъ, государственныхъ и *тайныхъ*, какъ объявила Елисавета. Посолъ Елисаветинъ.

Іоаннъ былъ доволенъ: принялъ Бауса (24 Октября 1583) весьма милостиво; съ живѣйшимъ участіемъ распрашивалъ о

Елисаветѣ и велѣлъ Боярину Никитѣ Романовичу Юрьеву, Богдану Яковлевичу Бѣльскому, Дьяку Андрею Щелкалову, условиться съ нимъ о государственномъ союзѣ Англіи съ Россіею, чтобы, заключивъ его, немедленно приступить къ тайному дѣлу о сватовствѣ. То и другое казалось Царю уже легкимъ, несомнительнымъ, по донесеніямъ Писемскаго; но Царь ошибся: ошиблась, можетъ быть, и Елисавета, избравъ Бауса для утвержденія пріязни съ Іоанномъ: человѣка неуклоннаго, грубаго, который въ первомъ словѣ объявилъ рѣшительно, что не можетъ перемѣнить ни буквы въ статьяхъ, врученныхъ Англійскими Министрами нашему Послу въ Лондонѣ; что Елисавета готова мирить Царя, съ кѣмъ ему угодно, а не воевать съ нашими врагами, ибо щадитъ кровь людей, ввѣренныхъ ей Богомъ; что Англія въ пріязни съ Литвою, Швеціею и Даніею. «Если главные «враги мои» — сказалъ Іоаннъ — «друзья Королевѣ, то могу ли быть ей союзникомъ? Елисавета должна или склонить Баторія къ истинному миру съ Россіею (заставивъ его возвратить мнѣ Ливонію и Полоцкую область), или «вмѣстѣ со мною наступить на Литву.» Баусъ отвѣтствовалъ съ жаромъ: «Королева признала «бы меня безумнымъ, если бы я заключилъ такой договоръ» (745). Онъ требовалъ неотмѣнно, чтобы одни Англичане входили въ наши сѣверныя гавани, какъ было *прежде;* но Бояре изъясняли ему, что *прежде* мы имѣли, для общей

Европейской мѣны, гавань Балтійскую, Нарву, отнятую у насъ Шведами; что купцы Нѣмецкіе, Нидерландскіе, Французскіе торгуютъ съ Россіею уже единственно въ сѣверныхъ пристаняхъ, откуда ихъ нельзя выгнать въ угодность Елисаветѣ; что святѣйшій законъ для Государствъ есть народная польза; что мы находимъ ее въ свободной торговлѣ со всѣми Европейцами и не можемъ дать на себя кабалы Англичанамъ, гостямъ, а не повѣлителямъ въ Россіи; что они не стыдятся обмановъ въ дѣлахъ купеческихъ, и привозятъ къ намъ гнилыя сукна; что нѣкоторые изъ нихъ сносились тайно съ непріятелями Царя, съ Королями Шведскимъ и Датскимъ, усердствовали, помогали имъ, писали изъ Москвы въ Англію худое о нашемъ Государствѣ, именуя Россіянъ невѣждами, глупцами; что Іоаннъ единственно для Королевы предалъ забвенію такія вины; что она безъ сомнѣнія не вздумаетъ указывать Вѣнценосцу, коему не указываютъ ни Императоры, ни Султаны, ни Короли знаменитѣйшіе. Тутъ Посолъ съ досадою возразилъ, что нѣтъ Вѣнценосцевъ знаменитѣе Елисаветы; что она не менѣе Императора, коего отецъ ея нанималъ воевать съ Франціею; не менѣе и Царя. За сіе слово, какъ пишетъ Баусъ, Іоаннъ съ гнѣвомъ выслалъ его изъ дворца, но скоро одумался, и хваля усердіе Посла къ Королевиной чести, примолвилъ: «Дай Богъ, чтобъ «у меня самого былъ такой вѣрный слуга» (746)! Въ знакъ особеннаго снисхожденія Государь со-

глашался, чтобы одни Англичане входили въ пристань Корельскую, Варгузскую, Мезенскую, Печенгскую и Шумскую, оставляя Пудожерскую и Кольскую для иныхъ гостей. Баусъ твердилъ: «мы не хотимъ совмѣстниковъ!» Думая, что Вельможи Царскіе, въ особенности Государственный Дьякъ Андрей Щелкаловъ, подкуплены Нидерландскими купцами, онъ требовалъ личныхъ сношеній съ Царемъ: Іоаннъ призывалъ — и всегда съ неудовольствіемъ отсылалъ его, какъ упрямаго, непреклоннаго.

Надѣясь по крайней мѣрѣ кончить съ нимъ дѣло о сватовствѣ, Государь велѣлъ ему быть у себя (Декабря 13) *тайно, безъ меча и кинжала* (747). Всѣ царедворцы вышли изъ комнаты: остались только Бояре, Князь Ѳедоръ Трубецкій, Никита Романовичь Юрьевъ, Дмитрій Ивановичь Годуновъ, Бѣльскій, и Думные Дворяне: Татищевъ, Черемисиновъ, Воейковъ: они сидѣли далѣе отъ Царя; а Дьяки (Щелкаловъ, Фроловъ, Стрѣшневъ) стояли у печи. Давъ знакъ рукою, чтобы Баусъ съ толмачемъ своимъ, Юрьевъ, Бѣльскій, Андрей Щелкаловъ къ нему приближились, Іоаннъ разсказалъ всю исторію Англійскаго сватовства, все слышанное имъ отъ Медика Роберта и Писемскаго; изъявилъ добрую волю жениться на Маріи Гастингсъ; хотѣлъ знать, желаетъ ли Королева сего брака, и согласна ли, чтобы невѣста приняла нашу Вѣру? Баусъ отвѣтствовалъ, что Христіанство вездѣ одно; что Марія едва ли рѣшится перемѣ-

нить Законъ; что она слабаго здоровья и не хороша лицемъ; что у Королевы есть другія ближайшія и прелестнѣйшія свойственницы, хотя онъ, безъ ея вѣдома, и не смѣетъ назвать ихъ; что Царь можетъ свататься за любую.... «Съ чѣмъ же ты пріѣхалъ?» спросилъ Іоаннъ: «съ отказомъ? «съ пустословіемъ? съ неумѣренными тре-«бованіями, на которыя мой Посолъ уже «отвѣтствовалъ въ Лондонѣ Министрамъ «Елисаветинымъ? съ предложеніемъ нова-«го, безыменнаго, слѣдственно невозмож-«наго сватовства?» Назвавъ его *Посломъ неученымъ*, безтолковымъ; сказавъ: «не про-«шу Елисаветы быть судіею между Бато-«ріемъ и мною, а хочу только союза Ан-«гліи» (748), Іоаннъ велѣлъ Баусу готовиться къ отъѣзду. Тутъ, жалѣя о худомъ успѣхѣ своего дѣла, Посолъ началъ извиняться незнаніемъ Русскихъ обыкновеній; убѣждалъ Государя снова объясниться съ Елисаветою; увѣрялъ, что она радуется мыслію о *кровномъ союзѣ* съ такимъ великимъ Царемъ, доставитъ ему изображенія десяти или болѣе знатныхъ, прелестныхъ дѣвицъ Лондонскихъ, и *можетъ*, не взирая на свое миролюбіе, усердно помогать намъ въ войнахъ, людьми или деньгами, если Іоаннъ возвратитъ Англійскимъ купцамъ *всѣ* ихъ старыя, исключительныя права въ Двинской торговлѣ. Еще надежда быть супру- г. 1584.

томъ любезной Англичанки плѣняла Іоанна; высоко цѣня и дружбу Елисаветы, онъ рѣшился отправить новое Посольство въ Лондонъ, и хотя лично досадовалъ на Бауса, однакожь, свѣдавъ его жалобу на Приставовъ, велѣлъ наказать ихъ, даже безъ изслѣдованія, чтобы сей человѣкъ корыстолюбивый, сварливый по свидѣтельству нашихъ Министерскихъ бумагъ, не выѣхалъ съ злобою изъ Россіи. Но Баусъ не успѣлъ выѣхать, ни Государь назначить Посла въ Лондонъ! . . . .

Болѣзнь и кончина Іоаннова. Приступаемъ къ описанію часа торжественнаго, великаго! . . . . . Мы видѣли жизнь Іоаннову: увидимъ конецъ ея, равно удивительный, желанный для человѣчества, но страшный для воображенія: ибо тиранъ умеръ, какъ жилъ — губя людей, хотя въ современныхъ преданіяхъ и не именуются его послѣднія жертвы (749). Можно ли вѣрить безсмертію и не ужаснуться *такой* смерти? . . . . Сей грозный часъ, давно предсказанный Іоанну и совѣстію и невинными мучениками (750), тихо близился къ нему, еще не достигшему глубокой старости, еще бодрому въ духѣ, пылкому въ вожделѣніяхъ сердца. Крѣпкій сложеніемъ, Іоаннъ надѣялся на долголѣтіе; но какая тѣлесная крѣпость можетъ устоять противъ свирѣпаго волненія страстей, обуревающихъ мрачную жизнь тирана? Все-

ѣдающій трепетъ гнѣва и боязни, угрызеніе совѣсти безъ раскаянія, гнусные восторги сластолюбія мерзостнаго, мука стыда, злоба безсильная въ неудачахъ оружія, наконецъ адская казнь сыноубійства истощили мѣру силъ Іоанновыхъ: онъ чувствовалъ иногда болѣзненную томность, предтечу удара и разрушенія, но боролся съ нею и не слабѣлъ замѣтно до зимы 1584 года. Въ сіе время явилась Комета съ крестообразнымъ небеснымъ знаменіемъ между церковію Іоанна Великаго и Благовѣщенія: любопытный Царь вышелъ на Красное крыльцо, смотрѣлъ долго, измѣнился въ лицѣ и сказалъ окружающимъ: *вотъ знаменіе моей смерти* (751)! Тревожимый сею мыслію, онъ искалъ, какъ пишутъ, Астрологовъ, мнимыхъ волхвовъ, въ Россіи и въ *Лапландіи*, собралъ ихъ до шестидесяти, отвелъ имъ домъ въ Москвѣ, ежедневно посылалъ любимца своего, Бѣльскаго, толковать съ ними о Кометѣ, и скоро занемогъ опасно: вся внутренность его начала гнить (752), а тѣло пухнуть. Увѣряютъ, что Астрологи предсказали ему неминуемую смерть чрезъ нѣсколько дней, именно 18 Марта, но что Іоаннъ велѣлъ имъ молчать, съ угрозою сжечь ихъ всѣхъ на кострѣ, если будутъ нескромны. Въ теченіе Февраля мѣсяца онъ еще занимался дѣлами; но 10 Марта велѣно было остановить Посла Литовскаго на пути въ Москву, *ради недуга Государева* (753). Еще самъ Іоаннъ далъ сей приказъ; еще надѣялся на выздоровленіе, однакожь созвалъ Бояръ и велѣлъ

писать завѣщаніе; объявилъ Царевича Ѳеодора наслѣдникомъ престола и Монархомъ; избралъ знаменитыхъ мужей, Князя Ивана Петровича Шуйскаго (славнаго защитою Пскова), Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго (сына родной племянницы Великаго Князя Василія), Никиту Романовича Юрьева (брата первой Царицы, добродѣтельной Анастасіи), Бориса Годунова и Бѣльскаго ([754]) въ совѣтники и блюстители Державы, да облегчаютъ юному Ѳеодору (слабому тѣломъ и душею) бремя заботъ государственныхъ; младенцу Димитрію съ матерію назначилъ въ удѣлъ городъ Угличь и ввѣрилъ его воспитаніе одному Бѣльскому; изъявилъ благодарность всѣмъ Боярамъ и Воеводамъ: называлъ ихъ своими друзьями и сподвижниками въ завоеваніи Царствъ невѣрныхъ, въ побѣдахъ одержанныхъ надъ Ливонскими Рыцарями, надъ Ханомъ и Султаномъ; убѣждалъ Ѳеодора царствовать *благочестиво, съ любовію и милостію;* совѣтовалъ ему и пяти главнымъ Вельможамъ удаляться отъ войны съ Христіанскими Державами; говорилъ о несчастныхъ слѣдствіяхъ войны Литовской и Шведской; жалѣлъ объ истощеніи Россіи; предписалъ уменьшить налоги, освободить всѣхъ узниковъ, даже плѣнниковъ, Литовскихъ и Нѣмецкихъ. Казалось, что онъ, готовясь оставить тронъ и свѣтъ, хотѣлъ примириться съ совѣстію, съ человѣчествомъ, съ Богомъ — отрезвился душею, бывъ дотолѣ въ упоеніи зла, и желалъ спасти юнаго сына отъ своихъ гибельныхъ заблужде-

ній; казалось, что лучь святой истины въ преддверіи могилы освѣтилъ наконецъ сіе мрачное, хладное сердце; что раскаяніе и въ немъ подѣйствовало, когда Ангелъ смерти невидимо предсталъ ему съ вѣстію о вѣчности . . . .

Но въ то время, когда безмолвствовалъ Дворъ въ печали (ибо о всякомъ умирающемъ Вѣнценосцѣ искренно и лицемѣрно Дворъ печалится); когда любовь Христіанская умиляла сердце народа: когда, забывъ свирѣпость Іоаннову, граждане столицы молились въ храмахъ о выздоровленіи Царя; когда молились о немъ самыя опальныя семейства, вдовы и сироты людей, невинно избіенныхъ . . . . . что дѣлалъ онъ, касаясь гроба? въ минуты облегченія приказывалъ носить себя на креслахъ въ палату, гдѣ лежали его сокровища дивныя ([755]); разсматривалъ каменья драгоцѣнные, и 15 Марта показывалъ ихъ съ удовольствіемъ Англичанину Горсею, ученымъ языкомъ знатока описывая достоинство алмазовъ и яхонтовъ! . . . . Вѣрить ли еще сказанію ужаснѣйшему? Невѣстка, супруга Ѳеодорова, пришла къ болящему съ нѣжными утѣшеніями и бѣжала съ омерзѣніемъ отъ его любострастнаго безстыдства ([756])! . . . . Каялся ли грѣшникъ? думалъ ли о близкомъ грозномъ судѣ Всевышняго?

Уже силы недужнаго исчезали; мысли омрачались: лежа на одрѣ въ безпамятствѣ, Іоаннъ громко звалъ къ себѣ убитаго сына, видѣлъ его въ воображеніи, говорилъ съ нимъ ласково. . . . 17 Марта ему стало лучше, отъ дѣйствія теплой

ванны, такъ, что онъ велѣлъ Послу Литовскому немедленно ѣхать изъ Можайска въ столицу, и на другой день (если вѣрить Горсею) сказалъ Бѣльскому ([757]): «объяви «казнь лжецамъ Астрологамъ: нынѣ, по «ихъ баснямъ, мнѣ должно умереть а я «чувствую себя гораздо бодрѣе.» *Но день еще не миновалъ*, отвѣтствовали ему Астрологи. Для больнаго снова изготовили ванну: онъ пробылъ въ ней около трехъ часовъ, легъ на кровать, всталъ, спросилъ шахматную доску, и сидя въ халатѣ на постелѣ, самъ разставилъ шашки; хотѣлъ
18 Марта. играть съ Бѣльскимъ . . . вдругъ упалъ и закрылъ глаза навѣки, между тѣмъ, какъ врачи терли его крѣпительными жидкостями, а Митрополитъ — исполняя, вѣроятно, давно извѣстную волю Іоаннову — читалъ молитвы постриженія надъ издыхающимъ, названнымъ въ Монашествѣ Іоною ([758]) . . . . Въ сіи минуты царствовала глубокая тишина во дворцѣ и въ столицѣ: ждали, что будетъ, не дерзая спрашивать. Іоаннъ лежалъ уже мертвый, но еще страшный для предстоящихъ царедворцевъ, которые долго не вѣрили глазамъ своимъ и не объявляли его смерти. Когда же рѣшительное слово: «не стало Государя!» раздалося въ Кремлѣ, народъ завопилъ громогласно . . . . отъ того ли, какъ пишутъ, что зналъ слабость Ѳеодорову и

боялся худыхъ ея слѣдствій для Государства, или платя Христіанскій долгъ жалости усопшему Монарху, хотя и жестокому? . . . На третій день совершилось погребеніе великолѣпное въ храмѣ Св. Михаила Архангела; текли слезы; на лицахъ изображалась горесть, и земля тихо приняла въ свои нѣдра трупъ Іоанновъ! Безмолвствовалъ судъ человѣческій предъ Божественнымъ — и для современниковъ опустилась на театръ завѣса: память и гробы остались для потомства!

Между иными тяжкими опытами Судьбы, сверхъ бѣдствій Удѣльной Системы, сверхъ ига Моголовъ, Россія должна была испытать и грозу Самодержца-мучителя: устояла съ любовію къ Самодержавію, ибо вѣрила, что Богъ посылаетъ и язву и землетрясеніе и тирановъ; не преломила желѣзнаго скиптра въ рукахъ Іоанновыхъ, и двадцать-четыре года сносила губителя, вооружаясь единственно молитвою и терпѣніемъ, чтобы, въ лучшія времена, имѣть Петра Великаго, Екатерину Вторую (Исторія не любитъ именовать живыхъ). Въ смиреніи великодушномъ страдальцы умирали на лобномъ мѣстѣ, какъ Греки въ Термопилахъ, за отечество, за Вѣру и Вѣрность, не имѣя и мысли о бунтѣ. Напрасно нѣкоторые чужеземные Историки, извиняя жестокость Іоаннову, писали о заговорахъ, будто

Любовь Россіянъ къ Самодержавію.

бы уничтоженныхъ ею: сіи заговоры существовали единственно въ смутномъ умѣ Царя, по всѣмъ свидѣтельствамъ нашихъ лѣтописей и бумагъ государственныхъ. Духовенство, Бояре, граждане знаменитые не вызвали бы звѣря изъ вертепа Слободы Александровской (759), если бы замышляли измѣну, взводимую на нихъ столь же нелѣпо, какъ и чародѣйство. Нѣтъ, тигръ упивался кровію агнцевъ — и жертвы, издыхая въ невинности, послѣднимъ взоромъ на бѣдственную землю требовали справедливости, умилительнаго воспоминанія отъ современниковъ и потомства!

Сравненіе Іоанна съ другими мучителями.

Не смотря на всѣ умозрительныя изъясненія, характеръ Іоанна, Героя добродѣтели въ юности, неистоваго кровопійцы въ лѣтахъ мужества и старости, есть для ума загадка, и мы усомнились бы въ истинѣ самыхъ достовѣрныхъ о немъ извѣстій, если бы лѣтописи другихъ народовъ не являли намъ столь же удивительныхъ примѣровъ; если бы Калигула, *образецъ Государей* и *чудовище*, — если бы Неронъ, питомецъ мудраго Сенеки, *предметъ любви*, *предметъ омерзѣнія*, не царствовали въ Римѣ (760). Они были язычники; но Людовикъ XI былъ Христіанинъ, не уступая Іоанну ни въ свирѣпости, ни въ наружномъ благочестіи, коимъ они хотѣли загладить свои беззаконія (761): оба набожные отъ

страха, оба кровожадные и женолюбивые, подобно Азіатскимъ и Римскимъ мучителямъ. Изверги внѣ законовъ, внѣ правилъ и вѣроятностей разсудка: сіи ужасные метеоры, сіи блудящіе огни страстей необузданныхъ озаряютъ для насъ, въ пространствѣ вѣковъ, бездну возможнаго человѣческаго разврата, да видя содрогаемся! Жизнь тирана есть бѣдствіе для человѣчества, но его Исторія всегда полезна для Государей и народовъ: вселять омерзѣніе ко злу есть вселять любовь къ добродѣтели — и слава времени, когда вооруженный истиною Дѣеписатель можетъ, въ правленіи Самодержавномъ, выставить на позоръ такого Властителя, да не будетъ уже впредь ему подобныхъ! Могилы безчувственны: но живые страшатся вѣчнаго проклятія въ Исторіи, которая, не исправляя злодѣевъ, предупреждаетъ иногда злодѣйства, всегда возможныя, ибо страсти дикія свирѣпствуютъ и въ вѣки гражданскаго образованія (762), веля уму безмолвствовать или рабскимъ гласомъ оправдывать свои изступленія.

Польза Исторіи.

Так Іоаннъ имѣлъ разумъ превосходный (763), не чуждый образованія и свѣдѣній, соединенный съ необыкновеннымъ даромъ слова, чтобы безстыдно раболѣпствовать гнуснѣйшимъ похотямъ. Имѣя рѣдкую память, зналъ наизусть Библію,

Смѣсь добра и злавъ Іоаннѣ.

Исторію Греческую, Римскую, нашего отечества, чтобы нелѣпо толковать ихъ въ пользу тиранства; хвалился твердостію и властію надъ собою, умѣя громко смѣяться въ часы страха и безпокойства внутренняго (764); хвалился милостію и щедростію, обогащая любимцевъ достояніемъ опальныхъ Бояръ и гражданъ; хвалился правосудіемъ, карая вмѣстѣ, съ равнымъ удовольствіемъ, и заслуги и преступленія; хвалился *духомъ Царскимъ, соблюденіемъ Державной чести*, велѣвъ изрубить присланнаго изъ Персіи въ Москву слона, не хотѣвшаго стать передъ нимъ на колѣна, и жестоко наказывая бѣдныхъ царедворцевъ, которые смѣли играть лучше Державнаго въ шашки или въ карты (765); хвалился наконецъ глубокою мудростію государственною, по системѣ, по эпохамъ (766), съ какимъ-то хладнокровнымъ размѣромъ истребляя знаменитые роды, будто бы опасные для Царской власти — возводя на ихъ степень роды новые, подлые, и губительною рукою касаясь самыхъ будущихъ временъ: ибо туча доносителей, клеветниковъ, Кромѣшниковъ, имъ образованныхъ, какъ туча гладоносныхъ насѣкомыхъ, исчезнувъ, оставила злое сѣмя въ народѣ; и если иго Батыево унизило духъ Россіянъ, то безъ сомнѣнія не возвысило его и царствованіе Іоанново.

Но отдадимъ справедливость и тирану: Іоаннъ въ самыхъ крайностяхъ зла является какъ бы призракомъ великаго Монарха, ревностный, не-

утомимый, часто проницательный въ государственной дѣятельности; хотя, любивъ всегда равнять себя въ доблести съ Александромъ Македонскимъ ([767]), не имѣлъ ни тѣни мужества въ душѣ, но остался завоевателемъ; въ Политикѣ внѣшней неуклонно слѣдовалъ великимъ намѣреніямъ своего дѣда; любилъ правду въ судахъ, самъ не рѣдко разбиралъ тяжбы, выслушивалъ жалобы, читалъ всякую бумагу, рѣшилъ немедленно; казнилъ утѣснителей народа, сановниковъ безсовѣстныхъ, лихоимцевъ, тѣлесно и стыдомъ (рядилъ ихъ въ великолѣпную одежду, сажалъ на колесницу и приказывалъ живодерамъ возить изъ улицы въ улицу); не терпѣлъ гнуснаго пьянства (только на Святой недѣлѣ и въ Рождество Христово дозволялось народу веселиться въ кабакахъ; пьяныхъ во всякое иное время отсылали въ темницу). Не любя смѣлой укоризны, Іоаннъ не любилъ иногда и грубой лести: представимъ доказательство. Воеводы, Князья Іосифъ Щербатый и Юрій Борятинскій, выкупленные Царемъ изъ Литовскаго плѣна, удостоились его милости, даровъ и чести съ нимъ обѣдать. Онъ расправшивалъ ихъ о Литвѣ: Щербатый говорилъ истину: Борятинскій лгалъ безсовѣстно, увѣряя, что Король не имѣетъ ни войска, ни крѣпостей, и трепещетъ Іоаннова имени. «Бѣдный Король!» сказалъ тихо Царь, кивая головою: «какъ ты мнѣ жалокъ!» и вдругъ, схвативъ посохъ, изломалъ его въ мелкія щепы о Борятинскаго, приговаривая: «вотъ

«тебѣ, безстыдному, за грубую ложь» (768)! — Іоаннъ славился благоразумною терпимостію Вѣръ (за исключеніемъ одной Іудейской); хотя, дозволивъ Лютеранамъ и Кальвинистамъ имѣть въ Москвѣ церковь (769), лѣтъ черезъ пять велѣлъ сжечь ту и другую (опасаясь ли соблазна, слыша ли о неудовольствіи народа?): однакожь не мѣшалъ имъ собираться для богослуженія въ домахъ у Пасторовъ; любилъ спорить съ учеными Нѣмцами о Законѣ и сносилъ противорѣчія: такъ (въ 1570 году) имѣлъ онъ въ Кремлевскомъ дворцѣ торжественное прѣніе съ Лютеранскимъ Богословомъ Роцитою, уличая его въ ереси: Роцита сидѣлъ передъ нимъ на возвышенномъ мѣстѣ, устланномъ богатыми коврами; говорилъ смѣло, оправдывалъ Догматы Аугсбургскаго Исповѣданія, удостоился знаковъ Царскаго благоволенія и написалъ книгу о сей любопытной бесѣдѣ (770). Нѣмецкій Проповѣдникъ, Каспаръ, желая угодить Іоанну, крестился въ Москвѣ по обрядамъ нашей Церкви и вмѣстѣ съ нимъ, къ досадѣ своихъ единоземцевъ, шутилъ надъ Лютеромъ (771); но никто изъ нихъ не жаловался на притѣсненіе. Они жили спокойно въ Москвѣ, въ новой Нѣмецкой Слободѣ, на берегу Яузы, обогащаясь ремеслами и художествами. — Іоаннъ изъявлялъ уваженіе къ Искусствамъ и Наукамъ, ласкал иноземцевъ просвѣщенныхъ: не основалъ Академій, но способствовалъ народному образованію размноженіемъ школъ церковныхъ, гдѣ и міряне учились

грамотѣ, Закону, даже Исторіи (772), особенно готовясь быть людьми Приказными, къ стыду Бояръ, которые еще не всѣ умѣли тогда писать (773). — Наконецъ Іоаннъ знаменитъ въ Исторіи какъ законодавецъ и государственный образователь.

Іоаннъ образователь государственный и законодавецъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что истинно великій Іоаннъ III, издавъ Гражданское Уложеніе, устроилъ и разныя Правительства для лучшаго дѣйствія Самодержавной власти: кромѣ древней Боярской Думы, въ дѣлахъ сего времени упоминается о Казенномъ Дворѣ, о Приказахъ (774); но болѣе ничего не знаемъ, имѣя уже ясныя, достовѣрныя извѣстія о многихъ Расправахъ и Судебныхъ Мѣстахъ, которыя существовали въ Москвѣ при Іоаннѣ IV. Главные Приказы, или *Чети*, именовались Посольскимъ, Розряднымъ, Помѣстнымъ, Казанскимъ: первый особенно вѣдалъ дѣла внѣшнія или Дипломатическія, вторый воинскія, третій земли розданныя чиновникамъ и Дѣтямъ Боярскимъ за ихъ службу, четвертый дѣла Царства Казанскаго, Астраханскаго, Сибирскаго и всѣхъ городовъ Волжскихъ; первые три Приказа, сверхъ означенныхъ должностей, также занимались и расправою областныхъ городовъ (775): смѣшеніе странное! Жалобы, тяжбы, слѣдствія поступали въ Чети изъ областей, гдѣ судили и рядили Намѣстники съ своими Тіунами

Приказы.

и Старостами, коимъ помогали Сотскіе и Десятскіе въ Уѣздахъ; изъ Чети же, гдѣ засѣдали знаменитѣйшіе государственные сановники, всякое важное дѣло уголовное, самое гражданское, шло въ Боярскую Думу, такъ, что безъ Царскаго утвержденія никого не казнили, никого не лишали достоянія ([776]). Только Намѣстники Смоленскіе, Псковскіе, Новогородскіе и Казанскіе, почти ежегодно смѣняемые, могли, въ случаяхъ чрезвычайныхъ, наказывать преступниковъ ([777]). Новые законы, учрежденія, налоги объявлялись всегда чрезъ Приказы. Собственность или вотчина Царская, въ коей заключались многіе города, имѣла свою Расправу. Сверхъ того именуются еще *Избы* (или Приказы): Стрѣлецкая, Ямская, Дворцовая, Казенная, Разбойная, Земскій Дворъ или Московская Управа, Большой Приходъ или Государственное Казначейство, Бронный или Оружейный Приказъ, Житный или Запасный, и Холопій Судъ, гдѣ рѣшились тяжбы о крѣпостныхъ людяхъ ([778]). Какъ въ сихъ, такъ и въ областныхъ Правительствахъ или Судахъ главными дѣйствователями были Дьяки-Грамотѣи, употребляемые и въ дѣлахъ Посольскихъ, ратныхъ, въ осадахъ, для письма и для совѣта, къ зависти и неудовольствію Дворянства воинскаго ([779]). Умѣя не только читать и писать лучше

Дьяки, Приказные люди.

другихъ, но зная твердо и законы, преданія, обряды, Дьяки или Приказные люди составляли особенный родъ слугъ государственныхъ, степенію ниже Дворянъ и выше Жильцовъ или нарочитыхъ Дѣтей Боярскихъ, гостей или купцевъ именитыхъ; а Дьяки *Думные* уступали въ достоинствѣ только Совѣтникамъ Государственнымъ: Боярамъ, Окольничимъ и новымъ *Думнымъ Дворянамъ*, учрежденнымъ Іоанномъ въ 1572 году (780), для введенія въ Думу сановниковъ отличныхъ умомъ, хотя и не знатныхъ родомъ: ибо, не смотря на всѣ злоупотребленія власти неограниченной, онъ уважалъ иногда древніе обычаи: на примѣръ, не хотѣлъ дать Боярства любимцу души своей, Малютѣ Скуратову, опасаясь унизить сей верховный санъ такимъ скорымъ возвышеніемъ человѣка *худороднаго*. Умноживъ число людей Приказныхъ и давъ имъ болѣе важности въ государственномъ устройствѣ, Іоаннъ, какъ искусный Властитель, образовалъ еще новыя степени знаменитости для Дворянъ и Князей, раздѣливъ первыхъ на двѣ *статьи*, на Дворянъ *Сверстныхъ* и *Младшихъ* (781), а вторыхъ на Князей простыхъ и *Служилыхъ*; къ числу же царедворцевъ прибавилъ *Стольниковъ*, которые, служа за столомъ Государевымъ, отправляли и воинскія дол-

Думные Дворяне.

Дворяне Сверстные и Младшіе. Князья Служилые.

Стольники.

жности, будучи сановитѣе Дворянъ Младшихъ. — Мы писали о ратныхъ учрежденіяхъ сего дѣятельнаго Царствованія (782): своимъ малодушіемъ срамя наши знамена въ полѣ, Іоаннъ оставилъ Россіи войско, какого она не имѣла дотолѣ: лучше устроенное и многочисленнѣйшее прежняго; истребилъ Воеводъ славнѣйшихъ, но не истребилъ доблести въ войнахъ, которые всего болѣе оказывали ее въ несчастіяхъ, такъ, что безсмертный врагъ нашъ, Баторій, съ удивленіемъ разсказывалъ Поссевину, какъ они въ защитѣ городовъ не думаютъ о жизни: хладнокровно становятся на мѣста убитыхъ или взорванныхъ дѣйствіемъ подкопа и заграждаютъ проломы грудью; день и ночь сражаясь, ѣдятъ одинъ хлѣбъ; умираютъ отъ голода, но не сдаются, *чтобы не измѣнить Царю-Государю*; какъ самыя жены мужествуютъ съ ними, или гася огонь или съ высоты стѣнъ пуская бревна и камни въ непріятелей. Въ полѣ же сіи вѣрные отечеству ратники отличались если не искусствомъ, то хотя чудеснымъ терпѣніемъ, снося морозы, вьюги и ненастье подъ легкими наметами и въ шалашахъ сквозящихъ (783). — Въ древнѣйшихъ Розрядахъ именовались единственно Воеводы: въ Розрядахъ сего времени именуются обыкновенно и *Головы*, или частные Предводите-

Ратныя учрежденія

ли, которые вмѣстѣ съ первыми отвѣтствовали Царю за всякое дѣло ([784]).

Іоаннъ, какъ мы сказали, дополнилъ въ Судебникѣ Гражданское Уложеніе своего дѣда, включивъ въ него новые законы, но не перемѣнивъ системы или духа старыхъ. Дѣдъ не велитъ судіямъ лихоимствовать: внукъ опредѣляетъ тяжкую денежную пеню за ихъ лихоимство и неправосудіе *умышленное* ([785]), оставляя только неумышленное безъ наказанія: криводушныхъ Дьяковъ сажали въ темницу, Подьячихъ сѣкли кнутомъ. Обиженные Намѣстникомъ должны были приносить жалобы до его смѣны ([786]); но клеветники наказывались тѣлесно, сверхъ денежнаго взысканія за безчестье. Судейскія и казенныя пошлины не были умножены, хотя цѣна монеты нѣсколько унизилась (въ 1557 году считалось въ рублѣ 16 шиллинговъ и 8 пенсовъ, въ 1582 году около трехъ *старыхъ Польскихъ злотыхъ*, въ царствованіе Θеодора Іоанновича марка ([787]), а въ началѣ XVII вѣка два рейхсталера и 10 денегъ). Тяжбы рѣшились, какъ и дотолѣ, свидѣтельствами, клятвою, поединкомъ, а между иноземцами и Русскими *жеребьемъ*: чей вынимался въ судѣ, того объявляли правымъ ([788]). Дьякъ записывалъ дѣло, а Старосты и Цѣловальники прикладывали руки къ сей бумагѣ. Въ случаѣ мира, всегда желаемаго Законодателемъ, судимые

Законы.

Цѣна рубля.

освобождались отъ пошлинъ ([789]). Кого винили въ воровствѣ, о томъ надлежало развѣдать у сосѣдей, или *сдѣлать обыскъ*: человѣка, извѣстно худаго, пытали и навсегда заключали въ темницу, если онъ не признавался въ винѣ; человѣка, объявленнаго добрымъ въ обыскѣ, судили по закону ([790]). Казни были прежнія: кнутъ за первое воровство, смерть за второе; смерть убійцѣ, измѣннику, предателю города, церковному и *головному* татю ([791]), зажигателю, разбойнику, подметчику, даже злому обманщику и ябеднику ([792]). Обговорамъ татя не вѣрили безъ свидѣтельства честныхъ гражданъ, пятнадцати или двадцати. *Люди* или чиновники Намѣстниковъ не могли никого ни взять, ни оковать безъ вѣдома Старостъ и Цѣловальниковъ ([793]). Здѣсь видимъ болѣе осторожности, болѣе уваженія къ человѣчеству, нежели въ законахъ Іоанна III. — Гражданскіе уставы Судебника также совершеннѣе и полнѣе: на примѣръ, въ немъ уже различаются имѣнія наслѣдственное и купленное: въ случаѣ продажи или залога оныхъ, родственники могли выкупать первое, въ теченіе сорока лѣтъ, если не подписались свидѣтелями въ крѣпости или въ закладной; доказавъ, что сіе имѣніе не стоитъ денегъ, означенныхъ въ крѣпости, они вносили за него только истинную цѣну ([794]). Достояніе благопріобрѣтенное не выкупалось. — Письма заемныя не были дѣйствительны безъ печати Боярской и надписи Дьяка: за что собиралась пошлина ([795]). Въ денежныхъ искахъ надлежало

всегда справляться съ государственными книгами [796], гдѣ означались имена, достатокъ гражданъ и платимая ими дань въ казну: одинъ списокъ сихъ книгъ хранился въ Московскихъ Приказахъ, другой у чиновниковъ областныхъ, у Старостъ и Цѣловальниковъ. Требованіе, превосходящее достатокъ отвѣтчика, вмѣнялось въ вину истцу. — Уважая права господъ въ отношеніи къ крѣпостнымъ людямъ или холопямъ, Законодатель прибавилъ къ древнимъ уставамъ, что дѣти закабаленнаго слуги, рожденныя до его холопства, суть вольные люди; что ключники и Тіуны сельскіе, безъ особенной, *докладной* крѣпости, не рабы; что отецъ и мать, вступивъ въ Монашество, лишаются права отдавать дѣтей своихъ въ крѣпость; что заимодавцы не могутъ кабалить должниковъ, обязанныхъ единственно платить имъ ростъ; а если кого нибудь возьмутъ къ себѣ въ домъ для рабской услуги, и если сей человѣкъ уйдетъ, даже обокравъ хозяина, то послѣднему нѣтъ суда, ни удовлетворенія; что Дѣти Боярскіе и потомство ихъ навѣки отчуждаются отъ рабскаго состоянія [797]. — Утверждая силу отпускныхъ, Царь велѣлъ давать ихъ единственно въ Москвѣ, въ Новѣгородѣ и Псковѣ, за печатію Бояръ или Намѣстниковъ: безъ чего онѣ, хотя бы и рукою господъ писанныя, не имѣли силы. — Въ законѣ о свободномъ переходѣ крестьянъ изъ села въ село сказано, что они, сверхъ пожилаго за дворъ, платятъ еще владѣльцу за *повозъ* два

алтына съ двора, и если оставили хлѣбъ въ землѣ, то, снявъ его, даютъ господину два же алтына; что имъ всегда дозволяется продавать себя въ крѣпость владѣльцамъ ([798]). — Согласно съ древнимъ обыкновеніемъ Царь утвердилъ судъ Святительскій: оставилъ Епископамъ право судить Іереевъ, Діаконовъ, Монаховъ и старыхъ вдовъ, которыя питаются отъ церкви Божіей; позволилъ нищимъ, а людямъ торговымъ запретилъ жить въ монастыряхъ ([799]). — Уставъ о куплѣ дополненъ слѣдующими статьями: «1) Не льзя ничего купить на торгу или *съ* «*лавки* безъ поруки; 2) всякая купленная лошадь «должна быть въ тотъ же день заклеймена у «Царскихъ пятнальщиковъ и вписана въ ихъ «книгу, съ платежемъ двухъ денегъ въ казну, «для избѣжанія споровъ; преступникъ сего «устава наказывается пенею не менѣе двухъ «рублей» ([800]). — Упомянемъ еще о новомъ законѣ касательно безчестья: оно платилось Дѣтямъ Боярскимъ соразмѣрно съ ихъ доходомъ или жалованьемъ, а Дьякамъ Дворцовымъ по Государеву назначенію; гостю или знатному купцу 50 рублей; людямъ торговымъ, посадскимъ, *среднимъ*, и Боярскимъ добрымъ слугамъ 5 рублей; а чернымъ людямъ и крестьянамъ рубль; женамъ же всегда вдвое противъ мужей, въ знакъ особеннаго уваженія къ чести слабаго пола ([801]).

Сказавъ въ концѣ Судебника, что законы его не касаются дѣлъ старыхъ и не отмѣняютъ рѣ-

шеній прежнихъ, хотя еще и не исполненныхъ; что новые случаи могутъ встрѣтиться въ судахъ и произвести новые уставы, которые должны быть приписаны къ сему Гражданскому Уложенію, Іоаннъ отъ 1550 до 1580 года издалъ многіе дополнительные указы, важные по тогдашнимъ обстоятельствамъ Государства: отмѣнивъ (въ 1556 году) судные платежи (802), вмѣсто ихъ опредѣливъ жалованье Намѣстникамъ, положивъ общую дань на города и волости, велѣвъ разбирать уголовныя дѣла судьямъ избраннымъ гражданами и сельскими жителями, Головамъ, Старостамъ, Сотскимъ, онъ запретилъ судебные поединки во всѣхъ случаяхъ, гдѣ можно было рѣшить дѣло свидѣтельствами или крестнымъ цѣлованіемъ (803), то есть, уничтожилъ навѣки сіе древнее обыкновеніе временъ Рыцарства и невѣжества; уставилъ наказывать лжесвидѣтелей кнутомъ и тяжкою денежною пенею; прибавилъ слѣдующія статьи къ законамъ: 1) «Если «въ обыскѣ люди говорятъ разно, одни за «истца, другіе за отвѣтчика, то вѣрить боль«шинству голосовъ, пятидесяти или шестиде«сяти; если число голосовъ на обѣихъ сто«ронахъ равное, то сдѣлать новый обыскъ: «призвать людей изъ иныхъ ближнихъ селе«ній, дабы узнать истину. Свидѣтельство пяти «или шести человѣкъ, мало извѣстныхъ, не «достаточно для обвиненія; но слово Боярина, «Дьяка и Приказнаго всегда уважается какъ

«достовѣрное. Если истецъ и отвѣтчикъ шлют-«ся на одного человѣка, то онъ рѣшитъ «тяжбу. За ложное свидѣтельство Боярскихъ «и Дворянскихъ людей подвергается ихъ го-«сподинъ Царскому гнѣву; но если самъ го-«сподинъ объявитъ Царю о лжи ихъ, то «невиненъ. Главное дѣло Старостъ есть пред-«упреждать обманы и *заговоры* въ мірскихъ «показаніяхъ; въ случаѣ небреженія, криво-«душія, пристрастія сихъ избранныхъ чиновни-«ковъ, имъ казнь безъ милосердія (804). 2) Если «господинъ будетъ искать способовъ на вольномъ «человѣкѣ, который, служивъ ему безъ крѣпо-«сти, оставилъ его или даже тайно ушелъ изъ «дому: то не давать суда господину, ибо онъ «можетъ съ досады всклепать на слугу невин-«наго, коего держалъ безъ кабалы, негласно для «закона и неосторожно. 3) Холопъ освобожден-«ный уже не долженъ служить старому господи-«ну, или его отпускная уничтожается. 4) Если «господинъ присвоиваетъ себѣ кого въ рабы, а «сей человѣкъ доказываетъ свою вольность, и «будучи отданъ на поруку, уйдетъ: то ручатель «платитъ истцу за бѣглаго четыре рубли, кромѣ «всякаго инаго иска. 5) Кто сочинитъ подложную «крѣпость на вольнаго человѣка, тому смертная «казнь. 6) Плѣнникъ можетъ быть рабомъ, но «смертію господина освобождается; а дѣти его «всегда свободны, если онъ не женится на рабѣ «или не дастъ на себя крѣпости. Крещеные ино-«земцы могутъ итти въ кабалу, но только съ

«вѣдома Казначея Государева, и если они не въ «Царской службѣ ([805]). 7) Для взысканія ста «рублей долгу назначается мѣсяцъ сроку, а съ «человѣка служиваго два мѣсяца: послѣ чего «должникъ неисправный выдается головою истцу «до выкупа, но не въ вѣчное рабство ([806]).» Сіе взысканіе долговъ, наываемое *Правежемъ*, дѣлалось такимъ образомъ: Приставъ выводилъ должника разутаго на улицу, къ дверямъ *Судной Избы*, и сѣкъ его въ часы засѣданія, по голой ногѣ прутомъ, иногда для вида, иногда больно, до самаго того времени, какъ судьи уѣзжали домой ([807]): обыкновеніе Азіатское, отмѣненное Петромъ Великимъ. — 8) «Съ лю«дей служивыхъ взыскивать *старые* долги въ «теченіе пяти лѣтъ (отъ 1558 до 1563) безъ «лихвы, а *новые* съ половинными ростами или «10 на 100 ([808]): ибо Государь отмѣняетъ на«всегда старую тягостную лихву (20 на 100). «9) Взысканіе по ряднымъ грамотамъ должно «быть для всѣхъ непремѣнное и точное, но «безъ ростовъ ([809]). 10) Кто не выкупитъ руч«наго заклада, того надобно извѣстить, что «срокъ минулъ, и назначить новый для пла«тежа, недѣлю или двѣ; ежели и послѣ не «выкупитъ, то нести закладъ къ Старостѣ и «къ Цѣловальникамъ, продать честно, не безъ «надежныхъ свидѣтелей, и взять долгъ съ «ростами, а лишнее отдать должнику; если «же вырученныхъ денегъ мало для уплаты «займа, то остальное взыскать съ должника ([810]).

«11) Истецъ-заимодавецъ не имѣетъ нужды въ «письменномъ обязательствѣ, если отвѣтчикъ «въ судѣ признаетъ себя должникомъ. 12) Мно-«гіе заложили свои вотчины, съ тѣмъ, чтобы, «вмѣсто ростовъ, заимодавцы пахали и сѣяли «тамъ хлѣбъ: для облегченія должниковъ по-«велѣвается возвратить имъ всѣ такія земли, «съ обязательствомъ не продавать никому, и «въ теченіе пяти лѣтъ удовлетворить заимо-«давцевъ, коимъ, въ случаѣ неисправнаго «платежа, снова отдается вотчина» (811). Въ семъ указѣ говорится о книгахъ *вотчинныхъ*, *крѣпостныхъ* и *закладныхъ*, которыя находи-лись у Дьяковъ. — 13) «Если жена, умирая, «назначитъ въ духовной душеприкащикомъ му-«жа своего, то сей духовной не вѣрить: ибо «жена въ волѣ мужа: что онъ велитъ писать «ей, то она и пишетъ. 14) Налагать эпитимію «на Христіанъ, которые, бывъ въ плѣну или «въ неволѣ, дали клятву не бѣжать, и бѣжали: «ибо клятвопреступленіе есть грѣхъ смертный, «и лучше умереть, нежели нарушить обѣтъ «священный. — 15) Иногородные, истецъ съ «отвѣтчикомъ, судятся въ Москвѣ у Царскихъ «Казначеевъ, буде они изъ разныхъ городовъ; «а если изъ одного, то отсылаются къ ихъ «Намѣстнику въ дѣлахъ земскихъ, но не въ «уголовныхъ, судимыхъ на мѣстѣ преступле-«нія (812). — 16) Въ столицѣ нѣтъ ни смертной, «ни торговой казни въ день большой Панни-«хиды, когда Митрополитъ обѣдаетъ у Госу-

«даря.» — Запретивъ Духовенству покупать недвижимое имѣніе безъ Царскаго вѣдома ([813]), Іоаннъ предписалъ въ сихъ дополненіяхъ Судебника отнять у Епископовъ и монастырей всѣ казенныя земли, села, рыбныя ловли, коими они несправедливо завладѣли въ смутныя времена Боярской власти ([814]). «Иноки» (писалъ онъ къ Святителю Казанскому, Гурію) «должны орать не землю, а сердца — сѣять «не хлѣбъ, а словеса Божественныя — наслѣ-«довать не села, а Царство Небесное... Многіе «Епископы наши думаютъ о бренномъ стяжа-«ніи болѣе, нежели о Церкви» ([815]). Мысля такимъ образомъ, Іоаннъ смѣлѣе дѣда своего обогащалъ казну достояніемъ безмолвнаго Духовенства.

Съ сего времени *Новый Судебникъ* былъ общею книгою законовъ для Россіи до царствованія Алексія Михайловича. Сверхъ того Іоаннъ давалъ областнымъ начальствамъ *Грамоты Уставныя и Губныя:* первыя опредѣляли доходы, права, обязанности Намѣстниковъ и другихъ Царскихъ сановниковъ, заключая въ себѣ и важнѣйшія уголовныя статьи Судебника, вмѣстѣ съ нѣкоторыми частными, особенными постановленіями. Въ одной изъ нихъ, данной Колмогорскимъ жителямъ въ 1557 году, сказано, что Царь освобождаетъ ихъ отъ суда Намѣстниковъ, съ условіемъ, чтобы они вносили въ казну ежегодно по двадцати рублей *съ сохи*, то есть, съ шести-

десяти-четырехъ дворовъ (816); что Головы Двинскіе для истребленія воровства, разбоевъ, пьянства, ябеды, должны выбрать Сотскихъ, Пятидесятниковъ, Десятскихъ, которые отвѣтствуютъ за безопасность и благоустройство въ ихъ вѣдомствахъ; что ежели Головы или народные судьи дерзнутъ употребить во зло довѣренность согражданъ, тѣснить людей, лихоимствовать, то будутъ казнены смертію; что всякія дѣла, обыскныя и судныя, записываются у нихъ земскими Дьяками; что Двиняне вольны смѣнять судей, и въ такомъ случаѣ обязаны присылать новыхъ въ Москву, да цѣлуютъ крестъ предъ Дьякомъ Государевымъ въ соблюденіи правды. Въ другой Уставной, также Двинской грамотѣ означена мѣра дворовъ, избъ, ледниковъ и всего, что жители должны были выстроить для Намѣстниковъ и Тіуновъ (817). — Слово *Губа* знаменовало въ древнемъ Нѣмецкомъ Правѣ *усадьбу*, а въ нашемъ *волость* или *вѣдомство* (818): *Губныя грамоты* давались областнымъ судьямъ и содержали въ себѣ единственно уголовные законы; въ нихъ предписывалось Старостамъ, Губнымъ Цѣловальникамъ и Дьякамъ начинать исправленіе своей должности обыскомъ или съѣздомъ съ знатнѣйшими жителями ихъ волости: съ Князьями, Дѣтьми Боярскими, Архимандритами, Игуменами, Іереями, и съ Повѣренными каждой *выти* или участка (819), обязаными подъ крестнымъ цѣлованіемъ заявить всѣхъ извѣстныхъ

имъ воровъ и *лихихъ людей*. Сіи показанія вносились въ книгу; обвиняемыхъ предавали суду, пытали: достояніе ихъ описывали для удовлетворенія истцевъ; кто винился, того казнили по Судебнику; кто запирался, не могъ быть уличенъ вѣрными свидѣтельствами и представлялъ за себя належныхъ ручателей, того освобождали; не уличенныхъ совершенно, но сильно подозрѣваемыхъ сажали навсегда въ темницу; кто рѣшительно одобрялъ человѣка судимаго уголовнымъ судомъ, тотъ имѣніемъ и жизнію отвѣтствовалъ за его будущія преступленія. Стараясь обуздать злодѣевъ для спокойствія честныхъ гражданъ, Іоаннъ лучше хотѣлъ быть жестокимъ, нежели слабымъ, въ противность новѣйшей мысли Россійскаго уголовнаго законодательства, что лучше десять виновныхъ оставить безъ наказанія, нежели казнить одного безвиннаго.

Отъ учрежденій гражданскихъ перейдемъ къ церковнымъ, равно достопамятнымъ. Мы упоминали о Московскомъ Соборѣ 1551 года ([820]): означимъ здѣсь важнѣйшіе или любопытнѣйшіе его уставы. Слѣдуя наказу Іоаннову, Святители опредѣлили: «1) Въ Москвѣ и во всемъ Государствѣ быть Епархіальнымъ Старостамъ «и Десятскимъ, избираемымъ изъ луч- Церковныя учрежденія.

«шихъ Іереевъ для надзиранія надъ церковною «службою, да исполняются въ точности всѣ святые обряды ея, и надъ поведеніемъ Духовенства, обязаннаго учить людей и словомъ и дѣломъ. — 2) Строго блюсти, чтобы въ книгахъ «церковныхъ не было ошибокъ, и чтобы иконы «списывались съ древнихъ Греческихъ, или какъ «писалъ ихъ Андрей Рублевъ (821) и другіе знаменитые художники: симъ святымъ дѣломъ «занимаются единственно люди признанные отъ «Государя и Епископовъ достойными онаго, не «только искусствомъ, но и жизнію непорочною: «наградою же имъ да будетъ всеобщее уваженіе!» Слѣдуютъ предписанія о звонѣ, пѣніи церковномъ, Литургіи, утренней и вечерней службѣ, гдѣ сказано: «3) Да никто изъ Князей, «Вельможъ и всѣхъ добрыхъ Христіанъ не входитъ въ церковь съ главою покровенною, въ «тафьяхъ Мусульманскихъ! Да не вносятъ въ «Олтарь ни пива, ни меду, ни хлѣба, кромѣ просфоръ! Да уничтожится навѣки нелѣпый обычай возлагать на престолъ такъ называемыя «*сорочки*, въ коихъ родятся младенцы (822)! — «4) Злоупотребленія и соблазны губятъ нравы «Духовенства. Что видимъ въ монастыряхъ? «Люди ищутъ въ нихъ не спасенія души, а тѣлеснаго покоя и наслажденій (823). Архимандриты, Игумены не знаютъ братской трапезы, «угощая свѣтскихъ друзей въ своихъ келліяхъ; «Иноки держатъ у себя отроковъ и юношей, «принимаютъ безъ стыда и женъ и дѣвицъ, ве-

«селятся и разоряютъ села монастырскія. От-
«нынѣ да будетъ въ Обителяхъ една трапеза
«для всѣхъ: Инокамъ выслать юныхъ слугъ ([824]);
«не впускать женщинъ; не держать вина (кромѣ
«Фряжскаго), ни крѣпкихъ медовъ; не ѣздить
«для забавы по селамъ и городамъ. Преступ-
«никъ да будетъ извержевъ или отлученъ отъ
«всякія Святыни. Сей законъ умѣренности, воз-
«держанія, цѣломудрія, данъ всему Духовен-
«ству: Іереямъ, Діаконамъ, Причетникамъ. —
«5) Обители, богатыя землями и доходами, не
«стыдятся требовать милостыни отъ Государя:
«впредь да не стужаютъ ему! — 6) Святители и
«монастыри вольны ссужать земледѣльцевъ и
«граждавъ деньгами, но безъ всякой лихвы. —
«7) Милосердіе Христіанское устроило во мно-
«гихъ мѣстахъ богадѣльни для недужныхъ и
«престарѣлыхъ, а злоупотребленіе ввело въ
«оныя молодыхъ и здоровыхъ тунеядцевъ: да
«будутъ послѣдніе изгнаны, а на ихъ мѣста вве-
«дены первые, согласно съ намѣреніемъ благо-
«творителей, и вездѣ да смотрятъ за богадѣль-
«нями добрые Священники, люди градскіе и Цѣ-
«ловальники ([825]). — 8) Многіе Иноки, Черницы,
«міряне, хвалясь какими-то сверхъестественны-
«ми сновидѣніями и пророчествомъ, скитаются
«изъ мѣста въ мѣсто съ святыми иконами, и
«требуютъ денегъ для сооруженія церквей, не-
«пристойно, безчинно, къ удивленію иноземи-
«цевъ: нынѣ объявить на торгахъ заповѣдь Го-
«судареву, чтобы впредь не быть такому соблаз-

«пу. Если не уймутся бродяги, то ихъ выгонять, «а иконы отдавать въ церкви. — 9) Храмы древ«ніе пустѣютъ, новые вездѣ воздвигаются, не «усердіемъ къ Вѣрѣ, а тщеславіемъ, и скоро «также пустѣютъ, отъ недостатка въ Іереяхъ, «въ иконахъ, въ книгахъ. Видимъ еще иное зло: «празднолюбцы уходятъ изъ монастырей, заво«дятъ Пустыни въ лѣсахъ и стужаютъ Христіа«намъ о денежномъ вспоможеніи. Государь ука«залъ Епископамъ не дозволять ни того, ни дру«гаго безъ особеннаго, строгаго разсмотрѣ«нія (826). — 10) Прихожане избираютъ Священ«никовъ и Діаконовъ: первые должны быть не «менѣе тридцати, а вторые двадцати-пяти лѣтъ «отъ рожденія, житія нравственнаго, и грамот«ные: кто изъ нихъ читаетъ или пишетъ худо, «того отсылать въ училища, нынѣ во всѣхъ го«родахъ заводимыя. Ставленикъ дастъ Митро«политу и Епископамъ только указное: Священ«никъ рубль Московскій и *благословенную* грив«ну; Діаконъ полтину (827). Слѣдуя уставу Вели«кихъ Князей, Іоанна Василіевича и сына его, «новобрачные платятъ за вѣнецъ алтынъ, за «вторый бракъ вдвое, за третій четыре алтына; «но крещеніе, исповѣдь, причастіе, погребеніе, «не терпятъ никакой мзды. Никто изъ церков«никовъ не долженъ носить одежды странной: «всякой имѣетъ свою, и воинъ и Тысяцникъ, и «купецъ и ремесленникъ (828): служителю ли «Церкви украшаться златомъ и бисеромъ, пле«теніемъ и питьемъ, подобно женѣ? Въ Игу-

«мены, въ Архимандриты избираютъ Святители, «а Царь утверждаетъ выборъ. Снова запрещает«ся вдовымъ Іереямъ и Діаконамъ священнодѣй«ствовать, Монахамъ и Монахинямъ жить въ «единой Обители, или въ мірѣ. — 11) Митропо«литу и Епископамъ безъ Государева вѣдома не «перемѣнять ни Бояръ своихъ, ни Дворецкихъ; «а на мѣсто убылыхъ брать изъ тѣхъ же родовъ «старинныхъ ([829]). — 12) Духовенство обязано «искоренять языческія и всякія гнусныя обы«кновенія. На примѣръ: когда истецъ съ отвѣт«чикомъ готовятся въ судѣ къ бою, тогда яв«ляются волхвы, смотрятъ на звѣзды, гадаютъ «въ какія-то *Аристотелевы Врата* и въ *Рафли*, «предсказываютъ побѣду счастливому, умно«жаютъ зло кровопролитія ([830]). Легковѣрные «держатъ у себя книги Аристотелевскія, звѣздо«четныя, Зодіаки, Алманахи, исполненныя ере«тической мудрости. На канунѣ Іоаннова дни «люди сходятся ночью, пьютъ, играютъ, пля«шутъ цѣлыя сутки; такъ же безумствуютъ и «на канунѣ Рождества Христова, Василія Вели«каго и Богоявленія. Въ Субботу Троицкую пла«чутъ, вопятъ и глумятъ на кладбищахъ, пры«гаютъ, бьютъ въ ладоши, поютъ Сатанинскія «пѣсни. Въ утро Великаго Четверга палятъ со«лому и кличутъ мертвыхъ; а Священники въ «сей день кладутъ соль у престола и лечатъ ею недужныхъ. Лживые пророки бѣгаютъ изъ села «въ село, нагіе, босые, съ распущенными воло«сами; трясутся, падаютъ на землю, басносло-

«вять о явленіяхъ Св. Анастасіи и Св. Пятницы. «Ватаги скомороховъ, человѣкъ до ста, скитаются по деревнямъ, объѣдаютъ, опиваютъ «земледѣльцевъ, даже грабятъ путешественни-«ковъ на дорогахъ. Дѣти Боярскіе толпятся въ «корчмахъ, играютъ зернью, разоряются. Муж-«чины и женщины моются въ однѣхъ баняхъ, «куда самые Иноки, самыя Инокини ходить не «стыдятся. На торгахъ продаютъ зайцевъ, утокъ, «тетеревей удавленныхъ; ѣдятъ кровь или кол-«басы, вопреки уставу Соборовъ Вселенскихъ; «слѣдуя Латинскому обычаю, брѣютъ бороду, «подстригаютъ усы, носятъ одежду иноземную, «клянутся во лжи именемъ Божіимъ и скверно-«словятъ; наконецъ — что всего мерзостнѣе, и «за что Богъ казнитъ Христіанъ войнами, гла-«домъ, язвою — впадаютъ въ грѣхъ Содом-«скій (831). Отцы духовные! пресѣките зло; на-«ставляйте, грозите, казните эпитиміею: ослуш-«ники да не входятъ въ церковь! Учите Хри-«стіанъ страху Божію и цѣломудрію, да живутъ «мирно въ сосѣдствѣ, безъ ябеды, кражи, раз-«боевъ, лжесвидѣтельства и клятвопреступле-«нія; да будетъ вездѣ благонравіе въ нашемъ «любезномъ отечествѣ, и дѣти да чтутъ роди-«телей!»

Сіе церковное законодательство принадле-житъ Царю болѣе, нежели Духовенству: онъ мыслилъ и совѣтовалъ; оно только слѣдовало его указаніямъ. Слогъ достоинъ удивленія своею чистотою и ясностію.

Замѣтимъ странность: желая истребить обыкновенія древнія, противныя Святой Вѣрѣ, Іоаннъ и Духовенство не коснулись, въ Стоглавѣ, обычая давать людямъ имена не Христіанскія, по ихъ свойствамъ нравственнымъ: не только простолюдины, но и знатные сановники, уже считая за грѣхъ называться Олегами или Рюриками, назывались въ самыхъ государственныхъ бумагахъ *Дружинами*, *Тишинами*, *Истомами*, *Неудачами*, *Хозяинами* (832), единственно съ прибавленіемъ Христіанскаго отчества. Сей обычай казался Царю невиннымъ.

Въ Февралѣ 1581 года, по кончинѣ Митрополита Антонія, избравъ на его мѣсто Діонисія, Хутынскаго Игумена, Іоаннъ съ Епископами и Боярами уставилъ обрядъ посвященія въ сей верховный санъ, не прибавивъ, кажется, ничего къ старому, но только утвердивъ оный слѣдующею Соборною грамотою: «Кому благоволитъ «Господь быть Митрополитомъ, Епископу ли, «Игумену или Старцу, того немедленно извѣ«стить о сей чести. Въ день *нареченія* и *возведе*«*нія* звонятъ и поютъ молебны. Святители, от«пѣвъ Канонъ Богоматери и Петру Чудотворцу, «шлютъ двухъ Архимандритовъ, Рожественскаго «и Троицкаго, за *Нареченнымъ*, который вмѣстѣ «съ ними идетъ къ Государю. Царь сажаетъ бу«дущаго Митрополита, и говоритъ ему рѣчь о «молитвѣ. Послѣ того *Нареченный* знаменуется «въ храмѣ Успенія, у святыхъ иконъ и гробовъ, «идетъ вмѣстѣ съ Епископами на Дворъ Митро-

«политовъ, въ Бѣлую Палату, и тамъ, сѣвъ на «свое мѣсто, ждетъ, встрѣчаетъ Царя, бесѣдуетъ «съ нимъ; слушаетъ Литургію въ Соборной цер«кви, стоя у Митрополитскаго мѣста; обѣдаетъ «въ Бѣлой Палатѣ со всѣми Святителями; от«толѣ же, до поставленія, никого не прини«маетъ, обѣдая въ келліи съ немногими ближ«ними Иноками. Дни чрезъ два совершается «*избраніе*, объявляемое ему *Благовѣстниками*, «Архимандритами Спасскимъ и Чудовскимъ. «Уготовляютъ мѣсто въ церкви и пишутъ орла «надъ онымъ. Въ день назначенный, во время «звона, Святители облачаются, а съ ними и бу«дущій Митрополитъ, если онъ Епископъ; если «же не Епископъ, то облачается въ придѣлѣ. «Окруженный Боярами, Государь вступаетъ въ «храмъ, знаменуется у святыхъ иконъ, восхо«дитъ на уготованное мѣсто, и садится: Вла«дыки также. *Избранный*, между осьмью стоя«щими *огненниками*, подъ орломъ, читаетъ «Исповѣданіе Вѣры. Начинаютъ Обѣдню. Лам«падѣ и посоху быть Архіепископа Новогород«скаго или Казанскаго. Когда въ третій разъ «запоютъ: *Святъ*, *Святъ*, тогда Владыки ста«вятъ Митрополита по древнему обычаю. Онъ «совершаетъ Литургію, и Архіепископъ име«нуетъ его въ молитвѣ послѣ *Изрядна*. Свѣще«носецъ, держа въ рукѣ свѣщу и лампаду, кла«няется Митрополиту и занимаетъ предъ нимъ «свое мѣсто въ Олтарѣ; когда же возгласятъ: «*со страхомъ Божіимъ*, тогда уносятъ Архіепи-

«скопову лампаду съ посохомъ, а Митро-«политовы Поддіаконы становятся у Цар-«скихъ дверей съ лампадою и посохомъ «новаго Архипастыря. Отпѣвъ Литургію, «Епископы возводятъ его на мѣсто, гдѣ «сидѣлъ Государь; сажаютъ трижды, произ-«нося *Исполлаэти Деспота;* снимаютъ съ «него одежду служебную, возлагаютъ ему «на грудь икону *вратную*, мантію съ источ-«никами на плеча, клобукъ бѣлый или «черный (какъ Государь укажетъ) на гла-«ву, и ведутъ на каменное Святительское «мѣсто. Царь приближается, говоритъ рѣчь «и даетъ Святителю посохъ въ десницу. «Тутъ знатное Духовенство, Бояре, Князья «многолѣтствуютъ Митрополиту. Онъ бла-«гословляетъ Царя и говоритъ рѣчь. Ду-«ховенство и Бояре многолѣтствуютъ Ца-«рю. На крылосахъ поютъ также *многая* «*лѣта*. Выходятъ изъ церкви. У Государя «столъ для всего знатнаго Духовенства, «для Вельможъ и сановниковъ. Митропо-«литъ ѣздитъ вокругъ Москвы на ослѣ, «коего ведутъ Бояринъ Царскій и Святи-«тельскій. Послѣ стола чаши: Петра Чудо-«творца, Государева и Митрополитова» (833).

Упомянемъ здѣсь также о церковномъ любопытномъ обрядѣ сего времени, уже давно забытомъ въ Россіи. Въ Недѣлю Вайй, предъ Обѣднею, собирался весь народъ Московскій въ Кремлѣ. Изъ храма

Достопамятный обрядъ

церковный. Успенія выносили большое дерево, обвѣшенное разными плодами (яблоками, изюмомъ, смоквами, финиками); укрѣпляли его на двухъ саняхъ и везли тихо. Подъ деревомъ стояли пять отроковъ въ бѣлой одеждѣ и пѣли молитвы. За санями шли многіе юноши съ пылающими восковыми свѣчами и съ огромнымъ фонаремъ; за ними несли двѣ высокія хоругви, шесть кадильницъ и шесть иконъ; за иконами слѣдовали Іереи, числомъ болѣе ста, въ великолѣпныхъ ризахъ, осыпанныхъ жемчугомъ; за ними Бояре и сановники; наконецъ самъ Государь и Митрополитъ: послѣдній ѣхалъ верхомъ, сидя бокомъ на ослѣ (или на конѣ) одѣтомъ бѣлою тканію ([831]): лѣвою рукою придерживалъ (Митрополитъ) на своихъ колѣнахъ Евангеліе, окованное золотомъ, а правою благословлялъ народъ. Осла велъ Бояринъ: Государь, одною рукою касаясь длиннаго повода узды, несъ въ другой вербу. Путь Митрополиту устилали сукнами. Далѣе шли еще Бояре и сановники; за ними безчисленное множество людей. Обходивъ такимъ образомъ вокругъ главныхъ церквей Кремлевскихъ, возвращались въ храмъ Успенія, гдѣ Митрополитъ служилъ Литургію: послѣ чего давалъ обѣдъ Царю и Вельможамъ. — Сей церковный ходъ, въ память срѣтенія Христова въ Іеруса-

лимѣ, былъ уставленъ, какъ вѣроятно, въ древнѣйшія времена, но сдѣлался намъ извѣстенъ только съ Іоаннова, по описанію иноземныхъ наблюдателей.

Къ достохвальнымъ дѣяніямъ сего царствованія принадлежитъ еще строеніе многихъ новыхъ городовъ для безопасности нашихъ предѣловъ. Кромѣ Лаишева, Чебоксаръ, Козмодемьянска, Болхова, Орла и другихъ крѣпостей, о коихъ мы упоминали, Іоаннъ основалъ Донковъ, Епифань, Веневъ, Чернь, Кокшажскъ (835), Тетюши, Алатырь, Арзамасъ. Но воздвигая красивыя твердыни въ лѣсахъ и въ степяхъ, онъ съ прискорбіемъ видѣлъ до конца жизни своей развалины и пустыри въ Москвѣ, сожженной Ханомъ въ 1571 году (836), такъ, что въ ней, если вѣрить Поссевинову исчисленію, около 1581 года считалось не болѣе тридцати тысячь жителей, въ шесть разъ менѣе прежняго, какъ говоритъ другой иноземный Писатель, слышавъ то отъ Московскихъ старожиловъ въ началѣ XVII вѣка (837). Стѣны новыхъ крѣпостей были деревянныя, насыпанныя внутри землею съ пескомъ, или крѣпко сплетенныя изъ хвороста (838); а каменныя единственно въ столицѣ, Александровской Слободѣ, Тулѣ, Коломнѣ, Зарайскѣ, Старицѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ, Бѣлозерскѣ, Порховѣ, Новѣгородѣ, Псковѣ.

Строеніе городовъ.

Состояніе Москвы.

Торговля. Размноженіе городовъ благопріятствовало и чрезвычайнымъ успѣхамъ торговли, болѣе и болѣе умножавшей доходы Царскіе (которые въ 1588 году простирались до шести милліоновъ (839) нынѣшнихъ рублей серебряныхъ). Не только на ввозъ чужеземныхъ издѣлій или на выпускъ нашихъ произведеній, но даже и на съѣстное, привозимое въ города, была значительная пошлина, иногда откупаемая жителями. Въ Новогородскомъ таможенномъ уставѣ 1571 года (840) сказано, что со всѣхъ товаровъ, ввозимыхъ иноземными гостями и цѣнимыхъ людьми присяжными, казна беретъ семь денегъ на рубль: купцы же Россійскіе платили 4, а Новогородскіе $1^1/_2$ деньги: съ мяса, скота, рыбы, икры, меду, соли (Нѣмецкой и *морянки*), луку, орѣховъ, яблокъ, кромѣ особеннаго сбора съ телегъ, судовъ, саней. За ввозимые металлы драгоцѣнные платили, какъ и за все иное; а вывозъ ихъ считался преступленіемъ. Достойно замѣчанія, что и Государевы товары не освобождались отъ пошлины. Утайка наказывалась тяжкою пенею. — Въ сіе время древняя столица Рюрикова, хотя и среди развалинъ, начинала-было снова оживляться торговою дѣятельностію, пользуясь близостію Нарвы, гдѣ мы съ цѣлою Европою купечествовали; но скоро погрузилась въ мерт-

вую тишину, когда Россія въ бѣдствіяхъ Литовской и Шведской войны утратила сію важную пристань. Тѣмъ болѣе цвѣла наша Двинская торговля, въ коей Англичане должны были дѣлиться выгодами съ купцами Нидерландскими, Нѣмецкими, Французскими, привозя къ намъ сахаръ, вина, соль, ягоды, олово, сукна, кружева, и вымѣнивая на нихъ мѣха, пенѣку, ленъ, канаты, шерсть, воскъ, медъ, сало, кожи, желѣзо, лѣсъ (841). Французскимъ купцамъ, привезшимъ къ Іоанну дружественное письмо Генрика III, дозволялось торговать въ Колѣ, а Испанскимъ или Нидерландскимъ въ Пудожерскомъ Устьѣ: знаменитѣйшій изъ сихъ гостей назывался Иваномъ Девахомъ Бѣлобородомъ, доставлялъ Царю драгоцѣнные каменья и пользовался особеннымъ его благоволеніемъ, къ неудовольствію Англичанъ. Въ разговорѣ съ Елисаветинымъ Посломъ, Баусомъ, Іоаннъ жаловался, что Лондонскіе купцы не вывозятъ къ намъ ничего хорошаго; снялъ съ руки перстень, указалъ на изумрудъ *колпака* своего и хвалился, что Девахъ уступилъ ему первый за 60 рублей, а вторый за тысячу: чему дивился Баусъ, оцѣнивъ перстень въ 300 рублей, а изумрудъ въ 40,000 (842). Въ Швецію и въ Данію отпускали мы знатное количество хлѣба. «Сія благословенная земля» (пишетъ Кобенцель о Россіи) «изобилуетъ всѣмъ необходимымъ «для жизни человѣческой, не имѣя дѣйствитель-«ной нужды ни въ какихъ иноземныхъ произ-

«веденіяхъ» (843). — Завоеваніе Казани и Астрахани усилило нашу мѣну Азіатскую.

Обогативъ казну торговыми, городскими и земскими налогами, также и присвоеніемъ церковнаго имѣнія, чтобы умножить войско, завести арсеналы (гдѣ находилось всегда въ готовности не менѣе двухъ тысячь осадныхъ (844) и полевыхъ орудій, строить крѣпости, палаты, храмы, Іоаннъ любилъ употреблять избытокъ доходовъ и на роскошь: мы говорили объ удивленіи иноземцевъ, видѣвшихъ въ казнѣ Московской груды жемчугу, горы золота и серебра во дворцѣ (845), блестящія собранія, обѣды, за коими въ теченіе пяти, шести часовъ *пресыщалось* 600 или 700 гостей, не только изобильными, но и дорогими яствами, плодами и винами жаркихъ, отдаленныхъ климатовъ: однажды, сверхъ людей именитыхъ, въ Кремлевскихъ палатахъ обѣдало у Царя 2000 Ногайскихъ союзниковъ, шедшихъ на войну Ливонскую (846). Въ торжественныхъ выходахъ и выѣздахъ Государевыхъ все также представляло образъ Азіатскаго великолѣпія: дружины тѣлохранителей, облитыхъ золотомъ — богатство ихъ оружія, убранство коней. Такъ Іоаннъ, 12 Декабря (847), обыкновенно выѣзжалъ верхомъ за городъ, видѣть дѣйствіе снаряда огнестрѣльнаго: предъ нимъ нѣсколько сотъ Князей, Вое-

Роскошь и пышность.

водъ, сановниковъ, по-три въ рядъ; предъ сановниками 5000 отборныхъ Стрѣльцовъ по-пяти въ рядъ. Среди обширной, снѣжной равнины, на высокомъ помостѣ, длиною саженей въ 200 или болѣе, стояли пушки и воины, стрѣляли въ цѣль, разбивали укрѣпленія, деревянныя, осыпанныя землею, и ледяныя. Въ торжествахъ церковныхъ, какъ мы видѣли, Іоаннъ также являлся народу съ пышностію разительною, умѣя видомъ искусственнаго смиренія придавать себѣ еще болѣе величія (848), и съ блескомъ мірскимъ соединяя наружность Христіанскихъ добродѣтелей: угощая Вельможъ и Пословъ въ свѣтлые праздники, сыпалъ богатую милостыню на бѣдныхъ.

Въ заключеніе скажемъ, что добрая слава Іоаннова пережила его худую славу *въ народной памяти*: стенанія умолкли, жертвы истлѣли, и старыя преданія затмились новѣйшими; но имя Іоанново блистало на Судебникѣ и напоминало пріобрѣтеніе трехъ Царствъ Могольскихъ: доказательство дѣлъ ужасныхъ лежали въ книгохранилищахъ, а народъ въ теченіе вѣковъ видѣлъ Казань, Астрахань, Сибирь какъ живые монументы Царя-Завоевателя; чтилъ въ немъ знаменитаго виновника нашей государственной силы, нашего гражданскаго образованія; отвергнулъ или забылъ на- Слава Іоаннова.

званіе *Мучителя*, данное ему современниками, и по темнымъ слухамъ о жестокости Іоанновой доныпѣ именуетъ его только *Грознымъ*, не различая внука съ дѣдомъ, такъ названнымъ древнею Россіею болѣе въ хвалу, нежели въ укоризну (819). Исторія злопамятнѣе народа!

КОНЕЦЪ IX ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ IX.

ГЛАВА I.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА ГРОЗНАГО.

Г. 1560—1564.

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА ГРОЗНАГО.

Г. 1563—1569.

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА ГРОЗНАГО.

Г. 1569—1572.

ГЛАВА IV.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА ГРОЗНАГО.

Г. 1572—1577.

ГЛАВА V.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА ГРОЗНАГО.

Г. 1577—1582.

ГЛАВА VI.

ПЕРВОЕ ЗАВОЕВАНІЕ СИБИРИ.

Стр.

ГЛАВА VII.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА ГРОЗНАГО.

Г. 1582—1584.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ X.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1852.

ПЕЧАТАНО

по Высочайшему повелѣнію.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ X.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ X.

ГЛАВА I.

Царствованіе Феодора Іоанновича.

г. 1584—1587.

Свойства Феодоровы. Члены Верховной Думы. Волненіе народа. Собраніе Великой Думы Земской. Царевичь Димитрій и мать его отправляются въ Угличь. Мятежъ въ Москвѣ. Власть и свойства Годунова. Царское вѣнчаніе Феодорово. Разныя милости. Годуновъ Правитель Царства. Усмиреніе Черемисскаго бунта. Вторичное покореніе Сибири. Сношенія съ Англіею и съ Литвою. Заговоръ противъ Годунова. Сравненіе Годунова съ Адашевымъ. Перемиріе съ Швеціею. Посольство въ Австрію. Возобновленіе дружества съ Даніею. Дѣла Крымскія. Посольство въ Константинополь. Царь Иверскій, или Грузинскій, данникъ Россіи. Дѣла съ Персіею. Дѣла внутреннія. Основаніе Архангельска. Строеніе Бѣлаго или Царева города въ Москвѣ. Начало Уральска Опасности для Годунова. Ссылки и казнь. Жалостная смерть Героя Шуйскаго. Судьба Магнусова семейства. Праздность Феодорова.

«Первые дни по смерти тирана» (говоритъ (1) Римскій Историкъ) «бываютъ г. 1584.

счастливѣйшими для народовъ:» ибо конецъ страданія есть живѣйшее изъ человѣческихъ удовольствій.

Но царствованіе жестокое часто готовитъ царствованіе слабое: новый Вѣнценосецъ, боясь уподобиться своему ненавистному предшественнику и желая снискать любовь общую, легко впадаетъ въ другую крайность, въ послабленіе вредное Государству. Сего могли опасаться истинные друзья отечества, тѣмъ болѣе, что знали необыкновенную кротость наслѣдника Іоаннова, соединенную въ немъ съ умомъ робкимъ, съ набожностію безпредѣльною, съ равнодушіемъ къ мірскому величію. На громоносномъ престолѣ свирѣпаго мучителя Россія увидѣла *постника* и *молчальника*, болѣе для келліи и пещеры, нежели для власти Державной рожденнаго: такъ, въ часы искренности, говорилъ о Ѳеодорѣ самъ Іоаннъ, оплакивая смерть любимаго, старшаго сына ([2]). Не наслѣдовавъ ума царственнаго, Ѳеодоръ не имѣлъ и сановитой наружности отца, ни мужественной красоты дѣда и прадѣда: былъ росту малаго, дрябль тѣломъ, лицемъ блѣденъ ([3]); всегда улыбался, но безъ живости; двигался медленно, ходилъ неровнымъ шагомъ, отъ слабости въ ногахъ; однимъ словомъ, изъявлялъ въ себѣ преждевременное изнеможеніе силъ естественныхъ и

Свойства Ѳеодоровы.

душевныхъ. Угадывая, что сей двадцатисемилѣтній Государь, осужденный Природою на всегдашнее малолѣтство духа, будетъ зависѣть отъ Вельможъ или Монаховъ, многіе не смѣли радоваться концу тиранства, чтобы не пожалѣть о немъ во дни безначалія, козней и смутъ Боярскихъ, менѣе губительныхъ для людей, но еще бѣдственнѣйшихъ для великой Державы, устроенной сильною, нераздѣльною властію Царскою..... Къ счастію Россіи, Ѳеодоръ, боясь власти какъ опаснаго повода къ грѣхамъ, ввѣрилъ кормило Государства рукѣ искусной — и сіе царствованіе, хотя не чуждое беззаконій, хотя и самымъ ужаснымъ злодѣйствомъ омраченное, казалось современникамъ милостію Божіею, благоденствіемъ, златымъ вѣкомъ (4): ибо наступило послѣ Іоаннова!

Новая Пентархія или Верховная Дума, составленная умирающимъ Іоанномъ изъ *пяти Вельможъ*, была предметомъ общаго вниманія, надежды и страха. Князь Мстиславскій отличался единственно знатностію рода и сана (5), будучи старшимъ Бояриномъ и Воеводою, Никиту Романовича Юрьева уважали какъ брата незабвенной Анастасіи и дядю Государева, любили какъ Вельможу благодушнаго, не очерненнаго даже и злословіемъ въ бѣдственныя времена кровопійства. Въ Князѣ

Члены Верховной Думы.

Шуйскомъ чтили славу великаго подвига ратнаго, отважность и бодрость духа. Бѣльскаго, хитраго, гибкаго, ненавидѣли какъ перваго любимца Іоаннова. Уже знали рѣдкія дарованія Годунова, и тѣмъ болѣе опасались его: ибо онъ также умѣлъ снискать особенную милость тирана, былъ зятемъ гнуснаго Малюты Скуратова, свойственникомъ и другомъ (едва ли искреннимъ) Бѣльскаго. — Пріявъ власть государственную, Дума Верховная въ самую первую ночь (28 Марта) выслала изъ столицы многихъ извѣстныхъ услужниковъ Іоанновой лютости, другихъ заключила въ темницы (6), а къ родственникамъ вдовствующей Царицы, Нагимъ, приставила стражу, обвиняя ихъ въ злыхъ умыслахъ (вѣроятно, въ намѣреніи объявить юнаго Димитрія наслѣдникомъ Іоанновымъ). Москва волновалась; но Бояре утишили сіе волненіе: торжественно присягнули Өеодору вмѣстѣ со всѣми чиновниками, и въ слѣдующее утро письменно обнародовали его воцареніе. Отряды воиновъ ходили изъ улицы въ улицу; пушки стояли на площадяхъ (7). Немедленно пославъ гонцевъ въ области съ указомъ молиться о душѣ Іоанновой и счастливомъ царствованіи Өеодора, новое Правительство созвало Великую Думу Земскую, знатнѣйшее Духовенство, Дворянство и всѣхъ людей име-

Волненіе народа.

Собраніе Великой Думы Земской.

нитыхъ, чтобы взять нѣкоторыя общія мѣры для государственнаго устройства. Назначили день Царскаго вѣнчанія; Соборною грамотою утвердили его священные обряды (8); разсуждали о благосостояніи Державы, о средствахъ облегчить народныя тягости. Тогда же послали вдовствующую Царицу съ юнымъ сыномъ, отца ея, братьевъ, всѣхъ Нагихъ, въ городъ Угличь, давъ ей Царскую услугу, Стольниковъ, Стряпчихъ, Дѣтей Боярскихъ и Стрѣльцевъ для оберегания (9). Добрый Ѳеодоръ, нѣжно прощаясь съ младенцемъ Димитріемъ, обливался горькими слезами, какъ бы невольно исполняя долгъ болѣзненный для своего сердца. Сіе удаленіе Царевича, единственнаго наслѣдника Державы, могло казаться блестящею ссылкою, и пѣстунъ Димитріевъ, Бѣльскій, не желая въ ней участвовать, остался въ Москвѣ: онъ надѣялся законодательствовать въ Думѣ, но увидѣлъ грозу надъ собою.

Димитрій и мать его отправляются въ Угличь.

Между тѣмъ, какъ Россія славила благія намѣренія новаго Правительства, въ Москвѣ коварствовали зависть и беззаконное властолюбіе: сперва носились темные слухи о великой опасности, угрожающей юному Монарху, а скоро наименовали и человѣка, готоваго злодѣйствомъ изумить Россію: сказали, что Бѣльскій, будтобы

отравивъ Іоанна, мыслитъ погубить и Ѳеодора, умертвить всѣхъ Бояръ, возвести на престолъ своего друга и совѣтника — Годунова ([10])! Тайными виновниками сей клеветы считали Князей Шуйскихъ, а Ляпуновыхъ и Кикиныхъ, Дворянъ Рязанскихъ, ихъ орудіями, возмутителями народа легковѣрнаго, который, принявъ оную за истину, хотѣлъ усердіемъ спасти Царя и Царство отъ умысловъ изверга. Вопль бунта раздался изъ конца въ конецъ Москвы, и двадцать тысячь вооруженныхъ людей, чернь, граждане, Дѣти Боярскіе, устремились къ Кремлю, гдѣ едва успѣли затворить ворота, собрать нѣсколько Стрѣльцевъ для защиты и Думу для совѣта въ опасности незапной. Мятежники овладѣли въ Китаѣ-городѣ тяжелымъ снарядомъ, обратили Царь-пушку къ воротамъ Флоровскимъ и хотѣли разбить ихъ, чтобы вломиться въ крѣпость. Тогда Государь выслалъ къ нимъ Князя Ивана Мстиславскаго, Боярина Никиту Романовича, Дьяковъ Андрея и Василія Щелкаловыхъ, спросить, что виною мятежа, и чего они требуютъ? «Бѣльскаго!» отвѣтствовалъ народъ: «выдайте намъ злодѣя! Онъ мыс-«литъ извести Царскій корень и всѣ роды «Боярскіе!» Въ тысячу голосовъ вопили: «Бѣльскаго!» Сей несчастный Вельможа, изумленный обвиненіемъ, устрашенный

Мятежъ въ Москвѣ.

злобою народа, искалъ безопасности въ Государевой спальнѣ, ([11]) трепеталъ и молилъ о спасеніи. Θеодоръ зналъ его невинность; знали оную и Бояре: но, искренно или притворно ужасаясь кровопролитія, вступили въ переговоры съ мятежниками; склонили ихъ удовольствоваться ссылкою мнимаго преступника, и немедленно выслали Бѣльскаго изъ Москвы. Народъ, восклицая: «да здравствуетъ Царь съ вѣрными Боярами!» мирно разошелся по домамъ; а Бѣльскій съ того времени воеводствовалъ въ Нижнемъ-Новѣгородѣ ([12]).

Отъ такой постыдной робости, отъ такого уничиженія Самодержавной власти чего ожидать надлежало! козней въ Думѣ, своевольства въ народѣ, безпорядка въ правленіи. Бѣльскаго удалили: Годуновъ остался для мести! Мятежники не требовали головы его, не произнесли его имени, уважая въ немъ Царицына брата: но онъ видѣлъ умыселъ клеветниковъ; видѣлъ, что дерзкіе виновники сего возмущенія готовятъ ему гибель, и думалъ о своей безопасности. Дотолѣ дядя Царскій, по древнему уваженію къ родственному старѣйшинству, могъ считать себя первымъ Вельможею: такъ мыслилъ и Дворъ и народъ; такъ мыслилъ и лукавый Дьякъ Государственный, Андрей Щелкаловъ, стараясь снискать довѣренность Боярина Юрьева ([13]) и надѣясь вмѣстѣ съ нимъ управлять Думою. Знали власть Годунова надъ сестрою нѣжною, добродѣтельною Ириною, уподобляемою Лѣтописцами

Анастасіи (ибо тогда не было инаго сравненія въ добродѣтеляхъ женскихъ); знали власть Ирины надъ Өеодоромъ, который въ семъ мірѣ истинно любилъ, можетъ быть, одну супругу; но Годуновъ, казалось, выдалъ друга: радовались его безсилію или боязливости, не угадывая, что онъ, вѣроятно, притворствовалъ въ дружбѣ къ Бѣльскому, внутренно опасаясь въ немъ тайнаго совмѣстника, и воспользуется симъ случаемъ для утвержденія своего могущества: ибо Өеодоръ мягкосердечный, обремененный державою, испуганный мятежемъ, видя необходимость мѣръ строгихъ для государственнаго устройства, и не имѣя ни проницанія въ умѣ, ни твердости въ волѣ, искалъ болѣе, нежели совѣтника или помощника: искалъ, на кого возложить всю тягость правленія, съ отвѣтственностію предъ единымъ Богомъ, и совершенно отдался смѣлому честолюбцу, ближайшему къ сердцу его милой супруги. Безъ всякой хитрости, слѣдуя единственно чувству, зная умъ, не зная только злыхъ, тайныхъ наклонностей Годунова, Ирина утвердила союзъ между Царемъ, неспособнымъ властвовать, и подданнымъ, достойнымъ власти. Сей мужъ знаменитый находился тогда въ полномъ цвѣтѣ жизни, въ полной силѣ тѣлесной и душевной, имѣя 32 года отъ рожденія. Величественною

Власть и свойства Годунова.

красотою, повелительнымъ видомъ, смысломъ быстрымъ и глубокимъ, сладкорѣчіемъ обольстительнымъ превосходя всѣхъ Вельможъ (какъ говоритъ Лѣтописецъ), Борисъ не имѣлъ только.... добродѣтели; хотѣлъ, умѣлъ благотворить, но единственно изъ любви ко славѣ и власти; видѣлъ въ добродѣтели не цѣль, а средство къ достиженію цѣли; если бы родился на престолѣ, то заслужилъ бы имя одного изъ лучшихъ Вѣнценосцевъ въ мірѣ; но рожденный подданнымъ, съ необузданною страстію къ господству, не могъ одолѣть искушеній, тамъ, гдѣ зло казалось для нее выгодою — и проклятіе вѣковъ заглушаетъ въ Исторіи добрую славу Борисову.

Первымъ дѣйствіемъ Годунова было наказаніе Ляпуновыхъ, Кикиныхъ и другихъ главныхъ возмутителей Московской черни: ихъ послали въ дальніе города и заключили въ темницы. Народъ молчалъ или славилъ правосудіе Царя; Дворъ угадывалъ виновника сей законной строгости, и съ безпокойствомъ взиралъ на Бориса, коего рѣшительное владычество открылось не прежде Ѳеодорова Царскаго вѣнчанія, отложеннаго, ради шестинедѣльнаго моленія объ усопшемъ Вѣнценосцѣ, до 31 Мая (14).

Въ сей день, на самомъ разсвѣтѣ, сдѣлалась ужасная буря, гроза, и ливный дождь затопилъ многія улицы въ Москвѣ, какъ Царское вѣнча-

віе Өеодорово.

бы въ предзнаменованіе грядущихъ бѣдствій ([15]); но суевѣріе успокоилось, когда гроза миновалась, и солнце возсіяло на чистомъ небѣ. Собралося безчисленное множество людей на Кремлевской площади, такъ, что воины едва могли очистить путь для Духовника Государева, когда онъ несъ, при звонѣ всѣхъ колоколовъ изъ Царскихъ палатъ въ храмъ Успенія *святыню Мономахову*, животворящій крестъ, вѣнецъ и бармы (Годуновъ несъ за Духовникомъ скипетръ). Не взирая на тѣсноту безпримѣрную, все затихло, когда Өеодоръ вышелъ изъ дворца со всѣми Боярами, Князьями, Воеводами, чиновниками: Государь въ одеждѣ небеснаго цвѣта ([16]), придворные въ златой — и сія удивительная тишина провождала Царя до самыхъ дверей храма, также наполненнаго людьми всякаго званія: ибо всѣмъ Россіянамъ дозволялось видѣть священное торжество Россіи, единаго семейства подъ державою Отца-Государя. Во время молебна Окольничіе и духовные сановники ходили по церкви, тихо говоря народу: «благоговѣйте и молитеся!» Царь и Митрополитъ Діонисій сѣли на изготовленныхъ для нихъ мѣстахъ, у вратъ западныхъ, и Өеодоръ среди общаго безмолвія сказалъ Первосвятителю: «Владыко! родитель нашъ, Самодер«жецъ Іоаннъ Василіевичь, оставилъ зем-

«ное Царство, и пріявъ Ангельскій образъ, «отшелъ на Царство Небесное; а меня благо- «словилъ державою и всѣми хоругвями Государ- «ства; велѣлъ мнѣ, согласно съ древнимъ уста- «вомъ, *помазаться* и вѣнчаться Царскимъ вѣн- «цемъ, діадимою и святыми бармами: завѣщаніе «его извѣстно Духовенству, Боярамъ и народу. «И такъ, по волѣ Божіей и благословенію отца «моего, соверши обрядъ священный, да буду «Царь и *Помазанникъ!*» Митрополитъ, осѣнивъ Ѳеодора крестомъ, отвѣтствовалъ: «Господинъ, «возлюбленный сынъ Церкви и нашего смире- «нія, Богомъ избранный и Богомъ на престолъ «возведенный! данною намъ благодатію отъ «Святаго Духа помазуемъ и вѣнчаемъ тебя, да «именуешься Самодержцемъ Россіи!» Возло- живъ на Царя животворящій крестъ Монома- ховъ, бармы и вѣнецъ на главу, съ моленіемъ, да благословитъ Господь его правленіе, Діони- сій взялъ Ѳеодора за десницу, поставилъ на особенномъ *Царскомъ мѣстѣ*, и вручивъ ему *скипетръ*, сказалъ: «блюди хоругви великія Рос- сіи!» Тогда Архидіаконъ на амвонѣ, Священ- ники въ Олтарѣ и Клиросы возгласили много- лѣтіе Царю вѣнчанному, привѣтствуемому Ду- ховенствомъ, сановниками, народомъ съ изъя- вленіемъ живѣйшей радости; и Митрополитъ въ краткой рѣчи напомнилъ Ѳеодору главныя обязанности Вѣнценосца: долгъ хранить Законъ и Царство, *имѣть духовное повиновеніе къ Свя- тителямъ и вѣру къ монастырямъ*, искреннее

дружество къ брату, *уваженіе къ Боярамъ, основанное на ихъ родовомъ старѣйшинствѣ*, милость къ чиновникамъ, воинству и всѣмъ людямъ. «Цари намъ вмѣсто Бога», продолжалъ Діонисій: «Господь ввѣряетъ имъ судьбу человѣче-«скаго рода, да блюдутъ не только себя, но и «другихъ отъ зла; да спасаютъ міръ отъ тре-«волненія, и да боятся *серпа Небеснаго!* Какъ «безъ солнца мракъ и тьма господствуютъ на «землѣ, такъ и безъ ученія все темно въ ду-«шахъ: будь же любомудръ, или слѣдуй муд-«рымъ; будь добродѣтеленъ: ибо едина добро-«дѣтель украшаетъ Царя, едина добродѣтель «безсмертна. Хочешь ли благоволенія Небес-«наго? благоволи о подданныхъ..... Не слушай «злыхъ клеветниковъ, о Царь, рожденный ми-«лосердымъ!... Да цвѣтетъ во дни твои правда; «да успокоится отечество!... И возвыситъ Го-«сподь Царскую десницу твою надъ всѣми вра-«гами, и будетъ Царство твое мирно и вѣчно въ «родъ и родъ!» Тутъ, проливая слезы умиленія, всѣ люди воскликнули: «будетъ и будетъ многолѣтно!» — Ѳеодоръ, въ полномъ Царскомъ одѣяніи, въ коронѣ Мономаховой, въ богатой мантіи, и держа въ рукѣ длинный скипетръ (сдѣланный изъ драгоцѣннаго (17) китоваго зуба), слушалъ Литургію, имѣя видъ утомленнаго. Предъ нимъ лежали короны завоеваныхъ Царствъ; а подлѣ него, съ правой стороны, какъ ближній Вельможа, стоялъ Годуновъ: дядя Ѳеодоровъ, Никита Романовичь Юрьевъ, наряду

съ другими Боярами. Ничто, по сказанію очевидцевъ, не могло превзойти сего торжества въ великолѣпіи. Амвонъ, гдѣ сидѣлъ Государь съ Митрополитомъ, — налой, гдѣ лежала утварь Царская, и мѣста для Духовенства были устланы бархатами, а помостъ церкви коврами Персидскими и красными сукнами Англійскими. Одежды Вельможъ, въ особенности Годунова и Князя Ивана Михайловича Глинскаго, сіяли алмазами, яхонтами, жемчугомъ удивительной величины (18), такъ, что иноземные писатели цѣнятъ ихъ въ милліоны. Но всего болѣе торжество украшалось веселіемъ лицъ и знаками живѣйшей любви къ престолу. — Послѣ Херувимской Пѣсни Митрополитъ, въ дверяхъ Царскихъ, возложилъ на Ѳеодора *Мономахову цѣпь Аравійскаго злата;* въ концѣ же Литургіи *помазалъ его Святымъ Міромъ и причастилъ Святыхъ Таинъ.* Въ сіе время Борисъ Годуновъ держалъ скипетръ, Юрьевъ и Димитрій Ивановичъ Годуновъ (дядя Ирины), вѣнецъ Царскій на златомъ блюдѣ. Благословенный Діонисіемъ и въ южныхъ дверяхъ храма осыпанный деньгами, Ѳеодоръ ходилъ поклониться гробамъ предковъ, моляся, да наслѣдуетъ ихъ государственныя добродѣтели. Между тѣмъ Ирина, окруженная Боярынями, сидѣла въ *коронѣ* подъ растворенным окномъ своей палаты (19) и была привѣтствуема громкими восклицаніями народа: «да здравствуетъ Царица!» Въ Тронной Вельможи и чиновники цѣловали руку у Государя; въ Столовой палатѣ съ нимъ обѣ-

дали, равно какъ и все знатное Духовенство. Пиры, веселія, забавы народныя продолжались цѣлую недѣлю и заключились воинскимъ праздникомъ внѣ города, гдѣ, на обширномъ лугу, въ присутствіи Царя и всѣхъ жителей Московскихъ, гремѣло 170 мѣдныхъ пушекъ, предъ осмью рядами Стрѣльцевъ, одѣтыхъ въ тонкое сукно и въ бархатъ. Множество всадниковъ, также богато одѣтыхъ, провождало Θеодора (20).

Разныя милости.

Одаривъ Митрополита, Святителей, и самъ принявъ дары отъ всѣхъ людей чиновныхъ, гостей и купцевъ, Россійскихъ, Англійскихъ, Нидерландскихъ (21), нововѣнчанный Царь объявилъ разныя милости: уменьшилъ налоги; возвратилъ свободу и достояніе многимъ знатнымъ людямъ, которые лѣтъ двадцать сидѣли въ темницѣ (22); исполняя завѣщаніе Іоанново, освободилъ и всѣхъ военоплѣнныхъ; наименовалъ Боярами Князей Дмитрія Хворостинина, Андрея и Василія Ивановичей Шуйскихъ, Никиту Трубецкаго, Шестунова, двухъ Куракиныхъ, Θедора Шереметева и трехъ Годуновыхъ, внучатныхъ братьевъ Ирины; пожаловалъ Герою, Князю Ивану Петровичу Шуйскому, всѣ доходы города Пскова, имъ спасеннаго (23). Но сіи личныя милости были ничто въ сравненіи съ тѣми, коими Θеодоръ осыпалъ своего шурина, давъ ему все, что

подданный могъ имѣть въ Самодержавіи: не только древній знатный санъ Конюшаго, въ теченіе семнадцати лѣтъ никому не жалованный, но и титло *Ближняго Великаго Боярина*, Намѣстника двухъ Царствъ ([24]), Казанскаго и Астраханскаго. Безпримѣрному сану отвѣтствовало и богатство безпримѣрное: Годунову дали, или Годуновъ взялъ себѣ, лучшія земли и помѣстья, доходы области Двинской, Ваги, — всѣ прекрасные луга на берегу Москвы-рѣки, съ лѣсами и пчельниками, — разные казенные сборы Московскіе, Рязанскіе, Тверскіе, Сѣверскіе, сверхъ особеннаго денежнаго жалованья: что, вмѣстѣ съ дохомъ его родовыхъ отчинъ въ Вязьмѣ и Дорогобужѣ, приносило ему ежегодно не менѣе осьми или девяти сотъ тысячь нынѣшнихъ рублей серебряныхъ ([25]): богатство, какого отъ начала Россіи до нашихъ временъ не имѣлъ ни одинъ Вельможа, такъ, что Годуновъ могъ на собственномъ иждивеніи выводить въ поле до ста тысячь воиновъ ([26])! Онъ былъ уже не временщикъ, не любимецъ, но Властитель Царства. Увѣренный въ Ѳеодорѣ, Борисъ еще опасался завистниковъ и враговъ: для того хотѣлъ изумить ихъ своимъ величіемъ, чтобы они не дерзали и мыслить объ его низверженіи съ такой высокой степени, недоступной для обыкновеннаго честолюбія Вельможъ-царедворцевъ. Дѣйствительно изумленные, сіи завистники и враги нѣсколько времени злобились втайнѣ, безмолвствуя, но вымышляя ударъ; а Годуновъ, со

ревпіемъ души славолюбивой, устремился къ великой цѣли: дѣлами общественной пользы оправдать довѣренность Царя, заслужить довѣренность народа и признательность отечества. *Пентархія*, учрежденная Іоанномъ, какъ тѣнь исчезла: осталась древняя Дума Царская, гдѣ Мстиславскій, Юрьевъ, Шуйскій судили наряду съ иными Боярами, слѣдуя мановенію *Правителя*: ибо такъ современники именовали Бориса ([27]), который одинъ, въ глазахъ Россіи, смѣло правилъ рулемъ государственнымъ, повелѣвалъ именемъ Царскимъ, но дѣйствовалъ своимъ умомъ, имѣя совѣтниковъ, но не имѣя ни совмѣстниковъ, ни товарищей.

Годуновъ Правитель.

Когда Ѳеодоръ, утомленный мірскимъ великолѣпіемъ, искалъ отдохновенія въ набожности; когда, прервавъ блестящія забавы и пиры, въ видѣ смиреннаго богомольца ходилъ пѣшкомъ изъ монастыря въ монастырь, въ Лавру Сергіеву и въ иныя святыя Обители, вмѣстѣ съ супругою ([28]), провождаемою знатнѣйшими Боярынями и цѣлымъ полкомъ особенныхъ Царицыныхъ тѣлохранителей (пышность новая, изобрѣтенная Годуновымъ, чтобы вселить въ народъ болѣе уваженія къ Иринѣ и къ ея роду) . . . . въ то время Правительство уже неусыпно занималось важными дѣлами государственными, исправ-

ляло злоупотребленія власти, утверждало безопасность внутреннюю и внѣшнюю. Во всей Россіи, какъ въ счастливыя времена Князя Ивана Бѣльскаго и Адашева, смѣнили худыхъ Намѣстниковъ, Воеводъ и судей, избравъ лучшихъ ([29]); грозя казнію за неправду, удвоили жалованье чиновниковъ, чтобы они могли пристойно жить безъ лихоимства; вновь устроили войско и двинули туда, гдѣ надлежало возстановить честь оружія или спокойствіе отечества. Начали съ Казани. Еще лилася кровь Россіянъ на берегахъ Волги, и бунтъ кипѣлъ въ землѣ Черемисской: Годуновъ болѣе умомъ, нежели мечемъ ([30]), смирилъ мятежниковъ, увѣривъ ихъ, что новый Царь, забывая старыя преступленія, готовъ, какъ добрый отецъ, миловать и виновныхъ въ случаѣ искренняго раскаянія; они прислали старѣйшинъ въ Москву и дали клятву въ вѣрности. Тогда же Борисъ велѣлъ строить крѣпости на Горной и Луговой сторонѣ Волги, Цывильскъ, Уржумъ, Царевъ-городъ на Кокшагѣ, Санчурскъ и другіе, населилъ оныя Россіянами, и тѣмъ водворилъ тишину въ сей землѣ, столь долго для насъ бѣдственной. Усмиреніе Черемисскаго бунта.

Усмиривъ Казанское Царство, Годуновъ довершилъ завоеваніе Сибирскаго. Еще не зная о гибели Ермака, но зная уменьшеніе его силъ отъ болѣзней и голода, онъ Вторичное покореніе Сибири.

г. 1583. немедленно послалъ туда Воеводу, Ивана Мансурова, съ отрядомъ Стрѣльцевъ, а въ слѣдъ за нимъ и другихъ, Василія Сукина, Ивана Мяснаго, Данила Чулкова съ знатнымъ числомъ ратниковъ и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ (31). Первый встрѣтилъ нашихъ Сибирскихъ витязей, Атамана Матвѣя Мещеряка съ остаткомъ Ермаковыхъ сподвижниковъ, на рѣкѣ Турѣ. «Доблiе «Козаки ожили радостiю,» говоритъ Лѣтописецъ: не боясь новыхъ опасностей и битвъ, ужасаясь единственно мысли явиться въ отечествѣ бѣдными изгнанниками, съ вѣстiю о завоеванiи утраченномъ, они, исполненные мужества и надежды, возвратились къ устью Тобола, но не могли взять Искера, гдѣ властвовалъ уже не старецъ Кучюмъ, а юный, бодрый Князь Сейдякъ (32), его побѣдитель: свѣдавъ о бѣгствѣ Козаковъ, онъ собралъ толпы Ногаевъ, преданныхъ ему Татаръ Сибирскихъ, выгналъ Кучюма, и слыша о новомъ приближенiи Россiянъ, стоялъ на берегу Иртыша съ войскомъ многочисленнымъ, готовый къ усильному бою. Козаки предложили Мансурову плыть далѣе Иртышемъ, не смотря на осеннее время, холодъ и морозы. Тамъ, гдѣ сiя рѣка впадаетъ въ Обь, они вышли на берегъ и сдѣлали деревянную крѣпость: пишутъ, что Остяки, думая взять оную, принесли съ собою слав-

наго Бѣлогорскаго идола, или *Шайтана*, начали ему молиться подъ деревомъ и разбѣжались отъ ужаса, когда Россіяне пушечнымъ выстрѣломъ сокрушили сей кумиръ обожаемый. — Воеводы Сукинъ и Мясной остановились на берегу Туры ([33]), и на мѣстѣ городка Чингія основали нынѣшній Тюмень. Чулковъ же, не находя сопротивленія, или преодолѣвъ оное, заложилъ Тобольскъ, и въ немъ первую церковь Христіанскую (въ 1587 году); извѣстилъ о томъ Воеводу Мансурова, Атамана Мещеряка, соединился съ ними, разбилъ Князя Сейдяка, дерзнувшаго приступить къ Тобольской крѣпости, взялъ его въ плѣнъ раненаго, весь обозъ, все богатство, и сею побѣдою, которая стоила жизни послѣднему Ермакову Атаману, Никитѣ Мещеряку, довершилъ паденіе Ногайскаго Иртышскаго Царства. Искеръ опустѣлъ, и Тобольскъ сдѣлался новою столицею Сибири. Другое же, менѣе вѣроятное преданіе славитъ не мужество, а хитрость Воеводы Чулкова, весьма не достохвальную: узнавъ, какъ пишутъ ([34]), что Сейдякъ, другъ его, Царевичь Киргизскій Уразъ-Магметъ, и Мурза-Карача вышли изъ Искера съ пятью стами воиновъ, и на *Княжескомъ лугу*, близъ Тобольска, увеселяются птичьею ловлею, Воевода пригласилъ ихъ къ себѣ въ гости, связалъ и послалъ въ Москву. — Еще изгнанникъ Кучюмъ держался съ шайками Ногаевъ Тайбугина Улуса ([35]) въ степи Барабинской, жегъ селенія, убивалъ людей въ волостяхъ Курдацкой, Салынской, въ

самыхъ окрестностяхъ Тобола: чтобы унять сего разбойника, новый Сибирскій Воевода, Князь Кольцовъ-Мосальскій, ходилъ во глубину пустынь Ишимскихъ и близъ озера Чили-Кула (1 Августа 1591) истребилъ большую часть его конницы, захвативъ двухъ женъ Ханскихъ и сына, именемъ Абдулъ-Хаира (36). Тщетно Государь, желая водворить тишину въ своемъ новомъ, отдаленномъ Царствѣ, предлагалъ Кучюму жалованье, города и волости въ Россіи; обѣщалъ даже оставить его Царемъ въ землѣ Сибирской, если онъ съ покорностію явится въ Москвѣ (37). О томъ же писалъ къ отцу и плѣнникъ Абдулъ-Хаиръ, славя великодушіе Θеодора, который далъ ему и Царевичу Маметкулу богатыя земли въ собственность, *любя живить смертныхъ и миловать виновныхъ* (38). Оставленный двумя сыновьями, Ногайскими союзниками и знатнымъ Чинъ-Мурзою (который выѣхалъ къ намъ вмѣстѣ съ матерью Царевича Маметкула), Кучюмъ гордо отвѣтствовалъ на предложенія Θеодоровы: «Я не уступалъ Сибири Ермаку, хотя онъ и взялъ ее. Желая мира, требую Иртышскаго берега» (39). Но безсильная злоба Кучюмова не мѣшала Россіянамъ болѣе и болѣе укрѣпляться въ Сибири заложеніемъ новыхъ городовъ отъ рѣки Печоры до Кети и Тары, для безопаснаго сообщенія съ Пермію и съ Уфою (40), тогда же построенною, вмѣстѣ съ *Самарою*, для обузданія Ногаевъ. Въ 1592 году, при Тобольскомъ Воеводѣ Князѣ Θеодорѣ Ми-

хайловичѣ Лобановѣ-Ростовскомъ, были основаны Пелымъ, Березовъ, Сургутъ; въ 1594 Тара, въ 1596 Нарымъ и Кетскій Острогъ (41), неодолимыя твердыни для дикихъ Остяковъ, Вогуличей и всѣхъ бывшихъ Кучюмовыхъ Улусниковъ, которые иногда еще мыслили о сопротивленіи, измѣняли и не хотѣли платить ясака: такъ въ грамотахъ Царскихъ упоминается о мятежѣ Пелымскаго Князя Аблегирима (42), коего велѣно было Воеводѣ нашему схватить хитростію или силою, и казнить вмѣстѣ съ сыномъ и съ пятью или шестью главными бунтовщиками Вогульскими. Кромѣ воиновъ, Стрѣльцевъ и Козаковъ, Годуновъ посылалъ въ Сибирь и земледѣльцевъ изъ Перми, Вятки, Каргополя, изъ самыхъ областей Московскихъ (43), чтобы населить пустыни и въ удобныхъ мѣстахъ завести пашню. Распоряженіями благоразумными, обдуманными, безъ усилій тягостныхъ, онъ навѣки утвердилъ сіе важное пріобрѣтеніе за Россіею, въ обогащеніе Государства новыми доходами, новыми способами торговли и промышлености народной. Около 1586 года Сибирь доставляла въ казну 200,000 соболей, 10,000 лисицъ черныхъ и 500,000 бѣлокъ, кромѣ бобровъ и горностаевъ (44).

Въ дѣлахъ внѣшней Политики Борисъ слѣдовалъ правиламъ лучшихъ временъ Іоанновыхъ, изъявляя благоразуміе съ рѣшительностію, осторожность въ соблюденіи цѣлости, достоинства, величія Россіи. Два Посла были въ Москвѣ сви-

г. 1584-1587. Сношенія съ Англіею и съ Литвою.

дѣтелями Ѳеодорова воцаренія: Елисаветинъ и Литовскій. «Кончина Іоаннова (пишетъ Баусъ) измѣнила обстоятельства и «предала меня въ руки главнымъ врагамъ «Англіи: Боярину Юрьеву и Дьяку Андрею «Щелкалову, которые въ первые дни но«ваго царствованія овладѣли Верховною «Думою. Меня не выпускали изъ дому, «стращали во время бунта Московскаго, и «Щелкаловъ велѣлъ мнѣ сказать въ на«смѣшку: *Царь* Англійскій *умеръ* (45)! Бо«рисъ Годуновъ, нашъ доброжелатель, еще «не имѣлъ тогда власти.» Въ началѣ Мая объявили Баусу, что онъ можетъ ѣхать назадъ въ Англію; представили его Царю, отпустили съ честію, съ дарами и съ дружелюбнымъ письмомъ, въ коемъ Ѳеодоръ говорилъ Елисаветѣ: «Хотя дѣло о сва«товствѣ и тѣсномъ союзѣ съ Англіею «кончилось смертію моего родителя, одна«кожь искренно желаю твоей доброй пріяз«ни, и купцы Лондонскіе не лишаются «выгодъ, данныхъ имъ послѣднею жало«ванною грамотою» (46). Но Баусъ въ безразсудной досадѣ не хотѣлъ взять ни письма, ни даровъ Царскихъ; оставилъ ихъ въ Колмогорахъ, и вмѣстѣ съ Медикомъ Робертомъ Якоби уѣхалъ изъ Россіи (47). Удивленный такою дерзостію, Ѳеодоръ послалъ гонца Бекмана къ Королевѣ; жаловался на Бауса; снова предлагалъ ей

дружбу, обѣщая милость купцамъ Англійскимъ, съ условіемъ, чтобы и наши могли свободно торговать въ Англіи. Сей гонецъ долго жилъ въ Лондонѣ, не видя Елисаветы; наконецъ увидѣлъ въ саду, гдѣ и вручилъ ей письмо Государево. «Для чего нынѣшній Царь (спросила «Королева) не любитъ меня? Отецъ его былъ «моимъ другомъ; а Ѳеодоръ гонитъ нашихъ «купцевъ изъ Россіи.» Слыша отъ Бекмана, что Царь не гонитъ ихъ, но жалуетъ, и что они платятъ казнѣ вдвое менѣе иныхъ чужеземныхъ купцевъ въ Россіи, Елисавета написала въ отвѣтъ къ Ѳеодору. «Братъ любезнѣйшій! съ «неизъяснимою скорбію узнала я о преставленіи «великаго Государя, отца твоего, славныя па-«мяти, и моего нѣжнѣйшаго друга. Въ его время «смѣлые Англичане, открывъ моремъ неизвѣст-«ный дотолѣ путь въ отдаленную страну вашу, «пользовались тамъ важными правами, и если «обогащались, то не менѣе и Россію обогащали, «благодарно хвалясь покровительствомъ Іоан-«новымъ. Но имѣю утѣшеніе въ печали: гонецъ «твой увѣрилъ меня, что сынъ достоинъ отца, «наслѣдовавъ его правила и дружество къ Ан-«гліи. Тѣмъ болѣе сожалѣю, что Посолъ мой «Баусъ заслужилъ твое негодованіе: мужъ ис-«пытанный въ дѣлахъ государственныхъ, какъ «здѣсь, такъ и въ иныхъ земляхъ, — всегда «скромный и благоразумный. Удивляюся, хотя «и вѣрю твоимъ жалобамъ, которыя могутъ «быть изъяснены досадами, сдѣланными ему

«однимъ изъ твоихъ Совѣтниковъ Думныхъ» «(Дьякомъ Щелкаловымъ) явнымъ доброхотомъ «гостей Нѣмецкихъ. Но взаимная наша любовь «не измѣнится отъ сей непріятности. Требуешь «свободной торговли для купцевъ Россійскихъ «въ Англіи: чего никогда не бывало, и что «несовмѣстно съ пользою нашихъ; но мы и «тому не противимся, если ты исполнишь обѣ-«щаніе Іоанново и дашь новую жалованную гра-«моту, для исключительной торговли въ своемъ «Царствѣ *обществу* Лондонскихъ купцевъ, нами «учрежденному, не позволяя участвовать въ ея «выгодахъ *другимъ* Англичанамъ» (48). Не весьма довольный отвѣтомъ Елисаветы, ни холоднымъ пріемомъ Бекмана въ Лондонѣ, но желая сохранить полезную связь съ ея Державою, Царь велѣлъ (въ Сентябрѣ 1585 года) ѣхать къ Королевѣ Англійскому купцу, Іерониму Горсею, чтобы объясниться съ нею удовлетворительнѣе, и выборомъ такого Посланника доказать ей некрепность нашего добраго расположенія (49). «Предѣлы Россіи» — писалъ Ѳеодоръ къ Елисаветѣ съ Горсеемъ — «открыты для вольной «торговли всѣхъ народовъ, сухимъ путемъ и «морем. Къ намъ ѣздятъ купцы Султановы, «Цесарскіе, Нѣмецкіе, Испанскіе, Французскіе, «Литовскіе, Персидскіе, Бухарскіе, Хивинскіе, «Шемахинскіе и многіе иные, такъ, что можемъ «обойтися и безъ Англичанъ, и въ угодность имъ «*не затворимъ дорогъ* въ свою землю. Для насъ «всѣ равны; а ты, слушаясь корыстолюбивыхъ

«гостей Лондонскихъ, не хочешь равнять съ «ними и другихъ своихъ подданныхъ! Говоришь, «что у васъ никогда не бывало нашихъ людей «торговыхъ — правда: ибо они и дома тор- «гуютъ выгодно; слѣдственно могутъ и впредь «не ѣздить въ Англію. Мы рады видѣть куп- «цевъ Лондонскихъ въ Россіи, если не будешь «требовать для нихъ исключительныхъ правъ, «несогласныхъ съ уставами моего Царства.» Сіи Ѳеодоровы мысли о вольной торговлѣ удивили Англійскаго Историка, Юма, который находилъ въ нихъ гораздо болѣе истины и проницанія, нежели въ Елисаветиныхъ понятіяхъ о купечествѣ (50).

Но Елисавета настояла: извиняясь предъ Ѳеодоромъ, что важныя государственныя дѣла мѣшали ей входить въ дальнія объясненія съ Бекманомъ, и что она видѣлась съ нимъ только въ саду, гдѣ обыкновенно *гуляетъ и бесѣдуетъ съ людьми ближними* (51). Королева уже не требовала монополіи для купцевъ Лондонскихъ: убѣждала Царя единственно освободить ихъ отъ платежа тягостныхъ пошлинъ — и свѣдавъ отъ Горсея всѣ обстоятельства Двора Московскаго, писала особенно къ Царицѣ и къ брату ея, именуя первую *любезнѣйшею кровною сестрою*, а Годунова *роднымъ пріятелемъ* (52); славила умъ и добродѣтель Царицы; увѣдомляла, что изъ дружбы къ ней снова отпускаетъ въ Москву Медика своего Якоби, особенно искуснаго въ цѣленіи женскихъ и *родильныхъ* болѣзней; благодарила

Годунова за доброхотство къ Англичанамъ, надѣясь, что онъ, какъ мужъ ума глубокаго, будетъ и впредь ихъ милостивцемъ, сколько въ одолженіе ей, столько и для истинныхъ выгодъ Россіи. Такъ хитрила Елисавета — и не безполезно: Царица приняла ея ласковую грамоту съ любовію, Годуновъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ, и (въ 1587 году) далъ право Англичанамъ торговать безпошлинно (лишивъ казну болѣе двухъ тысячь фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго доходу), съ обязательствомъ: 1) не привозить къ намъ чужихъ издѣлій; 2) не разсылать закупщиковъ по городамъ, но лично самимъ мѣняться товарами ([53]); 3) не продавать ничего въ разницу, а только оптомъ: сукна, камки, бархаты кипами, вина куфами, и проч.; 4) не отправлять людей своихъ сухимъ путемъ въ Англію безъ вѣдома Государева; 5) въ тяжбахъ съ Россіянами зависѣть отъ суда Царскихъ Казначеевъ и Дьяка Посольскаго. Честолюбивый Борисъ не усомнился извѣстить Королеву, что *онъ* доставилъ сіи выгоды гостямъ Лондонскимъ, чувствуя ея милость, и желаетъ всегда *блюсти ихъ подъ своею рукою*, въ надеждѣ, что они будутъ вести себя тихо, честно, безъ обмановъ, не мѣшая Испанцамъ, Французамъ, Нѣмцамъ, ни *другимъ Англичанамъ* торговать въ нашихъ пристаняхъ и городахъ: «ибо море Океанъ есть «путь Божій, всемірный, незаградимый» ([54]). Здѣсь въ первый разъ видимъ Вельможу Россійскаго въ перепискѣ съ иноземнымъ Вѣнценос-

цемъ: чего дотолѣ не терпѣла осторожная Политика нашихъ Царей. Въ тоже время получивъ бумагу отъ Министровъ Елисаветиныхъ, о разныхъ неумѣренныхъ требованіяхъ ихъ купечества, Годуновъ велѣлъ Дьяку Щелкалову написать въ отвѣтъ, что все возможное для Англіи сдѣлано, а болѣе уже ничего не сдѣлается; что имъ стыдно безпокоить *такого великаго человѣка* суесловіемъ, и что шурину Царскому, знаменитѣйшему Боярину великой Державы Россійской, не прилично самому отвѣчать на бумагу нескромную ([55]). Высоко цѣня благосклонность славной Королевы, и чувствительный къ ея лести, Годуновъ зналъ однакожь мѣру угожденія. Англичане старались низвергнуть ненавистнаго для нихъ Щелкалова; но Борисъ, уважая его опытность и способности, ввѣрялъ ему всѣ дѣла иноземныя и далъ новое, знаменитое титло Дьяка *Ближняго* ([56]).

Еще гораздо важнѣе и затруднительнѣе были для насъ сношенія съ Литвою: ибо Стефанъ, какъ бы предчувствуя, что ему жить недолго, нетерпѣливо хотѣлъ довершить начатое: возвысить Державу свою униженіемъ Россіи, и считая Ливонію только задаткомъ, а миръ отдохновеніемъ, мечталъ о возстановленіи древнихъ границъ Витовтовыхъ на берегахъ Угры. Посолъ его Сапѣга, узнавъ въ Москвѣ о кончинѣ Іоанновой, сказалъ Боярамъ, что онъ безъ новаго Королевскаго наказа не можетъ видѣть новаго Царя, ни говорить съ ними о дѣлахъ ([57]);

ждалъ сего наказа три мѣсяца, и представленный Θеодору (22 Іюня), объявилъ ему за тайну, будто бы въ знакъ искренняго доброжелательства, о намѣреніи Султана воевать Россію — то есть, Баторій хотѣлъ испугать Θеодора и страхомъ расположить къ уступчивости противъ Литвы!.... Во время сего пышнаго, какъ обыкновенно, представленія Царь сидѣлъ на тронѣ съ державою и скипетромъ; близъ него стояли Рынды въ бѣлой одеждѣ и въ *златыхъ цѣпяхъ* ([58]); у трона *одинъ* Годуновъ: всѣ иные Вельможи сидѣли далѣе. Но Послу оказали честь безъ ласки: не приглашенный Θеодоромъ къ обѣду, онъ съ сердцемъ уѣхалъ домой и не впустилъ къ себѣ чиновника съ блюдами стола Царскаго. Начавъ переговоры, Сапѣга требовалъ, чтобы Θеодоръ далъ Королю 120 тысячь золотыхъ за нашихъ плѣнниковъ, освободилъ Литовскихъ безъ выкупа, удовлетворилъ всѣмъ жалобамъ его подданныхъ на Россіянъ и не именовалъ себя въ государственныхъ бумагахъ *Ливонскимъ* Княземъ, если не желаетъ войны: ибо смерть Іоаннова, какъ думалъ Баторій, уничтожала договоръ Запольскій. Ему отвѣтствовали, что Θеодоръ, движимый единственно человѣколюбіемъ, уже освободилъ 900 военноплѣнныхъ, Поляковъ, Венгровъ, Нѣмцевъ, въ день своего Царскаго вѣнчанія; что мы ожидаемъ такого же Христіанскаго дѣла отъ Стефана; что справедливыя жалобы Литовскія не останутся безъ удовлетворенія; что сынъ Іоанновъ, на-

слѣдовавъ Державу, наслѣдовалъ и титулъ отца, который именовался *Ливонскимъ*. Въ слѣдствіе многихъ преній Санѣга заключилъ съ Боярами мирное условіе только на десять мѣсяцевъ; а Царь послалъ Боярина, Князя Ѳедора Михайловича Троекурова, и Думнаго Дворянина, Михайла Безнина, въ Варшаву, чтобы склонить Короля къ истинному миролюбію. Но Стефанъ болѣе нежели когда нибудь хотѣлъ войны и чаялъ въ ней успѣха, свѣдавъ, что дѣлалось тогда въ Москвѣ, и съ прибавленіями, внушенными злобою.

Годуновъ, стараясь дѣятельнымъ, мудрымъ правленіемъ заслуживать благодарность отечества, а ласками пріязнь главныхъ Бояръ, спокойно властвовалъ 16 или 17 мѣсяцевъ, презиралъ недоброжелателей, имѣя въ рукѣ своей сердце Государево, и снискавъ особенную дружбу двухъ знаменитѣйшихъ Вельможъ, Никиты Романовича Юрьева и Князя Ивана Ѳеодоровича Мстиславскаго; одинъ правительствовалъ, но совѣтовался съ ними, удовлетворяя тѣмъ ихъ умѣренному честолюбію. Сія счастливая для него связь рушилась кончиною Юрьева (59): ибо слабодушный Князь Мстиславскій, хотя и *названый отецъ Борисовъ* (60), будучи обманутъ кознями враговъ его: Шуйскихъ, Воротынскихъ, Головиныхъ, присталъ къ нимъ, и, если вѣрить Лѣтопис- Заговоръ противъ Годунова.

цу, сдѣлался участникомъ заговора гнуснаго: хотѣли, чтобы онъ позвалъ Бориса на пиръ и предалъ въ руки убійцъ! Такъ сказали Годунову устрашенные друзья его, свѣдавъ о злобномъ ковѣ; такъ сказалъ Годуновъ Царю . . . . Было ли законное слѣдствіе, разысканіе, неизвѣстно; знаемъ единственно, что Князя Ивана Мстиславскаго, неволею постриженнаго, сослали въ Обитель Кирилловскую; Воротынскихъ, Головиныхъ въ мѣста дальнія; иныхъ заключили въ темницу (61); Шуйскихъ не коснулись: для того ли, что не могли обличить ихъ, или изъ уваженія къ ходатайству Митрополита, связаннаго дружествомъ съ ними (62)? Вообще не казнили смертію ни одного человѣка. Можетъ быть, Годуновъ опасался кровопроліемъ напомнить ненавистныя времена Іоанновы; можетъ быть — что еще вѣроятнѣе — онъ каралъ единственно личныхъ своихъ недоброжелателей, распустивъ слухъ о мнимомъ злодѣйскомъ умыслѣ. Даже сынъ Мстиславскаго, Князь Θедоръ Ивановичь, остался въ Думѣ первымъ или старѣйшимъ Бояриномъ (63). Не смотря на такую умѣренность въ наказаніи дѣйствительнаго или вымышленнаго преступленія, столица и Дворъ были въ тревогѣ: ближніе, друзья опальныхъ, страшились дальнѣйшей мести, и знатный чиновникъ, Михайло Головинъ, ушелъ изъ Медынской своей отчины къ Баторію (64), какъ бы въ оправданіе Годунова: ибо сей бѣглецъ-измѣнникъ, милостиво принятый въ Литвѣ, заклиналъ Короля не

мириться съ Царемъ, увѣряя, что Москва и Россія въ безначаліи, въ неустройствѣ, отъ малоумія Θеодорова и несогласія Вельможъ; что Королю надобно только итти и взять все, ему угодное, въ нашемъ сиромъ, бѣдномъ отечествѣ, гдѣ никто не хочетъ ни воевать, ни служить Государю (65). Баторій вѣрилъ, и холодно принявъ Московскихъ Пословъ, сказалъ имъ, что можетъ изъ снисхожденія дать намъ перемиріе на десять лѣтъ, если *возвратимъ* Литвѣ Новгородъ, Псковъ, Луки, Смоленскъ, землю Сѣверскую, и примолвилъ: «Отецъ Θеодоровъ «не хотѣлъ меня знать, но узналъ; сыну будетъ «тоже» (66).

Послы доказывали безразсудность Королевскаго требованія: ихъ не слушали. Тогда они употребили хитрость: во-первыхъ, искусно разгласили, что Михайло Головинъ есть лазутчикъ, посланный къ Стефану Московскими Боярами (67); во-вторыхъ, предложили Вельможамъ Коронньимъ и Литовскимъ заключить тѣсный союзъ между ихъ Державою и Россіею для истребленія Хана Крымскаго. Та и другая мысль имѣла счастливое дѣйствіе. Въ Варшавѣ перестали вѣрить Головину, разсуждая, что знатные Россіяне могли естественно уходить изъ отечества въ царствованіе жестокаго Іоанна, а не Θеодора милосердаго; что сей мнимый бѣглецъ соритъ деньгами, безъ сомнѣнія данными ему изъ казны Царской для подкупа людей, и нелѣпо унижая Россію, будто бы готовую упасть къ ногамъ

Стефановымъ, изобличаетъ тѣмъ свою ложь; что Король, обольщенный Давидомъ Бѣльскимъ, изгубилъ многочисленное войско подъ стѣнами ужаснаго Искова, и не долженъ быть новою жертвою легковѣрія; что онъ уже близокъ къ старости; что незапная смерть можетъ исхитить мечь, если и побѣдный, изъ рукъ неутомимаго воителя; что шумный Сеймъ будетъ спорить о выборѣ Стефанова преемника, а сильный врагъ опустошать Литву; что лучше воспользоваться извѣстною слабостію Ѳеодоровою для утвержденія съ Московскими Боярами искренняго, вѣчнаго союза между обоими Государствами, независимо отъ жизни или смерти ихъ Вѣнценосцевъ. Сіе мнѣніе одержало верхъ въ Думѣ Королевской, такъ, что Троекуровъ и Безнинъ не только возвратились въ Москву съ новою мирною грамотою, срокомъ на два года [68], но Король отправилъ къ намъ и своего Посла чрезвычайнаго, съ предложеніемъ столь неожиданнымъ, что оно изумило совѣтъ Царскій!

Посломъ былъ знаменитый мужъ, Михайло Гарабурда, давно извѣстный и пріятный Двору Московскому совершеннымъ знаніемъ нашего языка, умомъ гибкимъ, вѣжливостію, а всего болѣе усердіемъ къ Закону Греческому. Онъ вручилъ Боярамъ миролюбивыя, ласковыя письма отъ Вельможъ Королевскихъ [69], и въ тайной бесѣдѣ съ ними сказалъ: «Имѣя полную «довѣренность отъ Государя нашего, Духовенства и всѣхъ мужей Думныхъ, Коронныхъ и

Литовскихъ, объявляю, что мы искренно хо-
«тимъ быть въ неразрывномъ союзѣ съ вашимъ
«отечествомъ и ревностно стоять противъ всѣхъ
«общихъ недруговъ. Для того оставимъ суст-
«ныя прѣнія о городахъ и волостяхъ, коихъ ни
«вы намъ, ни мы вамъ не уступимъ безъ крово-
«пролитія ([70]). Пусть каждый во вѣки вѣковъ
«безспорно владѣетъ тѣмъ, чѣмъ владѣетъ ны-
«нѣ! Ничего не требуемъ: не требуйте и вы!....
«Слушайте далѣе. Мы съ вами братья единаго
«Славянскаго племени, отчасти и единой Вѣры:
«для чего намъ не имѣть и единаго Властителя?
«Господь да продолжитъ лѣта обоихъ Вѣнце-
«носцевъ; но они смертные: мы готовы, въ
«случаѣ Стефановой кончины, присоединить Ве-
«ликое Княжество Литовское и Польшу къ Дер-
«жавѣ Ѳеодора (такъ, чтобы Краковъ считался
«наравнѣ съ Москвою, а Вильна съ Новымгоро-
«домъ), если, въ случаѣ Ѳеодоровой смерти,
«обяжетесь признать Стефана Государемъ всей
«Россіи. Вотъ самый надежный способъ — и
«нѣтъ инаго — утвердить тишину, незыблемое,
«истинное дружество между нашими Государ-
«ствами!» Бояре донесли Царю, и, послѣ тор-
жественнаго совѣщанія Думы съ знатнѣйшимъ
Духовенствомъ, дали слѣдующій отвѣтъ: «Мы
«не дозволяемъ себѣ и мыслить о кончинѣ на-
«шего Великаго Самодержца; не хотимъ даже
«предполагать и Стефановой: у васъ иное обы-
«кновеніе, едва ли достохвальное: ибо пристой-
«но ли Послу ѣхать въ чужую землю за тѣмъ,

«чтобы говорить о смерти своего Вѣнценосца?
«Устраняя сію непристойность, объявляемъ со-«гласіе Государя на миръ вѣчный.» Но Гарабурда не хотѣлъ слышать о томъ безъ договора о соединеніи Державъ, прибавивъ: «развѣ отдадите «намъ и Новгородъ и Псковъ: ибо Стефанъ не «удовольствуется ни Смоленскою, ни Сѣверскою «областію.» *А нашъ Государь* — сказали ему Бояре — *не дастъ вамъ ни драницы съ кровли* ([71]). *Можемъ обойтися безъ мира. Россія нынѣ не старая: берегите отъ ея руки уже не Ливонію, не Полоцкъ, а Вильну* ([72])! Изъявивъ сожалѣніе, что наши Вельможи и Духовенство не вразумились въ мысль великую, добрую, Гарабурда откланялся Царю, а послѣ Боярамъ, которые особенно принимали его въ *набережныхъ сѣняхъ*, сидя на рундукѣ (гдѣ Борисъ занималъ четвертое мѣсто, уступая первенство Князьямъ Мстиславскому, Ивану Петровичу Шуйскому, Димитрію Ивановичу Годунову); *дали ему руку*, и письмо учтивое къ Королевскимъ Вельможамъ, сказавъ: «Ты былъ у насъ съ дѣломъ важнымъ, «но ничего не сдѣлалъ. Ненавидя кровопролитіе, «Царь объяснится съ Королемъ чрезъ своего «Посла.» Гарабурда уѣхалъ (30 Апрѣля), а Князь Троекуровъ вторично отправился къ Стефану (28 Іюня) съ новымъ наказомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Баторій немедленно обнажилъ бы мечь на Россію, если бы Вельможные Паны, особенно Литовскіе, боясь разоренія земли своей, не противились его славолюбію и не

грозили Королю отказомъ Сейма въ деньгахъ и въ людяхъ. Обольщенный успѣхами войны съ Іоанномъ, онъ только для вида и въ угодность Вельможамъ сносился съ нами, будто бы желая мира, и нелѣпо предлагая Думѣ Царской отдать ему Россію по смерти Ѳеодора, въ то же время просилъ денегъ у Папы, чтобы итти къ Москвѣ, для себя завоевать нашу землю, а для Рима нашу Церковь: Іезуитъ Антоній былъ его ревностнымъ ходатаемъ (злобясь на Россіянъ за худый успѣхъ своего Посольства къ Іоанну), и Сикстъ V обязался давать Стефану ежемѣсячно 25 тысячь скудій *для предпріятія столь великаго* (73)! Въ семъ расположеніи Стефанъ не думалъ слѣдовать примѣру Ѳеодорова милосердія: хваля безкорыстное освобожденіе Литовскихъ плѣнниковъ, требовалъ неумѣреннаго окупа за нашихъ; взявъ съ Царя 51 тысячи рублей, отпустилъ нѣкоторыхъ, но удержалъ знатнѣйшихъ (74), и не хотѣлъ возвратить серебра, отнятаго въ Литвѣ у гостей Московскихъ, которые ѣхали въ Грецію съ милостынею для поминовенія Царевича Іоанна; не унималъ Воеводъ своихъ, которые изъ Ливоніи, Витебска и другихъ мѣстъ посылали шайки разбойниковъ въ области Псковскую, Великолуцкую, Черниговскую, (75); однимъ словомъ, явно искушалъ терпѣніе Россіи, чтобы произвести войну.

Троекуровъ нашелъ Стефана въ Гроднѣ (76), и вручилъ его Панамъ грамоту нашихъ Бояръ. Прочитавъ ее, Паны изъявили сильное негодованіе. «Желая тишины (говорили они), мы, во-

«преки Королю, предлагали вамъ условія искренняго братства, согласныя съ выгодами обѣихъ «Державъ; а вы, не отвѣтствуя на главное предложеніе, пишите, что Царю угодно осчастливить Короля миромъ, если уступимъ вамъ «Кіевъ, Ливонію и все, что именуете древнею «собственностію Россіи! То есть, *мы кормимъ «Вельможъ Московскихъ хлѣбомъ, а Вельможи «Московскіе бросаютъ намъ камень!* Отъ чего такая гордость? Развѣ мы не вѣдаемъ нынѣшнихъ жалкихъ обстоятельствъ вашей земли? У «васъ есть Царь; но какой? едва дышетъ, и бездѣтенъ: умѣетъ только молиться ([77]). Бояре въ «смутахъ, народъ въ волненіи, Держава въ «неустройствѣ, рать безъ усердія и безъ добрыхъ Воеводъ. Знаемъ, что вы тайно сноситесь съ братомъ Императора Нѣмецкаго: какое «ваше намѣреніе? можете ли найти защитника «въ Цесарѣ, когда онъ и себѣ худый защитникъ? Уже многіе Государи Европейскіе *мьстятъ на васъ.* Султанъ требуетъ Астрахани и «Казани; Ханъ съ огнемъ и мечемъ въ нѣдрахъ «Россіи; народъ Черемисскій бунтуетъ. Гдѣ умъ «вашихъ Бояръ? Отечество въ несгодѣ, а они «презираютъ наше доброжелательство и твердятъ, что Царь готовъ стоять противъ всѣхъ «недруговъ! Увидимъ. Доселѣ мы удерживали «Стефана отъ исполненія клятвы, имъ данной «при восшествіи на престолъ: клятвы отнять у «Россіи все Литовское, чѣмъ она завладѣла послѣ Витовта. Теперь не хотимъ досаждать ему

«пересказомъ вашихъ рѣчей бездѣльныхъ, но «скажемъ: *Иди на Россію, до береговъ Угры: вотъ «наше золото, вотъ наши руки и головы!*»

Князь Троекуровъ слушалъ хладнокровно, отвѣтствовалъ съ жаромъ: «Не мы, но вы суесло-«вите, Паны Вельможные! Какія рѣчи, дерзост-«ныя и нелѣпыя! Царствованіе благодатное име-«нуете несгодою и бѣдствіемъ для Россіи! Ви-«дите гнѣвъ Божій, гдѣ мы видимъ одну ми-«лость Небесную! А будущее извѣстно ли смерт-«ному? Вы не бесѣдовали со Всевышнимъ. Горе «тому, кто злословитъ Вѣнценосца (78)! Имѣемъ «Царя здраваго душею и тѣломъ, умнаго и счаст-«ливаго, достойнаго своихъ великихъ пред-«ковъ. Какъ отецъ, дѣдъ, прадѣдъ Ѳеодоровъ, «такъ и Ѳеодоръ судитъ народъ, строитъ землю, «любитъ тишину, но готовъ и разить недруговъ. «Есть у него воинство, какого еще не бывало «въ Россіи: ибо онъ милостивъ къ людямъ и «жалуетъ ихъ щедро изъ казны своей; есть «Воеводы добліе, ревнители славы умереть за «отечество. Такъ, Ѳеодоръ умѣетъ молиться, и «Господь, благоволя о небесной вѣрѣ его, ко-«нечно дастъ ему побѣду — и миръ, и благоден-«ствіе, и чадъ возлюбленныхъ, да царствуетъ «племя Св. Владиміра во вѣки вѣковъ! Пусть «измѣнники оглашаютъ землю безстыднымъ «лжесловіемъ о смутахъ Вельможъ и неустрой-«ствѣ нашего Царства: вѣтеръ клевету развѣ-«ваетъ. Не хотимъ уподобиться вамъ дерзостію «и въ истинѣ: молчимъ о томъ, что видимъ въ

«Литвѣ и въ Польшѣ, ибо мы присланы не для «раздора.» Далѣе, сказавъ, что Вельможи Россійскіе знаютъ только своего Царя и не сносятся съ иноземными Князьями; что Султанъ требуетъ не Астрахани, не Казани, а нашего дружества; что Ханъ, помня 1572 годъ и Князя Михайла Воротынскаго (79), не смѣетъ заглянуть и въ нашу Украйну; что въ Россіи вездѣ тишина; что мы спокойно властвуемъ и въ отдаленной Сибири — на Кондѣ, въ *Пелымскомъ Государствѣ*, въ странѣ *Пѣгихъ Колмаковъ* и на Оби (80), гдѣ 94 города платятъ намъ дань — Посолъ заключилъ сими словами: «То ли называете несгодою Россіи? Мира желаемъ, но *не «купимъ*. Хотите ли войны? начинайте! Хотите «ли добраго дѣла? говорите о дѣлѣ!»

Вступили въ переговоры. Царь соглашался не требовать Кіева, ни Волыніи, ни Подоліи, требуя для мира одной Ливоніи, по крайней мѣрѣ Дерпта, Нейгауза, Ацеля, Киремпе, Маріенбурга, Тарваста. «Къ чему такое великодушіе?» сказали Паны Князю Троекурову съ насмѣшкою: «мы дозволяемъ вамъ отыскивать всей Литвы: «завоюйте и возьмите!» Они вторично предложили соединить обѣ Державы на вѣки вѣковъ, и для того съѣхаться Вельможамъ Московскимъ съ Королевскими на границѣ; а Троекуровъ изъяснялъ имъ, что Царь не можетъ рѣшить столь важнаго дѣла безъ общей Земской Думы; что нужно не мало времени для призванія всѣхъ государственныхъ людей въ Москву изъ Нова-

города, Казани, Астрахани, Сибири — и требовалъ долгжайшаго перемирія. «Въ Россіи нѣтъ «обычая совѣтоваться съ землею,» возражали Паны: «Царь вздумаетъ, Бояре скажутъ *да*, и «дѣло сдѣлано.» Споривъ нѣсколько дней, утвердили перемиріе еще на два мѣсяца (отъ 3 Іюня до Августа 1588), чтобы въ теченіе сего времени съѣхаться Великимъ Посламъ съ обѣихъ сторонъ на рѣкѣ Иватѣ, между Оршею и Смоленскимъ, для условія о томъ, 1) «какъ Царю жить въ любви братской съ Стефаномъ, и 2) *какъ ихъ Государствамъ быть подъ единою державою въ случаѣ Θеодоровой или Стефановой кончины* (81), или 3) какими городами Литвѣ и Россіи владѣть безспорно, *буде онѣ не захотятъ соединиться*.» Хотя третья статья отнимала силу у второй; хотя въ самомъ дѣлѣ мы ничего не уступали и не вредили ни чести, ни безопасности государственной такими условіями: однакожь сей договоръ былъ подписанъ Троекуровымъ уже въ крайности, когда Паны объявили ему отпускъ. Мы желали длить время, въ надеждѣ на будущее, и видя доброе расположеніе къ миру въ землѣ непріятельской. Самъ Архіепископъ Гнѣзненскій въ бесѣдѣ съ Царскимъ чиновникомъ (Новосильцовымъ, посланнымъ тогда въ Вѣну) сказалъ ему, что Россія имѣетъ одного непримиримаго врага въ Литвѣ и въ Польшѣ: Баторія, коему жить не долго; что у него открылись на ногѣ опасныя раны, и что Медики не смѣютъ цѣлить ихъ, боясь тѣмъ ускорить его

смерть; что Стефанъ не любимъ народомъ за безмѣрное славолюбіе и за худое обхожденіе съ супругою; что и Вельможи и Дворянство хотятъ быть подъ рукою Ѳеодора, зная Христіанскія добродѣтели сего Вѣнценосца, умъ и благость Царицы, мудрость и высокія достоинства *Правителя*, Бориса Ѳеодоровича Годунова. «Сей мужъ знаме-«нитый (продолжалъ Архіепископъ) пи-«талъ, утѣшалъ нашихъ плѣнниковъ, ко-«гда они еще сидѣли въ темницѣ, и давъ «имъ свободу, милостиво угостилъ въ сво-«ихъ палатахъ, одаривъ каждаго сукнами «и деньгами. Слава его вездѣ разносится.

Сравненіе Годунова съ Адашевымъ. «Вы счастливы, имѣя нынѣ Властителя «подобнаго Алексѣю Адашеву, великому «человѣку, который управлялъ Россіею въ «царствованіе Іоанново» (82). Еще не довольный такимъ сравненіемъ, Новосильцовъ увѣрялъ, что Годуновъ превосходитъ Адашева и знаменитостію сана и глубокимъ разумомъ. — Однимъ словомъ, здравая Политика нудила насъ удалять войну, сколько возможно. Еще Стефанъ бодрствовалъ духомъ и тѣломъ, отпуская Князя Троекурова; величавый и гордый въ привѣтствіяхъ, съ видомъ суровымъ далъ ему руку; велѣлъ кланяться Ѳеодору . . . . и симъ заключилъ свои дѣянія въ отношеніи къ Россіи, которая ненавидѣла и чтила его: ибо онъ, враждуя намъ, исполнялъ закон-

ный долгъ, предписываемый Государю пользою Государства, и лучше легкомысленныхъ Пановъ вѣдалъ невозможность истиннаго мира и трудность соединенія Королевства ихъ съ Царствомъ Московскимъ. Уже Баторій назначилъ день Сейма въ Варшавѣ, чтобы утвердить будущую судьбу Королевства заблаговременнымъ избраніемъ своего преемника, истиною и краснорѣчіемъ оживить въ сердцахъ любовь къ отечеству, ревность ко славѣ; наконецъ исторгнуть согласіе на войну съ Россіею. Но Судьба не благопріятствовала замысламъ великаго мужа, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ.

Въ сихъ послѣднихъ сношеніяхъ съ Баторіемъ Правительство наше имѣло еще особенную, тайную цѣль: хотѣло возвратить отечеству изгнанниковъ и бѣглецовъ Іоаннова царствованія, не столько изъ милосердія, сколько для государственной выгоды. Слыша, что нѣкоторые изъ нихъ желаютъ, но боятся ѣхать въ Россію, Царь посылалъ къ нимъ милостивыя грамоты — именно къ Князю Гаврилу Черкасскому, Тимоѳею Тетерину, Мурзѣ Купкееву, Девятому Кашкарову, къ самому измѣннику Давиду Бѣльскому (свойственнику Годунова) — обѣщая имъ забвеніе вины, чины и жалованье, если они съ раскаяніемъ и съ усердіемъ явятся въ Москвѣ, чтобы *доставить намъ всѣ нужныя свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи Литвы*, о видахъ и способахъ ея Политики [83]. Ѳеодоръ прощалъ всѣхъ бѣглецовъ, кромѣ несчастнаго Курбскаго (вѣ-

роятно, что его уже не было на свѣтѣ) и кромѣ новаго измѣнника, Михайла Головина: вывѣдавъ отъ него много тайнаго о Россіи, Баторій имѣлъ у насъ и собственныхъ лазутчиковъ, между купцами Литовскими: для чего Ѳеодоръ велѣлъ имъ торговать единственно въ Смоленскѣ, запретивъ ѣздить въ Москву ([81]).

Перемирие съ Швецiею. Стараясь удалить разрывъ съ Литвою, но ожидая его непрестанно, Царь оказывалъ тѣмъ болѣе миролюбія и снисходительности въ дѣлахъ съ Шведскимъ Королемъ, чтобы вдругъ не имѣть двухъ непріятелей, однакожь не забывая достоинства Россіи, чувствуя необходимость загладить ея стыдъ возвратомъ нашей древней собственности, похищенной Шведами, и только отлагая войну до удобнѣйшаго времени. Свѣдавъ о кончинѣ Іоанновой, Эстонскій Намѣстникъ де-ла-Гарди спрашивалъ у Новогородскаго Воеводы, Князя Василья Ѳедоровича Шуйскаго-Скопина, хотимъ ли мы наблюдать договоръ, заключенный на берегу Плюсы ([85]), и будутъ ли наши Послы въ Стокгольмъ для условія о вѣчномъ мирѣ? Но въ письмѣ своемъ, какъ бы желая досадить Царю, онъ назвалъ Короля *Великимъ Княземъ Ижерскимъ и Шелонскія Пятины въ земль Русской*. Ему отвѣчали, что Россія никогда не слыхала о Шведскомъ Великомъ Князѣ Пятинѣ Ше-

лонской; что онъ (де-ла-Гарди) можетъ извиниться единственно невѣдѣніемъ государственныхъ обычаевъ, будучи иноземцемъ и пришлецомъ, удаленнымъ отъ Двора и дѣлъ Думныхъ: что Царь исполняетъ договоръ отца своего, не любитъ бѣдствій войны и ждетъ Пословъ Шведскихъ, а своихъ не можетъ отправить въ Стокгольмъ. Колкость произвела брань. Де-ла-Гарди въ новомъ письмѣ къ Шуйскому говорилъ о старомъ невѣжествѣ, о безумной гордости Россіянъ, еще необразумленныхъ худыми ея слѣдствіями (86). «Знайте (писалъ онъ), что меня «не именуютъ чужеземцемъ въ *высокохвальномъ* «Королевствѣ Шведскомъ: правда, не рѣдко «удаляюсь отъ Двора, но единственно для того, «чтобы учить васъ смиренію. Вы не забыли, ду-«маю, сколько разъ мои знамена встрѣчались съ «вашими; то есть, сколько разъ вы уклоняли «ихъ предо мною и спасались бѣгствомъ?» Отвѣтомъ на сію непристойность было молчаніе презрѣнія. Еще благоразумнѣе и достохвальнѣе поступилъ Θеодоръ въ личномъ сношеніи съ Королемъ Іоанномъ. Предлагая намъ не возобновлять гибельнаго кровопролитія, Іоаннъ въ грамотѣ къ Царю употребилъ слѣдующее выраженіе: «отецъ твой, терзая собственную землю, «питаясь кровію подданныхъ, былъ злымъ со-«сѣдомъ и для насъ и для всѣхъ иныхъ Вѣнце-«носцевъ.» Сію грамоту Θеодоръ возвратилъ Королю, велѣвъ сказать гонцу его, что къ сыну не пишутъ такъ о родителѣ (87)! Но слова не мѣ-

шали дѣлу: Бояринъ, Князь Ѳеодоръ Димитріевичь Шестуновъ, и Думный Дворянинъ, Игнатій Татищевъ, съѣхались (25 Октября 1585) на устьѣ Плюсы, близъ Нарвы, съ Шведскими знатными сановниками, Класомъ Тоттомъ, де-ла-Гардіемъ и другими ([88]). Шведы требовали Новагорода и Пскова, а мы и взятыхъ ими городовъ Россійскихъ и всей Эстоніи, и семисотъ тысячь рублей деньгами; смягчались, уступали съ обѣихъ сторонъ, и не могли согласиться. Шведы грозили намъ союзомъ съ Баторіемъ и наятіемъ ста тысячь воиновъ: мы грозили имъ силою одной Россіи, прибавляя: «не имѣемъ нужды, подоб-«но вамъ, закладывать города свои и нани-«мать воиновъ; дѣйствуемъ собственными «руками и головами ([89]).» Послѣднія наши условія для мира, отвергнутыя Шведами, состояли въ томъ, чтобы Король возвратилъ намъ Ивангородъ, Яму, Копорье за 10,000 рублей или 20,000 Венгерскихъ червонцевъ. Сказали: «да будетъ же война!» Но одумались, и въ Декабрѣ 1585 года утвердили перемиріе на четыре года безъ всякихъ уступокъ, съ обязательствомъ вновь съѣхаться Посламъ обѣихъ Державъ въ Августѣ 1586 года для соглашенія о мирѣ вѣчномъ. — Во время сихъ переговоровъ надменный де-ла-Гарди утонулъ въ Наровѣ ([90]).

Еще двѣ Державы Европейскія находи-

лись тогда въ сношеніяхъ съ Ѳеодоромъ: Австрія и Данія. Извѣстивъ Рудольфа о своемъ воцареніи, онъ предлагалъ ему дружбу и свободную торговлю между ихъ Государствами. Сановника Московскаго, Новосильцова (91), честили въ Прагѣ, гдѣ жилъ Императоръ: не только Австрійскіе Министры, но и Легатъ Римскій, Послы Испанскій, Венеціянскій, давали ему обѣды; разспрашивали его о Востокѣ и Сѣверѣ; о Персіи, земляхъ Каспійскихъ и Сибири; славили могущество Царя и хвалили разумъ Посланника, дѣйствительно разумнаго, какъ то свидѣтельствуютъ его бумаги. Онъ доносилъ Боярской Думѣ, что Рудольфъ занимается болѣе своею великолѣпною конюшнею, нежели правленіемъ, уступивъ тягостную для него власть умному Вельможѣ Адаму Дитрихштейну; что Императоръ, бѣдный казною, не стыдится платить дань Султану, единственно на время удаляя тѣмъ грозу меча Оттоманскаго; что состояніе Европы печально; что Австрія бѣдствуетъ въ мирѣ, а Франція въ войнѣ междоусобной; что Филиппъ II, подозрѣвая сына (Карлоса) въ умыслѣ на жизнь отца, думаетъ объявить наслѣдникомъ Испаніи Эрнеста, Цесарева брата (92). Въ сихъ донесеніяхъ Новосильцовъ описываетъ и предметы гражданской жизни, плоды народнаго образованія, заведенія

Посольство въ Австрію.

полезныя или пріятныя, имъ видѣнныя и неизвѣстныя въ Россіи, даже сады и теплицы, исполняя Посольскій наказъ любопытнаго Годунова. Министры Австрійскіе за тайну объявили ему желаніе утвердить союзъ съ Россіею, чтобы низвергнуть Баторія и раздѣлить его Королевство (93); но сія мысль, излишно смѣлая для слабаго Рудольфа, осталась безъ дѣйствія: Императоръ хотѣлъ послать къ Царю собственнаго Вельможу, и не сдержалъ слова, написавъ съ Новосильцовымъ единственно учтивое письмо къ Ѳеодору.

Возобновленіе дружества съ Даніею.

Фридерикъ, Король Датскій, бывъ въ явной недружбѣ съ Іоанномъ (94), спѣшилъ увѣрить новаго Царя въ искреннемъ доброжелательствѣ; прислалъ въ Москву знатнаго чиновника; писалъ съ нимъ, что всемірная слава о *Христіанскомъ нравѣ и чувствѣ* Ѳеодоровомъ даетъ ему надежду прекратить всѣ старыя неудовольствія и возобновить дружественныя связи съ Россіею, государственныя и торговыя. Сіи связи дѣйствительно возобновились, и Данія уже не мыслила тревожить нашей морской сѣверной торговли, желая только участвовать въ ея выгодахъ.

Будучи въ мирѣ — по крайней мѣрѣ на время — съ Христіанскою Европою, Россія, спокойная внутри, хотя и не страшилась, однакожь непрестанно береглась Тав-

риды. Магметъ-Гирей, обѣщая союзъ и Царю и Литвѣ, тайно сносясь съ Черемисою и явно посылая толпы разбойниковъ въ наши юго-восточные предѣлы (95), палъ отъ руки брата, Исламъ-Гирея, который съ Янычарскою дружиною и съ именемъ Хана прибылъ изъ Константинополя (96). Убійствомъ наслѣдовавъ и тронъ и Политику своего предмѣстника, Исламъ писалъ къ Ѳеодору: «Отецъ твой купилъ миръ «съ нами десятью тысячами рублей, сверхъ «мѣховъ драгоцѣнныхъ, присланныхъ отъ «васъ моему брату. Дай мнѣ еще болѣе — «и мы раздавимъ Литовскаго недруга: съ «одной стороны мое войско, съ другой «Султанское, съ третьей Ногаи, съ четвер«той полки твои устремятся на его зем«лю» (97) — и въ то же время Крымскія шайки, вмѣстѣ съ Азовцами, съ Ногаями Казыева Улуса, жгли селенія въ Уѣздахъ Бѣлевскомъ, Козельскомъ, Воротынскомъ, Мещовскомъ, Мосальскомъ (98): Думный Дворянинъ, Михайло Безнинъ, съ легкою конницею встрѣтилъ ихъ на берегу Оки, подъ Слободою Монастырскою, разбилъ на голову, отнялъ плѣнниковъ, и получилъ отъ Царя золотую медаль за свое мужество. Еще два раза Крымцы, числомъ отъ тридцати до сорока тысячь (99), злодѣйствовали въ Украйнѣ: въ Іюнѣ 1587 года они взяли и сожгли Кропивну. Воеводы

Дѣла Крымскія.

Московскіе били, гнали ихъ, слѣдомъ пепла и крови; не отходили отъ береговъ Оки; стояли въ Тулѣ, въ Серпуховѣ, ожидая самого Хана. Таврида уподоблялась для насъ ядовитому гаду, который издыхаетъ, но еще язвитъ смертоноснымъ жаломъ: ввергала огонь и смерть въ предѣлы Россіи, не взирая на свое изнуреніе и бѣдствія, коихъ она была тогда жертвою. Сыновья Магметъ-Гиреевы, Сайдетъ и Муратъ, изгнанные дядею, (въ 1583 году) возвратились съ пятьнадцатью тысячамиНогаевъ, свергнули Исламъ-Гирея съ престола, взяли его женъ, казну, опустошили всѣ Улусы. Сайдетъ назвался Ханомъ; но Исламъ, бѣжавъ въ Кафу, черезъ два мѣсяца снова изгналъ племянниковъ, съ 4000 Султанскихъ воиновъ одержавъ надъ ними побѣду въ кровопролитной сѣчѣ; умертвилъ многихъ Князей и Мурзъ, обвиняемыхъ въ измѣнѣ; окружилъ себя Турками и далъ имъ волю насильствовать, убивать и грабить (100). Пользуясь сими обстоятельствами, Царь предложилъ убѣжище изгнанникамъ Сайдету и Мурату: дозволилъ первому кочевать съ толпами Ногайскими близъ Астрахани; звалъ втораго въ Москву, честилъ, обязалъ присягою въ вѣрности, и съ двумя Воеводами отпустилъ въ Астрахань, гдѣ надлежало ему быть орудіемъ нашей Политики, и гдѣ встрѣтили его какъ знаменитаго Князя Владѣтельнаго: войско стояло въ ружьѣ; въ крѣпости и въ пристани гремѣли пушки, *били въ набаты и въ бубны, играли въ трубы и въ сур-*

ны ([101]). Въ семъ древнемъ городѣ, наполненномъ купцами Восточными, Муратъ явился съ великолѣпіемъ Царскимъ: открылъ пышный Дворъ; торжественно принималъ сосѣдственныхъ Князей и Пословъ ихъ; держа въ рукѣ хартію Ѳеодорову съ златою печатію, именовалъ себя Владыкою четырехъ рѣкъ: Дона, Волги, Яика и Терека, всѣхъ вольныхъ Улусниковъ и Козаковъ; хвалился растоптать Ислама и смирить надменнаго Султана; говорилъ: «милостію и дружбою Царя Московскаго будемъ Царями: братъ мой Крымскимъ, я Астраханскимъ; для того *великіе люди* Россійскіе даны мнѣ въ услугу.» Такъ говорилъ онъ своимъ единовѣрцамъ, а Воеводу Астраханскаго, Князя Ѳедора Михайловича Лобанова-Ростовскаго, тайно убѣждалъ избавить его отъ строгаго, явнаго присмотра, дабы Ногаи и Крымцы имѣли къ нему болѣе довѣренности и не видали въ немъ раба Московскаго: ибо Лобановъ и другіе Воеводы, сохраняя пристойность, наблюдали за всѣми движеніями Мурата. Величаясь знаками наружнаго уваженія, онъ ѣздилъ въ мечеть сквозь ряды многочисленныхъ Стрѣльцовъ ([102]), но не могъ ни съ кѣмъ объясняться безъ свидѣтелей. Между тѣмъ служилъ намъ ревностно: склонялъ Ногаевъ къ тишинѣ и къ покорности; увѣрялъ, что Царь единственно для ихъ безопасности и для обузданія хищныхъ Козаковъ строитъ города на Самарѣ и на Уфѣ ([103]); грозилъ огнемъ и мечемъ мятежному Князю сей

Орды, Якшисату, за неприязнь къ Россіи, и вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Сайдетомъ, готовился ударить на Тавриду, съ Ногаями, Козаками, Черкесами, ожидая только Ѳеодорова повелѣнія, пушекъ и десяти тысячь обѣщанныхъ ему Стрѣльцевъ для сего предпріятія.

Но Царь медлилъ. Опасаясь Стефана гораздо болѣе, нежели Ислама, и не увѣренный въ мирѣ съ первымъ, онъ писалъ къ Мурату (въ Февралѣ 1587 года): «Благопріятное время для завоеванія Тавриды еще не наступило: мы должны «прежде усмирить инаго врага, сильнѣйшаго. «Будь готовъ съ вѣрными Ногаями и Козаками «итти къ Вильнѣ, гдѣ встрѣтишься со мною; и «когда управимся съ своимъ Литовскимъ недру-«гомъ, тогда легко истребимъ и вашего: поздра-«вимъ Сайдетъ-Гирея Ханомъ Улусовъ Крым-«скихъ (104).» А къ Исламу приказывалъ Государь въ сіе же время: «Ханъ Сайдетъ-Гирей, «Царевичь Муратъ, Князья Ногайскіе, Черкес-«скіе, Шавкальскіе, Тюменскіе и Горскіе мо-«лятъ насъ о дозволеніи свергнуть тебя съ пре-«стола. Еще удерживаемъ ихъ на время; еще «можемъ забыть твои разбои (105), буде искренно «желаешь ополчиться на Литву, когда выйдетъ «срокъ перемирія, заключеннаго нами съ ея «Властителемъ кровожаднымъ: ибо мы вѣрны «слову и договорамъ. Я самъ поведу рать свою «отъ Смоленска къ Вильнѣ; а ты съ главною си-«лою иди въ Волынію, въ область Галицкую и «далѣе; вели иной рати итти къ Путивлю, гдѣ

«она соединится съ нашею Сѣверскою, чтобы «осадить Кіевъ, имѣя съ правой стороны мое «войско Астраханское, коему должно съ Царе-«вичемъ Муратомъ также вступить въ Литву. «Испытавъ худыя слѣдствія впаденій въ Россію, «испытай счастія союзомъ съ нею.» Предвидя, что Сайдетъ, низвергнувъ Ислама, подобно ему сдѣлался бы для насъ атаманомъ разбойниковъ, и что мы промѣняли бы только одного варвара на другаго, Θеодоръ обольщалъ сыновей Магметъ-Гиреевыхъ Крымскимъ Ханствомъ, а Хана ужасалъ ими, чтобы имѣть болѣе силы для войны съ Баторіемъ. Сія хитрость не осталась безъ дѣйствія: Исламъ, боясь племянниковъ, увѣрялъ Θеодора, что впаденія Крымцевъ въ Россію происходили отъ своевольства нѣкоторыхъ Мурзъ, казненныхъ за то безъ милосердія; что онъ ждетъ Московскаго Посла съ Шертною грамотою, и наступитъ всѣми силами на Литву. Исламъ въ самомъ дѣлѣ объявилъ своимъ Улусникамъ, что имъ до времени лучше грабить Стефанову землю, нежели Θеодорову!

Всего болѣе занимаясь Баторіемъ, Швеціею, Тавридою, мы видѣли опасность важную и съ другой стороны, будучи въ сосѣдствѣ съ Державою страшною для цѣлой Европы, и конечно не имѣли нужды въ предостереженіяхъ Австрійскаго Двора, чтобы ожидать грозы съ береговъ Воспора, Трофеи Султанскіе въ нашихъ рукахъ, замыселъ Солиманова на Астрахань, бѣгство и гибель Солимановой рати въ пустыняхъ Кас-

пійскихъ ([106]), не могли остаться безъ слѣдствія: вся хитрость Московской Политики должна была состоять въ томъ, чтобы удалить начало неминуемаго, ужаснаго боренія до временъ благопріятнѣйшихъ для Россіи, коей надлежало еще усилиться и внѣшними пріобрѣтеніями и внутреннимъ образованіемъ, дабы вступить въ смертный бой съ сокрушителями Византійскаго Царства. Такъ дѣйствовали Іоаннъ Великій, сынъ, внукъ его, умѣвъ даже иногда пріязнію Султановъ обуздывать и Крымъ и Литву; того хотѣлъ и Θеодоръ, отправивъ (въ Іюлѣ 1584 года) Посланника Благова въ Константинополь, извѣстить Султана о восшествіи своемъ на престолъ ([107]), объяснить ему миролюбивую систему Россіи, въ разсужденіи Турціи, и склонить Амурата къ дружественной связи съ нами. «Наши прадѣды (Іоаннъ и «Баязетъ)» — писалъ Θеодоръ къ Султану — «дѣды (Василій и Солиманъ), отцы (Іо«аннъ и Селимъ) назывались братьями, и «въ любви ссылались другъ съ другомъ: «да будетъ любовь и между нами. Россія «открыта для купцевъ твоихъ, безъ вся«каго завѣта въ товарахъ и безъ пошли«ны. Требуемъ взаимности, и ничего бо«лѣе.» А Посланнику велѣно было сказать Пашамъ Амуратовымъ слѣдующее: «Мы «знаемъ, что вы жалуетесь на разбои *Тер-*

Посольство въ Константиполь.

«*скихъ* Козаковъ, мѣшающихъ сообщенію между «Константинополемъ и Дербентомъ, гдѣ нынѣ «Султанъ властвуетъ, отнявъ его у Шаха Персидскаго: отецъ Государевъ, Іоаннъ, для безопасности Черкесскаго Князя, Темгрюка, основалъ крѣпость на Терекѣ, но въ удовольствіе «Селима вывелъ оттуда своихъ ратниковъ: съ «сего времени живутъ въ ней Козаки Волжскіе, «опальные бѣглецы, безъ Государева вѣдома. «Жалуетесь еще на утѣсненіе Магометанской «Вѣры въ Россіи: но кого же утѣсняемъ? Въ «сердцѣ Московскихъ владѣній, въ Касимовѣ, «стоятъ мечети и памятники Мусульманскіе: «Царя Шигъ-Алея, Царевича Кайбулы. Саинъ-«Булатъ, нынѣ Симеонъ, Великій Князь Тверскій, принялъ Христіанство добровольно, а на «мѣсто его сдѣланъ Царемъ Касимовскимъ Му-«стафалей, Закона Магометова, сынъ Кайбулинъ (108). Нѣтъ, мы никогда не гнали и не гонимъ иновѣрцевъ.» Не имѣя приказа входить въ дальнѣйшія объясненія, Благовъ, честимый въ Константинополѣ наравнѣ съ Господаремъ Волошскимъ и болѣе Посла Венеціянскаго (109), не безъ труда убѣдилъ Амурата послать собственнаго чиновника въ Москву. Паши говорили: «Султанъ есть великій Самодержецъ; Послы его ѣздятъ только къ знаменитымъ Монархамъ: къ Цесарю, къ Королю Французскому, «Испанскому, Англійскому: ибо они имѣютъ съ «нимъ важныя дѣла государственныя и *присылаютъ ему казну* или богатую дань; а съ вами

«у насъ одни купеческія дѣла.» Благовъ отвѣтствовалъ: «Султанъ великъ между Государями «Мусульманскими, Царь великъ между Христіанскими. Казны и дани не присылаемъ никому. «Торговля важна для Государствъ: могутъ встрѣститься и другія дѣла важнѣйшія; но если Султанъ не отправитъ со мною знатнаго чиновника «въ Москву, то Посламъ его уже никогда не видать очей Царскихъ ([110]).» Султанъ велѣлъ надѣть на Благова кафтанъ бархатный съ золотомъ и ѣхать съ нимъ въ Москву Чаушу своему, Адзію Ибрагиму, коего встрѣтили, на берегахъ Дона, Воеводы Россійскіе, высланные для безопасности его путешествія ([111]). Вручивъ Θеодору письмо Султанское (въ Декабрѣ 1585), Ибрагимъ отказался отъ всякихъ переговоровъ съ Боярами; а Султанъ, называя Θеодора *Королемъ Московскимъ*, изъявлялъ ему благодарность за добрую волю быть въ дружбѣ съ Оттоманскою Имперіею, подтверждалъ свободу торговли для нашихъ купцевъ въ Азовѣ, и Восточнымъ слогомъ превозносилъ счастіе мира; но требовалъ въ доказательство искренней любви, чтобы Царь выдалъ Ибрагиму измѣнника, Магметъ-Гиреева сына, Мурата, и немедленно унялъ Донскаго Атамана, Кишкина, злаго разбойника Азовскихъ предѣловъ ([112]). Видя, что система Константинопольскаго Двора въ отношеніи къ Россіи не измѣнилась — что Султанъ не думаетъ о заключеніи дружественнаго, государственнаго договора съ нею, желая единственно свободной торговли

между обѣими Державами, до перваго случая объявить себя нашимъ врагомъ ([113]), Царь отпустилъ Ибрагима съ отвѣтомъ, что на Дону злодѣйствуютъ болѣе Козаки Литовскіе, нежели Россійскіе; что Атаманъ Кишкинъ отозванъ въ Москву, и товарищамъ его не велѣно тревожить Азовцевъ; что о сынѣ Магметъ-Гиреевѣ, нашемъ слугѣ и присяжникѣ, будетъ наказано къ Султану съ новымъ Посломъ Царскимъ. Но въ теченіе слѣдующихъ шести лѣтъ мы уже никого не посылали въ Константинополь, и даже явно дѣйствовали противъ Оттоманской Имперіи.

Въ самый день Ибрагимова отпуска (5 Октября 1586) Государь торжественно вступилъ въ обязательство, которое могло и долженствовало быть весьма непріятно для Султана. Около ста лѣтъ мы не упоминали о Грузіи ([114]): въ сей несчастной землѣ, угнетаемой Турками и Персіянами, властвовалъ тогда Князь или Царь Александръ, который, приславъ въ Москву Священника, Монаха и наѣздника Черкесскаго, слезно молилъ Θеодора взять древнюю знаменитую Иверію подъ свою высокую руку, говоря: «Настали времена ужасныя для Хри«стіанства, предвидѣнныя многими бого«вдохновенными мужами. Мы, единовѣр«ные братья Россіянъ, стенаемъ отъ зло«честивыхъ: единъ ты, Вѣнценосецъ Пра-

Царь Иверскій, данникъ Россіи.

«вославія, можешъ спасти нашу жизнь и душу. «Бью тебѣ челомъ до лица земли со всѣмъ на-«родомъ: да будемъ твои во вѣки вѣковъ ([115])!» Столь убѣдительно и жалостно предлагали Россіи новое Царство, неодолимое для воинственныхъ древнихъ Персовъ и Македонянъ, блестящее завоеваніе Помпеево! Она взяла его: даръ опасный! ибо мы, господствомъ на берегахъ Кура, ставили себя между двумя сильными, воюющими Державами. Уже Турція владѣла Западною Иверіею и спорила съ Шахомъ о Восточной, требуя дани съ Кахетіи, гдѣ царствовалъ Александръ, и съ Карталиніи, подвластной Князю Симеону, его зятю ([116]). Но дѣло шло болѣе о чести и славѣ нашего имени, нежели о существенномъ господствѣ въ мѣстахъ столь отдаленныхъ и едва доступныхъ для Россіи, такъ, что Ѳеодоръ, объявивъ себя верховнымъ Владыкою Грузіи, еще не зналъ пути въ сію землю! Александръ предлагалъ ему основать крѣпости на Терекѣ, послать тысячь двадцать воиновъ на мятежнаго Князя Дагестанскаго, Шавкала (или Шамхала) ([117]), овладѣть его столицею, Тарками, и берегомъ Каспійскаго моря открыть сообщеніе съ Иверіею чрезъ область ея данника, Князька Сафурскаго. Для сего требовалось не мало времени и приготовленій: избрали другой, вѣрнѣйшій путь, чрезъ землю мирнаго Князя Аварскаго; отправили сперва гонцевъ Московскихъ ([118]), чтобы обязать Царя и народъ Иверскій клятвою въ вѣрности къ Россіи; а за гон-

цами послали и знатнаго сановника, Князя Симеона Звенигородскаго, съ жалованною грамотою. Александръ, цѣлуя крестъ, клялся вмѣстѣ съ тремя сыновьями, Иракліемъ, Давидомъ и Георгіемъ, вмѣстѣ со всею землею, быть въ вѣчномъ, неизмѣнномъ подданствѣ у Ѳеодора, у *будущихъ* его дѣтей и наслѣдниковъ, имѣть однихъ друзей и враговъ съ Россіею, служить ей усердно *до издыханія*, присылать ежегодно въ Москву пятьдесятъ златотканныхъ камокъ Персидскихъ и десять ковровъ съ золотомъ и серебромъ, или, въ ихъ цѣну, собственныя *узорочья* земли Иверской; а Ѳеодоръ обѣщалъ всѣмъ ея жителямъ *безстрашное пребываніе въ его державной защитѣ* — и сдѣлалъ, что могъ.

Въ удовольствіе Султана оставленный нами городокъ *Терскій*, нѣсколько времени служивъ дѣйствительно пристанищемъ для однихъ Козаковъ вольныхъ, былъ немедленно исправленъ и занятъ дружинами Стрѣльцовъ подъ начальствомъ Воеводы, Князя Андрея Ивановича Хворостинина, коему надлежало утвердить власть Россіи надъ Князьями Черкесскими и Кабардинскими, ея присяжниками со временъ Іоанновыхъ, и вмѣстѣ съ ними блюсти Иверію. Другое Астраханское войско смирило Шавкала, и завладѣло берегами Койсы (119). Доставивъ Александру снарядъ огнестрѣльный, Ѳеодоръ обѣщалъ прислать къ нему и мастеровъ искусныхъ въ литіи пушекъ. Ободренный надеждою на Россію, Александръ умножилъ собственное войско: собралъ тысячь пят-

надцать всадниковъ и пѣшихъ; вывелъ въ поле, строилъ, училъ; давалъ имъ знамена крестоносныя, Епископовъ, Монаховъ въ предводители, и говорилъ Князю Звенигородскому: «Слава «Россійскому Вѣнценосцу! Это не мое войско, а «Божіе и Ѳеодорово.» Въ сіе время Паши Оттоманскіе требовали отъ него запасовъ для Баки и Дербента: онъ не далъ, сказавъ: я холопъ ве«ликаго Царя Московскаго!» и на возраженіе ихъ, что Москва далеко, а Турки близко, отвѣтствовалъ: «Терекъ и Астрахань не далеко.» Но Царская наша Дума благоразумно совѣтовала ему *манить Султана* ([120]) и не раздражать до общаго возстанія Европы на Оттоманскую Имперію. Встревоженный слухомъ, что Царевичь Муратъ, будучи зятемъ Шавкаловымъ, мыслитъ измѣнить намъ, тайно ссылаясь съ тестемъ, съ Ногаями, съ вѣроломными Князьями Черкесскими, чтобы незапно овладѣть Астраханью и отдать ее Султану, Александръ заклиналъ Государя не вѣрить Магометанамъ, прибавляя: «если «что сдѣлается надъ Астраханью, то я кину свое «бѣдное Царство и побѣгу, *куда несутъ очи.*» Но Князь Звенигородскій успокоилъ его. «Мы «не спускаемъ глазъ съ Мурата (говорилъ онъ) «и взяли аманатовъ у всѣхъ Князей Ногайскихъ, «Казыева Улуса и Заволжскихъ. Султанъ съ «Ханомъ постыдно бѣжали отъ Астрахани (въ «1569 году); а нынѣ она еще болѣе укрѣплена и «наполнена людьми воинскими. Россія умѣетъ «стоять за себя и своихъ» ([121]). Между тѣмъ, за-

нимаясь государственною безопасностію Иверіи, мы усердно благотворили ей въ дѣлахъ Вѣры: присылали ученыхъ Іереевъ исправить ея церковные обряды, и живописцевъ для украшенія храмовъ святыми иконами ([122]). Александръ съ умиленіемъ повторялъ, что жалованная грамота Царская *упала ему съ неба и вывела его изъ тьмы на свѣтъ;* что наши Священники суть Ангелы для Духовенства Иверскаго, омраченнаго невѣжествомъ ([123]). Въ самомъ дѣлѣ, славясь древностію Христіанства въ землѣ своей, сіе несчастное Духовенство уже забывало главные уставы Вселенскихъ Соборовъ и святые обряды Богослуженія. Церкви, большею частію на крутизнѣ горъ, стояли уединенны и пусты: осматривая ихъ съ любопытствомъ, Іереи Московскіе находили въ нѣкоторыхъ остатки древней богатой утвари съ означеніемъ 1441 года: «Тогда» — изъяснялъ имъ Александръ — «владѣлъ «Иверіею великій Деспотъ Георгій; она была «еще единымъ Царствомъ: къ несчастію, пра«дѣдъ мой раздѣлилъ ее на три Княжества и «предалъ въ добычу врагамъ Христовымъ. Мы «окружены невѣрными; но еще славимъ Бога «истиннаго и Царя благовѣрнаго ([124]). Князь Звенигородскій именемъ Россіи обѣщалъ свободу всей Иверіи, возстановленіе ея храмовъ и городовъ, коихъ онъ вездѣ видѣлъ развалины, упоминая въ своихъ донесеніяхъ о двухъ бѣдныхъ городкахъ, Крымѣ и Загемѣ ([125]), нѣкоторыхъ селеніяхъ и монастыряхъ. Съ того времени Ѳео-

доръ началъ писаться въ титулѣ *Государемъ земли Иверской, Грузинскихъ Царей и Кабардинской земли, Черкасскихъ и Горскихъ Князей.*

Возстановленіемъ Терской крѣпости и присвоеніемъ Грузіи досаждая Султану, мы еще болѣе возбуждали его негодованіе дружбою съ Персіею. Извѣстивъ Θеодора о своихъ мнимыхъ побѣдахъ надъ Турками, Шахъ Годабендъ (или Худабендѣй) предложилъ ему изгнать Турковъ изъ Баки и Дербента, обязываясь уступить намъ въ вѣчное владѣніе сіи издавна Персидскіе города, если и самъ возметъ ихъ ([126]). Чтобы заключить союзъ на такомъ условіи, Θеодоръ послалъ къ Шаху (въ 1588 году) Дворянина Васильчикова, который нашелъ Годабенда уже въ темницѣ: воцарился сынъ его, Мирза Аббасъ, свергнувъ отца. Но сія перемѣна не нарушила добраго согласія между Россіею и Персіею. Новый Шахъ, съ великою честію принявъ въ Казбинѣ сановника Θеодорова ([127]), послалъ двухъ Вельможъ, Бутакбека и Андибея, въ Москву, объявить Царю, что уступаетъ намъ не только Дербентъ съ Бакою, но и Таврисъ и всю Ширванскую землю ([128]), если нашимъ усердным содѣйствіемъ Турки будутъ вытѣснены оттуда; что Султанъ предлагалъ ему миръ, желая выдать дочь свою за его племянника, но что онъ (Аб-

Дѣла съ Персіею.

басъ) не хочетъ и слышать о семъ, въ надеждѣ на союзъ Россіи и Вѣнценосца Испанскаго, коего Посолъ находился тогда въ Персіи ([129]). Особенно представленные Годунову, Вельможи Шаховы сказали ему: «Если Государи наши будутъ «въ искренней любви и дружбѣ, то чего не сдѣ«лаютъ общими силами? Мало выгнать Турковъ «изъ Персидскихъ владѣній: можно завоевать и «Константинополь ([130]). Но такія великія дѣла «совершаются людьми ума великаго: какая для «тебя слава, мужъ знаменитый и достоинствами «и милостію Царскою, если твоими мудрыми «совѣтами избавится міръ отъ насилія Оттома«новъ!» Имъ отвѣтствовали, что мы уже дѣйствуемъ противъ Амурата; что войско наше на Терекѣ и заграждаетъ путь Султанскому отъ Чернаго моря къ Персидскимъ владѣніямъ; что другое, еще сильнѣйшее, въ Астрахани; что Амуратъ велѣлъ-было своимъ Пашамъ итти къ морю Каспійскому, но удержалъ ихъ, свѣдавъ о новыхъ Россійскихъ твердыняхъ въ сихъ мѣстахъ опасныхъ, о соединеніи всѣхъ Князей Черкесскихъ и Ногайскихъ, готовыхъ подъ Московскими знаменами устремиться на Турковъ. Съ симъ отпустили Пословъ, сказавъ, что наши выѣдутъ въ слѣдъ за ними къ Шаху; но они еще не успѣли выѣхать, когда узнали въ Москвѣ о мирѣ Аббаса съ Султаномъ ([131]).

Такъ дѣйствовала внѣшняя, и мирная и честолюбивая Политика Россіи въ теченіе первыхъ лѣтъ Ѳеодорова царствованія или Годунова вла-

дычества, не безъ хитрости и не безъ успѣха, болѣе осторожно, нежели смѣло, — грозя и маня, обѣщая, и не всегда искренно. Мы не шли на войну, но къ ней готовились, вездѣ укрѣпляясь, вездѣ усиливая рать ([132]): желая какъ бы невидимо присутствовать

Дѣла внутреннія.

въ ея станахъ, Θеодоръ учредилъ общіе смотры, избирая для того воинскихъ царедворцевъ, способныхъ, опытныхъ, которые ѣздили изъ полку въ полкъ, чтобы видѣть исправность каждаго, оружіе, людей, устройство, и доносить Государю ([133]). Воеводы, неуступчивые между собою въ зловредныхъ спорахъ о родовомъ старѣйшинствѣ, безъ прекословія отдавали себя на судъ Дворянамъ, Стольникамъ, Дѣтямъ Боярскимъ, представлявшимъ лице Государево въ сихъ смотрахъ.

Внутри Царства все было спокойно. Правительство занималось новою описью людей и земель пашенныхъ ([134]), уравненіемъ налоговъ, населеніемъ пустынь, строе-

Основаніе Архангельска.

ніемъ городовъ. Въ 1584 году Московскіе Воеводы, Нащокинъ и Волоховъ, основали на берегу Двины городъ Архангельскъ, близъ того мѣста, гдѣ стоялъ монастырь сего имени и дворъ купцевъ Англійскихъ ([135]). Астрахань, угрожаемую Султаномъ и столь важную для нашихъ торговыхъ и государственныхъ дѣлъ съ Востокомъ, для обузданія Ногаевъ, Черкес-

скихъ и всѣхъ сосѣдственныхъ съ ними Князей, укрѣпили каменными стѣнами ([136]). Въ Москвѣ, вокругъ Большаго Посада, заложили (въ 1586 году) *Бѣлый* или *Царевъ городъ*, начавъ отъ Тверскихъ воротъ (строителемъ онаго названъ въ лѣтописи Русскій художникъ Конокъ Ѳедоровъ), а въ Кремлѣ многія палаты: Денежный Дворъ, Приказы Посольскій и Помѣстный, Большой Приходъ, или Казначейство, и Дворецъ Казанскій ([137]). Упомянемъ здѣсь также о началѣ нынѣшняго Уральска. Около 1584 года шесть или семь сотъ Волжскихъ Козаковъ выбрали себѣ жилище на берегахъ Яика, въ мѣстахъ привольныхъ для рыбной ловли; окружили его земляными укрѣпленіями, и сдѣлались ужасомъ Ногаевъ, въ особенности Князя Уруса, Измаилова сына, который непрестанно жаловался Царю на ихъ разбои, и коему Царь всегда отвѣтствовалъ, что они бѣглецы, бродяги, и живутъ тамъ самовольно; но Урусъ не вѣрилъ и писалъ къ нему: «Городъ столь значительный можетъ ли существовать безъ твоего вѣдома? Нѣкоторые изъ сихъ грабителей, взятые нами «въ плѣнъ, имѣнуютъ себя людьми Царскими ([138]).» Замѣтимъ, что тогдашнее время было самымъ цвѣтущимъ въ Исторіи нашихъ Донскихъ или Волжскихъ Козаковъ-витязей. Отъ Азова до Искера гре-

Строеніе Бѣлаго или Царева города въ Москвѣ.

Начало Уральска.

мѣла слава ихъ удальства, раздражая Султана, грозя Хану, смиряя Ногаевъ, утверждая власть Московскихъ Вѣнценосцевъ надъ Сѣверомъ Азіи.

Опасность для Годунова. Въ сихъ обстоятельствахъ, благопріятныхъ для величія и цѣлости Россіи, когда все доказывало умъ и дѣятельность Правительства, то есть, Годунова, онъ былъ предметомъ ненависти и злыхъ умысловъ, не смотря на всѣ его уловки въ искусствѣ обольщать людей. Сносясь отъ лица своего съ Монархами Азіи и Европы, мѣняясь дарами съ ними, торжественно принимая ихъ Пословъ у себя въ домѣ (139), высокомѣрный Борисъ желалъ казаться скромнымъ: для того уступалъ первыя мѣста въ Совѣтѣ инымъ старѣйшимъ Вельможамъ (140); но, сидя въ немъ на *четвертомъ* мѣстѣ, однимъ словомъ, однимъ взоромъ и движеніемъ перста заграждалъ уста противорѣчію. Вымышлялъ отличія, знаки Царской милости, чтобы плѣнять суетность Бояръ, и для того ввелъ въ обыкновеніе званые обѣды, для мужей Думныхъ, во внутреннихъ комнатахъ дворца (141), гдѣ Ѳеодоръ угощалъ вмѣстѣ и Годуновыхъ и Шуйскихъ, иногда не приглашая Бориса: хитрость безполезная! Кого *Великій Бояринъ* приглашалъ въ сіи дни къ своему обѣду, тому завидовали гости Царскіе. Всѣ знали, что Правитель оставляетъ

Θеодору единственно имя Царя — и не только многіе изъ первыхъ людей государственныхъ, но и граждане столицы изъявляли вообще нелюбовь къ Борису. Господство безпредѣльное въ самомъ достойномъ Вельможѣ бываетъ противно народу. Адашевъ имѣлъ нѣкогда власть надъ сердцемъ Іоанновымъ и судьбою Россіи, но стоялъ смиренно за Монархомъ умнымъ, пылкимъ, дѣятельнымъ, какъ бы исчезая въ его славѣ: Годуновъ самовластвовалъ явно и величался предъ трономъ, закрывая своимъ надменіемъ слабую тѣнь Вѣнценосца. Жалѣли о ничтожности Θеодоровой и видѣли въ Годуновѣ хищника правъ Царскихъ; помнили въ немъ Четово Могольское племя ([142]) и стыдились униженія Рюриковыхъ Державныхъ наслѣдниковъ. Льстецовъ его слушали холодно, непріятелей со вниманіемъ, и легко вѣрили имъ, что зять Малютинъ, временщикъ Іоанновъ, есть тиранъ, хотя еще и робкій! Самыми общественными благодѣяніями, самыми счастливыми успѣхами своего правленія онъ усиливалъ зависть, острилъ ея жало и готовилъ для себя бѣдственную необходимость дѣйствовать ужасомъ; но еще старался удалить сію необходимость: для того хотѣлъ мира съ Шуйскими, которые, имѣя друзей въ Думѣ и приверженниковъ въ народѣ, особенно между людьми торговыми, не преставали враждовать Годунову, даже открыто ([143]). Первосвятитель Діонисій взялся быть миротворцемъ: свелъ враговъ въ своихъ палатахъ Крем-

левскихъ, говорилъ именемъ отечества и Вѣры; тронулъ, убѣдилъ — такъ казалось — и Борисъ съ видомъ умиленія подалъ руку Шуйскимъ: они клялися жить въ любви братской, искренно доброхотствовать другъ другу, вмѣстѣ радѣть о Государствѣ — и Князь Иванъ Петровичь Шуйскій съ лицемъ веселымъ вышелъ отъ Митрополита на площадь къ Грановитой палатѣ извѣстить любопытный народъ о семъ счастливомъ мирѣ: доказательство, какое живое участіе принимали тогда граждане въ дѣлахъ общественныхъ, уже имѣвъ время отдохнуть послѣ *Грознаго!* Всѣ слушали любимаго, уважаемаго Героя Псковскаго въ тишинѣ безмолвія; но два купца, выступивъ изъ толпы, сказали: «Князь Иванъ «Петровичь! вы миритесь нашими головами: и «намъ и вамъ будетъ гибель отъ Бориса!» Сихъ двухъ купцевъ въ ту же ночь взяли и сослали въ неизвѣстное мѣсто, по указу Годунова, который, желавъ миромъ обезоружить Шуйскихъ, скоро увидѣлъ, что они, не уступая ему въ лукавствѣ, подъ личиною мнимаго новаго дружества оставались его лютыми врагами, дѣйствуя за-одно съ инымъ, важнымъ и дотолѣ тайнымъ непріятелемъ Великаго Боярина.

Хотя Духовенство Россійское никогда сильно не изъявляло мірскаго властолюбія, всегда болѣе угождая, нежели противясь волѣ Государей въ самыхъ дѣлахъ церковныхъ; хотя, со временъ Іоанна III, Митрополиты наши въ разныхъ случаяхъ отзывались торжественно, что

занимаются единственно устройствомъ Богослуженія, Христіанскимъ ученіемъ, совѣстію людей, спасеніемъ душъ (144): однакожь, присутствуя въ Думахъ Земскихъ, сзываемыхъ для важныхъ государственныхъ постановленій — не законодательствуя, но одобряя или утверждая законы гражданскіе (145) — имѣя право совѣтовать Царю и Боярамъ, толковать имъ уставы Царя Небеснаго для земнаго блага людей — сіи Іерархи участвовали въ дѣлахъ правленія соотвѣтственно ихъ личнымъ способностямъ и характеру Государей: мало при Іоаннѣ III и Василіи, болѣе во время дѣтства и юности Іоанна IV, менѣе въ годы его тиранства. Өеодоръ, духомъ младенецъ, превосходя старцевъ въ набожности, занимаясь Церковію ревностнѣе, нежели Державою, бесѣдуя съ Иноками охотнѣе, нежели съ Боярами, какую государственную важность могъ бы дать сану Первосвятительства, безъ руководства Годунова, при Митрополитѣ честолюбивомъ, умномъ, сладкорѣчивомъ? ибо таковъ былъ Діонисій, прозванный *мудрымъ Грамматикомъ* (146). Но Годуновъ не для того хотѣлъ Державной власти, чтобы уступить ее Монахамъ: честилъ Духовенство, какъ и Бояръ, только знаками уваженія, благосклонно слушалъ Митрополита, разсуждалъ съ нимъ, но дѣйствовалъ независимо, досаждая ему непреклонностію своей воли. Симъ объясняется непріязненное расположеніе Діонисія къ Годунову и тѣсная связь съ Шуйскими. Зная, что Правитель ве-

ликъ Царицею — думая, что слабодушный Θеодоръ не можетъ имѣть и сильной привязанности, ни къ Борису, ни къ самой Иринѣ; что дѣйствіемъ незапности и страха легко склонить его ко всему чрезвычайному — Митрополитъ, Шуйскіе, друзья ихъ тайно условились съ гостями Московскими, купцами (147), нѣкоторыми гражданскими и воинскими чиновниками именемъ всей Россіи торжественно ударить челомъ Θеодору, чтобы онъ развелся съ неплодною супругою, отпустивъ ее, какъ вторую Соломонію, въ монастырь, и взялъ другую, дабы имѣть наслѣдниковъ, необходимыхъ для спокойствія Державы. Сіе моленіе народа, будто бы устрашаемаго мыслію видѣть конецъ Рюрикова племени на тронѣ, хотѣли подкрѣпить волненіемъ черни. Выбрали, какъ пишутъ, и невѣсту: сестру Князя Θеодора Ивановича Мстиславскаго, коего отецъ, низверженный Годуновымъ, умеръ въ Кирилловской Обители. Написали бумагу; утвердили оную цѣлованіемъ креста . . . . . Но Борисъ, имѣя множество преданныхъ ему людей и лазутчиковъ, открылъ сей ужасный для него заговоръ еще во-время, и поступилъ, казалось, съ рѣдкимъ великодушіемъ: безъ гнѣва, безъ укоризнъ хотѣлъ усовѣстить Митрополита; представлялъ ему, что разводъ есть беззаконіе; что Θеодоръ еще можетъ имѣть дѣтей отъ Ирины, цвѣтущей юностію, красотою и добродѣтелію; что во всякомъ случаѣ тронъ не будетъ безъ наслѣдниковъ, ибо Царевичь Димитрій живетъ и здрав-

ствуетъ. Обманутый, можетъ быть, сею кротостію, Діонисій извинялся, стараясь извинить и своихъ единомышленниковъ ревностною, боязливою любовію къ спокойствію Россіи, и далъ слово, за себя и за нихъ, не мыслить болѣе о разлученіи супруговъ нѣжныхъ; а Годуновъ, обѣщаясь не мстить ни виновникамъ, ни участникамъ сего кова, удовольствовался одною жертвою: несчастную Княжну Мстиславскую, какъ опасную совмѣстницу Ирины, постригли въ Монахини. Все было тихо въ столицѣ, въ Думѣ и при Дворѣ; но не долго. Чтобы явно не нарушить даннаго обѣщанія, Годуновъ, лицемѣрно совѣстный, искалъ другаго предлога мести, оправдываясь въ умѣ своемъ злобою враговъ непримиримыхъ, закономъ безопасности собственной и государственной, всѣми услугами, оказанными имъ Россіи и еще замышляемыми въ ревности къ ея пользѣ — искалъ, и не усомнился прибѣгнуть къ средству низкому, къ ветхому орудію Іоаннова тиранства: ложнымъ доносамъ. Слуга Шуйскихъ, какъ увѣряютъ, продалъ ему честь и совѣсть; явился во дворцѣ съ извѣтомъ, что они въ заговорѣ съ Московскими купцами и думаютъ измѣнить Царю (148). Шуйскихъ взяли подъ стражу; взяли и друзей ихъ, Князей Татевыхъ, Урусовыхъ, Колычевыхъ, Быкасовыхъ, многихъ Дворянъ и купцевъ богатыхъ. Нарядили судъ; допрашивали обвиняемыхъ и свидѣтелей; людей знатныхъ и чиновныхъ не коснулись тѣлесно, купцевъ и слугъ

пытали, безжалостно и безполезно: ибо никто изъ нихъ не подтвердилъ клеветы доносчика — такъ говорилъ народъ; но судъ не оправдалъ судимыхъ. Шуйскихъ удалили, хваляся милосердіемъ и признательностію къ заслугѣ Героя Псковскаго: Князя Андрея Ивановича, объявленнаго главнымъ преступникомъ, сослали въ Каргополь; Князя Ивана Петровича, будто бы имъ и его братьями обольщеннаго, на Бѣлоозеро; у старшаго изъ нихъ, Князя Василія Ѳедоровича Скопина-Шуйскаго, отняли Каргопольское Намѣстничество, но дозволили ему, какъ невинному, жить въ Москвѣ; другихъ заточили въ Буй-городокъ, въ Галичь, въ Шую; Князя Ивана Татева въ Астрахань, Крюка-Колычева въ Нижній Новгородъ, Быкасовыхъ и многихъ Дворянъ на Вологду, въ Сибирь, въ разныя пустыни; а купцамъ Московскимъ (участникамъ заговора противъ Ирины), Ѳедору Нагаю съ шестью товарищами, отсѣкли головы на площади. Еще не трогали Митрополита; но онъ не хотѣлъ быть робкимъ зрителемъ сей опалы, и съ великодушною смѣлостію, торжественно, предъ лицемъ Ѳеодора назвалъ Годунова клеветникомъ, тираномъ, доказывая, что Шуйскіе и друзья ихъ гибнутъ единственно за доброе намѣреніе спасти Россію отъ алчнаго властолюбія Борисова. Такъ же смѣло

Ссылки и казнь.

обличалъ Правителя и Крутицкій Архіепископъ Варлаамъ, грозя ему казнію Небесною и не боясь земной, укоряя Ѳеодора слабостію и постыднымъ ослѣпленіемъ. Обоихъ, Діонисія и Варлаама, свели съ престола (кажется, безъ суда): перваго заточили въ монастырь Хутынскій, втораго въ Антоніевъ Новогородскій, посвятивъ въ Митрополиты Ростовскаго Архіепископа Іова. Опасаясь людей, но уже не страшась Бога, Правитель — такъ увѣряютъ Лѣтописцы — велѣлъ удавить двухъ главныхъ Шуйскихъ въ заточеніи: Боярина Андрея Ивановича, отличнаго умомъ (149), и знаменитаго Князя Ивана Петровича..... Спаситель Пскова и нашей чести воинской, мужъ безсмертный въ Исторіи, коего великій подвигъ описанъ современниками на разныхъ языкахъ Европейскихъ (150) ко славѣ Русскаго имени, лаврами увѣнчанную главу свою предалъ срамной петлѣ въ душной темницѣ или въ ямѣ! Тѣло его погребли въ Обители Св. Кирилла . . . . Такъ начались злодѣйства; такъ обнаружилось сердце Годунова, упоенное прелестями владычества, раздраженное козиями враговъ, ожесточенное местію! — Надѣясь страхомъ обуздывать недоброжелательство, милостями умножать число приверженниковъ и мудростію въ дѣлахъ государственныхъ сомкнуть уста злословію, Борисъ дерзнулъ

Жалостная смерть Героя Шуйскаго.

тогда же на обманъ вѣроломный и новую лютость. Мнимый, единственный въ Исторіи Король Ливонскій, бѣдный Магнусъ, еще въ Іоанново время кончилъ жизнь въ Пильтенѣ ([151]), гдѣ вдовствующая супруга его, Марія Владиміровна, и двулѣтняя дочь Евдокія оставались безъ имѣнія, безъ отечества, безъ друзей: Годуновъ призвалъ ихъ въ Москву, обѣщая богатый Удѣлъ и знаменитаго жениха юной вдовѣ, Маріи; но *предвидя будущее* — опасаясь, чтобы, *въ случаѣ Ѳеодоровой и Димитріевой кончины*, сія правнука Іоанна Великаго не вздумала, хотя и безпримѣрно, хотя и несогласно съ нашими государственными уставами, объявить себя наслѣдницею трона (коимъ онъ уже располагалъ въ мысляхъ) — Борисъ, вмѣсто Удѣла и жениха, представилъ ей на выборъ монастырь или темницу! Инокиня неволею, Марія требовала одного утѣшенія: не быть разлученною съ дочерью; но скоро оплакала ея смерть *неестественную*, какъ думали, и еще жила лѣтъ восемь въ глубокой печали, съ горькими слезами воспоминая судьбу родителей, мужа и дочери ([152]). Сіи двѣ жертвы подозрительнаго беззаконія, Марія и Евдокія, лежатъ въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ, близъ того мѣста, гдѣ, внѣ храма, видимъ и смиренную, какъ бы опальную могилу ихъ гонителя, ни величіемъ, ни славою

Судьба Магнусова семейства.

не спасеннаго отъ праведной мести Небесной!

Но сія месть еще ожидала дальнѣйшихъ преступленій . . . . Смиривъ Дворъ опалою Шуйскихъ , Духовенство сверженіемъ Митрополита , а гражданъ столицы казнію знатныхъ гостей Московскихъ — окруживъ Царя и занявъ Думу своими ближними родственниками, Годуновъ уже не видалъ никакого сопротивленія, никакой важной для себя опасности до конца Ѳеодоровой жизни — или дремоты : ибо такъ можно назвать смиренную праздность сего жалкаго Вѣнценосца, которую современники описываютъ слѣдующимъ образомъ (153):

«Ѳеодоръ вставалъ обыкновенно въ четыре часа утра, и ждалъ Духовника въ спальнѣ , наполненной иконами , освѣщенной днемъ и ночью лампадами. Духовникъ приходилъ къ нему съ крестомъ, благословеніемъ , Святою водою и съ иконою Угодника Божія (154), празднуемаго въ тотъ день Церковію. Государь кланялся до земли, молился вслухъ минутъ десять и болѣе; шелъ къ Иринѣ, въ ея компаты особенныя, и вмѣстѣ съ нею къ Заутренѣ ; возвратясь, садился на креслахъ въ большой горницѣ, гдѣ привѣтствовали его съ добрымъ днемъ нѣкоторые ближніе люди и Монахи ; въ 9 часовъ ходилъ къ Литургіи, въ 11 обѣдалъ , послѣ обѣда спалъ не менѣе трехъ

Праздность Ѳеодорова.

часовъ; ходилъ опять въ церковь къ Вечернѣ, и все остальное время до ужина проводилъ съ Царицею, съ шутами и съ карлами, смотря на ихъ кривлянья или слушая пѣсни — иногда же любуясь работою своихъ ювелировъ, золотарей, швецовъ, живописцевъ; ночью, готовясь ко сну, опять молился съ Духовникомъ и ложился съ его благословеніемъ. Сверхъ того всякую недѣлю посѣщалъ монастыри въ окрестностяхъ столицы, и въ праздничные дни забавлялся медвѣжьею травлею. Иногда челобитчики окружали Θеодора при выходѣ изъ дворца: *избывая мірскія суеты и докуки*, онъ не хотѣлъ слушать ихъ и посылалъ къ Борису» (155)!

Внутренно радуясь сему уничижительному бездѣйствію Царя, хитрый Годуновъ тѣмъ болѣе старался возвысить Ирину въ глазахъ Россіянъ, однимъ ея Державнымъ именемъ, безъ Θеодорова, издавая милостивые указы, прощая, жалуя, утѣшая людей (156), чтобы общею къ ней любовію, соединенною съ уваженіемъ и благодарностію народа, утвердить свое настоящее величіе и приготовить будущее.

ГЛАВА II.

Г. 1587—1592.

Смерть Баторія. Важные переговоры съ Литвою. Перемиріе. Сношенія съ Австріею и съ Тавридою. Война Шведская. Новое перемиріе съ Литвою. Величіе Годунова. Учрежденіе Патріаршества въ Россіи. Замыселъ Годунова. Убіеніе Царевича Димитрія. Пожаръ въ Москвѣ. Нашествіе Хана и битва подъ Москвою. Новый санъ Годунова. Донскій монастырь. Клевета на Правителя и месть его. Милосердіе и слава Годунова. Беременность Ирины. Рожденіе и кончина Царевны Ѳеодосіи.

12 Декабря 1586 года скончался Стефанъ Баторій (или отъ яда ([137]) или отъ неискусства врачей, какъ думали), одинъ изъ знаменитѣйшихъ Вѣнценосцевъ въ мірѣ, одинъ изъ опаснѣйшихъ злодѣевъ Россіи, коего смерть болѣе обрадовала насъ, нежели огорчила его Державу: ибо мы боялись увидѣть въ немъ новаго Гедимина, новаго Витовта; а Польша и Литва неблагодарныя предпочитали дешевое спокойствіе драгоцѣнному величію. Если бы жизнь и Геній Баторія не угасли до кончины Годунова, то слава Россіи могла бы навѣки померкнуть въ самомъ первомъ десятилѣтіи по- Смерть Баторія.

ваго вѣка: столь зависима судьба Государствъ отъ лица и случая, или отъ воли Провидѣнія!

20 Декабря Боярская Дума получила изъ разныхъ мѣстъ извѣстіе о смерти Короля, хотя еще и не совсѣмъ достовѣрное: Воеводы наши съ Литовской границы писали о томъ къ Царю какъ о слухѣ, прибавляя, что Вельможные Паны мыслятъ избрать себѣ въ Государи Стефанова брата, Князя Седмиградскаго, или Шведскаго Королевича, Сигизмунда, или его (Θеодора). Честь и польза сего возможнаго соединенія трехъ
г. 1587. Державъ казались Годунову очевидными: немедленно послали Дворянина, Елизарія Ржевскаго, въ Литву: удостовѣриться въ
Важные переговоры съ Литвою. Стефановой кончинѣ (158), изъявить Панамъ участіе въ ихъ горести и предложить имъ избраніе Царя въ Короли. Ржевскій возвратился изъ Новагородка съ благодарнымъ письмомъ Литовскихъ Вельможъ; но они не хотѣли входить въ переговоры, сказавъ, что дѣло столь великое будетъ рѣшено Сеймомъ въ Варшавѣ, куда Царь долженъ прислать своихъ Пословъ; тайно же дали чувствовать Ржевскому, что Θеодоръ и Бояре Московскіе пишутъ къ нимъ слишкомъ холодно, не слѣдуя примѣру Императора, Франціи и Швеціи, которые осыпаютъ ихъ (Пановъ) не только ласковыми словами, но и дарами богатыми.

Между тѣмъ Польша и Литва были въ сильномъ волненіи; страсти кипѣли; Вельможи и Дворянство раздѣлились: одни держали сторону Замойскаго, сподвижника Стефанова; другіе Зборовскихъ, враговъ Баторія, такъ, что они въ торжественныхъ собраніяхъ обнажали мечи на усердныхъ чтителей его славной памяти. Обѣ стороны ждали Сейма какъ битвы: ополчались, нанимали воиновъ, имѣли стражу и станы въ полѣ. Но смежная съ нами Литва опасалась Россіи; для того знатные Послы, Вельможи Черниковскій и Князь Огинскій, прибыли въ Москву (6 Апрѣля), и молили Өеодора утвердить новою записью перемиріе съ ихъ сиротствующею Державою до конца 1588 года. Охотно заключая сей договоръ, Бояре сказали имъ, что отъ Вельможъ Коронныхъ и Литовскихъ зависитъ счастіе и бѣдствіе отечества: счастіе, если поддадутся великому Монарху Россіи; бѣдствіе, если вновь обратятся къ Седмиградскому варвару или къ тѣни Шведскаго Королевства. «Вы уже имѣли Баторія на престолѣ (говорили «они), и съ нимъ войну, разореніе, стыдъ: ибо «руками своего Вѣнценосца платили дань Сул«тану. Можно ли ожидать великодушія отъ при«шельца, низкаго родомъ и духомъ, алчнаго «единственно къ корысти и безжалостнаго къ «Христіанству? Въ его ли сердце обитаетъ свя«тая любовь, безъ коей и власть двигать горы, «по выраженію Апостола, есть ничто ([168])? Не «въ угодность ли Оттоманамъ хотите избрать и

«Шведскаго Королевича? Безъ сомнѣнія угодите имъ: ибо они радуются междоусобію Христіанъ; а кровопролитіе неминуемо, если Сигизмундъ съ ненавистію къ Россіи сядетъ на «престолъ Ягеллоновъ. Монарха нашего вы уже «знаете, равно великаго и милосердаго; знаете, «что первымъ дѣйствіемъ его воцаренія было «безкорыстное освобожденіе вашихъ плѣнни«ковъ: великодушіе непонятное для Баторія, «ибо онъ торговалъ Россійскими плѣнниками до «конца дней своихъ. Баторій въ могилѣ, и Ѳео«доръ не радуется, не мыслитъ о мести, но изъ«являетъ вамъ сожалѣніе и предлагаетъ спо«собъ навѣки успокоить Литву съ Польшею; «желаетъ Королевства не для умноженія силъ и «богатства Державы своей (ибо силенъ и богатъ «Россіею), но для защиты васъ отъ невѣрныхъ; «не хочетъ никакихъ прибытковъ; уступитъ «Панамъ и Рыцарству все, что земля Королю «платила: дастъ имъ сверхъ того помѣстья въ «новыхъ Россійскихъ владѣніяхъ, и собствен«ною казною воздвигнетъ крѣпости на берегахъ «Днѣпра, Донца и Дона, чтобы нога Оттома«новъ и Крымцевъ не топтала ни Кіевской, ни «Волынской, ни Подольской области. Цари не«вѣрные опустятъ руки; заключенные въ сво«ихъ предѣлахъ, едва ли и въ нихъ удержатся. «Россія возьметъ для себя Азовъ, Кафу, Хан«ство Крымское; для васъ земли Дунайскія. «Многочисленныя воинства ожидаютъ слова Го«сударева, чтобы устремиться . . . . на кого?

«рѣшите . . . . на враговъ ли Христіанства, если «будете имѣть единаго Монарха съ нами, или на «Литву и на Ливонію, если предпочтете намъ «Шведовъ. Думайте не о дружбѣ Султана: ибо «какое согласіе между свѣтомъ и тьмою, какое «общеніе вѣрному съ невѣрнымъ? думайте о «славѣ и побѣдѣ, Что мѣшаетъ нашему брат-«ству? закоренѣлая ваша, по грѣхамъ, нена-«висть къ Россіи. Обратимся къ любви: все за-«виситъ отъ начала, и малый огонь производитъ «великій пламень. Государь Россійскій, обѣщая «вамъ безопасность и величіе, не требуетъ отъ «васъ ничего, кромѣ *ласки*.» Послы убѣждали Царя отправить на Сеймъ кого нибудь изъ Вельможъ своихъ, и два Боярина, Степанъ Васильевичь Годуновъ, Князь Ѳедоръ Михайловичь Троекуровъ, съ знатнымъ Дьякомъ Васильемъ Щелкаловымъ, немедленно выѣхали изъ Москвы въ Варшаву, имѣя полную довѣренность Государеву и 48 писемъ къ духовнымъ и къ свѣткимъ, Короннымъ и Литовскимъ сановникамъ, но безъ даровъ. Ѳеодоръ предлагалъ Сейму слѣдующія условія:

1) «Государю Россійскому быть Королемъ «Польскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ; «а народамъ обѣихъ Державъ соединиться вѣч-«ною, неразрывною пріязнію.

2) «Государю Россійскому воевать *лично*, и «всѣми силами, Оттоманскую Имперію, низвер-«гнуть Хана Крымскаго, посадить на его мѣсто «Сайдетъ-Гирея, слугу Россіи, и заключивъ

«союзъ съ Цесаремъ, Королемъ Испанскимъ, «Шахомъ Персидскимъ, освободить Молдавію, «землю Волошскую, Боснію, Сербію, Венгрію, «отъ ига Султанскаго, чтобы присоединить «оныя къ Литвѣ и Польшѣ, коихъ войско въ «семъ случаѣ будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ «Россійскимъ.

3) «Рать Московская, Казанская, Астрахан-«ская, безъ найма и платы будетъ всегда готова «для защиты Литвы и Польши.

4) «Государю не измѣнять ни въ чемъ ихъ «правъ и вольностей безъ приговора Вельмож-«ной Думы: она располагаетъ независимо каз-«ною и всѣми доходами государственными.

5) «Россіянамъ въ Литвѣ и Польшѣ, Литов-«цамъ и Полякамъ въ Россіи, вольно жить и «совокупляться бракомъ.

6) «Государь жалуетъ земли бѣднымъ Дворя-«намъ Литовскимъ и Польскимъ на Дону и «Донцѣ.

7) «Кому изъ ратныхъ людей Стефанъ Бато-«рій остался должнымъ, тѣмъ платитъ Государь «изъ собственной казны, до ста тысячь золо-«тыхъ монетъ Венгерскихъ.

8) «Деньги, которыя шли на содержаніе крѣ-«постей, уже не нужныхъ, между Литвою и «Россіею, употребить обѣимъ Державамъ на «войну съ невѣрными.

9) «Россія, изгнавъ Шведовъ и Датчанъ изъ «Эстоніи, уступитъ всѣ города ея, кромѣ Нарвы, «Литвѣ и Польшѣ.

10) «Купцамъ Литовскимъ и Польскимъ от-«крытъ свободный путь во всѣ земли Государ-«ства Московскаго, и чрезъ оныя въ Персію, въ «Бухарію и другія Восточныя страны, также мо-«ремъ къ устью Двины, въ Сибирь и въ Великое «*Китайское* Государство, гдѣ родятся камни дра-«гоцѣнные и золото» (169).

Въ письменномъ наставленіи, данномъ Посламъ, достойна замѣчанія статья о Царевичѣ Димитріи, гдѣ сказано: «если Паны упомянутъ «о юномъ братѣ Государевомъ, то изъяснить «имъ, что онъ младенецъ, не можетъ быть у «нихъ на престолѣ и долженъ воспитываться «въ своемъ отечествѣ.» Правитель готовилъ ему иную долю!

Нѣтъ сомнѣнія, что Ѳеодоръ, подобно отцу и дѣду, искренно хотѣлъ Королевскаго сана, чтобы соединить Державы, искони враждебныя, узами братства, предлагая Вельможной Думѣ условія выгодныя, съ обѣщаніями лестными, съ надеждами блестящими, — жертвуя милліономъ нынѣшнихъ рублей, и въ противность главному Іоаннову требованію соглашаясь быть Королемъ избраннымъ, съ властію ограниченною, безъ всякаго наслѣдственнаго права для его дѣтей или рода. Дѣйствительно ли мыслилъ Царь, или Правитель, ополчиться на Султана, чтобы завоеваніемъ богатыхъ земель Дунайскихъ усилить Литву и Польшу, которыя могли впредь имѣть особенныхъ Властителей и снова враждовать Россіи? Но онъ для такого важнаго пред-

пріятія ставилъ въ условіе союзъ Императора, Испаніи, Персіи, и не входилъ въ обязательство рѣшительное, прельщая воображеніе Пановъ мыслію смѣлою и великою. Готовый по видимому къ уступчивости и снисхожденію для успѣха въ своемъ исканіи, Ѳеодоръ оказалъ и хладнокровную непреклонность, когда Сеймъ безразсудно потребовалъ отъ него жертвъ несовмѣстныхъ съ Православіемъ, достоинствомъ и пользою Россіи.

Бояръ нашихъ, Степана Годунова и Князя Троекурова, именемъ Польской Думы остановили (12 Іюля) въ селѣ Окуневѣ, въ пятнадцати верстахъ отъ Варшавы, сказавъ имъ, что для нихъ нѣтъ безопаснаго мѣста въ столицѣ, исполненной неистовыхъ людей воинскихъ, мятежа и раздоровъ. Такъ было дѣйствительно. Духовенство, Вельможи, Рыцарство или Шляхта не могли согласиться въ избраніи Короля: Замойскій и друзья его, въ угодность вдовствующей супругѣ Баторіевой, предлагали Шведскаго Принца, Сигизмунда, сына ея сестры; Зборовскіе Австрійскаго Герцога, Максимиліана; Паны Литовскіе и Примасъ, Архіепископъ Гнѣзневскій, Ѳеодора; а Султанъ, доброхотствуя Стефанову брату, грозилъ имъ войною, если они, вмѣсто его, изберутъ Максимиліана или Царя Московскаго, враговъ Оттоманской Имперіи. Такъ называемое *Рыцарское Коло*, мѣсто шумныхъ совѣщаній, представляло иногда зрѣлище битвы: толпы вооруженныхъ стрѣляли другъ

въ друга. Наконецъ условились благоразумно прекратить междоусобіе и выставить въ полѣ три знамени: Россійское, Цесарское, Шведское, чтобы видѣть подъ каждымъ число избирателей, и тѣмъ рѣшить большинство голосовъ. Знаменемъ Ѳеодоровымъ была *Московская шапка*, Австрійскимъ *шляпа Нѣмецкая*, Шведскимъ *сельдь* — и первое одержало верхъ: подъ нимъ стеклося такое множество людей, что друзья Австріи и Шведовъ, видя свою малочисленность, отъ стыда присоединились къ нашимъ. Но сіе блестящее торжество Россійской стороны оказалось безплоднымъ, когда дѣло дошло до условій.

4 Августа Духовенство, Сенаторы, Дворянство обѣихъ соединенныхъ Державъ съ великою честію приняли Годунова и Троекурова въ *Рыцарскомъ Колѣ* (160); выслушали предложенія Ѳеодоровы, и желая дальнѣйшихъ объясненій, избрали 15 Вельможъ, духовныхъ и свѣтскихъ, коимъ надлежало съѣхаться для того съ нашими Послами въ селѣ Каменцѣ, близъ Варшавы. Тамъ, къ удивленію Годунова и Троекурова, сіи Депутаты встрѣтили ихъ слѣдующими, неожиданными вопросами: «Соединитъ ли Государь Московскій Россію съ Королевствомъ такъ, какъ Литва соединилась съ Польшею, навѣки и неразрывно? приступитъ ли къ вѣрѣ Римской? будетъ ли послушенъ Намѣстнику Апостольскому? будетъ ли вѣнчаться на Королевство и пріобщится ли Святыхъ Таинъ въ Латинской церкви, въ

Краковѣ, отъ Архіепископа Гнѣзненскаго? будетъ ли въ Варшавѣ чрезъ 10 недѣль? и напишетъ ли въ своемъ титулѣ Королевство Польское выше Царства Московскаго?» Бояре отвѣтствовали: «1) Государь желаетъ навѣки соединить Литву и Польшу съ Россіею такъ, чтобы они всѣми силами помогали другъ другу въ случаѣ непріятельскаго нападенія, и чтобы ихъ жители могли свободно ѣздить изъ земли въ землю: Литовцы къ намъ, Россіяне въ Литву, *съ дозволенія Государя.* 2) Онъ родился и будетъ жить всегда въ Греческой православной Вѣрѣ, слѣдуя святымъ обрядамъ ея; вѣнчаться на Королевство долженъ въ Москвѣ, или въ Смоленскѣ, въ присутствіи вашихъ Чиновъ Государственныхъ; обязывается чтить Папу и не мѣшать дѣйствію его власти надъ Духовенствомъ Польскимъ, но не допуститъ его мѣшаться въ дѣла Греческой Церкви. 3) Царь пріѣдетъ къ вамъ, когда успѣетъ. 4) *Корона Ягайлова будетъ подъ шапкою Мономаха*, и титулъ Өеодоровъ: *Царь и Великій Князь всея Россіи, Владимірскій и Московскій, Король Польскій и Великій Князь Литовскій.* Если бы и Римъ Старый и Римъ Новый, или царствующій градъ Византія, приложились къ намъ (161): то и древняго, славнаго ихъ имени Государь не поставилъ бы въ своемъ титулѣ выше Россіи.»

«И такъ Өеодоръ не желаетъ быть нашимъ «Королемъ», возразили Паны: «отказываетъ «рѣшительно, обѣщаетъ неискренно; пишетъ,

«на примѣръ, что его войско готово защитить «насъ отъ Султана: Турки обыкновенно впа«даютъ въ нашу землю изъ Молдавіи съ Дуная, «изъ Трансильваніи, отъ Бѣлагорода; а войско «Московское далеко, еще далѣе Астраханское и «Казанское. Султанъ, Цесарь, Шведы грозятъ «намъ войною въ случаѣ, если изберемъ Короля «не по ихъ желанію: что же дастъ намъ Царь, и «сколько денегъ будетъ давать ежегодно для со«держанія рати? ибо у насъ довольно своихъ «людей: Московскихъ не требуемъ. Деньги «нужны и для того, чтобы усилить сторону «вашихъ доброжелателей на Сеймѣ. Знаете ли, «что Императоръ за избраніе Максимиліана обя«зывается тотчасъ прислать Вельможной Думѣ «600 тысячь золотыхъ и ежегодно присылать «столько же въ теченіе шести лѣтъ; а Король «Испанскій 800 тысячь и столько же ежегодно «въ теченіе осьми лѣтъ?» — Послы сказали: «У «Царя готово многочисленное легкое войско для «вашей защиты: Козаки Волжскіе, Донскіе, и «самые Крымцы: ибо Ханомъ ихъ будетъ прися«жникъ Государевъ, Сайдетъ-Гирей. Царь намѣ«ренъ помогать вамъ и казною, но безъ всякаго «обязательства. Хвалитесь щедростію Австріи и «Короля Испанскаго; но разсудите, что благо«вѣрный Царь желаетъ вѣнца Королевскаго не «для своей пользы и чести, а единственно ради «вашего спокойствія и величія. Сколько лѣтъ «Христіанская кровь лилася въ битвахъ Рос«сіянъ съ Литвою? Государь мыслитъ навѣки

«удалить сіе бѣдствіе; а вы, Паны, не думая о «томъ, вѣсите золото Испанское и Австрійское! «Да будетъ, какъ вамъ угодно; и если казна для «васъ милѣе покоя Христіанскаго, то знайте, «что Государь не хочетъ быть купцемъ, и за «деньги ему не надобно доброжелателей, ни ва«шего Королевства; не хочетъ питать сребролю«бія людей безчувственныхъ ко благу отечества «и вооружать ихъ другъ на друга въ мятежныхъ «распряхъ Сейма: ибо не любитъ ни дракъ, ни «беззаконія!»

Сія твердость произвела сильное дѣйствіе въ Депутатахъ: они встали, нѣсколько минутъ разсуждали между собою тихо, и наконецъ съ досадою объявили Посламъ, что Ѳеодору не быть на престолѣ Ягеллоновъ; когда же Годуновъ и Троекуровъ предложили имъ отсрочить избраніе Короля и послать Вельможъ въ Москву для новыхъ объясненій съ Царемъ, Кардиналъ Радзивилъ и другіе Депутаты отвѣчали: «Вы смѣе«тесь надъ нами. Изъ всѣхъ краевъ Литвы и «Польши мы съѣхались въ Варшаву, живемъ «здѣсь осьмую недѣлю какъ на войнѣ, тратимъ «спокойствіе и деньги; а вы хотите еще другаго «Сейма! Не разъѣдемся безъ выбора.» Тогда Ѳеодоровы Послы совѣтовали имъ избрать Максимиліана, благопріятеля Россіи. «Не имѣемъ «нужды въ вашихъ наставленіяхъ,» сказали Паны съ грубостію: «намъ указываетъ Богъ, а не «Царь Русской.» — Хотѣли по крайней мѣрѣ заключить миръ, но также не могли согласиться

въ условіяхъ: Литва требовала Смоленска и земли Сѣверской, а Ѳеодоръ Дерпта. Разошлися съ неудовольствіемъ, но симъ еще не кончились переговоры.

Въ сей самый день и въ слѣдующіе были жаркія прѣнія между Государственными Чинами Сейма, друзьями Австріи, Швеціи и Россіи (162). Первые, особенно Духовенство и всѣ Епископы, говорили, что совѣсть не дозволяетъ имъ имѣть Королемъ иновѣрца, еретика; а единомышленники ихъ, свѣтскіе Вельможи, прибавляли: «естественнаго, закоренѣлаго врага Литвы и «Польши, который сядетъ на Королевство съ «тяжкимъ могуществомъ Россіи, чтобы пода-«вить нашу вольность, всѣ права и законы. Вы «жаловались на угнетеніе, когда Стефанъ при-«велъ къ намъ нѣсколько сотъ Гайдуковъ Вен-«герскихъ: что будетъ, когда увидимъ здѣсь «грозную *Опричнину*, несмѣтныя тысячи над-«менныхъ, суровыхъ Москвитянъ (163)? Повѣри-«те ли, чтобы они въ гордости своей захотѣли «къ намъ *присоединиться?* не скорѣе ли захо-«тятъ *приставить Державу нашу къ Московской,* «*какъ рукавъ къ кафтану?*» Другіе унижали Ѳеодора, называя его скудоумнымъ, неспособнымъ блюсти Государство, обуздывать своевольство, дать силу Королевской власти, прибавляя, что онъ едва ли чрезъ шесть мѣсяцевъ можетъ быть къ нимъ, а Турки, непримиримые враги Царя, завоевателя двухъ или трехъ Державъ Мусульманскихъ, успѣютъ между тѣмъ

взять Краковъ. Вельможи нашей стороны возражали такъ: «Первый законъ для Государства «есть безопасность: избраніемъ Θеодора мы «примиряемъ врага сильнаго, Россію, и находимъ въ ней защиту отъ другаго, не менѣе «опаснаго: отъ Турковъ. Султанъ запрещаетъ «намъ возвести Θеодора на престолъ Королевства; но должно ли слушаться непріятеля? не «должно ли именно сдѣлать, чего онъ не желаетъ? Что касается до Вѣры, то Θеодоръ крещенъ во имя Святой Троицы, и мы знаемъ, «что въ Римѣ есть церковь Греческая: слѣдственно Папа не осуждаетъ сей Вѣры, и безъ «сомнѣнія дозволитъ ему въ ней остаться, съ «нѣкоторыми, можетъ быть, условіями. Θеодоръ великодушно освободилъ нашихъ плѣнниковъ, усмирилъ мятежи въ своемъ Царствѣ, «два раза побѣдилъ Хана; желаетъ въ духѣ «любви соединить Державы, коихъ взаимная ненависть произвела столько бѣдствій, и будучи «Властителемъ Самодержавнымъ, господствовать именемъ закона надъ людьми свободными: «гдѣ же его скудоуміе? Не видимъ ли въ немъ «Монарха человѣколюбиваго и мудраго? Могъ ли «бы онъ безъ ума править Россіянами, непостоянными и лукавыми (184)? Къ тому же скудоуміе Властителя менѣе гибельно для Государства, чѣмъ внутренніе раздоры. Мы замышляемъ не новое: сколь многіе изъ васъ, до «избранія и послѣ бѣгства Генрикова, хотѣли «Царя Московскаго, въ удостовѣреніи, что Іо-

«анинъ оставилъ бы тиранство въ Россіи, а къ «намъ прибылъ бы только съ могуществомъ «спасительнымъ? Перемѣнилось ли что нибудь «съ того времени? развѣ къ лучшему: ибо Өео-«доръ и въ Россіи не тиранствуетъ, но любитъ «подданныхъ и любимъ ими.»

Сіи убѣжденія заставили Сеймъ возобновить переговоры: Депутаты его вторично съѣхались съ Московскими Послами въ Каменцѣ, и хотѣли, чтобы Царь немедленно далъ Вельможной Думѣ 100 тысячь золотыхъ на военныя издержки, основалъ крѣпости не на Дону, гдѣ онѣ могутъ быть полезны только для Россіи, а на Литовской юго-западной границѣ, — платилъ жалованье Козакамъ Днѣпровскимъ изъ казны своей, отвелъ земли Польской Шляхтѣ не въ дальнихъ, дикихъ степяхъ, какихъ много и въ Литвѣ за Кіевомъ, но въ областяхъ Смоленской и Сѣверской. Послы изъявили нѣкоторую уступчивость: соглашались дать Панамъ 100 тысячь золотыхъ; не отвергали и другихъ требованій; предложили, чтобы Өеодору писаться въ титулѣ *Царемъ всея Россіи, Королемъ Польскимъ, Великимъ Княземъ Владимірскимъ, Московскимъ и Литовскимъ*. Самое главное препятствіе въ разсужденіи Вѣры уменьшилось, когда Воевода Виленскій, Христофоръ Радзивилъ, и Троцкій, Янъ Глѣбовичь, тайно сказали нашимъ Посламъ, что Өеодоръ можетъ, вопреки ихъ Духовенству, остаться въ Греческой Вѣрѣ, если испроситъ только благословеніе у Папы и дастъ ему надежду на соеди-

неніе Церквей ([165]). «Для своего и нашего блага «(говорили они) Θеодоръ долженъ быть снисхо-«дителенъ: ибо мы, въ случаѣ его упрямства, «изберемъ врага Россіи, Шведа, а не Максими-«ліана, о коемъ въ Литвѣ никто слышать не хо-«четъ, для того, что онъ корыстолюбивъ и бѣ-«денъ: заведетъ насъ въ войну съ Султаномъ, и «не поможетъ Королевству ни людьми, ни каз-«ною. Самъ Императоръ великъ единственно ти-«туломъ и богатъ только долгами. Знаемъ обы-«чай Австрійцевъ искоренять права и вольности «въ земляхъ, которыя имъ поддаются, и вездѣ «обремѣнять жителей несносными налогами([166]). «Къ тому же у насъ писано въ книгахъ и вошло «въ пословицу, что Славянскому языку не ви-«дать добра отъ Нѣмецкаго!»

Но Θеодоръ не хотѣлъ искать милости въ Папѣ, ни манить его лживымъ обѣщаніемъ соединенія Церквей; не хотѣлъ также (чего неотмѣнно требовали и всѣ Литовскіе Паны) вѣнчаться на Королевство въ Польшѣ, отъ Святителя Латинскаго, ужасаясь мысли измѣнить тѣмъ Православію или достоинству Россійскаго Монарха — и Послы наши, имѣя дружелюбныя свиданія съ Депутатами Сейма, 13 Августа услышали отъ нихъ, что Канцлеръ Замойскій и немногіе Паны выбрали Шведскаго Принца, а Воевода Познанскій, Станиславъ Згурка, и Зборовскіе Максимиліана ([167]). Тщетно Вельможи Литовскіе увѣряли нашихъ Бояръ, что сіе избраніе, какъ незаконное, останется безъ дѣй-

ствія; что если Θеодоръ искренно желаетъ быть Королемъ, и рѣшится, не упуская времени, къ нимъ пріѣхать: то они всѣ *головами своими кинутся* къ Кракову и не дадутъ короны ни Шведу, ни Австрійцу! Замойскій мечемъ и золотомъ вдовствующей Королевы Анны доставилъ престолъ Сигизмунду, уничтоживъ избраніе Максимиліана. Послы наши успѣли только въ одномъ: заключили съ Вельможною Думою пятнадцатилѣтнее перемиріе безъ всякихъ уступокъ и выгодъ, единственно на томъ условіи, чтобы обѣимъ Державамъ владѣть, чѣмъ владѣютъ, и чтобы избранному Королю подтвердить сей договоръ въ Москвѣ чрезъ своихъ Уполномоченныхъ (168). — Еще Θеодоръ, выслушавъ донесеніе Степана Годунова и Троекурова, надѣялся, что по крайней мѣрѣ Литва не признаетъ Сигизмунда Королемъ, и для того еще писалъ ласковыя грамоты къ ея Вельможамъ, соглашаясь быть особеннымъ Великимъ Княземъ Литовскимъ, Кіевскимъ, Волынскимъ, Мазовскимъ, обѣщая имъ независимость и безопасность; писалъ къ нимъ и Годуновъ, отправивъ къ каждому дары богатые (цѣною въ 20 тысячь нынѣшнихъ рублей) . . . но поздно! Дворянинъ Ржевскій возвратился изъ Литвы съ вѣстію, что 16 Декабря Сигизмундъ коронованъ въ Краковѣ, и что Вельможи Литовскіе согла-

Перемиріе.

сялись на сей выборъ. Ржевскій уже зналъ о томъ, но вручилъ имъ дары: они взяли ихъ съ изъявленіемъ благодарности и желали, чтобы Царь всегда былъ милостивъ къ Литвѣ единовѣрной!

Царь изъявилъ досаду, не за отверженіе его условій на Сеймѣ, но за избраніе Сигизмунда: мы видѣли, что Θеодоръ, подобно Іоанну, охотно уступалъ Королевство Эрцгерцогу, не имѣя никакихъ состязаній съ Австріею; но тѣсная связь Шведской Державы съ Польскою усиливала сихъ двухъ нашихъ непріятелей, и главное обязательство, взятое Замойскимъ съ Сигизмунда, состояло въ томъ, чтобы ему вмѣстѣ съ отцемъ его, Королемъ Іоанномъ, ополчиться на Россію: или *завоевать Москву* (169), или по крайней мѣрѣ Смоленскъ, Псковъ, а Шведскому флоту Двинскую гавань Св. Николая, чтобы уничтожить нашу морскую торговлю. Духъ Баторіевъ, казалось, еще жилъ и враждовалъ намъ въ Замойскомъ! — Тѣмъ болѣе Θеодоръ желалъ согласить виды и дѣйствія нашей Политики

г. 1587-1591. Сношенія съ Австріею и съ Крымомъ.

съ Австрійскою: съ 1587 года до 1590 мы слали гонца за гонцемъ въ Вѣну (170), убѣждая Императора доставить Максиміліану всѣми способами корону Польскую, если не избраніемъ, то силою — вызывались снабдить его и деньгами для вооруженія — увѣряли, что намъ будетъ даже пріятнѣе

уступить сію Державу Австріи, нежели соединить съ Россіею — живо описывали счастіе спокойствія, которое утвердится тогда въ Сѣверной Европѣ и дастъ ей возможность заняться великимъ дѣломъ изгнанія Турковъ изъ Византіи — хвалились нашими силами, говоря, что отъ Россіи зависитъ устремить безчисленные сонмы Азіатскіе на Султана; что Шахъ Персидскій выведетъ въ поле 200 тысячь воиновъ, Царь Бухарскій 100 тысячь, Хивинскій 50 тысячь, Иверскій 50 тысячь, Владѣтель Шавкальскій 30 тысячь, Князья Черкесскіе, Тюменскій, *Окутскій*, 70 тысячь, Ногаи 100 тысячь; что Россія, легко усмиривъ Шведа и не имѣя уже иныхъ враговъ, примкнетъ крестоносные легіоны свои къ войскамъ Австріи, Германіи, Испаніи, Папы, Франціи, Англіи — и варвары Оттоманскіе останутся единственно въ памяти! Гонцевъ Московскихъ задерживали въ Литвѣ и въ Ригѣ: для того мы открыли путь въ Австрію чрезъ Сѣверный Океанъ и Гамбургъ (171); хотѣли, чтобы Рудольфъ и Максимиліанъ немедленно прислали Уполномоченныхъ въ Москву для договора, гдѣ и какъ дѣйствовать. Свѣдавъ же, что Замойскій, слѣдуя за бѣгущимъ Максимиліаномъ, вступилъ въ Силезію, одержалъ надъ нимъ рѣшительную побѣду, взялъ его въ плѣнъ, томилъ, безчестилъ въ неволѣ, Ѳеодоръ стыдилъ Рудольфа неслыханнымъ уничиженіемъ Австріи. Но все было безполезно. Императоръ въ своихъ отзывахъ изъявлялъ только благодарность за доброе рас-

положеніе Царя; вмѣсто знатнаго Вельможи прислалъ (въ Іюнѣ 1589) маловажнаго сановника Варкоча въ Москву ([172]), извиняясь недосугами и неудобствами сообщенія между Вѣною и Россіею; писалъ, что о войнѣ Турецкой должно еще условиться съ Испаніею и таить намѣреніе столь важное отъ Англіи и Франціи, ибо онѣ ищутъ милости въ Султанѣ; что война съ Польшею необходима, но что надобно прежде освободить Максимиліана .... И Царь узналъ, что Императоръ, вымоливъ свободу брата, клятвенно обязался не думать о коронѣ Польской и жить въ вѣчномъ мирѣ съ сею Державою. «Вы начинаете «великія дѣла, но не вершите ихъ,» писалъ Борисъ Годуновъ къ Австрійскому Министерству ([173]): «для васъ благовѣрный Царь нашъ «не хотѣлъ слушать никакихъ дружественныхъ «предложеній Султановыхъ и Ханскихъ; для «васъ мы въ остудѣ съ ними и съ Литвою: а «вы, не думая о чести, миритесь съ Султаномъ «и съ Сигизмундомъ!» Однимъ словомъ, мы тратили время и деньги въ сношеніяхъ съ Австріею, совершенно безполезныхъ.

Гораздо усерднѣе, въ смыслѣ нашей Политики, дѣйствовалъ тогда варваръ, новый Ханъ Крымскій, преемникъ умершаго (въ 1588 году) Ислама, братъ его, именемъ Казы-Гирей. Пріѣхавъ изъ Константинополя съ Султанскою милостивою грамотою и съ тремя стами Янычаръ господствовать надъ Улусами разоренными ([174]), онъ видѣлъ необходимость поправить ихъ, то

есть, искать добычи, не зная другаго промысла, кромѣ хищенія. Надлежало избрать Литву или Россію въ ѳеатръ убійствъ и пожаровъ; Ханъ предпочелъ Литву, въ надеждѣ на ея безначаліе или слабость новаго Короля; и готовясь силою опустошить Сигизмундову землю, хотѣлъ лестію выманить богатые дары у Ѳеодора: писалъ къ нему, что доброжелательствуя намъ искреннѣе всѣхъ своихъ предмѣстниковъ, онъ убѣдилъ Султана не мыслить впредь о завоеваніи Астрахани (175); что Москва и Таврида будутъ всегда имѣть однихъ непріятелей. Въ концѣ 1589 года Казы-Гирей извѣстилъ Ѳеодора о сожженіи Крымцами многихъ городовъ и селъ въ Литвѣ и въ Галиціи: хваля его *доблесть* и дружественное къ намъ расположеніе, Царь въ знакъ признательности честилъ Хана умѣренными дарами, однакожь держалъ сильное войско на берегахъ Оки (176); слѣдственно худо ему вѣрилъ.

Но Баторія уже не было, Султанъ не ополчался на Россію, Ханъ громилъ Литву: сіи обстоятельства казались Царю благопріятными для важнаго подвига, коего давно требовала честь Россіи. Мы хвалились могуществомъ, имѣя дѣствительно многочисленнѣйшее войско въ Европѣ; а часть древней Россіи была Шведскимъ владѣніемъ! Срокъ перемирія, заключен- Война Шведская.

наго съ Королемъ Іоанномъ, уже исходилъ въ началѣ 1590 года ([177]), и вторичный съѣздъ Пословъ на берегу Плюсы (въ Сентябрѣ 1586 года) остался безплоднымъ: ибо Шведы не согласились возвратить намъ своего завоеванія: безъ чего мы не хотѣли слышать о мирѣ. Они предлагали только мѣну: отдавали Копорье за погостъ Сумерскій и за берега Невы. Іоаннъ жаловался, что Россіяне тревожатъ набѣгами Финляндію, свирѣпствуя въ ней какъ тигры ([178]); Ѳеодоръ же упрекалъ Воеводъ Шведскихъ разбоями въ областяхъ Заопежской, Олонецкой, на Ладогѣ и Двинѣ: лѣтомъ въ 1589 году они приходили изъ Каяніи грабить волости монастыря Соловецкаго и Печенскаго, Колу, Кереть, Ковду, и взяли добычи на полмилліона нынѣшнихъ рублей серебряныхъ ([179]). Склоняя Короля къ уступкамъ, Царь писалъ къ нему о своихъ великихъ союзникахъ, Императорѣ и Шахѣ. Король отвѣтствовалъ съ насмѣшкою: «Радуюсь, что ты «нынѣ знаешь свое безсиліе и ждешь помощи «отъ другихъ ([180]): увидимъ, какъ поможетъ «тебѣ сватъ нашъ, Рудольфъ: а мы и безъ союз-«никовъ управимся съ тобою.» Не взирая на сію грубость, Іоаннъ желалъ еще третьяго съѣзда Пословъ, когда Ѳеодоръ велѣлъ объявить ему, что мы не хотимъ ни мира, ни перемирія, если Шведы, сверхъ Новогородскихъ земель, ими захваченныхъ, не уступятъ намъ Ревеля и всей Эстоніи ([181]); то есть, мы объявили войну!

Доселѣ Годуновъ блисталъ умомъ единственно

въ дѣлахъ внѣшней и внутренней Политики, всегда осторожной и миролюбивой; не имѣя духа ратнаго, не алкая воинской славы, хотѣлъ однакожь доказать, что его миролюбіе не есть малодушная боязливость, въ такомъ случаѣ, гдѣ безъ стыда и безъ явнаго нарушенія святыхъ обязанностей власти не льзя было миновать кровопролитія. Исполняя сей важный долгъ, онъ употребилъ всѣ способы для несомнительнаго успѣха: вывелъ въ поле (если вѣрить свидѣтельству нашихъ приказныхъ бумагъ сего времени) около трехъ сотъ тысячь воиновъ, конныхъ и пѣшихъ, съ тремя стами легкихъ и тяжелыхъ пушекъ ([182]). Всѣ Бояре, всѣ Царевичи (Сибирскій Маметкулъ, Русланей Кайбуличь, Уразъ-Магметъ Ондановичь Киргизскій), всѣ Воеводы изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ, городовъ и деревень, гдѣ они жили на покоѣ ([183]), должны были въ назначенный срокъ явиться подъ Царскими знаменами: ибо тихій Ѳеодоръ, не безъ сожалѣнія оставивъ свои мирныя, благочестивыя упражненія, сѣлъ на бранная коня (такъ хотѣлъ Годуновъ!), чтобы войско оживить усердіемъ, а главныхъ сановниковъ обуздывать въ ихъ мѣстничествѣ безразсудномъ. Князь Ѳедоръ Мстиславскій, знатнѣйшій изъ родовыхъ Вельможъ, начальствовалъ въ Большемъ Полку, въ Передовомъ Князь Дмитрій Ивановичь Хворостининъ, Воевода славнѣйшій умомъ и доблестію ([184]). Годуновъ и Ѳедоръ Никитичь Романовъ-Юрьевъ (будущій знаменитый

Филаретъ), двоюродный братъ Царя, находились при немъ, именуясь *Дворовыми* или *Ближними Воеводами*. Царица Ирина ѣхала за супругомъ изъ Москвы до Новагорода, гдѣ Государь распорядилъ полки: велѣлъ однимъ воевать Финляндію, за Невою; другимъ Эстонію, до моря; а самъ съ главною силою, 18 Генваря 1590, выступилъ къ Нарвѣ ([185]). Походъ былъ труденъ отъ зимней стужи, но веселъ ревностію войска: Россіяне шли взять свое — и взяли Яму, Генваря 27. Двадцать тысячь Шведовъ, конныхъ и пѣшихъ, подъ начальствомъ Густава Банера, близъ Нарвы встрѣтили Князя Дмитрія Хворостинина, который разбилъ ихъ и втопталъ въ городъ, наполненный людьми, но скудный запасами: для того Банеръ, оставивъ въ крѣпости нужное число воиновъ, ночью бѣжалъ оттуда къ Везенбергу, гонимый нашею Азіатскою конницею, и бросивъ ей въ добычу весь обозъ, всѣ пушки; въ числѣ многихъ плѣнниковъ находились и знатные чиновники Шведскіе. 4 Февраля Россіяне обложили Нарву; сильною пальбою въ трехъ мѣстахъ разрушили стѣну и требовали сдачи города. Тамошній Воевода, Карлъ Горнъ, величаво звалъ ихъ на приступъ, и мужественно отразилъ его (18 Февраля): Воеводы Сабуровъ и Князь Иванъ Токмаковъ легли въ проломѣ, вмѣстѣ со многими Дѣтьми Боярскими, Стрѣльцами, Мордовскими и Черкесскими воинами ([186]). Однакожь сіе блистательное для Шведовъ дѣло не могло бы спасти города: пальба не умолкала, стѣны па-

дали, и многочисленное войско осаждающихъ готовилось къ новому приступу (21 Февраля). Въ тоже время Россіяне безпрепятственно опустошали Эстонію до самаго Ревеля, а Финляндію до Абова: ибо Король Іоаннъ имѣлъ болѣе гордости, нежели силы. Начались переговоры. Мы требовали Нарвы и всей Эстоніи, чтобы дать миръ Шведамъ; но Царь ([187]), *исполняя Христіанское моленіе Годунова* (какъ сказано въ нашихъ приказныхъ бумагахъ), удовольствовался возстановленіемъ древняго рубежа: Горнъ именемъ Корблевскимъ (25 Февраля) заключилъ перемиріе на годъ, уступивъ Царю, сверхъ Ямы, Ивань-городъ и Копорье, со всѣми ихъ запасами и снарядомъ огнестрѣльнымъ, условясь рѣшить судьбу Эстоніи на будущемъ съѣздѣ Пословъ: Московскихъ и Шведскихъ — даже обѣщая уступить Россіи всю землю Корельскую, Нарву и другіе города Эстонскіе ([188]). Мы хвалились умѣренностію. Оставивъ Воеводъ въ трехъ взятыхъ крѣпостяхъ, Ѳеодоръ спѣшилъ возвратиться въ Новгородъ къ супругѣ, и съ нею въ Москву, торжествовать побѣду надъ одною изъ Державъ Европейскихъ, съ коими отецъ его не совѣтовалъ ему воевать, боясь ихъ превосходства въ ратномъ искусствѣ ([188])! Духовенство со крестами встрѣтило Государя внѣ столицы, и Первосвятитель Іовъ въ пышной рѣчи сравнивалъ его съ Константиномъ Великимъ и Владиміромъ, именемъ отечества и Церкви благодаря за изгнаніе *невѣрныхъ* изъ нѣдръ

святой Россіи и за возстановленіе олтарей истиннаго Бога во градѣ Іоанна III и въ древнемъ владѣніи Славянъ Ильменскихъ ([189]).

Скоро вѣроломство Шведовъ доставило новый значительный успѣхъ оружію миролюбиваго Θеодора. Король Іоаннъ, упрекая Горна малодушіемъ, объявилъ договоръ, имъ заключенный, преступленіемъ, усилилъ войско въ Эстоніи и выслалъ двухъ Вельможъ, Намѣстниковъ Упсальскаго и Вестерготскаго, на съѣздъ съ Княземъ Θеодоромъ Хворостининымъ и Думнымъ Дворяниномъ Писемскимъ къ устью рѣки Плюсы, не для того, чтобы отдать Россіи Эстонію, но чтобы требовать возвращенія Ямы, Ивана-города и Копорья. Не только Θеодоровы Послы, но и Шведскіе воины, узнавъ о семъ, изъявили негодованіе: стоя на другомъ берегу Плюсы, кричали нашимъ: «не хотимъ кровопролитія» ([190])! и принудили своихъ Уполномоченныхъ быть снисходительными, такъ, что они, уже ничего не требуя, кромѣ мира, наконецъ уступали Россіи Корельскую область. Мы неотмѣнно хотѣли Нарвы — и послы разъѣхались; а Шведскій Генералъ, Іоранъ Бое, въ туже ночь вѣроломно осадилъ Иванъ-городъ: ибо срокъ Нарвскаго договора еще не вышелъ. Но мужественный Воевода, Иванъ Сабуровъ, въ сильной вылазкѣ на голову разбилъ Шведовъ: и Генерала Бое и самаго Герцога Зюдерманландскаго, который съ нимъ соединился. Главная рать Московская стояла въ Новѣгородѣ: она не приспѣла къ

битвѣ, нашла крѣпость уже освобожденною, и только издали видѣла бѣгство непріятеля.

Воюя съ Шведами, Ѳеодоръ желалъ соблюсти миръ съ Литвою, и въ то время, когда полки Московскіе шли громить Эстонію, Годуновъ извѣстилъ всѣхъ градоначальниковъ въ Ливоніи Польской, что они могутъ быть спокойны, и что мы не коснемся областей ея, въ точности исполняя договоръ Варшавскій ([191]). Но Сигизмундъ молчалъ: чтобы узнать его расположеніе, Дума Московская послала гонца въ Вильну съ письмомъ къ тамошнимъ Вельможамъ, увѣдомляя ихъ о намѣреніи Хана снова итти на Литву, и прибавляя: «Казы-Гирей убѣждалъ Государя «нашего вмѣстѣ съ нимъ воевать вашу землю, и «предлагалъ ему Султанскимъ именемъ вѣчный «миръ; но Государь отказался, искренно вамъ «доброжелательствуя. Остерегаемъ васъ, думая, «что рано или поздно вы увидите необходимость «соединиться съ Россіею для общей безопасно«сти Христіанъ.» Сіе лукавство не обмануло Пановъ: читая письмо, они усмѣхались, и весьма учтивою грамотою изъявили намъ благодарность, сказавъ однакожь, что у нихъ другіе слухи; что самъ Ѳеодоръ, если вѣрить плѣнникамъ Крымскимъ, обѣщаніями и дарами склоняетъ Хана ко впаденіямъ въ Литву ([192]). Между тѣмъ 600 Литовскихъ Козаковъ разбойничали въ южныхъ предѣлахъ Россіи, сожгли новый городъ Воронежъ, убили тамошняго начальника, Князя Ивана Долгорукаго: мы требовали удовлетворе-

нія, и велѣли Царевичу Араслань-Алею, Кайбулину сыну, итти съ войскомъ въ Черниговъ. Наконецъ, въ Октябрѣ 1590 года, Послы Сигизмундовы, Станиславъ Радоминскій и Гаврило Война, пріѣхали въ Москву договариваться о мирѣ и союзѣ; но въ первой бесѣдѣ съ Боярами объявили, что Россія нарушила перемиріе взятіемъ Шведскихъ городовъ и должна возвратить ихъ. Имъ отвѣтствовали, что Швеція не Литва; что родственная связь Королей не уважается въ Политикѣ, и что мы взяли свое, казнивъ неправду и вѣроломство. О вѣчномъ мирѣ говорили долго: Сигизмундъ какъ бы изъ великодушія отказывался отъ Новагорода, Пскова, Сѣверскихъ городовъ и проч., но безъ Смоленска не хотѣлъ мириться. Бояре же Московскіе твердили: «не дадимъ вамъ ни деревни Смоленскаго Уѣзда.» Съ обѣихъ сторонъ около двухъ мѣсяцевъ велерѣчили о выгодахъ тѣснаго Христіанскаго союза всѣхъ Державъ Европейскихъ. Бояре съ живостію представляли Вельможамъ Литовскимъ, что Король безъ сомнѣнія весьма неискренно желаетъ сего союза, испрашивая въ тоже время (какъ было намъ извѣстно) милость у Султана; что Сигизмунда ожидаетъ Баторіева участь, стыдъ, уничиженіе безполезное предъ надменностію Оттомановъ; что Баторій думалъ угодить Амурату злодѣйскимъ убіеніемъ славнѣйшаго изъ всѣхъ рыцарей Литовскихъ, *Подковы* (193), и не угодилъ: ибо до смерти трепеталъ гнѣвнаго Султана и платилъ ему дань раб-

скую; что одна Россія, въ чувствѣ своего величія отвергнувъ ложную дружбу невѣрныхъ, есть надежный щитъ Христіанства; что Ханъ, столь ужасный для Сигизмундовой Державы, не смѣетъ ни дѣломъ, ни словомъ оскорбить Ѳеодора, коему болѣе двухъ сотъ Крымскихъ Князей и Мурзъ служатъ въ войскѣ. Хотя Послы уже не оказывали спѣси и грубости, какъ бывало въ Стефаново время, однакожь не принимали нашего снисходительнаго условія: «владѣть обѣимъ Державамъ, чѣмъ владѣютъ.» Истощивъ всѣ убѣжденія, Царь (1 Генваря 1591) призвалъ на совѣтъ Духовенство, Бояръ, сановниковъ, и рѣшился единственно подтвердить заключенное въ Варшавѣ перемиріе впредь еще на двѣнадцать лѣтъ, съ новымъ условіемъ, чтобы ни Шведы насъ, ни мы Шведовъ не воевали въ теченіе года ([191]). Ѳеодоръ, исполняя древній обычай, далъ присягу въ соблюденіи договора, и послалъ Окольничаго Салтыкова-Морозова взять такую же съ Сигизмунда.

Новое Перемиріе съ Литвою.

Россія наслаждалась миромъ, коего не было только въ душѣ Правителя!... Устранимъ дѣла внѣшней Политики, чтобы говорить о любопытныхъ, важныхъ происшествіяхъ внутреннихъ.

Въ сіе время Борисъ Годуновъ въ глазахъ Россіи и всѣхъ Державъ, сносящихся

Величіе Годунова. съ Москвою, стоялъ на вышней степени величія, какъ полный властелинъ Царства, не видя вокругъ себя ничего, кромѣ слугъ безмолвныхъ ([195]) или громко-славословящихъ его высокія достоинства; не только во дворцѣ Кремлевскомъ, въ ближнихъ и въ дальнихъ краяхъ Россіи, но и внѣ ея, предъ Государями и Министрами иноземными, знатные сановники Царскіе такъ изъяснялись по своему наказу ([196]): «Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ есть начальникъ земли; она вся приказана ему отъ «Самодержца, и такъ нынѣ устроена, что «люди дивятся и радуются. Цвѣтетъ и «воинство и купечество и народъ. Грады «украшаются каменными зданіями безъ на-«логовъ, безъ работы невольной, отъ Цар-«скихъ избытковъ, съ богатою платою за «трудъ и художество. Земледѣльцы живутъ «во льготѣ, не зная даней. Вездѣ правосу-«діе свято: сильный не обидитъ слабаго; «бѣдный сирота идетъ смѣло къ Борису «Ѳедоровичу жаловаться на его брата или «племянника, и сей истинный Вельможа «обвиняетъ своихъ ближнихъ, даже безъ «суда, ибо пристрастенъ къ беззащитнымъ «и слабымъ!» — Нескромно хваляся властію и добродѣтелію, Борисъ, равно славолюбивый и хитрый, примыслилъ еще дать новый блескъ своему господству важною церковною новостію.

Имя Патріарховъ означало въ древнѣйшія времена Христіанства единственно смиренныхъ наставниковъ Вѣры, но съ четвертаго вѣка сдѣлалось пышнымъ, громкимъ титломъ главныхъ Пастырей Церкви въ трехъ частяхъ міра, или въ трехъ знаменитѣйшихъ городахъ тогдашней всемірной Имперіи: въ Римѣ, въ Александріи и въ Антіохіи. Мѣсто священныхъ воспоминаній, Іерусалимъ, и Константинополь, столица торжествующаго Христіанства, были также признаны особенными, Великими Патріархіями. Сей чести не искала Россія, отъ временъ Св. Владиміра до Ѳеодоровыхъ. Византія державная, гордая, не согласилась бы на равенство своей Іерархіи съ Кіевскою или съ Московскою: Византія раба Оттомановъ не отказала бы въ томъ Іоанну III, сыну и внуку его; но они молчали, изъ уваженія ли къ первобытному уставу нашей Церкви, или опасаясь великимъ именемъ усилить духовную власть, ко вреду Монаршей. Борисъ мыслилъ иначе: свергнувъ Митрополита Діонисія за козни и дерзость, онъ не усомнился возвысить смиреннаго Іова, ему преданнаго, ибо хотѣлъ его важнаго содѣйствія въ своихъ важныхъ намѣреніяхъ. Еще въ 1586 году пріѣзжалъ въ Москву за милостынею Антіохійскій Патріархъ Іоакимъ, коему Царь изъявилъ желаніе учредить Патріар-

Учрежденіе Патріаршества въ Россіи.

хію въ Россіи (197): Іоакимъ далъ слово предложить о томъ Собору Греческой Церкви, и предложилъ съ усердіемъ, славя чистоту нашей Вѣры. Въ Іюлѣ 1588 года, къ великому удовольствію Θеодора, явился въ Москвѣ и Патріархъ Константинопольскій, Іеремія. Вся столица была въ движеніи, когда сей главный Святитель Христіанскій (ибо престолъ Византійскаго Архіерейства уже давно считался первымъ), старецъ знаменитый несчастіемъ и добродѣтелію, съ любопытствомъ взирая на ея многолюдство и красоту церквей, благословляя народъ и душевно умиляясь его радостнымъ привѣтствіемъ, ѣхалъ на осляти къ Царю по стогнамъ Московскимъ; за нимъ ѣхали на коняхъ Митрополитъ Монемвасійскій (или Мальвазійскій) Іероθей и Архіепископъ Элассонскій Арсеній (198). Когда они вошли въ Златую палату, Θеодоръ всталъ, чтобы встрѣтить Іеремію въ нѣсколькихъ шагахъ отъ трона; посадилъ близъ себя; съ любовію принялъ дары его: икону съ памятниками Страстей Господнихъ, съ каплями Христовой крови, съ мощами Св. Царя Константина — и велѣлъ Борису Годунову бесѣдовать съ нимъ наединѣ. Патріарха отвели въ другую комнату, гдѣ онъ разсказалъ Борису свою исторію. Лѣтъ десять управлявъ Церковію, Іеремія, обнесенный какимъ-то злымъ Грекомъ, былъ сосланъ въ Родосъ, и Султанъ, вопреки торжественному обѣту Магомета II не мѣшаться въ дѣла Христіанской духовной власти, беззаконно далъ Патріарше-

ство Ѳеолипту. Чрезъ пять лѣтъ возвратили изгнаннику санъ Іерарха; но въ древнемъ храмѣ Византійскихъ Первосвятителей уже славили Аллу и Магомета: сія церковь сдѣлалась мечетію ([199]). «Обливаясь слезами» (говорилъ Іеремія) «я вымолилъ у жестокаго Амурата дозволеніе ѣхать въ земли Христіанскія для собранія «милостыни, чтобы посвятить новый храмъ «истинному Богу въ древней столицѣ Православія: гдѣ же, кромѣ Россіи, могъ я найти усердіе, жалость и щедрость?» Далѣе, бесѣдуя съ Годуновымъ, онъ похвалилъ мысль Ѳеодорову имѣть Патріарха Россійскаго; а лукавый Годуновъ предложилъ сіе достоинство самому Іереміи, съ условіемъ жить въ Владимірѣ. Іеремія соглашался, но хотѣлъ жить тамъ, гдѣ Царь, то есть въ Москвѣ ([200]): чего не хотѣлъ Годуновъ, доказывая, что несправедливо удалить Іова, мужа святаго, отъ Московскаго храма Богоматери; что Іеремія, не зная ни языка, ни обычаевъ Россіи, не можетъ быть въ духовныхъ дѣлахъ наставникомъ Вѣнценосца безъ толмача, коему непристойно читать во глубинѣ души Государевой. «Да исполнится же воля Царская!» отвѣтствовалъ Патріархъ: «Уполномоченный нашею «Церковію, благословлю и поставлю, кого изберетъ Ѳеодоръ, вдохновенный Богомъ.» Въ выборѣ не было сомнѣнія; но, для обряда, Святители Россійскіе назначили трехъ кандидатовъ: Митрополита Іова, Архіепископа Новогородскаго Александра, Варлаама Ростовскаго, и под-

несли докладъ Царю, который избралъ Іова ([201]). 23 Генваря (1589), послѣ Вечерни, сей *наименованный* Первосвятитель, въ эпитрахили, въ омоѳорѣ и въ ризѣ, пѣлъ молебенъ въ храмѣ Успенія, со всѣми Епископами, въ присутствіи Царя и безчисленнаго множества людей; вышелъ изъ Олтаря и сталъ на амвонѣ, держа въ рукѣ свѣчу, а въ другой письмо благодарственное къ Государю и къ Духовенству ([202]). Тутъ одинъ изъ знатныхъ сановниковъ приближился къ нему, держа въ рукѣ также пылающую свѣчу, и сказалъ громко: «Православный Царь, Вселенскій «Патріархъ и Соборъ Освященный возвышаютъ «тебя на престолъ Владимірскій, Московскій и «всея Россіи.» Іовъ отвѣтствовалъ: «Я рабъ «грѣшный; но если Самодержецъ, *Вселенскій* «*Господинъ* Іеремія и Соборъ удостоиваютъ меня «столь великаго сана, то пріемлю его съ благо«дареніемъ;» смиренно преклонилъ главу, обратился къ Духовенству, къ народу, и съ умиленіемъ произнесъ обѣтъ ревностно блюсти ввѣренное ему отъ Бога стадо. Симъ исполнился *уставъ избранія;* торжественное же *посвященіе* совершилось 26 Генваря, на Литургіи, какъ обыкновенно ставили Митрополитовъ и Епископовъ, безъ всякихъ новыхъ обрядовъ ([203]). Среди *Великой* или Соборной церкви, на помостѣ, былъ изображенъ *мѣломъ* орелъ двоеглавый и сдѣланъ *ѳеатронъ о дѣвнадцати степеняхъ и дѣвнадцати огненникахъ* ([204]): тамъ старѣйшій Пастырь Восточнаго Православія, благословивъ

Іова какъ сопрестольника великихъ Отцевъ Христіанства, и возложивъ на него дрожащую руку, молился, да будетъ сей Архіерей Іисусовъ неугасаемымъ свѣтильникомъ Вѣры. Имѣя на главѣ митру съ крестомъ и съ короною ([205]), новопоставленный Московскій Патріархъ священнодѣйствовалъ вмѣстѣ съ Византійскимъ; и когда, отпѣвъ Литургію, разоблачился, Государь собственною рукою возложилъ на него драгоцѣнный крестъ съ животворящимъ древомъ, бархатную зеленую мантію съ источниками или полосами, низанными жемчугомъ, и бѣлый клобукъ съ знаменіемъ креста; подалъ ему жезлъ Св. Петра Митрополита, и въ привѣтственной рѣчи велѣлъ именоваться Главою Епископовъ, Отцемъ Отцевъ, Патріархомъ всѣхъ земель сѣверныхъ, по милости Божіей и волѣ Царской, Іовъ благословилъ Ѳеодора и народъ; а лики многолѣтствовали Царю и двумъ Первосвятителямъ, Византійскому и Московскому, которые сидѣли съ нимъ рядомъ на стульяхъ ([206]). Вышедъ изъ церкви, Іовъ, провождаемый двумя Епископами, Боярами, многими чиновниками, ѣздилъ на осляти вокругъ стѣнъ Кремлевскихъ, кропя ихъ Святою водою, осѣняя крестомъ, читая молитвы о цѣлости града ([207]), и вмѣстѣ съ Іеремією, со всѣмъ Духовенствомъ, Синклитомъ, обѣдалъ у Государя.

Чтобы утвердить достоинство и права Россійскаго Священноначалія, написали уставную грамоту ([208]), изъясняя въ ней, что *Ветхій Римъ*

палъ *отъ ереси Аполлинаріевой* (209); что *Новый Римъ*, Константинополь, обладаемъ безбожными племенами Агарянскими; что *третій Римъ* есть Москва; что вмѣсто лжепастыря Западной Церкви, омраченной духомъ суемудрія, первый Вселенскій Святитель есть Патріархъ Константинопольскій, вторый Александрійскій, третій *Московскій и всея Россіи*, четвертый Антіохійскій, пятый Іерусалимскій (210); что въ Россіи должно молиться о Греческихъ, а въ Греціи о нашемъ, который впредь, до скончанія вѣка, будетъ избираемъ и посвящаемъ въ Москвѣ независимо отъ ихъ согласія или одобренія. Къ наружнымъ отличіямъ сего Архипастыря нашей Церкви прибавили слѣдующія: «Выходъ его долженъ быть всегда съ лампадою, съ пѣніемъ и звономъ; для облаченія имѣть ему амвонъ о трехъ степеняхъ; въ будни носить клобукъ съ Серафимами и крестами обнизными, мантіи объяринныя и всякія иныя съ полосами; ходить въ пути съ крестомъ и жезломъ; ѣздить на шести коняхъ (211).» Тогда же Государь съ двумя Патріархами соборно уложилъ быть въ Россіи *четыремъ Митрополитамъ*: Новогородскому, Казанскому, Ростовскому и Крутицкому (212); *шести Архіепископамъ*: Вологодскому, Суздальскому, Нижегородскому, Смоленскому, Рязанскому, Тверскому — *и осьми Епископамъ*: Псковскому, Ржевскому, Устюжскому, Бѣлоозерскому, Коломенскому, Сѣверскому, Дмитровскому.

Участвуя болѣе именемъ, нежели дѣломъ, въ

сихъ церковныхъ распоряженіяхъ, Іеремія, Митрополитъ Моневмасійскій и Архіепископъ Элассонскій ѣздили между тѣмъ въ Лавру Сергіеву ([214]), гдѣ, равно какъ и въ Московскихъ храмахъ, удивлялись богатству иконъ, сосудовъ, ризъ служебныхъ; въ столицѣ обѣдали у Патріарха Іова, славя мудрость его бесѣды; славили также высокія достоинства Годунова и рѣдкій умъ старца, Андрея Щелкалова ([215]); всего же болѣе хвалили щедрость Россійскую: ибо ихъ непрестанно дарили, серебряными кубками, ковшами, перлами, шелковыми тканями ([216]), соболями, деньгами. Представленные Царицѣ, они восхитились ея святостію, смиреннымъ величіемъ, Ангельскою красотою, сладостію рѣчей ([217]), равно какъ и наружнымъ великолѣпіемъ. На ней была корона съ двѣнадцатью жемчужными зубцами, діадима и на груди златая цѣпь, украшенныя драгоцѣнными каменьями; одежда бархатная, длинная, обсаженная крупнымъ жемчугомъ, и мантія не менѣе богатая. Подлѣ Царицы стоялъ Царь, а съ другой стороны Борисъ Годуновъ, безъ шапки, смиренно и благоговѣйно; далѣе многія жены знатныя, въ бѣлой одеждѣ, сложивъ руки. Ирина съ умиленіемъ просила Святителей Греческихъ молить Бога, чтобы Онъ даровалъ ей сына, наслѣдника Державѣ — «и всѣ мы, тронутые до глубины «сердца» (говоритъ Архіепископъ Элассонскій въ описаніи своего путешествія въ Москву) «вмѣстѣ съ нею обливаясь слезами, единогласно

«воззвали ко Всевышнему, да исполнится чи-
«стое, столь усердное моленіе сей души благо-
«честивой!» — Наконецъ Государь (въ Маіѣ 1589) отпустилъ Іеремію въ Константинополь, съ письмомъ къ Султану, убѣждая его не тѣснить Христіанъ (218), и сверхъ даровъ послалъ туда 1000 рублей, или 2000 золотыхъ монетъ Венгерскихъ, на строеніе новой Патріаршей церкви, къ живѣйшей признательности всего Греческаго Духовенства, которое, Соборною грамотою одобривъ учрежденіе Московской Патріархіи (219), доставило Ѳеодору сію хартію (въ Іюнѣ 1591) чрезъ Митрополита Терновскаго, вмѣстѣ съ мощами Святыхъ и съ двумя коронами, для Царя и Царицы (220).

Такимъ образомъ уставилась новая верховная степень въ нашей Іерархіи, чрезъ 110 лѣтъ ниспроверженная Самодержцемъ великимъ, какъ безполезная для Церкви и вредная для единовластія Государей, хотя разумный учредитель ея не далъ тѣмъ Духовенству никакой новой государственной силы, и перемѣнивъ имя, оставилъ Іерарха въ полной зависимости отъ Вѣнценосца. Петръ I зналъ исторію Никона, и *раздѣлилъ*, чтобы ослабить, власть духовную; онъ уничтожилъ бы и санъ Митрополита, если бы въ его время, какъ въ Іоанново или въ древнѣйшія, *одинъ* Митрополитъ управлялъ Россійскою Церковію. Петръ царствовалъ, и хотѣлъ только слугъ: Годуновъ, еще называясь подданнымъ, искалъ опоры: ибо предвидѣлъ обстоятельства,

въ коихъ дружба Царицы не могла быть достаточна для его властолюбія и — спасенія; обуздывалъ Бояръ, но читалъ въ ихъ сердцѣ злую зависть, ненависть справедливую къ убійцѣ Шуйскихъ; имѣлъ друзей: но они имъ держались, и съ нимъ бы пали, или измѣнили бы ему въ превратности рока; благотворилъ народу, но худо вѣрилъ его благодарности въ невольномъ чувствѣ своихъ внутреннихъ недобродѣтельныхъ побужденій къ добру, и зналъ, что сей народъ въ случаѣ важномъ обратитъ взоръ недоумѣнія на Бояръ и Духовенство. Годуновъ на мѣстѣ Петра Великаго могъ бы также уничтожить санъ Патріарха; но, будучи въ иныхъ обстоятельствахъ, хотѣлъ польстить честолюбію Іова титломъ высокимъ, чтобы имѣть въ немъ тѣмъ усерднѣйшаго и знаменитѣйшаго пособника: ибо наступалъ часъ рѣшительный, и самовластный Вельможа дерзнулъ наконецъ приподнять для себя завѣсу будущаго!

Если бы Годуновъ и не хотѣлъ ничего болѣе, имѣя все, кромѣ Ѳеодоровой короны, то и въ семъ предположеніи могъ ли бы онъ спокойно наслаждаться величіемъ, помышляя о близкой кончинѣ Царя, слабаго не только духомъ, но и тѣломъ — о законномъ его наслѣдникѣ, воспитываемомъ матерію и родными въ явной, хотя и въ честной ссылкѣ, въ ненависти къ Правителю, г. 1591. Замыселъ Годунова.

въ чувствахъ злобы и мести? Что ожидало въ такомъ случаѣ Ирину? монастырь: Годунова? темница или плаха — того, кто мановеніемъ двигалъ Царство, ласкаемый Царями Востока и Запада!... Уже дѣла обнаружили душу Борисову: въ ямахъ, на лобномъ мѣстѣ изгибли несчастные, коихъ опасался Правитель: кто же былъ для него опаснѣе Димитрія?

Но Годуновъ еще томился душевнымъ гладомъ, и желалъ, чего не имѣлъ. Надменный своими достоинствами и заслугами, славою и лестію; упоенный счастіемъ и могуществомъ, волшебнымъ для души самой благородной; кружась на высотѣ, куда не восходилъ дотолѣ ни одинъ изъ подданныхъ въ Россійской Державѣ, Борисъ смотрѣлъ еще выше, и съ дерзкимъ вожделѣніемъ: хотя властвовалъ безпрекословно, но не своимъ именемъ; сіялъ только заимствованнымъ свѣтомъ; долженъ былъ въ самой надменности трудить себя личиною смиренія, торжественно унижаться предъ тѣнію Царя и бить ему челомъ вмѣстѣ съ рабами. Престолъ казался Годунову не только святымъ, лучезарнымъ мѣстомъ истинной, самобытной власти, но и райскимъ мѣстомъ успокоенія, до коего стрѣлы вражды и зависти не досягаютъ, и гдѣ смертный пользуется какъ бы Божественными правами. Сія мечта о прелестяхъ верховнаго Державства представлялась Годунову живѣе и живѣе, болѣе и болѣе волнуя въ немъ сердце, такъ, что онъ наконецъ непрестанно занимался

ею. Лѣтописецъ разсказываетъ слѣдующее, любопытное, хотя и сомнительное обстоятельство ([221]): «Имѣя умъ рѣдкій, Борисъ вѣрилъ «однакожь искусству гадателей; призвалъ нѣ-«которыхъ изъ нихъ въ тихій часъ ночи, и «спрашивалъ, что ожидаетъ его въ будущемъ? «Льстивые волхвы или звѣздочеты отвѣтство-«вали: *тебя ожидаетъ вѣнецъ*.... но вдругъ «умолкли, какъ бы испуганные дальнѣйшимъ «предвидѣніемъ. Нетерпѣливый Борисъ велѣлъ «имъ договорить; услышалъ, что ему царство-«вать только семь лѣтъ, и съ живѣйшею радо-«стію обнявъ предсказателей, воскликнулъ: *хо-«тя бы семь дней, но только царствовать!*» Столь нескромно Годуновъ открылъ будто бы внутренность души мнимымъ мудрецамъ суевѣрнаго вѣка! По крайней мѣрѣ онъ уже не таился отъ самого себя; зналъ, чего хотѣлъ! Ожидая смерти бездѣтнаго Царя, располагая волею Царицы, наполнивъ Думу, Дворъ, Приказы родственниками и друзьями, не сомнѣваясь въ преданности великоименитаго Іерарха Церкви, надѣясь также на блескъ своего правленія и замышляя новыя хитрости, чтобы овладѣть сердцемъ или воображеніемъ народа, Борисъ не страшился случая безпримѣрнаго въ нашемъ отечествѣ отъ временъ Рюриковыхъ до Ѳеодоровыхъ: трона упраздненнаго, конца племени Державнаго, мятежа страстей въ выборѣ новой Династіи, и твердо увѣренный, что скипетръ, выпавъ изъ руки послѣдняго Вѣнценосца Мономаховой кро-

ви, будетъ врученъ тому, кто уже давно и славно царствовалъ безъ имени Царскаго, сей алчный властолюбецъ видѣлъ, между собою и престоломъ, одного младенца безоружнаго, какъ алчный левъ видитъ агнца! . . . Гибель Димитріева была неизбѣжна!

Приступая къ исполненію своего ужаснаго намѣренія, Борисъ мыслилъ сперва объявить злосчастнаго Царевича незаконнорожденнымъ, какъ сына шестой или седьмой Іоанновой супруги ([222]): не велѣлъ молиться о немъ и поминать его имени на Литургіи; но разсудивъ, что сіе супружество, хотя и дѣйствительно беззаконное, было однакожь утверждено или терпимо Церковною властію, которая торжественнымъ уничтоженіемъ онаго призналась бы въ своей человѣческой слабости, къ двойному соблазну Христіанъ — что Димитрій, не взирая на то, во мнѣніи людей остался бы Царевичемъ, единственнымъ Ѳеодоровымъ наслѣдникомъ — Годуновъ прибѣгнулъ къ вѣрнѣйшему способу устранить совмѣстника, оправдываясь слухомъ, безъ сомнѣнія его же друзьями распущеннымъ, о мнимой преждевременной наклонности Димитріевой ко злу и къ ихъ жестокости ([223]): въ Москвѣ говорили всенародно (слѣдственно безъ страха оскорбить Царя и Правителя), что сей младенецъ, еще имѣя не болѣе шести или семи лѣтъ отъ роду, есть будто бы совершенное подобіе отца: любитъ муки и кровь; съ веселіемъ смотритъ на убіеніе животныхъ:

даже самъ убиваетъ ихъ. Сею сказкою хотѣли произвести ненависть къ Димитрію въ народѣ; выдумали и другую для сановниковъ знатныхъ: разсказывали, что Царевичь, играя однажды на льду съ другими дѣтьми, велѣлъ сдѣлать изъ снѣгу двадцать человѣческихъ изображеній, назвалъ оныя именами первыхъ мужей государственныхъ, поставилъ рядомъ и началъ рубить саблею: изображенію Бориса Годунова отсѣкъ голову, инымъ руки и ноги, приговаривая: «такъ вамъ будетъ въ мое царствованіе» (224)! Въ противность клеветѣ нелѣпой, многіе утверждали, что юный Царевичь оказываетъ умъ и свойства достойныя отрока Державнаго (225); говорили о томъ съ умиленіемъ и страхомъ, ибо угадывали опасность невиннаго младенца, видѣли цѣль клеветы — и не обманулись: если Годуновъ боролся съ совѣстію, то уже побѣдилъ ее, и приготовивъ легковѣрныхъ людей услышать безъ жалости о злодѣйствѣ, держалъ въ рукѣ ядъ и ножъ для Димитрія; искалъ только, кому отдать ихъ для совершенія убійства!

Довѣренность, откровенность свойственна ли въ такомъ умыслѣ гнусномъ? Но Борисъ, имѣя нужду въ пособникахъ, открылся ближнимъ, изъ коихъ одинъ, Дворецкій Григорій Васильевичь Годуновъ, залился слезами, изъявляя жалость, человѣчество, страхъ Божій: его удалили отъ совѣта. Всѣ другіе думали, что смерть Димитріева необходима для безопасности Прави-

теля и для государственнаго блага. Начали съ яда. Мамка Царевичева, Боярыня Василиса Волохова ([226]), и сынъ ея, Осипъ, продавъ Годунову свою душу, служили ему орудіемъ; но зеліе смертоносное не вредило младенцу, по словамъ Лѣтописца, ни въ явствахъ, ни въ питіи ([227]). Можетъ быть, совѣсть еще дѣйствовала въ исполнителяхъ адской воли: можетъ быть, дрожащая рука бережно сыпала отраву, уменьшая мѣру ея, къ досадѣ нетерпѣливаго Бориса, который рѣшился употребить иныхъ смѣлѣйшихъ злодѣевъ. Выборъ палъ на двухъ чиновниковъ, Владиміра Загряжскаго и Никифора Ченчугова, одолженныхъ милостями Правителя: но оба уклонились отъ сдѣланнаго имъ предложенія: готовые умереть за Бориса, мерзили душегубствомъ; обязались только молчать, и съ сего времени были гонимы ([228]). Тогда усерднѣйшій клевретъ Борисовъ, дядька Царскій, Окольничій Андрей Лупъ-Клешнинъ, представилъ человѣка надежнаго: Дьяка Михайла Битяговскаго, ознаменованнаго на лицѣ печатію звѣрства, такъ, что дикій видъ его ручался за вѣрность во злѣ. Годуновъ высыпалъ золото; обѣщалъ болѣе, и совершенную безопасность; велѣлъ извергу ѣхать въ Угличь, чтобы править тамъ земскими дѣлами и хозяйствомъ вдовствующей Царицы, не спускать глазъ съ обреченной жертвы и не упустить первой минуты благопріятной. Битяговскій далъ и сдержалъ слово.

Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали въ Угличь сынъ его, Данило, и племянникъ Никита Качаловъ, также удостоенные совершенной довѣренности Годунова. Успѣхъ казался легкимъ: съ утра до вечера они могли быть у Царицы, занимаясь ея домашнимъ обиходомъ, надзирая надъ слугами и надъ столомъ; а мамка Димитріева съ сыномъ помогала имъ совѣтомъ и дѣломъ. Но Димитрія хранила нѣжная мать!... Извѣщенная ли нѣкоторыми тайными доброжелателями или своимъ сердцемъ, она удвоила попеченія о миломъ сынѣ; не разставалась съ нимъ ни днемъ, ни ночью; выходила изъ комнаты только въ церковь; питала его изъ собственныхъ рукъ, не ввѣряла ни злой мамкѣ Волоховой, ни усердной кормилицѣ, Иринѣ Ждановой. Прошло не мало времени; наконецъ убійцы, не видя возможности совершить злодѣяніе втайнѣ, дерзнули на явное, въ надеждѣ, что хитрый и сильный Годуновъ найдетъ способъ прикрыть оное для своей чести въ глазахъ рабовъ безмолвныхъ: ибо думали только о людяхъ, не о Богѣ! Насталъ день, ужасный происшествіемъ и слѣдствіями долговременными: 15 Мая, въ Субботу, въ шестомъ часу дня, Царица возвратилась съ сыномъ изъ церкви, и готовилась обѣдать (229); братьевъ ея не было во дворцѣ, слуги носили кушанье.

Убіеніе Царевича Димитрія

Въ сію минуту Боярыня Волохова позвала Димитрія гулять на дворъ: Царица, думая итти съ ними же, въ какомъ-то несчастномъ разсѣяніи остановилась. Кормилица удерживала Царевича, сама не зная, для чего; но мамка силою вывела его изъ горницы въ сѣни и къ нижнему крыльцу, гдѣ явились Осипъ Волоховъ, Данило Битяговскій, Никита Качаловъ. Первый, взявъ Димитрія за руку, сказалъ: «Государь! у тебя новое ожерелье.» Младенецъ, съ улыбкою невинности поднявъ голову, отвѣчалъ: «нѣтъ, старое».... Тутъ блеснулъ надъ нимъ убійственный ножъ; едва коснулся гортани его, и выпалъ изъ рукъ Волохова. Закричавъ отъ ужаса, кормилица обняла своего Державнаго питомца. Волоховъ бѣжалъ; но Данило Битяговскій и Качаловъ вырвали жертву, зарѣзали, и кинулись внизъ съ лѣстницы, въ самое то мгновеніе, когда Царица вышла изъ сѣней на крыльцо.... Девятилѣтній Святый Мученикъ лежалъ окровавленный въ объятіяхъ той, которая воспитала и хотѣла защитить его своею грудью; онъ *трепеталъ какъ голубь*, испуская духъ, и скончался, уже не слыхавъ вопля отчаянной матери.... Кормилица указывала на безбожную мамку, смятенную злодѣйствомъ, и на убійцъ, бѣжавшихъ дворомъ къ воротамъ: не кому было остановить ихъ; но Всевышній Мститель присутствовалъ!

Чрезъ минуту весь городъ представилъ зрѣлище мятежа неизъяснимаго. Пономарь Собор-

ной церкви ([230]) — самъ ли, какъ пишутъ, видѣвъ убійство, или извѣщенный о томъ слугами Царицы — ударилъ въ набатъ, и всѣ улицы наполнились людьми, встревоженными, изумленными; бѣжали на звукъ колокола; смотрѣли дыма, пламени, думая, что горитъ дворецъ; вломились въ его ворота; увидѣли Царевича мертваго на землѣ: подлѣ него лежали мать и кормилица безъ памяти; но имена злодѣевъ были уже произнесены ими. Сіи изверги, невидимымъ Судіею ознаменованные для праведной казни, не успѣли или боялись скрыться, чтобы не обличить тѣмъ своего дѣла; въ замѣшательствѣ, въ изступленіи, устрашенные набатомъ, шумомъ, стремленіемъ народа, вбѣжали въ Избу Розрядную; а тайный вождь ихъ, Михайло Битяговскій, бросился на колокольню, чтобы удержать звонаря: не могъ отбить запертой имъ двери, и безстрашно явился на мѣстѣ злодѣянія: приближился къ трупу убіеннаго; хотѣлъ утишить народное волненіе; дерзнулъ сказать гражданамъ (заблаговременно изготовивъ сію ложь съ Клешнинымъ или съ Борисомъ), что младенецъ умертвилъ самъ себя ножемъ въ падучей болѣзни. «Душегубецъ!» завопили толпы; камни посыпались на злодѣя. Онъ искалъ убѣжища во дворцѣ, съ однимъ изъ клевретовъ своихъ, Даниломъ Третьяковымъ: народъ схватилъ, убилъ ихъ; также и сына Михайлова, и Никиту Качалова, выломивъ дверь Розрядной Избы ([231]). Третій убійца, Осипъ Во-

лоховъ, ушелъ въ домъ Михайла Битяговскаго: его взяли, привели въ церковь Спаса, гдѣ уже стоялъ гробъ Димитріевъ, и тамъ умертвили, въ глазахъ Царицы: умертвили еще слугъ Михайловыхъ, трехъ мѣщанъ уличенныхъ или подозрѣваемыхъ въ согласіи съ убійцами, и *женку юродивую*, которая жила у Битяговскаго и часто ходила во дворецъ; но мамку оставили живую для важныхъ показаній: ибо злодѣи, издыхая, облегчили свою совѣсть, какъ пишутъ (232), искреннимъ признаніемъ; наименовали и главнаго виновника Димитріевой смерти: Бориса Годунова. Вѣроятно, что устрашенная мамка также не запиралась въ адскомъ ковѣ; но судіею преступленія былъ самъ преступникъ!

Беззаконно совершивъ месть, хотя и праведную — отъ ненависти къ злодѣямъ, отъ любви къ Царской крови забывъ гражданскіе уставы — извиняемый чувствомъ усердія, но виновный предъ судилищемъ государственной власти, народъ опомнился, утихъ, и съ безпокойствомъ ждалъ указа изъ Москвы, куда градоначальники послали гонца съ донесеніемъ о бѣдственномъ происшествіи, безъ всякой утайки, надписавъ бумагу на имя Царя. Но Годуновъ бодрствовалъ: вѣрные ему чиновники были разставлены по Углицкой дорогѣ, всѣхъ ѣдущихъ задерживали, спрашивали, осматривали; схватили гонца и привели къ Борису. Желаніе злаго властолюбца исполнилось! . . . Надлежало только затмить истину ложью, если не для совершеннаго удо-

стовѣрепія людей безпристрастныхъ, то по крайней мѣрѣ для вида, для пристойности. Взяли и переписали грамоты Углицкія: сказали въ нихъ, что Царевичь въ судорожномъ припадкѣ закололъ себя ножемъ, отъ небреженія Нагихъ, которые, закрывая вину свою, безстыдно оклеветали Дьяка Битяговскаго и ближнихъ его въ убіеніи Димитрія, взволновали народъ, злодѣйски истерзали невинныхъ. Съ симъ подлогомъ Годуновъ спѣшилъ къ Ѳеодору, лицемѣрно изъявляя скорбь душевную; трепеталъ, смотрѣлъ на небо (233) — и вымолвивъ ужасное слово о смерти Димитріевой, смѣшалъ слезы крокодиловы съ искренними слезами добраго, нѣжнаго брата. Царь, по словамъ лѣтописца, горько плакалъ, долго безмолвствуя; наконецъ сказалъ: «да будетъ воля Божія!» и всему повѣрилъ. Но требовалось чего нибудь болѣе для Россіи: хотѣли оказать усердіе въ изслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ сего несчастія: ни мало не медля, послали для того въ Угличь двухъ знатныхъ сановниковъ государственныхъ — и кого же? Окольничаго Андрея Клешнина, главнаго Борисова пособника въ злодѣйствѣ! Не дивились сему выбору: могли удивиться другому: Боярина Князя Василія Ивановича Шуйскаго, коего старшій братъ, Князь Андрей, погибъ отъ Годунова (234), и который самъ нѣсколько лѣтъ ждалъ отъ него гибели, будучи въ опалѣ. Но хитрый Борисъ уже примирился съ симъ Княземъ честолюбивымъ, легкомысленнымъ, ум-

нымъ безъ правилъ добродѣтели, и съ меньшимъ его братомъ, Димитріемъ, женивъ послѣдняго на своей юной своячинѣ, и давъ ему санъ Боярина. Годуновъ зналъ людей, и не ошибся въ Князѣ Василіи, оказавъ такимъ выборомъ мнимую неустрашимость, мнимое безпристрастіе. — 19 Мая, ввечеру, Князь Шуйскій, Клешнинъ и Дьякъ Вылузгинъ пріѣхали въ Угличь, а съ ними и Крутицкій Митрополитъ, прямо въ церковь Св. Преображенія.

Тамъ еще лежало Димитріево тѣло окровавленное, и на тѣлѣ ножъ убійцъ. Злосчастная мать, родные и всѣ добрые граждане плакали горько ([235]). Шуйскій съ изъявленіемъ чувствительности приступилъ ко гробу, чтобы видѣть лице мертваго, осмотрѣть язву; но Клешнинъ, увидѣвъ сіе Ангельское, мирное лице, кровь и ножъ, затрепеталъ, оцѣпенѣлъ, стоялъ неподвижно, обливаясь слезами; не могъ произнести ни единаго слова ([236]): онъ еще имѣлъ совѣсть! Глубокая язва Димитріева, гортань перерѣзанная рукою сильнаго злодѣя; не собственною, не младенческою, свидѣтельствовала о несомнительномъ убіеніи: для того спѣшили предать землѣ святыя мощи невинности; Митрополитъ отпѣлъ ихъ — и Князь Шуйскій началъ свои допросы ([237]): памятникъ его безсовѣстной лживости, сохраненный временемъ какъ бы въ оправданіе бѣдствій, которыя чрезъ нѣсколько лѣтъ пали на главу, уже вѣнценосную, сего слабаго, если и не безбожнаго человѣкоугод-

ника! Собравъ Духовенство и гражданъ, онъ спросилъ у нихъ: *какимъ образомъ Димитрій, отъ небреженія Нагихъ, закололъ самъ себя* (238)? Единодушно, единогласно — Иноки, Священники, мужи и жены, старцы и юноши — отвѣтствовали: *Царевичь убіенъ своими рабами, Михайломъ Битяговскимъ съ клевретами, по волѣ Бориса Годунова* (239), Шуйскій не слушалъ далѣе; распустилъ ихъ; рѣшился допрашивать тайно, особенно, не міромъ, дѣйствуя угрозами и обѣщаніями; призывалъ, кого хотѣлъ; писалъ, что хотѣлъ — и наконецъ, вмѣстѣ съ Клешнинымъ и Дьякомъ Вылузгинымъ, составилъ слѣдующее донесеніе Царю, основанное будто бы на показаніяхъ городскихъ чиновниковъ, Мамки Волоховой, Жильцовъ или Царевичевыхъ Дѣтей Боярскихъ, Димитріевой кормилицы Ирины, постельницы Марьи Самойловой, двухъ Нагихъ: Григорія и Андрея Александрова, — Царицыныхъ Ключниковъ и Стряпчихъ, нѣкоторыхъ гражданъ и духовныхъ особъ (240): «Димитрій, въ Среду Мая 12, занемогъ падучею «болѣзнію; въ Пятницу ему стало лучше: онъ «ходилъ съ Царицею къ Обѣдни и гулялъ на «дворѣ: въ Субботу, также послѣ Обѣдни, вы«шелъ гулять на дворъ съ мамкою, кормилицею, «постельницею и съ молодыми Жильцами; на«чалъ играть съ ними ножемъ въ *тычку*, и въ «новомъ припадкѣ чернаго недуга проткнулъ «себѣ горло ножемъ, долго бился о землю и «скончался. Имѣя сію болѣзнь и прежде, Дими-

«трій однажды уязвилъ свою мать, а въ другой «разъ объѣлъ руку дочери Андрея Нагаго. Узнавъ о несчастіи сына, Царица прибѣжала и «начала бить мамку, говоря, что его зарѣзали «Волоховъ, Качаловъ, Данило Битяговскій, изъ «коихъ ни одного тутъ не было; но Царица и *пьяный* братъ ея, Михайло Нагой, велѣли умертвить ихъ и Дьяка Битяговскаго безвинно, «единственно за то, что сей усердный Дьякъ не «удовлетворялъ корыстолюбію Нагихъ и не да«валъ имъ денегъ сверхъ указа Государева. «Свѣдавъ, что сановники Царскіе ѣдутъ въ «Угличь, Михайло Нагой велѣлъ принести нѣ«сколько самопаловъ, ножей, желѣзную палицу, «— вымазать оные кровью и положить на тѣла «убитыхъ, въ обличеніе ихъ мнимаго злодѣя«нія.» Сію нелѣпость утвердили своею подписью Воскресенскій Архимандритъ Ѳеодоритъ, два Игумена и Духовникъ Нагихъ (241), отъ робости и малодушія; а свидѣтельство истины, мірское, единогласное, было утаено: записали только отвѣты Михайла Нагаго, какъ бы явнаго клеветника, упрямо стоящаго въ томъ, что Димитрій погибъ отъ руки злодѣевъ.

Шуйскій, возвратясь въ Москву, 2 Іюня представилъ свои допросы Государю; Государь же отослалъ ихъ къ Патріарху и Святителямъ, которые, въ общей думѣ съ Боярами, велѣли читать сей свитокъ знатному Дьяку Василью Щелкалову. Выслушавъ, Митрополитъ Крутицкій, Геласій, всталъ и сказалъ Іову: «объявляю Свя-

«щенному Собору, что злочествующая Царица, «въ день моего отъѣзда изъ Углича, призвала «меня къ себѣ и слезно убѣждала смягчить «гнѣвъ Государевъ на тѣхъ, которые умертвили «Дьяка Битяговскаго и товарищей его; что она «сама видитъ въ семъ дѣлѣ преступленіе, моля «смиренно, да не погубитъ Государь ея бѣдныхъ «родственниковъ» ([242]). Лукавый Геласій — исказивъ, вѣроятно, слова несчастной матери — подалъ Іову новую бумагу отъ имени городоваго Углицкаго Прикащика, который писалъ къ ней, что Димитрій дѣйствительно умеръ въ черномъ недугѣ, а Михайло Нагой *пьяный* велѣлъ народу убить невинныхъ. . . . И Соборъ (воспоминаніе горестное для Церкви!) поднесъ Ѳеодору докладъ такого содержанія: «Да будетъ воля Госу-«дарева! Мы же удостовѣрились несомнительно, «что жизнь Царевичева прекратилась судомъ «Божіимъ: что Михайло Нагой есть виновникъ «кровопролитія ужаснаго, дѣйствовалъ по вну-«шенію личной злобы и совѣтовался съ злыми «*вѣщунами*, съ Андреемъ Мочаловымъ и съ «другими; что граждане Углицкіе вмѣстѣ съ «нимъ достойны казни за свою *измѣну* и безза-«коніе. Но сіе дѣло есть земское: вѣдаетъ оное «Богъ и Государь; въ рукѣ Державнаго опала и «милость. А мы должны единственно молить «Всевышняго о Царѣ и Царицѣ, о тишинѣ и «благоденствіи народа!» Ѳеодоръ велѣлъ Боярамъ рѣшить дѣло и казнить виновныхъ: привезли въ Москву Нагихъ, кормилицу Дими-

тріеву съ мужемъ, и мнимаго вѣщуна Мочалова, въ тяжкихъ оковахъ (243); снова допрашивали, пытали, особенно Михайла Нагаго, и не могли вынудить отъ него лжи о самоубійствѣ Димитрія (244); наконецъ сослали всѣхъ Нагихъ въ отдаленные города и заключили въ темницы; вдовствующую Царицу, неволею постриженную, отвезли въ дикую Пустыню Св. Николая на Выксѣ, (близъ Череповца); тѣла злодѣевъ, Битяговскаго и товарищей его, кинутыя Углицкимъ народомъ въ яму, вынули, отпѣли въ церкви и предали землѣ съ великою честію; а гражданъ тамошнихъ, объявленныхъ убійцами невинныхъ, казнили смертію числомъ около двухъ сотъ; другимъ отрѣзали языки; многихъ заточили; большую часть вывели въ Сибирь и населили ими городъ Пелымъ (245), такъ, что древній, обширный Угличь, гдѣ было, если вѣрить преданію, 150 церквей и не менѣе тридцати тысячь жителей, опустѣлъ навѣки, въ память ужаснаго Борисова гнѣва на смѣлыхъ обличителей его дѣла. Остались развалины, вопія къ Небу о мести!

Карая великодушіе, Годуновъ съ такою же дерзостію наградилъ злодѣяніе, давъ богатыя земли и помѣстья гнусной мамкѣ Волоховой, женѣ и дочерямъ Битяговскаго (246); осыпалъ дарами мужей Думныхъ и всѣхъ знатныхъ сановниковъ (247); ласкалъ ихъ, угощалъ обѣдами роскошными (не могъ успокоить одного Клешнина, въ терзаніяхъ совѣсти умершаго

чрезъ нѣсколько лѣтъ Схимникомъ) . . . Но въ безмолвіи Двора и Церкви слышанъ былъ ропотъ народа, не обманутаго ни слѣдствіемъ Шуйскаго, ни приговоромъ Святителей, ни судомъ Боярскимъ: лазутчики Годунова слышали въ полголоса произносимыя слова *о страшномъ закланіи*, тайномъ его виновникѣ (248), жалостномъ ослѣпленіи Царя, безсовѣстномъ потворствѣ Вельможъ и Духовенства; видѣли въ толпахъ печальныя лица. Борисъ, тревожимый молвою, нашелъ способъ утишить оную, въ великомъ бѣдствіи, которое тогда постигло столицу. На канунѣ Троицы, въ отсутствіе Государя, уѣхавшаго съ Боярами въ Лавру Св. Сергія, запылалъ въ Москвѣ дворъ Колымажный, и въ нѣсколько часовъ сгорѣли улицы Арбатская, Никитская, Тверская, Петровская до Трубы, весь Бѣлый городъ и за нимъ Дворъ Посольскій, слободы Стрѣлецкія, все Занеглинье (249): домы, лавки, церкви и множество людей. Кремль и Китай, гдѣ жило знатное Дворянство, уцѣлѣли; но граждане остались безъ крова, нѣкоторые и безъ имѣнія. Стонъ и вой раздавались среди обширнаго пепелища, и люди толпами бѣжали на Троицкую дорогу встрѣтить Ѳеодора, требовать его милости и помощи: Борисъ не допустилъ ихъ до Царя; явился между ими съ видомъ любви и сожалѣнія,

Пожаръ въ Москвѣ.

всѣхъ выслушалъ, всѣмъ обѣщалъ, и сдѣлалъ обѣщанное: выстроилъ цѣлыя улицы, раздавалъ деньги, льготныя грамоты; оказывалъ щедрость безпримѣрную, такъ, что Москвитяне, утѣшенные, изумленные сими благодѣяніями, начали ревностно славить Годунова. Случайно ли воспользовался онъ несчастіемъ столицы для пріобрѣтенія любви народной, или былъ тайнымъ виновникомъ онаго, какъ утверждаетъ Лѣтописецъ, и какъ думали многіе изъ современниковъ ([250])? Въ самыхъ Розрядныхъ Книгахъ сказано, что Москву жгли тогда злодѣи; но Борисъ хотѣлъ обратить сіе подозрѣніе на своихъ ненавистниковъ: взяли людей Аѳанасія Нагаго и братьевъ его, допрашивали и говорили, что они уличаются въ злодѣйствѣ; однакожь не казнили ихъ, и дѣло осталось неяснымъ для потомства.

Нашествіе Хана и битва подъ Москвою.

Скоро и другой, какъ бы благопріятный для Годунова случай, великою, неожиданною опасностію взволновавъ Москву и всю Россію, отвлекъ мысли народа отъ ужасной Димитріевой смерти: нашествіе варваровъ. Маня Ѳеодора увѣреніями въ дружествѣ, Ханъ Казы-Гирей сносился съ Королемъ Шведскимъ ([251]), требовалъ отъ него золота, обѣщалъ сильнымъ впаденіемъ поколебать Москву, и дѣйствительно къ тому готовился, исполняя приказъ Султана,

врага нашего, и будучи самъ недоволенъ Россіею: во-первыхъ, онъ свѣдалъ, что мы тайно извѣстили Литовскихъ Пановъ о намѣреніи его снова итти на ихъ землю (252) и предлагали имъ общими силами воевать Тавриду о чемъ, вѣроятно, далъ ему знать Король Сигизмундъ; во-вторыхъ, Ѳеодоръ не отпустилъ Царевича Мурата къ Хану, который убѣдилъ сего племянника забыть старое и хотѣлъ сдѣлать Калгою, или главнымъ Вельможею Орды Таврической: Муратъ жилъ въ Астрахани, неизмѣнно усердствовалъ Россіи, обуздывалъ Ногаевъ (253) и, къ искреннему сожалѣнію Ѳеодора, скоропостижно умеръ, *испорченный*, какъ думали, подосланными къ нему изъ Крыма злодѣями (254); но Ханъ утверждалъ, что Россіяне ядомъ отравили Мурата, и клялся отмстить имъ. Третіею виною Казы-Гиреева ополченія на Россію была мысль его Князей, что каждый добрый Ханъ обязанъ, въ исполненіе древняго обычая, хотя однажды видѣть берега Оки для снисканія воинской чести (255): то есть, они желали Русской добычи, и вѣрили бывшему у нихъ Послу Шведскому, что все наше войско занято войною съ Королемъ его. Мы всегда имѣли друзей и лазутчиковъ въ Крыму, чтобы знать не только дѣйствія, но и всѣ замыслы Хановъ; въ сіе время находились тамъ и гонцы Московскіе: слѣдственно Ханъ не могъ утаить отъ насъ своего вооруженія чрезвычайнаго; но умѣлъ обмануть: увѣрилъ бдительнаго Правителя, что идетъ разо-

рять Вильну и Краковъ; назначилъ знатное Посольство въ Москву для заключенія союза съ нами; требовалъ, чтобы и Царь немедленно прислалъ къ нему кого нибудь изъ первыхъ сановниковъ. Между тѣмъ всѣ Улусы были въ сильномъ движеніи; всѣ годные люди садились на коней, отъ стараго до малаго; съ ними соединились и полки Ногайскіе Казыева Улуса, и Султанскіе, изъ Азова, Бѣлагорода, съ огнестрѣльнымъ снарядомъ (256).* Наступала весна, всегда опасная для южной Россіи; а Царская Дума не тревожилась, выславъ въ началѣ Апрѣля знатныхъ Воеводъ къ нашей обыкновенной береговой рати: Князя Мстиславскаго, Ноготкова, Трубецкихъ, Голицына, Ѳедора Хворостинина, въ Серпуховъ, Калугу и въ другія мѣста (257). Еще въ Маѣ разъѣзды наши не встрѣчали ни одного Татарина на берегахъ Донца Сѣверскаго и Боровой: видѣли только слѣды зимняго кочевья и юрты оставленныя. Но 26 Іюня прискакали въ Москву гонцы съ вѣстію, что степь покрылась тучами Ханскими; что не менѣе стапятидесяти тысячь Крымцевъ идетъ къ Тулѣ, обходя крѣпости, нигдѣ не медля, не разсыпаясь для грабежа. Годунову надлежало оказать всю бодрость своего духа и загладить оплошность: въ тотъ же часъ послали указы къ Воеводамъ всѣхъ степныхъ крѣпостей, велѣли имъ спѣшить къ Серпухову, соединиться съ Княземъ Мстиславскимъ, чтобы встрѣтить Хана въ полѣ. Къ несчастію, главное войско наше стояло

тогда въ Новѣгородѣ и Псковѣ, наблюдая Шведовъ; оно не могло приспѣть къ рѣшительной битвѣ: о немъ уже не думали. Объявили Москву въ осадѣ; поручили блюсти дворецъ Государевъ Князю Ивану Михайловичу Глинскому ([238]), Кремль Боярину Князю Дмитрію Ивановичу Шуйскому, Китай Голицыну, Бѣлый городъ Ногтеву-Суздальскому и Мусѣ Туренину. 27 Іюня свѣдали о быстромъ стремленіи непріятеля къ столицѣ, увѣрились въ невозможности соединенія всѣхъ полковъ на берегахъ Оки до прихода Ханскаго, и перемѣнили распоряженіе: велѣли Мстиславскому итти къ Москвѣ, чтобы предъ ея священными стѣнами, въ виду храмовъ и палатъ Кремлевскихъ, въ глазахъ Царя и Царицы, за Вѣру, за отечество сразиться съ невѣрными. Въ ободреніе народу разглашали, что мы, оставляя берега Оки, заманиваемъ непріятеля въ сѣти ([239]) и хотимъ внутри Россіи истребить его совершенно. Въ самомъ дѣлѣ сіе отступленіе прибавляло къ береговому войску еще нѣсколько тысячь лучшихъ ратниковъ Московскихъ, благородную дружину Государеву, знатныхъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ, кромѣ вооруженныхъ гражданъ: давало намъ важный перевѣсъ въ силахъ и выгоду биться подъ стѣнами неодолимыми, подъ громомъ тяжелаго огнестрѣльнаго снаряда, ужаснаго для варваровъ. Надлежало единственно взять мѣры, чтобы Ханъ не ввергнулъ огня и разрушенія въ нѣдра столицы, какъ сдѣлалъ Девлетъ-Гирей

въ 1571 году: для того съ удивительною скоростію укрѣпили предмѣстіе за Москвою рѣкою деревянными стѣнами съ бойницами (260); обратили монастыри въ твердыни: Даниловскій, Новоспасскій, Симоновъ: назначили станъ войску верстахъ въ двухъ отъ города, между Калужскою и Тульскою дорогою; соорудили тамъ дощатый подвижный городокъ на колесахъ и церковь Св. Сергія, гдѣ поставили икону Богоматери, бывшую съ Димитріемъ въ Донской битвѣ; пѣли молебны, обходили всю Москву съ крестами, и съ нетерпѣніемъ ждали Мстиславскаго. 29 Іюня сей Воевода выступилъ изъ Серпухова, оставивъ на Окѣ малочисленную стражу, и ночевалъ на Лопаснѣ, среди высокихъ кургановъ, славныхъ памятниковъ незабвенной побѣды 1572 года (261): шелъ тотъ же непріятель; но Россія уже не имѣла Воротынскаго! 1 Іюля, ввечеру, полки расположились на лугахъ Москвы рѣки, противъ села Коломенскаго, а Воеводы спѣшили къ Государю съ донесеніемъ и для совѣта; возвратились въ слѣдующее утро, и ввели полки въ изготовленный для нихъ станъ, противъ монастыря Даниловскаго. Въ тотъ день самъ Государь пріѣхалъ къ войску, осмотрѣлъ его, *жаловалъ* Воеводъ и всѣхъ людей ратныхъ *милостивыми словами, спрашивалъ ихъ о здравіи*, не оказывая робости, изъявляя надежду на Бога и на своихъ добрыхъ Россіянъ.

Іюля 3 извѣстили Θеодора, что Ханъ пере-

шелъ Оку подъ Тѣшловымъ, почуетъ на Лопаснѣ, идетъ прямо къ Москвѣ; что передовый отрядъ непріятельскій, встрѣтивъ мужественнаго Воеводу, Князя Владиміра Бахтеярова, высланнаго на Пахру съ двумя стами пятидесятью Дѣтьми Боярскими, разбилъ его и гналъ, жестоко уязвленнаго, до селенія Бицъ. Тогда войско наше изготовилось къ сраженію; каждый полкъ занялъ свое мѣсто, не выходя изъ укрѣпленій, и ввечеру пришла къ нимъ вся дружина Царская; явился наконецъ и Борисъ Годуновъ, въ полномъ доспѣхѣ, на ратномъ конѣ, подъ древнимъ знаменемъ Великокняжескимъ: кто былъ душею Царства въ Совѣтѣ, тому надлежало одушевить и воиновъ въ битвѣ за Царство. Ѳеодоръ отдалъ ему всѣхъ Дворянъ своихъ и тѣлохранителей, дотолѣ неразлучныхъ съ особою Монарха; заключился въ уединенной палатѣ съ супругою и съ Духовникомъ для молитвы; не боялся опасности, ибо считалъ за грѣхъ бояться, и сдѣлавъ все, что могъ, для спасенія отечества, съ Ангельскимъ спокойствіемъ предавалъ себя и Державу въ волю Всевышняго. За правителемъ ѣхали и всѣ Бояре, какъ бы за государемъ; но, встрѣченный, привѣтствуемый Воеводами, онъ не взялъ главнаго начальства изъ рукъ знатнѣйшаго или опытнѣйшаго Вождя, Князя Мстиславскаго; удовольствовался вторымъ мѣстомъ въ Большомъ Полку, составивъ для себя воинскую думу изъ шести сановниковъ, въ числѣ коихъ находился и знаменитый из-

гнанникъ, Богданъ Яковлевичь Бѣльскій, властію Годунова уже примиренный съ Дворомъ и съ народомъ, витязь украшенный знаками отличія и славы (262).

Всю ночь стояла рать подъ знаменами; всю ночь бодрствовалъ Годуновъ: ходилъ по рядамъ, укрѣплялъ духъ Воеводъ и воиновъ (263), совѣтовалъ и принималъ совѣты, требовалъ довѣренности и находилъ ее, великимъ умомъ замѣняя недостатокъ въ опытности ратной. Знали о близости непріятеля; слышали вдали шумъ, топотъ коней, и на разсвѣтѣ увидѣли густыя толпы Ханскія. Казы-Гирей шелъ осторожно, сталъ противъ села Коломенскаго, и съ Поклонной горы обозрѣвъ мѣста, велѣлъ своимъ Царевичамъ ударить на войско Московское. Дотолѣ все было тихо; но какъ скоро многочисленная конница непріятельская спустилась съ высоты на равнину, загремѣли всѣ бойницы стана, монастырей, Кремлевскія (264), и сотни отборныя изъ каждаго полку съ отборными Головами, дружины *Литовскія*, Нѣмецкія съ ихъ *Капитанами* выступили изъ укрѣпленія, чтобы встрѣтить Крымцевъ; а Воеводы съ главнымъ войскомъ оставались въ дощатомъ городкѣ и ждали своего часа. Битва началася вдругъ во многихъ мѣстахъ: ибо непріятель, осыпанный пушечными ядрами, раздѣлился, пуская стрѣлы, и въ схваткѣ дѣйствуя саблями лучше нашихъ но мы имѣли выгоду, искусно стрѣляя изъ ручныхъ пищалей, стоя и нападая дружнѣе.

Песчаная равнина покрывалась болѣе Мусульманскими, нежели Христіанскими трупами, въ виду у Хана и Москвитянъ, коими стѣны, башни, колокольни были унизаны, вооруженными и безоружными, исполненными любопытства и ужаса: ибо дѣло шло о Москвѣ: ее губили или спасали побѣдители! Народъ то безмолствовалъ, то вопилъ, слѣдуя душею за всѣми движеніями кровопролитной сѣчи, зрѣлища новаго для нашей древней столицы, которая видала приступы къ стѣнамъ ея, но еще до сего времени не видала полевой битвы на своихъ равнинахъ. Не имѣли нужды въ вѣстникахъ: глазъ управлялъ чувствомъ страха и надежды. Другіе не хотѣли ничего видѣть: смотрѣли только на святыя иконы, орошая теплыми слезами помостъ храмовъ, гдѣ пѣніе Іереевъ заглушалось звукомъ пальбы и куреніе ѳиміама мѣшалось съ дымомъ пороха. Сказаніе едва вѣроятное: въ сію торжественную, роковую годину, когда сильно трепетало сердце и въ столѣтнихъ старцахъ Московскихъ, одинъ человѣкъ наслаждался спокойствіемъ души непоколебимой: тотъ, чье имя вмѣстѣ съ Божіимъ призывалось Россіянами въ сѣчѣ, за кого они умирали предъ стѣнами столицы: самъ Государь! . . . . Утомленный долгою молитвою, Ѳеодоръ мирно отдыхалъ въ часъ полуденный (265); всталъ и равнодушно смотрѣлъ изъ высокаго своего терема на битву. За нимъ стоялъ добрый Бояринъ, Григорій Васильевичь Годуновъ, и плакалъ: Ѳеодоръ обратился къ нему, увидѣлъ

его слезы и сказалъ: «будь спокоенъ! завтра не «будетъ Хана!» Сіе слово, говоритъ Лѣтописецъ, оказалось пророчествомъ.

Сраженіе было не рѣшительно. Съ обѣихъ сторонъ подкрѣпляли ратующихъ; но главныя силы еще не вступали въ дѣло: Мстиславскій, Годуновъ съ Царскими знаменами и лучшею половиною войска не двигались съ мѣста, ожидая Хана, который съ своими надежнѣйшими дружинами занялъ ввечеру село Воробьево (266) и не хотѣлъ сойти съ горы, откуда алчный взоръ его пожиралъ столицу, добычу завидную, но не легкую: ибо земля стонала отъ грома Московскихъ пушекъ и Россіяне бились мужественно на равнинѣ до самой ночи, которая дала наконецъ отдыхъ тому и другому войску. Множество Татаръ легло въ сѣчѣ; множество было ранено: Царевичь Бахты-Гирей, нѣсколько Большихъ Князей и Мурзъ (267); взято въ плѣнъ также немалое число людей знатныхъ. Духъ упалъ въ Ханѣ и въ Вельможахъ Крымскихъ: они совѣтовались, что дѣлать, и болѣе ужасали, нежели ободряли другъ друга разсужденіемъ о слѣдствіяхъ новой, рѣшительной битвы, — слыша пальбу безпрестанную, видя сильное движеніе между нашимъ станомъ и Москвою: ибо Годуновъ, не жалѣя пороху, велѣлъ и ночью стрѣлять изъ пушекъ, для устрашенія непріятеля, и граждане послѣ сѣчи толпами устремились въ станъ, привѣтствовать храбрыхъ, видѣть живыхъ друзей и родственниковъ, узнать о мертвыхъ. Плѣнники

Россійскіе, вѣрные отечеству и въ узахъ, отвѣтствуя на вопросы Хана, говорили ему, что въ Москву пришло свѣжее войско, изъ Новагорода и Пскова; что мы стрѣляемъ въ знакъ радости, не сомнѣваясь въ побѣдѣ, и еще до разсвѣта ударимъ всѣми силами на Крымцевъ (268). Ханъ могъ имъ и не вѣрить; но уже видѣлъ обманъ Короля Шведскаго: видѣлъ, что Россія, не взирая на войну съ Шведами, имѣетъ довольно защитниковъ — и бѣжалъ за часъ до свѣта!

Извѣстивъ о томъ Государя, Воеводы при звукѣ всѣхъ колоколовъ радостной Москвы, со всѣми полками выступили въ слѣдъ за Ханомъ, который бѣжалъ безъ памяти, оставляя на пути имъ въ добычу и лошадей и рухлядь и запасы (269); слышалъ за собою топотъ нашей конницы, и безъ отдыха въ сутки достигъ Оки; на восходѣ солнца увидѣлъ передовую дружину Россіянъ, и кинулся въ рѣку, бросивъ на берегу собственные *возки* Царскіе; утопилъ множество людей своихъ, и бѣжалъ далѣе. Мстиславскій и Годуновъ почевали въ Бицахъ, гоня непріятеля легкими отрядами, которые настигли задніе полки его близъ Тулы, разбили ихъ, взяли 1000 плѣнниковъ съ нѣкоторыми знатнѣйшими Мурзами; топтали, истребляли Крымцевъ въ степяхъ и выгнали изъ нашихъ владѣній, гдѣ Казы-Гирей не успѣлъ злодѣйствовать, и 2 Августа прискакалъ на телегѣ ночью въ Бакчисарай, съ подвязанною, уязвленною рукою; а Крымцевъ возвратилось не болѣе трети, пѣшихъ, голодныхъ,

такъ, что сей Ханскій походъ оказался самымъ несчастнѣйшимъ для Тавриды и самымъ безвреднѣйшимъ для Россіи, гдѣ все осталось въ цѣлости: и города, и деревни, и жители.

Главные Воеводы не ходили далѣе Серпухова. Царь, можетъ быть по совѣту умной Ирины, писалъ къ нимъ, чтобы они гнали и старались истребить непріятеля въ степяхъ; но Князь Мстиславскій отвѣтствовалъ ему, что имъ не возможно достигнуть Хана, и въ сей бумагѣ наименовавъ себя одного, получилъ отъ Өеодора строгій выговоръ за неозначеніе въ ней Борисова *великаго* имени (270), къ коему Дворъ относилъ всю честь побѣды. Однакожь соблюли равенство въ наградахъ: 10 Іюля пріѣхалъ въ Серпуховъ Стольникъ, Иванъ Никитичь Юрьевъ, съ милостивымъ словомъ и съ жалованьемъ Государевымъ: *спросилъ войско о здравіи* и вручилъ Воеводамъ медали: Мстиславскому и Годунову *золотые Португальскіе*, инымъ *корабельники* и червонцы Венгерскіе. Велѣвъ остаться на берегу нѣкоторымъ младшимъ изъ нихъ, Государь звалъ всѣхъ другихъ въ Москву для изъявленія имъ новыхъ милостей: надѣлъ на Бориса съ своего плеча *шубу Русскую* съ золотыми пуговицами въ 1000 рублей (или въ 5000 нынѣшнихъ серебряныхъ), и съ себя же цѣпь драгоцѣнную; пожаловалъ ему златый сосудъ Мамаевскій, славную добычу Куликовской битвы, три города области Важской въ наслѣдственное достояніе, и титло *Слуги*,

знаменитѣйшее Боярскаго, и въ теченіе вѣка носимое только тремя Вельможами: Княземъ Симеономъ Ряполовскимъ, коего отецъ спасъ юнаго Іоанна III отъ Шемякиной злобы; Княземъ Иваномъ Михайловичемъ Воротынскимъ за Ведрошскую побѣду и сыномъ его, безсмертнымъ Княземъ Михайломъ, за разбитіе Крымскихъ Царевичей на Донцѣ и взятіе Казани. Князю Мстиславскому далъ Ѳеодоръ, также съ своего плеча, шубу съ золотыми пуговицами, кубокъ съ золотою чаркою и пригородъ Кашинъ съ уѣздомъ; другихъ Воеводъ, Головъ, Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ жаловалъ шубами, сосудами, вотчинами и помѣстьями, или деньгами, камками, бархатами, атласами, соболями и куницами; Стрѣльцевъ и Козаковъ тафтами, сукнами, деньгами: однимъ словомъ, никто изъ воиновъ не остался безъ награды, и не было конца великолѣпнымъ пирамъ въ Грановитой палатѣ, болѣе въ честь Годунова, нежели въ Царскую: ибо Ѳеодоръ велѣлъ торжественно объявить и въ Россіи и въ чужихъ земляхъ, что Богъ даровалъ ему побѣду *радѣніемъ и промысломъ Борисовымъ*. Такимъ образомъ новый лучь озарилъ главу Правителя, лучь ратной славы, блистательнѣйшей для народа Державы воинственной, которую окружали еще столь многія опасности и непріятели! —

Новыя саны Годунова

На мѣстѣ, гдѣ войско стояло въ укрѣпленіи противъ Хана, заложили каменную церковь Богоматери и монастырь, названный *Донскимъ* отъ имени святой иконы, которая была съ Димитріемъ на Куликовѣ полѣ и съ Годуновымъ въ Московской битвѣ; а на случай новаго приступа варваровъ къ столицѣ защитили всѣ ея посады деревянными стѣнами съ высокими башнями ([271]).

Донскій монастырь.

Но торжество Борисово, пиры Двора и воинства, милости и жалованья Царскія заключились пытками и казнями! Донесли Правителю, что оскорбительная для него молва носится въ городахъ уѣздныхъ, особенно въ Алексинѣ — молва, распущенная его непріятелями, по крайней мѣрѣ нелѣпая: говорили, что будто бы онъ привелъ Хана къ Москвѣ, желая унять вопль Россіи о жалостномъ убіеніи Димитрія ([272]). Народъ — и только одинъ народъ — слушалъ, повторялъ сію клевету. Съ великодушіемъ, съ невинностію Годуновъ могъ бы презрѣть злословіе грубое, разносимое вѣтромъ; но Годуновъ съ совѣстію нечистою закипѣлъ гнѣвомъ: послалъ чиновниковъ въ разныя мѣста; велѣлъ изыскивать, допрашивать, мучить людей бѣдныхъ, которые отъ простоты ума служили эхомъ клеветѣ, и въ страхѣ, въ истязаніяхъ оговаривали безвинныхъ; нѣ-

г. 1592.

Клевета на Правителя и месть его.

которые умерли въ пыткахъ или въ темницахъ; другихъ казнили, инымъ рѣзали языки — и многія мѣста, по словамъ Лѣтописца, опустѣли тогда въ Украйнѣ, въ прибавленіе къ развалинамъ Углича!

Сія жестокость, достойная временъ Іоанновыхъ, казалась Годунову необходимою для его безопасности и чести, чтобы никто не дерзалъ ни говорить, ни мыслить ему противнаго: единственное условіе, коего не должно было нарушать для жизни мирной и счастливой въ Ѳеодорово царствованіе! Грозный только для своихъ порицателей, Годуновъ во всѣхъ иныхъ случаяхъ хотѣлъ блистать милосердіемъ рѣдкимъ. Заслуживалъ ли кто опалу, но могъ извиниться естественною человѣческою слабостію? того миловали и писали въ указѣ: «Государь прощаетъ, изъ уваже«нія къ ходатайству Слуги, Конюшаго «Боярина» ([273]). Даже измѣнникамъ, даже Михайлу Головину, жившему въ Литвѣ ([274]), Борисъ предлагалъ мирное возвращеніе въ отечество, знатнѣйшій санъ и лучшее помѣстье, какъ бы въ возмездіе за гнусную измѣну! Кого же осуждали на казнь, о томъ писали въ указѣ: «такъ «приговорили Бояре, Князь Ѳедоръ Ивано«вичь Мстиславскій съ товарищами;» о Годуновѣ не упоминали. Для пріятелей, угодниковъ, льстецовъ не имѣя ничего

Милосердіе и слава Годунова.

завѣтнаго, кромѣ верховной власти, въ его рукахъ неприкосновенной, онъ ежедневно умножалъ число ихъ, и чѣмъ болѣе заслуживалъ укоризны, тѣмъ болѣе искалъ хвалы, и вездѣ слышалъ оную, искреннюю и лицемѣрную — читалъ и въ книгахъ (275), сочиняемыхъ тогдашними грамотѣями, духовными и мірскими; однимъ словомъ, искусствомъ и силою, страхомъ и благодѣяніями произвелъ вокругъ себя громъ славы, заглушая имъ если не внутренній гласъ совѣсти, то по крайней мѣрѣ гласъ истины въ народѣ.

Но жертвуя одной мысли и Небомъ и самымъ истиннымъ земнымъ счастіемъ: спокойствіемъ, внутреннимъ услажденіемъ добродѣтели, законнымъ величіемъ государственнаго благотворителя, чистою славою въ Исторіи, Годуновъ едва было не лишился вожделѣннаго плода своихъ козней, отъ случая естественнаго, но неожиданнаго: вдругъ разнеслася вѣсть отъ дворца Кремлевскаго до самыхъ крайнихъ предѣловъ Государства — и всѣхъ, кромѣ Бориса, отъ Монарха до земледѣльца, исполнила счастливой надежды — вѣсть, что Ирина беременна! Никогда Россія, по сказанію Лѣтописца, не изъявляла искреннѣйшаго веселія: казалось, что Небо, раздраженное преступленіемъ Годунова, но смягченное тайными слезами добрыхъ ея сыновъ, примирилось съ нею, и на могилѣ Димитріевой насаждаетъ новое Царственное древо, которое

своими вѣтвями обниметъ грядущіе вѣки Россіи. Легко вообразить сіи чувства народа, приверженнаго къ вѣнценосному племени Св. Владиміра: гораздо труднѣе вообразить тогдашнія чувства Борисовы. Гнуснѣйшее изъ убійствъ оставалось тщетнымъ для убійцы: совѣсть терзала его, а надежда затмѣвалась на вѣки или до новаго злодѣйства, еще страшнаго и для злодѣя! Годуновъ долженъ былъ терпѣть общую радость, изъявлять живѣйшее въ ней участіе, обманывать Дворъ и сестру свою! Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ нетерпѣливаго ожиданія, Ирина родила дочь, къ облегченію Борисова сердца; но родители были и тѣмъ счастливы, какъ ни желали имѣть наслѣдника престолу: разрѣшилось неплодіе, и нѣжность ихъ могла увѣнчаться плодомъ новымъ, въ исполненіе общаго желанія. Не только чувствительная мать, но и тихій, хладнокровный Өеодоръ въ восторгѣ благодарилъ Всевышняго за милую дочь [276], названную Өеодосіею (и 14 Іюня окрещенную въ Обители Чудовской); простилъ всѣхъ опальныхъ, самыхъ важныхъ преступниковъ, осужденныхъ на смерть; велѣлъ отворить темницы и выпустить узниковъ; надѣлилъ монастыри богатою милостынею и послалъ множество серебра Духовенству въ Палестину. Народъ так-

Рожденіе и кончина Царевны Өеодосіи.

же радовался; но люди склонные къ подозрѣнію, угадывая сокровенность души Борисовой, за тайну передавали другъ другу сомнѣніе: не могъ ли Годуновъ подмѣнить младенца, если Царица родила сына, и вмѣсто его обманомъ представить Ѳеодосію, взятую имъ у какой нибудь бѣдной родильницы (277)? Послѣ увидимъ дѣйствіе сей мысли, хотя и мало вѣроятной. Съ другой стороны любопытные спрашивали: «Должна ли Ѳеодосія, если не будетъ «у нее братьевъ, наслѣдовать Державу? Случай, «дотолѣ безпримѣрный, не могъ ли служить «примѣромъ для будущаго? Россія никогда не «имѣла женъ вѣценосныхъ по наслѣдію; но «не лучше ли уставить новый законъ, чѣмъ «осиротѣть престолу?» Сіи вопросы затруднительные безпокоили, какъ вѣроятно, и Годунова: они разрѣшились, къ его успокоенію, смертію Ѳеодосіи въ слѣдующемъ году (278). Не смотря на всѣ утѣшенія Вѣры, Ѳеодоръ долго не могъ осушить слезъ своихъ: съ нимъ плакала и столица, погребая юную Царевну въ Дѣвичьемъ монастырѣ Вознесенскомъ, и раздѣляя тоску нѣжной матери, симъ ударомъ навѣки охлажденной къ мірскому счастію. Злорадствуя во глубинѣ души, Годуновъ безъ сомнѣнія умѣлъ притвориться отчаяннымъ (ибо легче показывать лицемѣрную скорбь въ тайномъ удовольствіи, нежели веселіе лицемѣрное въ тайной печали); но снова подозрѣвали сего жестокаго властолюбца: думали, что онъ,

бывъ виновникомъ Евдокіиной смерти, уморилъ и Ѳеодосію (279). Богъ вѣдалъ истину; но обагренный святою кровію Димитріевою не имѣлъ права жаловаться на злословіе и легковѣріе: все служило ему праведною казнію — и самая клевета невѣроятная!

ГЛАВА III.

Продолженіе Θеодорова царствованія.

Г. 1591 — 1598.

Война и миръ съ Швеціею. Переписка съ Литовскими Вельможами. Набѣгъ Крымцевъ. Посольства въ Константинополь. Своевольство Донскихъ Козаковъ. Строеніе городовъ. Миръ съ Ханомъ. Вспоможеніе Императору. Знатный Посолъ Австрійскій. Легатъ Климента VIII въ Москвѣ. Дружество Θеодора съ Шахомъ Аббасомъ. Походъ на Шавкала. Сношеніе съ Даніею и съ Англіею. Законъ объ укрѣпленіи крестьянъ и слугъ. Новая крѣпость въ Смоленскѣ. Зажигальщики. Дворъ Московскій. Ослѣпленіе Царя Симеона. Святители Греческіе въ Москвѣ. Разрушеніе Печерской Обители. Слово Θеодорово Годунову. Кончина Θеодорова Присяга Царицѣ Иринѣ. Постриженіе Ирины. Избраніе Годунова въ Цари.

Г. 1591. Война и миръ съ Швеціею.

Въ дѣлахъ внѣшнихъ Россія могла, какъ и дотолѣ, хвалиться успѣхами и Политикою благоразумною. Въ надеждѣ на содѣйствіе Хана, Іоаннъ, Король Шведскій, отвергнулъ перемиріе, данное ему Θеодоромъ въ удовольствіе Сигизмунду (280), и Генералъ его, Морицъ Грипъ, вступивъ въ

Новогородскую область, сжегъ многія селенія близъ Ямы и Копорья. Воеводы наши, удивленные симъ нечаяннымъ нападеніемъ, послали гонца спросить у него, знаетъ ли онъ о подписанномъ въ Москвѣ договорѣ? *Не знаю*, отвѣтствовалъ Морицъ; шелъ далѣе, и стоялъ уже въ пятидесяти верстахъ отъ Новагорода. Свѣдавъ, что многочисленные Россійскіе полки ожидаютъ его впереди, онъ не захотѣлъ битвы, и возвратился, но почти безъ войска, истребленнаго зимнимъ холодомъ и болѣзнями (281). Лѣтомъ 1591 года, когда Ханъ стремился къ Москвѣ, Шведы снова явились близъ Глова, разбили нашъ отрядъ и взяли въ плѣнъ Воеводу, Князя Владиміра Долгорукаго (282); другія толпы ихъ изъ Каяніи проникли, сквозь пустыни и лѣса, въ сѣверную Россію и взяли Сумскій Острогъ на Бѣломъ морѣ, думая овладѣть и всѣми ея пристанями. Но сія важная мысль, лишить насъ выгодъ морской торговли, требовала усилій невозможныхъ для слабой Швеціи. Царь послалъ туда изъ Москвы двухъ Князей Волконскихъ, Андрея и Григорія, съ дружинами Стрѣльцевъ: первый занялъ монастырь Соловецкій, угрожаемый непріятелемъ; вторый истребилъ Шведовъ въ Сумскомъ Острогѣ и взялъ нѣсколько пушекъ (283). Узнавъ, что Каянскіе разбойники въ самый день Рождества Христова сожгли Кольскую или Печенскую Обитель, злодѣйски умертвивъ 50 Иноковъ и 65 слугъ монастырскихъ, Князь Григорій Волконскій отмстилъ имъ опустошеніемъ Каяніи и возвратился

въ монастырь Соловецкій съ богатою добычею. — Сіи непріятельскія дѣйствія едва было не произвели и разрыва съ Литвою: ибо Сигизмундъ долго не хотѣлъ утвердить заключеннаго въ Москвѣ перемирія безъ обязательства съ нашей стороны не тревожить Швеціи. Пословъ Феодоровыхъ, Салтыкова и Татищева ([284]), выводили изъ терпѣнія остановками на пути въ Варшаву, сердили грубостями, лишали всѣхъ удобностей, самаго нужнаго, такъ, что они исполненные негодованія, предлагали Королевскимъ чиновникамъ, вмѣсто денегъ, 50 сосудовъ серебряныхъ, требуя пищи для своихъ людей голодныхъ. Наконецъ Сигизмундъ, свѣдавъ объ изгнаніи Хана изъ Россіи, утвердилъ договоръ Московскій, но заставивъ нашихъ Пословъ внести въ него новое условіе, чтобы ни Царю, ни Литвѣ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ не мыслить о завоеваніи Нарвы. Цѣлуя крестъ, онъ сказалъ Салтыкову: «мы будемъ въ «мирѣ съ Царемъ до его перваго нападенія «на Швецію, ибо сынъ долженъ вступиться «за отца.» Сія угроза не спасла однакожь Шведскихъ владѣній отъ разоренія.

г. 1592-1596. Зимою 1592 года Царь послалъ знатнѣйшихъ Воеводъ, Князей Мстиславскаго и Трубецкихъ, двухъ Годуновыхъ, Ивана и Степана Васильевичей, Князя Ноготкова и Богдана Яковлевича Бѣльскаго, въ Фин-

ляндію, гдѣ они выжгли селенія и города, взявъ нѣсколько тысячь плѣнниковъ ([285]). Шведы не отважились на битву: сидѣли только въ Выборгѣ и въ Абовѣ, къ коимъ не приступали Россіяне, окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ пепломъ и развалинами. Въ исходѣ Февраля, совершивъ походъ, Воеводы пріѣхали въ Москву, жаловаться другъ на друга: Князь Ѳедоръ Трубецкій винилъ Годуновыхъ, Годуновы Трубецкаго, въ худой ревности къ Царской службѣ. Царь всѣмъ имъ объявилъ немилость за раздоръ, вредный для отечества: не велѣлъ съѣзжать со двора, отъ Вербной Недѣли до Свѣтлаго Воскресенія: ибо Правитель желалъ славиться безпристрастіемъ, сею легкою опалою доказавъ, что не щадитъ и своихъ ближнихъ, когда дѣло идетъ о пользѣ государственной.

Въ самое то время, когда мы безпрепятственно опустошали Финляндію, находился въ Стокгольмѣ Посолъ Хана Крымскаго, Черкашенинъ Антоній, требуя золота отъ Шведовъ за впаденіе Казы-Гиреево въ Россію. «Золото готово для побѣдителя,» отвѣтствовалъ Король Іоаннъ: «Ханъ видѣлъ Москву, но не спасъ нашей земли «отъ меча Россійскаго» ([286]). Видя, что и Сигизмундъ не можетъ быть надежнымъ защитникомъ Швеціи, Іоаннъ въ послѣдніе дни жизни своей искренно хотѣлъ мира съ Россіею, въ Августѣ 1592 года выславъ Маршала Флеминга, Генерала Бое и другихъ сановниковъ на рѣку Плюсу, гдѣ они съ Окольничимъ и Намѣстникомъ Суздаль-

скимъ, Михайломъ Салтыковымъ, въ Генварѣ 1593 года заключили двулѣтнее перемиріе, уже именемъ новаго Вѣнценосца Шведскаго ([287]): 25 Ноября Іоаннъ умеръ, и сынъ его, Сигизмундъ, наслѣдовалъ престолъ Шведскій, соединяя такимъ образомъ подъ своею державою силы двухъ Королевствъ, враждебныхъ для Россіи: чему радовались въ Варшавѣ и въ Стокгольмѣ; чего опасались въ Москвѣ — но не долго. Оказались слѣдствія неожиданныя, болѣе въ пользу, нежели ко вреду Россіи: ибо Сигизмундъ, вмѣсто тѣсной связи, произвелъ взаимную злобу между своими Государствами; раболѣпствуя Вельможамъ Коронпымъ и Литовскимъ ([288]), хотѣлъ самовластвовать въ Швеціи, перемѣнить Вѣру, ввести Латинскую, отдать Эстонію Польшѣ; видѣлъ негодованіе, явное сопротивленіе Шведовъ, и почти бѣжалъ изъ Стокгольма въ Варшаву, оставивъ верховную власть въ рукахъ Сената. Въ сихъ несчастныхъ обстоятельствахъ, въ раздорахъ, въ смятеніи, Швеція не могла думать о войнѣ съ Россіею; искала мира твердаго, вѣчнаго, и въ угожденіе Царю согласилась, чтобы ея Послы, Стенъ-Баперъ, Горнъ, Бое, съѣхались съ Московскими, Княземъ Иваномъ Туренинымъ и Пушкинымъ, въ владѣніи Россійскомъ, у Тявзина, близъ Иваня-города ([289]); однакожь собрала и войско, въ Выборгѣ и въ Нарвѣ, чтобы дать болѣе силы своимъ требованіямъ или отказамъ: Россійское, гораздо многочисленнѣйшее, стояло отъ Нова-

города до Эстонской и Финляндской границы, въ тишинѣ и въ бездѣйствіи, ожидая конца переговоровъ. Съ обѣихъ сторонъ требовали для вида: мы Эстоніи, Шведы Ивангорода, Ямы, Копорья, Орѣшка, Ладоги, Гдова, или денегъ за убытки войны долговременной; но въ самомъ дѣлѣ Швеція хотѣла только мира безъ уступокъ съ ея стороны, а Россія съ пріобрѣтеніемъ Корельской области. Послы съ обѣихъ сторонъ жаловались на упрямство, въ досадѣ снимали шатры и разъѣзжались, чтобы снова съѣхаться. Наконецъ Московскіе одержали верхъ, 18 Мая 1595 года подписавъ слѣдующій договоръ: «1) Быть вѣчному миру между Швеціею «и Россіею; 2) первой спокойно владѣть Нарвою, «Ревелемъ и всѣмъ *Чухонскимъ* или Эстонскимъ «*Княжествомъ*; 3) Россіи не помогать врагамъ «Швеціи, а Швеціи врагамъ Россіи, ни людьми, «ни деньгами; 4) плѣнныхъ освободить безъ оку«па и безъ размѣна; 5) Лапландцамъ Остер«ботнійскимъ и Варангскимъ платить дань Шве«ціи, а восточнымъ (Кольскимъ и сосѣдствен«нымъ съ землею Двинскою) Россіи; 6) Шведамъ «торговать свободно въ Москвѣ, Новѣгородѣ, «Псковѣ и въ иныхъ мѣстахъ: также и Россія«намъ въ Швеціи; 7) въ кораблекрушеніи и во «всякихъ бѣдственныхъ случаяхъ усердно оказы«вать другъ другу взаимную помощь; 8) Пос«ламъ Московскимъ вольно ѣздить чрезъ Швед«скія владѣнія къ Императору, Папѣ, Королю «Испанскому и ко всѣмъ Великимъ Государямъ

«Европейскимъ, или ихъ Посламъ въ Моск-«ву: также и людямъ торговымъ, воин-«скимъ, лекарямъ, художникамъ, ремеслен-«никамъ» (290). Сей миръ обрадовалъ ту и другую Державу, избавивъ Шведовъ отъ войны разорительной и надежно утвердивъ за ними Эстонію съ Нарвою, а Россіи возвративъ древнюю Новогородскую собственность, гдѣ наши братья и церкви тосковали подъ властію чуждыхъ завоевателей. Θеодоръ вмѣстѣ съ Воеводами послалъ въ Кексгольмъ и Святителя, чтобы очистить тамъ Православіе отъ слѣдовъ иновѣрія.

Переписка съ Литовскими Вельможами.

Хотя Стенъ-Банеръ, Горнъ и Бое договаривались съ нами еще именемъ Короля Сигизмунда, но онъ въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ въ томъ участія, и мало заботясь о строптивой Швеціи, въ какой-то душевной сонливости рѣдко сносился съ Москвою и по дѣламъ Литовскимъ (291). Тѣмъ болѣе хитрила наша Дума Государственная, стараясь вселить въ Вельможныхъ Пановъ недовѣренность къ безпечному Королю, и какъ бы съ удивленіемъ давъ имъ замѣтить, что Сигизмундъ въ своемъ титулѣ ставитъ имя Швеціи выше имени Польскаго Королевства, спрашивали: «съ ихъ «ли вѣдома онъ унижаетъ знаменитую Ко-«рону Ягеллоновъ предъ Готскою, столь «новою и ничтожною? ибо Шведы еще не «давно были подданными Даніи, вмѣсто

«Государей имѣя у себя Правителей, которые «сносились только съ Новогородскими Намѣ-«стниками.» Но величавые Паны, еще съ живымъ неудовольствіемъ воспоминая повелительную твердость Баторіеву, любили мягкаго Сигизмунда и хвалились его счастіемъ, одержавъ побѣду надъ Ханомъ Крымскимъ, надѣясь безъ войны взять Эстонію и наслаждаясь временнымъ миромъ съ Россіею, также имъ довольною (292).

Ослабленный несчастнымъ походомъ Московскимъ, Ханъ еще не престалъ, какъ видимъ, усильно дѣйствовать противъ сосѣдственныхъ Державъ Христіанскихъ, чтобы искать добычи, не впасть въ презрѣніе у своихъ хищныхъ Князей и не лишиться власти отъ гнѣва Амуратова: ибо Султанъ осыпалъ его жестокими укоризнами за малодушное бѣгство изъ Россіи, коего стыдъ падалъ и на знамена Оттоманскія (293). Желая усыпить Ѳеодора; Казы-Гирей писалъ къ нему о возобновленіи дружбы между ими; извинялся легковѣріемъ, насказами злыхъ людей, которые хотѣли ихъ ссорить, и гонецъ Крымскій за тайну объявилъ Правителю, что Ханъ, зная мысль Султанову дать иного Властителя Тавридѣ, намѣренъ отстать отъ Турковъ, всею душею соединиться съ Царемъ, всѣ Улусы вывести изъ Полуострова, разорить Крымъ, основать для себя новую Державу и крѣпость на берегахъ Днѣпра, на Кошкинѣ Перевозѣ, и тамъ слу-

жить неодолимою оградою для Россіи, въ угрозу ненавистнымъ Оттоманамъ ([294]), если Θеодоръ доставитъ ему нѣсколько пудъ серебра на строеніе сей крѣпости; что въ удостовѣреніе своего дружества къ намъ и въ задатокъ будущихъ великихъ услугъ, Казы-Гирей идетъ снова опустошать Литву. Ханъ, какъ обыкновенно, обманывалъ; а мы, какъ обыкновенно, и вѣрили ему и не вѣрили: послали гонца въ Тавриду съ отвѣтомъ, что забудемъ всѣ его злодѣйства, если онъ искренно примирится съ нами; что дружба великаго Монарха Христіанскаго и для Мусульманина предпочтительнѣе игу Оттоманскому; что мы хотя и не въ войнѣ съ Литвою ([295]), однакожь *не будемъ досадовать* на Хана за опустошеніе сей враждебной для него земли (коварство, называемое Политикою!). Но чиновникъ

Набѣгъ Крымцевъ.

Московскій, еще не доѣхавъ до Тавриды, свѣдалъ, что сія Царевичи, Калга Фети-Гирей и Нурадинъ-Бахта, уже огнемъ и мечемъ свирѣпствуютъ въ предѣлахъ Рязанскихъ, Каширскихъ, Тульскихъ ([296]), гдѣ, не къ похвалѣ бдительнаго Правителя, все сдѣлалось жертвою ихъ мести или корыстолюбія: защиты не было. Они не думали итти къ Москвѣ: ушли назадъ, но истребивъ селенія и захвативъ въ плѣнъ множество *Дворянъ* съ дѣтьми и женами.

Сія оплошность Россіи стоила злой насмѣшки Хана, сказавшаго съ видомъ удивленія гонцу Ѳеодорову: «Куда дѣлося войско Московское? Царевичи и Князья наши «не вынимали ни сабли изъ ноженъ, ни «стрѣлы изъ колчана, и плетью гнали ты«сячи плѣнниковъ, слыша, что ваши хра«брые Воеводы прячутся въ лѣсахъ и въ «дебряхъ.» Въ знакъ милости надѣвъ на сего чиновника золотой кафтанъ, Ханъ велѣлъ ему увѣрить Ѳеодора, что Царевичи дѣйствовали самовольно, и что отъ насъ зависитъ купить миръ съ Тавридою серебромъ и мѣхами драгоцѣнными!

Упорствуя въ желаніи сего мира, Ѳеодоръ рѣшился тогда возобновить сношенія съ Султаномъ, и послалъ въ Константинополь, чрезъ Кафу, Дворянина Пащокина, требовать, чтобы Амуратъ запретилъ Хану, Азовцамъ и Бѣлогородцамъ (297) воевать Россію, изъ признательности къ нашему истинному дружеству: «ибо мы» — такъ писалъ Царь къ Султану и Годуновъ къ Великому Визирю — «не хотимъ слу«шать Императора, Королей Испанскаго и «Литовскаго, Папы и Шаха, которые убѣ«ждаютъ насъ вмѣстѣ съ ними обнажить «мечь на Главу Мусульманства». Изъявивъ учтивость Посланнику, Визирь сказалъ: «Царь предлагаетъ намъ дружбу: мы повѣ«римъ ей, когда онъ согласится отдать Посольства въ Константинополь.

«Великому Султану Астрахань и Казань. Не «боимся ни Европы, ни Азіи: войско наше столь «безчисленно, что земля не можетъ поднять его; «оно готово устремиться сухимъ путемъ на Ша-«ха, Литву и Цесаря, а моремъ на Королей Ис-«панскаго и Французскаго. Хвалимъ вашу му-«дрость, если вы дѣйствительно не хотѣли при-«стать къ нимъ, и Султанъ не велитъ Хану тре-«вожить Россіи, буде Царь сведетъ съ Дону Ко-«заковъ своихъ и разрушитъ четыре новыя крѣ-«пости, основанныя имъ на берегахъ сей рѣки «и Терека, чтобы преграждать намъ путь къ «Дербенту: или сдѣлайте такъ, или (въ чемъ «клянуся Богомъ) не только велимъ Хану и Но-«гаямъ безпрестанно воевать Россію, но и сами «*пойдемъ на Москву своими головами*, *сухимъ* «*путемъ и моремъ*, не боясь ни трудовъ, ни «опасностей, — не жалѣя ни казны, ни крови. «Вы миролюбивы; но для чего же вступаете въ «тѣсную связь съ Иверіею, подвластною Султа-«ну?» Нащокинъ отвѣтствовалъ, что Астрахань и Казань нераздѣльны съ Москвою; что Царь велитъ выгнать Козаковъ изъ окрестностей До-на, гдѣ нѣтъ у насъ никакихъ крѣпостей; что связь наша съ Грузіею состоитъ въ единовѣріи, и что мы посылаемъ туда не войско, а Священ-никовъ, и дозволяемъ ея жителямъ ѣздить въ Россію для торговли. Нащокинъ предлагалъ Ви-зирю изъясниться съ Царемъ чрезъ Посла Сул-танскаго: Визирь сперва не хотѣлъ того, сказавъ: «у насъ нѣтъ сего обычая; допускаемъ къ себѣ

«Пословъ иноземныхъ, а своихъ не шлемъ;» однакожь согласился наконецъ отправить въ Москву сановника, Чауша Резвана, съ требованіями объявленными Нащокину; а Царь съ отвѣтомъ и съ дарами (съ черною лисьею шубою для Амурата, съ соболями для Визиря) еще послалъ въ Константинополь Дворянина Исленьева (въ Іюлѣ 1594), обѣщая унять Козаковъ и свободно пропускать Турковъ въ Дербентъ, въ Шамаху, въ Баку, если Амуратъ уйметъ Казы-Гирея. «Мы велѣли» (писалъ Ѳеодоръ къ Султану) «основать крѣпости въ землѣ Кабардин-«ской и Шавкалской не въ досаду тебѣ, а для «безопасности жителей. Мы ничего у васъ не «отняли: ибо Князья Горскіе, Черкесскіе и «Шавкалскіе были издревле *нашими подданными* «*Рязанскихъ предѣловъ*, бѣжали въ горы, и тамъ «покорились отцу моему, своему давнишнему, «законному Властителю» (298). Сія *новая исторія* Кабарды и Дагестана не увѣрила Султана, чтобы ихъ Князья были Рязанскими выходцами: онъ видѣлъ стремленіе Московской Политики къ присвоеніямъ на Востокѣ, не могъ ей благопріятствовать, и не думалъ содѣйствовать успокоенію Россіи, то есть, мирить Хана съ нею.

Сіи Константинопольскія Посольства не доставили намъ ничего, кромѣ любопытныхъ свѣдѣній о состояніи Имперіи Оттоманской и Грековъ. «Въ Турціи нынѣ» (доносилъ Нащокинъ) «все измѣнилось: Султанъ и Паши мыслятъ

«единственно о корысти; первый умно-«жаетъ казну, а для чего, неизвѣстно: пря-«четъ золото въ сундукахъ и не даетъ жа-«лованья войску, которое въ ужасномъ «мятежѣ недавно приступало ко дворцу, «требуя головы Дефтердаря или Казначея. «Нѣтъ ни устройства, ни правды въ Госу-«дарствѣ. Султанъ обираетъ чиновниковъ, «чиновники обираютъ народъ; вездѣ гра-«бежъ и смертоубійства; нѣтъ безопасно-«сти для путешественниковъ на дорогахъ, «ни для купцевъ въ торговлѣ. Земля опу-«стѣла отъ войны Персидской и насилія, «особенно Молдавская и Волошская, гдѣ «непрестанно смѣняютъ Господарей отъ «мздоимства. Греки въ страшномъ утѣсне-«ніи: бѣдствуютъ, не имѣя и надежды на «будущее» (299). Нелѣпьевъ былъ задержанъ въ Константинополѣ, гдѣ въ 1595 году во-царился Магометъ III: ибо сей новый Сул-танъ, гнусный душегубецъ девятнадцати братьевъ, ждалъ только благопріятнаго времени, чтобы объявить войну Россіи. Между тѣмъ, въ Царѣградѣ называя Дон-скихъ витязей шайкою разбойниковъ, мы посылали имъ воинскіе снаряды, свинецъ и селитру. Они умножились числомъ, при-нимая къ себѣ Козаковъ Днѣпровскихъ и всякихъ бродягъ, вели непрестанную войну съ Азовомъ, съ Ногаями, съ Черкесами, съ Тавридою, и ватагами ходили на море

искать добычи, слушаясь и не слушаясь указовъ Царскихъ. Нащокинъ изъ Азова писалъ въ Москву, что Козаки Станицъ Низовыхъ силою отняли у него дары Государевы, не хотѣли безъ окупа выдать ему своихъ плѣнниковъ, Султанскаго Чауша съ шестью Князьями Черкесскими, и съ досады одному изъ нихъ отсѣкли руку, вопя на шумной сходкѣ: «мы вѣрны Царю «Бѣлому; но кого беремъ саблею, того не «освобождаемъ даромъ!» Своевольствомъ заслуживая опалу, Козаки заслуживали и милость Государеву, будучи непримиримыми врагами злодѣевъ и зломысленниковъ Россіи.

Своевольство Донскихъ Козаковъ

Не имѣвъ успѣха въ намѣреніи обуздать Хана посредствомъ Турціи, мы наконецъ и безъ ея содѣйствія достигли цѣли своей: обезоружили его, не столько угожденіями и переговорами, сколько благоразумными мѣрами, взятыми для защиты южныхъ областей Россіи. Возобновивъ древній Курскъ, давно запустѣвшій (300) — основавъ крѣпости Ливны, Кромы, Воронежъ — Царь въ концѣ 1593 года велѣлъ строить еще новыя, на всѣхъ *сакмахъ* или путяхъ Татарскихъ отъ рѣки Донца къ берегамъ Оки: Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйку, и населить оныя людьми ратными, Стрѣльцами, Козаками, такъ, что разбойники Ханскіе уже не могли легко обходить грозныхъ

Строеніе городовъ.

для нихъ твердынь, откуда лѣтомъ непрестанно выѣзжали конные отряды для наблюденія и громъ пушечный оглушалъ варваровъ. Царь въ одной рукѣ держалъ мечь, а въ другой золото, и приказывалъ къ Хану: «Папа Римскій, Цесарь, «Короли Испанскій, Португальскій, Датскій и «вся Германія убѣждаютъ меня искоренить твой «Улусъ, между тѣмъ, какъ они всѣми силами «будутъ дѣйствовать противъ Султана. Собствен-«ные Бояре мои, Князья, Воеводы, въ особен-«ности жители Украйны, также бьютъ мнѣ че-«ломъ, чтобы я вспомнилъ всѣ ваши неправды «и злодѣйства, двинулъ войско, и въ самыхъ «нѣдрахъ твоей Орды не оставилъ камня на «камнѣ. Но я, желая дружбы твоей и Султано-«вой, не внимаю ни Посламъ Европейскихъ Го-«сударей, ни воплю моего народа, и предлагаю «тебѣ братство съ богатыми дарами» (301). Непрестанно помыкаемый Амуратомъ изъ земли въ землю, то въ Молдавію и Валахію, то въ Венгрію, чтобы усмирять бунты Оттоманскихъ данниковъ или сражаться съ Австрійцами, изнуряя войско въ походахъ и пріобрѣтая скудную добычу тратою многихъ людей въ битвахъ, Ханъ вымолилъ у Султана дозволеніе обмануть Россію ложнымъ примиреніемъ, торжественнымъ и пышнымъ, какого въ теченіе семидесяти-пяти лѣтъ у насъ не бывало съ Тавридою (302). Въ Ноябрѣ 1593 года съѣхались знатные Послы, Ханскій Ахметъ-Паша и Московскіе, Князь Ѳедоръ Хворостининъ съ Богданомъ Бѣльскимъ,

на берегу Сосны, подъ Ливнами, для предварительнаго договора: сія рѣка была тогда границею обитаемой или населенной Россіи; далѣе, къ Югу, начинались степи, приволье Татарское, и Вельможа Казы-Гиреевъ не хотѣлъ ѣхать на лѣвый берегъ Сосны, боясь отдаться намъ въ руки и тѣмъ унизить достоинство Хана. Послы, сходясь на мосту, условились съ обѣихъ сторонъ прекратить непріятельскія дѣйствія, освободить плѣнниковъ, утвердить миръ и союзъ навѣки: для чего Крымскому Ширинскому Князю, Ишимамету, надлежало ѣхать въ Москву, а Князю Меркурію Щербатову въ Тавриду. Сіи новые, Великіе Послы, встрѣтясь на томъ же мосту, ласково привѣтствовали другъ друга, и каждый отправился въ свой путь. Въ залогъ дружбы Ѳеодоръ отпустилъ къ Хану жену Царевича Мурата, умершаго въ Астрахани; доставилъ Казы-Гирею 10,000 рублей, сверхъ шубъ и тканей драгоцѣнныхъ, обѣщая присылать ежегодно столько же; наконецъ имѣлъ удовольствіе получить отъ него (лѣтомъ въ 1594 году) Шертную или клятвенную грамоту съ златою печатію. Сія грамота условіями и выраженіями напоминала старыя, истинно союзныя, коими добрый, умный Менгли-Гирей удостовѣрялъ Іоанна III въ любви и въ братствѣ. Казы-Гирей обязывался быть

Миръ съ Ханомъ.

врагомъ нашихъ враговъ, безъ милости казнить своихъ Улусниковъ за впаденія въ Россію, возвращать ихъ добычу и плѣнниковъ, оберегать Царскихъ Пословъ и людей торговыхъ, не задерживать иноземцевъ на пути въ Москву, и проч. Хотя съ сего времени Крымцы года три не безпокоили нашихъ владѣній, усильно помогая Султану въ войнѣ Венгерской: но рать Московская всегда стояла на берегахъ Оки, готовая къ бою.

Въ сіе время, совершенно мирное для Россіи, внѣшняя Политика ея не дремала, — и смѣло увѣряя Султана, что мы изъ дружбы къ нему не хотимъ дружиться съ его врагами, Дворъ Московскій искреннѣе прежняго желалъ союза съ ними. Въ Сентябрѣ 1593 года Цесарь вторично прислалъ въ Москву сановника Николая Варкоча, красноречиво доказывать необходимость единодушнаго возстанія Державъ Христіанскихъ на Султана и требовать отъ насъ денежнаго вспоможенія или мѣховъ драгоцѣнныхъ для войны съ невѣрными (303). Въ тайной рѣчи онъ сказалъ Годунову, что Рудольфъ думаетъ жениться на дочери Филиппа, Короля Испанскаго, и присвоить себѣ Францію съ согласія многихъ тамошнихъ Вельможъ, ненавидящихъ Генрика IV; что Сигизмундъ, оскорбляемый самовольствомъ и дерзостію Пановъ, хочетъ сложить съ себя вѣнецъ Ягеллоновъ и возвратиться въ Швецію; что братъ Императора, Максиміліанъ, снова надѣется быть Королемъ Польскимъ и молитъ Ѳео-

дора способствовать ему въ томъ всѣми нашими силами, обязываясь уступить Россіи часть Ливоніи. Именемъ Царскимъ Бояре отвѣтствовали: «Дѣдъ, отецъ Ѳеодоровъ и самъ Ѳеодоръ много-«кратно изъявляли Вѣнскому Двору свою го-«товность вмѣстѣ съ Европою воевать Оттома-«новъ; но мы тщетно ждали Императорскаго, «Испанскаго и Римскаго Посольства въ Москву «для условія: ждемъ и нынѣ. За казну не «стоимъ: лишь бы началося великое дѣло славы «и спасенія Христіанъ. Царь желаетъ во всемъ «успѣха Императору; будетъ ревностно дѣй-«ствовать, чтобы доставить Максимиліану коро-«ну Польскую, и въ такомъ случаѣ уступитъ ему «всю Ливонію, кромѣ Дерпта и Нарвы, необхо-«димыхъ для Россіи.» Варкоча отпустили съ письмами къ Рудольфу, Филиппу, Папѣ, о скорѣйшемъ отправленіи Пословъ въ Москву, и къ Шведскому Принцу Густаву, Эрикову сыну, коему Ѳеодоръ предлагалъ убѣжище сими словами: «Отцы наши были въ дружбѣ и союзѣ: «узнавъ, что ты скитаешься изгнанникомъ въ «земляхъ Италійскихъ, зову тебя въ Россію, гдѣ «будешь имѣть пристойное жалованье, многіе «города въ отчину, жизнь спокойную и свободу «выѣхать, когда и куда тебѣ угодно» (304). Послѣ объяснится, для чего мы призывали Густава.

Между тѣмъ безпечный Рудольфъ, уже воюя съ Султаномъ въ Венгріи, еще не спѣшилъ заключить союза съ Россіею. Въ Августѣ 1594

года явился въ Москвѣ гонецъ его, но съ письмомъ страннымъ (на языкѣ Латинскомъ, за открытою печатью), писаннымъ вмѣстѣ и къ Ѳеодору и къ Молдавскому Господарю Аарону, и къ Бряславскому Воеводѣ Збарежскому и къ Козакамъ Днѣпровскимъ, такого содержанія: «Вручитель сего, Станиславъ Хлопицкій, на-«чальникъ Запорожскаго войска, изъявилъ намъ «добрую волю служить Имперіи противъ невѣр-«наго Султана съ осмью или съ десятью тыся-«чами Козаковъ: мы его охотно приняли и «дали ему свое знамя, Орла Чернаго, съ тѣмъ, «чтобы онъ *залегъ всѣ пути Крымцамъ къ Ду-«наю*, огнемъ и мечемъ опустошая владѣнія «Султанскія, но щадя Литовскія и другія Хри-«стіанскія земли: для чего и молимъ васъ бла-«гопріятствовать сему нашему слугѣ усерд-«ному» (306). Ясно, что надпись къ Ѳеодору была поддѣльная: не могъ Императоръ говорить однимъ языкомъ и съ Царемъ Московскимъ и съ Козаками; на словахъ же, именемъ Рудольфа, Хлопицкій извѣстилъ Бояръ о побѣдахъ его, о союзѣ съ нимъ Князя Седмиградскаго, Господарей Молдавскаго и Волошскаго, увѣряя, что Запорожскіе воины, считая Россію своимъ истиннымъ отечествомъ, не смѣютъ дѣйствовать безъ воли Царя, и молилъ, чтобы Ѳеодоръ, соединивъ съ ними нѣсколько дружинъ Московскихъ, велѣлъ имъ итти на Турковъ подъ знаменами Россіянъ. Хлопицкаго не допустили до Государя, изъяснивъ ему непристойность Цеса-

ревой грамоты; но примолвили: «изъ уваженія «къ Императору Царь отпускаетъ тебя безъ «гнѣва и напишетъ къ Гетману Запорожцевъ, «Богдану Микошинскому, что они могутъ слу- «жить Рудольфу.» Обстоятельство достопамятное: Днѣпровскіе Козаки, будучи подданными Литвы, вопреки ей, раболѣпно угождающей Султану, входятъ въ союзъ съ Императоромъ, чтобы воевать съ Турками, и признаютъ себя въ какой-то зависимости отъ Царя Московскаго! Хотя сей беззаконный союзъ не имѣлъ желаемаго слѣдствія для Австріи; хотя Литовское Правительство наказало самовольство Козаковъ, отнявъ у нихъ пушки, знамена, серебряныя трубы, булаву, данную имъ Стефаномъ Баторіемъ, и Чернаго Орла Императорскаго [306]: но воспоминанія общаго древняго отечества, единовѣріе, утѣсненіе Греческой Церкви въ Литвѣ и месть народная съ того времени уже явно готовили, въ душѣ Днѣпровскихъ витязей, присоединеніе ихъ благословеннаго края къ Державѣ Московской.

Желая чего нибудь рѣшительнаго въ нашихъ долговременныхъ переговорахъ съ Австріею, Ѳеодоръ посылалъ и своего гонца къ Рудольфу [307], чтобы узнать истинную вину его страннаго отлагательства въ дѣлѣ столь важномъ: свѣдалъ, что Николай Варкочь, выѣхавъ изъ Россіи, нашелъ Императора въ Прагѣ, но долго не могъ быть ему представленъ, за обыкновенными недосугами сего празднаго Вѣнценосца;

что Рудольфъ сообщилъ наконецъ Сейму Курфирстовъ благопріятный отвѣтъ Ѳеодоровъ, и что они, высоко цѣня дружбу Россіи, убѣдили его отправить къ намъ новое Посольство. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ (въ Декабрѣ 1594) пріѣхалъ въ Москву тотъ же Варкочь (308), съ увѣдомленіемъ, что Турки болѣе и болѣе усиливаются въ Венгріи: онъ требовалъ немедленнаго вспоможенія казною — и мы удивили Австрійскій Дворъ щедростію, пославъ Императору, на воинскія издержки, 40360 соболей, 20760 куницъ, 120 черныхъ лисицъ, 337235 бѣлокъ и 3000 бобровъ, цѣною на 44 тысячи Московскихъ тогдашнихъ рублей (309), съ Думнымъ Дворяниномъ Вельяминовымъ, коему оказали въ Прагѣ необыкновенную честь: войско стояло въ ружьѣ на всѣхъ улицахъ, гдѣ онъ ѣхалъ ко дворцу въ Императорской каретѣ; не было конца привѣтствіямъ, угощеніямъ, ласкамъ; давали ему обѣдъ за обѣдомъ, и всегда съ музыкою, хотя сей чиновникъ не искалъ веселія говоря: «православный «Царь оплакиваетъ кончину своей милой «дочери; а съ нимъ плачетъ и вся Россія.» Въ двадцати комнатахъ дворца разложивъ дары Ѳеодоровы, предъ глазами Императора и Вельможъ его, онъ удовлетворилъ ихъ любопытству описаніемъ Сибири, богатой мѣхами, но не хотѣлъ сказать, чего

Вспоможеніе Императору.

стоила сія присылка Государева ([310]), оцѣненная Богемскими Евреями и купцами въ восемь бочекъ золота. Вельяминовъ объявилъ Министерству Австрійскому, что вспоможеніе столь значительное доказываетъ всю искренность Өеодорова дружества, не взирая на удивительную медленность Императора и союзниковъ его въ заключеніи торжественнаго договора съ нами. Дѣйствительно трудно понять, для чего Вѣнскій Дворъ какъ бы уклонялся отъ сего договора, болѣе для насъ, нежели для Австріи опаснаго или затруднительнаго: ибо онъ велъ мирную Россію къ войнѣ съ Султаномъ, который уже воевалъ Австрію! Отвѣтствуя Царю, что дальность мѣстъ, вражда Испаніи съ Англіею и Франціею, мятежъ Нидерландскій, дряхлость Короля Филиппа и новость Папы (Климента VIII) мѣшаютъ общему союзу Державъ Христіанскихъ противъ Оттомановъ ([311]), Императоръ послалъ однакожь къ Өеодору, для изъявленія благодарности, знатнаго Вельможу, Авраама Бургграфа *Донавскаго* ([312]), съ Думнымъ совѣтникомъ, Юріемъ Калемъ, съ двадцатью Дворянами и съ девяносто-двумя слугами. Знатный Посолъ Рудольфовъ.

Сіе Посольство удовлетворяло единственно честолюбію Двора Московскаго своею пышностію и требовало съ его стороны такой же. Вельможа Австрійскій г. 1592-1597.

ѣхалъ изъ Ливоніи чрезъ Псковъ, видя во всѣхъ городахъ ([313]), на всѣхъ станахъ, множество людей, чисто одѣтыхъ и собранныхъ, по указу Царскому, изъ самыхъ дальнихъ мѣстъ, чтобы явить ему, сколь населена и богата Россія. Отъ границы до Москвы вездѣ встрѣчали и провожали его отряды воиновъ, на прекрасныхъ коняхъ; вездѣ находилъ онъ для себя покой съ роскошью, не имѣя только свободы: ибо за нимъ наблюдали неусыпно, чтобы скрыть отъ него истины, прискорбныя для самолюбія Россіянъ. Въ столицѣ везли сего знаменитаго гостя лучшими улицами, мимо лучшихъ зданій; отвели ему красивый домъ Князя Ноздроватаго; дали услугу Царскую; приносили на золотѣ и серебрѣ, всѣ лакомства стола Русскаго, вмѣстѣ съ драгоцѣннѣйшими винами южной Европы ([314]). Въ день представленія (22 Мая 1597) Дворъ Московскій сіялъ великолѣпіемъ чрезвычайнымъ. Бургграфъ, имѣя подагру, ѣхалъ въ Кремль не верхомъ, а въ открытомъ Нѣмецкомъ *возкѣ* ([315]); предъ нимъ 120 всадниковъ, Дворянъ и Сотниковъ, въ блестящихъ доспѣхахъ. Ѳеодоръ принималъ его въ Большой Грановитой, *расписной* палатѣ, сидя на тронѣ, въ діадимѣ и съ скиптромъ: Годуновъ стоялъ подлѣ, съ державою. На правой лавкѣ сидѣли Царевичь Араславъ-Алей, сынъ Кайбулинъ, Маметкулъ Сибирскій и Князь Ѳедоръ Мстиславскій; на лѣвой Уразъ-Магметъ, Царевичь Киргизскій; далѣе Бояре сыновья Господарей Молдавскаго и Волошскаго,

Князья Служилые. Окольничіе, Крайчій, Оружничій (Бѣльскій), Дворяне Думные, Постельничій, Стряпчій, 13 Стольниковъ, 200 Князей и Дворянъ; Дьяки же Думные въ *Золотой* Грановитой палатѣ. Императоръ прислалъ въ даръ Царю мощи Св. Николая, окованныя золотомъ, двѣ кареты, 12 санниковъ, боевые часы съ органами, нѣсколько сосудовъ хрустальныхъ; Годунову кубокъ драгоцѣнный съ изумрудами, часы *стоячіе* и двухъ жеребцовъ съ бархатными попонами; а юному сыну его, Ѳеодору Борисовичу, обезьянъ и попугаевъ (316); благодарилъ, равно ласково, и Царя и Правителя, который, чрезъ нѣсколько дней дозволивъ Послу быть особенно у себя въ домѣ, съ величіемъ Монарха *говорилъ* ему *слова милостивыя* (317), а Дворянамъ его давалъ цѣловать свою руку.

Но пышность и ласки не произвели ничего важнаго. Когда Австрійскій Вельможа, приступивъ къ главному дѣлу, объявилъ, что Рудольфъ еще ждетъ отъ насъ услугъ дальнѣйшихъ; что мы должны препятствовать впаденіямъ Хана въ Венгрію и миру Шаха съ Султаномъ; должны и впредь помогать казною Императору, въ срочное время, въ опредѣленномъ количествѣ, золотомъ или серебромъ, а не мѣхами, коихъ онъ не можетъ выгодно продавать въ Европѣ: тогда Бояре сказали рѣшительно, что Ѳеодоръ безъ взаимнаго, письменнаго обязательства Австріи не намѣренъ расточать для нее сокровищъ Россіи; что Посланникъ Государевъ, Исленьевъ, останов-

ленъ въ Константинополѣ за наше вспоможеніе Рудольфу казною; что мы всегда обуздываемъ Хана, и давно бы утвердили союзъ Христіанской Европы съ Персіею, если бы Императоръ не манилъ насъ пустыми обѣщаніями (318). — Вмѣстѣ съ симъ Посломъ былъ у насъ и гонецъ отъ Максимиліана, хотѣвшаго, чтобы Ѳеодоръ помогъ ему деньгами въ исканіи короны Польской: Максимиліану желали короны, но отказали въ деньгахъ — и Бургграфъ (въ Іюлѣ мѣсяцѣ) выѣхалъ изъ Москвы съ одною честію и съ дарами богатыми (319).

Легатъ Папскій въ Москвѣ.

Всего удивительнѣе, что Рудольфъ въ своей медленности извинялся *новостію* Папы, Климента VIII, а сей Папа тогда же присылалъ къ Ѳеодору, чрезъ Литву, именитаго Легата, Александра Комулея, Аббата Монепскаго, и за тѣмъ же дѣломъ, убѣждая Царя избавить Державы Христіанскія отъ ига Мусульмановъ (320). Комулей и Вельможа Австрійскій едва ли видѣлись другъ съ другомъ въ Москвѣ; по крайней мѣрѣ дѣйствовали или говорили безъ всякаго сношенія между собою. Съ обыкновенною тонкостію Римскаго Двора Папа льстилъ Царю и Россіи: представлялъ ему, что Оттоманы могутъ, завоевавъ Венгрію, завоевать и Польшу съ Литвою; что они уже и съ другой стороны касаются нашихъ владѣній, покоривъ часть

Грузіи и Персіи; что Византійская и многія иныя Державы пали отъ излишней любви къ миру, отъ бездѣйствія и непредвидѣнія опасностей; что Ѳеодору легко послать войско въ Молдавію и взять Султановы города на берегахъ Чернаго моря, гдѣ ожидаетъ насъ и слава и богатая добыча; что мы лучше узнаемъ тамъ искусство военное, ибо увидимъ, какъ Нѣмцы, Венгры, Италіанцы сражаются и побѣждаютъ Турковъ; что отъ насъ зависитъ присоединить къ Россіи земли счастливыя благорастворепіемъ воздуха, выгодами естественными, красотою Природы, и чрезъ Ѳракію открыть себѣ путь къ самой Византіи, наслѣдственному достоянію Государей Московскихъ; что ревность Вѣры сближаетъ пространства; что Римъ и Мадритъ далеки отъ Воспора, но что Константинополь увидитъ знамена Апостольскія и Филиповы; что народы, угнетаемые Турками, суть намъ братья по языку и Закону; что время благопріятно: войско Оттоманское разбито въ Персіи и въ Венгріи, а внутри Турціи вездѣ мятежъ, и не осталось половины жителей. — Достойны замѣчанія и слѣдующія мѣста наказа, даннаго Папою Легату: «Мы слышали, что Цари любятъ хвалиться своимъ мнимымъ происхожде-«ніемъ отъ древнихъ Римскихъ Императоровъ «и даютъ себѣ пышныя титла: изъясни Боярамъ «Московскимъ, что степени въ достоинствѣ или «въ величіи Государей должны быть утверж-«дены нами, и въ примѣръ наименуй Королей

«Польскихъ и Богемскихъ, обязанныхъ вѣн-«цемъ Первосвятителю Всемірной Церкви. Ста-«райся впечатлѣть въ ихъ души благоговѣніе «ко Главѣ Христіанъ, мирныхъ и счастливыхъ «нашею духовною властію; доказывай, что «истинная Христова Церковь въ Римѣ, а не въ «Константинополѣ, гдѣ невѣрные Султаны тор-«гуютъ саномъ рабовъ-Патріарховъ, чуждыхъ «благодати Св. Духа; что зависѣть отъ мни-«мыхъ Пастырей Византійскихъ есть зависѣть «отъ враговъ Спасителя, и что Россія знаме-«нитая достойна лучшей доли. Тебѣ, мужу уче-«ному, извѣстно несогласіе въ Догматахъ Рим-«ской и Греческой Вѣры: убѣждай Россіянъ «въ истинѣ нашего Православія, сильно, но осто-«рожно, тѣмъ осторожнѣе, что они *весьма* «*любятъ точность* ([321]), и что ты, говоря ихъ «собственнымъ языкомъ, не можешь извиниться «невѣдѣніемъ истиннаго разума словъ. Но сколь-«ко имѣешь и выгодъ предъ всѣми учителями, «посыланными къ нимъ изъ Рима въ теченіе «семи вѣковъ, и незнакомыми ни съ языкомъ, «ни съ обычаями Россіи! Если Господь благосло-«витъ подвигъ твой успѣхомъ; если откроешь «путь къ соединенію Вѣръ, то сердце наше утѣ-«шится и славою Церкви и спасеніемъ душъ «безчисленныхъ.» — Знаемъ, что съ симъ нака-зомъ Климентовъ Посолъ былъ два раза въ Москвѣ (въ 1595 и 1597 году), но не знаемъ его переговоровъ, которые впрочемъ не имѣли важныхъ слѣдствій, уменьшивъ, какъ вѣроятно,

надежду Рима на государственный и церковный союзъ съ Россіею, по крайней мѣрѣ до времени.

Обѣщая Императору, безъ сомнѣнія и Папѣ, вѣрнаго сподвижника въ Шахѣ Персидскомъ, мы дѣйствительно могли сдержать слово, возобновивъ съ нимъ дружелюбную связь. Уже сей знаменитый Шахъ, Аббасъ, готовился къ дѣламъ славы, которыя доставили ему въ лѣтописяхъ имя Великаго; наслѣдовавъ Державу разстроенную слабостію Тамаса и Годабенда, возмущаемую козпями Удѣльныхъ Хановъ, стѣсненную завоеваніями Турковъ, хотѣлъ единственно временнаго мира съ послѣдними, чтобы утвердиться на престолѣ и смирить внутреннихъ мятежниковъ; старался узнать взаимныя отношенія Государствъ, самыхъ дальнихъ, и привѣтствуя за морями добраго союзника въ Королѣ Испанскомъ (322), видѣлъ еще надежнѣйшаго въ сильномъ Монархѣ Россійскомъ, коего владѣнія уже сходились съ Персидскими и съ Оттоманскими: новый Посолъ Шаховъ (въ 1593 году), Ази Хосревъ, вручивъ Царю ласковое письмо Аббасово, всего болѣе льстилъ Правителю, въ тайныхъ съ нимъ бесѣдахъ, пышными выраженіями восточными, говоря ему: «ты «единою рукою держишь землю Русскую, а «другую возложи съ любовію на моего

Дружество Феодора съ Шахомъ.

«Шаха, и навѣки утверди братство между имъ «и Царемъ» ([323]). Борисъ отвѣчалъ скромно: «я «только исполняю волю Самодержца; гдѣ его «слово, тамъ моя голова» — но взялся быть ревностнымъ ходатаемъ за Шаха. Изъясняя Годунову, что перемиріе, заключенное Персіею съ Турками, есть одна хитрость воинская, Посолъ сказалъ: «Чтобы усыпить ихъ, Шахъ далъ «имъ своего шестилѣтняго племянника въ ама-«наты — или въ жертву: пусть они зарѣжутъ «младенца при первомъ блескѣ нашей сабли! «Тѣмъ лучше: ибо грозный Аббасъ не любитъ «ни племянниковъ, ни братьевъ, готовя для нихъ «вѣчный покой въ могилѣ или мракъ ослѣпленія «въ темницѣ.» Ази не клеветалъ на Шаха; но сей безжалостный истребитель единокровныхъ умѣлъ явить себя великимъ Монархомъ въ глазахъ Посла Ѳеодорова, Князя Андрея Звенигородскаго, коему надлежало узнать всѣ обстоятельства Персіи и замыслы Аббасовы. Князь Андрей (въ 1594 году) ѣхалъ чрезъ Гилянь, уже подвластную Шаху, который выгналъ ея Царя, Ахмета, обвиняемаго имъ въ вѣроломствѣ ([324]). Вездѣ тишина и порядокъ доказывали неусыпную дѣятельность государственной власти; вездѣ честили Посла, какъ вѣстника Ѳеодоровой дружбы къ Шаху. Аббасъ принялъ его въ Кашанѣ ([325]), окруженный блестящимъ Дворомъ, Царевичами и Вельможами, имѣя на бедрѣ осыпанную алмазами саблю, а подлѣ себя лукъ и стрѣлу; далъ ему руку, не предлагая цѣловать ноги своей;

изъявлялъ живѣйшее удовольствіе; славилъ Царя и Годунова. Пиры и забавы предшествовали дѣламъ: днемъ гулянья въ садахъ, музыка, пляски, игры воинскія (въ коихъ самъ Аббасъ оказывалъ рѣдкое искусство, носясь вихремъ на борзомъ аргамакѣ своемъ и пуская стрѣлы въ цѣль); ввечеру потѣшные огни, яркое освѣщеніе садовъ, водометовъ, площади, красивыхъ лавокъ, гдѣ толпилось множество людей, и гдѣ раскладывались драгоцѣнности Азіятскія для прельщенія глазъ. Шахъ хвалился войскомъ, цвѣтущимъ состояніемъ художествъ и торговли, пышностію, великолѣпіемъ, и показывая Князю Звенигородскому свои новыя палаты, говорилъ: «ни отецъ, ни дѣдъ мой не «имѣли такихъ.» Показывалъ ему и всѣ свои рѣдкія сокровища: *желтый яхонтъ*, вѣсомъ во 100 золотниковъ, назначенный имъ въ даръ Царю, богатое сѣдло Тамерланово, латы и шлемы работы Персидской (326). За обѣдомъ, сидя съ нимъ рядомъ, Шахъ сказалъ: «Видишь ли «Посла Индѣйскаго, сидящаго здѣсь ниже тебя? «Монархъ его, Джелаллдинъ Айберъ, владѣетъ «странами неизмѣримыми, едва ли не двумя третями населеннаго міра; но я уважаю твоего «Царя еще болѣе.» Начавъ бесѣдовать съ Княземъ Андреемъ о дѣлахъ, Аббасъ удостовѣрялъ его въ твердомъ намѣреніи изгнать ненавистныхъ Оттомановъ изъ западныхъ областей Персіи, но прежде отнять Хоросанъ у Царя Бухарскаго Абдулы, который овладѣлъ имъ въ Года-

бедово несчастное время и завоевалъ Хиву. «Я «живу однею мыслію,» говорилъ Аббасъ: «воз-«становить цѣлость и знаменитость древней Пер-«сіи. Имѣю 40,000 всадниковъ, 30,000 пѣшихъ «воиновъ, 6000 стрѣльцевъ съ *огненнымъ боемъ;* «смирю ближайшаго недруга, а послѣ и Султана: «даю въ томъ клятву, довольствуясь искреннимъ «обѣщаніемъ Государя Московскаго содѣйство-«вать, когда настанетъ время, успѣху сего вели-«каго подвига, да раздѣлимъ славу и выгоду «онаго!» Аббасъ соглашался (327) вступить въ сношеніе съ Австріею чрезъ Москву (гдѣ Посолъ его видѣлся съ Рудольфовымъ): безспорно усту-палъ намъ Иверію, но говорилъ: «Царь Але-«ксандръ обманываетъ Россію, грубитъ мнѣ и «тайно платитъ дань Султану.» Сынъ Алексан-дровъ, Константинъ находясь аманатомъ въ Персіи, волею или неволею принялъ тамъ Вѣру Магометанскую и женился на Мусульманкѣ: Шахъ въ угодность Өеодору отпускалъ его въ Москву; но сей юный Князь самъ не захотѣлъ ѣхать туда, сквозь слезы сказавъ нашему Послу: «моя судьба умереть здѣсь въ честномъ раб-«ствѣ!» Чтобы доказать отмѣнную дружбу къ Россіи, Аббасъ пріѣхалъ самъ нечаянно въ го-сти къ Князю Звенигородскому съ изгнанни-комъ, Царемъ Хивинскимъ, Азимомъ, и съ пер-вымъ своимъ Министромъ, Ферғатъ-Ханомъ, пилъ у него вино и медъ (любя часто быть на-веселѣ, вопреки Магомету), внимательно раз-сматривалъ иконы Богоматери и Св. Николая, и

взявъ отъ хозяина въ даръ черную лисью шапку, отдарилъ его щедро прекраснымъ аргамакомъ и образомъ Дѣвы Маріи, писаннымъ на золотѣ въ Персіи съ Фряжской иконы, которая была прислана Шаху изъ Ормуса (328). Въ подтвержденіе всего сказаннаго Андрею Звенигородскому, Аббасъ послалъ съ нимъ въ Москву одного изъ Вельможъ своихъ, Кулыя; а Ѳеодоръ къ Шаху Князя Василья Тюфякина (329) съ образцовою договорною грамотою, въ томъ смыслѣ, чтобы имъ быть вѣрными союзниками и братьями, общими силами выгнать Турковъ изъ земель Каспійскихъ, Россіи взять Дербентъ съ Бакою, Персіи Ширванскую область. Но Тюфякинъ и Дьякъ его умерли на пути: о чемъ долго не знали въ Москвѣ, и сношенія съ Аббасомъ, занятымъ тогда счастливою для него войною Бухарскою, прервалися до новаго царствованія въ Россіи.

По крайней мѣрѣ Шахъ уступилъ намъ Иверію: до времени не споря объ ней съ Султаномъ явно, Ѳеодоръ хотѣлъ утвердить свое право на имя ея верховнаго Властителя усмиреніемъ жестокаго врага Александрова, Шавкала, и еще два раза посылалъ на него Воеводъ, Князей Григорія Засѣкина и Андрея Хворостинина: отъ перваго бѣжалъ Шавкалъ въ неприступныя горы; второму надлежало довер- Походъ на Шавкала.

шить покореніе сей земли Дагестанской, соединиться въ ней съ войскомъ Иверскимъ, съ сыномъ Александровымъ, Юріемъ, и взять ея столицу, Тарки, чтобы отдать ее тестю Юріеву, другому Князю Дагестанскому (330). Князь Хворостининъ пришелъ и взялъ Тарки; но не встрѣтилъ ни сына, ни свата Александрова: ждалъ ихъ тщетно; непрестанно бился съ горными жителями, ежедневно слабѣлъ въ силахъ, и долженъ былъ, разоривъ Тарки, бѣжать назадъ въ Терскую крѣпость: не менѣе трехъ тысячь Россіянъ легло, какъ пишутъ, въ горахъ и дебряхъ. Сей случай могъ быть поставленъ въ вину Александру: Царь изъявилъ ему удивленіе, для чего сынъ и сватъ его не соединились съ нашимъ Воеводою? Александръ извинялся непроходимостію горъ; а Ѳеодоръ благоразумно замѣтилъ ему, что если разбойникъ Шавкалъ находитъ путь въ Иверію, то и войско Иверское могло бы найти путь въ землю Шавкала. Однакожь терпѣливая, хладнокровная Политика наша не измѣнилась отъ сей досады, ни отъ скупости Александра въ платежѣ намъ дани: «казна моя истощена» (говорилъ онъ) «свадьбою моей до-«чери, вышедшей за Князя Дадьянскаго, и мно-«гими дарами, коихъ требуютъ отъ меня силь-«ные Цари Мусульманскіе» (331). Узнавъ, что Александръ примирился съ зятемъ своимъ Симеономъ, будто бы въ услугу Россіи, Царь писалъ къ первому: «вѣрю твоему усердію, и «еще болѣе повѣрю, если склонишь Симеона

«быть нашимъ присяжникомъ.» Обманывалъ ли Александръ Россію, какъ сказалъ Шахъ Аббасъ Князю Звенигородскому? Нѣтъ, онъ былъ только слабымъ между сильными: безъ сомнѣнія искренно предпочиталъ власть Россіи власти Оттоманской и Персидской: надѣялся, ободрялся; но видя, что мы не хотимъ или не можемъ прислать въ Иверію войска достаточнаго для обороны ея, хладѣлъ въ усердіи къ намъ; не слагалъ съ себя имени Россійскаго данника, но дѣйствительно платилъ дань Султану (шелкомъ и конями), убѣждая Ѳеодора защитить Иверію хотя со стороны Дагестана, гдѣ Московскіе Воеводы основали тогда новыя крѣпости на берегу Койсы, чтобы стѣснить Шавкала и загладить неудачу Князя Хворостинина.

Сверхъ Иверіи и Князей Черкесскихъ или Кабардинскихъ, подвластныхъ Россіи — сверхъ Ногаевъ, также нашихъ присяжниковъ, хотя и не всегда вѣрныхъ (332) — Ѳеодоръ съ 1595 года объявилъ себя Владыкою и многолюдной Орды Киргизской: Ханъ ея, Тевкель, именуясь *Царемъ Казацкимъ и Калмацкимъ*, добровольно ему поддался, моля единственно о свободѣ племянника своего, Уразъ-Магмета, взятаго нами вмѣстѣ съ Сибирскимъ Княземъ, Сейдякомъ. Ѳеодоръ обѣщалъ Тевкелю милость, защиту и снарядъ огнестрѣльный; соглашался отпустить къ нему племянника, но требовалъ отъ него сына въ аманаты. Кромѣ чести быть *Царемъ Царей*, Ѳеодоръ ожидалъ и пользы отъ

новаго слуги Россійскаго: нашъ злодѣй, изгнанникъ Сибирскій, Кучюмъ, скитался въ степяхъ Киргизскихъ: мы хотѣли, чтобы Тевкель истребилъ или представилъ его въ Москву и воевалъ Бухарію, ибо Царь ея, Абдула, покровительствовалъ Кучюма и въ своихъ письмахъ грубилъ Ѳеодору. — Такъ Политика наша дѣйствовала въ Азіи, чтобы утвердить власть Россіи надъ Востокомъ.

Сношенія съ Даніею и съ Англіею. Въ Европѣ мы сносились еще съ Даніею и съ Англіею: съ первою о границахъ въ Лапландіи, со второю о торговлѣ. Фридерикъ Датскій, желая означить вѣрный предѣлъ нашего и своего владѣнія во глубинѣ Сѣвера, между Колою и Варгавомъ, присылалъ туда чиновника, Керстена Фриза (333); но онъ уѣхалъ назадъ, не хотѣвъ ждать Посла Московскаго, Князя Ивана Борятинскаго. Новый Король, сынъ Фридериковъ, Христіанъ IV, изъявивъ Ѳеодору желаніе быть съ нимъ *въ крѣпкой любви*, также условился о съѣздѣ Пословъ въ Лапландіи, и также безплодно: Воевода, Князь Семенъ Звенигородскій, и Намѣстникъ Болховскій, Григорій Васильчиковъ, (въ 1592 году) долго жили въ Колѣ и не могли дождаться Христіановыхъ Повѣренныхъ. Съ обѣихъ сторонъ извинялись дальностію и невѣрностію пути, бурями и снѣгами; съ обѣихъ сторонъ узнали

по крайней мѣрѣ, отъ старожиловъ Кольскихъ и Варгавскихъ, древнюю межу Норвегіи съ Новогородскою Лопью; велѣли жителямъ прекратить споры, торговать мирно и свободно, впредь до общаго, письменнаго условія между Царемъ и Королемъ. Ѳеодоръ, въ удовольствіе Христіану, далъ слово освободить нѣкоторыхъ плѣнниковъ, взятыхъ Россіянами въ набѣгѣ Датчанъ на Уѣздъ Колмогорскій, и писалъ о томъ къ начальникамъ Астрахани, Терской крѣпости и Сибири, куда ссылались военоплѣнные. Однимъ словомъ, Данія снова искала нашей дружбы, уже не мысля препятствовать морской торговлѣ Россіи съ Англіею.

Сія важная торговля едва было не прервалася отъ взаимныхъ досадъ Англійскаго и нашего Правительства. Мы жаловались на обманы Лондонскихъ купцевъ и требовали съ нихъ около полумилліона нынѣшнихъ рублей ([331]), взятыхъ ими въ долгъ изъ Царской казны, у Годунова, у Бояръ и Дворянъ; а купцы запирались въ семъ долгѣ, слагали его другъ на друга, и жаловались на притѣсненія. Царь (въ 1588 году) вторично посылалъ Бекмана въ Лондонъ для объясненія съ Елисаветою, которая долго не могла видѣть его, оплакивая смерть человѣка, нѣкогда милаго ея сердцу: Графа Лейстера; наконецъ приняла толмача Россійскаго съ великою милостію: отошла съ нимъ въ уголъ комнаты и бесѣдовала тихо; вняла ему безъ гнѣва, что онъ, года за четыре

передъ тѣмъ гулявъ и бесѣдовавъ съ нею въ саду, будто бы въ донесенiи къ Царю назвалъ сiе увеселительное мѣсто низкимъ именемъ огорода; спрашивала о здоровьѣ Годунова; увѣряла, что все сдѣлаетъ изъ дружбы къ Ѳеодору, но объявила новыя требованiя, съ коими прiѣхалъ въ Москву Докторъ Флетчеръ. Сей болѣе ученый, нежели знатный Посланникъ именемъ Елисаветы предложилъ нашей Думѣ слѣдующiя статьи:

«Королева желала бы заключить тѣсный союзъ «съ Царемъ; но Океанъ между ими: дальность, «препятствуя государственному союзу, не мѣ-«шаетъ однакожь любви сердечной: такъ отецъ «Ѳеодоровъ, Государь славный и мудрый, всегда «являлъ себя истиннымъ братомъ Елисаветы, «которая хочетъ быть нѣжною сестрою и Вели-«каго сына его. Сiя любовь, хотя и безкорыст-«ная, питается частыми сношенiями Вѣнценос-«цевъ о дѣлахъ купеческихъ: если гостей «Англiйскихъ не будетъ въ Россiи, то Коро-«лева и не услышитъ о Царѣ; а долговременная «безвѣстность не охладитъ ли взаимнаго дру-«жества?

«Для утвержденiя сей, ея сердцу прiятной «связи, Королева молитъ Царя, чтобы онъ «указалъ: 1) основательнѣе разсмотрѣть дѣло «о сомнительномъ долгѣ купцевъ Лондонскихъ; «2) судить ихъ только великому Боярину Году-«нову, благотворителю Англичанъ; 3) давать «имъ, какъ было въ царствованiе Iоанново,

«свободный путь изъ Москвы въ Бухарію, въ «Шамаху и въ Персію, безъ задержанія и безъ «всякаго осмотра товаровъ въ Казани и въ «Астрахани; 4) Царскимъ сановникамъ не брать «у нихъ ничего силою, безъ платежа денегъ; «5) отмѣнить всякую заповѣдь въ товарахъ, «покупаемыхъ Англичанами въ Россіи; 6) спо-«собствовать имъ въ отысканіи земли Китай-«ской, давать вожатыхъ, суда и лошадей на «всѣхъ дорогахъ; 7) безъ писменнаго вида «отъ Елисаветы не пускать никакихъ гостей «въ пристани между Варгавомъ и Двинскимъ «устьемъ, ни въ Новгородъ (335); 8) денеж-«нымъ Россійскимъ мастерамъ безпошлинно пе-«реливать ефимки для купцевъ Лондонскихъ; «9) ни въ какихъ преступленіяхъ не пытать «Англичанъ, но отсылать къ ихъ Старостѣ «или Приказчику, или въ Англію для казни; «10) никого изъ нихъ не безпокоить въ разсуж-«деніи Вѣры. — Симъ докажетъ Царь любовь къ «Елисаветѣ.»

Бояре написали въ отвѣтъ: «Государь нашъ, «благодаря Королеву за доброе къ нему распо-«ложеніе, самъ искренно желаетъ ея дружбы, «подобно своему Великому родителю; но не «можетъ согласиться съ тѣмъ, чтобы взаимная «любовь Вѣнценосцевъ питалась дѣлами купе-«чества, и чтобы безъ торговли они уже не «имѣли средствъ сноситься другъ съ другомъ. «Такія выраженія непристойны (336). Царь хо-«четъ жить въ братствѣ съ знаменитыми Монар-

«хами, съ Султаномъ, Императоромъ, Коро-«лями Испанскимъ, Французскимъ, съ Елиса-«ветою и со всѣми, не для выгоды купцевъ, а «для своего *обычая государственнаго*. Въ удо-«вольствіе Елисаветѣ онъ жаловалъ гостей Лон-«донскихъ, которые, забывъ его милости, начали «жить обманомъ, не платить долговъ, ѣздить «тайно въ другія земли какъ лазутчики, въ «письмахъ злословить Россію, преграждать путь «иноземнымъ кораблямъ къ Двинскому устью— «однимъ словомъ, заслуживали казнь по уста-«вамъ всѣхъ Государствъ; но Царь, изъ ува-«женія къ Королевѣ, щадилъ преступниковъ, «и писалъ къ ней о дѣлахъ ихъ; щадитъ и те-«перь; се его воля!

«1) Хотя долгъ купцевъ Лондонскихъ ни «мало не сомнителенъ; хотя сіе дѣло было уже «основательно разсмотрѣно въ Царскомъ Со-«вѣтѣ: но Государь изъ великодушія уступаетъ «имъ половину, требуя, чтобы они немедленно «заплатили 12 тысячь рублей (337). — 2) Непри-«стойно самому Великому, Ближнему Боярину «и шурину Царскому судить купцевъ: ему ввѣ-«рено Государство; безъ его вѣдома ничего «не дѣлается: но судить Англичанъ будутъ лю-«ди Приказные, а ему только докладывать. — «3) Изъ особенной любви къ сестрѣ своей, Ели-«саветѣ, Государь дозволяетъ Англичанамъ ѣз-«дить чрезъ Россію въ Бухарію и въ Персію, «не платя пошлины съ товаровъ, хотя другимъ «иноземцамъ и не велѣно ни за версту ѣздить

«далѣе Москвы. — 4) Онъ не терпитъ, чтобы «въ его землѣ силою отнимали чужую собственность, у кого бы то ни было. — 5) Завѣта нѣтъ «и не будетъ для гостей Лондонскихъ въ покупкѣ нашихъ товаровъ, кромѣ воска, вымѣниваемаго иноземцами въ Россіи единственно на «*ямчугу*, или на зелье и сѣру ([338]). — 6) Невозможно Царю пускать иноземцевъ чрезъ Россію «для отысканія другихъ Государствъ. — 7) Удивительно, что Королева снова объявляетъ требованіе столь неблагоразумное и недружелюбное: мы сказали и повторяемъ, что въ угодность Англіи не затворимъ своихъ пристаней «и не измѣнимъ нашего закона въ торговлѣ: «свободы. — 8) Англичане вольны дѣлать деньги, платя извѣстную пошлину, какъ и Россіяне. — 9) Никакихъ чужестранцевъ не пытаютъ въ Россіи: Англичанъ же, обвиняемыхъ «въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, отдаютъ «ихъ Старостамъ. — 10) До Вѣры нѣтъ и дѣла «Государю нашему: всякой мирно и спокойно «живетъ въ своей, какъ всегда у насъ бывало «и будетъ.»

Посолъ, еще не довольный сими отвѣтами на каждую статью его бумаги, требовалъ свиданія съ Годуновымъ, и писалъ къ нему: «Мужъ «Свѣтлѣйшій! Королева велѣла мнѣ *бить тебѣ «челомъ отъ сердца*. Она знаетъ благоволеніе «твое къ ея народу и любитъ тебя болѣе всѣхъ «Государей Христіанскихъ. Не смѣю докучать «тому, на комъ лежитъ все Царство; но возра-

«дуюся душею, если дашь мнѣ видѣть *пресвѣтлыя* «очи твои: ибо ты *честь и слава Россіи*» ([339]). Не взирая на лесть, Флетчеръ не имѣлъ совершеннаго успѣха, и въ новой жалованной грамотѣ, данной тогда Лондонскимъ купцамъ, упоминается о пошлинахъ, хотя и легкихъ ([340]). Годуновъ не взялъ и даровъ Королевы: «для «того» (писалъ онъ къ Елисаветѣ) «что ты, какъ «бы въ знакъ неуваженія къ Великому Царю, «прислала ему въ даръ мелкія золотыя монеты.» Къ сильнѣйшему негодованію нашего Двора, явился въ Москвѣ новымъ Посланникомъ отъ Елисаветы Іеронимъ Горсей, нѣкогда любимый Іоанномъ и Борисомъ, но въ 1588 году изгнанный изъ Россіи за умыселъ препятствовать торговлѣ Нѣмцевъ въ Архангельскѣ ([341]): Царь не хотѣлъ видѣть его, ни Правитель; а Королева писала къ Борису, что она не узнаетъ въ немъ своего бывшаго друга; что Англичане, гонимые Андреемъ Щелкаловымъ, уже не находятъ заступника въ Россіи и должны навсегда оставить ее. Сія угроза, можетъ быть, произвела дѣйствіе: ибо Годуновъ зналъ всю пользу Англійской торговли для Россіи, для нашего обогащенія и самаго гражданскаго образованія; зналъ, что Іоаннъ III уже не могъ исправить своей ошибки, чрезмѣрною строгостію выгнавъ купцевъ Ганзейскихъ изъ Новагорода. Годуновъ же, какъ увѣрлютъ ([342]), любилъ Англичанъ болѣе всѣхъ иныхъ Европейцевъ, особенно уважая хитрую Елисавету, которая, жалуясь и грозя не

преставала изъявлять дружество къ Θеодору и въ доказательство того запретила книгу, изданную (въ 1591 году) Флетчеромъ о Россіи, оскорбительную для Царя и писанную вообще съ нелюбовію къ нашему отечеству (343). Можетъ быть, и смерть знаменитаго Царскаго сановника, ненавистнаго Англичанамъ, благопріятствовала ихъ успѣху: около 1595 года (344) не стало Ближняго, Великаго Дьяка, Андрея Щелкалова (главнаго дѣльца Россіи въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, угоднаго Іоанну и Борису отличными способностями, умомъ гибкимъ и лукавымъ, совѣстію неупрямою, смѣсію достохвальныхъ и злыхъ качествъ, нужною для слуги *такихъ* Властителей); а въ началѣ 1596 года Елисавета уже благодарила Царя за *добродѣтельную* любовь къ ней, за новую милостивую грамоту, данную имъ Лондонскому купечеству съ правомъ вольной, неограниченной, *безпошлинной* торговли во всей Россіи (345), хваля мудрость нашей Государственной Думы (въ коей Василій Щелкаловъ занялъ мѣсто брата своего, Андрея, называясь съ сего времени Ближнимъ Дьякомъ и Печатникомъ). Елисавета въ другомъ письмѣ къ Годунову опровергала клевету, для нее чувствительную, изъясняясь такими словами: «Ты, истинный благо«дѣтель Англичанъ въ Россіи, единственный ви«новникъ правъ и выгодъ, данныхъ имъ Ца«ремъ, тайно извѣстилъ меня, что Послы Импе«ратора и Папы, будучи въ Москвѣ, вымыслили «гнусную ложь о моемъ мнимомъ союзѣ съ Тур-

«ками противъ Державъ Христіанскихъ: ты «не вѣрилъ ей — и не вѣрь. Нѣтъ, я чиста «предъ Богомъ и въ совѣсти, всегда искрен«но желавъ добра Христіанству. Спросите «у Короля Польскаго, кто доставилъ ему «миръ съ Султаномъ? Англія. Спросите у «самого Императора, не старалась ли я «удалить бѣдствіе войны отъ его Державы? «Онъ благодарилъ меня, но хотѣлъ войны: «теперь жалѣетъ о томъ, къ несчастію «поздно! Сановникъ мой живетъ въ Кон«стантинополѣ единственно для выгодъ на«шей торговли и для освобожденія Хри«стіанскихъ узниковъ. — Папа ненави«дитъ меня за Короля Испанскаго, непри«миримаго врага Англіи, сильнаго флотами «и богатствами обѣихъ Индій, но смирен«наго мною въ глазахъ всей Западной Ев«ропы. Надѣюсь и впредь на милость Бо«жію, которою да благоденствуетъ и Рос«сія!»

Таковы были послѣднія дѣйствія Өеодоровой внѣшней Политики, ознаменованныя умомъ Годунова. Изъ дѣлъ внутреннихъ сего времени достопамятно слѣдующее:

Законъ объ укрѣпленіи крестьянъ и слугъ.

Мы знаемъ, что крестьяне искони имѣли въ Россіи гражданскую свободу, но безъ собственности недвижимой: свободу въ назначенный закономъ срокъ (346) переходить съ мѣста на мѣсто, отъ владѣльца къ владѣльцу, съ условіемъ обработывать

часть земли для себя, другую для господина, или платить ему оброкъ. Правитель видѣлъ невыгоды сего перехода, который часто обманывалъ надежду земледѣльцевъ сыскать господина лучшаго, не давалъ имъ обживаться, привыкать къ мѣсту и къ людямъ для успѣховъ хозяйства, для духа общественнаго, — умножалъ число бродягъ и бѣдность: пустѣли села и деревни, оставляемыя *кочевыми* жителями ([347]); домы обитаемые, или хижины, падали отъ нерадѣнія хозяевъ временныхъ. Правитель хвалился льготою, данною имъ состоянію земледѣльцевъ въ отчинахъ Царскихъ и, можетъ быть, въ его собственныхъ ([318]): безъ сомнѣнія желая добра не только владѣльцамъ, но и работникамъ сельскимъ — желая утвердить между ими союзъ неизмѣнный, какъ бы семейственный, основанный на единствѣ выгодъ, на благосостояніи общемъ, нераздѣльномъ — онъ въ 1592 или въ 1593 году ([319]) закономъ уничтожилъ свободный переходъ крестьянъ изъ волости въ волость, изъ села въ село, и навѣки укрѣпилъ ихъ за господами. Чтожъ было слѣдствіемъ? негодованіе знатной части народа и многихъ владѣльцевъ богатыхъ. Крестьяне жалѣли о древней свободѣ, хотя и часто бродили съ нею бездомками отъ юныхъ лѣтъ до гроба, хотя и не спасались ея правомъ отъ насилія господъ временныхъ ([350]), безжалостныхъ къ людямъ, для нихъ непрочнымъ; а богатые владѣльцы, имѣя не мало земель пустыхъ, лиша-

лись выгоды населять оныя хлѣбопашцами вольными, коихъ они сманивали отъ другихъ вотчинниковъ или помѣщиковъ (351). Тѣмъ усерднѣе могли благодарить Годунова владѣльцы менѣе избыточные, ибо уже не страшились запустѣнія ни деревень, ни полей своихъ отъ ухода жителей и работниковъ. — Далѣе откроется, что Законодатель благонамѣренный, предвидѣвъ, вѣроятно, удовольствіе однихъ и неудовольствіе другихъ, не предвидѣлъ однакожь всѣхъ важныхъ слѣдствій сего новаго устава, дополненнаго указомъ 1597 года о непремѣнномъ возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ, съ женами, съ дѣтьми и со всѣмъ имѣніемъ, господамъ ихъ, отъ коихъ они ушли въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, избывая крѣпостной неволи (352). — Тогда же вышелъ указъ, чтобы всѣ Бояре, Князья, Дворяне, люди воинскіе, Приказные и торговые явили крѣпости на своихъ холопей, имъ служащихъ или бѣглыхъ, для записанія ихъ въ книги Приказа Холопьяго, коему велѣно было дать господамъ кабалы и на людей *вольныхъ*, если сіи люди *служили* имъ не менѣе *шести мѣсяцевъ*; то есть, законодатель желалъ угодить господамъ, не боясь оскорбить бѣдныхъ слугъ, ни справедливости: но подтвердилъ вѣчную свободу отпущенниковъ съ женами и съ дѣтьми обоего пола.

Защитивъ Югъ Россіи новыми твердынями, Борисъ для безопасности нашей границы Литовской въ 1596 году основалъ каменную крѣпость въ Смоленскѣ, куда онъ самъ ѣздилъ, чтобы назначить мѣста для рвовъ, стѣнъ и башенъ. Сіе путешествіе имѣло и цѣль иную: Борисъ хотѣлъ плѣнить жителей Западной Россіи своею милостію; вездѣ останавливался, въ городахъ и селахъ; снисходительно удовлетворялъ жалобамъ, раздавалъ деньги бѣднымъ, угощалъ богатыхъ. Возвратясь въ Москву, Правитель сказалъ Царю, что Смоленскъ будетъ *ожерельемъ Россіи.* «Но «въ семъ *ожерельѣ*» (возразилъ ему Князь Трубецкій) «могутъ завестися насѣкомые, «коихъ мы не скоро выживемъ» (353): *слово достопамятное!* говоритъ Лѣтописецъ: *оно сбылося: ибо Смоленскъ, нами укрѣпленный, сдѣлался твердынею Литвы.* — Ѳеодоръ послалъ туда каменщиковъ изо всѣхъ городовъ, ближнихъ и дальнихъ. Строеніе кончилось въ 1600 году.

Новая крѣпость въ Смоленскѣ.

Москва украсилась зданіями прочными. Въ 1595 году, въ отсутствіе Ѳеодора, ѣздившаго въ Боровскую Обитель Св. Пафнутія, сгорѣлъ весь Китай-городъ: чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ возсталъ изъ пепла съ новыми каменными лавками и домами (354), но едва-было снова не сдѣлался жертвою огня и злодѣйства, которое изу-

мило Москвитянъ своею безбожною дерзостію. Нашлись изверги, и люди чиновные: Князь Василій Щепинъ, Дворяне Лебедевъ, два Байкова, отецъ съ сыномъ, и

Зажигатьльщики. другіе; тайно условились зажечь столицу, ночью, въ разныхъ мѣстахъ, и въ общемъ смятеніи расхитить богатую казну, хранимую у церкви Василія Блаженнаго (355). Къ счастію, Правительство узнало о семъ заговорѣ; схватили злодѣевъ и казнили: Князю Щепину и Байковымъ отсѣкли головы на лобномъ мѣстѣ; иныхъ повѣсили или на всю жизнь заключили. Сія казнь произвела сильное впечатлѣніе въ Московскомъ народѣ, уже отвыкавшемъ отъ зрѣлищъ кровопролитія: гнушаясь адскимъ умысломъ, онъ живо чувствовалъ спасительный ужасъ законовъ для обузданія преступниковъ.

Ревностная, благотворная дѣятельность верховной власти оказывалась въ разныхъ бѣдственныхъ случаяхъ. Многіе города, опустошенные пожарами, были вновь выстроены иждивеніемъ Царскимъ (356); гдѣ не родился хлѣбъ, туда немедленно доставляли его изъ мѣстъ изобильныхъ; во время заразительныхъ болѣзней учреждались

Моръ. заставы: лѣтописи около 1595 года упоминаютъ о сильномъ морѣ во Псковѣ, гдѣ осталось такъ мало жителей, что Царь велѣлъ перевести туда мѣщанъ изъ другихъ городовъ. — Внутреннее спокойствіе Рос-

сіе было нарушено впаденіемъ Крымскихъ разбойниковъ въ области Мещерскую, Козельскую, Воротынскую и Перемышльскую: Калужскій Воевода, Михайло Безнинъ, встрѣтился съ ними на берегахъ Высы и побилъ ихъ на голову (357).

Дворъ Московскій отличался благолѣпіемъ. Не одни любимцы Державнаго, какъ бывало въ грозные дни Іоанновы, но всѣ Бояре и мужи государственные ежедневно, утромъ и ввечеру (358), собирались въ Кремлевскихъ палатахъ, видѣть Царя и съ нимъ молиться, засѣдать въ Думѣ (три раза въ недѣлю, кромѣ чрезвычайныхъ надобностей: въ Понедѣльникъ, въ Среду и въ Пятницу, отъ семи часовъ утра до десяти и болѣе), или принимать иноземныхъ Пословъ, или только бесѣдовать другъ съ другомъ. Обѣдать, ужинать возвращались домой, кромѣ двухъ или трехъ Вельможъ, изрѣдка приглашаемыхъ къ столу Царскому (359): ибо Ѳеодоръ, слабый и недужный, отмѣнилъ утомительныя, многолюдныя трапезы временъ своего отца, дѣда и прадѣда; рѣдко обѣдалъ и съ Послами. Пышность Двора его увеличивало присутствіе нѣкоторыхъ знаменитыхъ изгнанниковъ Азіи и Европы: Царевичь Хивинскій, Господари Молдавскіе (Стефанъ и Димитрій), сыновья Волошскаго, родственникъ Императоровъ

Дворъ Царскій.

Византійскихъ, Мануилъ Мусконоловичъ, Селунскій Вельможа Димитрій, и множество благородныхъ Грековъ являлись у трона Өеодорова, вмѣстѣ съ другими чиновными иноземцами, которые искали службы въ Россіи. — Предъ дворцемъ стояло обыкновенно 250 Стрѣльцевъ, съ заряженными пищалями, съ фитилями горящими. Внутреннею стражею палатъ Кремлевскихъ были 200 знатнѣйшихъ Дѣтей Боярскихъ, называемыхъ Жильцами: они, смѣняясь, ночевали всегда въ третьей комнатѣ отъ спальни Государевой, а въ первой и второй ближніе царедворцы, Постельничій и товарищи его, называемые *Спальниками;* каждую дверь стерегъ истопникъ, зная, кто имѣлъ право входить въ оную. Все было устроено для порядка и важности (360).

Приближаясь къ мѣтѣ, Годуновъ болѣе и болѣе старался обольщать людей наружностію государственныхъ и человѣческихъ добродѣтелей; но буде преданіе не ложно, еще умножилъ свои тайныя злодѣянія новымъ. Такъ называемый Царь и Великій Князь Тверскій Симеонъ, женатый на сестрѣ Боярина Өедора Мстиславскаго, снискавъ милость Іоаннову вѣрною службою и принятіемъ Христіанскаго Закона, имѣвъ въ Твери пышный Дворъ и власть Намѣстника съ какими-то правами Удѣльнаго

Ослѣпленіе Царя Симеона.

Князя ([361]), долженъ былъ въ царствованіе Ѳеодорово выѣхать оттуда и жить уединенно въ селѣ своемъ Кушалинѣ. Не знаменитый ни разумомъ, ни мужествомъ, онъ слылъ однакожь благочестивымъ, смиреннымъ въ счастіи, великодушнымъ въ ссылкѣ, и казался опаснымъ Правителю, нося громкое имя Царское и будучи зятемъ перваго родоваго Вельможи. Борисъ въ знакъ ласки прислалъ къ нему, на имянины, вина Испанскаго: Симеонъ выпилъ кубокъ, желая здравія Царю, и чрезъ нѣсколько дней *ослѣпъ*, будто бы отъ ядовитаго зелія, смѣшеннаго съ симъ виномъ: такъ говоритъ Лѣтописецъ; такъ говорилъ и самъ несчастный Симеонъ Французу Маржерету. По крайней мѣрѣ сіе ослѣпленіе могло быть полезно для Бориса: ибо государственныя бумаги слѣдующихъ временъ Россіи доказываютъ, что мысль возложить вѣнецъ Мономаховъ на голову Татарина не всѣмъ Россіянамъ казалась тогда нелѣпою ([362]).

Обратимъ взоръ, въ послѣдній разъ, на самого Ѳеодора. И въ цвѣтущей юности не имѣвъ иной важной мысли, кромѣ спасенія души, онъ въ сіе время еще менѣе заботился о мірѣ и Царствѣ; ходилъ и ѣздилъ изъ Обители въ Обитель, благотворилъ нищимъ и Духовенству, особенно Греческимъ Монахамъ, Іерусалимскимъ, Пелопоннесскимъ и другимъ, которые приносили къ намъ драгоцѣнности святыни (однѣ не расхищенныя Турками!): кресты, иконы, мощи.

Святители Греческіе въ Москвѣ.

Многіе изъ сихъ бѣдныхъ изгнанниковъ оставались въ Россіи: Кипрскій Архіепископъ Игнатій жилъ въ Москвѣ; Арсеній Элассонскій, бывъ у насъ вмѣстѣ съ Патріархомъ Іеремією, возвратился и начальствовалъ надъ Суздальскою Епархіею. — Ѳеодоръ съ радостію свѣдалъ о явленіи въ Угличѣ нетлѣнныхъ мощей ([363]) Князя Романа Владиміровича (внука Константинова), и душевно оскорбился бѣдствіемъ знаменитой Обители Печерской Нижегородской, гдѣ спасались нѣкогда Угодники Божіи, Діонисій Суздальскій, ученикъ его Евфимій и Макарій Желтоводскій или Унженскій ([364]): гора, подъ которою стоялъ монастырь, вдругъ съ трескомъ и колебаніемъ двинулась къ Волгѣ, засыпала и разрушила церковь, келліи, ограду. Сія гибель мѣста святаго поразила воображеніе людей суевѣрныхъ и названа въ лѣтописи *великимъ знаменіемъ* того, что ожидало Россію, — чего ожидалъ и Ѳеодоръ, замѣтно слабѣя здравіемъ. Пишутъ, что онъ (въ 1596 году) торжественно перекладывая мощи Алексія Митрополита въ новую серебряную раку, велѣлъ Годунову взять ихъ въ руки, и взирая на него съ печальнымъ умиленіемъ, сказалъ: «Осязай святыню, «Правитель народа Христіанскаго! Управ- «ляй имъ и впредь съ ревностію. Ты до- «стигнешь желаемаго; но все суета и мигъ

Разрушеніе Печерской Обители.

Слово Ѳеодорово Годунову.

«на землѣ» ([365])! Ѳеодоръ предчувствовалъ близкій конецъ свой, и часъ насталъ.

Нѣтъ, не вѣримъ преданію ужасному, что Годуновъ будто бы ускорилъ сей часъ отравою ([366]). Лѣтописцы достовѣрнѣйшіе молчатъ о томъ, съ праведнымъ омерзѣніемъ изобличая всѣ иныя злодѣйства Борисовы. Признательность смиряетъ и льва яростнаго ([367]); но если ни святость Вѣнценосца, ни святость благотворителя не могли остановить изверга, то онъ еще могъ бы остановиться, видя въ бренномъ Ѳеодорѣ явную жертву скорой естественной смерти, и между тѣмъ властвуя, и ежедневно утверждая власть свою, какъ неотъемлемое достояніе.... Но Исторія не скрываетъ и клеветы, преступленіями заслуженной.

Въ концѣ 1597 года Ѳеодоръ впалъ въ тяжкую болѣзнь ([368]); 6 Генваря открылись въ немъ явные признаки близкой смерти, къ ужасу столицы. Народъ любилъ Ѳеодора, какъ Ангела земнаго, озареннаго лучами святости, и приписывалъ дѣйствію его ревностныхъ молитвъ благосостояніе отечества; любилъ съ умиленіемъ, какъ послѣдняго Царя Мономаховой крови — и когда въ отверстыхъ храмахъ еще съ надеждою просилъ Бога объ исцѣленіи Государя добраго, тогда Патріархъ Вельможи, сановники, уже не имѣя надежды, съ

г. 1598. Кончина Ѳеодорова.

искреннимъ сокрушеніемъ сердца предстояли одру болящаго, въ ожиданіи послѣдняго дѣйствія Θеодоровой Самодержавной власти: завѣщанія о судьбѣ Россіи сиротѣющей. Но какъ въ теченіе жизни, такъ и при концѣ ея, Θеодоръ не имѣлъ иной воли, кромѣ Борисовой; и въ сей великій часъ не измѣнилъ своей безпредѣльной довѣренности къ наставнику: лишаясь зрѣнія и слуха, еще устремлялъ темнѣющій взоръ на Годунова и съ усиліемъ внималъ его шептаніямъ, чтобы сдѣлать ему угодное. Безмолвствовали Бояре: Первосвятитель Іовъ дрожащимъ голосомъ сказалъ: «Свѣтъ въ очахъ нашихъ «меркнетъ; праведный отходитъ къ Богу . . . . . «Государь! кому приказываешь Царство, насъ «сирыхъ и свою Царицу?» Θеодоръ тихо отвѣтствовалъ: «въ Царствѣ, въ васъ и въ моей Ца«рицѣ воленъ Господь Всевышній . . . . оставляю грамоту духовную» ([369]). Сіе завѣщаніе было уже написано: Θеодоръ вручалъ державу Иринѣ ([370]), а душу свою приказывалъ Великому Святителю Іову, двоюродному брату Θедору Никитичу Романову-Юрьеву (племяннику Царицы Анастасіи), и шурину Борису Годунову; то есть, избралъ ихъ быть главными совѣтниками Трона. Онъ хотѣлъ проститься съ нѣжною супругою наединѣ, и говорилъ съ нею безъ земныхъ свидѣтелей ([371]): сія бесѣда осталась неизвѣстною. Въ 11 часовъ вечера Іовъ помазалъ Царя елеемъ, исповѣдалъ и пріобщилъ Святыхъ Таинъ. Въ часъ утра, 7 Генваря, Θеодоръ испустилъ духъ,

безъ судорогъ и трепета, незамѣтно, какъ бы заснувъ тихо и сладко (372).

Въ сію минуту оцѣпенѣнія, горестію произведеннаго, явилась Царица и пала на тѣло умершаго: ее вынесли въ безпамятствѣ (373). Тогда, изъявляя и глубокую скорбь и необыкновенную твердость духа, Годуновъ напомнилъ Боярамъ, что они, уже не имѣя Царя, должны присягнуть Царицѣ: всѣ съ ревностію исполнили сей обрядъ священный, цѣлуя крестъ въ рукахъ Патріарха.... Случай дотолѣ безпримѣрный: ибо мать Іоаннова, Елена, властвовала только именемъ сына-младенца: Иринѣ же отдавали скипетръ Мономаховъ со всѣми правами самобытной, неограниченной власти. — На разсвѣтѣ ударили въ большой колоколъ Успенскій, извѣщая народъ о преставленіи Ѳеодора, и вопль раздался въ Москвѣ отъ палатъ до хижинъ: каждый домъ, по выраженію современника, былъ *домомъ плача*. Дворецъ не могъ вмѣстить людей, которые стремились къ одру усопшаго: и знатные и нищіе. Слезы лилися; но и чиновники и граждане, подобно Боярамъ, съ живѣйшимъ усердіемъ клялись въ вѣрности къ любимой Царицѣ-матери, которая еще спасала Россію отъ сиротства совершеннаго. Столица была въ отчаяніи, но спокойна. Дума послала гонцевъ въ области; велѣла за-

Присяга Царицѣ Иринѣ.

творить пути въ чужія земли до новаго указа и вездѣ строго блюсти тишину.

Тѣло Θеодорово вложили въ раку, при самой Иринѣ, которая ужасала всѣхъ изступленіемъ своей неописанной скорби: терзалась, билась; не слушала ни брата, ни Патріарха; изъ устъ ея, обагренныхъ кровію (374), вырывались слова: «я вдовица безчадная..... мною гибнетъ ко-«рень Царскій!» Ввечеру отнесли гробъ въ церковь Михаила Архангела Патріархъ, Святители, Бояре и народъ вмѣстѣ; не было различія въ званіяхъ: общая горесть сравняла ихъ. 8 Генваря совершилось погребеніе, достопамятное не великолѣпіемъ, но трогательнымъ безпорядкомъ: захлипаясь отъ слезъ и рыданія, Духовенство прерывало священнодѣйствіе, и лики умолкали; въ воплѣ народномъ никто не могъ слышать пѣнія. Уже не плакала — одна Ирина: ее принесли въ храмъ какъ мертвую. Годуновъ не осушалъ глазъ, смотря на злосчастную Царицу, но давалъ всѣ повелѣнія. Отверзли могилу для гроба Θеодорова, подлѣ Іоаннова: народъ громогласно изъявилъ благодарность усопшему за счастливые дни его царствованія, съ умиленіемъ славя личныя добродѣтели сего Ангела кротости, наслѣдованныя имъ отъ незабвенной Анастасіи, — именуя его не Царемъ, но отцемъ чадолюбивымъ, и въ искреннемъ прискорбіи сердца забывъ слабость души Θеодоровой. — Когда предали тѣло землѣ, Патріархъ, а съ нимъ и всѣ люди, воздѣвъ руки на небо, моли-

лись, да спасетъ Господь Россію, и лишивъ ее пастыря, да не лишитъ Своей милости.—Совершивъ печальный обрядъ, роздали богатую казну бѣднымъ, церквамъ и монастырямъ; отворили темницы, освободили всѣхъ узниковъ, даже смертоубійцъ, чтобы симъ дѣйствіемъ милосердія увѣнчать земную славу Ѳеодоровыхъ добродѣтелей....

Такъ пресѣклось на тронѣ Московскомъ знаменитое Варяжское поколѣніе, коему Россія обязана бытіемъ, именемъ и величіемъ, — отъ начала столь малаго, сквозь рядъ вѣковъ бурныхъ, сквозь огнь и кровь, достигнувъ господства надъ Сѣверомъ Европы и Азіи воинственнымъ духомъ своихъ Властителей и народа, счастіемъ и промысломъ Божіимъ!....

Скоро узнала печальная столица, что вмѣстѣ съ Ириною вдовствуетъ и тронъ Мономаховъ; что вѣнецъ и скипетръ лежатъ на немъ праздно; что Россія, не имѣя Царя, не имѣетъ и Царицы!

Пишутъ, что Ѳеодоръ набожный, прощаясь съ супругою, вопреки своему завѣщанію тайно велѣлъ ей презрѣть земное величіе и посвятить себя Богу (375): можетъ быть, и сама Ирина, вдовица бездѣтная, въ искреннемъ отчаяніи возненавидѣла свѣтъ, не находя утѣшенія въ Царской пышности; но гораздо вѣроятнѣе, что такъ хотѣлъ Годуновъ, располагая сердцемъ и судьбою нѣжной сестры. Онъ уже не могъ возвыситься въ царствованіе Ирины, властвовавъ безпредѣльно и при Ѳеодорѣ: не могъ, въ концѣ пятаго десятилѣтія жизни, еще ждать или откла-

дывать; вручилъ Царство Иринѣ, чтобы взять его себѣ, изъ рукъ единокровной, какъ бы правомъ наслѣдія: занять на тронѣ мѣсто *Годуновой*, а не Мономахова Вѣнценоснаго племени, и менѣе казаться похитителемъ въ глазахъ народа. Никогда сей лукавый честолюбецъ не былъ столь дѣятеленъ, явно и скрытно, какъ въ послѣдніе дни Ѳеодоровы и въ первые мнимаго Иринина Державства: явно, чтобы народъ не имѣлъ и мысли о возможности государственнаго устройства безъ радѣнія Борисова; скрытно, чтобы дать видъ свободы и любви дѣйствію силы, обольщенія и коварства. Какъ бы невидимою рукою обнявъ Москву, онъ управлялъ ея движеніями чрезъ своихъ слугъ безчисленныхъ (376); отъ Церкви до Синклита, до войска и народа, все внимало и слѣдовало его внушеніямъ, благопріятствуемымъ съ одной стороны робостію, а съ другой истинною признательностію къ заслугамъ и милостямъ Борисовымъ. Обѣщали и грозили; шепотомъ и громогласно доказывали, что спасеніе Россіи нераздѣльно съ властію Правителя — и, приготовивъ умы или страсти къ великому

Пострижение Ирины. ѳеатральному дѣйствію, въ девятый день по кончинѣ Царя объявили торжественно, что Ирина отказывается отъ Царства и навѣки удаляется въ монастырь, воспріять Ангельскій образъ Инокини. Сія вѣсть по-

разила Москву: Святители, Дума, сановники, Дворяне, граждане *соборомъ* пали предъ вѣнценосною вдовою, плакали неутѣшно, называли ее матерію и заклинали не оставлять ихъ въ ужасномъ сиротствѣ; но Царица, дотолѣ всегда мягкосердая, не тронулась моленіемъ слезнымъ: отвѣтствовала, что воля ея неизмѣнна, и что Государствомъ будутъ править Бояре, вмѣстѣ съ Патріархомъ, до того времени, когда успѣютъ собраться въ Москвѣ всѣ Чины Россійской Державы (377), чтобы рѣшить судьбу отечества по вдохновенію Божію. Въ тотъ же день (378) Ирина выѣхала изъ Дворца Кремлевскаго въ Новодѣвичій монастырь, и подъ именемъ Александры вступила въ санъ Инокинь. Россія осталась безъ Главы, а Москва въ тревогѣ, въ волненіи . . . .

Гдѣ былъ Годуновъ, и что дѣлалъ? Заключился въ монастырѣ съ сестрою, плакалъ и молился съ нею. Казалось, что онъ, подобно ей, отвергнулъ міръ, величіе, власть, кормило государственное, и предалъ Россію въ жертву бурямъ; но кормчій неусыпно бодрствовалъ, и Годуновъ въ тѣсной келліи монастырской твердою рукою держалъ Царство!

Свѣдавъ о постриженіи Ирины, Духовенство, чиновники и граждане собралися въ Кремлѣ, гдѣ Государственный Дьякъ и Печатникъ, Василій Щелкаловъ, представивъ имъ вредныя слѣдствія безначалія, требовалъ, чтобы они цѣловали крестъ на имя Думы Боярской. Никто не хотѣлъ слышать о томъ; всѣ кричали: «не знаемъ

«ни Князей, ни Бояръ; знаемъ только Царицу: ей мы дали присягу, и другой не «дадимъ никому: она и въ Черницахъ мать «Россіи» (379). Печатникъ совѣтовался съ Вельможами, снова вышелъ къ гражданамъ и сказалъ, что Царица, оставивъ свѣтъ, уже не занимается дѣлами Царства, и что народъ долженъ присягнуть Боярамъ, если не хочетъ видѣть государственнаго разрушенія. Единогласнымъ отвѣтомъ было: «и такъ да царствуетъ братъ ея!» Никто не дерзнулъ противорѣчить, ни безмолвствовать: всѣ восклицали: «да здрав-«ствуетъ отецъ нашъ, Борисъ Θеодоро-«вичъ! онъ будетъ преемникомъ матери на-«шей, Царицы!» Немедленно, *всѣмъ соборомъ*, пошли въ монастырь Новодѣвичій, гдѣ Патріархъ Іовъ, говоря именемъ отечества, заклиналъ Монахиню Александру благословить ея брата на Царство, ею презрѣнное изъ любви къ жениху безсмертному, Христу Спасителю — исполнить тѣмъ волю Божію и народную — утишить колебаніе въ душахъ и въ Государствѣ — отереть слезы Россіянъ, бѣдныхъ, сирыхъ, безпомощныхъ, и снова возставить Державу сокрушенную, доколѣ враги Христіанства еще не увѣдали о вдовствѣ Мономахова престола. Всѣ проливали слезы — и сама Царица Инокиня, внимая Первосвятителю краснорѣчивому. Іовъ обратился

Избраніе Годунова въ Царя.

къ Годунову; смиренно предлагалъ ему корону, называлъ его Свышеизбраннымъ для возобновленія Царскаго корени въ Россіи, естественнымъ наслѣдникомъ трона послѣ зятя и друга, обязаннаго всѣми успѣхами своего владычества Борисовой мудрости (380).

Такъ совершилось желаніе властолюбца!... Но онъ умѣлъ лицемѣрить: не забылся въ радости сердца — и за семь лѣтъ предъ тѣмъ смѣло вонзивъ убійственный ножъ въ гортань Св. младенца Димитрія, чтобы похитить корону, съ ужасомъ отринулъ ее, предлагаемую ему торжественно, единодушно, Духовенствомъ, Синклитомъ, народомъ; *клялся*, что никогда, рожденный вѣрнымъ подданнымъ, не мечталъ о санѣ Державномъ, и никогда не дерзнетъ взять скипетра, освященнаго рукою усопшаго Царя-Ангела, его отца и благотворителя; говорилъ, что въ Россіи много Князей и Бояръ, коимъ онъ, уступая въ знатности, уступаетъ и въ личныхъ достоинствахъ (381); но изъ признательности къ любви народной обѣщается вмѣстѣ съ ними радѣть о Государствѣ еще ревностнѣе прежняго (382). На сію рѣчь, заблаговременно сочиненную, Патріархъ отвѣтствовалъ такою же, и весьма плодовитою, исполненною движеній витійства и примѣровъ историческихъ; обвинялъ Годунова въ излишней скромности, даже въ неповиновеніи волѣ Божіей, которая столь явна въ общенародной волѣ; доказывалъ, что Всевышній искони готовилъ ему и роду его на-

вѣки вѣковъ державу Владимірова потомства, Ѳеодоровою смертію пресѣченнаго; напоминалъ о Давидѣ, Царѣ Іудейскомъ, — Ѳеодосіи Великомъ, Маркіанѣ, Михаилѣ Косноязычномъ, Василіи Македонскомъ, Тиверіи и другихъ Императорахъ Византійскихъ, неисповѣдимыми судьбами Небесными возведенныхъ на престолъ изъ ничтожества; сравнивалъ ихъ добродѣтели съ Борисовыми; убѣждалъ, требовалъ, и не могъ поколебать его твердости, ни въ сей день, ни въ слѣдующіе (383) — ни предъ лицемъ народа, ни безъ свидѣтелей, — ни моленіемъ, ни угрозами духовными. Годуновъ рѣшительно отрекся отъ короны.

Но Патріархъ и Бояре еще не теряли надежды: ждали *Великаго Собора*, коему надлежало быть въ Москвѣ чрезъ шесть недѣль по смерти Ѳеодора; то есть, велѣли съѣхаться туда изъ всѣхъ областныхъ городовъ людямъ выборнымъ: Духовенству, чиновникамъ воинскимъ и гражданскимъ, купцамъ, мѣщанамъ (384). Годуновъ хотѣлъ, чтобы не одна столица, но вся Россія призвала его на тронъ, и взялъ мѣры для успѣха, всюду пославъ ревностныхъ слугъ своихъ и клевретовъ (385): сей видъ единогласнаго, свободнаго избранія казался ему нужнымъ — для успокоенія ли совѣсти? или для твердости и безопасности его властвованія? Между тѣмъ Борисъ жилъ въ монастырѣ, а Государствомъ правила Дума, совѣтуясь съ Патріархомъ въ дѣлахъ важныхъ; но указы писала именемъ *Царицы*

Александры, и на ея же имя получала донесенія Воеводъ Земскихъ. Между тѣмъ оказывались неповиновеніе и безпорядокъ: въ Смоленскѣ, Псковѣ и въ иныхъ городахъ Воеводы не слушались ни другъ друга, ни предписаній Думы ([386]). Между тѣмъ носились слухи о впаденіи Хана Крымскаго въ предѣлы Россіи, и народъ говорилъ въ ужасѣ: «Ханъ будетъ подъ Мо-«сквою, а мы безъ Царя и защитника!» Однимъ словомъ, все благопріятствовало Годунову, ибо все было имъ устроено!

Въ Пятницу, 17 Февраля, открылась въ Кремлѣ Дума Земская, или Государственный Соборъ, гдѣ присутствовало, кромѣ всего знатнѣйшаго Духовенства, Синклита, Двора, не менѣе пяти сотъ чиновниковъ и людей выборныхъ ([387]) изъ всѣхъ областей, для дѣла великаго, не бывалаго со временъ Рюрика: для назначенія Вѣнценосца Россіи, гдѣ дотолѣ властвовалъ непрерывно, уставомъ наслѣдія, родъ Князей Варяжскихъ, и гдѣ Государство существовало Государемъ; гдѣ всѣ законныя права истекали изъ его единственнаго самобытнаго права: судить и рядить землю по закону совѣсти. Часъ опасный: кто избираетъ, тотъ даетъ власть, и слѣдственно имѣетъ оную; ни уставы, ни примѣры не ручались за спокойствіе народа въ ея столь важномъ дѣйствіи, и Сеймъ Кремлевскій могъ уподобиться Варшавскимъ: бурному морю страстей, гибельныхъ для устройства и силы Державъ. Но долговременный навыкъ повиновенія и хитрость

Борисова представили зрѣлище удивительное: тишину, единомыслiе, увѣтливость во многолюдствѣ разнообразномъ, въ смѣси чиновъ и званiй. Казалось, что всѣ желали одного: какъ сироты, найти скорѣе отца — и знали, въ комъ искать его. Граждане смотрѣли на Дворянъ, Дворяне на Вельможъ, Вельможи на Патрiарха. Извѣстивъ Соборъ, что Ирина не захотѣла ни царствовать, ни благословить брата на Царство, и что Годуновъ также не принимаетъ вѣнца Мономахова, Іовъ сказалъ: «Россiя, тоскуя безъ «Царя, нетерпѣливо ждетъ его отъ мудрости Со«бора. Вы, Святители, Архимандриты, Игуме«ны; вы, Бояре, Дворяне, люди Приказные, «Дѣти Боярскiе и всѣхъ чиновъ люди царствую«щаго града Москвы и всей земли Руской! «объявите намъ мысль свою и дайте совѣтъ, «кому быть у насъ Государемъ (388). Мы же, «свидѣтели преставленiя Царя и Великаго Князя «Θеодора Іоанновича, думаемъ, что намъ мимо «Бориса Θеодоровича не должно искать другаго «Самодержца.» Тогда все Духовенство, *Бояре, воинство и народъ* единогласно отвѣтствовали (389): «нашъ совѣтъ и желанiе то же: немед«ленно бить челомъ Государю Борису Θеодоро«вичу, и мимо его не искать другаго Властителя «для Россiи.» Усердiе обратилось въ восторгъ, и долго не льзя было ничего слышать, кромѣ имени Борисова, громогласно повторяемаго всѣмъ многочисленнымъ собранiемъ. Тутъ находились Князья Рюрикова племени: Шуйскiе,

Сицкіе, Воротынскій, Ростовскіе, Телятевскіе и столь многіе иные; но давно лишенные достоинства Князей Владѣтельныхъ, давно слуги Московскихъ Государей наравнѣ съ Дѣтьми Боярскими, они не дерзали мыслить о своемъ наслѣдственномъ правѣ, и спорить о коронѣ съ тѣмъ, кто безъ имени Царскаго уже тринадцать лѣтъ единовластвовалъ въ Россіи: былъ хотя и потомкомъ Мурзы, но братомъ Царицы. Возстановивъ тишину, Вельможи, въ честь Годунова, разсказали Духовенству, чиновникамъ и гражданамъ слѣдующія обстоятельства: «Государыня «Ирина Ѳеодоровна и знаменитый братъ ея съ «самаго перваго дѣтства возрастали въ пала«тахъ Великаго Царя Іоанна Васильевича и пи«тались отъ стола его. Когда же Царь удостоилъ «Ирину быть своею невѣсткою, съ того времени «Борисъ Ѳедоровичь жилъ при немъ неотступно, «навыкая государственной мудрости. Однажды, «узнавъ о недугѣ сего юнаго любимца, Царь «пріѣхалъ къ нему съ нами и сказалъ мило«стиво: *Борисъ! страдаю за тебя какъ за сына,* «*за сына какъ за невѣстку, за невѣстку какъ за* «*самого себя* (390) — поднялъ три перста десницы «своей и примолвилъ: *се Ѳеодоръ, Ирина и Бо*«*рисъ; ты не рабъ, а сынъ мой.* Въ послѣдніе часы «жизни всѣми оставленный для исповѣди, Іоаннъ «удержалъ Бориса Ѳедоровича при одрѣ своемъ, «говоря ему: *Для тебя обнажено мое сердце.* «*Тебѣ приказываю душу, сына, дочь и все Цар*«*ство: блюди, или дашь за нихъ отвѣтъ Бо-*

«гу» [391]. Помня сіи незабвенныя слова, Борисъ «Θедоровичь хранилъ, яко зеницу ока, и юнаго «Царя и великое Царство.» Описавъ, какъ Правитель своею неусыпною, мудрою дѣятельностію возвысилъ отечество, смирилъ Хана и Шведовъ, обуздалъ Литву, расширилъ владѣнія Россіи, умножилъ число ея Царей-данниковъ и слугъ [392]; какъ знаменитѣйшіе Вѣнценосцы Европы и Азіи изъявляютъ ей уваженіе и пріязнь — какая тишина внутри Государства, милость для войска и для народа, правда въ судахъ, защита для бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ — Бояре заключили такъ: «Мы напомнимъ вамъ случай достопамятный. «Когда Царь Θеодоръ, умомъ и мужествомъ «Правителя одержавъ славнѣйшую побѣду надъ «Ханомъ, весело пировалъ съ Духовенствомъ и «Синклитомъ: тогда, въ умиленіи признатель«ности, снявъ съ себя златую *Царскую* гривну, «онъ возложилъ ее на выю своего шурина» [393]. А Патріархъ изъяснилъ собранію, что Царь, исполненный Св. Духа, симъ таинственнымъ дѣйствіемъ ознаменовалъ будущее Державство Годунова, искони предопредѣленное Небомъ. Снова раздались клики: «да здравствуетъ Государь «нашъ, Борисъ Θеодоровичь!» И Патріархъ возвалъ къ Собору: «гласъ народа есть гласъ Бо«жій: буди, что угодно Всевышнему!»

Въ слѣдующій день, Февраля 18, въ первый часъ утра, церковь Успенія наполнилась людьми: всѣ, преклонивъ колѣна, Духовенство, Синклитъ и народъ, усердно молили Бога, чтобы

Правитель смягчился и принялъ вѣнецъ; молились еще два дня (391), и Февраля 20 Іовъ, Святители, Вельможи объявили Годунову, что онъ избранъ въ Цари уже не Москвою, а всею Россіею. Но Годуновъ вторично отвѣтствовалъ, что высота и сіяніе Өеодорова трона ужасаютъ его душу; клялся снова, что и въ сокровенности сердца не представлялась ему мысль столь дерзостная; видѣлъ слезы, слышалъ убѣжденія самыя трогательныя, и былъ непреклоненъ; высылалъ *искусителей*, Духовенство съ Синклитомъ, изъ монастыря, и не велѣлъ имъ возвращаться. Надлежало искать дѣйствительнѣйшаго средства: размышляли — и нашли. Святители въ общемъ совѣтѣ съ Боярами уставили пѣть, 21 Февраля, во всѣхъ церквахъ *праздничный молебенъ*, и съ обрядами торжественными, съ святынею Вѣры и отечества, въ послѣдній разъ испытать силу убѣжденій и плача надъ сердцемъ Борисовымъ; а тайно, между собою, Іовъ, Архіепископы и Епископы условились въ слѣдующемъ: «Если Государь Борисъ Өеодоровичь «смилуется надъ нами, то разрѣшимъ его клятву «не быть Царемъ Россіи (395); если не смилуется, «то отлучимъ его отъ Церкви; тамъ же, въ мо«настырѣ, сложимъ съ себя Святительство, кре«сты и Панагіи; оставимъ иконы чудотворныя, «запретимъ службу и пѣніе во святыхъ хра«махъ; предадимъ народъ отчаянію, а Царство «гибели, мятежамъ, кровопролитію — и винов-

«никъ сего неисповѣдимаго зла да отвѣтствуетъ «предъ Богомъ въ день Суда Страшнаго!»

Въ сію ночь не угасали огни въ Москвѣ: все готовилось къ великому дѣйствію — и на разсвѣтѣ, при звукѣ всѣхъ колоколовъ, подвиглась столица. Всѣ храмы и домы отворились: Духовенство съ пѣніемъ вышло изъ Кремля; народъ въ безмолвіи тѣснился на площадяхъ. Патріархъ и Владыки несли иконы знаменитыя славными воспоминаніями: Владимірскую и Донскую, какъ святыя знамена отечества; за Клиромъ шли Синклитъ, Дворъ, воинство, Приказы, *Выборы* городовъ ([396]); за ними устремились и всѣ жители Московскіе, граждане и чернь, жены и дѣти, къ Новодѣвичьему монастырю, откуда, также съ колокольнымъ звономъ, вынесли образъ Смоленской Богоматери на встрѣчу Патріарху: за симъ образомъ шелъ и Годуновъ, какъ бы изумленный столь необыкновенно-торжественнымъ церковнымъ ходомъ; палъ ницъ предъ иконою Владимірскою, обливался слезами и воскликнулъ: «О мать Божія! что виною твоего подвига? Сохрани, сохрани меня подъ сѣнію Твоего «крова!» обратился къ Іову, и съ видомъ укоризны сказалъ ему: «Пастырь Великій! Ты дашь «отвѣтъ Богу!» Іовъ отвѣтствовалъ: «Сынъ «возлюбленный! не снѣдай себя печалію, но «вѣрь Провидѣнію! Сей подвигъ совершила Бо«гоматерь изъ любви къ тебѣ, да устыдишься!» Онъ пошелъ въ церковь святой Обители съ Духовенствомъ и людьми знатнѣйшими; другіе

стояли въ оградѣ; народъ внѣ монастыря, занимая все обширное Дѣвичье поле. Соборомъ отпѣвъ Литургію, Патріархъ снова, и тщетно, убѣждалъ Бориса не отвергать короны; велѣлъ нести иконы и кресты въ келліи Царицы: тамъ со всѣми Святителями и Вельможами преклонилъ главу до земли . . . . и въ то самое мгновеніе, по данному знаку, все безчисленное множество людей, въ келліяхъ, въ оградѣ, внѣ монастыря, упало на колѣна, съ воплемъ *неслыханнымъ:* всѣ требовали Царя, отца, Бориса! Матери кинули на землю своихъ грудныхъ младенцевъ и не слушали ихъ крика (397). Искренность побѣждала притворство; вдохновеніе дѣйствовало и на равнодушныхъ, и на самыхъ лицемѣровъ! Патріархъ, рыдая, заклиналъ Царицу долго, неотступно, именемъ святыхъ иконъ, которыя предъ нею стояли, — именемъ Христа Спасителя, Церкви, Россіи, дать милліонамъ Православныхъ *Государя благонадежнаго*, ея Великаго брата . . . . Наконецъ услышали слово милости: глаза Царицы, дотолѣ нечувствительной, наполнились слезами. Она сказала: «По «изволенію всесильнаго Бога и Пречистыя Дѣвы «Маріи возмите у меня единороднаго брата на «Царство, въ утоленіе народнаго плача. Да «исполнится желаніе вашихъ сердецъ, ко сча«стію Россіи! Благословляю избраннаго вами и «предаю Отцу Небесному, Богоматери, Святымъ «Угодникамъ Московскимъ и тебѣ, Патріарху — «и вамъ, Святители — и вамъ, Бояре! Да за-

«ступитъ мое мѣсто на престолѣ!» Всѣ упали къ ногамъ Царицы, которая печально взглянувъ на смиреннаго Бориса, дала ему повелѣніе властвовать надъ Россіею. Но онъ еще изъявлялъ нехотѣніе; страшился тягостнаго бремени, возлагаемаго на слабыя рамена его; просилъ избавленія; говорилъ сестрѣ, что она изъ единаго милосердія не должна предавать его въ жертву трону; еще вновь клялся, что никогда умомъ робкимъ не дерзалъ возноситься до сей высоты, ужасной для смертнаго; свидѣтельствовался Окомъ Всевидящимъ и самою Ириною, что желаетъ единственно жить при ней и смотрѣть на ея лице Ангельское (398). Царица уже настояла рѣшительно. Тогда Борисъ какъ бы въ сокрушеніи духа воскликнулъ: «Буди же святая «воля Твоя, Господи! Настави меня на путь пра«вый, и не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ! «Повинуюсь Тебѣ, исполняя желаніе народа.» Святители, Вельможи упали къ ногамъ его. Осѣнивъ животворящимъ крестомъ Бориса и Царицу, Патріархъ спѣшилъ возвѣстить Дворянамъ, Приказнымъ и всѣмъ людямъ, что Господь даровалъ имъ Царя. Невозможно было изобразить общей радости. Воздѣвъ руки на небо, славили Бога (399); плакали, обнимали другъ друга. Отъ келлій Царицыныхъ до всѣхъ концевъ Дѣвичьяго поля гремѣли клики: *слава! слава!*.... Окруженный Вельможами, тѣснимый, лобзаемый народомъ, Борисъ вслѣдъ за Духовенствомъ пошелъ въ храмъ Новодѣвичьей Обители, гдѣ

Патріархъ Іовъ, предъ иконами Владимірской и Донской, благословилъ его на Государство Московское и всея Россіи; нарекъ Царемъ, и возгласилъ ему первое многолѣтіе.

Что по видимому могло быть торжественнѣе, единодушнѣе, законнѣе сего нареченія? и что благоразумнѣе? Премѣнилось только имя Царя: власть Державная оставалась въ рукахъ того, кто уже давно имѣлъ оную, и властвовалъ счастливо для цѣлости Государства, для внутренняго устройства, для внѣшней чести и безопасности Россіи. Такъ казалось; но сей человѣческою мудростію надѣленный Правитель достигъ престола злодѣйствомъ.... Казнь Небесная угрожала Царю преступнику и Царству несчастному.

ГЛАВА IV.

Состоянiе Россiи

въ концѣ XVI вѣка.

Безопасность Россiи въ отношенiи къ сосѣдственнымъ Державамъ. Войско. Жалованье. Доходы. Богатство Строгановыхъ. Судъ и расправа. Пытки и казни. Торговля. Цѣна разныхъ товаровъ. Корабли Россiйскiе Образованiе. Геометрiя и Ариѳметика. Тайное письмо или цыфры. Географiя. Словесность. Художества и ремесла. Москва. Обычаи. Примѣры мѣстничества. Дворъ. Вина иноземныя, меды и яства Русскiя. Хлѣбосольство. Долгая жизнь. Медики. Лекарства. Аптекари. Разныя обыкновенiя. Убогiй домъ. Одежда женщинъ. Забавы. Бани. Пороки. Набожность. Смерть перваго Борисова сына. Юродивые. Терпимость. Унiя въ Литвѣ.

Описавъ судьбу нашего отечества подъ наслѣдственнымъ скиптромъ Монарховъ Варяжскаго племени, заключимъ Исторiю *семи сотъ тридцати-шести лѣтъ* обозрѣнiемъ тогдашняго состоянiя Россiи въ государственномъ и гражданскомъ смыслѣ.

Никогда *внѣшнiя* обстоятельства Московской Державы, основанной, изготовленной къ величiю Iоанномъ III, не казались столь

благопріятными для ея цѣлости и безопасности, какъ въ сіе время. Въ Литвѣ преемникъ Баторіевъ дремалъ на тронѣ, окруженномъ строптивыми, легкомысленными и несогласными Вельможами; Швеція колебалась въ безначаліи; Ханъ умѣлъ только грабить оплошныхъ; Магометъ III въ сильномъ бореніи съ Австріею предвидѣлъ еще опаснѣйшую войну съ Шахомъ — а Россія, почти безъ кровопролитія взявъ неизмѣримыя земли на Сѣверо-Востокѣ, заложивъ крѣпости подъ сѣнію Кавказа, возстановивъ свои древнія грани на скалахъ Корельскихъ, ожидая случая возвратить и другія несчастныя уступки Іоаннова малодушія, города въ Ливоніи и важную пристань Балтійскую, — Россія, спокойная извнѣ, тихая внутри, имѣла войско многочисленнѣйшее въ Европѣ, и еще непрестанно умножала его. Такъ говорятъ иноземные современники о ратныхъ силахъ Ѳеодоровыхъ:

Безопасность Россіи въ отношеніи къ сосѣдственнымъ Державамъ.

Войско.

«Пятнадцать тысячь Дворянъ, раздѣленныхъ на три степени: Большихъ, Среднихъ и Меньшихъ, Московскихъ и такъ называемыхъ *Выборныхъ* (присылаемыхъ въ столицу изъ всѣхъ городовъ, и чрезъ три года смѣняемыхъ иными), составляютъ конную дружину Царскую (400). Шестьдесятъ-пять тысячь всадниковъ, изъ Дѣтей Боярскихъ, ежегодно собирается на бере-

гахъ Оки, въ угрозу Хану. Лучшая пѣхота Стрѣльцы и Козаки: первыхъ 10000, кромѣ двухъ тысячь отборныхъ или Стремянныхъ ([401]); вторыхъ около шести тысячь. На ряду съ ними служатъ 4300 Нѣмцевъ и Поляковъ, 4000 Козаковъ Литовскихъ, 150 Шотландцевъ и Нидерландцевъ, 100 Датчанъ, Шведовъ и Грековъ. Для важнаго ратнаго предпріятія выѣзжаютъ на службу всѣ Помѣстные Дѣти Боярскіе съ своими холопями и *людьми даточными* (изъ отчинъ Боярскихъ и церковныхъ), болѣе крестьянами, нежели воинами, хотя и красиво одѣтыми (въ чистые, узкіе кафтаны съ длиннымъ, отложнымъ воротникомъ): невозможно опредѣлить ихъ числа ([402]), умножаемаго въ случаѣ нужды людьми купецкими, также наемниками и слугами Государя Московскаго, Ногаями, Черкесами, древними подданными Казанскаго Царства. Сборныя областныя дружины называются именами городовъ своихъ: Смоленскою, Новогородскою, и проч.; въ каждой бываетъ отъ 300 до 1200 ратниковъ. Многіе вооружены худо; только пѣхота имѣетъ пищали: но огнестрѣльный снарядъ не уступаетъ лучшему въ Европѣ. Доспѣхи и конскіе приборы Воеводъ, чиновниковъ, Дворянъ блистаютъ свѣтлостію булата и каменьями драгоцѣнными; на знаменахъ, освящаемыхъ Патріархомъ, изображается Св. Георгій ([403]). Въ битвахъ удары конницы бываютъ всегда при звукѣ огромныхъ *набатовъ* (или барабановъ), сурнъ и бубновъ: всадники пускаютъ тучу

стрѣлъ, извлекаютъ мечи, машутъ ими вокругъ головы и стремятся впередъ густыми толпами. Пѣхота, дѣйствуя въ степи противъ Крымцевъ, обыкновенно защищаетъ себя *Гуляемъ*, или подвижнымъ складнымъ городкомъ, возимымъ на телегахъ; то есть, ставятъ два ряда досокъ на пространствѣ двухъ или трехъ верстъ въ длину, и стрѣляютъ изъ сего укрѣпленія сквозь отверстія въ обѣихъ стѣнахъ. Ожидая Хана, Воеводы высылаютъ Козаковъ въ степи, гдѣ изрѣдка растутъ высокіе дубы: тамъ, подъ каждымъ деревомъ, видите двухъ осѣдланныхъ лошадей: одинъ изъ всадниковъ держитъ ихъ за узду, а товарищъ его сидитъ на вершинѣ дуба и смотритъ во всѣ стороны; увидѣвъ пыль, слѣзаетъ немедленно, садится на лошадь, скачетъ къ другому дубу, кричитъ издали и показываетъ рукою, гдѣ видѣлъ пыль; стражъ сего дерева велитъ своему товарищу также скакать къ третьему дереву съ вѣстію, которая въ нѣсколько часовъ доходитъ до ближайшаго города или до передоваго Воеводы.» — Далѣе сіи иноземные наблюдатели, замѣчая (какъ и въ Іоанново время), что Россіяне лучше бьются въ крѣпостяхъ, нежели въ полѣ ([404]), спрашиваютъ: «чего со временемъ нельзя ожидать отъ войска безсмѣтнаго, которое, не боясь ни холода, ни голода и ничего, кромѣ гнѣва Царскаго, съ толокномъ и *сухарями*, безъ обоза и крова, съ неодолимымъ терпѣніемъ скитается въ пустыняхъ Сѣвера, и въ коемъ за славнѣйшее дѣло дается только маленькая золотая

деньга (съ изображеніемъ Св. Георгія), носимая счастливымъ витяземъ на рукавѣ или шапкѣ?»

Жалованье. Но Цари уже не скупились и не щадили казны для лучшаго устройства ополченій. Уже Іоаннъ производилъ денежное жалованье воинамъ въ походахъ (405): Ѳеодоръ или Годуновъ давалъ, сверхъ помѣстныхъ земель, каждому Дворянину и Сыну Боярскому пятнадцатитысячной Царской дружины отъ 12 до 100 рублей; каждому Стрѣльцу и Козаку 7 рублей, сверхъ хлѣбнаго запаса; конному войску на берегахъ Оки около 40,000 рублей ежегодно: что, вмѣстѣ съ платою иноземнымъ воинамъ, (также Боярамъ, Окольничимъ и другимъ знатнѣйшимъ сановникамъ, изъ коихъ первые имѣли 700, а вторые отъ 200 до 400 рублей жалованья) составляло нѣсколько милліоновъ нынѣшнею монетою и свидѣтельствовало овозрастающемъ богатствѣ Россіи, которое еще яснѣе увидимъ изъ слѣдующихъ

Доходы. подробныхъ извѣстій о тогдашнихъ доходахъ государственныхъ (406).

1) Особенная Царская отчина, 36 городовъ съ селами и деревнями, доставляла казнѣ Дворцоваго вѣдомства, сверхъ денежнаго оброка, хлѣбъ, скотъ, птицъ, рыбу, медъ, дрова, сѣно: чего, за содержаніемъ Двора, въ *расточительное* Іоанново время продавалось ежегодно на 60,000

рублей, а въ Ѳеодорово, отъ лучшаго хозяйства, введеннаго Дворецкимъ Григорьемъ Васильевичемъ Годуновымъ, на 230,000 рублей (около 1,150,000 нынѣшнихъ серебряныхъ).

2) *Тягло* и *подать* государственная, съ *вытей* хлѣбомъ, а съ *сохъ* деньгами, приносили казнѣ Четвертнаго ([407]) вѣдомства 400,000 рублей: съ области Псковской 18000, Новогородской 35000, Тверской и Новоторжской 8000, Рязанской 30000, Муромской 12000, Колмогорской и Двинской 8000, Вологодской 12000, Казанской 18000, Устюжской 30000, Ростовской 50000, Московской 40000, Сибирской (мѣхами) 20000, Костромской 12000, и проч.

3) Разныя городскія пошлины: торговыя, судныя, питейныя, банныя, вносимыя въ казну Большаго Прихода (съ Москвы 12000, Смоленска 8000, Пскова 12000, Новагорода 6000, Старой Русы, гдѣ варилась соль, 18000, Торжка 800, Твери 700, Ярославля 1200, Костромы 1800, Нижняго 7000, Казани 11000, Вологды 2000, и проч.) составляли 800,000 рублей, вмѣстѣ съ экономіею Приказовъ Розряднаго, Стрѣлецкаго, Иноземскаго, Пушкарскаго, которые, имѣя свои *особенные* доходы, отсылали сберегаемыя ими суммы въ сей же Большій Приходъ — такъ, что въ сокровищницу Кремлевскую, подъ Ѳеодорову или Годунова печать ([408]), ежегодно вступало, сверхъ главныхъ государственныхъ издержекъ на войско и Дворъ, не менѣе милліона четырехъ сотъ тысячь рублей (*отъ шести до семи милліоновъ*

нынѣшнихъ серебряныхъ). «Не смотря на сіе бо-«гатство» (пишетъ Флетчеръ въ своей книгѣ о Россіи) «Ѳеодоръ, по совѣту Годунова, велѣлъ «перелить въ деньги множество золотыхъ и сере-«бряныхъ сосудовъ, наслѣдованныхъ имъ послѣ «отца: ибо хотѣлъ симъ мнимымъ знакомъ недо-«статка въ монетѣ оправдать тягость налоговъ.»

Къ умноженію государственнаго достоянія, Ѳеодоръ на Соборѣ Духовенства и Бояръ (въ Іюлѣ 1584) подтвердилъ уставъ Іоанновъ 1582 года, чтобы Святители, церкви и монастыри безденежно отдали въ Казну всѣ древнія Княжескія отчины, вмѣстѣ съ землями, имъ заложенными, и впредь до новаго указа отмѣнилъ *тарханныя* или льготныя *грамоты*, которыя знатную часть церковныхъ, Боярскихъ и Княжескихъ имѣній освобождали отъ государственныхъ податей, къ ущербу Казны и ко вреду всѣхъ иныхъ владѣльцевъ: ибо крестьяне уходили отъ нихъ въ *льготныя жительства*, чтобы не платить никакихъ налоговъ ([409]). Въ сей же Соборной грамотѣ сказано: «Земли и села, отказанныя монасты-«рямъ за упокой души, выкупаются наслѣдни-«ками, или, буде ихъ нѣтъ, Государемъ, для «раздачи воинскимъ людямъ,» коимъ уже не доставало земель помѣстныхъ ([410]).

Но обогащеніе Казны, по извѣстію чужестранцевъ ([411]), въ нѣкоторомъ смыслѣ вредило народному благосостоянію: 1) налоги, облегченные Ѳеодоромъ, были все еще тягостны; 2) заведеніе питейныхъ домовъ въ городахъ, умножая пьян-

ство, разоряло мѣщанъ, ремесленниковъ, самыхъ земледѣльцевъ: губило достояніе ихъ и нравственность; 3) отъ монополій Казны терпѣло купечество, лишаемое свободы продавать свои товары, если Царскіе еще лежали въ лавкахъ. Флетчеръ (412) пишетъ, что «между купцами славились богатствомъ одни братья Строгановы, имѣя до трехъ сотъ тысячь (около полутора милліона нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей наличными деньгами, кромѣ недвижимаго достоянія; что у нихъ было множество иноземныхъ, Нидерландскихъ и другихъ мастеровъ на заводахъ, нѣсколько Аптекарей и Медиковъ, 10000 людей вольныхъ и 5000 собственныхъ крѣпостныхъ, употребляемыхъ для варенія и развоза соли, рубки лѣсовъ и воздѣланія земли отъ Вычегды до предѣловъ Сибири; что они ежегодно платили Царю 23000 рублей пошлины, но что Правительство, требуя болѣе и болѣе, то подъ видомъ налога, то подъ видомъ займа, разоряетъ ихъ безъ жалости; что въ Россіи вообще мало богатыхъ людей, ибо Казна все поглощаетъ; что самые *древніе Удѣльные Князья и Бояре живутъ умѣреннымъ жалованьемъ и помѣстнымъ доходомъ* (около тысячи рублей на каждаго), совершенно завися отъ милости Царской.» Однакожь Бояре и многіе сановники имѣли знатныя *отчины*, какъ родовыя,

Богатство Строгановыхъ

такъ и жалованныя; а потомки древнихъ Князей и въ Іоанново время еще владѣли частію ихъ бывшихъ Удѣловъ: на примѣръ, славный Князь Михайло Воротынскій въ 1572 году вѣдалъ треть Воротынска, какъ свою наслѣдственную собственность ([413]).

Судъ и расправа.

Умножая войско и доходы, Правительство занималось, какъ мы видѣли ([414]), и лучшимъ внутреннимъ устройствомъ Государства: радѣло о безопасности лицъ и достоянія. Вопреки сказанію иноземцевъ, что въ Россіи не было тогда никакихъ гражданскихъ законовъ, кромѣ слѣпаго произвола Царей ([415]), сіи *законы*, изданные *первымъ Самодержцемъ* Московскимъ (что достойно примѣчанія), дополненные его сыномъ, исправленные, усовершенные внукомъ, служили неизмѣннымъ правиломъ во всѣхъ тяжбахъ — и Грозный, попирая святые уставы человѣчества, оставлялъ гражданскіе ненарушимыми въ Россіи: не отнималъ даже истинной Царской собственности у тѣхъ, которые могли доказать, что владѣютъ сю долѣе шести лѣтъ ([416]). Именемъ Ѳеодоровымъ издавъ важный политическій законъ объ укрѣпленіи земледѣльцевъ, Годуновъ не прибавилъ ничего болѣе къ Судебнику, но пекся о точномъ исполненіи онаго: желая славиться неумытнымъ правосудіемъ ([417]), ока-

зывалъ его въ дѣлахъ гласныхъ: о чемъ свидѣтельствуютъ и Лѣтописцы, славя счастливый вѣкъ Ѳеодоровъ. Какъ въ Іоанново, такъ и въ сіе время судъ съ расправою земскою зависѣли въ областяхъ, подъ главнымъ вѣдомствомъ Думы, отъ Намѣстниковъ, избираемыхъ изъ Бояръ, Окольничихъ и другихъ знатныхъ сановниковъ. Всѣ Члены Ѳеодоровой Думы были Намѣстниками и рѣдко выѣзжали изъ Москвы (418); но они имѣли товарищей, Тіуновъ, Дьяковъ, которые съ ихъ вѣдома рѣшили дѣла. Пишутъ, что народъ вообще ненавидѣлъ Дьяковъ корыстолюбивыхъ: опредѣляемые всегда на малое время, сіи грамотѣи приказные тѣмъ болѣе спѣшили наживаться всякими средствами; жалобы имѣли дѣйствіе, но обыкновенно уже послѣ смѣны грабителей: тогда судили ихъ строго, лишали всей беззаконной добычи, выставляли на позоръ и сѣкли, привязывая лихоимцу къ шеѣ взятую имъ вещь, кошелекъ съ деньгами, соболя или что другое. Законъ не терпѣлъ никакихъ взятокъ; но хитрецы изобрѣли способъ обманывать его: челобитчикъ, входя къ судьѣ, клалъ деньги предъ образами, будто бы на свѣчи: сію выдумку скоро запретили указомъ. Только въ день Свѣтлаго Воскресенія дозволялось судьямъ и чиновникамъ вмѣстѣ съ краснымъ яйцомъ принимать въ даръ и нѣсколько червонцевъ (коихъ цѣна обыкновенно возвышалась (419) въ сіе время отъ 16 до 24 алтынъ и болѣе). По крайней мѣрѣ видимъ достохвальное

усиліе Правительства искоренять зло, извѣстное и въ вѣки лучшаго гражданскаго

Пытки и казни.

образованія. — Та же ревность къ уменьшенію преступленій ввела или сохраняла у насъ отвратительную для сердца жестокость въ законныхъ пыткахъ (420): чтобы вывѣдать истину отъ уличаемаго преступника, жгли его нѣсколько разъ огнемъ, ломали ему ребра, вбивали гвозди въ тѣло. Убійцъ и другихъ злодѣевъ вѣшали, казнили на плахѣ, или топили, или сажали на колъ. Осужденный, идучи къ лобному мѣсту, держалъ въ связанныхъ рукахъ горящую восковую свѣчу. Для благородныхъ людей воинскихъ облегчали казнь: за что крестьянина или мѣщанина вѣшали, за то Сына Боярскаго сажали въ темницу или сѣкли батогами. Убійца собственнаго холопа наказывался денежною пенею. — Благородные люди воинскіе имѣли еще, какъ пишутъ, странную выгоду въ гражданскихъ тяжбахъ: могли, вмѣсто себя, представлять слугъ своихъ для присяги и для тѣлеснаго наказанія въ случаѣ неплатежа долговъ.

Торговля.

Торговля, хотя отчасти и стѣсняемая казенными монополіями, распространилась въ Ѳеодорово время отъ успѣховъ внутренней промышленности: любопытству и наблюдательному духу Англичанъ, которые всѣхъ болѣе умѣли ею пользоваться,

обязаны мы весьма обстоятельными объ ней свѣдѣніями. «Мало земель въ свѣтѣ (пишутъ «они), гдѣ Природа столь милостива къ людямъ, «какъ въ Россіи, изобильной ся дарами ([421]). Въ «садахъ и въ огородахъ множество вкусныхъ «плодовъ и ягодъ: грушъ, яблокъ, сливъ, дынь, «арбузовъ, огурцевъ, вишни, малины, клубники, «смородины; самые лѣса и луга служатъ вмѣсто «огородовъ. Неизмѣримыя равнины покрыты «хлѣбомъ: пшеницею, рожью, ячменемъ, ов-«сомъ, горохомъ, гречею, просомъ. Изобиліе «раждаетъ дешевизну: четверть пшеницы стоитъ «обыкновенно не болѣе двухъ алтынъ (нынѣш-«нихъ тридцати копѣекъ серебромъ). Одна без-«печность жителей и корыстолюбіе богатыхъ «производятъ иногда дороговизну: такъ въ 1588 «году за четверть пшеницы и ржи платили въ «Москвѣ 13 алтынъ. Хлѣбъ и плоды составляютъ «важный предметъ торговли внутренней; а для «богатства внѣшней Россіяне имѣютъ:

«1) Мѣха, собольи, лисьи, куньи, бобровые, «рысьи, волчьи, медвѣжьи, горностаевые, бѣ-«личьи, коихъ продается въ Европу и въ Азію «(купцамъ Персидскимъ, Турецкимъ, Бухар-«скимъ, Иверскимъ, Армянскимъ) на 500 ты-«сячь рублей.» (Ермаковы и новѣйшія завоева-нія въ сѣверной Азіи обогатили насъ мягкою рухлядью: Ѳеодоръ строго предписалъ Сибир-скимъ Воеводамъ ([422]), чтобы они никакъ не вы-пускали оттуда въ Бухарію ни дорогихъ собо-лей, ни лисицъ черныхъ, ни кречетовъ, нуж-

ныхъ для охоты Царской и для даровъ Европейскимъ Вѣнценосцамъ). «Лучшіе соболи идутъ «изъ земли Обдорской, бѣлые медвѣди изъ Печерской, бобры изъ Колы; куницы изъ Сибири, «Кадома, Мурома, Перми и Казани; бѣлки, горностаи изъ Галича, Углича, Новагорода и «Перми.

«2) Воскъ: его продается ежегодно отъ десяти «до пятидесяти тысячь пудъ ([423]).

«3) Медъ: употребляется на любимое питье «Россіянъ, но идетъ и въ чужія земли, болѣе «изъ областей Мордовской и Черемисской, Сѣ«верской, Рязанской, Муромской, Казанской, «Дорогобужской и Вяземской.

«4) Сало: его вывозится отъ тридцати до ста «тысячь пудъ, болѣе изъ Смоленска, Ярославля, «Углича, Новагорода, Вологды, Твери, Городца; «но и вся Россія, богатая лугами для скотовод«ства, изобилуетъ саломъ, коего мало расхо«дится внутри Государства на свѣчи: ибо люди «зажиточные употребляютъ восковыя, а народъ «лучину.

«5) Кожи, лосьи, оленьи и другія: ихъ отпу«скаютъ за границу до десяти тысячь ([424]). Са«мые большіе лоси живутъ въ лѣсахъ близъ «Ростова, Вычегды, Новагорода, Мурома и Пер«ми; Казанскіе не такъ велики.

«6) Тюленій жиръ: сихъ морскихъ живот«ныхъ ловятъ близъ Архангельска, въ заливѣ «Св. Николая.

«7) Рыбу: лучшею считается такъ называе-

«мая *бѣлая*. Города, славнѣйшіе рыбною лов-«лею, суть Ярославль, Бѣлоозеро, Новгородъ «Нижній, Астрахань, Казань: чѣмъ они прино-«сятъ Царю знатный доходъ.

«8) Икру, бѣлужью, осетровую, севрюжью и «стерляжью: продается купцамъ Нидерланд-«скимъ, Французскимъ, отчасти и Англійскимъ; «идетъ въ Италію и въ Испанію.

«9) Множество птицъ: кречеты продаются «весьма дорогою цѣною.

«10) Ленъ и пеньку: ихъ менѣе отпускается «въ Европу съ того времени, какъ Россія лиши-«лась Нарвы. Льномъ изобилуетъ Псковъ, пень-«кою Смоленскъ, Дорогобужъ и Вязьма.

«11) Соль: лучшія варницы въ Старой Русѣ; «есть и въ Перми, Вычегдѣ, Тотьмѣ, Кинешмѣ, «Соловкахъ. Астраханскія озера производятъ «самосадку: купцы платятъ за нее въ казну по «три деньги съ пуда.

«12) Деготь: его вывозятъ въ большомъ ко-«личествѣ изъ Смоленской и Двинской области.

«13) Такъ называемые *рыбьи зубы* или клыки «моржовые: изъ нихъ дѣлаютъ четки, рукоятки «и проч.; составляютъ также лекарственный по-«рошокъ, будто бы уничтожающій дѣйствіе яда. «Идутъ въ Азію, Персію, Бухарію.

«14) Слюду, употребляемую вмѣсто стекла: «ее много въ землѣ Корельской и на Двинѣ.

«15) Селитру и сѣру: первую варятъ въ Угли-«чѣ, Ярославлѣ, Устюгѣ; вторую находятъ близъ

«Волги (въ озерахъ Самарскихъ), но не умѣютъ «очищать ее.

«16) Желѣзо, весьма ломкое: его добываютъ «въ землѣ Корельской, Каргополѣ и въ Устюгѣ «Желѣзномъ (Устюжнѣ).

«17) Такъ называемый *Новогородскій жемчугъ*, «который ведется въ рѣкахъ близъ Новагорода «и въ Двинской землѣ» ([425]).

За сіи-то многія естественныя богатства Россіи Европа и Азія платили ей отчасти своими издѣліями, отчасти и свойственными ихъ климатамъ дарами Природы. — Означимъ здѣсь цѣну нѣкоторыхъ вещей, привозимыхъ тогда въ Архангельскъ на корабляхъ Лондонскихъ, Голландскихъ и Французскихъ ([426]): лучшій изумрудъ или яхонтъ стоилъ 60 рублей (нынѣшнихъ серебряныхъ 300); золотникъ жемчугу, не самаго мелкаго, 2 р. и болѣе; золота и серебра пряденаго 5 рублей литра; аршинъ бархату, камки, атласу, около рубля; Англійскаго тонкаго сукна поставъ 30 рублей, средняго 12 р., аршинъ 20 алтынъ; кусокъ миткалю 2 р.; бочка вина Французскаго 4 р., лимоновъ 3 р., сельдей 2 р.; пудъ сахару отъ 4 до 6 р., леденцу 10 р., гвоздики и корицы 20 р., пшена Сарацинскаго 4 гривны, масла деревяннаго 1½ р., пороху 3 р., ладону 3 р., ртути 7 р., свинцу 2 р., мѣди въ дѣлѣ 2½ р., желѣза прутоваго 4 гривны, бумаги хлопчатой 2 р., сандалу берковецъ 8 р., стопа писчей бумаги 4 гривны. Сверхъ того иноземцы доставляли намъ множество своей серебряной

монеты, цѣня ефимокъ въ 12 алтынъ; на одномъ караблѣ привозилось иногда до 80,000 ефимковъ, съ коихъ платили пошлину какъ съ товаровъ. Сія пошлина была весьма значительна: на примѣръ, Ногаи, торгуя лошадьми, изъ выручаемыхъ ими денегъ платили въ казну пять со ста, и еще отдавали Царю на выборъ десятую долю табуновъ своихъ; лучшій конь Ногайскій стоилъ не менѣе двадцати рублей.

Довольные выгодною мѣною съ Европейскими народами въ своихъ сѣверныхъ пристаняхъ, купцы наши не мыслили ѣздить моремъ въ иныя земли; но любопытно знать, что мы въ сіе время уже имѣли корабли собственные: Борисовъ Посланникъ въ 1599 году возвратился изъ Германіи на двухъ большихъ морскихъ судахъ, купленныхъ и снаряженныхъ имъ въ Любекѣ, съ кормщикомъ и матрозами Нѣмецкими, тамъ нанятыми ([427]). Корабли Россійскіе.

Нѣкогда столь знаменитая, столь полезная для Россіи торговля Ганзейская, уже безсильная въ совмѣстничествѣ съ Англійскою и съ Голландскою, еще искала древнихъ слѣдовъ своихъ между развалинами Новагорода: Царь въ 1596 году дозволилъ Любеку снова завести тамъ гостиный дворъ съ лавками ([428]); но Шведы мѣшали ея важному успѣху, имѣя Нарву, о коей не

преставали жалѣть Новгородъ, Псковъ и вся Россія.

«Видя въ торговлѣ средство обогащенія для Казны (говоритъ Флетчеръ), и мало заботясь о благосостояніи своего купечества, Цари вообще не доброхотствуютъ и народному образованію; не любятъ новостей, не пускаютъ къ себѣ иноземцевъ, кромѣ людей нужныхъ для ихъ службы, и не дозволяютъ подданнымъ выѣзжать изъ

Образование.

отечества, *боясь просвѣщенія*, къ коему Россіяне весьма способны, имѣя много ума природнаго, замѣтнаго и въ самыхъ дѣтяхъ ([428]): одни Послы или бѣглецы Россійскіе являются изрѣдка въ Европѣ.» Сказаніе отчасти ложное: мы не странствовали, ибо не имѣли обычая странствовать, еще не имѣя любопытства, свойственнаго уму образованному; купцамъ не запрещалось торговать внѣ отечества, и самовластный Іоаннъ посылалъ молодыхъ людей учиться въ Европѣ ([429]). Иноземцевъ же дѣйствительно пускали къ намъ съ разборомъ, и благоразумно. Въ 1591 году Посолъ Рудольфовъ, Николай Варкочь, писалъ къ Борису, что какой-то Италіянскій Графъ Шкотъ, призыванный въ Москву Іоанномъ, желаетъ служить Ѳеодору; что сей Графъ, достойно уважаемый Императоромъ и многими Вѣнценосцами, *знаетъ всѣ языки подъ солнцемъ* и всѣ науки, такъ,

что ни въ Италіи, ни въ Германіи не льзя найти ему подобнаго (430). Борисъ отвѣтствовалъ: «Хва-«лю намѣреніе Графа, мужа столь благороднаго «и столь ученаго. Великій Государь нашъ, жа-«луя всѣхъ иноземцевъ, которые къ намъ пріѣз-«жаютъ, безъ сомнѣнія отличитъ его; но я еще «не успѣлъ доложить о томъ Государю.» Нѣтъ сомнѣнія, что въ Россіи знали и не хотѣли Шкота какъ лазутчика опаснаго или ненадежнаго человѣка: ибо людей ученыхъ мы не отвергали, но звали къ себѣ: на примѣръ, славнаго Математика, Астролога, Алхимика, Джона Ди, коего Елисавета Англійская называла *своимъ Философомъ*, и который находился тогда въ Богеміи: Ѳеодоръ, чрезъ Лондонскихъ купцевъ, предлагалъ ему 2000 фунтовъ стерлинговъ ежегодно, а Борисъ особенно тысячу рублей, столъ Царскій и всю услугу, для того, какъ думали, чтобы пользоваться его совѣтами для открытія новыхъ земель на Сѣверо-Востокѣ, за Сибирію (431); но, вѣроятнѣе, не для того ли, чтобы поручить ему воспитаніе юнаго Борисова сына, отцевскою тайною мыслію уже готовимаго къ Державству? Слава Алхимика и звѣздочета въ глазахъ невѣжества еще возвышала знаменитость Математика. Но Ди, страстный въ воображеніи только къ искусственному золоту Философскаго камня, въ гордой бѣдности отвергнулъ предложеніе Царя, изъявивъ благодарность, и какъ бы угадавъ, по вычетамъ своей любимой Астрологіи, грядущую судьбу Россіи и Дома Бо-

рисова! — Всего ревностнѣе мы искали тогда въ Европѣ Металлургистовъ, для нашихъ Печерскихъ рудниковъ, открытыхъ еще въ 1491 году (432), но едва ли уже не безполезныхъ, за неимѣніемъ людей искусныхъ въ горномъ дѣлѣ: посылая къ Императору (въ 1597 году) Дворянина Вельяминова, Царь приказывалъ ему вызвать къ намъ изъ Италіи, чего бы то ни стоило, *мастеровъ умѣющихъ находить и плавить руду золотую и серебряную*. — Кромѣ четырехъ или пяти тысячь иностранцевъ-воиновъ, нанимаемыхъ Ѳеодоромъ, Московская Яузская Слобода населялась болѣе и болѣе Нѣмцами, которые въ Іоанново время обогащались продажею водки и меда (433), спесивились и роскошествовали до соблазна: жены ихъ стыдились носить не бархатное или не атласное платье. Они въ Борисово царствованіе снова имѣли церковь, и хотя жили особенно, но свободно и дружелюбно сносились съ Россіянами. — Постоянно слѣдуя правиламъ Іоанна III; золотомъ и честію маня къ себѣ художества, искусства, науки Европейскія; размножая церковныя училища и число людей грамотныхъ, Приказныхъ, коимъ самое Дворянство завидовало въ ихъ важности государственной (434), Цари безъ сомнѣнія *не боялись просвѣщенія*, но желали, какъ могли или умѣли, ему способствовать; и если не знаемъ ихъ мысли, то видимъ дѣла ихъ, благопріятныя для гражданскаго образованія Россіи: означимъ нѣкоторые новые плоды онаго.

Измѣреніе и перепись земель, отъ 1587 до 1594 года, въ Двинской области, на обѣихъ сторонахъ Волги ([435]) — вѣроятно, и въ другихъ мѣстахъ — служили, можетъ быть, поводомъ къ сочиненію *первой Россійской Геометріи*, коей списки, намъ извѣстные, не древнѣе XVII вѣка ([436]): «книги *глубокомудрой*, по выраженію Автора, дающей легкій способъ измѣрять мѣста самыя недоступныя, плоскости, высоты и дебри, *радиксомъ и циркуломъ*.» Въ ней изъясняется *сошное* и *вытное письмо*: то есть, раздѣленіе всѣхъ населенныхъ земель въ Россіи, для платежа государственныхъ податей, на сохи и выти (въ сохѣ считалось 800 четвертей доброй земли, а въ выти 12; въ четверти 1200 квадратныхъ саженъ, а въ десятинѣ 2400). — Къ сему времени относимъ и *первую Россійскую Ариѳметику* ([437]), писанную не весьма ясно. Въ предисловіи сказано, что безъ сей *численной Философіи*, *изобрѣтенія Финикійскаго*, *единой изъ семи свободныхъ мудростей*, не льзя быть ни Философомъ, ни Докторомъ, ни гостемъ искуснымъ въ дѣлахъ торговыхъ, и что ея знаніемъ можно снискать великую милость Государеву. Въ концѣ сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о Церковномъ Кругѣ, о составѣ человѣческомъ, о Физіогномикѣ. Въ обѣихъ книгахъ, въ Геометріи и въ Ариѳметикѣ, упо-

Геометрія и Ариѳметика.

требляются въ счисленіи Славянскія буквы
Тайныя цыфры. и цыфирь. Тогда же въ Посольскихъ бумагахъ начали мы употреблять тайныя цыфры: Гонецъ Андрей Ивановъ въ 1590 году писалъ изъ Литвы къ Царю *вязью, литореею и новою азбукою*, взятою у Посла Австрійскаго, Николая Варкоча ([438]). — Такъ называемая *Книга Большаго Чертежа*, или
Географія. древнѣйшая Географія Государства Россійскаго, составлена, какъ вѣроятно, въ царствованіе Ѳеодора: ибо въ ней находимъ имена Курска, Воронежа, Оскола, построенныхъ въ его время, не находя новѣйшихъ, основанныхъ Годуновымъ: Борисова на Донцѣ Сѣверскомъ и Царево-Борисова на устьѣ Протвы ([439]). Сія книга была переписана въ Розрядѣ около 1627 года, и рѣшитъ для насъ многіе важные географическіе вопросы, указывая, на примѣръ, гдѣ была земля Югорская, Обдорія, Батыева столица, Улусы Ногайскіе.

Словесность. Поле Словесности не представляетъ намъ богатой жатвы отъ временъ Іоанна до Годунова; но языкъ украсился какою-то новою плавностію. Истинное, чувствомъ одушевленное краснорѣчіе видно только въ письмахъ Курбскаго къ Іоанну. Причислимъ ли къ Писателямъ и самого Іоанна, какъ творца плодовитыхъ, велерѣчивыхъ посланій, богословскихъ, укорительныхъ и насмѣшливыхъ ([440])? Въ слогѣ его есть

живость, въ Діалектикѣ сила. Лучшими твореніями сего вѣка, въ смыслѣ, правильности и ясности, должно назвать Степенную Книгу, Минею Макаріеву и Стоглавъ ([441]). Вѣроятно, что Митрополитъ Діонисій заслужилъ имя *Граммaтика* какими нибудь уважаемыми сочиненіями; но ихъ не знаемъ. Патріархъ Іовъ описалъ житіе, добродѣтели и кончину Θеодора слогомъ цвѣтистымъ, и не безъ жара; на примѣръ такъ говоритъ о своемъ Героѣ: «Онъ древнимъ Цар«ямъ благочестивымъ равноcлавенъ, нынѣш«нимъ *красота* и *свѣтлость*, будущимъ *слад«чайшая повѣсть; не пригвождаясь* къ суетному «веселенію міра, *умащалъ свою Царскую душу «глаголами Божественными*, и *рукою не скуд«ною* изливалъ милости на вселенную; съ нѣж«ною супругою *преспѣвалъ* въ добродѣтели и въ «вѣрѣ къ Богу ..... имѣлъ единое земное со«кровище, единую *блаженную лѣторасль* корени «Державнаго, и лишился возлюбленной дщери, «чтобы въ сердцѣ, хотя и сокрушенномъ, но съ «умиленіемъ Христіанскимъ предаться въ волю «Отца небеснаго, когда Синклитъ и весь народъ «предавались отчаянію ..... О вѣсть страшная, «вѣсть ужасная: *любимый Царь земли Русскія «отходитъ къ Богу!* .... но не смертію, а слад«кимъ успеніемъ; душа излетаетъ, а тѣло спо«койно и недвижно: не видимъ ни трепета, ни «содроганія .... Се время рыданія, не глаго«ловъ; время молитвы, не бесѣды ..... На «насъ исполнилося вѣщаніе Пророка: *кто дастъ*

«*источникъ слезъ очамъ моимъ, да плачу доволь*-«*но?*... Скорби пучина, сѣтованія бездна!.... «Отселѣ красный, *многолѣтный* престолъ вели-«кія Россіи начинаетъ вдовствовать, и великій «многолюдный градъ Москва пріемлетъ сирот-«ство жалостное ([442]).» Обязанный Борису сво-имъ Первосвятительствомъ и чистосердечно ему преданный, онъ говоритъ объ немъ въ семъ твореніи: «Въ счастливые дни Θеодора Іоанно-«вича *строилъ* подъ нимъ Державу великій шу-«ринъ и Слуга его, мужъ верховный, единствен-«ный въ Россіи не только саномъ, но и разу-«момъ высокимъ, храбростію, вѣрою къ Богу. «Его промысломъ цвѣла сія Держава *въ тишинѣ* «*велелѣпной*, къ изумленію людей и самого Ца-«ря, ко славѣ Правителя не только въ нашемъ «отечествѣ, но и въ дальнихъ предѣлахъ все-«ленныя, откуда знаменитые Послы являлись «здѣсь съ дарами многоцѣнными, рабски благо-«говѣть предъ Царемъ и дивиться свѣтлой кра-«сотѣ лица, мудрости, добродѣтели Правителя, «среди народа, имъ счастливаго, — среди сто-«лицы, имъ украшенной ([443]).» — Іовъ писалъ еще утѣшительное посланіе къ Θеодоровой су-пругѣ, когда она тосковала о милой усопшей до-чери ([444]); заклиналъ Ирину быть не только ма-терію, но и Царицею, и Христіанкою; осуждалъ ея слабость съ ревностію Пастыря, но и жалѣлъ о горестной съ чувствительностію друга, оживляя въ ней надежду дать наслѣдника престолу: сочиненіе достопамятное болѣе своимъ трога-

тельнымъ предметомъ, нежели мыслями и красноречіемъ. Патріархъ, напоминая Иринѣ ученіе Евангельское о довѣренности къ Вышней Благости, прибавляетъ: «Кто лучше тебя знаетъ «Божественное Писаніе? Ты можешь наставлять «иныхъ, храня всю мудрость онаго въ сердцѣ и «въ памяти.» Воспитанная при Дворѣ Іоанно«вомъ, Ирина имѣла просвѣщеніе своего времени: читала Св. Писаніе и знаменитѣйшихъ Отцевъ нашей Церкви. Россіяне уже пользовались печатною Библіею Острожскаго изданія, но Святыхъ Отцевъ читали только въ рукописи (445). Между Славянскими или Русскими переводами древнихъ Авторовъ, тогда извѣстными и сохраненными въ нашихъ библіотекахъ, наименуемъ Галеново разсужденіе о стихіяхъ большаго и малаго міра, о тѣлѣ и душѣ, переведенное съ языка Латинскаго, коимъ, вопреки сказанію одного иноземца-современника, не *гнушались* Россіяне: еще скудные средствами науки, они пользовались всякимъ случаемъ удовлетворять своему любопытству; часто искали смысла, гдѣ его не было отъ неразумія писцевъ или *толковниковъ*, и съ удивительнымъ терпѣніемъ списывали книги, исполненныя ошибокъ. Сей темный переводъ Галена находился въ числѣ рукописей Св. Кирилла Бѣлоезерскаго: слѣдственно уже существовалъ въ XV вѣкѣ (446). — Упомянемъ здѣсь также о рукописномъ Лечебникѣ, въ 1588 году *преложенномъ съ языка Польскаго* для Серпуховскаго Воеводы, Ѳомы Аѳанасьевича Бутур-

лина. Сей памятникъ тогдашней науки и тогдашняго невѣжества любопытенъ въ отношеніи къ языку смѣлымъ переводомъ многихъ именъ и словъ ученыхъ (447).

Можетъ быть, относятся ко временамъ Ѳеодоровымъ или Годунова и старыя пѣсни Русскія, въ коихъ упоминается о завоеваніи Казани и Сибири, о грозахъ Іоанновыхъ, о добродѣтельномъ Никитѣ Романовичѣ (братѣ Царицы Анастасіи), о злодѣѣ Малютѣ Скуратовѣ, о впаденіяхъ Ханскихъ въ Россію. Очевидцы разсказываютъ, дѣти и внуки ихъ воспѣваютъ провсшествія. Память обманываетъ, воображеніе плодитъ, новый вкусъ исправляетъ: но духъ остается, съ нѣкоторыми сильными чертами вѣка — и не только въ нашихъ историческихъ, богатырскихъ, охотничьихъ, но и во многихъ нѣжныхъ пѣсняхъ замѣтна первобытная печать старины: видимъ въ нихъ какъ бы снимокъ подлинника уже неизвѣстнаго; слышимъ какъ бы отзывъ голоса давно умолкшаго; находимъ свѣжесть чувства, теряемую человѣкомъ съ лѣтами, а народомъ съ вѣками. Всѣмъ извѣстна пѣсня о Царѣ Іоаннѣ (448):

Зачиналась каменна Москва,
Зачинался въ ней и Грозный Царь:
Онъ Казань городъ на славу взялъ,
Мимоходомъ городъ Астрахань —

о сынѣ Іоанновомъ, осужденномъ на казнь:

Упадаетъ звѣзда поднебесная,

Угасаетъ свѣча воску яраго:
Не становится у насъ Царевича —

другая о витязѣ, который умираетъ въ дикой степи, на коврѣ, подлѣ огня угасающаго:

Припекаетъ свои раны кровавыя:
Въ головахъ стоитъ животворящій крестъ,
По праву руку лежитъ сабля острая,
По лѣву руку его крѣпкой лукъ,
А въ ногахъ стоитъ его доброй конь;
Онъ кончаяся говоритъ коню:
Какъ умру я, мой доброй конь,
Ты зарой мое тѣло бѣлое
Среди поля, среди чистаго;
Побѣги потомъ во святую Русь:
Поклонись моимъ отцу и матери,
Благословенье свези малымъ дѣтушкамъ;
Да скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ:
Я въ приданое взялъ поле чистое;
Была свахою калена стрѣла,
Положила спать сабля острая.
Всѣ друзья-братья меня оставили,
Всѣ товарищи разъѣхались:
Лишь одинъ ты, мой доброй конь,
Ты служилъ мнѣ вѣрно до смерти —

о воинѣ убитомъ, коему постелею служитъ камышъ, изголовьемъ кустъ ракитовый, одѣяломъ

темная ночь осенняя, и коего тѣло орошается слезами матери, сестры и молодой жены:

Ахъ! мать плачетъ, что рѣка льется;
Сестра плачетъ, какъ ручьи текутъ;
Жена плачетъ, какъ роса падетъ:
Взойдетъ солнце, росу высушитъ.

Сіи и многія иныя стихотворенія народныя, ознаменованныя истиною чувства и смѣлостію языка, если отчасти не слогомъ, то духомъ своимъ ближе къ XVI, нежели къ XVIII вѣку. Сколько пѣсенъ, уже забытыхъ въ столицѣ, болѣе или менѣе древнихъ, еще слышимъ въ селахъ и въ городахъ, гдѣ народъ памятливѣе для любезныхъ преданій старины! Мы знаемъ, что въ Іоанново время толпы скомороховъ (Русскихъ Трубадуровъ) ходили изъ села въ село, веселя жителей своимъ искусствомъ (449): слѣдственно тогдашній вкусъ народа благопріятствовалъ дарованію пѣсенниковъ, коихъ любилъ даже и постникъ Ѳеодоръ (450).

Художества, ремесла.

Сей Царь любилъ и художества: въ его время были у насъ искусные ювелиры (изъ коихъ знаемъ одного Венеціянскаго, именемъ Франциска Асцентини), золотари, швеи, живописцы. Шапка, данная Ѳеодоромъ Патріарху Іереміи, украшенная каменьями драгоцѣнными и ликами Святыхъ,

въ описаніи Арсеніева путешествія названа превосходнымъ дѣломъ Московскихъ художниковъ ([451]). Сей Греческій Епископъ видѣлъ на стѣнахъ Царицыной палаты изящную мусію въ изображеніяхъ Спасителя, Богоматери, Ангеловъ, Іерарховъ, Мучениковъ, а на сводѣ прекрасно сдѣланнаго льва, который держалъ въ зубахъ змѣю съ висящими на ней богатыми подсвѣчниками. Арсеній съ изумленіемъ видѣлъ также множество огромныхъ серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ во дворцѣ; одни имѣли образъ звѣрей: единорога, львовъ, медвѣдей, оленей; другіе образъ птицъ: пеликановъ, лебедей, фазановъ, павлиновъ, и были столь необыкновенной тяжести, что 12 человѣкъ едва могли переносить ихъ съ мѣста на мѣсто. Сіи *чудные* сосуды дѣлались, вѣроятно, въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, и самые тяжелые, вылитые изъ серебра Ливонскаго, добычи Іоаннова оружія. Искусство золотошвеевъ, заимствованное нами отъ Грековъ, издревле цвѣло въ Россіи, гдѣ знатные и богатые люди носили всегда шитую одежду. Ѳеодоръ желалъ завести и шелковую фабрику въ Москвѣ: Марко Чинопи, вызванный имъ изъ Италіи, ткалъ бархаты и парчи, въ домѣ отведенномъ ему близъ Успенскаго Собора. — Размноженіе церквей умножало число иконописцевъ: долго писавъ только образа, мы начали писать и картины, именно въ Ѳеодорово царствованіе, когда двѣ палаты, *Большая Грановитая* (памятникъ Іоанна III) и *Золотая*

Грановитая (сооруженная внукомъ его) украсились живописью (452). Въ первой изображались Господь Саваоѳъ, твореніе Ангеловъ и человѣка, вся Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, мнимое раздѣленіе вселенной между тремя мнимыми братьями Августа Кесаря и дѣйствительное раздѣленіе нашего древняго отечества между сыновьями Св. Владиміра (представленными въ митрахъ, въ одеждахъ камчатныхъ, съ оплечьями и съ поясами златыми) — Ярославъ Великій, Всеволодъ I, Мономахъ въ Царской утвари, Георгій Долгорукій, Александръ Невскій, Даніилъ Московскій, Калита, Донскій и преемники его до самаго Ѳеодора (который, сидя на тронѣ въ вѣнцѣ, въ порфирѣ съ параменникомъ, въ жемчужномъ ожерельѣ, съ златою цѣпію на груди, держалъ въ рукахъ скипетръ и *яблоко Царское;* у трона стоялъ Правитель, Борисъ Годуновъ, въ шапкѣ *мурманкѣ*, въ верхней златой одеждѣ *на опашку*). Въ Палатѣ Золотой, на сводѣ и стѣнахъ, также представлялись Священная и Россійская Исторія, вмѣстѣ съ нѣкоторыми аллегорическими лицами добродѣтелей и пороковъ, временъ года и феноменовъ Природы (весна изображалась отроковицею, лѣто юношею, осень мужемъ съ сосудомъ въ рукѣ, зима старцемъ съ обнаженными локтями; четыре Ангела съ трубами знаменовали четыре вѣтра). Въ нѣкоторыхъ картинахъ, на свиткахъ, слова были писаны *связью*, или невразумительными чертами, вмѣсто обыкновенныхъ буквъ. — Золотая Па–

лата уже не существуетъ (на ея мѣстѣ дворецъ Елисаветинъ); а на стѣнахъ Грановитой давно изглажены всѣ картины, извѣстныя намъ единственно по описанію очевидцевъ ([453]). — Упомянемъ также объ искусствѣ литейномъ: въ Өеодорово время имѣли мы славнаго мастера, Андрея Чохова, коего имя видимъ на древнѣйшихъ пушкахъ Кремлевскихъ: на *Дробовикѣ* (вѣсомъ въ 2400 пудъ), *Троилѣ* и *Аспидѣ*; первая вылита въ 1586, а вторая и третья, называемыя *пищалями*, въ 1590 году.

Москва. Успѣхи гражданскаго образованія были замѣтны и въ наружномъ видѣ столицы. Москва сдѣлалась пріятнѣе для глазъ не только новыми каменными зданіями, но и расширеніемъ улицъ, вымощенныхъ деревомъ, и менѣе прежняго грязныхъ ([454]). Число красивыхъ домовъ умножилось: ихъ строили обыкновенно изъ сосноваго лѣса, въ два или три жилья, съ большими крыльцами, съ дощатыми свислыми кровлями, а на дворахъ лѣтнія спальни и каменныя кладовыя. Высота дома и пространство двора означали знатность хозяина. Бѣдные мѣщане жили еще въ черныхъ избахъ; у людей избыточныхъ въ лучшихъ комнатахъ были изразчатыя печи. Для предупрежденія гибельныхъ пожаровъ чиновники воинскіе лѣтомъ ежедневно объѣзжали городъ, чтобы вездѣ, по изготовленіи кушанья, га-

спть огонь ([455]). Москва — то есть, Кремль, Китай, Царевъ или Бѣлый городъ, новый деревянный, Замоскворѣчье и Дворцовыя слободы за Яузою — имѣла тогда въ окружности болѣе двадцати верстъ. Въ Кремлѣ считалось 35 каменныхъ церквей, а всѣхъ въ столицѣ болѣе четырехъ сотъ, кромѣ придѣловъ: колоколовъ же не менѣе пяти тысячь — «въ часы праздничнаго «звона» (пишутъ иноземцы) «люди не могли въ «разговорѣ слышать другъ друга.» Главный колоколъ, вѣсомъ въ 1000 пудъ, висѣлъ на деревянной колокольнѣ среди Кремлевской площади: въ него звонили, когда Царь ѣхалъ въ дальній путь или возвращался въ столицу, или принималъ знаменитыхъ иноземцевъ. Китай-городъ, обведенный кирпичною, небѣленою стѣною, и соединяемый съ Замоскворѣчьемъ мостами, деревянными, или *живымъ*, и *каменнымъ*, всего болѣе украшался великолѣпною Готическою церковію Василія Блаженнаго и Гостинымъ Дворомъ, раздѣленнымъ на 20 особенныхъ рядовъ: въ одномъ продавались шелковыя ткани, въ другомъ сукна, въ третьемъ серебро, и проч. На Красной площади *лежали* двѣ огромныя пушки. Въ сей части города находились домы многихъ Бояръ, знатныхъ сановниковъ, Дворянъ, именитыхъ купцевъ, и богатый арсеналъ или Пушечный Дворъ; въ Бѣломъ городѣ (названномъ такъ отъ *выбѣленныхъ* стѣнъ) Литейный Дворъ (на берегу Неглинной), Посольскій, Литовскій, Армянскій, площади Конская и Сѣнная, мясный

рядъ, домы Дѣтей Боярскихъ, людей Приказныхъ и купцевъ; а въ деревянномъ городѣ или *Скородомѣ* (то есть, *наскоро выстроенномъ* въ 1591 году) жили мѣщане и ремесленники. Вокругъ зданій зеленѣлись рощи, сады, огороды, луга; у самаго дворца косили сѣно, и три сада Государевы занимали не малое пространство въ Кремлѣ. Мельницы — одна на устьѣ Неглинной, другія на Яузѣ — представляли картину сельскую. Нѣмецкая Слобода не принадлежала къ городу, ни Красное Село, гдѣ обитали семь сотъ ремесленниковъ и торгашей, для коихъ готовила Судьба, къ несчастію Борисова семейства, столь важное дѣйствіе въ нашей Исторіи!

Обычаи и нравы.

Въ Іоанново и Ѳеодорово царствованіе древніе обычаи народные, вѣроятно, мало измѣнились; но въ современныхъ извѣстіяхъ находимъ нѣкоторыя новыя подробности относительно къ сему любопытному для насъ предмету.

Примѣры мѣстничества.

Годуновъ, столь хитрый, столь властолюбивый, не могъ или не хотѣлъ искоренить мѣстничества Бояръ и сановниковъ, которое доходило до крайности непонятной, такъ, что ни одно назначеніе Воеводъ, ни одно распредѣленіе чиновниковъ для придворной службы въ дни торжественные не обходилось безъ распри и суда. Скажемъ примѣръ: Москва (въ 1591 году)

уже слышала топотъ Ханскихъ коней, а Воеводы еще спорили о старѣйшинствѣ и не шли къ мѣстамъ своимъ (456). Изъ любви къ мнимой чести не боялись безчестія истиннаго: ибо жалобщиковъ неправыхъ наказывали даже тѣлесно, иногда и безъ суда: Князя Гвоздева (въ 1589 году) за мѣстничество съ Князьями Одоевскими высѣкли батогами и *выдали* имъ *головою*; то есть, велѣли ему уничиженно молить ихъ о прощеніи. Князя Борятинскаго за споръ съ Шереметевымъ посадили на три дни въ темницу: онъ не смирился; вышелъ изъ темницы и не поѣхалъ на службу. Чѣмъ изъясняется сія странность? Отчасти гордостію, которая естественна человѣку, и во всякихъ гражданскихъ обстоятельствахъ ищетъ себѣ предмета; отчасти самою Политикою Царей: ибо мѣстничествомъ жило честолюбіе, нужное и въ Монархіи неограниченной для ревностной службы отечеству. Нѣтъ обыкновенія, нѣтъ предразсудка совершенно безсмысленнаго въ своемъ началѣ, хотя вредъ и превосходитъ иногда пользу въ дѣйствіи сихъ вѣковыхъ обычаевъ. Годуновъ же могъ имѣть и цѣль особенную, слѣдуя извѣстному злому правилу: *раздоромъ властвуй!* Сіи всегдашнія мѣстничества питали взаимную ненависть между знатнѣйшими родами, Мстиславскими и Шуйскими, Глинскими и Трубецкими, Шереметевыми и Сабуровыми, Куракиными и Шестуновыми (457). Они враждовали: Борисъ господствовалъ!

Но споры о мѣстахъ не нарушали благочинія въ собраніяхъ Двора: все утихало, когда Царь являлся въ величіи разительномъ для Пословъ иноземныхъ (458). «Закрывъ глаза, пишутъ очевидцы, всякой «сказалъ бы, что дворецъ пустъ. Сіи мно«гочисленные, золотомъ облитые санов«ники и безмолвны и недвижимы, сидя на «лавкахъ въ нѣсколько рядовъ, отъ дверей «до трона, гдѣ стоятъ Рынды въ одеждѣ «бѣлой, бархатной или атласной, опушен«ной горностаемъ, въ высокихъ бѣлыхъ «шапкахъ, съ двумя золотыми цѣпями «(крестообразно висящими на груди), съ «драгоцѣнными сѣкирами, поднятыми на «плечо, какъ бы для удара . . . . Во время «торжественныхъ Царскихъ обѣдовъ слу«жатъ 200 или 300 Жильцевъ (459), въ пар«чевой одеждѣ, съ золотыми цѣпями на «груди, въ черныхъ лисьихъ шапкахъ. «Когда Государь сядетъ» (на возвышенномъ мѣстѣ (460), съ тремя ступенями, одинъ за трапезою золотою), «чиновники«служители низко кланяются ему, и по два «въ рядъ идутъ за кушаньемъ. Между тѣмъ «подаютъ водку: на столахъ нѣтъ ничего, «кромѣ хлѣба, соли, уксусу, перцу, ножей «и ложекъ; нѣтъ ни тарелокъ, ни салфе«токъ. Приносятъ вдругъ блюдъ сто и бо«лѣе: каждое, отвѣданное поваромъ при «Стольникѣ, вторично отвѣдывается Край- Дворъ.

«чимъ въ глазахъ Царя, который самъ по-
«сылаетъ гостямъ ломти хлѣба, яства,
«вина, медъ, и собственною рукою, въ
«концѣ обѣда, раздаетъ имъ сушеныя Вен-
«герскія сливы; всякаго гостя отпускаютъ
«домой еще съ цѣлымъ блюдомъ мяса или
«пироговъ. Иногда Послы чужеземные
«обѣдаютъ и дома съ роскошнаго стола
«Царскаго: знатный чиновникъ ѣдетъ из-
«вѣстить ихъ о сей чести и съ ними обѣ-
«дать; 15 или 20 слугъ идутъ вокругъ его
«лошади; Стрѣльцы, богато одѣтые, несутъ
«скатерть, солонки и проч.; другіе (че-
«ловѣкъ 200) хлѣбъ, медъ и множество
«блюдъ, серебряныхъ или золотыхъ, съ
«разными яствами (461).» Чтобы дать поня-
тіе о роскоши и лакомствѣ сего времени,
выписываемъ слѣдующее извѣстіе изъ бу-
магъ Ѳеодорова царствованія (462): въ 1597
году отпускали къ столу Австрійскаго По-
сла изъ *Дворца Сытнаго* семь кубковъ Ро-
манеи, столько же Рейнскаго, Мушкателя,
Французскаго бѣлаго, Бастру (или Канар-
скаго вина), Аликанту и Мальвазіи; 12 ков-
шей меду вишневаго и другихъ лучшихъ;
5 ведръ смородиннаго, можжевеловаго,
черемуховаго и проч.; 65 ведръ малино-
ваго, Боярскаго, Княжаго — изъ *Кормоваго
Дворца* 8 блюдъ лебедей, 8 блюдъ журавлей
съ пряными зельемъ, нѣсколько пѣтуховъ
разсольныхъ съ инбиремъ, курицъ *без-*

Вина иноземныя и яства Русскія.

костныхъ, тетеревей съ шафраномъ, рябчиковъ съ сливами, утокъ съ огурцами, гусей съ пшеномъ Сарацинскимъ, зайцевъ въ лапшѣ и въ рѣпѣ, мозги лосьи (и проч.), ухи шафранныя (бѣлыя и черныя), кальи лимонныя и съ огурцами — изъ *Дворца Хлѣбеннаго* колачи, пироги съ мясомъ, съ сыромъ и сахаромъ, блины, оладьи, кисель, сливки, орѣхи и проч. Цари хотѣли удивлять чужеземцевъ изобиліемъ, и дѣйствительно удивляли.

Древняя Славянская роскошь гостепріимства, извѣстная у насъ подъ кореннымъ Русскимъ именемъ *хлѣбосольства*, оказывалась и въ домахъ частныхъ: для гостей не было скупыхъ хозяевъ. За то самый обидный упрекъ въ неблагодарности выражался словами: «ты забылъ мою хлѣбъ-«соль.» — Сіе изобиліе трапезъ, долгій сонъ полдневный и малое движеніе знатныхъ или богатыхъ людей производили ихъ обыкновенную тучность, вмѣняемую въ достоинство: быть *дороднымъ человѣкомъ* значило имѣть право на уваженіе. Но тучность не мѣшала имъ жить лѣтъ до осмидесяти, ста и ста двадцати. Только Дворъ и Вельможи совѣтовались съ иноземными врачами (463). Θеодоръ имѣлъ двухъ: Марка Ридлея, въ 1594 году присланнаго Англійскою Королевою, и Павла, Миланскаго гражданина: первый жилъ въ

Хлѣбосольство.

Долгая жизнь.

Медики.

Москвѣ пять лѣтъ и возвратился въ Лондонъ; о второмъ въ 1595 году писалъ Генрихъ IV къ Ѳеодору, ласково прося, чтобы Царь отпустилъ его на старости въ Парижъ къ родственникамъ и друзьямъ. Сіе дружелюбное письмо знаменитѣйшаго изъ Монарховъ Франціи осталось для насъ единственнымъ памятникомъ ея сношеній съ Россіею въ концѣ XVI вѣка. — На мѣсто Ридлея Елисавета прислала къ Борису Доктора Виллиса, коего испытывалъ въ знаніяхъ Государственный Дьякъ Василій Щелкаловъ, спрашивая, есть ли у него книги и лекарства? какимъ правиламъ слѣдуетъ, и на пульсѣ ли основываетъ свои сужденія о болѣзняхъ или на состояніи жидкостей въ тѣлѣ? Виллисъ сказалъ, что онъ бросилъ всѣ книги въ Любекѣ, и ѣхалъ къ намъ подъ именемъ купца, зная, какъ въ Германіи и въ другихъ земляхъ неблагопріятствуютъ Медикамъ ѣдущимъ въ Россію; что лучшая книга у него въ головѣ, а лекарства изготовляются Аптекарями, не Докторами; что и пульсъ и состояніе жидкостей въ болѣзни равно важны для наблюдателя искуснаго. Сіи отвѣты казались не весьма удовлетворительными Щелкалову, и Виллиса не старались удержать въ Москвѣ. Борисъ въ 1600 году вызвалъ шесть лекарей изъ Германіи: каждому изъ нихъ онъ давалъ 200 рублей жалованья, сверхъ помѣстья, услуги, стола и лошадей; давалъ имъ и патенты на санъ Докторовъ: сію странную мысль внушилъ ему Елисаветинъ Посланникъ Ли, убѣ-

дивъ его назвать Докторомъ лекаря Рейтлингера, который съ нимъ пріѣхалъ служить Царю.

Мы имѣли тогда и разныхъ Аптекарей: одинъ изъ нихъ, Англичанинъ Френчгамъ, бывъ у насъ еще въ Іоанново время, при Годуновѣ возвратился изъ Лондона съ богатымъ запасомъ цѣлебныхъ растѣній и минераловъ. Другой, Арендъ Клаузендъ, Голландецъ, 40 лѣтъ жилъ въ Москвѣ. Но Россіяне, кромѣ знатныхъ, не вѣрили Аптекамъ: простые люди обыкновенно лечились виномъ съ истертымъ въ немъ порохомъ, лукомъ или чеснокомъ, а послѣ банею. Они не любили выхухоли въ лекарствахъ и никакихъ пилюль; особенно не терпѣли промывательнаго, такъ, что самая крайность не могла побѣдить ихъ упрямства. — Кто, бывъ отчаянно боленъ и соборованъ масломъ, выздоравливалъ, тотъ носилъ уже до смерти черную рясу, подобную монашеской. Женѣ его, какъ пишутъ, дозволялось будто бы выйти за другаго мужа. Мертвыхъ предавали землѣ до сутокъ; богатыхъ оплакивало, и въ домѣ и на могилѣ, множество нанимаемыхъ для того женщинъ, которыя вопили на распѣвъ: «тебѣ ли было оставлять бѣ«лый свѣтъ? не жаловалъ ли тебя Царь «Государь? не имѣлъ ли ты богатства и «чести, супруги милой и дѣтей любез-

Лекарства.

Разныя обыкновенія.

«ныхъ?» и проч. Сорочины заключались пиромъ въ домѣ покойника, и вдова могла, безъ нарушенія пристойности, чрезъ шесть недѣль избрать себѣ новаго супруга. — Флетчеръ увѣряетъ, что въ Москвѣ зимою не хоронили мертвыхъ, а вывозили отпѣтыя тѣла за городъ въ *Божій* (убогій) домъ, и тамъ оставляли до весны, когда земля разступалась и можно было безъ труда копать могилу ([464]).

Убогій домъ.

«Россіяне (пишетъ Маржеретъ), сохра-«няя еще многіе старые обычаи, уже начи-«наютъ измѣняться въ нѣкоторыхъ съ то-«го времени, какъ видятъ у себя иноземм-«цевъ. Лѣтъ за 20 или за 30 предъ симъ, «въ случаѣ какого нибудь несогласія, они «говорили другъ другу безъ всякихъ опи-«няковъ, слуга Боярину, Бояринъ Царю, «даже Іоанну Грозному: *ты думаешь лож-«но, говоришь неправду*. Нынѣ менѣе грубы «и знакомятся съ учтивостію; однакожь «мыслятъ о чести не такъ, какъ мы: на «примѣръ, не терпятъ поединковъ и хо-«дятъ всегда безоружные, въ мирное время «вооружаясь единственно для дальнихъ пу-«тешествій; а въ обидахъ вѣдаются су-«домъ. Тогда наказываютъ виновнаго ба-«тожьемъ, въ присутствіи обиженнаго и «судьи, или денежною пенею, именуемою «*безчестьемъ*, соразмѣрно жалованью ист-«ца: кому даютъ изъ Царской казны ежс-

«годно 15 рублей, тому и безчестья 15 руб-
«лей, а женѣ его вдвое: ибо она считает-
«ся оскорбленною вмѣстѣ съ мужемъ. За
«обиду важную сѣкутъ кнутомъ на площа-
«дяхъ, сажаютъ въ темницу, ссылаютъ.
«Правосудіе ни въ чемъ не бываетъ такъ
«строго, какъ въ личныхъ оскорбленіяхъ
«и въ доказанной клеветѣ. Для самыхъ
«иноземцевъ поединокъ есть въ Россіи
«уголовное преступленіе.»

Женщины, какъ у древнихъ Грековъ или у Восточныхъ народовъ, имѣли особенныя комнаты и не скрывались только отъ ближнихъ родственниковъ или друзей. Знатныя ѣздили зимою въ саняхъ, лѣтомъ въ колымагахъ, а за Царицею (когда она выѣзжала на богомолье или гулять) верхомъ, въ бѣлыхъ поярковыхъ шляпахъ, обшитыхъ тафтою тѣлеснаго цвѣта, съ лентами, золотыми пуговицами и длинными, до плечь висящими кистями (465). Дома онѣ носили на головѣ шапочку тафтяную, обыкновенно красную, съ шелковымъ бѣлымъ повойникомъ или шлыкомъ; сверху для наряда большую парчевую шапку, унизанную жемчугомъ (а незамужнія, или еще бездѣтныя, черную лисью); золотыя серги съ изумрудами и яхонтами, ожерелье жемчужное, длинную и широкую одежду изъ тонкаго краснаго сукна, съ висящими рукавами, застегну- Верховая ѣзда и нарядъ женщинъ.

тыми дюжиною золотыхъ пуговицъ, и съ отложнымъ до половины спины воротникомъ собольимъ; подъ сею верхнею одеждою другую, шелковую, называемую *лѣтникомъ*, съ рукавами надѣтыми и до локтя обшитыми парчею; подъ лѣтникомъ *ферезь*, застегнутую до земли; на рукахъ запястье, пальца въ два шириною, изъ каменьевъ драгоцѣнныхъ; сапожки сафьянные, желтые, голубые, вышитые жемчугомъ, на высокихъ каблукахъ: всѣ, молодыя и старыя бѣлились, румянились, и считали за стыдъ не расписывать лицъ своихъ.

Забавы. Между забавами сего времени такъ описываютъ любимую Ѳеодорову — *медвѣжій бой* (466): «Охотники Царскіе, подобно Рим«скимъ Гладіаторамъ, не боятся смерти, «увеселяя Государя своимъ дерзкимъ искус«ствомъ. Дикихъ медвѣдей, ловимыхъ обы«кновенно въ ямы или тенетами, держатъ «въ клѣткахъ. Въ назначенный день и часъ «собирается Дворъ и несмѣтное число лю«дей предъ ѳеатромъ, гдѣ должно быть «*поединку*: сіе мѣсто обведено глубокимъ «рвомъ для безопасности зрителей и для «того, чтобы ни звѣрь, ни охотникъ не «могли уйти другъ отъ друга. Тамъ являет«ся смѣлый боецъ съ рогатиною, и выпу«скаютъ медвѣдя, который, видя его, ста«новится на дыбы, реветъ и стремится къ «нему съ отверстымъ зѣвомъ. Охотникъ

«недвижимъ: смотритъ, мѣтитъ — и силь-«нымъ махомъ вонзаетъ рогатину въ «звѣря, а другой конецъ ея прижимаетъ «къ землѣ ногою. Уязвленный, яростный «медвѣдь лѣзетъ грудью на желѣзо, оро-«шаетъ его своею кровію и пѣною, ломитъ, «грызетъ древко — и если одолѣть не мо-«жетъ, то, падая на бокъ, съ послѣднимъ «глухимъ ревомъ издыхаетъ. Народъ, до-«селѣ безмолвный, оглашаетъ площадь «громкими восклицаніями живѣйшаго удо-«вольствія, и Героя ведутъ къ погребамъ «Царскимъ пить за Государево здравіе: «онъ счастливъ сею единственною награ-«дою, или тѣмъ, что уцѣлѣлъ отъ ярости «медвѣдя, который въ случаѣ неискусства «или малыхъ силъ бойца, ломая въ куски «рогатину, зубами и когтями растерзы-«ваетъ его иногда въ минуту.»

Говоря о страсти Московскихъ жителей къ банямъ, Флетчеръ всего болѣе удивлялся нечувствительности ихъ къ жару и холоду, видя, какъ они въ жестокіе морозы выбѣгали изъ бань нагіе, раскаленные, и кидались въ проруби. Бани.

Извѣстіе сего наблюдателя о тогдашней нравственности Россіянъ не благопріятствовало ихъ самолюбію: какъ Писатель учтивый предполагая исключенія, онъ укорялъ Москвитянъ лживостію и слѣдствіемъ ея, недовѣрчивостію безпредѣльною, изъ- Пороки.

ясвяясь такъ: «Москвитяне никогда не вѣ-«рятъ словамъ, ибо никто не вѣритъ ихъ «слову» ([468]). Воровство и грабежъ, по его сказанію, были часты, отъ множества бродягъ и нищихъ, которые, неотступно требуя милостыни, говорили всякому встрѣчному: «дай мнѣ, или убей меня!» Днемъ они просили, ночью крали или отнимали, такъ, что въ темный вечеръ люди осторожные не выходили изъ дому. — Флетчеръ, ревностный слуга Елисаветинъ, врагъ Западной Церкви, несправедливо осуждая и въ нашей все то, что сходствовало съ уставами Римской, излишно чернитъ нравы монастырскіе, но признается, что
Набожность. искренняя набожность господствовала въ Россіи. Угождая ли общему расположенію умовъ, или въ терзаніяхъ совѣсти надѣясь успокоить ее дѣйствіями внѣшняго благочестія, самъ Годуновъ казался весьма набожнымъ: въ 1588 году имѣя только одного сына-младенца, зимою носилъ его больнаго, безъ всякой предосторожности, въ
Смерть перваго Борисова сына. Юродивые. церковь Василія Блаженнаго, и не слушалъ врачей: младенецъ умеръ ([469]). Тогда же былъ въ Москвѣ юродивый, уважаемый за дѣйствительную или мнимую святость: съ распущенными волосами ходя по улицамъ нагой въ жестокіе морозы, онъ предсказывалъ бѣдствія и торжественно злословилъ Бориса; а Борисъ молчалъ, и не смѣлъ

сдѣлать ему ни малѣйшаго зла, опасаясь ли народа, или вѣря святости сего человѣка. Такіе юродивые, или блаженные, нерѣдко являлись въ столицѣ, носили на себѣ цѣпи или вериги, могли всякаго, даже знатнаго человѣка укорять въ глаза беззаконною жизнію и брать все, имъ угодное, въ лавкахъ безъ платы: купцы благодарили ихъ за то, какъ за великую милость. Увѣряютъ, что современникъ Іоанновъ, Василій Блаженный, подобно Николѣ Псковскому (470), не щадилъ Грознаго и съ удивительною смѣлостію вопилъ на стогнахъ о жестокихъ дѣлахъ его.

Упрекая Россіянъ суевѣріемъ, иноземцы хвалили однакожь ихъ терпимость, которой мы не измѣняли отъ временъ Олеговыхъ до Θеодоровыхъ, и которая въ нашихъ лѣтописяхъ остается явленіемъ достопамятнымъ, даже удивительнымъ: ибо чѣмъ изъяснить ее? Просвѣщеніемъ ли, котораго мы не имѣли? Истиннымъ ли понятіемъ о существѣ Вѣры, о коемъ спорили и Философы и Богословы? Равнодушіемъ ли къ ея Догматамъ въ Государствѣ искони набожномъ? Или естественнымъ умомъ нашихъ древнихъ Князей воинственныхъ, которые хотѣли тѣмъ облегчить для себя завоеванія, не тревожа совѣсти побѣждаемыхъ, и служили образцемъ для своихъ преемниковъ, оставивъ Терпимость.

имъ въ наслѣдіе и земли разновѣрныя и миръ въ земляхъ (471)? То есть, назовемъ ли сію терпимость единственно политическою добродѣтелію? Во всякомъ случаѣ она была выгодою для Россіи, облегчивъ для насъ и завоеванія и самые успѣхи въ гражданскомъ образованіи, для коихъ мы долженствовали заманивать къ себѣ иновѣрцевъ, пособниковъ сего великаго дѣла.

Къ счастію же нашему, естественные враги Россіи не слѣдовали ея благоразумной системѣ: Магометане, язычники покланялись у насъ Богу, какъ хотѣли; а въ Литвѣ неволили Христіанъ Восточной Церкви быть Папистами: говоримъ о началѣ такъ называемой *Уніи* въ Сигизмундово время, происшествіи важномъ своими политическими слѣдствіями, коихъ не могли ни желать, ни предвидѣть ея виновники.

Унія въ Литвѣ.

Духовенство Литовское, отвергнувъ Уставъ Флорентійскій (472), снова чтило въ Константинопольскомъ Первосвятителѣ Главу своей Церкви: Патріархъ Іеремія на возвратномъ пути изъ Москвы заѣхалъ въ Кіевъ, отрѣшилъ тамошняго Митрополита Онисифора, какъ двоеженца, и на его мѣсто посвятилъ Михаила Рагозу; судилъ Епископовъ, наказывалъ Архимандритовъ недостойныхъ (473). Сія строгость произвела неудовольствіе; дѣйствовали и другія причины: домогательство Папы и воля Ко-

ролевская, обольщенія, угрозы. Еще въ 1581 году хитрый Іезуитъ Антоній Поссевинъ, обманутый не менѣе хитрымъ Іоанномъ, съ береговъ Шелоны писалъ къ Григорію XIII, что для удобнѣйшаго обращенія *Московскихъ еретиковъ* должно прежде озарить свѣтомъ истины Кіевъ, колыбель ихъ Вѣры (171): совѣтовалъ ему войти въ сношеніе съ Митрополитомъ и съ Епископами Литовскими, послать къ нимъ мужа ученаго, благоразумнаго, который могъ бы убѣжденіями и ласками изготовить торжество Римской Церкви въ *землѣ раскола*. Антоній писалъ и дѣйствовалъ: внушилъ Баторію мысль завести Іезуитское училище въ Вильнѣ, чтобы воспитывать тамъ бѣдныхъ отроковъ Греческаго Исповѣданія въ правилахъ Римскаго; старался о переводѣ славнѣйшихъ книгъ Латинской Богословіи на языкъ Россійскій; самъ ревностно проповѣдывалъ, и не безъ успѣха, такъ, что многіе Литовскіе Дворяне начали говорить о соединеніи Церквей и благопріятствовать Западной, угождая болѣе міру, нежели совѣсти: ибо, не взирая на свои права и вольности, утверждаемыя Королями и Сеймами, единовѣрцы наши въ Литвѣ долженствовали вездѣ и всегда уступать первенство Католикамъ; бывали даже тѣснимы, — жаловались и не находили управы. Колебались умы и самыхъ духовныхъ сановниковъ: ибо Папа и Сигизмундъ III, исполняя совѣтъ Іезуита Антонія, съ одной стороны предлагали имъ выгоды, честь и доходы новые, а

съ другой представляли униженіе Византійской Церкви подъ игомъ Оттомановъ. Не грозили насиліемъ и гоненіемъ; однакожь, славя счастіе единовѣрія въ Государствѣ, напоминали о непріятностяхъ, которыя испытало Духовенство въ Литвѣ, отвергнувъ Уставъ Флорентійскій (475). Еще Митрополитъ Рагоза таилъ свою измѣну, хвалился усердіемъ къ Православію и велѣлъ сказать Московскимъ Посламъ, ѣхавшимъ въ Австрію чрезъ владѣнія Сигизмундовы, что не смѣетъ видѣться съ ними, будучи въ опалѣ, въ гоненіи за твердость въ Догматахъ Восточной Церкви, всѣми оставляемой, совершенно беззащитной; что за него стоялъ одинъ Воевода Новогородскій, Ѳедоръ Скуминъ, но и тотъ уже безмолвствуетъ въ страхѣ; что Папа неотмѣнно требуетъ отъ Короля и Вельможъ присоединенія Литовскихъ Епархій къ Церкви Римской, и хочетъ отдать Кіевскую Митрополію своему Епископу; что онъ (Митрополитъ) долженъ неминуемо сложить съ себя Первосвятительство и заключиться въ монастырѣ (476). Послы совѣтовали ему быть непреклоннымъ въ бурѣ и лучше умереть, нежели предать святую паству *на расхищеніе волкамъ Латинства*. Михаилъ, лукавый и корыстолюбивый, хотѣлъ еще *въ послѣдній разъ* нашего золота, и взялъ въ задатокъ нѣсколько червонцевъ: ибо Цари, не безъ хитрости, давали *милостыню* Духовенству Литовскому, чтобы оно питало въ народѣ любовь къ своимъ единовѣрнымъ братьямъ. Въ томъ же

(1595) году сей лицемѣръ, призвавъ въ Кіевъ всѣхъ Епископовъ, усовѣтовалъ съ ними искать мира и безопасности въ нѣдрахъ Западной Церкви. Только два Святителя, Львовскій Гедеонъ Балабанъ и Михаилъ Премышльскій, изъявили сопротивленіе; но ихъ не слушали, и, къ живѣйшему удовольствію Короля, послали Епископовъ, Ипатія Владимірскаго и Кирилла Луцкаго, въ Римъ, гдѣ, въ храминѣ Ватиканской, они торжественно лобызали ногу Климента VIII, и предали ему свою Церковь.

Сіе происшествіе исполнило радости Папу и Кардиналовъ: славили Бога; честили Пословъ *Духовенства Россійскаго* (такъ назвали Епископовъ Владимірскаго и Луцкаго, чтобы возвысить торжество Рима); отвели имъ великолѣпный домъ — и когда, послѣ многихъ совѣщаній, всѣ затрудненія исчезли; когда Послы обязались клятвою въ вѣрномъ наблюденіи Устава Флорентійскаго, принявъ за истину исхожденіе Св. Духа отъ Отца *и Сына*, Бытіе Чистилища, первенство Епископа Римскаго, но удерживая древній чинъ Богослуженія и языкъ Славянскій — тогда Папа обнялъ, благословилъ ихъ съ любовію, и Правитель его Думы, Сильвій Антонинъ, сказалъ громогласно: «Наконецъ, чрезъ 150 «лѣтъ (послѣ Флорентійскаго Собора) возвращаетесь вы, о Епископы Россійскіе! къ камению Вѣры, на коемъ Христосъ утвердилъ Церковь; къ горѣ святой, гдѣ самъ Всевышній «обитать благоизволилъ; къ матери и настав-

«ницѣ всѣхъ Церквей, къ единой истинной — «Римской!» Пѣли молебны, на память вѣкамъ внесли въ лѣтописи церковныя *повѣсть о возсіяніи новаго свѣта въ странахъ полунощныхъ;* вырѣзали на мѣди образъ Климента VIII, Россіянина падающаго ницъ предъ его трономъ и надпись Латинскую: Ruthenis receptis (477)…. Однакожь радость была не долговременна.

Во-первыхъ, Святители Литовскіе, измѣняя Православію, надѣялись, по обѣщанію Климентову, засѣдать въ Сенатѣ наравнѣ съ Латинскимъ Духовенствомъ, но обманулись: Папа не сдержалъ слова, отъ сильнаго противорѣчія Епископовъ Польскихъ, которые не хотѣли равняться съ Уніатами. Во-вторыхъ, не только Святитель Львовскій, Гедеонъ, со многими другими духовными сановниками, но и нѣкоторые знатнѣйшіе Вельможи, наши единовѣрцы, воспротивились Уніи: особенно Воевода Кіевскій, славный богатствомъ и душевными благородными свойствами, Князь Константинъ Острожскій. Говорили и писали, что сіе мнимое соединеніе двухъ Вѣръ есть обманъ; что Митрополитъ и клевреты его приняли Латинскую, единственно для вида удержавъ обряды Греческой. Народъ волновался; храмы пустѣли. Чтобы важнымъ, священнымъ дѣйствіемъ Церковнаго Собора утишить раздоръ, всѣ Епископы съѣхались въ Брестѣ, гдѣ присутствовали и Вельможи Королевскіе, Послы Климента VIII и Патріарха Византійскаго; но, вмѣсто мира, усилилась вражда.

Соборъ раздѣлился на двѣ стороны; одна предала анаѳемѣ другую — и съ сего времени существовали двѣ Церкви въ Литвѣ: *Уніатская* или *Соединенная*, и *Благочестивая* или *Несоединенная.* Первая зависѣла отъ Рима, вторая отъ Константинополя. Уніатская, подъ особою защитою Королей и Сеймовъ, усиливалась, гнала Благочестивую въ ея сиротствѣ жалостномъ — и долго стонъ нашихъ единовѣрныхъ братьевъ исчезалъ въ воздухѣ, не находя ни милосердія, ни справедливости въ верховной власти. Такъ одинъ изъ сихъ ревностныхъ Христіанъ Греческаго Исповѣданія торжественно, на Сеймѣ, говорилъ Королю Сигизмунду (478): «Мы, усердные сыны Республики, готовы стоять за ея «цѣлость; но можемъ ли итти на враговъ внѣшнихъ, терзаемые внутреннимъ: злобною Уніею, «которая лишаетъ насъ и безопасности гражданской и мира душевнаго? Можемъ ли своею «кровію гасить пылающія стѣны отечества, видя «дома пламень, никѣмъ не гасимый? Вездѣ храмы наши затворены, Священники изгнаны, «достояніе церковное расхищено; не крестятъ «младенцевъ, не исповѣдуютъ умирающихъ, «не отпѣваютъ мертвыхъ, и тѣла ихъ вывозятъ какъ стерво въ поле. Всѣхъ, кто не «измѣнилъ Вѣрѣ отцевъ, удаляютъ отъ чиновъ гражданскихъ; благочестіе есть опала; «законъ не блюдетъ насъ . . . вопіемъ: не слушаютъ! . . . Да прекратится же тиранство! или «(о чемъ не безъ ужаса помышляемъ) можемъ

«воскликнуть съ Пророкомъ: *суди ми, Боже,* «*и разсуди прю мою!*» Сія угроза исполнилась позднѣе, и мы, въ счастливое царствованіе Алексія, столь легко пріобрѣли Кіевъ съ Малороссіею отъ насилія Уніатовъ.

Такимъ образомъ Іезуитъ Антоній, Король Сигизмундъ и Папа Климентъ VIII, ревностно дѣйствуя въ пользу Западной Церкви, невольно содѣйствовали величію Россіи!

КОНЕЦЪ X ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ X.

ГЛАВА I.

ЦАРСТВОВАНІЕ ѲЕОДОРА ІОАННОВИЧА.

Г. 1584—1587.

Стр.

ГЛАВА II.

Г. 1587—1592.

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ѲЕОДОРОВА ЦАРСТВОВАНІЯ.

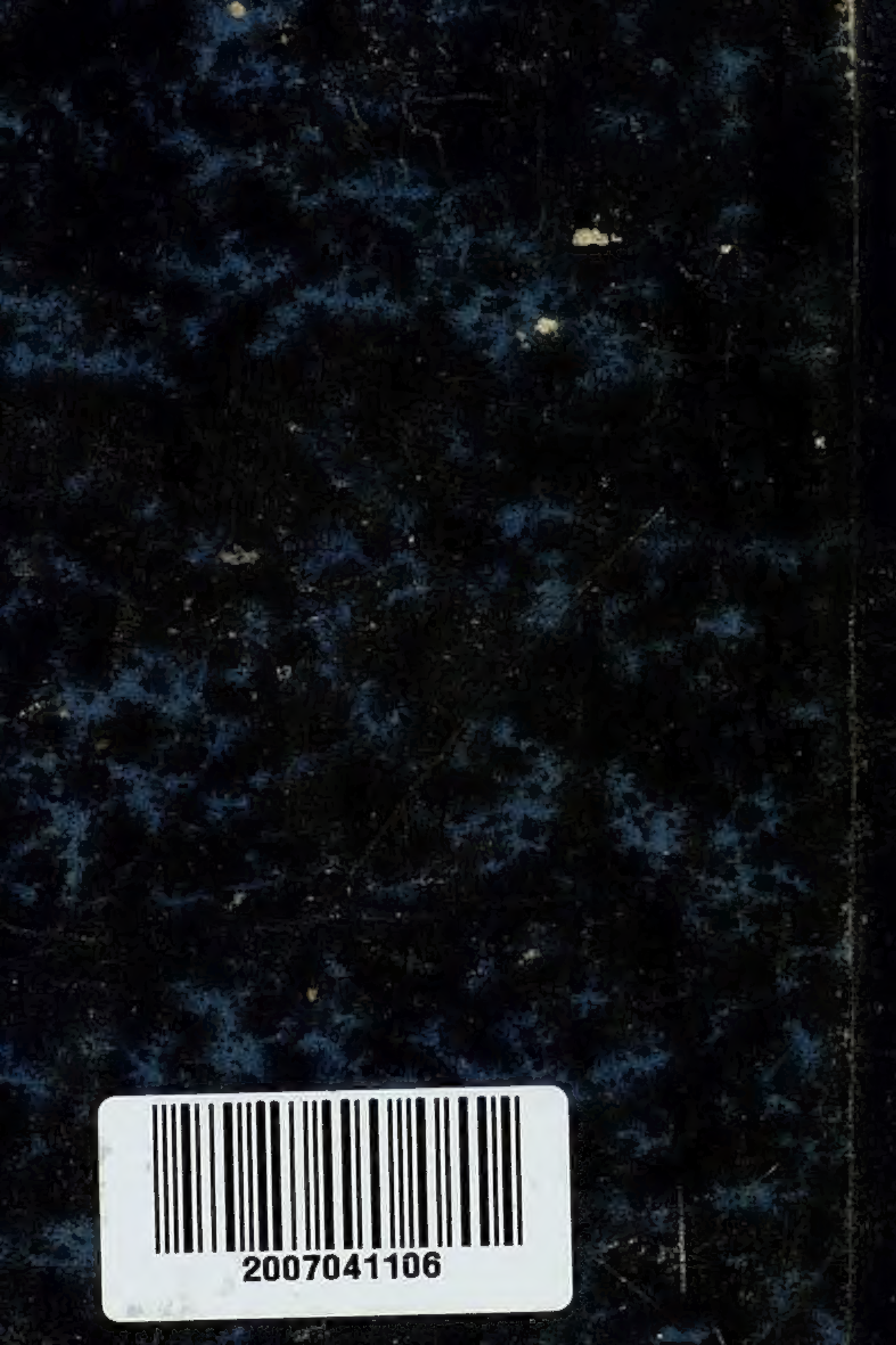
Г. 1591—1598.

ГЛАВА IV.

СОСТОЯНІЕ РОССІИ

въ концѣ XVI вѣка.

2007041106